

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

СЕНТЯБРЬ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнѣревъ и К^о,
Пяменовская улица, соб. домъ.

1891.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ОТРАВА ЖИЗНИ. (Комедія въ пяти дѣйств.).—В. А. Крылова.	1
II. ДЖАЛАЛЕДДИНЪ: Повѣсть Раффи. Переводъ съ армянскаго.	72
III. БРАТЯ ГОРДЪЕВЫ. (Повѣсть).—Д. Н. Мамина-Сибиряка.	111
IV. ЗОРОАСТРЪ. Романъ Маріона Крауффорда. Гл. I—V. Переводъ съ англійскаго В. М. С.	146
V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—В. Л. Величко.	195
VI. СМѢНА. (Романъ). Часть II, гл. III и IV. <i>Продолженіе</i> .—А. И. Эртеля.	196
VII. ЗЕМСКІЕ ФИНАНСЫ.—Н. Н. Нечаева.	1
VIII. О ПОВѢСТЯХЪ ЭЛИЗЫ ОЖЕНКОВОЙ. (По поводу двадцатипятилѣтія ея литературной дѣятельности).—В. А. Гольцева.	43
IX. СОВРЕМЕННЫЙ ВЕЛИКОРУССЪ ВЪ ЕГО СВАДЕБНЫХЪ ОБЫЧАЯХЪ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ.—Л. П. Весина.	59
X. СЕРГѢЙ ТИМОФЕЕВИЧЪ АКСАКОВЪ. (20 сентября 1791 г.—20 сентября 1891 г.).—П. Н. Милюкова.	89
XI. ПО ПОВОДУ ШЕСТИСОТЛѢТІЯ ШВЕЙЦАРСКОЙ КОНФЕДЕРАЦІИ.—И. Н. Н—ой.	107
XII. ПИСЬМА О ЛИТЕРАТУРѢ.—М. А. Протопопова.	119
XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Послѣдствія запрещенія вывоза ржи.—Новыя мѣры помощи неурожайнымъ губерніямъ.—Вы-	

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

КНИГА IX.

МОСКВА.

—
1891.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/54

70 1000
ANNOUNCED

Москва. Типо-литограф. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

APSC
KSP5
v. 12:9
MAIN

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
I. ОТРАВА ЖИЗНИ. (Комедія въ пяти дѣйств.).—В. А. Крылова.	1
II. ДЖАЛАЛЕДДИНЪ. Повѣсть Раффи. Переводъ съ армянскаго.	72
III. БРАТЯ ГОРДѢВЫ. (Повѣсть).—Д. Н. Мамма-Сибиряка .	111
IV. ЗОРОАСТРЪ. Романъ Маріона Крауфорда. Гл. I—V. Переводъ съ англійскаго В. М. С.	146
V. СТИХОТВОРЕНІЕ.— В. Л. Величко.	195
VI. СМѢНА. (Романъ). Часть II, гл. III и IV. <i>Продолженіе</i> .—А. И. Эртеля	196
VII. ЗЕМСКІЕ ФИНАНСЫ.— Н. Н. Нечаева.	1
VIII. О ПОВѢСТЯХЪ ЭЛИЗЫ ОЖЕШКОВОЙ. (По поводу двадцатипятилѣтія ея литературной дѣятельности).— В. А. Гольцева.	43
IX. СОВРЕМЕННЫЙ ВЕЛИКОРУССЪ ВЪ ЕГО СВАДЕБНЫХЪ ОБЫЧАЯХЪ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ.—Л. П. Весина	59
X. СЕРГѢЙ ТИМОФЕЕВИЧЪ АКСАКОВЪ. (20 сентября 1791 г.—20 сентября 1891 г.).—П. Н. Милокова.	89
XI. ПО ПОВОДУ ШЕСТИСОТЛѢТІЯ ШВЕЙЦАРСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ.—И. Н. К—ой.	107
XII. ПИСЬМА О ЛИТЕРАТУРѢ.—М. А. Протопопова.	119
XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Послѣдствія запрещенія вывоза ржи.—Новыя мѣры помощи неурожайнымъ губерніямъ.—Вы-	

пускъ 25 милл. р. кредитныхъ билетовъ.—Экзамены въ высшихъ специальныхъ училищахъ.— Электро-технической институтъ.— Наша система технического образования.— Нижегородская ярмарка.— Уссурийская желѣзная дорога.	135
XIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	162
XV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Современныя задачи біологіи.— М. А. Мензбира	170
XVI. ФРАНЦУЗСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ МОСКВѢ	192
XVII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Исторія литературы и біографіи.— Антропологія и этнографія.— Политическая экономія и статистика.— Юридическія книги.— Технические книги.— Медицина.— Учебники и пособія. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», августъ.— «Вѣстникъ Воспитанія», кн. I—V	381

ОТРАВА ЖИЗНИ.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Глазовъ, Николай Ивановичъ, губернаторъ.
Глазова, Марья Яковлевна, его жена.
Зуринъ, Павелъ Кондратьичъ, вице-губернаторъ.
Утроцій, Александръ Алексѣичъ, губернской предводитель дворянства.
Аргунинъ, Артамовъ Сергѣичъ, адвокатъ.
Софья, его дочь.
Прощалинъ, Антоъ Саввичъ, директоръ городского банка.
Прощалина, Любовь Андреевна, его жена.
Савицій, Семень Ѳедоровичъ, ея племянникъ.
Роцинъ, Иванъ Тимоѣичъ, служить при желѣзной дорогѣ.
Тенетовъ, докторъ.
Николаевъ, Павелъ Дмитріевичъ, молодой адвокатъ.
Нарьяновъ, частный повѣренный.
Сысоева, Анна Савишна.
Желявина, Вѣра Павловна.
Кротовъ.
Антоновъ, Илья, мѣщанинъ.
Жигулева, Авдотья Даниловна, мѣщанка.
Судебный приставъ.
Нурьеръ у губернатора.
Оля. горничная } у Аргунина.
Слуга }

Публика въ судѣ, гости у губернатора.

Дѣйствіе происходитъ въ большомъ губернскомъ городѣ, въ наши дни.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Зала въ окружномъ судѣ.

При поднятїи занавѣса группа дамъ и мужчинъ. По залѣ, время отъ времени, проходятъ разнообразная публика и служащіе въ судѣ. Оживленный говоръ.

1.

Желявина, Роцинъ и другіе, потомъ Сысоева, позже Прощалина и Прощалинъ.

Желявина. — Надо Павла Дмитріевича спросить, я вѣрю только одному Павлу Дмитріевичу.

Роцинъ.—Тутъ всякому ясно...

Желявина.—Ну, да судъ всякіе сюрпризы бываютъ. Кажется, вотъ-вотъ иначе и быть невозможно, а судъ рѣшаетъ по-своему. Но Павелъ Дмитриевичъ всегда вѣрно угадываетъ... Гдѣ онъ?... (Входитъ Сысоева). Ахъ; вотъ и Анна Савишна... Bonjour. Опоздали, все кончено: оба адвоката кончили свои рѣчи и теперь перерывъ засѣданія; судъ пошелъ совѣщаться.

Сысоева.—Стало быть, самый страшный моментъ наступилъ?

Желявина.—Самый рѣшительный... Кому-то ликовать придется, кому-то плакать...

(Проходитъ адвокатъ).

Роцинъ.—Вонъ адвокатъ Прощалиной-то ужъ и носъ повѣсилъ.

Сысоева.—Въ самомъ дѣлѣ, и не здороваается... должно быть, чувствуетъ, что проиграетъ дѣло.

Желявина.—Воображаю, какъ Прощалина злится теперь.

Сысоева.—Ахъ, душечка, и вы бы злились!... Надѣяться на получение такого громаднаго наслѣдства и если всѣ надежды лопаются...

Роцинъ.—Она идетъ сюда.

(Входятъ Прощалинъ и Прощалина).

Прощалина.—Не могу я успокоиться, вѣдь, я живой человѣкъ: они взводятъ на меня такіе ужасы!... Послѣ этого скажутъ, что я и уморила моего брата, что я отравила его, что хотите скажутъ...

Сысоева.—Здравствуйте, Любовь Андреевна!... Ну, вашъ процессъ близится къ концу.

Прощалина.—Слышали, что было говорено?

Сысоева.—Нѣтъ, я только что приѣхала.

Прощалина.—Что же не поинтересовались послушать, какъ мой племянникъ меня аттестовалъ?

Сысоева.—Дурно?

Прощалина.—А вы какъ думаете? Судиться съ теткой затѣялъ и хвалить ее станеть? Да что я, коли ужъ отца сумасшедшимъ выставляеть!... (Съ особеннымъ удареніемъ) Родной сынъ доказываетъ, что его отецъ былъ сумасшедшимъ, когда писалъ свое духовное завѣщаніе... Сумасшедшимъ!—потому только, что все состояніе оставилъ мнѣ, сестрѣ, а не ему, достойному сынку... Слышали вы что-нибудь подобное? Сынъ противъ воли отца уѣхалъ въ Москву, жизнь тамъ такую прожилъ, что стѣны бы покраснѣли, еслибъ рассказать, а отецъ не смѣй его за это лишить наслѣдства.

Сысоева.—Вы про Москву-то справлялись?

Желявина.—Что значитъ—жизнь прожилъ?

Прощалина.—Ужь объ этомъ вы его самого спросите. Отець тутъ при смерти, а онъ въ Москвѣ оргіи ведетъ... Я, какъ сестра, старика къ себѣ въ деревню взяла, успокоила, утѣшила, и я же оказалась разлучница.

Прощалинъ.—Любочка, на судѣ было достаточно выяснено...

Рошинъ.—Вотъ сейчасъ судъ вынесетъ резолюцію.

Прощалина.—Да, очень любопытно, что судъ скажетъ: сумасшедшій былъ братъ или нѣтъ? Признаютъ его завѣщаніе или нѣтъ? И находятся же такіе услужливые адвокаты, что берутся вести подобныя дѣла!

Желявина.—Ну, послушайте, Аргунинъ говорилъ очень убѣдительно.

Прощалина.—Чѣмъ же онъ васъ убѣдилъ? Тѣмъ, что здѣсь, въ провинціи, его считаютъ лучшимъ адвокатомъ? Такъ, вѣдь, на то мы провинція.

Желявина.—Прежде вы сами его хвалили... Еслибъ Аргунинъ говорилъ не противъ васъ, и вы бы нашли, что онъ былъ неопровержимъ.

Прощалина.—Да что же онъ такого неопровержимаго сказалъ? Повторите хоть что-нибудь.

Желявина.—Нѣтъ-съ, я сегодня съ вами спорить не берусь,—вы слишкомъ сердиты.

(Уходитъ).

Прощалина.—Всегда такъ: скажетъ слово и не знаетъ, что сказала. Болтаетъ, какъ сорока... Неопровержимъ!... Да, ужь Аргунинъ сегодня открылъ свои карты, показалъ передъ лицомъ всѣхъ, на что онъ способенъ ради денегъ.

(Входитъ Савицкій).

Сысоева.—Ахъ, вотъ и виновникъ всего... (Савицкій раскланивается). Какъ же это, monsieur Савицкій, вы рѣшились такъ оскорблять вашу добрую тетушку?

2.

Прощалинъ, Прощалина, Рошинъ, Сысоева, Савицкій и публика.

Савицкій.—Добрую?!

Прощалина.—Избавьте вы меня отъ этого родства... (Савицкому) Истинно, Семень Ѳедоровичъ, увѣнчалъ ты свое поведеніе: роднаго отца послѣ смерти позоришь... Ну, да ужь какъ тамъ продажный юристъ въ твою пользу ни хлопочи, а срѣжется. Я не оставлю дѣла: что бы ни рѣшили, я до послѣдней крайности пойду...

(Уходитъ).

САВИЦКІЙ.—Что-жь? Идите-съ... Дяденька, послушайте, я вотъ скажу: что судъ противъ меня рѣшить, я приму какъ кару Божию, заслуженную, за мои вины передъ отцомъ... Отецъ у меня добрый былъ, только, конечно, слабый и характеромъ, и здоровьемъ... Мнѣ бы его холить, а я по трактирамъ разбился, да по веселымъ мѣстамъ; можетъ быть, этимъ смерть отца ускорилъ... Я знаю, какъ я виновать.

ПРОЦАЛИНЪ.—Что за покаянье такое?...

САВИЦКІЙ.—Но чтобъ отецъ могъ меня наслѣдства лишить—никогда. Хоть я и блудный сынъ, а сердце его ко мнѣ лежало...

ПРОЦАЛИНЪ.—Оставь меня, пожалуйста!...

САВИЦКІЙ.—Нѣтъ, пускай же и тетушка признается, что это она противъ меня дѣйствовала, а не отецъ мой... Она меня нищимъ хотѣла пустить, а не онъ... Она...

ПРОЦАЛИНЪ.—Прошу тебя воздержаться, любезный. Хоть я въ это дѣло совсѣмъ не вмѣшиваюсь, а, все-таки, рѣзкостей про мою жену говорить не позволю... Отецъ твой тебя любилъ и былъ добрый, честный человекъ, но, можетъ быть, оттого-то онъ и завѣщалъ все твоей теткѣ, зная, что въ твоихъ рукахъ все состояніе прахомъ пойдетъ и что мы бы тебя голодать не допустили.

САВИЦКІЙ.—Да, какъ же!... А когда я сюда пріѣхалъ и къ теткѣ пошелъ, она меня выгнала... Она мнѣ ста рублей дать не хотѣла...

ПРОЦАЛИНЪ.—Съ тобой не узнаешь никогда, сколько ты и въ чемъ нуждаешься, особенно съ твоею рѣзкостью; какъ ты настойчиво всегда требовалъ... и бранился... да, главное, ко мнѣ ты не обращался, а передъ теткой безобразничалъ. Я былъ въ Москвѣ, когда ты сюда пріѣхалъ...

(Уходитъ).

СЫСоева.—Не можетъ быть, чтобъ она вамъ не дала сотни рублей, вѣдь, она сама богата.

САВИЦКІЙ.—Не можетъ быть, а было.

(Входятъ Утроцкій, Аргунинъ, Софья, Николаевъ, Карьяковъ и другіе).

3.

Утроцкій, Аргунинъ, Софья, Николаевъ, Карьяковъ, Сысоева, Савицкій, Рошинъ и другіе.

Утроцкій.—Понимаете, мнѣ вамъ льстить не изъ чего, я всегда говорю, что думаю: я на этотъ процессъ смотрю, какъ на подвигъ гражданина. Вы можете его записать въ свой формуляръ.

Карьяковъ.—Пріятно этакое дѣльцо заполучить.

Сысоева. — Позвольте васъ поздравить, Артамонъ Сергѣичъ, вы, говорятъ, опять являетесь побѣдителемъ...

Аргуниинъ. — Судь еще не постановилъ резолюціи.

Сысоева. — Но ужь вы ее чувствуете. Sophie такъ и сияетъ, милга моя. Да когда же васъ-то кто-нибудь одолѣетъ? Вы постоянно все выигрываете, — это, наконецъ, становится скучно; вамъ все удается.

Аргуниинъ. — Хорошо, рабы такъ.

Сысоева. — Вы ненасытны, дорогой. Вы-то ужь, кажется, ни на что не можете жаловаться. Ваша рѣчь убѣдила многихъ.

Утроцкій. — И безъ всякаго фразерства убѣдила... Вы подобрали доводы и ударяете ими, какъ семипудовымъ молотомъ.

Сысоева. — Артамону Сергѣичу это было не трудно: онъ близко зналъ покойнаго Савицкаго. (Аргуниину) Правда?

Аргуниинъ. — Я бы даже могъ явиться свидѣтелемъ его сумасшествія, еслибъ не велъ процесса. Онъ ночевалъ у меня за три дня до смерти...

Сысоева. — Отецъ Савицкій? Какъ же такъ? Расскажите.

Аргуниинъ. — Убѣжалъ изъ деревни ко мнѣ плакаться на свое горе... взволнованный, съ воспаленными глазами... путалъ всякій вздоръ и все умолялъ меня спасти Семена Федоровича отъ какихъ-то несчастій... Насилу мы бѣднягу успокоили и уложили спать...

Савицкій. — А я-то злодѣй!...

Аргуниинъ. — Ночью, однако, старикъ исчезъ, и когда потомъ я его разыскалъ у Прощалиныхъ, онъ лежалъ въ агоніи.

Николаевъ. — Это было послѣ подписанія духовной?

Аргуниинъ. — Послѣ, и онъ объ духовной ни слова не говорилъ. Въ здоровомъ умѣ онъ не могъ оставить наслѣдства никому, кромѣ сына.

Утроцкій. — Вы съ честью выполнили его послѣднюю просьбу: то, что вы сдѣлали для этого юноши, мало бы кто сдѣлалъ...

Аргуниинъ (шутливо). — Пожалуйста, этого вопроса не подымайте, а то онъ сейчасъ плакать начнетъ.

Савицкій. — Пускай заплачу... не чурайтесь моихъ слезъ... я, можетъ, и болѣзненный, какъ отецъ былъ, но я сознаю, что вы...

Аргуниинъ. — Сознавайте про себя.

Савицкій. — Зачѣмъ? Я хочу, чтобъ всѣ знали, что вы для меня... Хотя бы и проигралъ я процессъ, все-таки, я въ выигрышъ буду отъ знакомства съ вами... Вы меня въ моей душѣ подняли...

Утроцкій. — Да, да, благодарите его, благодарите...

Савицкий.—Если я моей благодарности когда измѣню, пускай меня ниже всякой грязи считаютъ.

Аргунинъ.—Вы поменьше говорите, да побольше дѣлайте, лучше будетъ.

Савицкий.—Увидите... какъ родному вамъ...

Софья (береть его подъ руку).—Пойдемте на воздухъ; въ залѣ было такъ душно, у меня голова закружилась.

Савицкий.—Пожалуйте.

(Оба уходятъ).

СЫСОНОВА (глядя имъ вслѣдъ, Утроцкому).—Какіе они добрые, и отецъ, и дочь... дѣйствительно, какъ родные, съ нимъ носятя.

(Отходить съ Утроцкимъ въ глубину).

НИКОЛАЕВЪ (Аргунину).—Артамонъ Сергѣичъ, нельзя ли васъ оторвать у общества?

Аргунинъ.—Что вамъ угодно?

Николаевъ.—Хочу ужъ васъ просить... я, какъ вамъ извѣстно, адвокатъ молодой, начинающій, а въ наше время куда труднѣе пробивать себѣ дорогу, чѣмъ прежде было, когда вы себѣ дѣлали карьеру. Не грѣхъ бы вамъ, право, принять во мнѣ маленькое участіе.

Аргунинъ.—Научите, какъ?

Николаевъ.—Да на тысячу ладовъ можете, при вашей-то репутаціи,—вѣдь, вы нашъ мѣстный Гамбетта! Я за честь почту быть вашимъ сотрудникомъ... Понадобится вамъ, напримѣръ, помощникъ въ какомъ-нибудь дѣлѣ... Случаются такіе процессы, что много хлопотъ и разбѣздовъ, а вамъ некогда... я охотно готовъ для васъ...

Аргунинъ.—Не знаю, право, что бы такое...

Николаевъ.—За то и съ моей стороны... Позвольте тоже съ вами подѣлиться... если мнѣ попадется какое-нибудь выгодное дѣло. Я увѣренъ, что каждый мой трудъ выиграетъ, когда вы рукой художника пройдете по работѣ ученика.

Аргунинъ.—Моя дверь для всѣхъ отворена.

РОЩИНЪ (подходя).—Что вы пристали, не дадите другому слова сказать... Уступите мнѣ его.

НИКОЛАЕВЪ (Рощину).—Сдѣлайте одолженіе... (Аргунину) Все-таки, смѣю надѣяться, Артамонъ Сергѣичъ, что мой разговоръ не совсемъ лишенъ для васъ интереса... Право, подумайте объ этомъ.

(Отходить къ Сысоевой).

РОЩИНЪ (Аргунину).—Какой назойливый.

Аргунинъ.—И наглый.

РОЩИНЪ.—Гоните вы такихъ отъ себя... Вы слишкомъ съ

ними церемонитесь... А мнѣ вотъ что отъ васъ надо, Артамонъ Сергѣичъ: вы при деньгахъ?

Аргунинь.—То-есть?

Роцинъ.—Просто, батенька, чистый срамъ... Одолжите еще тридцать рублей... (Смѣясь) Я пользуюсь моментомъ: вашимъ хорошимъ расположеніемъ духа, что процессъ у васъ удаченъ... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, сегодня жена именинница; ну, кое-кто придетъ, а у меня ни гроша, бутылки вина не на что купить... Такъ я къ вамъ, какъ къ моему постоянному банкиру... Что я вамъ долженъ?...

Аргунинь (смѣясь). — Сами не помните?

Роцинъ. — Вы не посмѣивайтесь... хорошо вамъ, у васъ всегда сотенъ пять, шесть, расхожихъ денегъ въ карманѣ... Не всѣмъ фортуна такъ благопріятствуетъ.

Аргунинь.—Вотъ вамъ тридцать рублей.

Роцинъ.—Спасибо. Да приходите сегодня вечеромъ посидѣть; поболтаемъ, поужинаемъ.

Аргунинь.—Не общаю.

(Отходить и наталкивается на Карьякова).

Карьяковъ.—Стибрили у васъ?

Аргунинь.—Наблюдательный; а лучше бы за собой наблюдали.

Карьяковъ.—Что мнѣ за собой? Мое званіе ничтожное—жалкій частный повѣренный! Тяжелымъ трудомъ хлѣбъ добываю...

Аргунинь.—Ну, вашъ трудъ очень сомнительнаго свойства...

Карьяковъ.—Не нищенствую, какъ этотъ всѣми уважаемый либераль, получающій прекрасное жалованье на желѣзной дорогѣ за то, что ничего не дѣлаетъ.

Аргунинь.—Охъ, наблюдайте лучше за собой... Вы сегодня подъ присягой дали такое показаніе въ пользу Прощалиной, что вы за него могли бы угодить и подъ судъ, и въ ссылку. Благодарите Бога, что васъ не уличили... Наблюдайте за собой...

(Уходитъ).

Карьяковъ.—Какъ испугалъ!... Съ твоими доходами-то и я бы былъ благороденъ. Еще не такія бы наставленія читалъ...

Утроцкій (выступая, Николаеву).—Полноте, этакъ вы скажете, что Аргунинь совсѣмъ и не талантливъ.

Николаевъ.—Ни мало я не отрицаю таланта Артамона Сергѣича, но для дѣла Савицкаго никакого таланта не нужно.

Сысоева.—Вотъ и Иванъ Тимоеичъ обвиняетъ Аргунина.

Карьяковъ (про себя).—Деньги съ него взялъ—и обвиняетъ.

Роцинъ.—Я только за то, что онъ вообще довелъ дѣло до су-

да... Не красиво, господа, не чисто какъ-то, когда сынъ доказы-
ваетъ, что его отецъ не въ своемъ умѣ. Впрочемъ, какъ хотять...
(Смѣется). У меня именинница дома.

(Уходитъ).

Николаевъ.—Я даже не понимаю, какъ Прощалинъ допустилъ
свою жену до процесса...

(Входитъ Желявина).

Желявина.—Ахъ, вотъ Павелъ Дмитріевичъ!

Николаевъ.—Кто же не знаетъ, что старый Савицкій былъ
сумасшедшій? Онъ одинъ разъ мужику подарилъ брилліантовый
перстень, принца заподозрилъ.

Желявина.—Такъ, такъ...

Николаевъ.—Аргунину съ его именемъ даже бы и неловко
браться за такой процессъ. Тутъ всякій выиграеть, гимназистъ
третьяго класса, и тотъ выиграеть.

Карьяковъ.—И замѣтите, онъ безпрестанно за такіе процес-
сы берется.

Николаевъ (посмѣиваясь).—Валить удача ему... Хоть бы кого-
нибудь изъ насъ себѣ въ помощники взялъ, чтобъ и другимъ отъ
его счастья перепадало.

Карьяковъ.—Удача—удачей, а есть и нюхъ. Конечно, Артамонъ
Сергѣичъ не серьезный ученый, не научный человекъ.

Утроцкій.—Знаете, милый мой, чтобъ судить объ этомъ, надо
самому чѣмъ-нибудь себя заявить.

Николаевъ.—Иной бы и заявилъ себя, да случая нѣтъ.

Карьяковъ.—Ужъ какъ будто коли я самъ не спою по-со-
ловьиному, такъ мнѣ чирика отъ соловья не отличить?... Аргу-
нинъ—талантъ, это несомнѣнно, но талантъ коммерческій... Его
главная задача въ томъ, чтобы найти выгодный денежный про-
цессъ; у него на это чутье, какъ у лягавой собаки: поднять
тетерева, такъ самаго крупнаго.

Николаевъ.—На него птица сама летить.

Карьяковъ.—И потомъ ловокъ онъ обставлять дѣла, задними
ходами все подготовить. Вотъ хоть бы сегодня: судьи всѣ ему
пріатели, знаетъ, на кого чѣмъ дѣйствовать...

Утроцкій.—Однако, вы себѣ позволяете...

(Входитъ Глазова и Тенетовъ).

Б.

Тѣ же, Глазова и Тенетовъ.

Карьяковъ.—Извольте видѣть: сама губернаторша; никогда въ
судѣ не бываетъ, а на его процессъ пожаловала.

Сысоева.—Марья Яковлевна, и вы сдѣлали честь суду! Что значить дружба съ Аргунинимъ!

Утроцкій (подойдя).—Кто только теперь свое мнѣніе громко высказываетъ, — это Богъ знаетъ что!

Тенетовъ.—А напримѣръ?

Утроцкій.—Безграмотный кропатель кляузъ и поддѣльныхъ паспортовъ. Изъ милости его частнымъ повѣреннымъ сдѣлали и онъ объ Аргунинѣ отзывается, какъ о какомъ-нибудь своемъ братѣ-проходимцѣ.

Глазова.—Охота вамъ съ ними разговаривать!

Тенетовъ.—Я его сейчасъ пошпыняю. (Карякову) Здравствуйте, широкая совѣсть! Что? Не даетъ вамъ покоя Артамонъ Сергѣичъ? Завидно, небось, какъ у него дѣла влеются...

Барьяковъ.—Умѣеть всѣхъ ловко обойти, оттого и влеются.

Тенетовъ.—Ну, я думаю, вы бы не отказались такъ же умѣть... обойти... У него, чай, отъ одного процесса Савицкаго тысячь сорокъ останется.

Глазова (тихо Тенетову).—Зачѣмъ вы дразните?

Тенетовъ (ей).—Пускай у нихъ слюньки текутъ.

Желявина.—Неужели онъ по стольку получаетъ? Такъ онъ очень богатъ?

Николаевъ.—У него чудесное имѣніе въ Тамбовской губерніи.

Тенетовъ.—У Аргунина? Да не одно, а нѣсколько имѣній. У него правило: какъ процессъ выигралъ, деньги получилъ, сейчасъ домъ покупается или имѣніе. У него и зовутся они по процессамъ: апелляціонное, кассационное.

Желявина.—Это все имѣнія такъ называются?

Тенетовъ.—Да. Онъ такъ и рекомендуетъ, что масло у него самое лучшее уголовное, а окорока кассационные.

Глазова.—Какой вздоръ вы говорите!

Тенетовъ (Николаеву).—А вы вотъ наживите-ка еще такое-то состояніе.

Николаевъ.—Легко тому нажить, кому бабушка ворожить.

Барьяковъ.—Да что и толку наживать, когда не проживаешь? Какая радость Артамону Сергѣичу отъ богатства при его феноменальной скупости?

Глазова.—Откуда это берется, что онъ скупъ?

Тенетовъ.—Какъ же не скупъ? Вѣдь, онъ никакихъ оборванцевъ шампанскимъ не угощаетъ, съ шантажистами не яхшается, пировъ не устраиваетъ...

Барьяковъ.—Зачѣмъ для шантажистовъ, хоть бы для дочери какия-нибудь вечеринки устраивалъ, веселилъ бы молодую дѣвицу. Чай, не въ монастырь ее прочить.

(Уходитъ).

Глазова (Тенетову). — Вы ихъ только злите и ничего тутъ хорошаго нѣтъ. Прощу васъ, перестаньте.

(Отходитъ на встрѣчу входящему Аргунину).

Николаевъ (Сысоевой). — Прикажете васъ усадить?

Утроцкій.—Возьмите мое мѣсто.

Сысоева.—Мегсі.

Желявина.—Да, вѣдь, осталось прослушать одну резолюцію.

Тенетовъ.—Почемъ вы знаете? Можетъ, на счастье, какой-нибудь скандалъ случится—madame Прощалина драться станетъ.

(Всѣ уходятъ кромѣ Аргунина и Глазовой).

6.

Аргунинъ и Глазова.

Глазова.—Скажите, добрый мой другъ, отчего у васъ такъ много недоброжелателей?

Аргунинъ (смѣясь). — Это ужъ вы ихъ спросите.

Глазова.—Стѣдуетъ подойти къ какому-нибудь кружку, гдѣ говорятъ про васъ, и непременно услышишь, что вы и аферистъ, и скряга. Сколько разъ я вступалась за васъ, доказывала моимъ давнишнимъ знакомствомъ съ вами, почти съ дѣтскихъ лѣтъ, приводила примѣры,—ничего не беретъ...

Аргунинъ.—Этого не избѣжишь.

Глазова.—Конечно, это зависть. Люди ищутъ къ чему-нибудь придраться, потому что не выносятъ вашего успѣха... Но, простите, и вы, мой другъ, даете имъ иногда пищу... Вы слишкомъ добрый человекъ; излишняя доброта перестаетъ быть добротой и дѣлается слабостью... хуже простоты, говорить поговорка.

Аргунинъ.—Что это вамъ вздумалось дѣлать теперь мою характеристику?

Глазова.—Потому что я очень внимательно слѣдила за процессомъ, приглядывалась къ публикѣ, прислушивалась къ разговорамъ.

Аргунинъ.—И что же вы замѣтили?

Глазова.—Васъ поздравляютъ, въ глаза осыпаютъ любезностями... вы процессъ выиграете... но наше общество не будетъ этимъ довольное.

Аргунинъ.—Тѣмъ хуже для общества.

Глазова.—Можетъ быть, тѣмъ хуже и для васъ... Прощалинъ,

какъ директоръ банка, нуженъ всѣмъ... Хоть и бранять его за многое, но когда кто нуженъ, вы знаете, какъ это примиряетъ. Его племянникъ, Савицкій, никому не нуженъ, будетъ ли онъ богатъ, или нѣтъ... Вы справедливо отстаиваете Савицкаго, но сочувствія вашей справедливости вы не встрѣтите ни въ комъ...

Аргунинъ. — Стало быть, надо отстаивать несправедливость?

Глазова. — Вѣдь, эта нервность у васъ — тоже нехорошая черта. Когда васъ задѣнутъ за живое, вы сердитесь, не дослушавши. Я совсѣмъ не хочу, чтобы вы потакали обществу, я хочу, чтобы вы не вѣрили тѣмъ, кто вамъ льститъ въ глаза, не считали бы людей друзьями по первому любезному слову. Теперь это для васъ особенно опасно.

Аргунинъ. — Почему?

Глазова. — Прощалинъ хитеръ и мстителенъ; онъ былъ увѣренъ, что вы не рѣшитесь выступить противъ него, иначе не довелъ бы ссору съ племянникомъ до процесса... Когда это случилось, ему ужъ было неловко отступить... Онъ все сваливаетъ на жену, представляетъ ее оскорбленной за брата, но онъ золь на васъ и вамъ не простить... Общество нуждается въ Прощалинѣ, общество завистливо къ вамъ, онъ счумѣетъ этимъ воспользоваться и вамъ съ этимъ придется считаться...

Аргунинъ. — Право, Марья Яковлевна, лучше объ этомъ и не размышлять.

Глазова. — Все-таки, будьте осторожны.

Аргунинъ. — Все-таки, у меня есть истинные друзья, моя дорогая, такіе, какъ вы... и моя глупая довѣрчивость, и моя пятидесятилѣтняя нервность не помѣшали этой дружбѣ...

(Входитъ Савицкій, — взволнованъ).

7.

Тѣ же и Савицкій, потомъ судебный приставъ, публика, Желявина, Прощалина и прочіе.

Савицкій. — Артамонъ Сергѣичъ, вообразите... (Глазовой) Виновать, ваше превосходительство... (Аргунину) Вообразите, она тутъ, я ее видѣлъ.

Аргунинъ. — Бого?

Савицкій. — Дуню... ну, мою Дуню: Авдотью Даниловну... Господи! зачѣмъ она сюда пріѣхала, что ей надо?

Аргунинъ. — Чего же вы такъ растерялись?

Савицкій. — Это она меня отыскиваетъ; вѣрно, прослышала про наследство. Выгнала меня сама, когда ни копѣйки не оста-

лось, а теперь прѣехала... что такое?... Я, слава Богу, отвыкъ отъ нея.

Аргунинъ.—Дайте себѣ слово съ ней не говорить и не видать-ся. Можно ли такъ малодушествовать?

(Входитъ судебный приставъ).

Судебный приставъ.—Пожалуйте въ залу засѣданія, господа, для выслушанія резолюціи... (Входитъ кое-кто изъ публики. Онъ проходитъ дальше). Пожалуйте въ залу...

(Уходитъ. Проходитъ публики, между прочими и Прощалина со своимъ адвокатомъ).

Аргунинъ (Савицкому).—Пойдемте. Значить, наше дѣло рѣшено.

(Желявина возвращается изъ залы засѣданія).

Желявина.—Марья Яковлевна, пожалуйста!... Сейчасъ будутъ читать... Вотъ минута!... Ухъ, душа замираетъ!

Глазова.—Вамъ-то что? Вамъ, во всякомъ случаѣ, ничего не достанется.

Желявина.—Все-таки, невозможно не волноваться.

(Объ уходитъ).

Савицкій.—Теперь ужъ я и не понимаю, и не знаю, чего мнѣ желать?

Аргунинъ.—Точно маленькій, розги боится...

(Оба уходитъ).

Бротовъ.—Жаль будетъ, если Прощалины не выиграютъ процесса... Какой бы они намъ праздникъ устроили!

Одинъ изъ публики.—Еще бы не жаль!

(Уходитъ. Всѣ разошлись. Судебный приставъ прошегъ обратно. На сцену входятъ Жигулева и Антоновъ).

8.

Жигулева, Антоновъ, потомъ Прощалинъ, позже Софья.

Антоновъ.—Что-жъ ты остановилась? Нѣшто нѣтъ интересу въ залу идти?

Жигулева.—Интересъ у меня большой. Кабы не было интересу, я бы изъ Москвы сюда трепаться не поѣхала... Только все равно этимъ не измѣнишь, коли раньше узнаешь.

Антоновъ.—Любопытно.

Жигулева.—Да мнѣ не сподручно тамъ его встрѣтить. Ступай ты, я здѣсь посижу. Какъ узнаешь, платкомъ махни, я ужъ догадаюсь, что, значить, въ нашу пользу рѣшено.

(Входитъ Прощалинъ).

Прощалинъ.—Начали читать?

Антоновъ.—Должно быть. (Уходитъ въ залу засѣданія).

Прощалинъ.—Ну, Авдотья Даниловна, теперь держи ухо вост-

ро, — не выпускай его изъ рукъ; что бы ни вышло, въ накладѣ не останешься. Зѣвѣмъ обернись, въ мелкія кольца вся изгибайся, а его завороти.

Жигулева. — Ученаго учить — портить.

Прощалинъ. — Знаю, что ловка; отчего-нибудь я тебя и отыскалъ въ Москвѣ. Смотри же, привезь я тебя сюда, направилъ на это, — помни уговоръ: идти со мной объ руку, безъ моего согласія чтобъ ни на шагъ.

Жигулева. — Какъ же можно.

Прощалинъ. — Вдвоемъ-то мы съ тобой горы перевернемъ, а въ одиночку-то, пожалуй, и сръжешься... понимаешь?

Жигулева. — Что-жь не понять, не младенецъ грудной. За дуракомъ пойдешь, такъ заплутаешься, а за умнымъ человѣкомъ отчего не пойти?

Прощалинъ. — То-то. Чтобъ отъ слова не отступаться.

Жигулева. — Ишь ты, баринъ, какой жмотикъ?... Что ты все жмешься, оговариваешься? Запалилъ чужую избу, а самъ ходишь, переминаешься, какъ бы своя не загорѣлась! Коли огня боишься — огня не разводи. Самъ меня на это поднялъ, да и закачался. Ты меня просьбами не умасливай; я на просьбы не жалостлива; а коли знаешь за мной такую повадку — чужаго не беречь, гляди въ оба, чтобъ я тебя за носъ не провела.

Прощалинъ. — Я-то гляжу, у меня не увернешься... Только такъ, на всякій случай предупредилъ...

Жигулева. — Да ладно ужь...

(Входитъ Софья).

Софья (Прощалину). — Что это, развѣ ужь призывали въ залу?

Прощалинъ. — Давно. Вы гдѣ же были?

Софья. — Стало быть, читають резолюцію? Какъ же это вы не пошли слушать?

Прощалинъ. — Миѣ не зачѣмъ. И жена-то моя кипятится больше потому, что негодуеть за брата, а по миѣ провались все это наследство, — говорю меньше и тревогъ.

Софья. — Въ самомъ дѣлѣ?

Прощалинъ (посмѣиваясь). — А вы не допускаете, чтобъ можно было малымъ довольствоваться и не желать лишняго? Неужто Артамонъ Сергѣичъ и васъ ужь такъ пристрастилъ къ деньгамъ?

Софья (вспыхнувъ негодованіемъ). — Пристрастилъ къ деньгамъ?! (Сдерживая себя) Ахъ, какія у васъ злыя мысли, какія злыя!...

(Уходитъ).

Прощалинъ. — Видно, жжется.

Жигулева.—Кто такая?

Прощалинъ.—Аргунина дочь.

Жигулева.—Этого адвоката, что Савицкаго дѣло обрабатываетъ?

Прощалинъ.—Ну, да. Чего ты?

Жигулева.—Молодая. Дѣвица, конечно.

Прощалинъ.—Не замужемъ.

Жигулева.—И жениха нѣтъ?

Прощалинъ.—Почемъ я знаю?

Жигулева.—Какъ, чай, не быть?... Недурна, свѣженькая. И глаза такіе... блеснули... и вся вспыхнула до слезы... Зачѣмъ она сюда прибѣжала?

Прощалинъ.—Въ публику, процессъ послушать.

Жигулева.—Изъ пустаго ротозѣйства?

Прощалинъ.—Ну, ей-то оно ближе къ сердцу: она своего папеньку за бога считаетъ, отъ каждаго его дѣла ее лихорадка трясеть, больше чѣмъ самого Аргунина.

Жигулева.—Такъ не безъ того, что и она съ Савицкимъ дружка съ дружкой знакомы.

Прощалинъ.—Очень даже. Аргунинъ пригрѣлъ его, какъ роднаго.

Жигулева.—Роднаго?

Прощалинъ.—Ты что же?

(Дверь залы засѣданія отворяется).

Жигулева.—Дверь отворили.

(Публика выходитъ).

9.

Тѣ же и постепенно всѣ находившіеся въ залѣ засѣданія.

Бротовъ.—Ничего не подѣлаешь; много доводовъ представилъ.

(Автоновъ появился и махнулъ платкомъ).

Жигулева (про себя).—Платкомъ махнулъ!—Наша взяла!

Прощалина (подходя къ мужу).—Мы проиграли.

Прощалинъ.—Я не сомнѣвался.

Желявина.—Я говорила, что онъ все знаетъ. Павелъ Дмитріевичъ, вы пророкъ.

Сысоева.—Не пророкъ, а угадчикъ.

Николаевъ.—Это бы и вы угадали... Везетъ Артамонъ Сергѣичу счастье, такъ везетъ, что я бы даже не хотѣлъ быть на его мѣстѣ.

Желявина.—Почему?

Николаевъ.—Потому, что за всё эти удачи придется когда-нибудь расшачиваться...

Барьяковъ.—О! онъ отовсюду выйдетъ сухъ изъ воды.

Прощалина (мужу).—Пойдемъ, я не выдержу; я скажу громко что-нибудь такое, за что противъ меня новый процессъ начнутъ...

Прощалинъ.—Погоди, можетъ, еще и посмѣешься...

(Выходить Савицкій, за нимъ Тенетовъ).

Барьяковъ.—Отпраздновать слѣдуетъ.

(Входятъ Аргунинъ и Софья).

Савицкій.—Нѣтъ, господа, теперь кутежамъ конецъ... остепениться надо... и отъ лукавыхъ искушеній бѣжать...

Жигулева (выступая).—Позвольте ужъ и мнѣ проздравить съ новымъ благополучіемъ, Семень Ѳедорычъ.

Савицкій (смущенъ).—Ахъ, Дуня... ты?... зачѣмъ ты?... Благодарю васъ, Авдотья Даниловна... Артамонъ Сергѣичъ, это Авдотья Даниловна.

Жигулева.—Чего вы испужались, словно какъ бы и вздрогнули?... Али совѣсть зазрела, что бросили меня въ горѣ, да въ несчастьи?

Савицкій.—Когда же я бросилъ? Напротивъ, я всегда къ тебѣ... я отъ васъ никогда бы, если бы ты... Артамонъ Сергѣичъ... (Говоритъ: „Кто это?“ „Фаворитка его бывшая... она ему скандалъ устроить... интересно“).

Аргунинъ.—Ну, что-жь вы остановились? Раскланяйтесь и домой пойдете.

Жигулева.—Что вы, сударь, все за господина адвоката хватаетесь, помощи просите? Я на васъ не посягаю; мы сюда пріѣхали не за вами гоняться,—по своему дѣлу пріѣхали вотъ съ братцемъ.

Савицкій (Автонову).—Ахъ! здравствуйте...

(Пожимаетъ руку).

Жигулева.—По торговому, хлѣбъ закупать... и не знали, что вы здѣсь, не токмо про наслѣдство. Неужто вы думаете, мы изъ-за этого унижаться передъ вами рѣшимся?...

Аргунинъ.—Пропустите, пожалуйста.

Софья (останавливая его).—Погоди, отецъ... чего она хочетъ?...

Жигулева.—Никогда-съ... только коли къ слову сказать, Семень Ѳедоровичъ... дай вамъ Богъ, и разживаться не надо; сразу озолотились родительскою кончиной... такъ смотрите, чтобъ въ прокъ оно вамъ пошло, золото-то... не губите имъ нашу сестру легковѣрную, которая, можетъ, повѣритъ любви вашей, какъ я вѣрила...

Савицкій.—Дуня, развѣ я когда-нибудь... Ты сама...

Жигулева.—Извѣстно, сама... не подорожила собой для васъ... Что теперь передъ людьми скрывать? По Москвѣ всѣ видѣли, какъ мы съ вами на тройкахъ ѣзжали, какъ при всей публикѣ цѣловались... не знали, не вѣдали, какъ въ душѣ я любила васъ.

Савицкій.—Дунюшка...

Жигулева.—Нѣтъ, оставьте... прочь отъ меня отойдите! Это время прошло и золотомъ вашимъ не вернете... Кто меня кинулъ, тотъ отъ меня ласки не жди... и на порогъ мой не смѣйте позываться... Пойдемъ, Илья...

(Уходитъ съ Антоновымъ).

Савицкій.—Да за что же, за что?

(Говоръ, въ одно время всѣ вѣстѣ).

Аргунинъ.—Опомнитесь, что съ вами? Идемте.

Тенетовъ.—Баба козырь.

Сысоева.—Этого инцидента Артамонъ Сергѣичъ не предчувствовалъ.

Бротовъ.—И этакій-то будетъ теперь наслѣдствомъ распоряжаться... невозможно!

Желявина.—Изъ Москвы пріѣхала, когда?... а какъ они тамъ познакомились?... мѣщанка она?... странный вкусъ!...

(Голоса другихъ сливаются въ общемъ гулѣ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ мѣщанскомъ домѣ,—смѣсь нищеты и роскоши.

Савицкій у двери, въ которую входитъ Тенетовъ.

1.

Савицкій и Тенетовъ.

Савицкій.—Ахъ, это вы?

Тенетовъ.—Ахъ, это я... Струсилъ, небось?... Такъ вотъ ты гдѣ прячешься?

Савицкій.—Какими судьбами попали вы сюда?

Тенетовъ.—Конечно, не тебя искалъ, — много чести будетъ. За городомъ прогуливался, да прохожу мимо этого домишки, вдругъ въ окнѣ твоя фізіономія... а еще вчера о тебѣ разговоръ былъ съ Артамономъ Сергѣичемъ; такъ оно кстати. Я тебя ругать зашелъ... Здѣсь, что-ль, живеть твоя Дульцинея?

Савицкій.—Авдотья Даниловна? Здѣсь... я ей скажу про васъ...

Тенетовъ.—Не смѣть! Ахъ ты, лоботрясъ, лоботрясъ! Что-жь это ты? опять на старую дорогу, въ лапы этой дурищи?...

Что рукой машешь? Артамонъ Сергѣичъ отъ твоего дѣла совсѣмъ отступиться хочеть... Буда это ты пропалъ, провалился, къ нему не идешь?... Даже просто невѣжей сталъ: на два письма его не отвѣтилъ.

Савицкій.—Стыдно мнѣ передъ нимъ.

Тенетовъ.—Такъ, вѣдь, чѣмъ гаже дѣлаешь, тѣмъ стыднѣе... Какой тебя лѣпшій обошелъ, что ты опять съ этою бабой связался? Вѣдь, ты зарокъ давалъ?...

Савицкій.—Ничего не подѣлаешь!

Тенетовъ.—Причина основательная.

Савицкій.—Все съ этого дня пошло, какъ въ окружномъ судѣ мы дѣло выиграли... Жиды сейчасъ деньги предлагать стали въ заемъ... такую вѣру приобрѣли, что Артамонъ Сергѣичъ во всѣхъ инстанціяхъ мое наслѣдство отстоятъ... пріятели завелись... ну, никакъ не осилить... а, главное, все она: куда ни пойдешь—встрѣтится, и все старается, какъ бы досадить, отвернется... или издѣваться станеть... злитъ...

Тенетовъ.—А ты бы плюнулъ.

Савицкій.—Гдѣ ужъ!... Когда знаешь, что была она моей... тутъ ужъ ни о чемъ не думаешь, только-бъ вернуть... самъ за ней ходить сталъ, умолять, чтобъ пустила... плакалъ... сжалась, позвала... и что вышло?—вамъ этого не понять, никому не понять... Сижу я передъ ней, и впилась она въ меня своими глазами, и страхъ такой на меня напалъ,—ну, точно сейчасъ на смерть меня поведутъ... И что же вы думаете? Этотъ самый страхъ такое чувство блаженное! Подъ этою дрожью-то задыхаешься... да какъ послѣ поцѣловала... Ахъ, вы этого не поймете.

Тенетовъ.—Стало быть, ты теперь, какъ муха въ сметанѣ, въ полномъ счастьѣ обрѣтаешься?

Савицкій.—Какое! Вы думаете, для чего она меня къ себѣ пустила, для чего?

Тенетовъ.—Ну?

Савицкій.—Чтобъ мучить... Вы знаете... только, ради Бога, ни слова никому, ради Бога... Этотъ Антоновъ, онъ совсѣмъ ей не братъ... Онъ только съ ней, какъ защитникъ, потому что силенъ очень... Такъ она чѣмъ забавляется: передо мной, да къ нему ластится, и я уйти не смѣю... Ей очень весело, какъ я, бѣшеный, кулаками по столу бью или головой объ стѣну...

Тенетовъ.—Чего-жь ты не убѣжишь отъ нея?

Савицкій.—Тише! Ради Господа, тише... Не могу. Какъ обни-

меть меня, каждый разъ думается: ну, теперь все пойдетъ лучше-лучшаго... и не могу.

Тенетовъ.—Тьфу, что за человекъ!

Савицкій.—Счастье, счастье!... Дымъ коромысломъ! То въ огнѣ, то во льду... Пьянство разлитое, хохотъ этотъ злой надъ тѣмъ, что вотъ вертится она мною, какъ хочетъ... и пѣсни!... Господи, не знаю что—цѣлый адъ... Зачѣмъ меня Артамонъ Сергѣичъ не заперъ?... Насильно бы заперъ куда... Я ему говорилъ, что я ея боюсь.

Тенетовъ.—Только ему и дѣла, что надъ тобой кудахтать... цыпленокъ какой!... Довольно съ тебя и того, что онъ для тебя сдѣлалъ. Какъ еще съ тобой нянчиться?

Савицкій.—Спаси меня!

Тенетовъ.—Ты будешь корѣжиться, а тебя уламывать? Сдѣлайте милость, Семень Ѳедорычъ, за все ваше невѣжество позвольте васъ на рукахъ носить.

Савицкій.—Пропалъ я.

Тенетовъ.—Ну, ладно. Если ты ужъ такъ глупъ, самъ надъ собой не властень, бери шапку, поѣдемъ.

Савицкій.—Куда?

Тенетовъ.—Совсѣмъ вонъ отсюда, и никогда не возвращаться.

Савицкій.—Что вы, что вы?... Нѣтъ, ужъ оставьте меня!... Видно, это моя судьба.

Тенетовъ.—Неужто въ цѣломъ мѣрѣ другой бабы не найдешь? Вотъ болванъ!... Иди!...

(Дверь быстро отворяется, входитъ Антоновъ.)

2.

Тѣ же и Антоновъ, потомъ Жигулева.

Антоновъ.—Кто пустилъ? Здравствуйте, господинъ. Вамъ чего угодно здѣсь?

Тенетовъ.—Не тебя, разумѣется.

Антоновъ.—А не меня, такъ пожалуйста вонъ!... Потому здѣсь моя квартира.

Тенетовъ.—Вотъ переговорю и уйду.

Антоновъ.—Переговаривать гдѣ угодно извольте, а въ моей квартирѣ я хозяинъ, такъ я и команду: вонъ пожалуйста.

Тенетовъ.—Какъ ты смѣешь? Мужикъ! (входитъ Жигулева) Или на васъ, разбойниковъ, управы не найдется?

Жигулева.—Что такъ кричать изволите?

Тенетовъ.—Ну, ты, дьяволъ, баба, уйми своего пса!

Жигулева.—Спасибо на добромъ словѣ, господинъ честной.

Тенетовъ.—Какъ съ вами разговаривать? Вонъ ужь онъ съ кулаками на меня лѣзъ.

Жигулева.—Не смѣйте онъ этого... горячъ немножко братецъ, не обезсудьте... Слышала я у двери вашу разговоръ; простите, застыдилась прямо-то идти, такъ подслушала. Вы Семена Федорыча у меня отнимать прѣхали?... Что-жь, Семень Федорычъ, одѣвайтесь, поѣзжайте, что ли!

Савицкій.—Я не хочу... Вѣдь, это не я.

Жигулевъ.—Такъ попросили бы гостя въ утловую закусить; что тутъ въ проходной комнатѣ бесѣдовать?... Тамъ и вино поставлено всякое, и рыба... Позвольте просить... за закуской все какъ будто ловчѣе переговоры вести.

Тенетовъ.—Что-жь это ты и меня опутать хочешь?

Жигулева.—Я никого не путаю; кто хочетъ—самъ путается.

Тенетовъ (смагчась).—Правда! Вотъ и я ему это самое толковалъ.

Жигулева.—Ахъ, толковали... да онъ непонятливъ, Семень Федорычъ, ему не втолкуешь.

Тенетовъ.—И то не втолкуешь!... Ишь плутоватая, отвѣтить тоже.

Жигулева.—Что-жь не отвѣтить?

Тенетовъ.—А глаза у тебя хороши.

Жигулева.—Пондравились?

Тенетовъ.—Только ничего въ нихъ страшнаго нѣтъ... что онъ говорить, что страшны?

Жигулева.—Вѣдь, это какъ кому! Вонъ воробью и пугало гороховое страшно, а что въ ѣмъ?

Тенетовъ.—Вѣрно! Да, я вижу, съ тобой можно сговориться.

Жигулева.—Въ лучшемъ видѣ можно. Пожалуйте къ закускѣ; чай, еще не закусывали сегодня; сдѣлайте одолженіе.

Тенетовъ.—И то развѣ сдѣлать одолженіе. Только коли идти, такъ всѣмъ вмѣстѣ. Какъ же безъ хозяйки къ бутылкамъ подступать?

Жигулева.—Я сейчасъ, батюшка... (Тихо ему) Только братца поругаю за невѣжество, для порядка надо.

Тенетовъ.—Это хорошо! Этотъ порядокъ всегда соблюдай.

Жигулева (смагчась).—Ужъ и соблюдаю, батюшка... какъ могу, соблюдаю.

Тенетовъ.—Да ты пресмѣшная, право! А ты знаешь ли, кто я такой?

Жигулева.—На что мнѣ знать?... Пока не подрались, друзьями будемъ.

Тенетовъ.—Ха, ха, ха... А коли я у тебя и впрямь Сеньгута увезу?

Жигулева.—Да сдѣлай милость, увози! Нужна мнѣ эта слякоть!

Савицкий.—Я, Авдотья Даниловна, ей-Богу...

Тенетовъ.—Нѣтъ, ты молодець, ей-Богу молодець!... Ну, пойдёмъ къ закускѣ... тамъ за рюмками и сговоримся, что и какъ... Ишь ты бархатная... чистый бархатъ, право!...

Жигулева.—Боторымъ гробъ окалачиваютъ.

Тенетовъ.—Ужь и гробъ! Есть и лучше, что въ бархатъ заворачивать.

Жигулева.—Не зѣвай по сторонамъ-то, глаза растеряешь.

Савицкий.—Пожалуйте...

Тенетовъ.—Молодецъ!... Ей-ей, молодець!

(Оба уходятъ.)

3.

Жигулева и Антоновъ, потомъ Прощалинъ.

Жигулева.—Чего ты налетѣлъ? Обрадовался, что кулачищи выросли? Подведешь когда-нибудь подъ полицію!

Антоновъ.—Чего они шлятся? Кто ихъ зоветъ?

Жигулева.—Такъ ты сейчасъ и въ драку? Зачѣмъ рукавъ волю давать, пока языкомъ болтать можно? Милости просимъ всякаго, пожалуйста!... Захоти, такъ всякаго вокругъ пальца обернуть можно.

Антоновъ.—Чего они мѣшаются?

Жигулева.—Снесъ письмо Аргунину?

Антоновъ.—Доставлено въ руки; общалъ заѣхать...

(Входитъ Прощалинъ.)

Прощалинъ.—Здравствуйте.

Жигулева. (Антонову). — Ступай, угощай ихъ тамъ. Да чтобъ безъ ссоры, слышь?

(Антоновъ уходитъ.)

Прощалинъ.—Авдотья Даниловна, я далекаго разговора не веду, я на прямки: ты, кажись, плутуешь.

Жигулева.—Ну, что-жь? Я всю жизнь плутую.

Прощалинъ.—Ты не отводи рѣчь-то. Я про настоящее говорю, про наше дѣло. Ты къ Аргунину посылала съ письмомъ отъ своего недомысла?

Жигулева.—Посылала.

Прощалинъ.—Чего-жь ты хочешь?

Жигулева.—А ты какъ полагаешь?

Прощалинъ.—Полагаю, что ты противъ меня хочешь идти: хочешь, чтобы адвокатъ дѣло дальше повелъ, чтобы Савицкій окончательно получилъ наслѣдство, тогда, молю, все изъ его рукъ можно выцѣдить.

Жигулева.—Ахъ, миленькій баринъ, вотъ ты догадливый какой! Любо съ тобой хорошится... сейчасъ догадаешься...

Прощалинъ.—Такъ, стало, я тебя сюда на свою же шею выписалъ? Ты отъ меня же и вѣсть получила, на мои же деньги и приѣхала, и меня же хочешь обойти?... Все забыла, и уговоръ забыла?

Жигулева.—Гдѣ мнѣ забыть? У меня память хорошая.

Прощалинъ.—Такъ совѣсть переметчивая.

Жигулева.—Объ моей совѣсти что ужъ говорить! Меня совѣстью всякій попрекнетъ.

Прощалинъ.—И ты воображаешь, что такъ тебѣ выгодноѣ будетъ?

Жигулева.—На счета положить, такъ сколько отъ васъ ни получи, все меньше придется, чѣмъ коли все наслѣдство.

Прощалинъ.—Все?... Ты затѣяла все взять?... Ну, вижу, дѣвка, ты воровской совѣсти не нюживала... Воръ хоть украдетъ, да дружно подѣлится, а ты, какъ акула, все живьемъ хочешь глотать. Смотри, не ошибись—подавишься.

Жигулева.—На комъ грѣха не бываетъ!

Прощалинъ.—Умна-то ты умна, да не вдумчива; прежде обдумай, право... неужто Аргунинъ станетъ тебѣ въ руку работать, вѣдь, ужъ вырвалъ однова Семена изъ твоихъ рукъ, неужто затѣмъ, чтобъ тебѣ же отдать, да богатаго?... Аргунинъ до пера не дотронется, пока тебя вонъ не вытолкаетъ...

Жигулева.—Не онъ одинъ адвокатъ.

Прощалинъ.—Ну, пускай... пускай Сенька Савицкій процессъ выиграетъ и все наслѣдство получить... Нѣтъ, что ли, тогда надъ нимъ закона? Или людей не найдется за него вступиться, чтобъ отогнать тебя, чтобъ ты его не обглодала? Сообрази-ка, сообрази... для такихъ-то, какъ онъ, особый законъ есть. Кто слабъ душой да расточителенъ, того подъ опеку берутъ. Вѣдь, намъ, чай, его жаль, племянникъ, своя кровь... расшибемся, а подъ опеку подведемъ... и ужъ у опеки тебѣ ничѣмъ не поживиться, будь покойна... развѣ въ провожатые тебѣ жандарма дадимъ, чтобъ тебя въ мѣста не столь отдаленныя доставилъ...

Жигулева. — За что?

Прощалинъ. — За добродѣтель, за что больше?

Жигулева (усмѣхалась). — Сердитый какой... какъ разѣршился!

Прощалинъ. — Да ужь коли на споръ пойдетъ, ты еще меня не знаешь. Я справедливый: кто противъ меня, такъ мнѣ мало его одолѣть, я безъ расплаты не отстану... Вотъ Аргунинъ-то... погоди... спохватится, да ужь поздно... Нѣтъ, онъ у меня почувствуй, что значить меня задѣть... Такъ-то и ты...

Жигулева. — Ну, полно... эхъ, смѣхота съ тобой... вѣдь, я пошутила... не понялъ? Нужда мнѣ возжаться, кислое тѣсто мѣсить, имѣние продавать, да бумаги выхлопывать! Мнѣ лучше прямо въ руки, что мое, то мое, и прощай... А ты думалъ вправду? Эхъ, погляжу я, не умнѣе вы одинъ одного.

Прощалинъ. — Пошутила?

Жигулева. — Истинно. Я за Аргунинымъ послала, надо-жь съ нимъ, какъ ни на есть, прикончить... Семена къ нему пустить, такъ, пожалуй, не вернешь... вцѣпится, а тутъ я буду говорить.

Прощалинъ. — Такъ сейчасъ Аргунинъ и поѣхалъ къ тебѣ.

Жигулева. — Обѣщалъ пріѣхать... Семень писалъ, что болѣнь, въ постели лежитъ...

Прощалинъ (смѣясь). — Ахъ, будь ты проглята... шельма какая!...

Жигулева. — Какая есть...

Прощалинъ. — Стало быть, мы съ тобой не поспоримъ?

Жигулева. — Сколько бишь на мою-то долю выдетъ?

Прощалинъ. — Не помнишь? что-жь памятью хвалилась?

Жигулева. — Все-жь таги...

Прощалинъ. — Сто тысячъ.

Жигулева. — Такъ, такъ... изъ рукъ въ руки чтобы...

Прощалинъ. — Чистоганомъ, любимыми процентными бумагами внесу.

Жигулева. — Я, вѣдь, на все согласна... (Утвердительно) Ну, ну.

Прощалинъ. — Стало быть, мѣшкать тебѣ нечего... Обработывай дѣло и конецъ.

Жигулева. — Ужъ и ты же ловекъ... Охъ, ловекъ!... Кабы мнѣ да за тобой замужемъ быть, чтобъ мы натворили! Ни одинъ бы сенаторъ не распуталъ... право... что-жь... ну, ну, жди.

(Уходитъ).

4.

Прощалинъ, потомъ Николаевъ.

Прощалинъ.—Пошутила!... Да за этикія шутки-то знаешь что бываетъ?... Шутки, шутки, какъ же!...

(Входитъ Николаевъ).

Николаевъ.—Такъ и зналъ, что вы здѣсь.

Прощалинъ.—Здравствуйте.

Николаевъ.—Спѣшимъ порадовать... Какую мы штуку надумали, расцѣлуετε!

Прощалинъ.—Скажите-ка.

Николаевъ.—Я сейчасъ съ имениннаго порога, у купца Рахманина, и былъ тамъ редакторъ здѣшней газеты *Вѣстникъ*. Такъ что намъ въ голову пришло: всю эту исторію Савицкаго наслѣдства пропечатать, а?

Прощалинъ.—Зачѣмъ?

Николаевъ.—Не безпокойтесь, васъ не задѣнемъ, но Аргунина раздѣлаемъ подь орѣхъ; чудо какъ блестятъ будетъ. Надо же, наконецъ, этого афериста вывести на свѣжую воду: въ чемъ его талантъ, отчего ему удача?... Какими путями онъ себѣ блага мірскія зарабатываетъ?

Прощалинъ.—Скажите, почтеннѣйшій, чего я не пойму. Вы вотъ съ недѣлю все около меня вертитесь... даже здѣсь меня отыскали, все наускиваете меня на вражду къ Аргунину... Что онъ вамъ сдѣлалъ?

Николаевъ.—Какъ что? Во-первыхъ, я возмущенъ за васъ... Какъ смѣть начать такой процессъ?

Прощалинъ.—А во-вторыхъ?

Николаевъ.—Развѣ этого мало?

Прощалинъ.—Очень мало, потому что это вздоръ... Я вамъ не родня, не другъ, что вамъ за меня возмущаться? Положимъ, рассчитываете отъ меня какой-нибудь благодати...

Николаевъ.—Нисколько не рассчитываю.

Прощалинъ.—Пустяки, рассчитываете... Но, вѣдь, Аргунинъ вамъ скорѣе можетъ быть полезенъ: вы оба—адвокаты, общее у васъ дѣло...

Николаевъ.—У Аргунина ни съ кѣмъ общаго дѣла нѣтъ. Тѣмъ-то онъ и гадокъ, что у всѣхъ работу перебиваетъ, а, нажетоя, пора бы ему отъ иного дѣла и отказаться... и другимъ адвокатамъ ходъ давать...

Прощалинъ.—А! такъ вы ужь пробовали около него пожить—ся и обижены, что не удалось?

Николаевъ.—Никогда я ничего отъ Аргунина не желалъ. У меня глубочайшая антипатія къ нему. Я лица его видѣть не могу: это спокойное, всегда довольное; когда всё кругомъ мечутся, дерутся, изныли, онъ себѣ спокойно долбитъ, долбитъ свою дорожку... Отвратительный человѣкъ!

Прощалинъ.—Что же вы хотите про него въ *Вѣстникъ* напечатать?

Николаевъ.—Сорвать маску съ этого интригана, показать, что процессъ Савицкаго для Аргунина одна доходная статья... Вѣдь, онъ все дѣло ведетъ на свой счетъ, да еще даетъ деньги на прожитіе вашему племяннику, все, чай, въ виду будущихъ благъ...

Прощалинъ.—Вы полагаете, надѣется большіе проценты содрать съ Семена?

Николаевъ.—Содрать проценты! какъ ростовщикъ!—мѣткое выраженіе.

Прощалинъ.—Наше общество этому не поддастся; оно слишкомъ уважаетъ Аргунина.

Николаевъ.—Никого никакого общество никогда не уважаетъ, полноте... преклоняется передъ успѣхомъ, только, но... втайнѣ выскочекъ ненавидитъ.

Прощалинъ.—Да, вотъ еслибъ съ Аргунинимъ какой-нибудь скандалъ случился, который бы прямо билъ въ глаза...

Николаевъ.—Дайте только статьѣ появиться...

Прощалинъ.—Во всякомъ случаѣ, Павелъ Дмитріевичъ, я услуги цѣнить умѣю.

Николаевъ.—Я ужь обдумалъ...

(Возбѣгаетъ Жигулева, за ней Тенетовъ и Савицкій).

5.

Тѣ же, Жигулева, Тенетовъ, Савицкій, потомъ Антоновъ.

Жигулева.—Попробуй! тронь только!

Тенетовъ.—Какъ же хозяйку не поблагодарить? (Увиди Прощалина и Николаева). Ахъ! мое почтеніе!(Здоровается)... А мы тутъ распалились... Хозяйшка черноглазая насъ угощала, я и говорю, что поблагодарить надо: прошу поцѣлуя.

Жигулева.—Радость мнѣ большая съ овсянымъ кулемъ цѣловаться!

Прощалинъ.—Какъ вы тутъ очутились?

Тенетовъ.—Я вездѣ бываю.

Жигулева.—Онь отъ имени Артамона Сергѣича пришелъ меня ссорить съ Сеничкой.

Тенетовъ.—Ну, этого не ври. Аргунинъ ничего объ этомъ не знаетъ.

Жигулева.—Только меня съ Сеничкой никто въ мирѣ не посорить—вотъ вамъ. Поди ко мнѣ, Сеня!... (Савицкій подходитъ). Меня съ нимъ сама нечистая сила цѣпочкой сковала, да и цѣпь-то эту въ самой преисподней рогатые кузнецы выколотили.

Тенетовъ.—Что скажеть, шутиха!

Жигулева.—Любишь меня, Сеня?

Савицкій.—Люблю...

Жигулева.—Ну, и я тебя люблю...

Савицкій.—Эхъ, кабы всегда-то ты такая была: ласковая, да веселая, да хохотливая... не рвала бы меня, не хмурилась... изъ меня, какъ изъ воску, лѣпи... умирать бы не надо... Чтѣ бы наша жизнь была!...

Жигулева.—Вправду?

Савицкій.—Ей-ей!... Кабы всегда-то ты такъ...

Жигулева.—Ну, всегда такъ и будетъ.

Савицкій (радостно). — Нѣтъ?...

Жигулева.—Никого для меня на свѣтѣ милѣе нѣтъ тебя. Ты мой золотой, драгоценный, ни въ жизнь больше тебя ни дразнить, ни мучить не стану... Ласкай меня, да балуй меня, вотъ тебѣ и вся задача... ни на кого тебя не промѣняю.

Савицкій.—Да коли такъ-то, я въ огонь за тебя пойду!

Тенетовъ.—Фу, нѣжности какія, патока по всей комнатѣ, того гляди всѣ увязнемъ.

Жигулева.—Ха, ха, ха... и то, пожалуй, увязнете.

Савицкій.—Пропадай весь миръ, только бы мы съ тобой вдвоемъ оставались!...

Жигулева.—Вотъ выдумалъ!... Мнѣ съ тобой съ однимъ-то, чай, скучно будетъ... легко ли, невидалъ какая... ты и впрямь подумалъ, что я тебя ни на кого не промѣняю? Ишь сокровище!... Пошелъ, пошелъ...

Савицкій.—Какъ же клялась сейчасъ, что ужъ теперь всегда...

Жигулева.—Сейчасъ клялась, а сейчасъ и вонъ изъ головы, такая голова... Да я отъ тебя съ первымъ встрѣчнымъ убѣгу...

Савицкій (злобно). — Авдотья...

Жигулева.—Павелъ Дмитриевичъ, хочешь я съ тобой отъ него убѣгу?

Николаевъ.—Еще бы не хотѣть!

Прощалинь.—Понадѣйся вотъ на этакую-то...

Жигулева (въ дверь).—Илья, неси, сюда стаканы!

Тенетовъ.—Вотъ это нравъ, такъ нравъ, настоящій; за минуту сама не знаетъ, чего захочеть...

(Антоновъ внесъ стаканы, всѣ берутъ).

Жигулева (подавая стаканы).—Выпьемъ, Сеня, на прощанье...

Савицкій (бросаетъ стаканы объ полъ).—Вѣдьма!

Жигулева.—Люблю я смотрѣть, какъ онъ посуду бить начнетъ.

Тенетовъ.—Милый, ты бы, вмѣсто стакана-то, ее бы самое треснулъ...

Жигулева.—Ха, ха... ой, баринъ! Вотъ онъ понимаетъ! И то бы тебѣ, Сеня, размахнуться бы, да меня, можетъ, я бы и утомилась...

Савицкій.—Ахъ кабы... да...

Жигулева.—Что мнѣ въ тебѣ проку?... Ты вонъ говоришь, что ты восковой, а самъ въ огонь за меня собираешься, такъ что отъ тебя, отъ восковаго-то, останется?—и дыму не увидишь...

Савицкій.—Прежде чѣмъ ты отъ меня уйдешь, я самъ уйду, въ омутъ головой кинусь.

Жигулева.—Да иди... хоть сейчасъ иди... Что-жь стоишь, переминаешься?... Иди... иди же... (Савицкій дѣлаетъ шагъ).—Да не ко мнѣ иди, а въ омутъ ты хотѣлъ, въ омутъ...

(Савицкій раздражается риданіемъ).

Тенетовъ.—Дожгла!

Жигулева.—Ну, полно, полно... ишь младенецъ разревѣлся... Охъ, глупъ ты, куда глупъ, несмышленъ... Выпей вотъ, выпей, проглоти... Сеничка, буйная я баба, а все-жь мнѣ тебя жалко, вѣрно слово—жалко. Женись ты на мнѣ, вотъ и будешь командовать,—жена какъ посмѣетъ мужа послушаться? И убѣжать тогда нельзя, отовсюду меня съ полиціей по этапу вытребовать можешь.

Савицкій.—Что ты говоришь? что ты говоришь-то? Словно я не просилъ, не умолялъ тебя сто тысячъ разъ, чтобъ ты за меня замужъ вышла,—ты же отказывала.

Жигулева.—Какъ же мнѣ, Сеничка, за тебя замужъ ийти, вѣдь, у меня ни двора, ни полѣна... совсѣмъ я безприданница; а ты, вишь ли, теперь въ богачи собираешься, мы съ тобой не ровни... мнѣ, чай, стыдно... Развѣ кто надо мной сжалится?... Господа честные, не хочеть ли мнѣ кто приданое подарить?

Тенетовъ.—Полѣно-то я тебѣ, пожалуй, подарю, чтобъ либо ты

его зашибла, либо онъ тебя; по крайности, долго маяться вмѣстѣ не будете.

Жигулева.—Спасибо, вотъ ужъ какъ спасибо—чудесно!

Савицкий.—Я тебѣ приданое дамъ. Бери векселей на какую хочешь сумму.

Жигулева.—Нонче заплачешься съ векселями-то; не признають ихъ суды у нашей сестры.

Савицкий.—Процессъ выиграю,—все твое будетъ.

Жигулева.—Много ли всего-то?... Ну, будетъ намъ балагурить. Вотъ, господа честные, судите насъ съ нимъ: клянуть меня, зачѣмъ я его тираню, а за что мнѣ къ нему доброй быть, коли онъ меня въ Сибирь тянетъ?

(Общее недоразумѣнiе.)

Что такое? Откуда взялось? Отчего такъ?

Жигулева.—Спросите-ка его, какіе онъ документы съ Аргунинымъ въ судъ представлялъ? Письма отца поддѣлывалъ! Фальшивыя бумаги... подлогъ учиняли...

Савицкий.—Что ты, что ты?... Я эти письма по почтѣ получалъ, въ Москвѣ.

Жигулева.—Отъ кого? Кабы отецъ твой посылалъ ихъ, нѣшто бы тетка не знала? Всѣ письма отъ Аргунина шли, и свидѣтели имъ же куплены... Спроси дядю-то, коли не знаешь,—его адвокатъ открылъ.

Прощалинъ.—Никакъ ужъ не мой; я самъ впервые слышу.

Жигулева.—Того, кто эти письма-то писалъ, ужъ подъ замокъ засадили; вчера Илья самъ видѣлъ.

Антоновъ.—Двоихъ арестовали.

Жигулева.—И вамъ то же будетъ... сгноять въ тюрьмѣ... И хотѣлъ ты, чтобъ я за арестанта замужъ шла?... Неволя!...

Тенетовъ.—Что ты плетешь такое... вздоръ какой...

Савицкий.—Я не отвѣчаю, я здѣсь не былъ, когда отецъ хворалъ, всѣ знаютъ... я откажусь.

Жигулева.—Такъ безъ твоего вѣдома Аргунинъ распоряжался? Какъ же такъ? Господа... Семенъ не виноватъ,—вы свидѣтели: онъ объявляетъ, что Аргунинъ его подбилъ... (Прощалину) Баринъ! ты ему дядя, неужто его до уголовщины доведешь?

Прощалинъ.—Онъ меня не спрашиваетъ.

Жигулева.—Сеня! да ты о двухъ головахъ, что ли?

Савицкий.—Что же мнѣ теперь, по-твоему, дѣлать? Приказывай... приказывай ужъ прямо.

Жигулева.—Проси дядю... (Николаеву) Господинъ адвокатъ, можно это дѣло покончить?

Николаевъ.—Очень легко. Пускай онъ откажется отъ наслѣдства въ пользу дяди и на судѣ заявить, что былъ введенъ въ заблужденіе...

Тенетовъ.—Нѣтъ, постой, это ужь не самъ ли дядюшка подговорилъ напугать въ свою пользу?

Прощалинъ.—Я?... Могутъ про меня сказать, когда я все время и жену отговаривалъ... и все... Такъ вотъ же объявляю: если племянникъ сейчасъ нотаріально откажется отъ наслѣдства, я также нотаріально дамъ его невѣстѣ сто тысячъ приданого.

Жигулева.—Сто тысячъ!... (Савицкому) Слышалъ? Безъ споровъ, безъ раздоровъ, безъ суда!...

Тенетовъ.—Опять несообразное. Его же отъ тюрьмы спасать, да ему за это сто тысячъ?... И отчего невѣстѣ?... Какой тамъ къ чорту невѣстѣ? Отчего не ему прямо?

Николаевъ.—Вамъ-то что за дѣло? У васъ, что ли, эти деньги взять хотять?

Тенетовъ.—И то въ самомъ дѣлѣ, мнѣ все едино.

Жигулева (Тенетову).—Мы еще васъ попросимъ свидѣтелемъ быть.

Тенетовъ.—Изволь, красавица... Провались онъ, коли самому дураку хочется... и на свадьбу я пировать приѣду. Только этой свадьбѣ, кажется, не бывать, очень сомнительно. Какъ эта невѣста свои сто тысячъ получить?

Жигулева.—Остановитесь, позвольте попросить... баринъ въ хорошій, весь день меня обижаете, а я все къ вамъ съ почтениемъ... почему же вы меня такъ хорошо знаете, что подозреваете какую-нибудь низость во мнѣ?

Тенетовъ.—Мнѣ все равно.

Жигулева.—Нѣтъ-съ, очень вы ошибаетесь... Торжественную клятву дамъ, что коли Семень Ѳедорычъ будетъ чистъ отъ этого дѣла и всѣ каверзы Аргунина отстранить, то я съ нимъ подъ вѣнецъ пойду... и деньги, коли дяденька какія, по милости, намъ дадутъ, —тѣ деньги всѣ ему отдамъ. Есть у меня, Сеня, завѣтное колечко,—сейчасъ я его тебѣ принесу,—обручимся съ тобой при друзьяхъ... Не такой у меня характеръ... еще никто моего характера не зналъ и не видалъ, а у меня характеръ такой: коли благословить Богъ жить тихо, скромно, въ любви да согласіи, ничего мнѣ больше не надо.

(Уходитъ.)

Тѣ же, безъ Жигулевой.

Тенетовъ.—Что это у насъ за парламентъ, все торжественныя обѣщанія даются?

Савицкій.—Дядюшка, берите меня въ руки, дѣлайте какъ знаете... коли Дунюшка захочетъ, я слабый человѣкъ... для Дунюшки все какъ угодно.

Тенетовъ.—Да ужь возьмутъ въ руки, возьмутъ, не проси.

Антоновъ (у окна).—Аргунинъ подѣхалъ.

Савицкій.—Артамонъ Сергѣичъ?

(Входятъ Жигулева.)

Жигулева.—Чья это лошадь остановилась у крыльца?

Антоновъ.—Аргунинъ пріѣхалъ.

Савицкій.—Я уйду... я спрячусь. Что мнѣ съ нимъ разговаривать?

(Уходитъ).

Тенетовъ.—Вѣдь, онъ меня выругаетъ, что я тутъ съ вами.

Жигулева.—Ступайте всѣ ко мнѣ въ спальню; я его встрѣчу, переговорю.

Процалинъ (тихо Жигулевой).—Устрой ему скандалчикъ какой-нибудь, мы рядомъ будемъ... (Тенетову) Пойдемте, охота встрѣчаться и спорить!...

Тенетовъ.—Впрочемъ, весь міръ не исправишь,—ну, ихъ со всѣмъ!

(Уходитъ съ Процалинымъ).

Жигулева (Антонову). — Отвори дверь-то,—слышишь, стучать? (Антоновъ уходитъ. Жигулева быстро прибираетъ къ сторонкѣ оставшееся вино. Входитъ Аргунинъ).

6.

Жигулева и Аргунинъ.

Жигулева.—Милости просимъ, Артамонъ Сергѣичъ, пожалуйте, съ утра васъ жду... Не узнали-съ?... Авдотья Даниловна Жигулева,—въ судѣ еще познакомились,—прошу покорно садиться.

Аргунинъ.—Что такое случилось съ Семеномъ Федорычемъ? онъ захворалъ?

Жигулева.—Никакъ нѣтъ... все слава Богу, благодаримъ покорно.

Аргунинъ.—Онъ мнѣ писалъ, что болѣнъ.

Жигулева.—(любовно подсмѣиваясь).—Это нарочно... Мы очень боялись, что иначе-то вы сюда не пріѣдете...

Аргунинь.—А!

Жигулева.—Ужь извините, схитрили немножко... Необходимо было васъ видѣть... а Семену Ѳедорычу никакъ невозможно, такъ онъ мнѣ поручилъ съ вами переговорить...

Аргунинь.—Поблагодарите Семена Ѳедорыча за доставленное мнѣ пріятное знакомство съ вами, только у меня этой привычки нѣтъ: чрезъ посредниковъ разговаривать...

Жигулева.—Отчего же-съ? Развѣ вы думаете, я такая дура, что не понимаю дѣловъ?

Аргунинь.—Напротивъ, я вполне увѣренъ, что вы всякія дѣла понимаете, и гораздо лучше Семена Ѳедорыча, только я себѣ никогда не позволю въ ваши дѣла вмѣшиваться...

Жигулева.—Я не про свои...

Аргунинь.—Во всякомъ случаѣ, онъ можетъ написать мнѣ, что ему нужно,—вѣдь, онъ грамотѣ-то еще не разучился...

Жигулева.—Что ему отъ васъ нужно, это я скажу. Семень Ѳедорычъ очень васъ благодарятъ за всѣ ваши услуги, только теперь они совсѣмъ иначе хотятъ... Они васъ просятъ возвратить имъ довѣренность и коли какіе документы еще у васъ на рукахъ, а не при дѣлѣ, всѣ бумаги возвратить,—они предполагаютъ свое дѣло другому адвокату передать.

Аргунинь.—Онъ вамъ поручилъ это сказать?

Жигулева.—А вы не ожидали? Нѣшто ужъ на этотъ случай ему слишкомъ здоровую неустойку въ условіе вписали?...

Аргунинь.—Ай, ай, Авдотья Даниловна, къ чему такія слова? Вамъ Семень Ѳедоровичъ довѣряетъ говорить за себя, такъ вамъ должно быть извѣстно, что никогда я никакихъ неустоекъ никому не назначаю.

Жигулева.—Чего тамъ извѣстно, онъ слабоумный; иной разъ самъ не понимаетъ, что подписываетъ. А вамъ, чай, выпускать изъ рукъ выгодное дѣло не очень-то пріятно.

Аргунинь (взявъ шляпу). — Передайте, любезнѣйшая Авдотья Даниловна, Семену Ѳедорычу, чтобъ онъ прислалъ мнѣ письменное заявленіе о возвращеніи ему его бумагъ, да чтобъ приложилъ свой адресъ, гдѣ его теперь найти...

Жигулева.—Зачѣмъ вамъ адресъ? Вы все еще хотите упротить его, чтобъ онъ васъ не бросалъ?

Аргунинь (посмѣиваясь).—Дайте же договорить!... Я нотаріальнымъ порядкомъ передамъ ему бумаги; безъ его адреса этого сдѣлать нельзя... Или пускай онъ вамъ дастъ засвидѣтельствованную довѣренность, тогда и пожалуйте ко мнѣ...

Жигулева.—Вы меня-то еще, того гляди, прогнать велите.

Аргунинь.—Какъ же мнѣ васъ прогнать? Вы по дѣлу придете. Надо же мнѣ кому-нибудь бумаги сдать.

Жигулева.—Очень я вамъ поперекъ горла стала, что Сеничка опять мной совсѣмъ плѣнился.

Аргунинь.—Прощайте.

Жигулева.—До чего я вамъ противна, минутки со мной побыть не хотите!... Ужь сознайтесь, что кипятъ у васъ сердце на меня...

Аргунинь.—Почему же вы такъ думаете?

Жигулева.—Потому что вы хоть и мягкимъ прикидываетесь, а тоже не промахъ: сразу поняли, что Сеня женихъ завидный: и глупъ, и богатъ... Не токмо, что мнѣ, мѣщанкѣ низкой, а хоть бы и вашей дочкѣ-барышнѣ пригодится.

Аргунинь (схватываетъ ее за руку).—Слушай ты, баба, если когда-нибудь...

Жигулева.—Оставьте!... Какъ вы смѣете?...

Аргунинь.—Если ты когда-нибудь какой-нибудь намекъ на мою дочь скажешь... смотри... не ровень часъ... я терпѣливъ... шипи, какъ змѣя, сколько хочешь,—на мнѣ свое жало притупишь, но дочь мою не тронь... тутъ я...

Жигулева (кричитъ).—Подите сюда! Бто тутъ рядомъ есть? Подите сюда!... (Вбѣгаютъ Прощалинь, Антоновъ и Николаевъ). Отгоните его, онъ на меня съ гулаками шель.

(Плачетъ).

Аргунинь.—Ахъ, вотъ къ чему была вся эта комедія!...

Прощалинь.—Артамонъ Сергѣичъ, придите въ себя... можно ли такъ со слабою женщиной...

Аргунинь.—Да, да, да... я знаю, что вы скажете... Это все было заранѣе подстроено... я недогадливъ... простите... Бто въ вертецъ попадаетъ, долженъ быть ко всему готовымъ...

(Уходитъ. Жигулева смѣется).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Гостинная у губернатора.

1.

Глазова, Сысоева, Прощалина, Желявина, Кротовъ, Роцинъ въ сторонѣ.

Оживленный споръ, говоръ: нѣсколько голосовъ говорятъ въ одно время (Прощалина, Сысоева, Кротовъ); ничего не разобрать; слышны только недоумѣвающія восклицанія.

Желявина.—Позвольте, позвольте сказать!... (Все стихаетъ). Ну, пускай по-вашему: я идеализирую Аргунина; такъ, вѣдь, это прекрасно, значить, я обо всѣхъ стараюсь думать хорошо.

Сысоева. — Она останется наивна до могилы.

Прощалина. — Да вы - то о немъ думайте хорошо; отъ этого Аргунинъ лучше не будетъ.

(Смѣхъ; восклицаніа: „конечно, конечно!“)

Глазова. — Любовь Андреевна, все-таки, нельзя же отрицать, что вы на Аргунина озлоблены и неможно пристрастны къ нему.

Прощалина. — Я и не отрицаю... послѣ всего, что Аргунинъ со мной сдѣлалъ, я имѣю полное право быть и озлобленной, и пристрастной... но не я одна радуюсь, когда съ него сбиваютъ его фальшивую славу.

Бротовъ. — Онъ такъ самообольщенъ, такъ...

Глазова. — Въ чемъ вы видите?...

(Входитъ Николаевъ).

2.

Тѣ же и Николаевъ.

Николаевъ (раскланиваясь). — Ваше превосходительство!

Сысоева. — Вотъ и живой свидѣтель всего происшествія; онъ разрѣшитъ наши споры.

Глазова. — Ахъ, господа, какъ мнѣ этотъ разговоръ неприятенъ!

Сысоева. — Дорогая Марья Яковлевна, мы живые люди и насъ волнуетъ то, что вокругъ насъ дѣлается. Въ сегодняшнемъ *Вѣстникѣ* напечатана статья, гдѣ Аргунинъ выставленъ въ самомъ неприглядномъ видѣ. Это интересный вопросъ дня; какъ объ этомъ не разговаривать?

Прощалина. — Я прошу Павла Дмитриевича повторить, что онъ видѣлъ... Мнѣ, вѣдь, не вѣрять, что я отъ мужа слышала, — мы заинтересованная сторона.

Желявина (Николаеву). — Вы только скажите: ударилъ Аргунинъ эту женщину или нѣтъ?

Николаевъ. — Я думаю, что ударилъ.

Глазова. — Что значитъ: я думаю? Стало быть, вы сами этого не видали?

Желявина. — Ага!

Николаевъ. — Мы были въ сосѣдней комнатѣ, когда онъ разговаривалъ съ Жигулевой... Разговоръ у нихъ вышелъ очень крупный.

Прощалина. — Ну, а дальше, что же? Рассказывайте все, что знаете.

Николаевъ. — А дальше вдругъ слышимъ, она кричитъ: «спа-

сите, спасите!»... вбѣгаемъ и видимъ сцену: онъ схватилъ ее за руку съ угрозой, съ проклятіями, она отчаянно вырывается... насилу мы его оттащили.

Желявина.—А еще что было? (Прощалиной) Вы не подсказывайте, онъ самъ скажетъ. Что при этомъ говорилъ Аргунинъ?

Николаевъ.—Бранился, и довольно рѣзко бранился, я не помню.

Желявина.—Вотъ вамъ и разногласіе. Любовь Андреевна утверждаетъ, что онъ говорилъ: Ты у моей дочери жениха отбиваешь».

Николаевъ.—Очень можетъ быть... въ этой свалкѣ... я такъ былъ пораженъ всѣмъ... я слышалъ крикъ, я къ словамъ не прислушивался.

Глазова.—Это совершенно невозможная вещь.

Прощалина.—Мой мужъ слышалъ собственными ушами.

Глазова.—Никогда Артамонъ Сергѣичъ этого не желалъ... я навѣрное знаю.

Сысоева.—Ну, желать-то онъ могъ; оно очень понятно.

Прощалина.—Да ужъ что бы онъ ни говорилъ, довольно и того, что онъ съ ней дрался. А это теперь вполнѣ доказано: посторонній свидѣтель видѣлъ,—Павель Дмитріевичъ.

Глазова.—Онъ не говорить, что Аргунинъ дрался, онъ говорить, что Аргунинъ держалъ ее за руки. Можетъ быть, она хотѣла драться, и онъ ее только удержалъ.

Желявина.—Да хотя бы и ударилъ ее, если эта мѣщанка наговорила ему дерзостей?

Николаевъ.—Поднять руку на женщину!... Помилуйте!...

Желявина.—Какова женщина...

Сысоева.—Отчего же вы, Вѣра, сейчасъ такъ выходили изъ себя, доказывая, что этого не было?

Прощалина.—Вотъ вы и договорились. Защищаете Аргунина, а сами подтверждаете все, что про него сказано въ газетѣ.

Глазова.—Зачѣмъ вы спорите, Вѣра? Вы хуже дѣлаете.

Желявина.—Чѣмъ, Марья Яковлевна? Въ сущности, я даже не нахожу ничего особенно дурнаго, если и дѣйствительно дѣло было такъ, какъ напечатано...

Многие.—О-о-о!

Прощалина.—Такъ о чемъ же вы спорили?

Сысоева.—Ай, какъ вы попались, какъ вы попались!...

Желявина.—Ничуть не попалась... Пускай все правда...

Глазова.—Довольно, довольно, Вѣра! Вы въ своихъ словахъ

запутаетесь. По мнѣ, господа, я опять повторяю: про Аргунина напечатана пасквиль.

Николаевъ.—Марья Яковлевна, извините, вы ужь слишкомъ строги... статья эта встрѣчена сочувствіемъ во всемъ городѣ. Я перебывалъ сегодня въ десяткѣ домовъ, все негодуютъ на поступокъ Артамона Сергѣича.

Глазова.—Жалѣю тѣхъ, кто вѣрять клеветѣ.

Николаевъ.—Однако, въ числѣ такихъ довѣрчивыхъ есть люди далеко не легкомысленные... Да вотъ... (Родину) Иванъ Тимоѣичъ, пожалуйста сюда; скажите намъ ваше мнѣніе...

Родинъ (подходъ).—Я не могу; я его пріятель.

Сысоева.—Такъ по-пріятельству будете мирволить?

Родинъ.—Никогда я этого не дѣлаю... и коли говорить правду...

Процалина.—Правду, правду, непременно!

Родинъ.—Разумѣется, Аргунинъ самъ подалъ поводъ къ этимъ толкамъ; не нужно было вообще связываться съ Савицкимъ... Какъ хотите, этотъ полоумный съ его сомнительною претензіей и эта гадкая женщина... я не хочу знать, что у нихъ тамъ происходило: ударилъ ее Аргунинъ или нѣтъ, и что онъ говорилъ... но все это отзывается труппой, куда человѣку, уважающему себя, идти не слѣдъ.

Глазова.—Вотъ съ этимъ я отчасти соглашусь: дѣло Савицкаго недостойно Аргунина.

(Входитъ Утроцкій).

3.

Тѣ же и Утроцкій.

Утроцкій.—Мое почтеніе, господа... (здоровается). Марья Яковлевна, къ вамъ пріѣхалъ Аргунинъ съ дочкой. Я поспѣшилъ войти впередъ, пока Софья Артамоновна разоблачается, предупредить... потому что, если вы тутъ разговариваете объ этой газетной статьѣ, можетъ выйти неловкость.

Глазова.—Мегаі. Очень кстати, мы именно сейчасъ о немъ спорили.

Процалина.—И я вамъ благодарна: меня избавяете отъ этой встрѣчи. Пойдемте, Иванъ Тимоѣичъ, въ красную гостиную.

Бротовъ.—И я съ вами, если позволите.

Глазова.—Есть чему это, господа?

Процалина.—Я не могу, Марья Яковлевна, я не могу; я правдивая женщина и нервная, я скрывать ничего не умѣю... я ему;

не поклонюсь, и это вамъ же будетъ непріятно. Я приду, когда здѣсь будетъ больше гостей; тогда можно его не замѣтить.

(Уходитъ съ Родиономъ и Кротовымъ, Николаевъ за ними).

ГЛАЗОВА (ему). — И вы убѣгаете?

НИКОЛАЕВЪ. — И я-съ.

(Уходитъ Глазова, пожавъ плечами, идетъ въ глубину).

СЫСОЕВА (Утроцкому). — Какіе щепетельные! Ужь сторониться его начинаютъ, а разбери-ка ихъ самихъ...

4.

Глазова, Утроцкій, Сысоева, Желявина и Софья.

ГЛАЗОВА. — Здравствуйте, дитя мое! (плъуетъ ее). Вы меня совсѣмъ забыли... А папа?

СОФЬЯ. — Онъ здѣсь.

СЫСОЕВА. — Вѣрно, прошелъ къ вашему супругу. У него всегда есть какія-нибудь просьбы къ губернатору.

ГЛАЗОВА. — Вы похудѣли, mon enfant... что съ вами?

СОФЬЯ. — Ахъ, мнѣ всѣ эти дни не по себѣ! Ужасно меня папа беспокоитъ. Все хмурится чего-то, совсѣмъ не такой, какъ прежде... часто скучень... я боюсь, не боленъ ли? — говорить, что нѣтъ, а кто его знаетъ!...

СЫСОЕВА. — Ахъ, ma chère, нравственныя тревоги точатъ иногда пуще всякой болѣзни.

СОФЬЯ. — Чего ему тревожиться? Кажется, ничего нѣтъ такого... Онъ бы сказалъ мнѣ, если-бъ было.

СЫСОЕВА. — Какъ чего? Развѣ сегодняшняя газетная статья ничего? Меня всю въ жаръ бросило за него, когда я прочитала.

ГЛАЗОВА. — Я просила не говорить объ этомъ.

СОФЬЯ. — Какая статья?

ЖЕЛЯВИНА. — Вы не читали? Сегодня въ здѣшнемъ *Вѣстникѣ*.

СОФЬЯ. — Нѣтъ. Мы съ папа эту ночь спали въ деревнѣ; пріѣхали всего часъ назадъ; дома были только, чтобъ переодѣться, и газетъ не брали въ руки... Тамъ что-нибудь напечатано про моего отца?

СЫСОЕВА. — Гадкая клевета.

СОФЬЯ. — Стало быть, и въ самомъ дѣлѣ онъ мнѣ чего-то не договариваетъ?... Да, да... еще третьяго дня обмолвился о какихъ-то сплетняхъ... потомъ махнулъ рукой. Я не хотѣла разспрашивать, чтобъ не раздражать... Марья Яковлевна, покажите мнѣ газету.

ГЛАЗОВА. — Съ условіемъ, чтобы вы не волновались.

Утроцкий.—Вы должны понимать, Софья Артамоновна, что на общественномъ поприщѣ надо всегда быть готовымъ ко всему.

Сысоева (Глазовой).—Уведемте ее въ вашъ кабинетикъ... вдругъ она тутъ еще расплачется при всѣхъ...

Глазова (Сысоевой).—Да... (Софья) Пойдемте ко мнѣ, газета тамъ. (Желявиной) Вѣра, вы съ нами не ходите. (Ея теще) У васъ доброе сердце, но у васъ такту нѣтъ; вы иногда сами не подозреваете, какъ вы безпощадны къ чувствамъ другихъ.

(Уходитъ съ Софьей).

Сысоева (Утроцкому).—Любопытно, какое это произведетъ на нее впечатлѣніе...

(Уходитъ за ними).

5.

Утроцкий и Желявина, потомъ Аргунинъ.

Желявина.—Я безпощадна къ чувствамъ другихъ! Не то что эта вотъ, Сысоева... видѣли? — она ужъ заранѣе радуется, какъ Софа будетъ страдать и плакать надъ газетой... Она не безпощадна, она тактична! А утѣшать начнетъ, такъ только раны растравляетъ...

(Входитъ Аргунинъ).

Утроцкий (Желявиной).—Артамонъ Сергѣичъ... (Подала руку Аргунину). Здравствуйте.

Желявина.—Какъ бы мало ни было у меня такту, Артамонъ Сергѣичъ, но ужъ такъ искренно васъ защищать, какъ я, никто не станетъ, никто.

(Уходитъ).

6.

Аргунинъ и Утроцкий.

Аргунинъ.—Должно быть, у насъ разбойники завелись, что она меня защищать собирается?

Утроцкий.—Трещотка пустоголовая.

Аргунинъ.—Бто тамъ у губернатора? Я было хотѣлъ къ нему въ кабинетъ, но мнѣ сказали, что онъ заперся съ кѣмъ-то.

Утроцкий.—Кажется, Прощалинъ тамъ... Зуринъ и еще кто-то.

Аргунинъ.—Секретное совѣщаніе... съ Прощалинымъ?

Утроцкий.—Я этому очень радъ... Пока до другихъ гостей я могу съ вами одинъ на одинъ переговорить... Я лучше буду васъ прямо спрашивать.

Аргунинъ.—Лучше, чѣмъ что?

Утроцкий.—Чѣмъ за спиной про васъ болтать всякую всячи-

ну... Артамонъ Сергѣичъ, вы знаете, какъ я къ вамъ всегда былъ расположенъ... Отвѣтите же мнѣ откровенно, просто, какъ добродушному знакомому: что у васъ была за исторія въ квартирѣ Жигулевой? За что вы на нее такъ напустились?

Аргунинь.—Какъ напустился?

Утроцкій.—Да говорятъ, вы просто не владѣли собой, такъ увлеклись, что даже ударили ее.

Аргунинь.—Какіе пустяки!

Утроцкій.—Нѣтъ, серьезно: рѣшительно ничего такого не было, а?... ну, можетъ быть?—припомните-ка... Вѣдь, такъ легко раздражиться: этакая назойливая баба... Толкнули вы ее, что ли, или что-нибудь такое...

Аргунинь.—Смѣшной вы человѣкъ!... Если я говорю—нѣтъ, такъ, стало быть, нѣтъ, чего переспрашивать?... До меня доходили какіе-то слухи въ этомъ родѣ, но я никакъ не думалъ, чтобы вы...

Утроцкій.—Я единственно въ вашихъ интересахъ; потому что разъ вы допустили такую неосторожность—взядись за это дурацкое дѣло Савицкаго...

Аргунинь.—Вы мнѣ сами говорили, что дѣло Савицкаго съ моей стороны подвигъ гражданина.

Утроцкій.—Я и теперь этого не отрицаю... если бы не былъ замѣшанъ Прощалинь... Какъ можно было забыть, что Прощалинь—директоръ здѣшняго банка?... Идти противъ директора городского банка, это значить идти противъ всего города. Хотите моего душевнаго совѣта: бросьте вы это дѣло, верните Савицкому его довѣренность и умойте руки... Ну, пропадетъ вашъ гонораръ—на другомъ наживете.

Аргунинь.—Вотъ, вѣдь, какъ... добрый знакомый, а все маленькую каверзу про гонораръ ввернулъ... какъ будто я такъ надъ гонораромъ и трясусь... Успокойтесь, милый мой, я вижу, что самъ Савицкій не хочетъ дальнѣйшаго веденія дѣла. Я бы давно передалъ ему всѣ бумаги, да никакъ не могу его разыскать; я ужъ къ полиціи обратился за его адресомъ.

Утроцкій.—И прекрасно дѣлаете.

Аргунинь.—Ну, положимъ, совѣтъ не прекрасно. Если по совѣсти-то дѣлать, не надо бы его бросать. Мнѣ искренно жаль этого полоумнаго. Мнѣ все представляется, какъ будто передо мной звѣри рвутъ на части беззащитнаго человѣка, а я равнодушно прохожу мимо... Тутъ безъ прокурорскаго надзора не обойдется... Да ничего не подѣлаешь...

Утроцкий.—А ну его! что вамъ за другихъ распинаться? Берегите себя.

Аргунинъ.—Отъ какихъ невзгодъ?

(Входитъ Тенетовъ).

7.

Тѣ же и Тенетовъ.

ТЕНЕТОВЪ (здоровался съ Аргунинимъ).—Ага!... обличенный!... попался!

АРГУНИНЪ.—Какъ ты говоришь?

ТЕНЕТОВЪ.—Обличенный... Вѣдь, тебя обличили, въ газетѣ, стало быть, ты обличенный.

АРГУНИНЪ.—Что?

ТЕНЕТОВЪ.—Ну, можно ли такую мерзость писать? Но какъ ловко, собака, придрался! Съязвилъ на твой счетъ.

АРГУНИНЪ.—Да гдѣ? что такое?

ТЕНЕТОВЪ.—Неужто не читалъ?—сегодня въ нашемъ доморощенномъ *Вѣстникѣ*. Я и номеръ съ собой въ карманъ ношу; сейчасъ мы въ клубъ перечитывали, такъ и покатывались со смѣху, какъ это онъ все подвернулъ. Прочитай-ка, батюшка, прочитай...

(Даетъ ему газету. Аргунинъ читаетъ).

Утроцкий.—Глупый и пошлый вздоръ, недостойный вниманія.

ТЕНЕТОВЪ.—А, все-таки, знаете, нельзя не сказать: кто это писалъ, у того бойкое перо; онъ не безъ таланта... Вздоръ это все, конечно, но пресмѣшно написано. Особенно, какъ этотъ Савидкій выставленъ: все влюбляется, все влюбляется; гдѣ увидѣлъ женщину, тамъ и влюбился... Увидѣлъ кухарку чумазую—ужь она ему предметъ; барышню—и отъ нея амуръ... мѣщанка, торговка площадная или принцесса—ему все хлѣбъ. Вѣдь, онъ дѣйствительно такой... И дьяволы же эти писаки журнальные: все подберутъ, да разцвѣтятъ...

АРГУНИНЪ.—Этакое произведеніе тебѣ можетъ нравиться?

ТЕНЕТОВЪ.—Съ точки зрѣнія чисто-литературной.

АРГУНИНЪ.—Ты его называешь литературой?

ТЕНЕТОВЪ.—А тебя оно, кажется, огорошило! Есть изъ-за чего! Кто же не видитъ, что это мерзость?... Писалъ какой-нибудь завистникъ... Твой успѣхъ злить; надо же и тебѣ отравить немножко существованіе.

АРГУНИНЪ.—Въ чемъ же тутъ талантъ писателя?

ТЕНЕТОВЪ.—Именно въ томъ, чтобы этакую пакость—и на-

писать как будто съ благородствомъ... Да, вѣдь, я только съ внѣшней стороны хвалю, я этому не сочувствую.

Аргунинъ.—Еще бы ты сочувствовалъ! Да ты перечти; ты, вѣрно, не вдумался въ то, что здѣсь напечатано... Ну, если еще говорятъ, что я затѣваю всякія кляузы ради крупной наживы, — это ужь такъ рѣшено въ обществѣ, что у адвоката никакихъ цѣлей ни въ чемъ не можетъ быть, кромѣ денежныхъ; а у меня тѣмъ паче, — я жаднѣе всѣхъ... Если тамъ разсказываютъ, что я подрался съ этою наглою бабой, это только глупо... Но когда намекаютъ, что я заботился о Савицкомъ, чтобы женить его на моей дочери, это... это такое... (Задыхается). И ты знаешь, что для меня моя Софья, а носишься съ этою статьей?

Тенетовъ.—Душенька, эта статья недостойна, чтобъ ты сердился на нее; ты долженъ стоять выше этого.

Аргунинъ.—Мою жизнь задѣваютъ, мою дочь, все мое самое дорогое... да что я — каменный, что ли?!

Тенетовъ.—Кто задѣваетъ-то?

Аргунинъ.—Всѣ. Ты же говоришь, что по клубамъ радуются этой статьѣ.

Утроцкій.—Не слѣдовало начинать процесса.

Аргунинъ.—И безъ него нашелся бы поводъ разнуздаться гнуснымъ страстишкамъ, коли ужь такъ хотѣлось на меня нагнуть... развѣ дорога кому-нибудь Жигулева? — сами на нее плюнуть.

Тенетовъ.—Стало быть, и надо отъ нихъ отвернуться.

(Входятъ Желявина и Кротовъ, за ними Рошнякъ).

8.

Тѣ же, Желявина, Кротовъ и Рошнякъ.

Кротовъ (пожимая руку Аргунину).—Артамонъ Сергѣичъ, докажите вотъ барышнѣ, что она совсѣмъ за васъ заступаться не умѣетъ.

Желявина.—Я заступаюсь за правду. Артамонъ Сергѣичъ, какъ и всякій другой, обязанъ заботиться о своихъ родныхъ...

Кротовъ.—Послушайте-ка ее, послушайте...

Желявина.—И еслибъ Артамонъ Сергѣичъ хотѣлъ изъ Савицкаго устроить хорошую партію своей дочери, это очень естественно.

(Отходитъ въ глубину на встрѣчу входящему Глазову; Кротовъ тоже).

Утроцкій (Аргунину).—Вотъ еще этакая дура-заступница выщется — пуще врага насолить!

(Входятъ Глазовъ и Зуринъ, за ними Прощалинъ, который нѣкоторое время остается въ глубинѣ).

9.

Тѣ же, Глазовъ, Зуринъ и Прощалинъ, потомъ Прощалина и Николаевъ.

Глазовъ.—Артамонъ Сергѣичъ здѣсь?—Вопрош... О чемъ вы бесѣдуете?

Аргунинь.—О вещахъ довольно жгучаго свойства, Николай Ивановичъ.

Глазовъ.—А-а?!

Аргунинь.—Читали вы сегодняшнюю статью въ *Вѣстникъ* про меня?

Глазовъ.—Ахъ, эту... да, какъ же... Зачѣмъ они печатають, не понимаю.

Аргунинь.—Мнѣ бы хотѣлось знать, Николай Ивановичъ... вотъ вы лично со мной знакомы лѣтъ пять, а чрезъ вашу су-пругу и гораздо больше... считаете ли вы, что хоть единое слово въ этомъ писаньи справедливо?

Глазовъ.—Охота вамъ обращать вниманіе на эти печатныя разоблаченія... Завтра напечатають что-нибудь другое и объ этомъ забудуть.

Аргунинь.—Да вы-то признаете ли, что все здѣсь сказанное—ложь и клевета?

Глазовъ.—Я?... Я признаю, разумѣется, что въ этой статьѣ есть... неправильности...

Аргунинь.—Скажите же это господину вице-губернатору.

Зуринъ.—Мнѣ?

Аргунинь.—Вѣдь, вы цензуровали *Вѣстникъ*; какъ же вы могли пропустить такую завѣдомую, такую наглую ложь?

Зуринъ.—Артамонъ Сергѣичъ, это меня не касается, я не обязанъ слѣдить за частными распрями.

Аргунинь.—А если въ частной распрѣ стануть убивать на улицѣ?

Тенетовъ.—Опять ты съ твоею горячкой!

Глазовъ (Аргунину).—Эхъ, дорогой! да про кого не пишутъ въ газетахъ?... Вы думаете про меня не пишутъ? Не хотите ли я вамъ покажу статьи, какія нелѣпицы про меня городать?

Роцинь.—Артамонъ Сергѣичъ, позвольте мнѣ вставить словечко... Меня-то ужъ вы никакъ не заподозрите въ недружелюбіи въ вамъ... Простите... Вы этими требованіями прямо даете вашимъ врагамъ причину васъ унижать, и причину, право, основательную... это вамъ скажетъ всякій, кто желаетъ вамъ добра. Вы—независимый человѣкъ и просите цензуру васъ охранять?

Аргунинь.—Я не прошу... я только удивляюсь, что это не дѣлается помимо меня, и не для меня только, а для всѣхъ... никто не застрахованъ.

Роцинь.—Нельзя этого... потому что сегодня, скажемъ тамъ, вы дѣйствительно несправедливо задѣты; но завтра и всякій плутъ пожелаетъ, чтобъ скрывали его шашни, и на тѣхъ же основаніяхъ. Гдѣ же предѣлъ цензурѣ? что же это будетъ за пресса?

Зуринь.—Вы, Артамонъ Сергѣичъ, предписываете цензурѣ быть строже?

Аргунинь.—Недоставало, чтобъ еще и это обо мнѣ толковали.

Роцинь.—Не давайте возможности толковать... Вы—жертва, согласенъ, и гордитесь тѣмъ, что вы—жертва... во имя свободы прессы... во имя высшихъ идей...

Тенетовъ.—Какія идеи? Просто, не стоитъ объ этомъ говорить: никто не придаетъ значенія этимъ газетнымъ статьямъ.

Аргунинь.—Никто не придаетъ значенія, но пытаются ими всѣ; только бы про кого-нибудь было сказано дурно... словно всякій боится, чтобъ кто другой не былъ лучше его, словно воображаетъ оправдать свои грѣхи тѣмъ, что ищетъ ихъ у другаго... вѣдь, большаго праздника нѣтъ, какъ осквернить то, что считается хорошимъ; такова-то природа человѣка: «Я, молъ, самъ въ грязи, зачѣмъ ты хочешь быть чистымъ? Марай ужь всѣхъ за одно, чтобъ всѣ въ одномъ болотѣ купались».

Утроцкій.—Ну, не до такой степени.

(Входятъ Николаевъ и Процалинь).

Аргунинь.—Богда я начиналъ процессъ Савицкаго, я кругомъ слышалъ одобренія за него, а теперь меня упрекаютъ, зачѣмъ я началъ этотъ процессъ. Знаютъ, что я былъ правъ, и, все-таки, упрекаютъ.

Процалинь.—Отчего же такъ, Артамонъ Сергѣичъ? Можетъ быть, просто, многіе перемѣнили взглядъ на это дѣло... Тогда вы въ судѣ такъ прекрасно говорили, такъ блестяще,—могли увлечь многихъ, вамъ повѣрили; но теперь выясняются причины, почему вы взяли за процессъ, и...

Аргунинь.—Слышите?... Стоило напечатать сплетню въ газетѣ и ужь во мнѣ извѣрились.

Николаевъ.—Прошу васъ не продолжать разговора въ этомъ тонѣ... Если ужь на то пошло, эту статью, господа, написалъ я, и беру на себя отвѣтственность за нее.

Аргунинь (вспльчиво).—Вы? вы осмѣливаетесь...

Глазовъ (останавливая его).—Артамонъ Сергѣичъ, ради меня...

Аргунинь (пожимая ему руку).—Правда... (Спокойно) Не ждалъ я, чтобы авторъ такого сочиненія имѣлъ смѣлость открыто признать его.

Николаевъ.—Отчего же? Я развязываю вамъ руки. Вы можете преслѣдовать меня судомъ за клевету... можетъ быть, вамъ удастся засадить меня въ тюрьму.

Аргунинь.—То-есть вы хотѣли бы разыграть комедію злословія и... и другихъ оскорбленій при цѣлой толпѣ народа? Вы хотѣли бы дать возможность и Жигулевой, какъ свидѣтельница, потѣшаться надо мною, наговорить мнѣ всякихъ гадостей, трепать въ праздныхъ разговорахъ имя моей дочери на потѣху глушаго злорадства? Неужели такая пытка можетъ быть успокоена тѣмъ, что васъ лишатъ свободы на два мѣсяца? И на что мнѣ это?... Вы знаете, что я этого никогда не допущу, и потому такъ храбры.

Николаевъ.—Какъ вамъ будетъ угодно.

Аргунинь.—Мнѣ остается желать одного: чтобъ вотъ при всѣхъ здѣсь мнѣ пришлось увидать Савицкаго и его распросить... пускай бы онъ сказалъ...

Прощалинь.—Это желаніе ваше можно исполнить сейчасъ же... Вы позволите, Николай Ивановичъ, привести сюда моего племянника?

Глазовъ.—Я, право, не знаю... Не лучше ли всѣ эти разговоры прекратить.

Прощалинь.—Отчего же, ваше превосходительство, если Артамонъ Сергѣичъ просить?

Желявина.—Конечно, справедливость требуетъ удовлетворить желаніе Артамона Сергѣича.

Прощалинь.—Кстати, я его привезъ къ вамъ; я сейчасъ приведу.

(Уходитъ).

10.

Тѣ же, безъ Прощалина.

Аргунинь.—Развѣ онъ здѣсь?

Глазовъ.—Онъ въ кабинетѣ у меня пишетъ одну бумагу...

Аргунинь.—И привезъ его дядя?

Тенетовъ.—Я совершенно согласенъ съ Николаемъ Ивановичемъ: чѣмъ эти пустые разговоры вести, лучше сѣсть за карты; тогда, по крайней мѣрѣ, если и побьютъ всѣхъ твоихъ козырей, тебѣ это дешевле обойдется, чѣмъ ремизиться въ этой вздорной исторіи.

(Входятъ Софья и Глазова, за ними Сисоева).

11.

Тѣ же, Софья, Глазова и Сысоева, потомъ Прощалинъ и Савицкій.

Глазовъ (иди на встрѣчу Софьѣ). — Ахъ! и она тутъ, милое дитя... давно васъ не видалъ.

Аргунинь (здороваясь съ Глазовой, ей тихо). — Напрасно вы ее привели; я забылъ, что она со мной.

Глазова. — А что?

Сысоева (подходя къ нимъ). — Ну, Артамонъ Сергѣичъ, какъ ваша дочь васъ любить и какая у ней сильная душа!... Вы слышали про газетную статью?

Аргунинь. — Читалъ даже; ужъ одинъ пріятель объ этомъ постарался.

Сысоева. — Софи сейчасъ ее прочла, и что же? только поблѣднѣла и ненависть въ глазахъ свергнула, но такая ненависть!...

Глазова (отводя ее). — Что вамъ за удовольствіе говорить людямъ именно то, что имъ особенно больно?

(Отходить).

Сысоева. — Что же я такого сказала?

(Пожимаетъ плечами).

Желявина (Прощалиной). — Послушаемъ Савицкаго.

Прощалина. — Послушаете.

Глазова (Аргунину). — Пойдите въ залу, вы мнѣ расскажете...

(Прощалинъ вводитъ Савицкаго).

Прощалинъ (Аргунину). — Вотъ вамъ мой племянникъ... что вы хотѣли спросить его?

Аргунинь. — Наконецъ-то вы рѣшаетесь со мной встрѣтиться, Семень Ѳедорычъ... Какъ мнѣ объяснить себѣ ваше поведение?

Савицкій (очень смущенъ). — Артамонъ Сергѣичъ, вы напрасно со мною связались. Вѣдь, вы знали, что я пропащій человекъ...

Аргунинь. — Вы сами, да еще памятью вашего отца, упрашивали меня принять въ васъ участіе.

Прощалинъ. — Ну, что же, Семень, не отвѣчаешь? Говори: дѣйствительно умолялъ ты Артамона Сергѣича, чтобъ онъ противъ твоихъ родныхъ дѣйствовалъ? чтобъ твоего отца сумасшедшимъ ославилъ?

Аргунинь. — Говорите.

Савицкій. — Что вы мучаете меня? Ужъ если такъ рѣшено, что я нигуда негодный, — что мое слово значитъ?

Глазовъ. — Никто васъ не бранить, мой бѣдный другъ.

Прощалинъ. — Отъ тебя только хотятъ, чтобы ты сказалъ...

САВИЦКІЙ.—Что я могу сказать?... Я какъ въ чадѣ... всю жизнь, какъ въ чадѣ... не знаю, что во снѣ, что на яву... ничего не помню, что какъ было.

Аргунинь (раздражалась, но сдержанно).—Вы не помните?

Софья (тихо Глазовой).—Остановите это, ради Бога.

Глазова.—Артамонъ Сергѣичъ, я не желаю, чтобъ у меня...

Аргунинь (постепенно горячась).—Нѣтъ, нѣтъ... пускай ужь онъ до конца договорится, пускай видятъ, какъ на него успѣли повліять за три недѣли... Вы не помните, такъ помнить другіе, какъ вы въ судѣ, еще даже и дѣло не было рѣшено, громко восхваляли счастье встрѣчи со мной, какъ клялись никогда не забывать всего, что я для васъ сдѣлалъ? Вы нарочно такъ говорили, чтобъ всѣ это слышали.

Прощалинь.—Позвольте, вы насилуете его волю... Пускай онъ самъ говоритъ безъ всякихъ разспросовъ.

Глазова.—Его только просятъ повторить, что имъ въ самомъ дѣлѣ было сказано.

Прощалинь.—Марья Яковлевна, то, что было прежде сказано, ничего не доказываетъ. Вѣдь, вотъ Артамонъ Сергѣичъ находитъ, что на Семена кто-то сильно повліялъ; стало быть, ужь это такой характеръ, на который можно вліять, отчего же не допустить, что и тогда всѣ восторженные рѣчи и Артамонѣ Сергѣичу были сказаны тоже подъ вліяніемъ самого Артамона Сергѣича?

Аргунинь (твердо).—Хорошо. Я ни о чемъ больше не спорю, я хочу только, чтобъ онъ сказалъ мнѣ.

Глазовъ.—Я прошу...

Сысоева (отводитъ его).—Оставьте, не мѣшайте. Артамонъ Сергѣичъ оскорбленъ, ему надо дать высказаться.

(Продолжаютъ разговаривать).

САВИЦКІЙ.—Артамонъ Сергѣичъ, забудьте меня; я все это дѣло покончилъ... я выдалъ дяденькѣ записку, что процессъ кончаю... миромъ... вы мою довѣренность уничтожьте... какъ хотите... меня за что хотите считайте...

Аргунинь.—Одно слово только: скажите, видѣли ли вы когда-нибудь во мнѣ или въ моей дочери желаніе, чтобъ вы женились на ней?

Прощалина.—Какъ же онъ могъ...

Глазова.—Не предупреждайте его.

САВИЦКІЙ.—Я ничего не смѣю говорить... я не знаю ничего... я уйду...

НИКОЛАЕВЪ.—Бажется, довольно, Артамонъ Сергѣичъ, ставитъ Семена Федорыча и его превосходительство, и всѣхъ насъ въ не-

ловкое положеніе... Изъ деликатности къ здѣшнему дому не называютъ здѣсь вещи своими именами, но, кажется, можно понять, какъ къ вамъ относятся, и, говоря откровенно, можетъ быть, пришлось бы вамъ бросить въ глаза то слово, которое чуть было не сорвалось у васъ съ языка по адресу автора обличительной статьи:

ГЛАЗОВА.—Павелъ Дмитріевичъ!...

ГЛАЗОВЪ.—Господа, я, наконецъ, требую прекратить...

АРГУНИНЪ.—Вы требуете послѣ того, какъ...

СОФЬЯ (вскрикиваетъ).—Папа! папа!... уйдемъ отсюда... уйдемъ... уйдемъ...

АРГУНИНЪ (беретъ ее подъ руку, успокаиваетъ, потомъ озирается на всѣхъ и говоритъ): — Прощайте.

(Уходитъ съ Софьей).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Пріемная комната у Аргунина.

1.

Сысоева и Тенетовъ, потомъ Аргуниинъ.

СЫСОЕВА.—Вы говорите, его это нисколько не потрясло?

ТЕНЕТОВЪ.—Ни малѣйшимъ образомъ.

СЫСОЕВА.—Непостижимо!... По городу только и разговоръ объ этомъ скандалѣ: все ждутъ, что предприметъ Артамонъ Сергѣичъ.

ТЕНЕТОВЪ.—А ему какъ съ гуся вода.

СЫСОЕВА.—Этакъ онъ наткнется на новыя непріятности. Уговорите его уѣхать отсюда, чтобы дать угомониться страстямъ и пересудамъ... Какъ докторъ, отправьте его на какія-нибудь воды...

ТЕНЕТОВЪ.—Лучше въ кругосвѣтное плаваніе; можетъ, потонетъ по дорогѣ.

СЫСОЕВА.—Ахъ! я все забываю, что вы серьезно ничего не скажете.

(Входитъ Аргуниинъ).

АРГУНИНЪ (здороваясь съ Сысоевой).—Извините, я заставилъ васъ ждать.

СЫСОЕВА.—Вы были у Софи? она нездорова?

АРГУНИНЪ.—Немного голова болитъ: ѣздила сегодня за семь верстъ въ монастырь и устала.

СЫСОЕВА.—Долго молилась объ вашихъ несчастіяхъ? Добрая!

АРГУНИНЪ.—Вы по какому-нибудь дѣлу?

СЫСОЕВА.—По дѣлу сердца: пріѣхала протестовать противъ

поступка Николаева; такъ нельзя себя вести въ гостиной. Хотя бы вы и сдѣлали что-нибудь предосудительное, это еще не причина, чтобъ вамъ въ лицо грубить при всѣхъ.

Тенетовъ.—Еще бы! всякія пакости надо говорить въ приличной формѣ.

Сысоева (Тенетову). — Оставьте, оставьте, пожалуйста... (Аргунину) Я объ этомъ спору три дня на всѣхъ перекресткахъ и не могу добиться, чтобъ меня поняли... Вообразите, многіе васъ же осуждаютъ... Я нахожу, что мы должны, какъ во всякомъ порядочномъ обществѣ, всё, всё, сдѣлать вамъ визитъ, чтобы показать, что мы совсѣмъ не солидарны съ Николаевымъ... (плачливо) и никто не хочетъ!

Тенетовъ.—Кромѣ насъ съ вами.

Сысоева.—Ахъ, люди, люди! и при первой же бѣдѣ... Да неужели даже наша губернаторша не заѣзжала васъ утѣшить?

Аргунинъ.—Я не видалъ Марьи Яковлевны съ того вечера.

Сысоева.—Ужь отъ нея-то я никакъ этого не ожидала... выдаетъ себя самымъ близкимъ вашимъ другомъ съ дѣтства... она должна была первой пріѣхать... Да вамъ, вѣрно, забыли сказать... неужели не пріѣзжала? У меня это какъ-то не вяжется въ головѣ... Этакій другъ и...

(Входитъ Утроцкій).

2.

Тѣ же и Утроцкій.

Тенетовъ.—Вотъ вамъ визиты начинаются... представитель дворянства.

Сысоева (Утроцкому, здороваясь).—Мило съ вашей стороны, очень мило.

Утроцкій.—Что такое?

Аргунинъ.—Да вотъ Анна Савишна меня заживо въ гробъ хоронить: весь городъ ко мнѣ на поминки съезжаетъ.

Сысоева.—Я очень рада, Артамонъ Сергѣичъ, что вы вашей бѣды не хотите видѣть... Я, все-таки, считаю долгомъ показать вамъ мое сочувствіе.

Тенетовъ.—Отъ вашего сочувствія здоровый захвораетъ.

Сысоева.—Слишкомъ все къ сердцу принимаю; это правда. У меня нѣтъ силы воли и твердости, какъ у Артамона Сергѣича, такъ все выслушивать и спокойно уйти... (Аргунину) Передъ выходкой Николаева я вся вскипѣла за васъ... Будь я мужчиной, я бы не выдержала...

Тенетовъ.—Въ приличномъ-то обществѣ?

Сысоева.—Грубость хоть кого можетъ вывести изъ себя; въ отвѣтъ на нее все позволительно... (Аргунину) Я бы на вашемъ мѣстѣ... да, я не знаю, что... подсвѣчникомъ бы въ него пустила...

Аргунинъ.—Прелестная бы вышла сценка—и, Боже мой, какъ многіе бы ее желали... и, можетъ быть, самъ Николаевъ прежде всѣхъ... Подрались со мной,—вѣдь, это для него реклама... и какъ бы въ публикѣ-то порадовались такому униженію; какъ бы заговорили о томъ, что два адвоката подрались; какъ бы плечами пожимали, изумлялись бы: до чего это у нихъ, у адвокатовъ, доходить!... Чудесная бы сценка вышла!

Сысоева.—Да это бы не хорошо. Лучше разсчитаться съ грубіаномъ у барьера.

Тенетовъ.—Вызвать его на дуэль... слышишь, чего хотятъ?—чтобъ ты вызвалъ на дуэль Николаева.

Сысоева.—Упаси Господи! Я первая буду противъ этого... я говорю только про обычай...

Тенетовъ.—Дивихъ предковъ.

Сысоева.—Да, ужасно глупо, что нѣтъ другаго способа отстаивать свою честь.

Тенетовъ.—Ужасно глупо!... Честною жизнью, вѣдь, никакъ не отстоишь... Забота о семьѣ, трудъ, польза ближнему и прочія дурацкія цѣли—все это чепуха! Честь велитъ раскровянить негодяя, если ему вздумается лаять, убить его или еще самому быть убитымъ. Честь, прежде всего, требуетъ умѣть стрѣлять и фехтоваться; оттого-то такъ часто у завязатаго подлца этой чести гораздо больше, чѣмъ у честнаго человѣка.

Утроцкій.—Остроумно, но не ново.

Тенетовъ.—Не ново, да толково.

Утроцкій.—Что вы ни говорите, бываютъ случаи, когда этого дикаго обычая не избѣжишь. Не осади наглость въ-время, она сдѣлается еще наглѣе, и тогда ей удержи нѣтъ.

Аргунинъ.—Отъ наглости приходится ограждать, а не становиться съ ней на одну доску. Нѣтъ, Александръ Алексѣичъ, если всякіе Николаевы заставятъ меня взяться за пистолеть, то развѣ только на защиту, какъ отъ бѣшеннаго волка: я не позволю подступить ко мнѣ ближе, чѣмъ слѣдуетъ, и тогда пушу прямо пулю въ лобъ... да сохранить меня Богъ отъ этого...

Утроцкій.—Во мнѣніи общества поединокъ...

Аргунинъ.—О! я не откажусь отъ поединка, но совсѣмъ другаго рода поединокъ готовъ бы я предложить кому угодно... Я бы

сказалъ: вотъ вамъ ключи отъ моего письменнаго стола, отъ моихъ шкафовъ и конторокъ. Ищите, ройтесь, перечитайте каждое письмо, каждую бумажку... провѣрьте всю мою жизнь... Вы можете встрѣтить и увлеченіе, и слабость... и я дѣлалъ глупости, и горячился, и унывалъ... Не изъ желѣза я скованъ, такое же смертное тѣло и у меня, какъ у васъ; но вы мнѣ ничѣмъ не докажете, чтобъ я когда-нибудь покривилъ душой, чтобъ я чего-либо добивался не прямо, не открыто, не трудомъ и дарованіемъ, а какою-нибудь интригой, окольными путями, несчастіемъ другаго... Пускай же всякій позволить такъ вспахать свою жизнь, и мы посмотримъ, чья нива дастъ болѣе чистое зерно, гдѣ будетъ меньше сорной травы. Вотъ судъ чести, отъ котораго я никогда не откажусь. Многіе ли примутъ отъ меня такой вызовъ—не знаю.

Сысоева.—Да, это тоже можетъ служить утѣшеніемъ.

Аргунинъ.—Большимъ, повѣрьте... и отъ непрощенныхъ сожалѣній, и отъ лицемѣрныхъ сочувствій.

Сысоева (Аргунину). — Прощайте. Нѣтъ, вы не такой твердый, какимъ хотите казаться... вы очень волнуетесь... до несправедливости... меня лицемѣріемъ попрекнули... о! я понимаю, понимаю...

Тенетовъ.—Это на мой счетъ онъ сказалъ.

Сысоева.—Я свое сочувствіе, Артамонъ Сергѣичъ, показываю на дѣлѣ: я смѣло иду къ вамъ, какъ прежде, такъ и теперь... Я не боюсь, какъ другіе... какъ эти друзья ваши, что мой визитъ будетъ меня компрометировать... ко мнѣ нигдѣ ничего не пристанетъ... До свиданія. Дай вамъ Богъ изъ всѣхъ этихъ передрагъ выйти чистымъ и невредимымъ.

(Уходитъ).

3.

Тенетовъ, Аргунинъ и Утроцкій.

Тенетовъ.—Повернулась, намерзла и ушла... Зачѣмъ, спрашивается, приходила?

Утроцкій.—Она отголосокъ всего общества... Буда эта ворона залетитъ, тамъ, навѣрное пахнетъ мертвечиной.

Аргунинъ.—Съ нами крестная сила! И вы мнѣ панихида заплѣли.

Утроцкій.—Что-жь, Артамонъ Сергѣичъ, я бы не желалъ быть теперь въ вашей кожѣ.

Тенетовъ.—Ништо ему! Пускай его проберутъ, пускай... по крайней мѣрѣ, впередъ не будетъ такъ довѣрчивъ.

Утроцкій.—Этотъ случай съ Николаевымъ окончательно раз-

взялъ всѣмъ руки... нѣтъ такой дряни въ городѣ, которая бы васъ не чернила... Вамъ надо принять энергическія мѣры, не то вамъ жизнь здѣсь не будетъ.

Тенетовъ.—По мнѣ, только одна мѣра будетъ энергична: наплевать на все... бросить этотъ мерзкій городишко, а еще лучше и со всѣмъ бросить адвокатуру... Ты видишь, сколькокъ ты попережь дороги сталъ,—ну, хотятъ тебя стереть съ лица земли,—уйди самъ.

Утроцкій.—Или идите объ руку со всѣми, помиритесь съ Прощалинымъ. Хотите, я это устрою?

Тенетовъ.—Фу, гадость какая!

Утроцкій.—Почему же гадость? Чѣмъ Прощалинъ хуже другихъ? Онъ, по крайней мѣрѣ, уменъ,—съ умнымъ не пропадешь... Оттого-то онъ и банкомъ ворочаетъ, оттого всякій передъ нимъ лебезить, и тѣ лебезятъ, про кого вы скажете, что они лучше его... всѣ эти лучшіе по его же дудѣ поютъ...

Аргунинъ.—И мнѣ пѣть?

Утроцкій.—Н-ну, хоть въ полголоса... ха, ха!... что же дѣлать? Онъ можетъ васъ опозорить на всю жизнь... Слышали? онъ теперь разглашаетъ, что вы подкупили свидѣтелей въ процессѣ Савицкаго.

Аргунинъ.—Слышалъ.

Утроцкій.—Такъ если онъ этихъ самыхъ свидѣтелей заставить подтвердить... у Прощалина въ рукахъ и деньги, и этотъ несчастный племянникъ... за него общество... вы знаете, чѣмъ это можетъ кончиться?

Аргунинъ.—Они осраются.

Утроцкій.—А если нѣтъ?... Подкупъ свидѣтелей! вѣдь, за это васъ могутъ исключить изъ состава присяжныхъ повѣренныхъ, на вѣки вѣковъ... каково вамъ будетъ съ такимъ волчьимъ листомъ: выгнанный адвокатъ?!...

Тенетовъ.—Вотъ бы прелесть! Вотъ бы я порадовался!

Аргунинъ.—Меня слишкомъ хорошо знаютъ; имъ не повѣрять.

Утроцкій.—Дайте срокъ—повѣрять; почва уже подготовлена. Послушали бы, что про васъ вчера въ судѣ говорили, кучка собралась.

Аргунинъ.—Бто?

Утроцкій.—Много всякихъ было... совѣтникъ губернскаго правленія, Роцинъ... Николаевъ и Барьяковъ очень васъ уничтожали... въ такихъ случаяхъ благородство всегда одолеваетъ шантажистовъ... но, вѣдь, шантажъ не имѣлъ бы значенія, если бы ему не поддавались.

Аргунинь.—Что же Роцинъ говорилъ?

Утроцкій.—Ужь не его ли вы считаете своимъ доброжелателемъ? Роцинъ, ха, ха!... Кому онъ доброжелатель, кромѣ самого себя? За угломъ онъ будетъ съ вами дружитья, васъ же обведетъ; но передъ толпой, которая васъ бранить, онъ отъ васъ отречется.

Тенетовъ.—Практическій человекъ.

Утроцкій.—Иначе-то какъ же?... Онъ долженъ поддержать свой престижъ; у него такой почтенный видъ безупречнаго страдальца... онъ гимназистомъ въ карцерѣ сидѣлъ за либеральные стихи... Боли онъ беретъ у васъ деньги безъ отдачи и тратитъ чужое, такъ это потому, что онъ нуждается,—у него много долговъ; а кто нуждается, тотъ высоко нравственный... Вы безнравственный, вы не нуждаетесь, у васъ долговъ нѣтъ, стало быть, вы аферистъ, вы кулакъ... Быть вашимъ другомъ? ха, ха!... въ четырехъ стѣнахъ, гдѣ никто не видитъ, что вы ему помогаете,—извольте, но передъ людьми Роцинъ другъ только тому, что популярно.

Аргунинь.—А вы?

Утроцкій.—Что я?

Аргунинь.—Вы тамъ тоже говорили противъ меня?

Утроцкій.—Я молчалъ. Что я могъ говорить?

Аргунинь.—Да хоть бы то, что сейчасъ говорили. Когда вы захотите, вы съумѣете сказать.

Утроцкій.—Есть чему-жь бы это повело? Говорить можно тамъ, гдѣ будутъ слушать, а гдѣ слушать не стануть, что толку убѣждать?... Развѣ только дождешься, что скажутъ: вы одного поля ягода.

Аргунинь.—А это вамъ будетъ неприятное сопоставленіе, какъ Роцину?

Утроцкій.—Что меня упрекать? Вы прислушайтесь-на, съ чѣмъ я пришелъ... на это что вы скажете? Я сейчасъ былъ у самой преданной вамъ особы... и особы съ вліяніемъ: у губернаторши... у вашей Марьи Яковлевны, которая никогда вамъ не измѣняла...

Тенетовъ.—Потому, что и не въ чемъ было измѣнять.

Утроцкій.—И она поручила мнѣ съѣздить къ вамъ... Вы секретарь благотворительнаго общества, гдѣ она предсѣдательница, такъ она просить, чтобъ вы временно устранили себя отъ секретарства и всѣ бумаги передали мнѣ... Она безконечно извиняется, ей непомѣрно стыдно передъ вами, но она получила письмо отъ какого-то важнаго лица изъ Петербурга... ее спрашиваютъ: какой это у васъ адвокат двусмысленный завелся?... Такъ пока эти слухи улягутся, она бы хотѣла, чтобъ секретарь...

Аргунинъ.—Марья Яковлевна?!...

Утроцкій.—Она просить простить ее и не сердиться, просить понять, что она сама въ зависимости находится... она всею душой за васъ...

Тенетовъ (смѣясь).—Ангель мой! какой вы подарокъ мнѣ сдѣлали! Вѣдь, это для меня высшая радость, когда я вижу, что его холодною водою окачиваютъ. Онъ-то убѣжденъ въ преданности, да въ любви, а его въ грязь по самое горло... Я не знаю большаго наслажденія.

Утроцкій.—Да, если это разнесется по городу...

Тенетовъ (Аргунину).—Впередъ не подѣзжай къ власти имущимъ... Что, свидѣтелей подкупаешь, а самъ думаешь съ губернаторшей дружбу вести?

Аргунинъ.—Любезный Петръ Николаевичъ, неужели тебя можетъ веселить такое остроуміе?

Тенетовъ.—Восхищенъ!

Аргунинъ.—И не видишь, что ты своимъ смѣхомъ мнѣ вредишь не меньше тѣхъ, надъ кѣми ты самъ смѣешься?

Тенетовъ.—Ну, ну, ну, ну! Пустяки какіе... Вѣдь, это шутка, душенька... вѣдь, это добродушная шутка.

Аргунинъ.—Жестокое наше русское добродушіе и эта шутка—злодѣйка человѣческая! Какъ этого не чувствовать? Ты бросаешь твою шутку беззлобно, да люди подымутъ въ ней ядъ, и, право, иногда не знаешь, что тяжелѣе выносить: грубыя нападки врага или милую шутку друга.

Тенетовъ.—Артамоша, совсѣмъ это...

Аргунинъ. (Утроцкому).—Я сейчасъ вамъ передамъ бумаги.

Утроцкій.—Можно и до завтра оставить.

Тенетовъ.—Ты падаешь духомъ, любезный...

Аргунинъ.—Нѣтъ, я только пораженъ всѣмъ этимъ... Когда враговъ много, еще оно не страшно, но когда друзей не видишь—тяжело жить, куда тяжело!... Когда все разсыпается кругомъ,—кто изъ боязни, кто по лѣни, кто по добродушію... Одни молчатъ и отходятъ, другіе сострадаютъ и отталкиваютъ, третьи смѣются и шутятъ... Это ужасно!

Утроцкій.—Артамонъ Сергѣичъ, умный вы человѣкъ, и не понимаете...

Аргунинъ.—Многого, что понимаютъ другіе... Должно быть, я не правъ... я не понимаю, напримѣръ, какъ можно бранить Николаева, считать его наглымъ и глупымъ, и съ улыбкой пожимать ему

руку, сажать его рядомъ съ собой, интересоваться его разговоромъ; словно только со мною онъ нагль, а въ остальномъ хорошій малый.

Утроцкій.—Я съ нимъ почти не разговариваю.

Аргунинь.—Я не понимаю, какъ можно пошучивать передъ сплетницей Сысоевой, угощаться въ компании Жигулевой... и слушать клевету про человѣка, котораго я уважаю... Слушать молча и смѣясь я бы не могъ,—мнѣ бы и въ голову не пришло, къ чему привести мои слова, я бы не могъ ихъ не сказать, не вступить-ся... вѣрно, я не правъ, я многое перестаю понимать... Сейчасъ я принесу бумаги.

(Уходитъ.)

4.

Утроцкій и Тенетовъ.

Тенетовъ.—А, вѣдь, это онъ справедливо говоритъ... Только какъ трудно становится: скоро не будешь знать, съ кѣмъ за карты садиться, съ кѣмъ бутылку вина распить.

Утроцкій.—Съ волками жить—по-волчи выть, батюшка.

Тенетовъ.—Ну васъ, съ этою нелѣпою поговоркой! Поѣдемъ ко мнѣ; вдвоемъ наединѣ потолкуемъ, что бы такое для него придумать особенное.

Утроцкій.—Проститься надо.

Тенетовъ.—Зачѣмъ?... Я часто ухожу такъ; онъ знаетъ... Онъ теперь озлился,—сейчасъ бумаги сдавать захочетъ, задержать,—и безъ чаю насидишься, а мнѣ пить страсть какъ хочется... Поѣдите, я васъ ромомъ угощу, специально изъ Москвы присланъ, и его дѣла лучше безъ него обсудимъ.

(Входитъ Софья.)

Софья.—Здравствуйте... Гдѣ же папа?

Утроцкій.—Въ кабинетъ пошелъ... бумаги разбираетъ. Извинитесь, пожалуйста, за насъ, Софья Артамоновна... Намъ ждать некогда.

Софья.—Да вы его видѣли?

Тенетовъ.—Еще бы! Тутъ такая баталія съ нимъ была, споръ... Мы идемъ его судьбу рѣшать.

Софья.—Еще что случилось? Я отъ Марьи Яковлевны письмо получила, такое жалобное... и зоветъ къ себѣ... объяснить-ся... въ чемъ?

Тенетовъ.—Съ каждымъ часомъ все хуже, да хуже... До свиданія, намъ некогда... (Утроцкому) Вдемъ.

(Оба уходятъ.)

5.

Софья одна, потомуъ Оля, за ней Жигулева и Савицкій.

Софья.—Хуже? Что же хуже?

(Хочетъ идти, входитъ Оля.)

Оля (ей вслѣдъ). — Барышня, барышня, погодите!... Семень Ѳедорычъ тамъ въ кухнѣ и съ женщиной.

Софья.—Зачѣмъ ты пустила? Я видѣла изъ окна, что они вошли съ задняго крыльца,—я шла къ папашѣ сказать.

Оля.—Я, вѣдь, не знаю, какъ вы прикажете.

Софья.—Хорошо, сейчасъ скажу.

Оля.—Да они къ вамъ просятся.

Софья.—Я не хочу ихъ видѣть.

(Входитъ Жигулева и Савицкій.)

Жигулева.—Барышня, милая, дорогая! ужь не прогнѣвайтесь, голубушка наша!

Софья.—Какъ вы смѣли войти, не спросясь?

Жигулева.—Бто спрашивается, когда пожаръ въ домѣ? Тутъ ужь бѣги прямо съ ухватомъ, да съ ведромъ, чтобъ помочь только.

Софья.—Вы намъ хотите помочь, вы?...

Жигулева.—Отчего же? Этого никогда не узнаешь, откуда намъ благодать идетъ... Думаешь, пчела летитъ жалить, а она медъ несетъ.

Софья.—Уйдите.

Жигулева.—Видишь, Семень Ѳедорычъ, до чего ты себя довелъ: какихъ благодѣтелей противъ себя возстановилъ! Совѣтовала я тебѣ почитать ихъ—не слушалъ.

Софья.—Молчите! Бъ чему вы комедию разыгрываете? Я знаю, что вы ему совѣтовали.

Жигулева.—Почемъ же вамъ знать, сударыня, коли своими ушами не слышали? Сплетни да наговоры и про васъ плетутъ. Вамъ, чай, за змѣю меня поставили... Ну, да хоша бы и змѣя... Вы, барышня, ученая, можете это понять, что и со змѣи шкурку содрать можно.

Софья.—Не нужно намъ вашей шкурки.

Жигулева.—Говори ты, Семень Ѳедорычъ,—поплачь, можеть, тебя послушаютъ лучше... у меня, извѣстно, одинъ ядъ на губахъ.

Савицкій.—Софья Артамоновна, мы пришли вамъ открыть, какія новыя козны готовятся на Артамона Сергѣича.

Софья.—На моего отца?... Ступай, Оля... иди... (Оля уходитъ).
Говорите!

Жигулева.—Что же, сударыня, можетъ, шкурка-то и пригодится?

Софья.—Говорите!

Савицкій.—Все мой дядя, Софья Артамоновна, онъ, злодѣй... Эти свидѣтели въ моемъ процессѣ, которыхъ вызвалъ Артамонъ Сергѣичъ и справедливо они показывали, теперь этихъ свидѣтелей мой дядя деньгами переманилъ, чтобъ они говорили, что Артамонъ Сергѣичъ ихъ подкупалъ, будто они изъ корысти.

Жигулева.—Понимаете, барышня, чего онъ хочетъ, Прощалинъ? Разгорѣлся онъ на вашего тятеньку, хочетъ сгубить его... Понимаете? Если докажется, что свидѣтели будто бы подкупились, вѣдь, это уголовное преступленіе, за это Артамонъ Сергѣичъ всею своею жизнью отвѣтитъ.

Софья (Савицкому).—Вы навѣрное знаете?

Жигулева.—При насъ все и дѣло происходило, въ моей квартирѣ... и торговля эта, и все. Николаевъ, адвокатъ, прямо сказывалъ: мы, молъ, Артамона Сергѣича изъ адвокатовъ по закону выгонимъ, на всю Россію заклеимъ.

Софья.—У васъ въ квартирѣ? Такъ и вы были въ заговорѣ?

Жигулева.—Были... Чтѣ ужъ отъ грѣха отворачиваться, были... Только вы теперь не сомнѣвайтесь, теперь другое у насъ съ Прощалинымъ—на разрывъ пошло.

Софья.—А!... вотъ отчего!

Жигулева.—Онъ и насъ ограбить хочетъ. Миѣ сто тысячъ посулилъ, чтобъ Сенича отъ процесса отказался... А Сеня, дуракъ, бумагу безъ меня подписалъ; теперь Прощалинъ меня гонитъ,—только пять тысячъ на дорогу вышвырнулъ... Значитъ, хоть бы я тамъ и змѣя, а сомнѣваться вамъ теперь нечего: одинъ у насъ съ вами теперь непріятель, и злоба одна, и дѣйствовать за одно будемъ.

Софья.—Вы думаете?

Жигулева.—Это дѣло и перерѣшить можно, дядя Сеню ограбилъ: говорить, живи у него... Сеня безъ меня жить не можетъ, а онъ меня гнать... хорошо! пушай же теперь вашъ тятенька опять наше дѣло поведетъ... можно доказать насиліе... Мы всѣ документы представимъ... и какъ торговался съ свидѣтелями, все расскажемъ, и какъ спаивалъ Сеню... всѣ злодѣйства... Нахлѣбается Прощалинъ, а ужъ Артамонъ Сергѣичу вотъ веселье будетъ, отведетъ душу всласть... съ процентами оплатитъ свои бѣды.

Софья.—Что-жь вы къ отцу прямо не пошли?

Жигулева.—Боямся мы его, голубушка... совѣсть тоже есть;

хоть и махонькая совѣсть, а есть,—чувствуемъ свои вины передъ нимъ. Сеничка говоритъ: пойдѣмъ, Дуня, лучше сперва къ барышнѣ; она умная, добрая, за отца въ гробъ ляжетъ, скорѣе насъ проститъ и выгоду пойметъ... и упробитъ тятеньку, коли самъ-то онъ...

Софья.—Правда, Семень Ѳедорычъ, вы это говорили?

Савицкій.—Я, конечно... я...

Софья (разгорчалась).—Такъ ошиблись вы: не только упробитъ отца не стану, отговаривала бы его, если бы онъ могъ колебаться. Лгите, взводите на него, что хотите, вы, Прощалинъ, кто угодно... все снести легче... Господи! еще какое униженіе Ты пошлешь намъ? Вашу злобу дѣлать? кормить вашу жадность и ненависть?... Уйдите, я видѣть васъ не могу; я сейчасъ позову отца, чтобъ онъ самъ васъ выгналъ, если не уйдете...

(Уходитъ).

6.

Жигулева и Савицкій.

ЖИГУЛЕВА (со сдержанною злобой).—Что же говорили, будто она умная?

Савицкій.—Пойдемъ отсюда, Дуня... не слѣдъ намъ было и приходиться.

Жигулева.—Разрюмился... опять разрюмился!... Да за какія же это прегрѣшенія меня сатана-искуситель обубалъ—любовью съ тобой спуталъ? Исчезни ты, извергъ мой, что ты меня губишь?

Савицкій.—Что-жъ, это на радость мнѣ, что ли? Я за твою любовь-то собака тебѣ,—въ ногахъ у тебя валяюсь.

Жигулева.—Только что развѣ валяешься!... Собака-то вонъ сторожъ, защита въ ней, а ты что?—на посмѣхъ отдалъ свою бабу... (Сердась) Самъ отъ своего богатства отказался, далъ себѣ руки связать... можно-ль было запись выдать, не взявши роллиски для меня?... (Со злобой отчаянія) Ахъ, я проклятая! не пускать бы мнѣ тебя ни на шагъ отъ себя-то, — деньги-то въ карманѣ были бы... Ахъ, я проклятая!...

Савицкій.—Дунюшка, я упрошу Артамона Сергѣича, я руки цѣловать стану...

Жигулева.—Не срами себя, слабоумный... Ужь коли дочь такъ разговариваетъ, къ отцу и не подступайся.

Савицкій.—Мы другаго адвоката найдемъ.

Жигулева (злобно).—На какія деньги?... или у дяди просить станешь: пожалуйста, дяденька, тысячь десять, чтобъ противъ

вась процессъ вести... Кто же даромъ-то возьмется свои деньги тратить на невѣрное дѣло, да еще знавши, что твой дядя здѣсь въ силѣ, да что Аргунинь отъ тебя отказался?... Вся надежда была на Аргунина, что онъ со злости на Прощалина за это дѣло схватится... Пропали теперь наши рублишки, пропали!... Вотъ въ какія кандалы ты меня заковалъ, вотъ кандалы-то!... Видѣть, какъ деньги тутъ же рядомъ лежать и не смѣй тронуть ихъ, охъ...

(Плачетъ).

Савицкий.—Дуня, не плачь! Не могу я твоихъ слезъ видѣть...

Жигулева (сердито).—Такъ уходи... что тебѣ глядѣть?... Отженись ты отъ меня... лучше ужъ мнѣ одной пропадать (вздохнувъ и съ притворною лаской), чѣмъ видѣть, какъ еще и милый дружокъ изводится... (Злобно) Изсушить тебя дядя въ своихъ лапахъ, какъ хворостиночку, а мнѣ смотрѣть, да надрываться?... Да легче въ рѣку кинуться.

(Оттираетъ слезу).

Савицкий (восторженно).—Никто-то тебя не знаетъ, Дунюшка моя! Всѣ тебя злой считаютъ, я одинъ знаю твое сердце горячее.

Жигулева.—Не урваться тебѣ отъ дяди. Безъ денегъ, вѣдь, тебѣ не прожить, а денегъ онъ не дастъ, и будешь у него вѣкъ на цѣпи. Охъ, я баба слабая!... Да будь я женщиной, да я-бъ у него изъ горла деньги-то вырвала... для тебя...

Савицкий.—Дуня! вотъ твое слово—твой приказъ!... Заставлю я его отдать, силой заставлю...

Жигулева.—Хоть не всѣ бы, хоть на прожить-то...

Савицкий.—Заставлю... съ ножомъ къ горлу подступлю...

Жигулева (притворно струся).—Охъ, милый, боюсь я за тебя... съ сердцовъ-то какъ бы рука-то не разошлась, грѣха бы не нажать! (Наставительно) Теперь-то онъ, конечно, одинъ... семья, слышно, въ Крымъ уѣхала, и людишекъ мало...

Савицкий.—Сейчасъ съ нимъ и покончить, посчитаться!

Жигулева (таинственно, быстро).—Илья сказывалъ, онъ изъ банка сегодня портфель толстущій несъ... чай, съ бумагами процентными, на чтой-то понадобились.

Савицкий (разгоряченно).—Вотъ мы увидимъ.

Жигулева.—Ой, страшно за тебя... Ты оглядывайся... Теперь-то еще рано, дай стемнѣть... Пойдемъ домой, посоветуемся... коли вырвешь деньги-то, какъ съ ними быть?... Мнѣ ихъ, что ли, взять, припрятать?... Или ужъ бросить это, милый? Уѣду я отъ тебя, куда Богъ приведетъ...

САВИЦКІЙ.— Не пущу...

ЖИГУЛЕВА.— Право, уѣхать бы... добрый, вѣдь, ты, струсишь передъ дядей.

САВИЦКІЙ.— Не струшу... все равно погибать, такъ чѣмъ намъ-то съ тобой, пусть лучше онъ, дьяволъ...

ЖИГУЛЕВА.— Тише... постой... идуть...

(Входятъ Аргунинъ и Софья).

7.

Тѣ же, Аргунинъ и Софья.

АРГУНИНЪ.— Вы все еще здѣсь? Вамъ сказано уйти вонъ.

ЖИГУЛЕВА.— Виноваты, батюшка, всплакнули съ горя вмѣстѣ, позамѣшкались. Пойдемъ, Сеничка, бездольный, обиженный ты мой, не на кого намъ съ тобой надѣяться. (Аргунину) Прости, Христа ради.

(Уходитъ).

АРГУНИНЪ (Савицкому). — А вы чего же остановились?...

САВИЦКІЙ (крайне нервно).— Я, Артамонъ Сергѣичъ... я... только чтобы сказать... конечно, глупо, что пришли мы... но коли встрѣтились, такъ... я скажу... вы благодѣтелемъ мнѣ были... и за все, что чрезъ меня отъ дяди неприятнаго терпѣли... вы будете отомщены, Артамонъ Сергѣичъ... вы будете отомщены...

АРГУНИНЪ.— Что это еще?... Какъ вы раскраснѣлись!... Сядьте, сядьте; поговоримъ.

САВИЦКІЙ.— Нивакихъ разговоровъ я теперь не пойму, — очертенѣлъ я... одно понимаю, что дядя меня по міру пустилъ и всѣхъ, кто мнѣ любовь показывалъ... всѣхъ гонить... Съ вами поссорилъ, подвелъ меня... Дуню обманулъ... ну, не одобровать ему... себя не пожалѣю, но... или онъ мнѣ отдастъ мои деньги, или, можетъ, я самъ буду на перекладниѣ висѣть, да и ему ножъ въ сердце всажу—дождется!

(Убѣгаетъ).

8.

Аргунинъ и Софья.

АРГУНИНЪ (идя за нимъ).— Постойте! Семень! Остановитесь!...

СОФЬЯ (останавливая его).— Буда ты, папа?

АРГУНИНЪ.— Ты видишь, онъ обезумѣлъ; онъ себя не помнитъ, надо его остановить.

СОФЬЯ.— Что-жь, ты побѣжишь за нимъ по улицѣ? безъ шляпы? (глядя въ окно) Смотри, вонъ онъ какъ торопится... ну, вонъ

ужь и за уголъ улицы зашелъ... (Отходить отъ окна). Не гоняться же тебѣ за нимъ по всему городу.

Аргунинъ. — Да. Но надо принять мѣры... Эта баба его разозгла и теперь онъ и въ самомъ дѣлѣ...

(Садится и пишетъ).

Софья. — Что ты пишешь?... (Аргунинъ не слышитъ вопроса). Папа, что ты пишешь?

Аргунинъ. — Сейчасъ.

Софья. — Письмо?... кому это? Прочти.

Аргунинъ (кончивъ писать, читаетъ). — Милостивый государь, я считаю нужнымъ сообщить вамъ, что вашъ племянникъ только что былъ у меня. Онъ крайне раздраженъ противъ васъ и я боюсь за его болѣзненную, взволнованную голову и нервы. Позвольте посоветовать вамъ какъ-нибудь его успокоить и постараться, чтобъ его злоба не привела къ дурнымъ послѣдствіямъ. Аргунинъ.

Софья. — Это ты Прощалину пишешь?

Аргунинъ. — Да.

Софья. — Прощалину?

Аргунинъ. — Такъ что же?

Софья. — Зачѣмъ? какое тебѣ дѣло до нихъ до всѣхъ?

Аргунинъ. — Когда ужь Семень грозить висѣлицей и ножомъ, какъ же не предупредить несчастья?

Софья. — Мерзкіе люди всѣ умишки свои напрягаютъ, чтобъ затоптать тебя... отнять работу у тебя, отнять тебя у тѣхъ, для кого ты работаешь... они, какъ чума, все кругомъ заражаютъ, а ты будешь заботиться о томъ, чтобъ они между собой не перегрызлись?

Аргунинъ. — Но если можетъ случиться убійство и я останюлю его?

Софья. — Не нужно останавливать! (Вриваетъ у него письмо) Не нужно посылать это письмо... Пускай убиваютъ другъ друга... Кого убьютъ? — отвратительную гадину... Радуйся, что тебѣ самому не нужно марать руки.

Аргунинъ. — Сѣфа! Сѣфа! что ты?

Софья. — О, до чего я ихъ всѣхъ стала ненавидѣть, — всѣхъ, даже самыхъ лучшихъ!... Ты ли не шелъ всякому хорошему дѣлу на встрѣчу? Никакому честному труду никогда ты не мѣшалъ; наоборотъ, самъ отстранялся, чтобъ другаго впередъ пустить, и что ты заслужилъ? Клеветѣ повѣрили больше, чѣмъ всей твоей жизни!... Самые лучшіе оставили тебя, даже Марья Яковлевна... и у той не хватило мужества... За что же? за что все это? за что?...

(Разражается рыданіемъ).

Аргунинъ.—За то, дорогая моя, что нельзя въ жизни отдѣлаться отъ толпы. Не насъ однихъ бьютъ судьба и люди... Какъ радоваться, Софа, убійству!... Какъ равнодушной быть, кого бы ни убивали!... Эта злая грызня изъ-за лишняго рубля и поклона—это общее горе, и тому горе, кто нападаетъ, и даже когда онъ побѣдитъ.

Софья.—Не читай мнѣ морали! Ты самъ страдаешь, ты самъ выходишь изъ себя...

Аргунинъ.—Я—слабый человѣкъ, какъ и другіе... Въ первую минуту я сержусь, но потомъ объ этомъ жалѣю. Когда я спокойно подумаю, что переживаютъ мои враги, какъ порой сосетъ ихъ зависть, сколько тревогъ дають всѣ хитрости, боязнь, что интрига не удастся... да ужь одна постоянная злоба въ груди... Право, Софа, я не промѣняю на ихъ удачу самое жестокое преслѣдованіе, съ моимъ сознаниемъ, что я его не заслужилъ... (Цѣлуетъ ее). Не волнуйся же, мы, все-таки, счастливѣе ихъ... и то, что въ моей маленькой жизни я могъ сдѣлать хорошаго, у меня не отыметса.

(Софья звонитъ, потомъ идетъ къ столу, беретъ брошенное ею письмо. Входитъ слуга).

Софья (подавая письмо).—Снесите сейчасъ же къ господину Прощалину, знаете, на Дворянской... да скорѣй ему въ руки отдать...

(Слуга съ письмомъ уходитъ. Софья бросается на шею отцу и горячо цѣлуетъ его).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

У Глазовыхъ.

1.

Глазовъ, курьеръ и Глазова.

Глазовъ.—Когда ихъ приведутъ, пускай въ пріемной дожидаются... и мнѣ доложить.

Курьеръ.—Слушаю-съ.

(Входитъ Глазова).

Глазовъ.—Да съ этой бабы глазъ не спускать... она хитра и увертлива... чтобъ не убѣжала... Ступай.

(Курьеръ уходитъ).

Глазова.—Про кого это ты?

Глазовъ.—Послалъ разыскать мѣщанку Жигулеву... вотъ тоже Божье наказанье! Какая гадость завелась!

Глазова.—Что такое произошло у Прощалина? Что-то не вѣрится: мнѣ сейчасъ горничная говорила, будто тамъ убійство.

Глазовъ.—Кто ихъ знаетъ? Ничего не пойму; я послалъ туда полицеймейстера... Утроцкій сейчасъ прибѣгалъ, рассказывалъ,

что Прощалина нынѣшнею ночью племянникъ изранилъ ножомъ... Что значить—изранилъ? Можетъ, онъ теперь уже и умеръ... Я и къ Тенетову послалъ, просилъ навѣстить больнаго... и полиція ничего не знаетъ!

Глазова.—Утроцкій зашелъ къ тебѣ, еще не побывавши у Прощалина?

Глазовъ.—Да, забѣжалъ по дорогѣ. Глупость какая-то тамъ выходитъ: случилось это ночью, а только утромъ извѣстили Утроцкаго, что племянникъ кинулся на дядю съ ножомъ. Отчего Прощалинъ не въ полицію послалъ? И не сейчасъ же ночью? И гдѣ теперь этотъ племянникъ? Я ничего не знаю.

(Входитъ слуга).

Слуга.—Аргунина барышня пожаловали.

Глазова.—Софи?... Отъ нея что-нибудь узнаемъ...

Глазовъ.—Проси. (Слуга уходитъ). Прощалинъ всѣ эти дни былъ такъ доволенъ дѣлами съ племянникомъ.

Глазова.—Оттого-то племянникъ и могъ быть недоволенъ дядей...

(Входитъ Софья).

2.

Глазовъ, Глазова, Софья, потомъ Утроцкій.

Глазова.—Вы пришли рассказать что-нибудь о Прощалинѣ?

Софья.—Нѣтъ. Вы вчера въ письмѣ звали меня.

Глазова.—Ахъ, въ самомъ дѣлѣ!... Я совсѣмъ и забыла. Этотъ случай все перебудоражилъ.

Софья.—Какой случай?

Глазова.—Савицкій зарѣзалъ своего дядю.

Софья.—Господи!

Глазовъ.—Ну, не зарѣзалъ, еще мы ничего не знаемъ.

Софья.—Какъ же такъ? Прощалина предупредили.

(Входитъ Утроцкій).

Глазовъ.—А! наконецъ... ну, что? Живъ ли, по крайней мѣрѣ?

Утроцкій.—Бто же говорилъ, что умеръ? Ничего, все благополучно; раны самыя ничтожныя.

Глазовъ.—А преступникъ?

Утроцкій.—; Вотъ преступникъ, тотъ дѣйствительно плохъ. Страшный нервный припадокъ съ нимъ былъ и безъ чувствъ провалялся всю ночь.

Глазовъ.—Заарестовали его?

Утроцкій.—Что арестовать, онъ весь больной... слабый такой,

трясется... я его привезъ, посадилъ въ пріемной... да какой онъ преступникъ, Савицкій?... Онъ дѣйствовалъ по наущенію...

Глазовъ.—Жигулевой?

Утроцкій.—Я вамъ говорилъ, Николай Ивановичъ, ее надо было съ перваго же разу выпроводить отсюда административнымъ порядкомъ... вы своею властью могли... я говорилъ... этого бы не было...

Глазовъ.—Полноте, ничего вы не говорили... вы всегда вспоминаете какія-то предупрежденія, когда ужъ послѣдствія разыгрались.

Глазова.—Что же тамъ было-то?

Утроцкій.—Прощалинъ вамъ расскажетъ... Онъ слѣдомъ за мной ѣдетъ сюда... Пустяки, только руку разсѣкъ. Прощалинъ даже просилъ не вмѣшивать полиціи, пока съ вами не повидается.

Глазовъ (женѣ).—Ma chérie, ты хотѣла что-то передать mademoiselle Sophie... подите къ себѣ, вы намъ помѣшаете.

Глазова.—Да, да... Пойдемте, Софи... Я ужасно вамъ благодарна, что вы поторопились исполнить мою просьбу.

Софья.—Какъ меня перепугала эта новость!... Слава Богу, что все такъ обошлось.

(Обѣ уходятъ).

Глазовъ.—Умный человекъ этотъ Прощалинъ и богатый, а не могъ добropорядочно устроиться съ глупымъ юношей, да съ бабой-мѣщанкой!

(Входитъ Зуринъ).

3.

Утроцкій, Глазовъ и Зуринъ, потомъ Тенетовъ и Прощалинъ.

Зуринъ.—Николай Ивановичъ, какія происшествія...

Глазовъ.—Да, вотъ: допустили вы тогда эту пасквильную статью про Аргунина... носились, носились съ вашей Жигулевой... Права женщины! Вотъ она вамъ и показала себя.

Зуринъ.—Николай Ивановичъ, я съ вами тогда совѣтовался, пропускать ли статью? Вы въ это не вступались.

Утроцкій.—Такъ вы знали о статьѣ, прежде, чѣмъ она вышла?

Глазовъ.—Ну, конечно, теперь все на меня должно обрушиться. (Входитъ Прощалинъ и Тенетовъ). Пожалуйста, ничего объ этомъ... (Прощалину). Что это у васъ, любезный другъ?

Прощалинъ.—Вотъ до чего доживаемъ, Николай Ивановичъ!... Извините, я попросилъ полицеймейстера въ залъ подождать.

Глазовъ.—Пускай... Ну, рассказывайте.

Прощалинъ.—Убить меня хотѣлъ!... За что? Сами разсудите...

Вы видѣли, передъ вами у меня руку цѣловаль, благодарилъ, влялся меня слушать—и вотъ... Вчера вечеромъ, еще его дома не было, получилъ я отъ Аргунина записку... писать, что видѣлъ Семена, что онъ противъ меня возбужденъ... я вѣрить не хотѣлъ...

Тенетовъ.—А, все-таки, дворника да лакея въ сосѣднюю комнату посадили.

Глазовъ.—Не мѣшайте рассказывать.

Прощалинъ.—Семень вернулся въ восемь часовъ и прошелъ прямо въ свою комнату... къ чаю не явился... наконецъ, послѣ одиннадцати... Вы знаете, жена съ дѣтьми въ Брыму, я одинъ въ домѣ... сижу въ кабинетѣ... вдругъ онъ врывается разстроенный, голосъ дрожить...

Утроцкий.—Подвыпилъ.

Прощалинъ.—Нѣтъ, совершенно трезвый; онъ зналъ, что дѣлалъ... требуетъ денегъ, спорить... выхватываетъ косарь... сломалъ ящикъ у стола... Я его хотѣлъ остановить, но онъ съ косаремъ бросился на меня... кричить: убью, убью!... ударилъ по рукамъ... Къ счастью, прибѣжали люди...

Тенетовъ.—Скрутили молодца и въ безчувственномъ состояніи заперли въ темненькую.

Прощалинъ.—Николай Ивановичъ, я долженъ вамъ заявить, хоть это и неофициально... вотъ-вотъ въ своемъ кругу... я долженъ заявить, что это цѣлый заговоръ противъ меня. Откуда могли знать, что я взялъ цѣнные бумаги домой изъ банка? Значить, слѣдили за мной... Тутъ цѣлая шайка... я долженъ опасаться ходить по улицѣ, моя жизнь не гарантирована.

Глазовъ.—Вы преувеличиваете; этотъ случай васъ напугалъ.

Прощалинъ.—Николай Ивановичъ, его любезная дама, Жигулева, она ни передъ какимъ преступленіемъ не остановится... и у нея на это есть и еще подручные, кромѣ моего племянника... какая-то тамъ темная личность, подъ именемъ брата...

Тенетовъ.—Что вы ихъ такъ не взлюбили? Прежде, кажется, вы ихъ близкими людьми считали.

Прощалинъ.—Не близкими, а принужденъ былъ себя вести ласково изъ-за племянника, чтобъ Жигулева его въ конецъ не уходила. Я ей пять тысячъ далъ, чтобъ она только уѣхала отсюда.

Глазовъ.—Я уже распорядился, чтобъ ее сюда призвали. Павелъ Кондратьичъ, можетъ быть, ужъ она тутъ, въ приѣмной,—приведите-ка ее сюда.

(Зуринъ уходитъ).

Прощалинъ.—Николай Ивановичъ, поступайте, какъ вамъ бу-

деть угодно,—я свою судьбу вручаю вамъ. Мнѣ будетъ чрезвычайно тягостно видѣть племянника на скамьѣ подсудимыхъ, но если нужно переловить шайку разбойниковъ, и вы, по долгу службы потребуете, я покорюсь: начинайте уголовное дѣло.

Тенетовъ.—Что вы—«покорюсь, покорюсь!»—вы ужь просите прямо... какъ будто не видно, что вамъ этого хочется...

Прощалинъ.—Почемъ же видно?

Тенетовъ.—Вѣдь, Аргунинъ предупредилъ васъ; вы могли Семена и не допустить до покушенія, а вы ему еще засаду устроили.

Прощалинъ.—Такъ, по-вашему, я же и вызвалъ племянника на убійство, чтобъ отъ него избавиться, сплавить куда-нибудь?

Тенетовъ.—Какъ по-моему-то—вамъ все равно, а вотъ какъ судъ на это посмотреть...

Глазовъ.—Это зависитъ отъ слѣдователя и прокурора.

Тенетовъ.—И отъ адвоката. Взять бы Аргунину защиту, вамъ бы не поздоровилось...

Прощалинъ.—Въ такомъ случаѣ, и я могу подозрѣвать, что Аргунинъ-то и направилъ Семена, что опять хочетъ имъ пользоваться противъ меня... Аргунина можно и отвести по соприкосновенности...

Утроцкий.—Фу! какая путаница!...

(Входятъ Зурявъ и Жигулева).

4.

Тѣ же и Жигулева.

Жигулева.—Присылать за мной изволили, ваше превосходительство?

Глазовъ.—Вы Жигулева?

Жигулева.—Такъ точно-съ.

Глазовъ.—Московская мѣщанка?... Давно вы здѣсь въ городѣ?

Жигулева.—Да почитай скоро два мѣсяца будетъ.

Глазовъ.—Что же вы тутъ дѣлаете?

Жигулева.—Съ братцемъ я, по хозяйству у него... Братецъ пріѣхалъ хлѣбъ покупать по окрестности, такъ я при емъ...

Прощалинъ.—Николай Ивановичъ, извините, съ ней этотъ разговоръ ни къ чему; она шесть часовъ къ ряду будетъ лисьимъ хвостомъ слѣдъ замечать... Какой тамъ хлѣбъ? Совсѣмъ не для этого ты пріѣхала.

Жигулева.—Ну, коли вы, баринъ, лучше знаете, вы за меня и говорите... можетъ, вы еще сами меня изъ Москвы-то выписали на какое-нибудь наторжное дѣло...

Зуринъ.—Давно бы тебя надо спровадить, чтобъ ты тутъ не мутила...

Жигулева.—Такъ что-жь не спровадили?... Начальство должно себя соблюдать. Коли отъ меня зло идетъ, что-жь меня не ограничили?

Зуринъ.—Начальству нечего указывать, что ему дѣлать, ты еще отъ острога не ушла.

Жигулева.—И въ острогѣ тоже надо кому-нибудь сидѣть, на то острогѣ.

Глазовъ.—Перестаньте, Павелъ Кондратьичъ! (Жигулевой). Я васъ призвалъ не для споровъ, я бы хотѣлъ только, чтобъ вы объяснились, прежде чѣмъ я сдѣлаю какое-нибудь распоряженіе... Вы слышали, что вашъ возлюбленный, Савицкій, чуть-чуть не зарѣзалъ своего дядю?

Жигулева.—Ахъ, онъ безпутный!

Глазовъ.—Прошу васъ лучше быть откровенной... тутъ всѣмъ извѣстно, что вы надъ Савицкимъ имѣете большую власть, и, какъ вы тамъ ни отговариваетесь, если судъ будетъ разбирать это дѣло, вы въ сторонѣ не останетесь.

Жигулева.—Чего же лучше, коли судомъ? На судѣ-то все всплыветъ... по крайности, всѣ чисты будемъ.

Прощалинъ.—Ты не надѣйся вывернуться!

Жигулева.—Такъ, вѣдь, коли виновата въ чемъ, за то и страдай... Меня легко судить, за мной, можетъ, много всякаго воровства найдется. Я баба темная, да нищая: нищему-то какъ же и жить, коли не злодѣйствомъ?... Силкомъ кусокъ не вырвешь у людей, такъ съ голоду помрешь при дорогѣ... Вы обо мнѣ не печальтесь, —я все равно пропащая, —вы объ себѣ думайте.

Прощалинъ.—Слышите, Николай Ивановичъ, какъ она поговариваетъ?

Жигулева.—По душѣ говорю, какъ же лучше-то?... Его превосходительство добры ко мнѣ, откровенности требуютъ. Коли я на судѣ-то поразскажу, какъ мы съ вами, баринъ, вдвоемъ дурака Савицкаго оплетали любовью; да пьянствомъ, такъ, вѣдь, не больно-то вамъ много чести будетъ... Ну, пускай я лгунья, скажете—вру все... все-жь таки спросятъ: отчего-жь Семень въ вашу пользу ото всего отказался, когда Аргунинъ ему процессъ выигралъ? Стало все по нашему же наущенію. Такъ ужъ какъ отъ меня ни отпишайтесь, а судъ усмотритъ, что вы съ воровкой, съ душегубкой беззащитнаго-то обчистили.

Тенетовъ.—Молодецъ баба!... вотъ молодецъ! (Движеніе Глазова).
Виновать, виновать.

Жигулева.—Судь это визнааетъ: какъ Семена кругомъ уговаривали, да умасливали, отъ какого райскаго житья онъ за ножъ взялся... можетъ, тутъ не мало народу будетъ замѣшано—и простыхъ, и знатныхъ, которые вамъ въ руку тянули. Затѣвайте судъ, я рада; меня въ яму столкнуть, такъ я за собой и другихъ прочихъ поволоку,—я цѣпкая.

Глазовъ.—Ступайте... довольно...

Прощалинъ (бышенно подходя къ ней).—Ты чего-жь еще хочешь отъ меня?

Жигулева (усмѣхалась).—Торговаться угодно? Извольте... Вы намъ съ Семеномъ сто тысячъ обѣщали...

Прощалинъ.—Слышите? Сто тысячъ!...

Утроцкій.—Неужели правда?

Жигулева.—Ну, моя вина, прозѣвала я свой случай... Все-жь таки, коли угодно вамъ все это кончить мирно, честно, благородно... пожалуйте мнѣ двадцать тысячъ; а съ Семеномъ потомъ дѣлайте, что хотите, хоть послѣднюю рубаху съ него снимите. Я согласна уѣхать съ братцемъ навсегда... и Семену на прощанье скажу еще разъ, чтобъ васъ уважалъ. Кажись, ужъ очень вамъ выгодно придется, дешевле не купите.

Глазовъ.—Ступайте...

Жигулева.—Въ острогъ, ваше превосходительство?

Глазовъ.—Ждите въ пріемной.

Жигулева.—Благодарю покорно.

(Уходитъ).

5.

Тѣ же безъ Жигулевой.

Глазовъ (Прощалину).—Въ самомъ дѣлѣ все это выходитъ какъ-то очень некрасиво не только для васъ, но и для насъ всѣхъ. Выставляли вы эту бабу, какъ бакую-то угнетенную невинность...

Прощалинъ.—Я самъ былъ обманутъ.

Глазовъ.—Если бы я зналъ, что вы съ ней за одно дѣйствуете...

Прощалинъ.—Да что вы ей вѣрите, Николай Ивановичъ? Она ничего не докажетъ; у ней ни одного документа отъ меня нѣтъ, ни малѣйшаго писъмеца, ни свидѣтелей...

Тенетовъ.—Предусмотрительно.

Утроцкій.—Все-таки, замните лучше... замните дѣло, не поды-

майте его. Вѣдь, въ сущности, какое это покушеніе?—никакого покушенія не было,—драка простая.

Глазовъ.—Хорошо бы это устроить какъ-нибудь миролюбиво.

Прощалинъ.—Мнѣ ваше желаніе свято, Николай Ивановичъ; считаете вы возможнымъ все прекратить—я спорить не буду... и, коли нужно, уплачу этой женщинѣ, только бы она насъ оставила въ покоѣ...

Утроцкій.—Умно сдѣлаете.

(Входитъ Аргунинь).

6.

Тѣ же и Аргунинь.

Глазовъ.—Ахъ, Артамонъ Сергѣичъ, вотъ желанный гость!

Аргунинь.—Я пришелъ сдать вашей супругѣ секретарскія бумаги по благотворительному обществу.

Глазовъ.—Что вы, что вы? зачѣмъ? Мы васъ ни за что не отпустимъ, ни за что!

Утроцкій (тихо Аргунину).—Ну, батюшка, какъ вашъ врагъ оскандалился, за него стыдно!

Прощалинъ.—Позвольте благодарить васъ, Артамонъ Сергѣичъ... Вы почти спасли мнѣ жизнь... безъ вашей записки я бы не остерегся и...

Аргунинь (слегка поклонясь ему, говорить Глазову).—Можно къ вашей супругѣ, Николай Ивановичъ?

Глазовъ.—Пожалуйста... и Софи ваша тамъ.

Прощалинъ.—Артамонъ Сергѣичъ, я вижу, вы на меня дуетесь,—мнѣ это очень прискорбно. Мы съ вами должны стоять на уровнѣ уваженія другъ къ другу. Коли я не хвалилъ васъ за процессъ Савицкаго, потому что у моей жены были самыя прекрасныя цѣли, такъ что-жъ такое?... Несмотря на весь этотъ споръ нашъ, я всегда былъ къ вамъ искренно расположенъ.

Утроцкій.—Я засвидѣтельствую.

Прощалинъ.—Теперь, вѣроятно, и вы убѣдились, что это за человекъ—Савицкій: за всѣ наши заботы о немъ на васъ онъ поднялъ бурю сплетень, на меня—ножъ.

Аргунинь.—Антонъ Саввичъ, избавьте меня отъ разговора объ...

Прощалинъ.—Я, вѣдь, не говорю, чтобъ у него были какія-нибудь звѣрскія, злыя наклонности; но Савицкій больной человекъ, у него больной мозгъ, онъ самъ не знаетъ, что дѣлаетъ... Онъ гораздо больше больной, чѣмъ былъ его отецъ...

Аргунинь.—До свиданія!

(Идетъ).

Утроцкий.—Артамонъ Сергѣвичъ! къ вамъ дѣлають шагъ на примиреніе... пора покончить всѣ эти дрызги...

Аргунинъ.—Какое примиреніе? къ чему все это? Зачѣмъ мнѣ притворяться, что я думаю не то, что думаю, и не знаю того, что знаю?... Никто этому не повѣритъ, ни даже вы сами... Неужели же непременно нужно лгать, и лгать завѣдомо для всѣхъ, чтобъ заслужить всеобщее уваженіе и избѣжать злословія?... Да Богъ съ нимъ, съ такимъ уваженіемъ!

Зуринъ.—Тутъ, Артамонъ Сергѣвичъ, еще тоже касательно этого... послѣдній поступокъ Савицкаго такой запутанный и неприятный для всѣхъ... вотъ и Николаю Ивановичу тоже...

Аргунинъ.—И о Савицкомъ что я думаю, знаютъ всѣ... Савицкій прожилъ подлѣ меня три мѣсяца и велъ себя разумно, скромно, даже трудолюбиво. Чтò съ нимъ случилось, когда онъ опять попалъ въ руки Жигалевой, и она его живьемъ передала Антону Саввичу, это ихъ дѣло... и на этотъ счетъ я моего мнѣнія не мѣняю. Я слышалъ о происшествіи сегодняшней ночи... Теперь, кажется, хотятъ ославить Савицкаго сумасшедшимъ... можетъ быть, и доведутъ до сумасшествія, засадятъ въ сумасшедшій домъ... это приличіе, чѣмъ засадить въ тюрьму, а результатъ тотъ же... Извините, я не могу объ этомъ говорить спокойно; я начинаю горячиться, а я этого не хочу.

(Уходитъ).

Прощалинъ (тихо Утроцкому).—Никогда мира между нами не будетъ.

Глазовъ.—Устройте, Антонъ Саввичъ, какъ-нибудь это дѣло.

(Уходитъ).

7.

Тенетовъ, Утроцкий, Зуринъ и Прощалинъ.

Тенетовъ.—Нѣтъ, что угодно, а Жигулева гениальная женщина!... Она видитъ все человѣчество насквозь, какъ древняя сибилла или современный спиритъ... Вѣдь, дѣйствительно, Антонъ Саввичъ, если вы вашего дурака въ сумасшедшій домъ посадите,—на казенное иждивеніе,—вы съ него послѣднюю рубашку снимите, какъ она пророчила... Гениальная женщина!... Я женюсь на ней, я ей сейчасъ сдѣлаю предложеніе...

Зуринъ.—Не кстати шутки...

Прощалинъ (въ дверяхъ).—Попросите сюда госпожу Жигулеву! (Тенетову) Вы, милостивый государь, шутите съ кѣмъ другимъ...

Тенетовъ.—Охъ, охъ, разгнѣвался... не хорошо, не хорошо, печень заболить... ко мнѣ же лечиться придете...

(Входитъ Жигулева. Утроцкій отволитъ ;Тенетова).

8.

Тѣ же и Жигулева.

Прощалинъ.—Ступай домой... собери твои вещи и чтобъ съ сегодняшнимъ поѣздомъ въ двѣнадцать часовъ ты уѣхала отсюда... Будь на станціи за полчаса до отъѣзда, тамъ получишь деньги.

Жигулева.—Сколько?

Прощалинъ.—А, чортъ!... еще спрашиваетъ!—сколько сказала.

Жигулева.—Для вѣрности... двадцать тысячъ?...

Прощалинъ.—Ну!

Жигулева.—Надумались...

Прощалинъ.—Да чтобъ никогда... понимаешь?... никогда больше ты не встрѣчалась съ Семеномъ... Я тебѣ на этотъ разъ уступаю, но коли ты своего слова не сдержишь, это тебѣ такъ не обойдется... я все на ноги подыму, но ужъ сливу тебя со свѣту.

Жигулева.—Дай вамъ Богъ успѣха да радости.

Прощалинъ.—Сейчасъ простиись съ Семеномъ и сама ему объ этомъ скажи.

Жигулева.—Бабы вотъ господинъ Аргунинъ,—я видѣла прощель,—кабы онъ за васъ поручился, что деньги принесете...

Тенетовъ.—Аргунинъ? Ему же и ихъ мирить приходится! Чудесно!...

Прощалинъ.—Что-жь, я тебя обману, что ли? Я говорю при свидѣтеляхъ.

Жигулева.—Бто васъ знаетъ, можетъ, у васъ тутъ со свидѣтелями заодно слажено противъ злодѣйки... вѣдь, злодѣйку обмануть и Богъ велѣлъ... а я баба стоворчивая, вонъ ужъ со ста тысячъ на двадцать съѣхала.

Тенетовъ.—И мнѣ не повѣришь?

Жигулева.—Тебя-то и самого оплести пустяковъ стѣдить. Ну, да ужъ тамъ на станціи увидимъ, какъ-что... не рады будете, коли обманете... (Въ дверь). Семень Федорычъ... Семень Федорычъ, слышите... пожалуйста сюда...

(Входитъ Савицкій).

9.

Тѣ же и Савицкій.

Жигулева.—Ну, голубчикъ вы мой, все, слава Богу, устроилось тихо, благородно. Дяденька васъ прощаютъ, опять къ себѣ

готовы взять... и на харчи, и на одежду, и на все... Только одна намъ съ вами печаль, что разлучаютъ насъ... не хочеть вашъ дяденька нашей любви.

(Цѣлуетъ его).

Савицкий.—Постой, постой... Да что ты, обезумѣла или подгупили тебя?

Жигулева.—Да, вѣдь, что-жь?—и плачешь, а коли не суждено. Жить надо и тебѣ, и мнѣ. Твой дяденька насъ обезпечиваетъ; надо его слушаться.

Зуринъ.—Вамъ добра желаютъ.

Жигулева.—И мой тебѣ завѣтъ... ласковый, любовный... благодаря ты дяденьку, что онъ твое зло забылъ, слушайся его, почитай. Онъ мнѣ клятвенно обѣщаль, что тебя безъ призору не оставитъ.

Савицкий.—Почемъ ты мою кровь продала, сатана? Говори, почемъ?... Вчера, вѣдь, порѣшили, что ужь теперь навѣки... ласкала, обнимала меня... все чтобы вмѣстѣ, коли ужь на преступное дѣло шли,—грабить вмѣстѣ и дѣлить вмѣстѣ: деньги—такъ деньги, тюрьму—такъ тюрьму, хоть бы каторгу.

Жигулева.—Оборотъ такой вышелъ, что и въ Москвѣ жить можно.

Савицкий.—Тебя бы ножомъ-то вчера хватить бы по горлу.

Жигулева.—Что-жь не попробоваль?

Савицкий.—Да неужто вы ее такъ отпустите?... Она со мной сговаривалась, мы вмѣстѣ дядю убить рѣшили... вотъ вамъ, сознаюсь во всемъ!... Виновень!... Арестовывайте меня, да и ее тоже.

Зуринъ.—Полноте, этимъ вы хуже себя сдѣлаете.

Жигулева.—Ишь разгорѣлся!... Кому ты нуженъ?... Иди на всѣ на четыре стороны.—Никому ты не страшенъ; только народъ насмѣшишь.

Савицкий.—Дуня, Дуня... да ежели...

Жигулева.—Прощай. Довольно съ тобой попуталась... ты ужь вонъ на что пошелъ, на доносы... и то чуть съ тобой въ острогъ не угодила... Прощай... (Прощаясь). Буду ждать, баринъ.

(Уходитъ).

Прощалинъ.—Семень... я готовъ простить тебѣ твой...

Савицкий.—Не подходите...

Зуринъ (тихо Утроцкому).—Попросите сюда Николая Ивановича, пускай онъ уладитъ... Посмотрите, малый совсѣмъ ошалѣлъ.

Утроцкий.—Сейчасъ.

(Уходитъ).

10.

Тенетовъ, Зуринъ, Прощалинъ, Савицкій.

Зуринъ.—Любезнѣйшій Семенъ Ѳеодорычъ...

Савицкій.—Не уговаривайте меня! Я вижу, вы хотите меня уговаривать... Что же такое, что такое?... Дядя все у меня отнимаетъ... Отъ порядочнаго человѣка, отъ Аргунина, вырвалъ меня, состоянье отца обобралъ... любимую женщину, и ту отогналъ навѣки... а я съ нимъ живи? отъ него милости принимай?... Да я опять съ ножомъ на него пойду; лучше прямо сейчасъ въ тюрьму меня ведите.

Прощалинъ.—Что вы тутъ прикажете дѣлать?

Тенетовъ.—Обезпечьте его.

Прощалинъ.—Я не отказывался отъ этого никогда... Но, вѣдь, въ руки ему деньги дать, такъ онъ опять побѣжитъ за Жигулевой и вернется нищимъ опять ко мнѣ же.

Зуринъ.—Опеку назначить.

(Входятъ Глазовъ, Аргунинъ и Утроцкій).

11.

Тѣ же, Глазовъ, Аргунинъ, Утроцкій, потомъ Глазова, Софья и Сысоева.

Савицкій (увидя Аргунина).—А! Артамонъ Сергѣичъ... Вотъ... если кто можетъ еще на путь меня направить, такъ онъ одинъ... въ лакеи пойду къ вамъ, въ чернорабочіе, только избавьте меня отъ этихъ людей, отъ ихъ участья...

Аргунинъ (строго).—Перестаньте... возьмите себя въ руки, наконецъ; это и вредно, и глупо.

(Входятъ Глазова, Софья и Сысоева).

Прощалинъ.—Николай Ивановичъ... и вы Александръ Алексѣичъ, какъ нашъ предводитель, я заявляю вамъ официально, что, въ виду невозможности примирить съ собою племянника, я готовъ выплатить ему капиталъ... по общему нашему соглашенію съ вами, но съ условіемъ: я, по чувству родства, не хочу, чтобъ деньги его еще больше сгубили, и потому требую падъ нимъ опеки.

Утроцкій.—Это благородно!... вполне благородно! (Тенетову). А, все-таки, каналья, всего наслѣдства отъ отца отдать не хочетъ.

Сысоевъ.—И опекуномъ будетъ Артамонъ Сергѣичъ.

Софья (быстро).—Нѣтъ!

Утроцкій.—Прекрасная мысль!... Именно, именно... вы насъ всѣхъ выручите изъ этой глупой исторіи.

Глазовъ.—И это будетъ очень великодушно, Артамонъ Сергѣичъ.

Глазова.—Однимъ добрымъ дѣломъ больше...

Аргунинъ.—Нѣтъ, господа, ради Бога, оставьте меня...

Утроцкій.—Артамонъ Сергѣичъ, мы ваши труды раздѣлимъ... мы еще двухъ опекуновъ назначимъ... хотите я однимъ изъ нихъ буду?... Но, вѣдь, никто, какъ вы, съ нимъ не справится... да и самъ онъ только васъ будетъ слушать... вы возвратите гражданина отечеству... (Прощалину). Не правда ли?

Прощалинъ.—Я готовъ присоединиться къ общей просьбѣ...

Сысоева.—Посмотрите, какъ Савицкій ждетъ вашего слова.

Тенетовъ (раздраженно).—Онъ согласится... онъ навѣрное согласится... Господи, что ты за мякина!—простите за выраженіе,—меня слишкомъ злитъ его слабодушіе. Изъ-за этого процесса наглотался человѣкъ оскорбленій, униженій, хворалъ; томился... да не одинъ—дочь въ слезахъ безсонныя ночи проводила...

Софья.—Что вы?!

Тенетовъ.—Меня тоже прорвало! Нечего ужъ хорониться. Истерзали его; а теперь стоило поманить, во имя добраго сердца, и онъ колеблется... онъ готовъ, чтобъ про него еще сказали, что онъ и опекой аферу сдѣлалъ... (Аргунину). Ты согласишься, но ужъ тогда я окончательно отъ тебя отступлюсь.

Глазовъ.—Охъ, этотъ докторъ!

Глазова.—Enfant terrible!

Аргунинъ.—Уймись ты, злой добрякъ... Не возьму я, Александръ Алексѣичъ, опеки; и безъ меня найдете хорошихъ людей, и лучше меня поведутъ они дѣла Семена Федорыча,—я во многомъ сталъ бы спорить... Но если Семень Федорычъ придетъ самъ ко мнѣ за совѣтомъ, за добрымъ участіемъ. все, что могу я сдѣлать на его пользу, я сдѣлаю... (Весело Тенетову). И ты за это отъ меня не отступишься.

(Савицкій бросается къ нему благодарить).

Сысоева.—Браво! По-моему вышло: всѣ опять будутъ за васъ... Правда всегда торжествуетъ.

Аргунинъ.—Далеко не всегда, а, главное, не надолго... только, все-таки, этого бояться не надо.

В. Крыловъ.

Д Ж А Л А Л Е Д Д И Н Ъ .

Раффи *).

I.

Май 1877 года приближался къ концу. На одномъ изъ полей Ліана, въ провинціи Агбакъ **), можно было разглядѣть въ утреннемъ туманѣ нѣсколько черныхъ палатокъ, разставленныхъ въ кругъ такъ, что посреди ихъ оставалась свободная площадка.

Съ перваго взгляда ихъ можно было принять за шалаши пастуховъ, искавшихъ въ этой зеленой долинѣ пастбищъ для своихъ стадъ. Но солнце всходило выше, разсѣвало густой туманъ, окутывающій горы, и тогда уже не оставалось никакого сомнѣнія, что это, ничто иное, какъ стоянка военного лагеря.

Передъ палатками были воткнуты въ землю деревянные колья, украшенные на концахъ черными перьями, а на площадкѣ тѣснились вооруженные люди, на лицахъ которыхъ ясно сказывалось сильное нетерпѣніе.

Нѣсколько поодаль отъ лагеря, на зеленомъ лугу, паслись осѣдланые кони съ путами на ногахъ.

*) Акопъ Меликъ Акопянъ (Раффи) родился въ Персидской Арменіи въ 1837 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Тифлисѣ, въ одной частной школѣ, откуда былъ переведенъ въ классическую гимназію, но семейныя обстоятельства не позволили ему окончить курсъ: по требованію отца, онъ оставилъ гимназію и вернулся на родину. Чтобы пополнить недостатокъ правильнаго образованія, Раффи всю свою жизнь много читалъ и изучалъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей. Писать началъ Раффи въ 1859 году и съ перваго же раза обратилъ на себя вниманіе, но популярнымъ сталъ онъ съ семидесятихъ годовъ, благодаря своимъ статьямъ, повѣстямъ и романамъ, которые помѣщались въ газетѣ *Мимакъ*. Всѣ произведенія Раффи проникнуты свѣтлыми общественными идеями и разумно-патріотическою тенденціей, благодаря чему онъ приобрѣлъ небывалую у армянъ популярность во всѣхъ слояхъ народа. Умеръ Раффи въ Тифлисѣ 24 апрѣля 1888 года. Торжественность похоронъ и тѣ слезы, которыми провожалъ его народъ, служатъ явнымъ доказательствомъ искренней любви націи къ своему писателю, работавшему всю жизнь для ея блага.

**) Провинція въ Турецкой Арменіи, граничащая съ Персією.

Передъ одною изъ палатокъ, отличавшеюся отъ остальныхъ величиною и роскошью, развѣвалось красное знамя, на четырехъ углахъ котораго были вышиты на арабскомъ языкѣ имена четырехъ калифовъ: Али, Османъ, Омаръ, Абубекръ, а посрединѣ этихъ четырехъ почитаемыхъ и славныхъ именъ красовалась бѣлая рука, какъ символъ той невидимой десницы, подъ защитой которой вооруженная толпа шла на битву.

Вокругъ этой палатки тѣснились кучки людей, — одни только что побывали тамъ, другіе ждали своей очереди.

Внутри палатки на грубомъ коврѣ сидѣлъ человекъ средняго роста, съ огненнымъ взоромъ и сѣдою бородой. Онъ одѣтъ былъ въ бѣлую одежду, которую на Востокъ носятъ, какъ символъ савана покойника, благочестивые, отрекшіеся отъ всѣхъ земныхъ благъ люди.

На широкомъ поясѣ старика, съ правой стороны, висѣли «таз-беги» или четки, состоящія изъ мелкихъ бусъ въ перемежку съ болѣе крупными, въ соответствіи съ числомъ и порядкомъ обязательныхъ молитвъ. Съ лѣвой стороны пояса были укрѣплены кинжалъ и пара пистолетовъ, стволы которыхъ скрывались подъ алеппскимъ плащомъ, спускавшимся съ плечъ. Голова старика была покрыта бѣлымъ тюрбаномъ съ вышитыми шелкомъ арабскими надписями. Онъ сидѣлъ, нѣсколько склонясь впередъ и скрестивъ подъ себя ноги; у ногъ его лежала кривая дамасская сабля.

Наружность этого почтеннаго старца выражала и набожность духовнаго сановника, и отвагу храбраго воина. По своему положенію шейха и военначальника племени онъ занималъ въ палаткѣ главное мѣсто, тогда какъ по обѣ его стороны и нѣсколько ниже сидѣли «ага» въ старинномъ вооруженіи.

Уже одно то, что эти «ага» сидѣли, указывало, что это были не простые люди, а начальники собравшагося тутъ народа.

Они сидѣли молча и отвѣчали тогда только, когда шейхъ обращался къ нимъ съ вопросомъ. Около шейха находился «каш-бюль» *), въ которомъ лежали свернутыя треугольникомъ записочки. Онѣ походили на талисманы, которыми колдуны снабжаютъ людей для разныхъ таинственныхъ цѣлей, на самомъ же дѣлѣ онѣ не содержали въ себѣ ничего таинственнаго: на нихъ было написано по одному изъ тѣхъ изреченій Корана, которыя, по мнѣнію магометанъ, охраняютъ людей отъ всякой напасти и искушенія.

*) Сосудъ, приготовленный изъ скорлупы кокосоваго орѣха и употребляемый дервишами.

Входъ въ палатку былъ открытъ и воины входили въ нее одинъ за другимъ.

Взойдя на порогъ, каждый склонялъ голову, на козляныхъ подпоязавъ къ шейху, клалъ у ногъ его саблю и цѣловалъ его руку; послѣ этого старецъ вручалъ каждому одну изъ лежавшихъ въ кашкюльъ записочекъ и получившій ее на козляныхъ же ползъ къ выходу. Это совершали всѣ по очереди. Каждый изъ храбрецовъ клалъ саблю къ ногамъ шейха и получалъ отъ него таинственную записочку, которая должна была сдѣлать его неуязвимымъ отъ вражескихъ пуль и кинжаловъ, и спѣшилъ по выходѣ изъ палатки зашить ее въ свой правый рукавъ.

Когда была окончена раздача записокъ, послышался барабанный бой, и вооруженная толпа начала тѣсниться передъ палаткой шейха. Когда собрались всѣ, вышелъ и шейхъ. При видѣ его каждый изъ присутствовавшихъ провелъ себѣ правою рукою по лицу и произнесъ тихо «салаватъ» или благословеніе, что у магометанъ имѣеть такое же значеніе, какъ крестное знаменіе у христіанъ.

Передъ палаткой было сложено возвышеніе изъ нѣсколькихъ десятковъ сѣделъ. Шейхъ взошелъ на него.

На этотъ разъ, вмѣсто обычнаго при проповѣдяхъ посоха, онъ держалъ въ рукѣ красное знамя.

Въ этой позѣ онъ напоминалъ пророка Аравіи, когда тотъ, въ пустынѣ, въ первый разъ поднялся на возвышеніе, сложенное изъ верблюжьихъ сѣделъ, и произнесъ свою воодушевляющую проповѣдь.

Шейхъ началъ воззваніемъ и восхваленіемъ Аллаха, его пророка и четырехъ первыхъ калифовъ и потомъ заговорилъ:

«О, вы, сыны ислама! Великій пророкъ, — слава его могуществу, — призываетъ васъ на святое дѣло, на борьбу съ врагами его вѣры, начавшими проливать кровь вѣрныхъ служителей Божіихъ. Да будутъ прокляты невѣрные!

«Малодушіе, трусость и нерѣшимость пусть будутъ далеги отъ вашего сердца, потому что страхъ не къ лицу воинамъ Божіимъ.

«Самъ Богъ дастъ силу рукамъ вашимъ и головы враговъ будутъ падать отъ ударовъ мечей вашихъ, какъ падаютъ волосья подъ серпомъ жнеца. Руками вашими вы будете ловить ихъ пули и бросать ихъ обратно. Тѣла ваши будутъ защищены невидимыми желѣзными стѣнами.

«Союзниками вашими будутъ толпы незримыхъ смертоносныхъ ангеловъ, которыхъ пошлетъ вамъ на помощь пророкъ.

«Великъ Богъ ислама и нѣтъ другаго, кромѣ него.

«Всѣ гяуры ненавистны Богу. Ихъ имущество, ихъ жизнь, семью

и все принадлежащее имъ Богъ отдастъ въ ваши руки. Отнимайте у нихъ все, грабьте, рѣжьте, жгите, пока сердце ваше насытится. Добыча и кровь враговъ вѣры не пятнають бойцовъ Божиихъ, — онѣ покрываютъ ихъ славой.

«Только тотъ изъ васъ падеть, въ чье сердце вселится сатана, въ чьей душѣ изсякнетъ ненависть къ врагу.

«Богъ презираетъ трусовъ и еще болѣе тѣхъ, которые бѣгутъ съ поля битвы. Врагъ не долженъ видѣть вашихъ спинъ! Тотъ, кто сражается за Бога, долженъ умереть съ мечомъ въ рукахъ. Женѣ бѣжавшаго съ поля битвы Богъ внушитъ гнѣвъ и она у входа въ палатку скажетъ ему: «Удались, уйди прочь, ты не мужъ мнѣ! Отчего я не вижу на тебѣ ранъ? Отчего ты возвращаешься одинъ? Гдѣ твои товарищи? Поди прочь! Тотъ, кто обезчестилъ свое оружіе, тотъ не мужъ мнѣ». Нѣтъ ничего обиднѣе, какъ упреки женщины, но гнѣвъ Бога гораздо страшнѣе. Богу пріятно пролітіе крови враговъ святой вѣры.

«Дымъ, поднимающійся отъ горящихъ развалинъ ихъ жилищъ, пріятенъ Богу, какъ дымъ отъ жертвенника, поднимающійся къ подножію престола его. Рѣжьте, пока руки ваши будутъ въ силахъ, жгите, сколько можете, и за каждую каплю крови убитаго вами вы получите въ раю по гуріи. Великъ Богъ правовѣрныхъ и нѣтъ Бога, кромѣ него.

«Если между илѣнными женщинами и дѣвушками вы найдете себѣ по вкусу и захотите взять ихъ въ наложницы, или между гурами людей, которыхъ вы захотите взять въ услуженіе, то Богъ не воспрещаетъ вамъ этого, если они согласятся принять исламъ.

«Но если они будутъ упорно отказываться, то вамъ разрѣшается убить ихъ. Богъ воспрещаетъ союзъ правовѣрнаго съ невѣрною. Старики и старухи не должны имѣть пощады отъ васъ, — невѣріе въ нихъ такъ же крѣпко, какъ крѣпцы ихъ высохшія кости.

«Будьте справедливы при раздѣлѣ добычи и не отнимайте одинъ у другаго принадлежащаго ему. Не забудьте также принести жертву Богу изъ вашей добычи, такъ какъ его ангелы будутъ помогать вамъ сражаться.

«Позаботьтесь о всѣхъ заболѣвшихъ и раненыхъ, потому что подъ этимъ священнымъ знаменемъ всѣ вы братья, всѣ вы равны!»

Еще долго говорилъ шейхъ съ своего возвышенія. Голосъ его былъ могучъ и звученъ, рѣчь его дышала воодушевленіемъ.

Поборникъ Корана, въ которомъ такъ поэтически воспѣвается священная война — «джагаты», только онъ одинъ могъ воодушевить такъ сильно дикую толпу, идущую рѣзать людей.

Въ концѣ онъ обратился еще разъ къ собравшимся: «Богъ требуетъ дѣла отъ васъ, пусть каждый принесетъ клятву».

Въ отвѣтъ на это приглашеніе каждый изъ стоявшихъ поднялъ камень и бросилъ его въ средину площади, такъ что тутъ мгновенно образовалось возвышеніе изъ камней, какъ памятникъ ужаснаго обѣта.

Послышались крики: «Пусть нашъ «talach» *) падетъ, подобно этимъ камнямъ, если мы измѣнимъ святому дѣлу!»

Послѣ совершенія этихъ обрядностей шейхъ, благословивъ своихъ воиновъ, сошелъ съ возвышенія и ушелъ въ палатку.

Опять ударили въ барабанъ и воины посѣвшили къ лошадямъ.

Палатки были сняты, а черезъ два часа вся толпа была готова къ выступленію въ походъ.

Шейхъ съ краснымъ знаменемъ въ рукѣ ѣхалъ впереди всѣхъ. Его голова была покрыта бѣлымъ покрываломъ, чтобы никто изъ невѣрующихъ не могъ увидѣть его лица.

Болѣе 10,000 курдовъ шли за грознымъ старикомъ; шествіе замыкали верблюды, нагруженные небольшими пушками.

Такъ началось нападеніе шейха Джалаледдина на Турецкую Арменію.

II.

Прошла цѣлая недѣля. По дорогѣ изъ Вана въ Агбакъ шелъ путникъ. Онъ вышелъ изъ Хошаби и приближался уже къ горному проходу Чуха-Гадынъ. Шель онъ быстро и, видимо, спѣшилъ.

Это былъ молодой человекъ лѣтъ тридцати, съ темно-желтымъ, худымъ лицомъ, съ выдающимися скулами; изъ-за тонкихъ губъ его видѣлся рядъ бѣлоснѣжныхъ зубовъ; черные курчавые волосы падали на загорѣвшую шею. На лбу путника видѣлся глубокій шрамъ, который придавалъ его лицу дикое выраженіе; но, несмотря на это, нельзя было отказать этому мужественному лицу въ нѣкоторой своеобразной дикой красотѣ: такъ оно дышало удалствомъ и отвагою.

Онъ былъ высокаго роста, сухопарый, но широкоплечій и съ развитыми мускулами.

На немъ былъ костюмъ курда въ полномъ вооруженіи: азіатское ружье, кривая сабля, пара пистолетовъ, большой желѣзный щитъ, перекинутый черезъ плечо, и длинная пика.

*) „Talach“—брачный союзъ. Если курдъ нарушитъ клятву, произнесенную во имя брака, то его брачный союзъ считается расторгнутымъ. „Пусть расторгнется мой бракъ, если я не сдержу моего слова“,—говоритъ курдъ при произнесеніи клятвы.

Путникъ часто останавливался и оглядывался въ раздумьи. Не чудные горные виды привлекали его вниманіе, — нѣтъ, онъ не умѣлъ наслаждаться красотами природы; его поражало совсѣмъ другое: это утрюмое одиночество знакомыхъ горъ. Не болѣе десяти дней назадъ проходилъ онъ черезъ эти горы и тогда онъ смотрѣли совсѣмъ иначе: на зеленыхъ склонахъ горъ паслись многочисленныя стада; въ ущельяхъ были разбиты палатки, на вершинахъ раздавались звуки свирѣлей пастуховъ-армянъ, сливаясь съ утренними пѣснями птицъ; изъ долинъ доносились пѣсни пахарей, идущихъ за плугами, — словомъ, все тогда было полно жизни. А теперь?

Теперь все замерло, ни одной живой души... и даже дорога, по которой шелъ нашъ путникъ, всегда прежде кишѣвшая караванами, была пустынна.

Точно какая-то всеразрушающая сила прошла здѣсь и оставила послѣ себя развалины и пустыню...

Путникъ вздрогнулъ, его загорѣлое лицо поблѣднѣло и стало еще мрачнѣе. Не страхъ заставилъ его содрогнуться, — это чувство было чуждо его закаленному сердцу, — онъ задрожалъ отъ злобы, овладѣвшей имъ.

Дорога, извиваясь, шла по склону горы. Вонъ вдали подъ солнечными лучами блеснули наконечники пикъ; то, извиваясь змѣей, спускается съ горъ отрядъ всадниковъ.

Они, повидимому, замѣтили одинокаго путника, остановились, какъ бы поджидая его, но между ними еще оставалось значительное разстояніе. Всадники, въ которыхъ нашъ путникъ узналъ курдовъ, сѣли и лиговали, какъ бы возвращаясь съ побѣды. Но его вниманіе было особенно привлечено оригинальными украшеніями, развѣвающимися на ихъ пикахъ. Человѣкъ неопытный, можетъ быть, даже не обратилъ бы на это вниманія, но онъ слишкомъ хорошо зналъ этотъ разбойничій народъ и имѣлъ основаніе интересоваться ихъ украшениями.

Кровь бросилась ему въ голову, когда онъ въ этихъ украшеніяхъ узналъ, наконецъ, женскія платья, выставленныя этими негодяями какъ трофеи побѣды надъ беззащитными, поруганными женщинами и дѣвухами.

Путникъ подавилъ свое волненіе, приблизился къ всадникамъ и крикнулъ на курдскомъ языкѣ:

- Счастливый путь!
- И тебѣ тоже! Откуда идешь?
- Изъ Вана.
- А куда и зачѣмъ?

— Я иду въ Башкалу *) съ письмомъ отъ наши къ мудиру.

Бурды обмѣнялись многозначительными взглядами.

— А куда направляетесь вы? — въ свою очередь спросилъ путникъ.

— На гяуровъ, — отвѣтилъ одинъ изъ курдовъ, — вдемъ на призывъ шейха бить гяуровъ.

— Какъ вижу, вы уже испробовали вашу храбрость надъ этими жалкими тряпками, — сказалъ путникъ съ презрительною улыбкой.

— Это намъ на пути попалась мелкая дичь. Наши братья выжгли одну армянскую деревню и женщины изъ нея бѣжали въ ближайшія горы...

— Изъ огня да въ полымя, — перебилъ курда путникъ.

— Откуда ты? — спросилъ подозрительно одинъ изъ курдовъ.

— Я изъ Сипанскихъ горъ и принадлежу къ племени гейдаранли, — возразилъ путникъ на нарѣчіи названнаго имъ племени.

— Развѣ гейдаранли не выступаютъ въ походъ?

— Они выступаютъ подъ предводительствомъ своего шейха; гейдаранли не желаютъ смѣшиваться съ шибагами, равандами и билбастами**), которыми будетъ предводительствовать шейхъ Джалаледдинъ.

Хотя слова высокоумнаго гейдаранли были оскорбительны для его собесѣдниковъ — равандовъ, но, смотря на него, какъ на официальное лицо, которому поручено было доставить письмо отъ наши къ мудиру Башкалы, они ничего не возразили.

Путникъ перемѣнилъ разговоръ и какъ бы про себя проговорилъ:

— И что это за чертовская страна! Я впервые здѣсь. Неужели въ этихъ горохъ нѣтъ ни деревень, ни пастуховъ? Здѣсь можно умереть съ голоду.

— Въ этой странѣ жили «фла» (армяне), но третьяго дня здѣсь прошли гаркійцы***) и ничего не оставили послѣ себя.

Мрачное выраженіе лица путника стало еще мрачнѣе, но онъ постарался казаться равнодушнымъ и спросилъ ихъ:

— Они и вамъ ничего не оставили?

— Богъ милостивъ, — воскликнули курды, — до Баязета мы найдемъ еще достаточно добычи.

— Помогите вамъ Богъ, — сказалъ путникъ и хотѣлъ идти дальше.

*) Крѣпость въ Абгахъ.

**) Самая дикая племена курдовъ, населяющія пограничныя съ Персіей горы.

***) Дикое племя курдовъ, населяющее верховье Тигра до Мусули.

Одинъ изъ курдовъ вытащилъ изъ своей переметной сумки кусокъ хлѣба и сыра и подалъ ему:

— Поѣшь; ты сказалъ, что голоденъ, а до Башкалы еще далеко.

Разбойничья шайка удалилась. Теперь путникъ понялъ, кто опустошилъ этотъ край; теперь онъ зналъ, что здѣсь произошло.

Пищу, полученную имъ отъ курда, онъ швырнулъ на дорогу и пошелъ дальше. Онъ былъ голоденъ, цѣлмя сутки ничего не ѣлъ, но не чувствовалъ голода.

Бываютъ минуты въ жизни человѣка, когда онъ сытъ собственною злобой; нашъ путникъ находился теперь въ такомъ состояніи.

III.

Солнце близилось къ закату, когда путникъ пришелъ къ перекрестку: направо дорога вела въ Башкалу, налѣво—къ монастырю св. Вареломея; путникъ выбралъ послѣднюю.

Вечеръ стоялъ чудный; но путникъ не замѣчалъ красоты окружающей его природы, сердце его было полно другимъ, и, какъ бы гонимый невидимою силой, онъ, не останавливаясь, шагаль впередъ.

Вечерній мракъ сгущался; звѣзды одна за другой зажглись на небѣ; вѣтерокъ улегся. Въ прѣжнее время въ эти часы обыкновенно раздавалось здѣсь бляеніе возвращающихся домой овецъ.

Можно было подумать, что находишься далеко отъ человѣческаго жилья, еслибъ не огни, загоравшіеся то тамъ, то здѣсь.

Огни эти то увеличивались, ярко вспыхивая, то уменьшались и погасали; по временамъ, какъ чудовища, подымались огненные столбы и, слившись вмѣстѣ, разливались, какъ волны, во всѣ стороны.

Путникъ остановился и нѣсколько минутъ смотрѣлъ неподвижно на страшное зрѣлище. «Что случилось? Неужели горять стоги сѣна?» — подумалъ онъ, но ему такъ знакома была окрестность, что онъ сомнѣвался, чтобы сѣно было такъ рано скошено въ этихъ мѣстахъ; притомъ, онъ зналъ, что внизу въ этой долинѣ, гдѣ виднѣлся пожаръ, расположено было нѣсколько деревень, населенныхъ исключительно армянами.

Путникъ не пошелъ туда; онъ находился въ какомъ-то оцѣпеннѣніи; возбужденное воображеніе его было занято картинами смерти и опустошенія, но сознание какъ будто спало.

Онъ сошелъ съ большой дороги и взобрался на небольшой холмъ, поросшій мелкимъ кустарникомъ. Первымъ долгомъ онъ посмотрѣлъ на усыпанное звѣздами небо. «Брестъ Тартага*)» блль въ зенитѣ

*) Народное названіе одного изъ созвѣздіи.

приближалась полночь. Отъ голода и усталости путникъ совсѣмъ выбился изъ силъ; онъ присѣлъ, чтобы отдохнуть. Съ вершины холма огни были видны яснѣе. Онъ продолжалъ смотрѣть на нихъ съ какимъ-то тупымъ равнодушіемъ.

Вдругъ снизу послышались голоса; говорили по-армянски:

— Боже мой... Куда намъ идти?...

— Пойдемъ... авось, дойдемъ до какой-нибудь деревни...

— Ноги подкашиваются... малютка еле дышетъ...

— Дай мнѣ его.

— Дочка, чего ты отстала?

— Мама, я расцарапала ноги о камни.

— Все еще горитъ... ахъ, какъ страшно горитъ!...

— Ты, милая, лучше позаботься о дѣтяхъ; спасибо и за то, что мы спаслись.

— Что это такое?... Опять кровь течетъ изъ твоей раны на головѣ... ты какъ будто шатаешься?...

— Ничего!... Повязка ослабѣла.

— Подожди, я завяжу ее тебѣ покрѣпче.

— Нѣтъ... Время ли теперь? Надо спѣшить... бѣжать...

Голоса смолкли.

Зарево вспыхнуло еще сильнѣе и озарило подошву холма.

Глазамъ путника представилась раздирающая душу картина: разговаривающіе были крестьянинъ съ женой. Онъ несъ на рукахъ ребенка, на головку котораго капала съ его лба кровь; рядомъ съ нимъ шла жена и вела за руку дѣвочку; всѣ они еле волочили отъ усталости ноги.

Снова мракъ объѣмалъ всю окрестность. Опять послышались голоса:

— Ахъ, какъ они безбожно рѣзали...

— Ничего не пощадили.

— Боже мой, Боже мой!...

— Куда-жь намъ теперь идти?

— Мама, дай хлѣба...

— Не плачь, дѣточка, теперь...

— Мама!...

Все затихло.

Часто случается, что несчастіе возбуждаетъ въ насъ не участіе къ пострадавшему, а злобу противъ него. Подобное же чувство пробудило въ нашемъ путникѣ зрѣлище, свидѣтелемъ котораго онъ только что былъ. Вдали онъ видѣлъ пожаръ, который пожиралъ хижины мирныхъ крестьянъ, изъ которыхъ многіе тутъ же подъ го-

рящими развалинами находили себѣ могилу, спасающагося же отъ огня поражалъ мечъ варвара.

Вблизи онъ слышалъ печальный разговоръ истекающаго кровью отца, еле живой отъ усталости матери, рыданія и стоны малютки; видѣлъ отчаянное бѣгство обездоленной семьи. Видѣлъ все это онъ, и смотрѣлъ на все это съ какимъ-то нечеловѣческимъ хладнокровіемъ. Его лицо какъ будто говорило: «Подѣломъ вамъ... вы сами этого хотите... не тотъ виновенъ, кто убиваетъ и истребляетъ»...

Да, онъ былъ раздраженъ противъ своихъ братьевъ; въ эту минуту онъ ненавидѣлъ ихъ. Но въ основѣ этой злобы лежала любовь: ему было больно, что его братья дошли до такой степени обезличенія, что безъ сопротивленія подставляютъ шеи подъ удары курдовъ.

«Если овца вынуждена жить съ волками, — думалъ онъ про себя, — то она должна отточить себѣ волчьи зубы, чтобы не стать добычей хищника».

Судьба поставила его въ такія условія, что онъ самъ сдѣлался волкомъ, несмотря на то, что питалъ отвращеніе ко всему волчьему.

Въ дѣтствѣ его преслѣдовали родные: его изгнали изъ отцовскаго дома, какъ заблудшаго сына. Не лучше отнеслось къ нему и общество: оно отказало ему въ пріютъ и всѣ избѣгали его, какъ зачумленнаго. Общество отвергло его, и онъ сдѣлался сначала бродягой, искателемъ приключеній, а потомъ и разбойникомъ, который мститъ людямъ за то, что они заставили его выстрадать. Но, сдѣлавшись разбойникомъ, онъ сохранилъ до конца извѣстное благородство души, благородство льва, шадящаго слабago и оставляющаго большую часть своей добычи болѣе мелкимъ хищникамъ.

Услышавъ о грозящей его родинѣ опасности, онъ вернулся туда послѣ десятилѣтняго отсутствія. Но онъ шелъ не для того, чтобы спасти свою родину; онъ зналъ хорошо, что не только ему одному, но и многимъ такимъ храбрецамъ не спасти ее, если она сама не ищетъ спасенія. Онъ шелъ сюда спасти ту, которую онъ любилъ и которая одна любила его, гонимаго, отверженнаго всѣми. Она была его единственнымъ утѣшеніемъ, хотя онъ не видѣлъ ее уже десять лѣтъ. У несчастнаго, не находящаго нигдѣ на свѣтѣ покоя, не имѣющаго своего крова, чтобы склонить голову, былъ уголокъ, гдѣ онъ жилъ, дышалъ свободно и забывалъ всѣ горести жизни, — нѣжное, любвеобильное дѣвичье сердце.

Вотъ почему онъ относился ко всему совершающемуся вокругъ него хладнокровно и шелъ впередъ безъ отдыха, точно гонимый

злымъ демономъ. Онъ не спалъ нѣсколько ночей, и теперь, когда присѣлъ здѣсь на холмѣ, чтобы немного отдохнуть, голова его склонилась на грудь, глаза закрылись и онъ опустился на траву. Онъ не спалъ: это было какое-то безчувственное состояніе, которое овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ сильно утомленъ и нравственно, и физически.

IV.

Утренняя звѣзда сіяла надъ горизонтомъ и занималась уже заря, когда нашъ путникъ проснулся. Дрожь пробѣжала по всему его тѣлу, когда онъ замѣтилъ, что проспалъ большую часть ночи. Надо было наверстать потерянное время и онъ, быстро схвативъ ружье и копье, пустился опять въ путь. Проходя по Агбакскому плоскогорью, онъ съ удивленіемъ всматривался въ густой дымъ, чернящій въ утреннемъ туманѣ тамъ и сямъ надъ армянскими деревнями. Это не былъ обыкновенный дымъ, поднимающійся рано утромъ изъ хижинъ мирныхъ крестьянъ,—нѣтъ, это былъ злобщій дымъ пожара. Путникъ приблизился къ одной изъ деревень, отсюда показывался дымъ, и увидѣлъ совершенно обгорѣвшія хижины, передъ которыми валялись окровавленные, обезображенные трупы крестьянъ.

Представившаяся его глазамъ картина, способная поразить всякаго человѣка, не вызвала, однако, въ немъ ужаса; онъ предвидѣлъ возможность подобнаго разгрома. Сердце его было закалено; плакать же онъ пересталъ давно; посмотрѣвъ равнодушно на кучи пепла и кругомъ лежащія трупы мужчинъ, женщинъ и дѣтей, онъ пошелъ дальше.

Весь востокъ горѣлъ уже блескомъ утра, яркіе лучи солнца заливали снѣжныя вершины горъ пурпуромъ и золотомъ, но въ долинахъ лежали еще тѣни. Нашъ путникъ шелъ теперь по узкой тропинкѣ, извивающейся надъ глубокою пропастью; дорога эта была такъ страшна своими подъемами и спусками, что доступна была развѣ только для горныхъ козъ. Дорога вела къ деревнѣ Тересанъ. Здѣсь тоже все было выжжено и всѣ жители вырѣзаны. Путникъ долго ходилъ между трупами, какъ бы разыскивая что-то, и, наконецъ, остановился передъ одною обгорѣвшею и еще дымящеюся хижиной. Въ этой хижинѣ провелъ онъ свое дѣтство, виѣсть съ родителями и сестрами, которыхъ онъ теперь не нашелъ здѣсь. Ужасъ охватилъ путника и выдавилъ изъ его глазъ нѣсколько капель слезъ, медленно скатившихся по его блѣднымъ щекамъ.

Въ кучѣ передъ хижиной онъ замѣтилъ нѣкоторые хорошо ему знакомые предметы. Тутъ лежалъ ихъ коверъ, на которомъ такъ часто сживалъ его отецъ, рядомъ его одѣяло, дальше стояло корыто, въ которомъ мать его мѣсила тѣсто,—каждый предметъ будилъ въ немъ дѣтскія воспоминанія. Внезапно началъ онъ бросать эти предметы въ огонь, точно желая усилить пламя. Въ эту минуту подъѣхали къ нему два вооруженныхъ курда, ведя за собой нѣсколько лошадей.

— Зачѣмъ сожигаешь ты эти вещи?—спросилъ одинъ изъ нихъ.—Мы пріѣхали, чтобъ забрать ихъ съ собой.

— Довольно здѣсь и другихъ вещей,—сказалъ путникъ равнодушно.—Сойдите съ лошадей!

Бурды слѣзли и хотѣли было навьючивать на лошадей вещи.

— Не трогайте ихъ, я долженъ сжечь ихъ!—завричалъ путникъ.

— Зачѣмъ хочешь ты сжечь ихъ?

— Я и васъ сожгу, если вы помѣшаете мнѣ это сдѣлать.

— Ты?

— Да, я.

И съ этими словами онъ ударомъ сабли разсѣвъ черепъ одному курду и, положивъ на мѣстѣ другого выстрѣломъ изъ пистолета, стащилъ оба трупа въ огонь. Затѣмъ онъ вскочилъ на лучшаго коня и поѣхалъ дальше, но вскорѣ, увидя невозможность подыматься верхомъ по узкой и крутой тропинкѣ, слѣзъ съ коня и отправился пѣшкомъ.

Уйдя довольно далеко отъ родной деревни и поднявшись на возвышенность, онъ замѣтилъ вдали что-то черное, постепенно выросшее по мѣрѣ его приближенія и колебавшееся въ воздухѣ. Вскорѣ онъ замѣтилъ еще нѣсколько такихъ предметовъ и принялъ ихъ за птичьи пугала.

Однако, этихъ пугалъ не боялись ни птицы, ни звѣри. Видно было, какъ вороны, орлы и даже сороки весело спускались и подымались на эти чернѣющіе предметы. Слышенъ былъ радостный вой шакаловъ и гіенъ. Очевидно, они совершали свою трапезу.

Подойдя ближе, путникъ разглядѣлъ трупы трехъ посаженныхъ на колы людей—двухъ священниковъ и одного монаха.

Это—страшнѣйшая изъ казней, созданныхъ жестокимъ гениемъ варвара-магометанина.

Вокругъ валялись еще другіе трупы, обезображенные хищными звѣрями. Видъ ихъ наполнилъ ужасомъ душу путника.

Вдругъ до слуха его донесся стонъ, похожій на стонъ умира-

ющаго; онъ поспѣшилъ къ тому мѣсту, откуда слышался стонъ. Едва сдѣлалъ онъ десять шаговъ, какъ колѣни его подкосились и онъ опустился на землю, простирая руки къ лежавшему тутъ старцу. Нѣсколько минутъ оба молчали.

Но умирающій пришелъ въ чувство раньше живаго и слабымъ, дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Теперь, Боже, прійми душу мою, потому что я умираю на рукахъ моего сына.

Молодой человѣкъ все еще лежалъ безъ движенія, и старецъ прибавилъ:

— Сарать, дорогой Сарать, прими мое благословеніе и тогда я умру спокойно. Боже, прости моему сыну! — простоналъ старикъ и испустилъ духъ.

— Отецъ! — воскликнулъ Сарать, обнимая трупъ старца, — ты много терпѣлъ, и потому только, что я не согласился терпѣть вмѣстѣ съ тобою, ты оттолкнулъ меня. Ты ссылался всегда на Бога и утверждалъ, что армяне должны склонить голову и терпѣливо все сносить, но я не могъ смотрѣть равнодушно на угнетеніе нашихъ, поэтому ты разгнѣвался на меня и прогналъ; меня гнали изъ деревни въ деревню и я вынужденъ былъ сдѣлаться разбойникомъ.

Слезы капали изъ его глазъ на окровавленную голову умершаго.

Наконецъ, Сарать всталъ, вырылъ кинжаломъ яму, опустилъ въ нее тѣло отца, потомъ принесъ съ сосѣдней горы нѣсколько камней и сложилъ ихъ надъ свѣжею могилой.

У.

Предавъ тѣло своего отца землѣ, Сарать продолжалъ путь. Онъ былъ очень взволнованъ, тяжелыя мысли одолѣвали его: лишившись отца, матери и сестеръ, онъ опасался не найти и той, которую любилъ. Поэтому онъ спѣшилъ, такъ какъ до деревни, гдѣ она жила, было еще далеко. Онъ шелъ почти непроходимыми тропинками, черезъ густой кустарникъ; но вдругъ остановился: кто-то окликнулъ его по имени. Кто бы это могъ быть? Кто здѣсь могъ его звать? Положимъ, онъ вышелъ въ путь съ нѣсколькими товарищами, но тѣ дорогою поотстали; какъ бы то ни было, Сарать приложилъ пальцы къ губамъ и издалъ таинственный свистъ. Ему отвѣтили вблизи, но голосъ показался ему незнакомымъ.

«Это не можетъ быть ни одинъ изъ нихъ», — подумалъ онъ и, приподнявъ ружье, оглянулся вокругъ себя.

Въ ту же минуту онъ услышалъ опять свое имя; къ нему подошелъ человекъ и бросился ему на шею.

— Неужели мой господинъ не узнаетъ меня?—сказалъ по-курдски подошедшій.

— Да, да, я узнаю тебя, Мсто, —отвѣчалъ Сарать, обрадовавшись и цѣлуя его.

Мсто былъ курдь и принадлежалъ къ сектѣ іезидовъ.

Много лѣтъ онъ былъ пастухомъ и товарищемъ дѣтскихъ игръ Сарата. Уходя изъ дома, Сарать оставилъ его краснощекиимъ юношей, теперь же передъ нимъ стоялъ возмужалый парень; при немъ были ружье, пара пистолетовъ и сабля.

Сарать очень обрадовался ему, въ надеждѣ получить отъ него свѣдѣнія о судьбѣ своихъ близкихъ.

— Ахъ, какъ я глупъ, —заговорилъ Мсто и захохоталъ, —я было не узналъ тебя! Увидѣлъ я тебя, выползъ изъ кустарника и началъ цѣлиться, но въ эту минуту разглядѣлъ шрамъ на твоемъ лбу, —это и заставило меня опустить дуло. Какъ ты измѣнился! Никто бы тебя не узналъ.

— Такъ ты хотѣлъ застрѣлить меня?—спросилъ Сарать.

— Да, я хотѣлъ взять твое копьё; мое сломалось, а курду, ты знаешь, невозможно выйти безъ копья.

— Когда же ты сломалъ свое?

— Я дрался съ курдами, когда они угоняли нашихъ овецъ... ни одной не оставили. И твою лошадь тоже угнали, помнишь, бурую? Я такъ за нею ходилъ; думалъ, вотъ вернешься ты, будешь на ней ѣздить. И все угнали эти разбойники.

— И нашихъ овецъ также?

— Ну, да, вашихъ, а то чьихъ? Не моихъ же... И пуль послали они мнѣ въ догонку достаточно, но и я ихъ попугалъ.

— Куда же ты идешь съ раненою ногой?

— Я долженъ идти туда, затѣмъ, чтобы...

— Зачѣмъ же?

— Ахъ, я не въ силахъ сказать тебѣ все. Эти проклятые курды...

Мсто не могъ кончить: его глаза наполнились слезами и онъ заплакалъ, какъ дитя.

— Да, я знаю, они ихъ убили, —сказалъ Сарать, —но куда же ты хочешь идти?

— Пойти похоронить его; не могу же я оставить его такъ валяться. Мой господинъ былъ такой добрый человекъ.

— Я уже похоронилъ его, — сказалъ Сарать печально. — Скажи, Мсто, что стало съ моею матерью и съ сестрами?

— Расскажу тебѣ все сначала. Мсто все знаетъ; не глухъ же онъ. Два дня тому назадъ, ночью, когда всѣ спали, на нашу деревню напали курды; ихъ было не болѣе сотни, такъ какъ остальные отравились въ другія мѣста, но и десятка достаточно, чтобы ограбить армянскую деревню. Армяне не больно-то храбры, и это очень дурно. Поднялся страшный крикъ, когда курды начали ломиться въ хижины. Напрасно я кричалъ своимъ, что они не бабы, а мужчины, что если у нихъ нѣтъ оружія, то всегда найдутся подъ руками камни, топоры и другое, чѣмъ можно прогнать собакъ, — меня никто не слушалъ. Курды выволокли женщинъ и дѣвушекъ, отобрали всѣ цѣнныя вещи, а стариковъ и дѣтей оставили въ хижинахъ, заколотили двери и сожгли ихъ вмѣстѣ съ оставшимся негоднымъ имуществомъ. Мужчинъ всѣхъ побили.

— И никто не спасся отъ ихъ рукъ?

— Только тѣ, которые раньше бѣжали въ горы. Большинство не повѣрило, что курды будутъ такъ свирѣпствовать, потому что каймакамъ *) уговаривалъ народъ успокоиться и оставаться въ деревняхъ. Понятно, собака надулъ ихъ.

— А что случилось съ нашимъ домомъ?

— Твоего отца дома не было; онъ уѣхалъ въ Башкалу. «Мсто, — сказалъ онъ мнѣ, когда уѣзжалъ, — охраняй мой домъ до моего возвращенія». Я не спалъ, когда ворвались курды, и съ ружьемъ стоялъ на крышѣ. Но что я могъ сдѣлать одинъ противъ этихъ звѣрей? Будь насъ съ десятокъ, я не пустилъ бы этихъ псовъ въ деревню, но я былъ одинъ. Я даже не шевельнулъ рукой, потому что тронь я хоть одного курда, они не оставили бы въ живыхъ ни одного изъ насъ; я же хотѣлъ спасти вашу семью; имущество я рѣшилъ предоставить имъ. Не теряя времени, я вытащилъ изъ хижины твою мать и сестру, но совсѣмъ позабылъ о ребенкѣ въ колыбели; «дитя, дитя!» — закричала твоя мать и бросилась обратно въ хижину. Оставь я твоихъ сестеръ однахъ, курды увели бы ихъ; поэтому я сперва скрылъ ихъ отъ глазъ курдовъ, а затѣмъ уже побѣжалъ за твоею матерью, но было поздно: хижина была уже объята пламенемъ; когда она бросилась туда, крыша обрушилась и похоронила подъ собою твою мать.

Сарать слушалъ все это, стоя неподвижно, съ поблѣвшимъ, какъ мраморъ, лицомъ и дрожащими губами, но безъ слезъ.

*) Областной начальникъ.

— А зачѣмъ ѣздилъ отецъ въ Башкалу? — спросилъ онъ тихимъ голосомъ.

— Когда армяне услышали о походѣ шейха противъ гяуровъ, то такъ испугались, что не знали, что имъ дѣлать, къ кому обратиться. Тогда твой отецъ со старѣйшинами, съ двумя священниками и однимъ монахомъ отправился въ Башкалу къ окружному начальнику просить у него солдатъ для обороны. Тотъ общалъ, но оттягивалъ изо дня въ день, пока, наконецъ, курды не начали рѣзню; тогда твой отецъ съ другими увидѣлъ, что каймакамъ обманулъ ихъ, и вернулся домой съ отчаяніемъ въ душѣ. Курды нагнали ихъ на дорогѣ, а что они сдѣлали съ нимъ, ты самъ видѣлъ...

— А гдѣ же теперь мои сестры? — спросилъ робко Сарать. — Можетъ быть, и ихъ постигло несчастье?

— Нѣтъ, онѣ въ безопасномъ мѣстѣ; онѣ въ моей палаткѣ съ моею женой. Ты еще не знаешь, Сарать, что я женатъ и что у меня есть ребенокъ. Твой отецъ, вѣчная память ему, выбралъ мнѣ хорошенькую дѣвушку и подарилъ мнѣ сотню овецъ. «Мсто, — сказалъ онъ, — ты довольно послужилъ мнѣ; иди, живи себѣ отдѣльно, будь самъ себѣ господиномъ». Но я выросъ у васъ, такъ долго ѣлъ вашъ хлѣбъ-соль, что не въ силахъ былъ разстаться съ вашимъ домомъ, и я отвѣтилъ ему: «Господинъ мой, я останусь у тебя до моей смерти и, пока вернется Сарать, смотри на меня, какъ на своего сына».

Сарата тронули слова курда, онъ обнялъ Мсто, поцѣловалъ его въ лобъ и сказалъ ему:

— Ты будешь мнѣ братомъ и мы не разстанемся больше. Но скажи мнѣ, дѣйствительно ли мои сестры въ опасности?

— Ты хорошо знаешь обычай іезидовъ. Шейхъ Джалаледдинъ не осмѣлится вступить въ мою палатку, — сказалъ съ нѣкоторою гордостью молодой курдъ. — Человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, разъ вступившій въ палатку іезида, считается его дорогимъ гостемъ и все племя защититъ его отъ врага.

Онъ внезапно остановился и началъ внимательно прислушиваться.

— Слышишь ты эти голоса?

— Какіе голоса? — спросилъ Сарать, ничего не слыжавшій: до того онъ былъ погруженъ въ свои тяжелыя думы.

— Да, они поютъ... такъ поютъ курды, возвращаясь съ плѣнными и добычей.

— Въ такомъ случаѣ, идемъ... Да, идемъ!

Они оба отправились по тому направленію, откуда доносились голоса.

VI.

Черезъ полчаса они были на вершинѣ хребта, откуда могли разглядѣть шедшій въ долину караванъ.

— Если мы пойдёмъ по этой дорогѣ, то мы не попадемъ ему на встрѣчу, — сказалъ Мсто.

— Я не хотѣлъ бы быть замѣченнымъ ими, — сказалъ Саратовъ.

— Они насъ не увидятъ, даже если бы у нихъ была тысяча глазъ: я знаю эти горы, какъ свои пять пальцевъ. Пойдемъ же!

Дорога, выбранная Мсто, была очень трудна, но, идя по ней, можно было скрываться за кустами и слѣдить за караваномъ. Саратовъ вскорѣ замѣтилъ, что курды гнали впереди себя многочисленную толпу плѣнныхъ.

— Не можешь ли ты подойти къ каравану, — обратился онъ къ Мсто, — поразвѣдать, откуда ведутъ они плѣнныхъ? куда направляются? гдѣ располагаютъ сегодня ночевать? къ какому племени принадлежатъ они?

— Конечно, могу.

— Какъ же ты это сдѣлаешь?

— Да не съѣдятъ же они меня. Я поклонюсь имъ, спрошу объ ихъ здоровьѣ, а тамъ уже остальное я знаю.

— Ну, хорошо, иди, только не оставайся долго.

Мсто исчезъ мгновенно, а Саратовъ началъ еще внимательнѣе наблюдать за караваномъ. Что онъ увидѣлъ? Толпа курдовъ гнала впереди себя женщинъ и дѣвушекъ; за ними слѣдовали нагруженные телѣги и навьюченные ослы. На вьюкахъ были привязаны по одной или по двѣ женщины. Чтобы придать еще болѣе угрожающій видъ своему шествію, курды несли насаженные на копья обрваннныя человѣческія головы.

Саратовъ въ ужасѣ отвернулся отъ этого зрѣлища.

Между тѣмъ, караванъ прошелъ дальше.

Сарату казалось, что антихристъ пришелъ на землю, что человекъ превратился въ свирѣпаго, кровожаднаго хищника, алчущаго крови своихъ же собратьевъ. Онъ самъ въ эту минуту готовъ былъ ринуться, какъ бѣшеный звѣрь, на эту дивную толпу; онъ чувствовалъ въ себѣ для этого достаточно ярости, но онъ былъ одинъ, безъ товарищей.

Мсто вернулся.

— Ну, я все узналъ, — сказалъ онъ.

— Расскажи въ точности все. Сколько тамъ всадниковъ?

— Не болѣе пятидесяти.

— Какого они племени?

— Это полудикіе хартоши.

— Изъ какихъ мѣстностей плѣнные?

— Изъ мѣстности Шатахъ.

— А куда направляются?

— Въ Сомай, провинцію Персіи.

— Гдѣ они предполагають ночевать?

— Въ долину Хастистанъ, недалеко отъ Хана-Сори.

Сарать прервалъ свои разспросы и началъ что-то соображать; черезъ минуту онъ опять обратился къ Мсто.

— Какъ думаешь ты, — спросилъ онъ, — скоро ли они будутъ въ ущельи Сакаль-Тутанъ? *).

— Бъ закату солнца, — отвѣтилъ, немного подумавъ, Мсто.

— И я такъ думаю, — замѣтилъ Сарать. — А когда можешь ты дойти до деревни Бижинкертъ? Ты, вѣдь, знаешь эту деревню?

Мсто посмотрѣлъ на солнце и отвѣтилъ:

— Ровно въ полдень.

— Хорошо, — продолжалъ Сарать. — Знаешь ли ты въ долину близъ Бижинкерта маленькую часовню?

— Конечно. Тамъ даже двѣ часовни: одна въ развалинахъ; ты о ней спрашиваешь?

— Именно о ней.

— Какъ же не знать ея? Я тамъ скрывался однажды цѣлую ночь съ украденною лошадыю. Мѣсто очень удобное для укрыательства.

— Голосу какихъ животныхъ умѣешь ты подражать? — продолжалъ спрашивать Сарать.

— Я могу лаять, пѣть пѣтухомъ, ревѣть осломъ, кричать, какъ сова...

— Последняго достаточно. Ну, слушай же. Ты пойдешь прямо къ развалинамъ часовни и пройдеши на сосѣдній холмикъ.

— Это тотъ, на верху котораго лежитъ пробитый камень? — перебилъ его Мсто.

— Да. У этого камня ты остановись, провричи три раза какъ скворецъ и тебѣ отвѣтятъ тѣмъ же, тогда ты закричи совой; послѣ этого къ тебѣ подойдетъ человекъ и ты скажи ему, что къ заходу солнца они должны быть у ущелья Сакаль-Тутанъ.

*) Сакаль-Тутанъ значитъ по-гурецки хватающій за бороду. Такъ называютъ тѣ узкіе, трудные горные проходы, гдѣ разбойники легко ловятъ путешественниковъ.

— А если онъ меня спросить, кто послалъ меня?

— Назови мое имя.

— А если мнѣ не повѣрять?

— Покажи имъ это кольцо.

Сарать снялъ съ пальца кольцо и отдалъ его Мсто.

— А если они захотятъ знать больше?

— Расскажи имъ о видѣнномъ тобою караванѣ и прибавь, что какъ только караванъ этотъ вступить въ ущелье, мы нападёмъ на него и отберемъ у него плѣнныхъ и добычу.

— Понимаю; сколько тамъ твоихъ?

— Двѣнадцать человѣкъ.

— А кто они такіе?

— Мои товарищи.

— Двѣнадцати человѣкъ совершенно достаточно, чтобы въ ущельи Сагалъ-Тутанъ справиться съ пятидесятью, — замѣтилъ Мсто. — Я примкну къ нимъ, и тогда насъ будетъ тринадцать, только это число несчастное.

— Но если и меня прибавишь, то насъ будетъ четырнадцать, а это число, кажется, не несчастное.

— И четырехъ вполне достаточно для того, чтобы запереть караванъ въ ущельи, — никто оттуда не выскочить. Ловко, однако, ты выбралъ мѣсто! Гдѣ же ты будешь?

— Я незамѣтно для нихъ буду слѣдить за караваномъ до ущелья. Но только какъ пойдешь ты съ своею раненою ногой? До Бижингерта далеко.

— Это ничего. Проклятая пуля прошла черезъ мясо, но кости не коснулась; я положилъ пластырь и туго перевязалъ рану.

— Давно ли ты раненъ?

— Три дня тому назадъ; это уже не новость для меня.

— Ну, иди.

Сарать и Мсто разстались: одинъ пошелъ къ развалинамъ часовни, другой послѣдовалъ за караваномъ.

VII.

Читатель уже достаточно знакомъ съ Саратомъ; теперь я хочу познакомить его съ товарищами нашего героя.

Онъ собралъ ихъ вокругъ себя въ различное время и въ различныхъ мѣстахъ. Тутъ были сасунцы, зейтунцы, шатахцы, диарбекирцы, одинъ священникъ изъ Харберта и одинъ учитель. Последній — членъ одного благотворительнаго учрежденія въ Кон-

стантинополѣ—былъ присланъ въ окрестности Вана въ Арменію для распространенія просвѣщенія въ народѣ, но во время броженія, при послѣдней русско-турецкой войнѣ, примкнулъ къ шайкѣ Сарата, послѣ того какъ курды избили его на глазахъ его учениковъ. Шайка Сарата была организована на подобіе курдскихъ и ея сочлены скрывали свою армянскую національность; это было необходимо для того, чтобы курды и другіе магометане, съ которыми Сарату приходилось постоянно бороться, не вздумали бы вымещать на армянахъ, ихъ соотечественникахъ, свою злобу.

Саратъ находился недалеко отъ Діарбекира, когда услышалъ о выступленіи курдовъ противъ армянъ подъ предводительствомъ Джалаледдина и объ адскомъ замыслѣ шейха Ибадуллы. Онъ немедленно двинулся со своими товарищами къ Агбаку съ цѣлью помочь своимъ землякамъ и спасти ту, которая была ему дороже всего.

Не доходя до Агбака, онъ отдалъ своимъ спутникамъ приказаніе идти на помощь тамошнимъ армянамъ, а самъ отправился въ Ванъ увѣдомить пашу о грозящей армянамъ опасности и просить его о помощи въ дѣлѣ организаціи волонтеровъ для защиты мѣстныхъ жителей.

Его просьба не была уважена и ему отвѣтили, что правительство само позаботится о сохраненіи спокойствія. Онъ понялъ значеніе этихъ словъ и ушелъ изъ Вана; тутъ-то мы его и встрѣтили, когда онъ, огорченный неуспѣхомъ своего предпріятія, пустился дальше. Но онъ не упалъ духомъ. Придя въ Агбакъ, онъ сдѣлалъ еще одну попытку для достиженія своей цѣли: онъ обратился къ священникамъ, монахамъ и старѣйшинамъ и старался убѣдить ихъ въ необходимости вооружить народъ для самозащиты. Чтобы убѣдить ихъ, онъ напомнилъ имъ объ айсорахъ изъ Джугамерика, которые всегда носили при себѣ оружіе и къ которымъ не осмѣливался вторгнуться ни одинъ курдъ, и даже само правительство не могло обезоружить ихъ, такъ какъ они отвѣчали: «Если правительство неспособно охранять насъ, то мы будемъ сами себя защищать». Убѣдительныя рѣчи Сарата не имѣли, однако, никакого успѣха и его сочли за чудака. Эти неудачи укрѣпили его въ убѣжденіи, что его соотечественники своимъ рабскимъ поведеніемъ сами приготовили себѣ печальную участь.

Съ того дня, какъ онъ разстался съ своими товарищами, онъ не имѣлъ о нихъ никакого извѣстія и не зналъ, чтò они сдѣлали и гдѣ они теперь. Но въ этотъ именно день они по уговору должны были встрѣтиться у разрушенной часовни. Неожиданная встрѣча съ караваномъ побудила его послать вѣрнаго ему Мсто за ними для

того, чтобы въ ущельи Сакаль-Тутанъ освободить несчастныхъ плѣнныхъ.

Въ назначенный часъ онъ встрѣтилъ всѣхъ своихъ сподвижниковъ близъ названнаго ущелья. Поздоровавшись и поцѣловавшись съ каждымъ изъ нихъ, онъ сказалъ:

— Я радъ видѣть васъ всѣхъ вмѣстѣ и въ добромъ здоровьи. Вы, вѣроятно, не мало опечалены тою безконечною рѣзней, совершаемою варварами, свидѣтелями которой вамъ пришлось быть; но теперь вамъ предстоитъ хорошій случай показать вашу храбрость и для того я позвалъ васъ сюда. Намъ четырнадцать и намъ предстоитъ борьба съ пятидесятью дикими курдами изъ племени хартошей.

— Мсто намъ все рассказалъ, — отвѣчалъ священникъ, получившій прозвище «Дали-баба» (полоумный отецъ). — Этимъ крестомъ, — онъ указалъ на свою саблю, — я всѣхъ благословлю.

— Случай дѣйствительно хорошъ. Въ этомъ ущельи мы вправду можемъ отлично справиться съ хартошами! — воскликнулъ съ воодушевленіемъ учитель.

— Въ этой пустой болтовнѣ мы только теряемъ время. Хартоши совсѣмъ не представляютъ изъ себя такой легкой добычи, — замѣтилъ Нессо изъ Зейтуна, названный «Зейтунскою скалой».

— Да, время намъ дорого, — воскликнулъ Сарать, — обдумаемъ получше наше дѣло, такъ какъ хартоши храбры и опасно начинатьъ съ ними игру. Намъ благоприятствуетъ только мѣстность, и потому-то я избралъ ущелье; всѣ вы должны скрыться за скалами и дать всему каравану время вступить въ ущелье, тогда часть васъ запретъ выходъ, а другая входъ въ него. Я дамъ сигналъ — закричу три раза ястребомъ; помните только одно: проливать какъ можно меньше крови; говорить на нарѣчій равандовъ, ихъ смертельныхъ враговъ; не допустить никого къ бѣгству, потому что никто не долженъ знать о нашемъ нападеніи; мѣняйте часто мѣсто нападенія, чтобы отвести имъ глаза и этимъ показать, что насъ много.

Сакаль - Тутанъ одно изъ тѣхъ страшныхъ ущелій, которыя часто встрѣчаются въ Арменіи. Съ двухъ его сторонъ подымались, какъ башни, скалы, оставляя посрединѣ узкій проходъ, по которому мулы идутъ не иначе, какъ одинъ за другимъ.

Караванъ медленно тянулся по проходу. Была ночная пора; мѣсяцъ свѣтилъ ясно. Сарать вмѣстѣ съ семью другими заперъ выходъ; остальные съ Дали-бабой направились къ входу, послѣ того какъ весь караванъ вступилъ въ ущелье. Вдругъ послышался ястребиный крикъ и вслѣдъ за нимъ со всѣхъ сторонъ раздались

ружейные выстрѣлы. Въ ущельи наступило невообразимое смятеніе; хартоши бросались въ ярости во все стороны, но всюду ихъ встрѣчали ружейные выстрѣлы, и они походили на львовъ, запертыхъ въ желѣзной клеткѣ.

Въ минуты опасности курды приходятъ въ бѣшество и готовы сдвинуть съ мѣста горы и скалы.

Разсвирѣпѣвшіе хартоши карабкались, какъ тигры, на скалы, но, безсильные бороться съ природой, падали съ ревомъ внизъ. Бѣшенный ревъ курдовъ, плачь плѣнныхъ и трескъ выстрѣловъ сливались въ адскій шумъ. Съ обѣихъ сторонъ борьба была самая ожесточенная, такъ какъ курды всегда готовы сопротивляться до послѣдняго издыханія.

Тогда раздался вторично ястребиный крикъ—сигналь, что никому не должно быть пощады.

Свѣтлая ночь благопріятствовала Сарату и наши молодцы угладывали одного курда за другимъ, удачно минуя плѣнныхъ. Наконецъ, послѣ жестокаго часоваго боя курды закричали:

— Мы сдаемся!

Тогда Саратъ взошелъ на выдающуюся скалу и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

— Для васъ было бы лучше, если бы вы сдались раньше, тогда большая часть павшихъ осталась бы въ живыхъ; но все же ваша храбрость достойна похвалы. Слушайте же мои условія: вы все останетесь пока въ ущельи, — выйдутъ отсюда только плѣнные съ ихъ добромъ; мы вамъ оставимъ и вашихъ коней, и ваше оружіе, — это все вамъ необходимо имѣть; съ восходомъ солнца мы васъ выпустимъ отсюда на все четыре стороны, но до тѣхъ же поръ въ наши плѣнные. Согласны ли вы на эти условія?

— Да, — послышался отвѣтъ.

— Отпустите, въ такомъ случаѣ, плѣнныхъ и отдайте имъ ихъ имущество.

Вскорѣ послѣ этого ущелье опустѣло; въ немъ осталось не болѣе двадцати хартошей.

— Дали-баба, — приказалъ Саратъ, — возьми съ собой четырехъ человѣкъ и отведи плѣнныхъ къ Салмасту. До восхода солнца вы будете у персидской границы и тамъ можете снабдить несчастныхъ съѣстными припасами, такъ какъ туда бѣжали все армяне изъ Агбака, успѣвшіе укрыться отъ курдовъ. Салмастъ — персидская провинція, куда курды не отваживаются врываться. Ты, однако, не показывай вида, что ты армянинъ, даже плѣнные не должны знать, кто ихъ освободилъ. Съ персидской границы возвращайся къ

намъ; ты найдешь насъ въ ущельи Ирциора. Я же продержу этихъ негодяевъ здѣсь, пока вы не отойдете довольно далеко.

Дали-баба, потерявъ терпѣніе, воскликнулъ:

— Будь я проклять, если когда-нибудь я сказалъ хоть одну такую длинную проповѣдь! Чудакъ, чего долго болтать? Вѣдь, не впервые мнѣ приходится бывать въ такихъ дѣлахъ.

— Выслушай совѣтъ другого и поступай какъ самъ знаешь лучше,—сказалъ, смѣясь, Сарать.—И такъ, впередъ, съ Богомъ!

Караванъ двинулся бодро къ Салмасту и освобожденные осыпали своихъ спасителей благословеніями и плакали слезами радости.

Вскорѣ всѣмъ стало извѣстно, что на хартошей при ихъ возвращеніи напали раванды; о томъ, что это были армяне, подъ начальствомъ Сарата, такъ никто и не узналъ.

VIII.

Во всемъ округѣ Агбака не осталось почти ни одного армянина; всѣ двадцать четыре деревни были опустошены и превращены въ груды развалинъ. Одни изъ жителей были убиты курдами, другіе уведены въ плѣнъ, а остальные бѣжали въ персидскія провинціи Салмасть и Сомъ, гдѣ нашли пріютъ у мѣстныхъ армянъ. Нападеніе курдовъ совершилось такъ неожиданно, что бѣжавшіе только и успѣли спасти свою жизнь, все же свое имущество были вынуждены оставить врагу. Вначалѣ Джалаледдинъ выступилъ только съ пятью тысячами воиновъ, съ которыми и прошелъ изъ Агбака до Баязета, оставляя всюду за собой опустошеніе и развалины. Узнавъ о его походѣ, новыя шайки курдовъ примыкали къ нему со всѣхъ сторонъ, разграбляя по дорогѣ то, что уцѣлѣло послѣ него. Такимъ образомъ, многія мѣстности были разграблены по нѣскольکو разъ.

Кромѣ Джалаледдина, предводителя, который велъ курдовъ на врага, у нихъ былъ еще другой шейхъ, дѣломъ котораго было побуждать къ возстанію. Онъ былъ главнымъ духовнымъ лицомъ всего Курдистана и пользовался большимъ вліяніемъ среди курдскаго духовенства. Звали его шейхъ Ибадуллахъ. Этотъ завлчатый врагъ христіанъ убѣждалъ своихъ единовѣрцевъ не щадить никого и вскорѣ съумѣлъ возбудить ихъ фанатизмъ и жажду къ грабежу до высшей степени.

Нельзя отрицать того, что и между курдами встрѣчаются благородныя натуры, проникнутыя гуманными чувствами и готовыя

на хорошія дѣла. Мы можемъ назвать, на примѣръ, Омаръ - агу, обладателя многочисленныхъ стадъ и предводителя одного небольшого курдскаго племени. Когда до него дошелъ слухъ о грабительскомъ походѣ Джалаледдина, онъ немедленно отправился въ сосѣдній монастырь св. Варфоломея, сообщилъ объ этомъ настоятелю Егіазару и посовѣтовалъ ему свезти имущество всѣхъ сосѣднихъ жителей въ монастырскій дворъ и отсюда дать отпоръ непріятелю, причемъ обѣщаль свою помощь.

А такъ какъ онъ опасался гнѣва Джалаледдина за свой отказъ участвовать въ его походѣ, то и свое имущество свезъ въ монастырь и былъ готовъ защищать этотъ послѣдній вмѣстѣ съ армянами противъ курдовъ. Настоятель принялъ охотно предложеніе своего стараго пріятели Омаръ-аги, такъ какъ зналъ его вѣрность и преданность.

Монастырь св. Варфоломея построенъ еще во времена Григорія Просвѣтителя. Въ теченіе многихъ вѣковъ онъ успѣшно сопротивлялся разрушительному дѣйствію непогоды и хищническимъ набѣгамъ дикихъ ордъ и оставался величественнымъ памятникомъ древне-армянскаго искусства. За время своего существованія онъ былъ свидѣтелемъ ужасныхъ событій, видѣлъ и персовъ, и огнепоклонниковъ, и арабовъ, и монголовъ, и хотя не одинъ разъ подвергался разрушенію, но, благодаря религіозному рвенію армянъ, возставалъ изъ развалинъ въ прежней красѣ.

Монастырь этотъ расположенъ очень благопріятно для защиты отъ нападений. Онъ стоитъ на холмѣ и съ трехъ сторонъ окруженъ глубокими пропастями, въ которыхъ извивается одинъ изъ притоковъ Тигра, а съ четвертой примыкаетъ къ деревнѣ, принадлежащей монастырю и названной поѣтому «Ванки-гюхъ» *). За стѣной, окружавшей монастырь, красовались церковь, башни и другія постройки.

Когда пронесся слухъ о походѣ Джалаледдина, многіе изъ жителей Агбака бѣжали сюда и отдавали свои сокровища на храненіе монахамъ въ потайные шкафы церкви; скотъ свой они пригоняли также поближе къ монастырю; долина, по которой протекала рѣка, представляла изъ себя роскошное пастбище, гдѣ всегда паслись монастырскіе табуны и стада.

Какое же было ужасъ обитателей монастыря, когда въ одно прекрасное утро они замѣтили на этой долинѣ палатки курдовъ и узнали въ нихъ тѣхъ непрощенныхъ гостей, которыхъ они давно

*) Деревня монастыря.

уже ожидали. Паническій страхъ овладѣлъ всѣми, бѣгущіе тѣснились сюда со всѣхъ сторонъ со своими стадами, но страхъ еще болѣе усилился, когда пастухи сообщили, что лагерь принадлежалъ самому Джалаледдину.

Настоятель монастыря былъ человѣкъ храбрый, частыя сношенія его съ курдами сдѣлали изъ него какъ бы полукурда, а его геройское сердце не знало страха.

Несмотря на приближающуюся опасность, онъ не потерялъ храбрости и вмѣстѣ съ Омаръ-агой отправился на тотъ пунктъ холма, откуда былъ видѣнъ весь лагерь шейха. Омаръ долго смотрѣлъ въ подозрную трубу и, наконецъ, сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Да, это онъ. Старый разбойникъ собралъ хорошую шайку.

— Что же намъ теперь дѣлать?

— Я не вижу другаго средства, — отвѣтилъ курдъ хладнокровно, — какъ собрать всѣхъ, находящихся тутъ, въ монастырскій дворъ, запереть ворота и защищаться въ крѣпости.

— И я того же мнѣнія, — согласился настоятель. — Ружей и пороха у насъ достаточно и я распредѣлю ихъ между всѣми способными къ борьбѣ, а такихъ собралось у насъ не мало.

— И мои люди придутъ сюда немедленно; времени терять нельзя.

Настоятель пошелъ сдѣлать необходимыя распоряженія, а Омаръ остался еще нѣкоторое время для наблюденія за врагомъ.

Онъ принадлежалъ къ враждебной шейху сектѣ, которыхъ не мало среди курдовъ. Эта религіозная рознь нерѣдко приводитъ ихъ къ столкновеніямъ и вѣчная вражда поддерживается съ одинаковымъ ожесточеніемъ обѣими сторонами. Вотъ причина, почему Омаръ не присоединился къ полчищу Джалаледдина.

Однако, предложеніе настоятеля не было принято ни монахами, ни народомъ. Не нашлось никого, кто бы его поддержалъ.

— Они перерѣжутъ насъ всѣхъ, если мы осмѣлимся тронуть ихъ, — возражали дрожавшіе отъ страха люди, — они сожгутъ насъ вмѣстѣ съ нашими женами и дѣтьми. Пусть они придутъ, мы не будемъ сопротивляться имъ, пусть они возьмутъ у насъ все, что имъ вздумается, лишь бы оставили намъ нашихъ женъ и дѣтей.

— Да, они придутъ, ограбятъ все ваше имущество и не пощадятъ ни женъ вашихъ, ни дѣтей! — воскликнулъ настоятель со слезами на глазахъ. — Выслушайте же меня! Нашъ святой монастырь оградить насъ; вся наша надежда на него. Между нами довольно сильныхъ людей и, къ тому же, Омаръ намъ поможетъ.

Но его никто не слушалъ.

— Это невозможно, — кричала толпа. — Если ты хочешь спасти насъ, то возьми священниковъ и старѣйшинъ, иди съ ними къ шейху, поклонись и моли его о пощадѣ. Мы все отдадимъ ему, лишь бы онъ намъ оставилъ жизнь.

Храбрый монахъ еще долго пытался возбудить въ нихъ смѣлость, но робкая, трусливая толпа не хотѣла и слышать о сопротивленіи. Тогда настоятель долженъ былъ рѣшиться идти къ шейху и просить его о пощадѣ.

Когда онъ собирался, Омаръ сказалъ ему:

— Я знаю, что дѣло кончится этимъ, но ты напрасно пойдешь къ нимъ: они схватятъ тебя и убьютъ.

— Если даже и такъ, другаго выхода нѣтъ, — отвѣтилъ сердито монахъ. — Народъ требуетъ этого отъ меня.

— Въ такомъ случаѣ, и мнѣ нечего дѣлать здѣсь, — сказалъ благородный курдь.

— И я не совѣтую тебѣ оставаться здѣсь, — отвѣтилъ настоятель. — Иди, благослови тебя Богъ. Но раньше, чѣмъ уходить, возьми свои сокровища, спрятанныя въ потайномъ шкафѣ. Забери съ собою и два сундука съ церковною утварью, — не зачѣмъ отдавать ихъ въ руки грабителей. Ты всегда дѣлалъ для нашего монастыря больше, чѣмъ христіане.

— Да, я ихъ увезу съ собою, — отвѣтилъ курдь, — но пусть кто-нибудь изъ моихъ людей сопутствуетъ вамъ издали и если увидитъ, что вамъ грозитъ опасность, то пусть дастъ мнѣ объ этомъ знать немедленно.

Настоятель поцѣловался съ курдомъ на прощанье и отправился въ лагерь шейха. Онъ не надѣялся вернуться оттуда и прощался съ своимъ другомъ навсегда.

Послѣ его ухода Омаръ приложился къ алтарю монастырской церкви и выѣхалъ изъ монастыря, сопровождаемый караваномъ изъ тридцати лошадей, нагруженныхъ своимъ и монастырскимъ имуществомъ.

Вскорѣ настоятель достигъ до лагеря Джелаледдина и оттуда болѣе не вернулся.

Черезъ нѣсколько часовъ курды напали на монастырскую деревню, угнали оттуда скотъ и разграбили все дома, потомъ ворвались въ церковь и вытащили изъ нея все, что было.

Плачь и вопли народа нисколько не останавливали ихъ грабежа. На малѣйшее сопротивленіе они отвѣчали выстрѣлами и ударами сабель.

Случилось, что Сарать съ своею шайкой, возвращаясь изъ Сакаль Тутана, проходилъ мимо монастыря св. Варфоломея, какъ разъ послѣ этого погрома.

IX.

Ночь стояла темная и на небѣ, покрытомъ тучами, не видно было ни одной звѣзды. Въ этой непроницаемой тьмѣ небо и земля, казалось, слились воедино.

Кругомъ царилъ глубокая тишина, нарушаемая только порывами ночнаго холоднаго вѣтра, что предвѣщало бурю. Молнія по временамъ ярко освѣщала верхушки отдаленныхъ горъ и раскаты грома отдавались зловѣщимъ эхомъ въ мрачныхъ долинахъ.

Въ этой ночной тьмѣ, подобно духамъ, бродили вокругъ монастыря темныя тѣни. Внезапно онѣ собрались въ кучку, точно для совѣщанія, послѣ чего опять разсѣялись и въ одиночку направились къ монастырской деревнѣ. Последняя была безмолвна и пустынна, какъ кладбище; ничто живое не шевелилось въ ней. Свѣтъ виднѣлся только на одномъ мѣстѣ. Это было величественное зданіе монастыря, стоящаго на возвышенномъ мѣстѣ, надъ глубокою пропастью, по которой протекала съ шумомъ рѣка.

Еслибъ кто взмогъ теперь въ церковь, тотъ увидѣлъ бы ужасную картину. Всѣ украшенія были разграблены — не осталось ни евангелія, ни другихъ книгъ, ни креста, ни образа, а алтарь походилъ на окровавленный жертвенникъ; въ одномъ концѣ церкви стояли лошади; въ другомъ расположились курды, а посрединѣ пылалъ костеръ, сложенный изъ разнообразной церковной утвари; надъ огнемъ костра раскаливались желѣзные прутьи и мѣдные сосуды; невдалекѣ отъ костра, связанные по рукамъ и ногамъ, лежали несчастныя жертвы, со страхомъ ожидающія рѣшенія своей участи; лица ихъ выражали ужасъ осужденныхъ на адскія мученья; съ ними рядомъ были свалены въ кучѣ награбленныя вещи.

Одинъ изъ курдовъ всталъ и обратился къ плѣннымъ съ слѣдующими словами:

— Невѣрные, что еще спрятали вы? Скажите правду, ничего не скрывая отъ насъ, если не хотите подохнуть, какъ собаки. Видите вы эти раскаленные прутья? Они приготовлены для васъ.

— Ага *), мы въ твоихъ рукахъ, — престонали несчастные, —

*) Господишъ.

это все, что осталось здѣсь. Пусть Богъ поразить насъ слѣпотой, пусть души наши пойдутъ въ адъ, если мы что скрыли.

— Лжете вы, проклятые псы! — заревѣлъ курдъ. — Въ этомъ монастырѣ были огромныя богатства, — гдѣ они, отвѣчайте?

— Ага, сжался надъ нами, не убивай насъ! Накажи насъ Господь, если мы лжемъ. Все унесено отсюда, ничего не осталось. Ты знаешь, что монастырь за послѣдніе дни былъ ограбленъ нѣсколько разъ; будь здѣсь море сокровищъ, и оно высохло бы.

Предводитель курдовъ обратился къ своимъ товарищамъ:

— Пока гяуры не отвѣдали раскаленныхъ прутьевъ, они не скажутъ правды. Угостите же ихъ!

Нѣсколько курдовъ подошли къ связаннымъ христіанамъ и раздѣли ихъ, въ то время какъ другіе вынули изъ огня до красна раскаленные прутья.

— Начинайте! — закричалъ глава. — Выжгите имъ на тѣлѣ крестъ, не даромъ они провозглашаютъ себя его поклонниками.

Палачи кинулись на несчастныхъ и начали выжигать имъ на тѣлѣ раскаленными желѣзами кресты.

Мучительные крики огласили воздухъ и запахъ жженого мяса наполнилъ всю церковь. «Убейте насъ лучше разомъ, — молили несчастные, — убейте насъ скорѣе!» Но никто не обращалъ вниманія на ихъ вопли и палачи продолжали свое дѣло. Наконецъ, мучениговъ нельзя было понять, слышались лишь глухіе стоны.

— Довольно! — заревѣлъ курдъ и, обратившись къ священнику, котораго палачи до сихъ поръ не касались, сказалъ: — Тебя оставили мы напоследокъ. Видишь ли ты этотъ раскаленный мѣдный котелъ? Онъ очень похожъ на епископскую шапку и мы его надѣнемъ тебѣ; вѣдь, называешь же ты себя попомъ!...

— Нашъ Спаситель былъ увѣчанъ терновымъ вѣнцомъ, и Его служитель не откажется надѣть мѣдный котелъ. Но, ага, подумай только: тамъ, на небѣ, есть Богъ, который все видитъ. Онъ нашъ Богъ и Онъ не оставитъ безъ наказанія тѣхъ, которые проливаютъ невинную кровь. За что ты насъ мучишь? Мои единовѣрцы сказали тебѣ правду: все давно разграблено; даже гробъ св. апостола, и тотъ не былъ пощажень вашими. Джалаледдинъ унесъ все съ собой, а послѣ него курды возвращались сюда еще разъ десять за добычей.

— Ты лжешь, подлая собака! — заревѣлъ звѣрь. — Подайте сюда мѣдный котелъ!

Одинъ курдъ досталъ изъ огня раскаленный котелъ, обнажилъ

сѣдую голову старца и собирався надѣть ему его; старикъ лежалъ молча, читая дрожащими губами молитву.

Вдругъ раздался выстрѣлъ и церковь наполнилась пороховымъ дымомъ. Страхъ овладѣлъ всѣми; нѣсколько курдовъ свалились замертво или тяжело ранеными, другіе были схвачены сильными руками и крѣпко связаны.

Все это совершилось въ нѣсколько минутъ и въ полной тишинѣ. Тутъ послышался голосъ связаннаго священника:

— Ради Бога, не убивайте ихъ, не мѣшайте имъ; пусть дѣлаютъ что хотятъ. Не трогайте ихъ, не то они перерѣжутъ всѣхъ армянъ...

Несчастный, не зная, кто были его освободители, боялся мести, которую этотъ случай могъ вызвать со стороны курдовъ.

Лица пришедшихъ были закрыты; одѣты они были по-курдски и говорили на этомъ же языкѣ. Хотя число ихъ было не велико, но, благодаря быстротѣ, съ которой они сдѣлали свое нападеніе, имъ удалось овладѣть всѣми курдами, убить однихъ и связать другихъ. Послѣднихъ они сейчасъ же увели. Черезъ полчаса двое изъ избавителей вернулись, развязали священника и другихъ плѣнныхъ и сказали имъ:

— До восхода солнца у васъ достаточно еще времени, чтобы дойти до границы Персіи; тамъ вы будете внѣ опасности. Лошади готовы, забирайте все съ собой, что еще осталось послѣ курдовъ, и бѣгите.

— Мои товарищи еще живы, — заявилъ священникъ.

— Двое изъ насъ будутъ сопровождать васъ, — продолжалъ незнакомецъ.

Священникъ поклонился и хотѣлъ было обнять его колѣни.

— Не нужно этого; постарайтесь поскорѣе убраться отсюда.

— Осмѣлюсь спросить, кто вы, наши освободители? — спросилъ священникъ.

— До этого тебѣ нѣтъ никакого дѣла.

Затѣмъ они немедленно отвязали лошадей, собрали вещи и, посадивъ раненыхъ на лошадей, тронулись въ путь.

Священникъ, прежде чѣмъ сѣсть на лошадь, подошелъ еще разъ къ незнакомцамъ и сказалъ:

— Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, дать вамъ мое благословеніе.

— И это излишне, — сказалъ одинъ изъ нихъ. — Отвѣтъ намъ лучше на нѣсколько вопросовъ.

— Спрашивайте.

— Остался ли кто-нибудь въ монастырской деревнѣ?

— Ни одной живой души.

— Что же съ ними случилось?

— Часть бѣжала въ Персію, часть избита, а остальные уведены въ плѣнъ.

— Зналъ ли ты въ этой деревнѣ старосту по имени О?

— Конечно; вѣдь, я здѣшній священникъ.

— Не можешь ли ты сказать, что случилось съ его семьей?

— Его самого убили, сыновей въ то время дома не было, а дочь уведена курдами въ плѣнъ.

Послѣднія слова какъ громомъ поразили спрашивавшаго, но, оправившись, онъ продолжалъ:

— Не можешь ли ты мнѣ сказать, куда они увели ее или, по крайней мѣрѣ, къ какому племени принадлежали курды, уведшіе ее? О, какъ бы я былъ благодаренъ тебѣ за эти свѣдѣнія!

— Куда они ее увели, я не знаю, но знаю, что это были курды племени шипаковъ, приверженцы Чолахъ-Ахмета.

— Довольно, — сказалъ незнакомецъ, — теперь можете уходить.

Священникъ удалился вмѣстѣ съ своими товарищами и двумя незнакомцами, которые должны были сопровождать ихъ до персидской границы. Въ церкви остались двѣнадцать остальныхъ и открыли теперь свои лица, чтобы дохнуть свободнѣе. При свѣтѣ костра можно было узнать мертвенно-блѣдное лицо Сарата. Онъ сѣлъ около огня, чтобы нѣсколько успокоиться отъ своего волненія, въ то время, какъ его сотоварищи принялись жарить кабана на своихъ желѣзныхъ копьяхъ. Только Исто не спускалъ глазъ съ своего господина, точно онъ хотѣлъ прочесть въ его глазахъ горе его сердца.

Несчастный Саратъ лишился своего единственнаго утѣшенія. Близъ этого монастыря онъ надѣялся найти существо, которому принадлежало его сердце, но злая судьба отняла его у него.

Онъ неподвижно глядѣлъ въ мрачные своды стараго монастыря и раны его сердца открылись снова, такъ какъ съ этимъ мѣстомъ связаны были его лучшія воспоминанія.

Здѣсь провелъ онъ лучшіе годы своего дѣтства, здѣсь получилъ онъ отъ набожныхъ монаховъ первыя наставленія въ религіи и здѣсь же невдалекѣ чудный ангелъ пробудилъ впервые любовь въ его сердцѣ. И этого ангела не стало теперь.

Пока Саратъ былъ всецѣло погруженъ въ свои тяжелыя думы, его товарищи заняты были приготовленіемъ роскошнаго пирше-

ства, и въскорѣ собою нашлыкъ былъ снятъ съ огня и кружка съ виномъ начала ходить изъ рукъ въ руки.

Никто не хотѣлъ нарушать грусти Сарата и поэтому не приглашали его къ пиру; однако же, когда Дали-баба, поднавъ кружку съ виномъ и обратясь къ алтарю, началъ свою рѣчь, то Саратъ очнулся изъ своей задумчивости.

Дали-баба сказалъ слѣдующее:

— О, отцы наши и предки, кубокъ этотъ я опорожниваю не въ вашу память. Еслибъ, вмѣсто монастырей, которые вы воздвигали такъ усердно на нашей родинѣ, вы строили крѣпости и, вмѣсто церковной утвари, готовили бы оружіе, то наша страна не была бы такъ несчастна. Бурды не могли бы опустошить ее, какъ теперь, не рѣзали бы нашихъ дѣтей, не уводили бы нашихъ женъ и дочерей. Отъ этихъ монастырей пошла погибель нашей страны, они убили нашу храбрость, чрезъ нихъ мы впали въ рабство, съ того дня, какъ великій Тырдатъ, сложивъ съ себя мечъ и корону, удалился въ пещеру Манія въ уединеніе. О вы, боги древней Арменіи, о Анагидъ, о Вагагъ и Гайкъ, вашей священной памяти посвящаю я этотъ кубокъ, спасите насъ!...

Въ такихъ-то словахъ облегчилъ свою душу этотъ бывший священникъ, нынѣ страшный разбойникъ.

Вслѣдъ за нимъ поднялся другой разбойникъ, прозванный Бидабъ-Далисси, что означало «переучившійся»; раньше онъ былъ учителемъ и недавно вступилъ въ шайку Сарата.

— Не вамъ, старыя книги и школа,—заговорилъ онъ,—посвящаю я свой кубокъ, не вамъ, не умѣвшимъ дать намъ ничего для жизни и дѣйствительности. Вы наполнили наши головы фантастическими мечтаніями, а съ требованіями дѣйствительной жизни не ознакомили насъ. Вы сдѣлали изъ насъ существа, въ которыхъ убито всякое живое и возвышенное чувство. Научая насъ терпѣнію, вы сковали еще крѣпче наши рабскія цѣпи. Да будутъ благословенны тѣ писатели, которые вдохнуть въ насъ новый духъ, которые помогутъ намъ вернуть наши прежнія силы, которые познакомятъ насъ съ требованіями дѣйствительной жизни!

Такъ говорилъ человекъ, названный «переучившимся», которого сбили съ толку книги и который теперь вновь пробудился къ настоящей жизни.

Саратъ слушалъ эти рѣчи и, казалось, онѣ заставили его позабыть на минуту свое личное горе. Онъ думалъ теперь о своемъ несчастномъ народѣ и поэтому принялъ равнодушно слова Мсто, который сказалъ ему:

— Не терзайся, дорогой господинъ мой! Исто имѣеть хорошее чутье, и будь «она» спрятана на двѣ морскомъ, Исто отыщеть ее и приведетъ къ тебѣ.

Сарать ничего не отвѣтилъ ему и даже не замѣтилъ, что вѣрный слуга его удалился внезапно изъ церкви.

X.

Юль близился къ концу. Несчастный, разграбленный, разрушенный баши-бузуками Баязеть достался, наконецъ, русскимъ. Сулейманъ-паша былъ вытѣсненъ. Джалаледдинъ распустилъ свою шайку и каждый его воинъ возвращался домой съ богатою добычей. Вся древняя провинція Багреванда и историческій Вагаршакертъ были опустошены и покинуты своими армянскими обитателями. Алашкертскіе переселенцы нищенствовали въ окрестностяхъ Эривани, а ихъ разрушенныя жилища еще дымились отъ недавнихъ пожаровъ.

Была вечерняя пора. Заходящее солнце освѣщало верхушки горъ.

По горной тропинкѣ шелъ медленно одинокій путникъ, напѣвая про себя печальную пѣсню. Казалось, что онъ избралъ эту дорогу противъ своей воли или не былъ увѣренъ, что онъ здѣсь достигнетъ своей цѣли.

Вдругъ раздался за нимъ голосъ:

— Кто ты такой? Стой!

Пѣшеходъ пересталъ пѣть, снялъ ружье съ плеча, повернулся и, увидя всадника, отвѣчалъ:

— Проѣзжай!

Всадникъ, приблизясь, привѣтствовалъ его:

— Счастливый путь, куда ты идешь?

— Я пастухъ Джафаръ-бека. Наши стада пасутся здѣсь недалеко; сегодня у насъ ушелъ жеребецъ и я ищу его.

Затѣмъ въ свою очередь спросилъ и онъ всадника:

— А куда же тебя Богъ несетъ?

— Въ лагерь шейха; я везу ему письмо.

— Отъ кого?

— Отъ Сулеймана-паши. Дѣла подъ Барсомъ идутъ плохо. Паша велѣлъ созвать насъ и объявилъ: «Кто въ два дня доставить это письмо шейху, тотъ получитъ хорошій подарокъ». Я приблизился къ нему, склонилъ голову и сказалъ: «Я готовъ превратиться въ прахъ подъ ногами твоими и доставлю твое письмо; мой араб-

скій конь летить, какъ стрѣла». Паша потрепалъ меня по плечу, сказалъ «эферимъ» *) и вручилъ письмо.

— Гдѣ же теперь шейхъ?

— Мнѣ сказали, что онъ недалеко отъ Банли - Дара (ущелье крови),—отвѣтилъ всадникъ.—Какъ же ты этого не знаешь?

— Откуда же знать пастуху эти вещи? Мы видимъ каждый день, какъ они приходятъ и уходятъ, но куда и зачѣмъ, мы не знаемъ.

— Не можешь ли ты дать мнѣ огня?—спросилъ всадникъ.— Я потерялъ свое огниво и цѣлый день не курю.

— Изволь,—отвѣчалъ тотъ, досталъ огниво и высѣкъ огня.

Всадникъ наклонился и приложилъ тлѣющей трутъ къ своей трубкѣ; закуривъ, онъ поблагодарилъ и пустился въ путь, но не успѣлъ онъ отъѣхать и десяти шаговъ, какъ въ воздухѣ просвистала пуля и свалила несчастнаго съ лошади. Лошадь, испугавшись, бросилась съ дороги въ сторону, волоча съ собой повисшаго ногой въ стремя всадника; она остановилась тогда, когда сѣдло упало съ нея.

Тогда прибѣжалъ убійца и, обыскавъ свою жертву, нашелъ при немъ письмо къ шейху. Затѣмъ онъ оправилъ сѣдло, сбросилъ искалѣченный трутъ въ ровъ, бодро вскочилъ на лошадь и поѣхалъ въ Банли-Дара, гдѣ находился лагерь шейха.

Прибылъ онъ туда при наступленіи сумерекъ. Письмо было свернуто въ формѣ трубочки, какъ это принято дѣлать на Востогѣ. Пастухъ досталъ его изъ кармана и, чтобы видно было, вложилъ его за свой тюбанъ.

— Кто идетъ?—спросила стража.

— Вѣстникъ,—отвѣтилъ онъ и помчался къ палаткѣ шейха. Этотъ вѣстникъ былъ нигто иной, какъ Мсто.

XI.

Сарать замѣтилъ отсутствіе Мсто только на слѣдующій день, когда онъ съ товарищами готовился оставить монастырь. Эти послѣдніе заподозрили Мсто въ измѣнѣ,—онъ былъ такъ хитеръ, такъ смѣлъ, что отъ него можно было ожидать всего.

— Я не могу сомнѣваться въ честности Мсто,—замѣтилъ Сарать.

Однако же, Мсто не возвращался и появился только черезъ три дня.

*) Bravo, молодецъ.

— Я нашелъ ее,—торопливо проговорилъ онъ и бросился на шею Сарата.

— Кого нашелъ ты?—спросилъ печально Сарать.

— Асси, ту самую Асси, которую ты любишь.

Сарать, услышавъ это, опьянѣлъ отъ радости.

Мсто рассказалъ ему о встрѣчѣ съ посланцемъ къ пашѣ, о томъ, какъ онъ его убилъ, и о своемъ пребываніи въ лагерѣ шейха, гдѣ онъ между плѣнными дѣвушками нашелъ и Асси.

— Знаешь ли ты вѣрно, что она въ лагерѣ шейха?—спросилъ Сарать дрожащимъ голосомъ.

— Еще бы! Я видѣлъ ее своими глазами и даже говорилъ съ ней,—возразилъ съ радостью Мсто.

— Узнала ли она тебя?

— Она хотѣла броситься ко мнѣ, но я сдѣлалъ ей знакъ, она поняла и остановилась.

— Какъ удалось тебѣ увидѣть ее?

Мсто рассказалъ ему, какъ, передавъ письмо шейху, онъ получилъ отъ него приказаніе подождать отвѣта до слѣдующаго дня, такъ какъ ему необходимо было посоветоваться съ предводителями курдовъ. Затѣмъ ему указали мѣсто въ лагерѣ и дали поѣсть. Тутъ повстрѣчалъ онъ одного изъ старыхъ знакомыхъ, тоже іезида, который былъ на службѣ у шейха въ должности чубукчи *). Онъ принялъ Мсто, угощалъ его, какъ своего земляка и единовѣрца, и, наконецъ, показалъ ему плѣнныхъ, между которыми Мсто нашелъ Асси. Тогда Мсто открылъ ему цѣль, изъ-за которой онъ пріѣхалъ въ лагерь шейха, а именно—увести дѣвушку, которая была возлюбленной его господина. Землякъ обѣщалъ самъ вывести изъ лагеря названную дѣвушку и передать ее кому Мсто назначить.

Сарать выслушалъ рассказъ въ глубокомъ волненіи и не смѣлъ вѣрить своимъ ушамъ.

— Увѣрен ли ты въ томъ, что твой землякъ сдержитъ слово?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Іезидъ не легко даетъ обѣщаніе, но разъ давши, онъ держитъ его хорошо,—возразилъ Мсто не безъ гордости, и затѣмъ прибавилъ, что ему извѣстна тайна его земляка и это даетъ ему еще больше основанія вѣрить его обѣщанію.

— Братъ моего земляка,—продолжалъ Мсто,—нѣсколько лѣтъ

*), Подаватель трубокъ.

тому назадъ былъ убитъ по приказанію шейха, и тотъ хотѣлъ мстить за смерть брата. Шейхъ не знаетъ, что онъ братъ убитаго и что по вѣрѣ онъ іезидъ.

— Такому человѣку можно повѣрить, — сказалъ успокоенный Саратъ, — но съумѣетъ ли онъ вывести дѣвушку изъ лагеря?

— Ассли одѣнется въ мужское платье и выйдетъ одна. Мсто не такъ глупъ, какъ кажется, и все предусмотрѣлъ. Мы должны сегодня ночью ждать ее въ долинѣ не далеко отъ лагеря, подъ грушевымъ деревомъ. Ассли придетъ туда и застанетъ насъ на мѣстѣ.

— Какъ велико число всѣхъ плѣнныхъ? — спросилъ Саратъ, послѣ нѣкотораго раздумья.

— Шейхъ выбралъ для себя сто женщинъ и дѣвушекъ.

— А у другихъ курдовъ также есть свои плѣнные?

— Нѣтъ ни одного, у котораго не было бы по нѣсколько человѣкъ. Многихъ покупаютъ евреи изъ Ушина, чтобы перепродать ихъ армянамъ. Цѣны стоятъ низкія. За серебряный меджидіе *) покупаютъ дѣвушку.

Нѣсколько прояснившееся лицо Сарата опять омрачилось и грустныя мысли опять овладѣли имъ.

Весь разговоръ съ Мсто происходилъ съ глазу на глазъ, такъ какъ они незамѣтно удалились отъ товарищей; теперь Саратъ догналъ ихъ, сообщилъ имъ все слышанное отъ Мсто и объявилъ о своемъ намѣреніи отправиться къ лагерю Джалаледдина.

— Мы тебя не оставимъ, идемъ съ тобой! — крикнули единодушно друзья Сарата.

ХІІ.

Банли-Дара (ущелье крови) оправдывала вполне свое названіе: въ этомъ разбойничьемъ притонѣ совершались безчисленныя и ужасныя злодѣянія. Ни путешественники, ни караваны даже не осмѣливались вступать въ него; оно служило исключительнымъ убѣжищемъ разбойникамъ, ихъ засадой для нападеній.

Здѣсь же вблизи расположился лагерь шейхъ послѣ паденія Баязета. По этой долинѣ протекаетъ одинъ изъ верхнихъ притоковъ Тигра, который окрестные жители называютъ Нгелъ и который отдѣляетъ провинцію Агбагъ отъ сосѣдней съ нимъ Джоламерикъ.

*) Меджидіе=1 р. 20 к.

На возвышенномъ берегу рѣки можно было видѣть въ эту ночь сотни лагерныхъ огней, вокругъ которыхъ сидѣли вооруженные курды: одни изъ нихъ болтали, другіе курили, пѣли, смѣялись, заглядывали въ котлы, повѣшенные надъ огнемъ, или поджаривали на копьяхъ шашлыкъ. Всюду царствовало дикое веселье. Палатка шейха была ярко освѣщена.

Въ значительномъ отдаленіи отъ лагеря, въ одной узкой доли- нѣ, которая отдѣляла лагерь отъ Банли-Дара, слышенъ былъ бара- банный бой и звуки курдской музыки, наигрывающей мелодію *Джа- нимани*.

Въ ту пору не вдалекѣ проѣзжала толпа всадниковъ.

— Здѣсь что-то происходитъ, — сказалъ одинъ изъ нихъ чуть слышнымъ голосомъ.

— Я тоже думаю, — замѣтилъ другой.

— Попробуемъ подѣхать.

— И посмотримъ.

Всадники повернули лошадей въ ту сторону, откуда доносилась музыка. Тропинка, по которой они ѣхали, была вся покрыта мел- кимъ колючимъ кустарникомъ и была такъ узка, что лошади не могли идти далѣе. Всадники сошли съ лошадей, одинъ изъ нихъ остался стеречь ихъ, а остальные двинулись пѣшкомъ впередъ.

Вскорѣ они достигли небольшого холма, съ вершины котораго ихъ глазамъ открылось странное зрѣлище.

На одной сторонѣ гремѣли барабаны и трубы, на другой — плясали обнаженные женщины танецъ, называемый курдами «гуандъ». Женщинъ было много и онѣ, взявшись за руки, обра- зовали большой кругъ; въ срединѣ круга, на высокихъ столбахъ, горѣли трупы, облитыя нефтью, и свѣтъ отъ нихъ освѣщаль зловѣщимъ огнемъ блѣдныя лица женщинъ. Вокругъ этихъ факеловъ сидѣли мужчины и съ адскою радостью глядѣли на пляшу- щихъ.

Не трудно было видѣть, что несчастныя плясали не по доброй волѣ. Онѣ почти обезумѣли отъ стыда и отчаянія, глаза ихъ страш- но вращались въ орбитахъ, а лица были искажены судорогами. Многія изъ нихъ отъ стыда и волненія теряли послѣднія силы и падали замертво на землю. Ихъ муки, способныя вызвать въ каж- дой человѣческой душѣ глубокое состраданіе, только усиливали радость ихъ палачей и возбуждали ихъ дикіе инстинкты.

Адская пляска продолжалась и сидящіе вокругъ мужчины пѣли и выражали свой восторгъ дикими возгласами, отъ времени до вре-

мени кто-нибудь бросалъ свой платокъ понравившейся ему женщиной и уводилъ ее немедленно съ собой изъ круга пляшущихъ.

Въ то время, какъ при факельномъ свѣтѣ совершалась здѣсь эта адская оргія, на ближайшемъ холмѣ кучка людей смотрѣла на все происходившее съ отвращеніемъ и негодованіемъ.

— Нападёмъ на нихъ, — предложилъ Сарать.

— Ихъ слишкомъ много, проклятыхъ, — возразилъ Дали-баба.

— Это ничего не значить. Если намъ не избѣжать смерти, то лучшей не найти намъ, какъ здѣсь, — отвѣтилъ на это Сарать.

— Но этимъ путемъ ты потеряешь Ассли, а изъ-за нея ты пришелъ сюда, — сказалъ Дали-баба.

— Каждая изъ этихъ несчастныхъ равно заслуживаетъ нашего сочувствія, какъ и Ассли.

Благородный юноша забылъ совершенно въ эту минуту свою любовь и думалъ только о позорѣ, выпавшемъ на долю всѣмъ этимъ несчастнымъ.

— Да, нападёмъ на нихъ, но опрокинемъ сперва факелы, — воскликнулъ внезапно Дали-баба, — тогда дѣло пойдетъ лучше.

— Бъ счастью нашему, небо заволокло, мѣсяцъ скрылся въ тучахъ, — прибавилъ Китабъ-Даллиси.

— Нападайте и деритесь саблями, — предупредилъ Сарать, — ружейные выстрѣлы встревожатъ весь лагерь; онъ расположенъ не такъ далеко.

Бурды были также безъ ружей; при нихъ были только сабли и кинжалы.

Мсто стоялъ тутъ же и слушалъ. Положеніе его было ужасно: какъ ему ни хотѣлось остаться при Саратѣ въ такую рѣшительную минуту, однако, вспомнивъ Ассли, онъ рѣшился спасти ее и съ этою цѣлью незамѣтно ускользнулъ въ лагерь шейха.

Не успѣлъ онъ удалиться, какъ Сарать съ быстротою молніи бросился вмѣстѣ съ своими товарищами на курдовъ. Факелы были опрокинуты въ одинъ мигъ и глубокая тьма покрыла всю долину.

Началась отчаянная рѣзня.

Нѣтъ ничего ужаснѣе рукопашнаго боя, въ особенности если онъ происходитъ въ темнотѣ. Въ такой рѣшительной борьбѣ острое желѣзо въ рукахъ разсвирѣпѣвшаго человѣка производитъ страшныя опустошенія!

Бой продолжался долго. Благодаря темнотѣ и общей сумятицѣ, удары наносились безъ разбора, такъ что товарищъ колотъ товарища. Дикіе, отчаянные крики смѣшивались съ бряцаніемъ оружія.

Убитые и раненые валялись въ теплой крови и подъ ногами борящихся.

Мѣсяць снова показался изъ-за тучъ.

Едва только женщины поняли, что нападеніе сдѣлано для ихъ освобожденія, какъ съ яростью фурій бросились въ рукопашный бой.

Ужасна женская ярость, если она вызвана чувствомъ мести. Въ такія минуты женщина походить на духъ смерти и беспощадно разить того, кто оскорбилъ, растопталъ ея честь.

Тѣ самыя женщины, которыя нѣсколькими часами раньше принуждены были, подъ угрозами варвара, играть позорную роль, теперь, какъ только услышали голоса, возвѣщающіе свободу, вырвали изъ рукъ павшихъ враговъ оружіе и начали съ остервенѣніемъ уничтожать своихъ гонителей

ХІІІ.

Мѣсяць опять спрятался за тучами и ужасная картина «Кроваваго ущелья» исчезла въ ночномъ мракѣ.

На западномъ берегу Ванскаго озера, у подошвы горы Сипанъ, вдоль ручья, на зеленой полянѣ, стояло нѣсколько пастушьихъ палатокъ. По ихъ убогому виду можно было предполагать, что онѣ принадлежать не какому-нибудь богатому курдскому племени.

Это были палатки іезидовъ, поработченныхъ не менѣе армянъ; пастухи эти бѣжали въ это уединенное мѣсто отъ опасностей войны для спасенія своей жизни и маленькихъ стадъ.

Прошла недѣля послѣ рѣзни въ «Банли-Дара».

Въ одной изъ палатокъ, на нищенскомъ ложѣ, лежалъ человѣкъ съ смертельно-блѣднымъ лицомъ и глубоко впавшими глазами. Онъ дышалъ тяжело и не имѣлъ силъ повернуться на своемъ ложѣ. Это былъ тяжело раненый Саратъ. У изголовья его сидѣла молодая дѣвушка съ грустнымъ лицомъ и заплаканными глазами. Въ ней легко было узнать Асси, которую Мсто удалось счастливо увести изъ лагеря шейха въ ночь страшной рѣзни.

По обѣ стороны больного, подобно ангеламъ, сидѣли двѣ его сестры и тихо плакали. Въ углу палатки, закрывъ руками глаза, рыдалъ маленькій братъ Сарата.

Мсто въ палаткѣ не было, онъ сидѣлъ у порога и оплакивалъ потерю друга, въ то время, какъ молодая, красивая жена его хлопотала внутри палатки.

Раненый лежалъ при послѣднемъ издыханіи.

Послѣ рѣзни въ «Банли-Дара» изъ товарищей Сарата уцѣлѣли только трое, да и тѣ были тяжело ранены.

Всѣ другіе пали. Погибли также въ этой битвѣ многія изъ женщинъ-героинь.

Раненый левъ открылъ въ послѣдній разъ глаза, взглянулъ на Асси, на сестеръ своихъ и закрылъ ихъ навсегда.

— Ты умираешь въ моей палаткѣ, храбрець, и этимъ налагаешь на меня долгъ мстить за твою смерть. Мсто клянется исполнить свой долгъ, — зарычалъ іезидъ и наклонился поцѣловать умершаго.

БРАТЯ ГОРДЪЕВЫ.

(Повѣсть *).

I.

Федотъ Якимычъ поднимался утромъ очень рано и въ десять часовъ уже выходилъ на крыльцо, какъ всегда дѣлалъ лѣтомъ. Козакъ Мишка впередъ вытаскивалъ складной стулъ, разстилавъ подъ ноги маленькій бухарскій коврижъ, и Федотъ Якимычъ усаживался съ обычною важностью. Сегодня онъ былъ особенно важенъ и все время разглаживалъ свою сѣдую окладистую бороду, что не обѣщало ничего добраго. Крыльцо лѣтомъ замѣняло приемную, и ожидашіе появленія Федота Якимыча просители терпѣливо толпились гдѣ-нибудь во дворѣ или у воротъ. Собственно дворъ прикащикьяго дома походилъ скорѣе на большую залу; кругомъ сплошною деревянною стѣной шли разныя хозяйственныя пристройки, полъ былъ выстланъ аршинными досками и гладко выструганъ, чистота вездѣ поразительная. Открытыя настѣжъ ворота давали возможность видѣть съ улицы все, что дѣлалось во дворѣ и наоборотъ. Сегодня кучка любопытныхъ толпилась у воротъ задолго до появленія Федота Якимыча, о чемъ-то шепталась, переглядывалась и вопросительно озиралась на улицу. Очевидно, кого-то поджидали. Лѣтній день занялся такимъ яркимъ свѣтомъ, что глядѣть было больно. Солнце только не заглядывало подъ навѣсъ крыльца, гдѣ сидѣлъ самъ Федотъ Якимычъ на своемъ раздвижномъ стульчикѣ. Онъ уже нѣсколько разъ озабоченно поглядѣлъ на улицу и поморщился, что заставило козака Мишку съезжиться, — быть грозѣ.

— Шесть часовъ отбили на пожарной? — тихо спросилъ старикъ, не обращаясь собственно ни къ кому.

— Часы отданы, Федотъ Якимычъ! — почтительно доложилъ Мишка и, какъ заяцъ на угонкахъ, глянулъ богомъ на улицу.

*) Дѣйствіе происходитъ въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія.

Федотъ Якимычъ молча погладилъ свою овладистую съдую бороду и еще разъ свелъ брови. Это былъ типичный старикъ, какіе цвѣтутъ наперекоръ природѣ какою-то старческою красотой. Широкое русское лицо такъ и дышало силой, — розовое, свѣжее, благообразное. Особенно хорошо было это лицо, когда Федотъ Якимычъ улыбался своею задумчивою, почти грустною улыбкой, что случилось съ нимъ очень рѣдко. Длиннополый сюртукъ, сапоги бутылками, ситцевая розовая рубашка съ косымъ воротомъ, — все шло къ степенной фигурѣ степеннаго и важнаго старика. Въ особенно трудныхъ случаяхъ онъ надѣвалъ большія круглыя очки въ серебряной оправѣ и доставалъ серебряную табакерку, завернутую въ красный шелковый платокъ. Онъ мелькомъ взглянулъ на почтиительно затихшую при его появленіи толпу и сразу увидѣлъ всѣхъ: особенно нужныхъ людей не было. Съ опущенными головами стояли провинившіеся рабочіе, ожидавшіе строгой кары, двѣ-три бабенки старались пролѣзть впередъ, — навѣрное, пришли просить о чемъ-нибудь, — понуро стоялъ высокій мужикъ въ картузѣ.

— Ты, Карпушка, погоди, — обратился Федотъ Якимычъ. — Съ тобой у насъ будетъ свой разговоръ...

Карпушка только снялъ картузъ и поклонился. И наружностью, и манерой себя держать онъ рѣзко выдѣлялся среди другихъ просителей. Избитыя, мозолистыя и почернѣвшія отъ слесарной работы руки служили вывѣской его занятій. Козакъ Мишка нѣсколько разъ говорящимъ взглядомъ окидывалъ Карпушку и даже закрывалъ ротъ рукой, точно хотѣлъ удержать просившееся съ языка словечко. Карпушка хмурился и сосредоточенно старался смотрѣть въ другую сторону.

Прошло пять минутъ томительнаго ожиданія, а Федотъ Якимычъ не шевелился, точно застылъ. Только перебиравшіе красный платокъ пальцы говорили, что онъ не спитъ, а все видитъ и слышитъ. Федотъ Якимычъ все видѣлъ и все слышалъ, какъ былъ увѣренъ весь Землянской заводъ. Онъ только слегка вскпывалъ глазами, когда по улицѣ лихо прокатывалась двухколесная рудниковая таратайка или тяжело проѣзжала телѣга, нагруженная дровами. Всѣ, кто шелъ или ѣхалъ мимо господскаго дома, снимали шапки, а бабы какъ-то по-утиному кивали головами и на всякій случай старались пройти опасное мѣсто поскорѣе. Изъ господскаго дома шли гроза и милость на весь заводъ. Робкіе люди обходили грозный господскій домъ другою улицей.

Прошло еще четверть часа. Федотъ Якимычъ распахнулъ свой сюртукъ, досталъ изъ пестраго бархатнаго жилета большіе серебря-

чные часы луковицей, посмотрѣлъ и только поднялъ сѣдые брови. Онъ только хотѣлъ подняться съ мѣста, чтобы идти въ горницы, какъ на улицѣ задрезжала телѣжка и смѣло подхватила прямо къ воротамъ господскаго дома. Изъ нея выскочили два молодыхъ человека, одѣтыхъ совсѣмъ необычно для Землянскаго завода. Одинъ, высокій, блондинъ, съ выбритымъ лицомъ и длинными баками на англійскій манеръ, одѣтъ былъ въ длинную камлотовую шинель съ крагеномъ и въ цилиндръ съ широкими полями; другой, такой же ростомъ, съ русою бородой и золотыми очками на носу, въ драповое пальто «французскаго покроя» и въ лаковые сапоги съ желтыми отворотами. Не нужно было особенной проницательности, чтобы узнать въ прѣхавшихъ двухъ братьевъ, — старшему, высокому, было подъ тридцать, а младшему — лѣтъ двадцать пять.

— Ждать заставляете, — рѣзко замѣтилъ Федотъ Якимычъ, поднося свою луковицу прямо къ носу старшему брату. Руки онъ имъ не подалъ, что замѣтно смутило младшаго брата. — Да, ждать... Порядковъ не знаете.

Старшій братъ молча досталъ свои золотые часы и молча поднесъ ихъ тоже прямо къ носу Федота Якимыча. Близорукіе большіе глаза были защищены золотыми очками.

— Да ты что мнѣ своими часами въ носъ тычешь? — уже закричалъ старикъ, вскакивая.

— Вы назначили намъ явиться ровно въ шесть часовъ, — спокойно объяснилъ смѣлый молодой человекъ, пряча часы въ карманъ, — а сейчасъ ровно шесть часовъ.

— Врешь ты все, полчаса седьмого прошло...

— Не правда... У васъ утромъ часы бьютъ на полчаса раньше, а вечеромъ на полчаса позже.

— А! ты мнѣ указывать! — загремѣлъ старикъ и весь побагровѣлъ, но сейчасъ же сдержалъ себя и только махнулъ рукой. — У насъ часы по-своему ходятъ, а не по-вашему, заграничному.

Заводскіе часы отбивались неправильно, чтобы выгадать лишній рабочій часъ, и молодой человекъ только улыбнулся. Онъ сразу попалъ въ самое больное мѣсто всеильному владыкѣ.

— Вѣдь, ваша фамилія Гордѣевы... — въ раздумьи заговорилъ Федотъ Якимычъ, точно стараясь что-то припомнить. — Да... И отца вашего покойнаго знавалъ. Какъ же... Еще въ свойствѣ съ нимъ. Долго у нѣмцевъ загостились... долго... Ума много накопили, насъ, дураковъ, теперь будете учить.

— Братъ Леонидъ десять лѣтъ въ Швеціи прожилъ, а я двѣ-

надцать—въ Англии,—съ сѣблою простотой отвѣтилъ старшій, поправляя свои очки.

— Тебя звать-то какъ?

— Никономъ, а по батюшкѣ Зотычъ.

— Такъ...—протянулъ старикъ, прищурившись и пожевавъ губами.—Такъ я тебѣ перво-на-перво вотъ что скажу, Никонъ: не поглянулся ты мнѣ съ перваго разу. Развязка у тебя не по чину...

— Каковъ есть...

— Молчать!... Говори, когда спрашиваютъ, да слушай.

Леонидъ даже вздрогнулъ отъ этого окрика и недоумѣвающе посмотрѣлъ назадъ, гдѣ у воротъ боязливо жалась кучка рабочихъ. Его все смущало: и то, что Ѳедотъ Якимычъ принимаетъ ихъ во дворѣ, и то, что онъ не подалъ имъ руки, и то, что не пригласилъ сѣсть, и то, что онъ кричитъ на брата при постороннихъ. Что же это такое? Онъ плотно сжалъ губы и уперся глазами въ землю.

Наступила тяжелая пауза. Ѳедотъ Якимычъ разглаживалъ бороду и жевалъ губами, а потомъ рѣзко проговорилъ:

— Вотъ што я вамъ скажу, нехристи: што въ шапкахъ-то стоите передо мной, какъ другіе подобные идола? Не знаете порядковъ? Я васъ выучу!... Я вамъ покажу, какъ добрые люди на бѣлѣмъ свѣтѣ живутъ...

Леонидъ снялъ свою фуражку, а Никонъ такъ и остался въ цилиндрѣ, что окончательно взбѣсило Ѳедота Якимыча. Старикъ закричалъ, затопалъ ногами.

— Я васъ въ бараній рогъ согну, нехристи! Вы, поди, и по постнымъ днямъ скоромное жрете... Обусурманились на чужой сторонѣ въ конецъ. Учить пріѣхали! Я вамъ покажу свою науку!...

Братья молчали. Никонъ, закусивъ губу, смотрѣлъ въ упоръ на неистовствовавшего старика.

— Да вы што о себѣ-то думаете, заморскія птицы?—кричалъ Ѳедотъ Якимычъ, бѣгая по крыльцу.—Шапки не умѣете снять, а туда же, по десяти лѣтъ учились... Да у меня первый слесарь больше васъ знаетъ... Да... Простой мужикъ... Онъ всякое дѣло обмозгуетъ, а вы хлѣбъ даромъ ѣли. Эй, Карпушка, выходи!

Козакъ Мишка посторонился, давая дорогу Карпушкѣ, который подошелъ къ крыльцу, держа шапку въ рукахъ.

— Ну, што, Карпушка, наладилъ штангу?—спрашивалъ Ѳедотъ Якимычъ, стараясь говорить ласково.—И дѣйствуетъ?

— Дѣйствуетъ, Ѳедотъ Якимычъ... Въ лучшемъ видѣ.

— Вотъ вамъ у кого учиться надо,—объяснилъ Ѳедотъ Якимычъ, тыкая пальцемъ на Карпушку.—Простой мужикъ, слесарь,

а какую штуку удумалъ... До всего своимъ умомъ дошелъ, а по границамъ не ъздилъ. На три версты машину поставилъ... Теперь будемъ его штангой воду изъ Мѣднаго рудника отливать. Молодецъ, Барпушка, хвалю!

Федотъ Якимычъ сдѣлалъ знакъ козаку Мишкѣ и тотъ моментально исчезъ, точно Федотъ Якимычъ имъ выстрѣлилъ. Черезъ минуту онъ появился въ дверяхъ крыльца съ подносомъ, на которомъ стояла большая старинная рюмка. Федотъ Якимычъ собственными руками подаль рюмку Барпушкѣ, а когда тотъ выпилъ, разцѣловалъ его изъ щеки въ щеку.

— Впередъ старайся,—говорилъ онъ,—а, главное, не забывайся...

Барпушка неожиданно подавился поданною закуской и принялся усиленно кашлять, что опять разсердило Федота Якимыча, и онъ сурово махнулъ Барпушкѣ рукой. Машинально дойдя до воротъ, Барпушка оглянулся на грознаго владыку, на мгновение остановился, а потомъ вышелъ на улицу, попрежнему, держа шапку въ рукахъ. Вся эта комедія съ домашнимъ самоучкой нарочно была подстроена Федотомъ Якимычемъ для вящаго посрамленія заграничныхъ,—штанга была устроена уже полгода, а Барпушка получилъ благодарность только сегодня.

— Кто тамъ еще есть?—крикнулъ Федотъ Якимычъ.

Козакъ Мишка поочередно началъ допускать провинившихся рабочихъ; бѣдняги чувствовали, что попали въ дурную минуту, и не пробовали даже оправдываться. Первымъ подошелъ черноволосый и плечистый обжимочный мастеръ, прогулявшій двое сутокъ.

— Въ Мѣдный рудникъ подлеца!...—коротко рѣшилъ Федотъ Якимычъ.—Сгною въ шахтѣ...

Слѣдующій номеръ отправленъ былъ въ машинную, гдѣ долженъ былъ получить двѣсти розогъ. Третій не успѣлъ подойти, какъ Федотъ Якимычъ ударилъ его прямо по лицу и заревѣлъ, какъ дикій звѣрь. Просительницы бабенки даже присѣли и хотѣли потихоньку улизнуть, но козакъ Мишка подмигнулъ имъ: дескать, ваша бабья часть особенная. Когда мужики были «разсмотрѣны», ближайшая баба съ причитаніями повалилась Федоту Якимычу въ ноги. Мужикъ умеръ, трое ребятъ, а коровы нѣтъ.

— Ну, ладно, сирота, устроишь,—неожиданно мягкимъ тономъ проговорилъ Федотъ Якимычъ, стараясь загладить добрымъ дѣломъ сегодняшній свой грѣхъ.—Будешь съ молокомъ... Убирайся.

Слѣдующая баба просила поправить развалившуюся избушку, и Федотъ Якимычъ тутъ же рѣшилъ, что поправлять не стѣдуетъ, а

нужно поставить новую избу. У третьей бабы мужъ былъ болѣнъ, она получила пособіе изъ конторы. Братья Гордѣевы продолжали стоять, но Федотъ Якимычъ намѣренно не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Леонидъ машинально теребилъ свою бородку, а Никонъ упрямо слѣдилъ за каждымъ движеніемъ владыки. Когда пріемъ кончился, онъ молча повернулся и, не простившись, пошелъ къ воротамъ. Эта новая дерзость совсѣмъ обезкуражила Федота Якимыча, такъ что онъ даже ничего не могъ сказать, а только затряслись губы. Что же это такое?... Да какъ онъ смѣлъ? У всѣхъ на глазахъ ушелъ, а самъ ни здорово, ни прости...

— Такъ вотъ вы какіе?! — обрушился онъ всѣмъ своимъ негодованіемъ на стоявшаго безъ шапки Леонида. — Я вамъ покажу!... А ты што стоишь? Шелъ бы за братомъ: одной свиньи мясо.

— Я не знаю... — бормоталъ Леонидъ. — За брата я не могу отвѣчать...

— Молчать! Кто тебя спрашивалъ? И ты бы тоже ушелъ, кабы у тебя хвостъ не былъ привязанъ... Ушелъ бы?... Знаю, все знаю... Нѣмку свою пожалѣлъ? Хорошо, убирайся къ чорту...

А Никонъ шелъ по Мѣдной улицѣ въ дальній конецъ, спокойно и съ достоинствомъ, не обращая никакого вниманія на любопытство встрѣчавшихся прохожихъ, которые смотрѣли на него, какъ на звѣря, и указывали пальцами. Въ концѣ улицы, поравнявшись съ кабакомъ, Никонъ носъ къ носу встрѣтился съ Карпушкой: самоучка-механикъ, сильно пошатываясь, выходилъ изъ кабака. Узнавъ Никона, Карпушка остановился, покрутилъ головой и проговорилъ заплетавшимся языкомъ:

— Вотъ тѣ Христось: въ первый разъ... Никогда и въ кабакъ не бывалъ. Эхъ, жисть!...

Карпушка схватилъ свой картузь и съ ожесточеніемъ бросилъ его о земь.

II.

Все время, пока на крыльцѣ происходилъ утренній пріемъ, въ сѣняхъ стояла высокая старуха въ раскольничьемъ сарафанѣ. Это была жена Федота Якимыча, Амфея Пареевнa. Она прислушивалась въ дверную щель, что дѣлается тамъ, на крыльцѣ, а когда Федотъ Якимычъ затопалъ ногами на Никона, не утерпѣла и взглянула, — заграничные ее интересовали. Она ихъ помнила еще дѣтми и теперь только грустно качала головой, когда Никонъ «рѣзалъ» прямо въ глаза Федоту Якимычу.

«Этакой безстрашный! — думала старуха. — Самому-то такъ и рѣжетъ... Ахъ, отчаянный!»

Время отъ времени дверь изъ задней горницы отворялась и слышными шагами входила круглая, маленькая женщина, объяснявшаяся съ Амфеей Пареевовой знаками. Это была нѣмушка Палагея, игравшая въ домѣ видную роль. Она тоже одѣта была въ косоглиный сарафанъ изъ синяго изгребнаго холста съ желтою оторочкой на проймахъ. Взглянувъ на госпожу своими маленькими сѣрыми глазками, нѣмушка закрывала ротъ широкою ладонью: она знала, въ чемъ дѣло, и успѣла разглядѣть бусурмановъ изъ своей кухни. Амфея Пареевна поджимала губы, хмурила густыя брови, и нѣмушка такъ же незамѣтно исчезала, какъ появлялась. Это была «вѣрная слуга», воротившая весь домъ. На Амфею Пареевовну она просто молилась и по выраженію ея глазъ угадывала каждую ея мысль.

Когда Ѳедотъ Якимычъ кончилъ свой утренній приемъ, Амфея Пареевона неслышно удалилась въ заднюю горницу, гдѣ на столѣ кипѣлъ самоваръ и дымились горячіе блины. Старикъ не любилъ, чтобы въ его дѣла мѣшались бабы. Но на этотъ разъ онъ вошелъ въ заднюю избу веселый и проговорилъ:

— Ничего, для перваго разу достаточно, Феюшка... Нося — не потеряй. Разнесъ я этихъ прохвостовъ въ-какъ... Народецъ!...

— Ужь очень ты себя-то обезпокоишь, Ѳедотъ Якимычъ, — покорно замѣтила старуха. — Легкое мѣсто сказать: горло перекричалъ. Нестоющіе того люди... Обусурманились на чужой сторонѣ въ конецъ...

— А мы ихъ въ свою вѣру повернемъ... ха-ха!... Нѣтъ, Нибашка-то, а? Ловокъ... И шляпу не снялъ, и ушелъ не простившись. Идолъ идоломъ...

— Левонидъ-то поскромнѣе будетъ... очестливѣе.

— Оба хороши, Феюшка... Ну, да и мы не черезъ заборъ лаптемъ щи хлебаемъ. Нѣтъ, Никашка-то какъ строго себя оказалъ... Ха-ха!... Туда же амбицію свою соблюдаетъ... А того не знаетъ, што онъ у меня весь въ рукахъ. Хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю... Всѣ науки произошелъ, а начальства не понимаетъ. Ну, да улыбають бурку крутыя горки... Я Никашку по первому дѣлу въ Мѣдную гору пошлю... Пусть отвѣдаетъ, каково сладко съ Ѳедотомъ Якимычемъ тягаться.

— Молодъ еще... — какъ бы въ оправданіе Никона замѣтила Амфея Пареевона и сама испугалась собственной смѣлости. — Бъ слову я молвила, Ѳедотъ Якимычъ: не бабьяго ума дѣло.

— То-то! — окрикнулъ жену старикъ и нахмурился. — Не люблю, чтобы курицы пѣтухомъ пѣли... Не люблю, вотъ и весь сказъ! Противъ сердца ты мнѣ сказала, вотъ што! Только я отошелъ было, а ты меня опять и подняла. Тьфу!...

— Прости, Федотъ Якимычъ, не отъ ума сболтнула.

— Дура!

Старикъ ударилъ кулакомъ по столу и молча зашагалъ по горянцѣ.

Господскій домъ былъ устроенъ по старинкѣ. Собственно это была громадная изба, раздѣленная по-крестьянски сѣнями на переднюю половину и заднюю. Въ передней половинѣ было всего двѣ комнаты, выходившихъ на улицу пятью маленькими оконцами. Обстановка здѣсь устроена по-модному — съ кисейными занавѣсками, мягкой мебелью, коврами, горками съ посудой и дешевенькими картинами по стѣнамъ. Хозяйка бывала въ передней половинѣ только при гостяхъ, поэтому она носила нежилой, парадный характеръ. Задняя половина была устроена по-старинкѣ и, вмѣсто стульевъ, около стѣнъ шли широкія лавки, крашенныя кубовою синею краской. Передній уголъ занятъ былъ иконоставомъ съ образами стариннаго раскольничьяго письма, мѣдными складнями и крестами. Здѣсь теплилась всегда «неугасимая». Въ особой укладкѣ, пригнѣненной къ стѣнѣ, хранились часовникъ и псалтырь, свѣчи и ладонь. За этимъ блюла сама Амфея Пареевна. Нѣсколько шкафовъ съ посудой, письменный столъ у внутренней стѣны, старинныя большіе часы на стѣнѣ, канарейка въ клеткѣ, нѣсколько гераней на окнахъ, — вотъ и все. Досчатою перегородкой, тоже выкрашенною кубовою синею краской, задняя изба дѣлилась на двѣ горницы и во второй была устроена спальня, съ широкою двуспальной кроватью, перинами, горой подушекъ, коммодами и гардеробомъ. Когда дѣти были маленькія, здѣсь была дѣтская, но дѣти давно выросли, были пристроены и старики жили въ домѣ только вдвоемъ. Собственно говоря, Амфея Пареевна мало жила въ горницахъ, а при постороннихъ и совсѣмъ не показывалась, — у ней была вверху своя свѣтлица, гдѣ все было устроено по ея вкусу. Въ свѣтлицу самъ Федотъ Якимычъ ходилъ только по спросу, когда Амфея Пареевна позволить. Въ горницахъ была вся воля Федота Якимыча, а въ свѣтлицѣ царилъ одна Амфея Пареевна.

Свѣтлица походила на моленную. Одна стѣна была сплошь уставлена образами и Амфея Пареевна сама здѣсь «говорила кануны» далеко за полночь. Единственною свидѣтельницей этого домашняго благочестія была нѣмушка Палагея, да разныя «странныя

люди», проникавшіе въ господскій домъ никому невѣдомыми путями и такъ же исчезающіе. Въ своей свѣтлицѣ Амфѣя Пареевна была строга и недоступна, такъ что ея побаивался и самъ Ѳедотъ Якимычъ, покрикивавшій на жену у себя въ горницахъ.

— Чаеціецъ ты и табашникъ! — карала мужа Амфѣя Пареевна, входя въ свою роль главы дома. — Въ смолъ будешь кипѣть потомъ...

— Охъ, буду... — соглашался Ѳедотъ Якимычъ, сокрушенно вздыхая. — Ослабѣлъ, Амфѣя Пареевна.

Горницы и свѣтлица, такимъ образомъ, представляли два различныхъ міра, соприкасавшихся между собой опять-таки ради житейской нужды и слабости. Старики жили по старой вѣрѣ, хотя Ѳедотъ Якимычъ уже давно «обміршился». Въ этомъ заключалось большое преимущество Амфѣи Пареевны, неукоснительно соблюдавшей древлеотеческія преданія. Она въ своемъ раскольничьемъ мірѣ являлась столпомъ и крѣпкимъ оплотомъ гонимой старой вѣры и вела обширныя сношенія съ своими единомышленниками. Общественное положеніе Ѳедота Якимыча, какъ главнаго управляющаго Землянскими заводами, заставляло дѣлать постоянныя уступки «никоніанской злобѣ» и онъ какъ будто всегда чувствовалъ себя немного виноватымъ передъ женой. Мало ли гдѣ ему приходилось бывать самому, а еще больше того принимать въ своихъ горницахъ никоніанъ — и горный исправникъ, и протопопъ, и разные судейскіе чины, властодержцы, начальники и просто нужные люди. Въ качествѣ блюстительницы древляго благочестія Амфѣя Пареевна держала свое имя грозно, и Ѳедотъ Якимычъ, въ сущности, боялся ея, несмотря на свои окрики и грубыя выходки. Это послѣднее чувство выросло съ годами совершенно незамѣтно, такъ что и самъ крутой старикъ не давалъ себѣ въ немъ отчета. Съ другой стороны, Амфѣя Пареевна приобрѣла большое и рѣшающее вліяніе въ своемъ старообрядческомъ мірѣ, такъ что въ важныхъ дѣлахъ къ ней шли за негласнымъ благословеніемъ, когда нужно было склонить на свою сторону какого-нибудь нужнаго милостивца, утишить затѣявшуюся никоніанскую ярость или устранить вреднаго челоуѣка. Старуха умѣла сдѣлать все это незамѣтно и просто, оставаясь въ тѣни. Конечно, успѣху дѣла много содѣйствовало общественное положеніе жены главнаго управляющаго.

Ѳедотъ Якимычъ былъ то, что называютъ самородкомъ. Онъ вышелъ въ люди исключительно благодаря собственному уму, смѣлкѣ и чисто-крѣпостной энергіи. Заводское добро, заводскіе интересы и польза стояли для него выше всего на свѣтѣ, и онъ

являлся неподкупнымъ и вѣрнымъ рабочь. Заводовладѣльцы никогда не заглядывали на свои заводы, проживая то въ Италиі, то въ Парижѣ, и для нихъ такой управляющій, какъ Федотъ Якимычъ, былъ владомъ. Онъ уже два раза долженъ былъ совершить длинное заграничное путешествіе, чтобы повидаться съ владыками, — первый разъ въ Парижѣ, а второй въ Неаполь. Эти путешествія оставили послѣ себя извѣстное впечатлѣніе. Старикъ замѣтно «отшатался» отъ закоснѣлаго строя своей раскольничьей жизни, по крайней мѣрѣ, душой, хотя и не старался этого показывать. Знала объ этой измѣнѣ одна Амфея Пареевна и горько скорбѣла, а затѣмъ постаралась извлечь свою, бабу, пользу. Такъ было и теперь. Съ заграничными Федотъ Якимычъ устроилъ тяжелую комедію, чтобы показать, съ одной стороны, свою темную крѣпостную силу, а съ другой—чтобы не выдать себя: втайнѣ онъ сочувствовалъ заграничнымъ ученымъ людямъ. Это было раздвоенное чувство: съ одной стороны, старикъ отлично понималъ великую силу образованія, а съ другой—ему дѣлалось совѣстно за собственное крѣпостное невѣжество, точно пріѣхавшіе молодые люди являлись для него упрекомъ. Онъ цѣлый день былъ не въ духѣ и грозой прошелъ по всѣмъ фабрикамъ, грозой съѣздивъ на Мѣдный рудникъ, грозой явился въ громадной конторѣ, гдѣ, не разгибая спины, работали сотни крѣпостныхъ служащихъ. Все время изъ головы Федота Якимыча не выходили эти заграничные, а, главнымъ образомъ, гордецъ Нюгашка.

— Ахъ, и покажу я ему!... — нагъ-то стоналъ старикъ, припоминая картину нанесеннаго оскорбленія. — Колнеринаго-то жару какъ разъ убавить...

Дома Федотъ Якимычъ ходилъ туча тучей, такъ что нѣмущка Палагея въ своей кухнѣ только хмурила брови, что означало, что тамъ, наверху, гроза. Бучеръ Антонъ, горничная дѣвка Дашка, коморникъ Спиридонъ, стряпка Лукерья—все боялись дохнуть. Боже упаси попасть теперь на глаза самой или самому. Больше всего опасность грозила, конечно, дѣвкѣ Дашкѣ, которой приходилось прислуживать въ горницахъ. Это было безответное существо, преисполненное покорнаго страха и рабьей уголивости. «Хоть бы гости какіе наверху, все бы легче», — соображала дѣвка Дашка, но, какъ на грѣхъ, и гостей не случилось. То же самое думалъ и козакъ Мишка, трепетавшій за свою неприкосновенность. Единственная надежда оставалась на ужинъ въ господскомъ домѣ, — когда не было гостей, ужинали рано, и такимъ раннимъ ужиномъ и закончился бы этотъ тревожный для всѣхъ день. Амфея Пареев-

на затворилась бы наверху въ своей свѣтлицѣ, а Ѳедотъ Якимычъ шагаль бы въ парадныхъ горницахъ, разглаживая бороду и въ полголоса напѣвая стихиру: «Твоя побѣдительная десница»...

Накрывая столъ къ ужину, козакъ Мишка и дѣвка Дашка боялись послѣдней бѣды: а ну, какъ Амфѣя Парѣеновна не спустится въ горницы изъ своей свѣтлицы? Бывали и такіе случаи... Но все разыгралось совершенно неожиданно. Амфѣя Парѣеновна спустилась изъ свѣтлицы, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣла за столъ и даже сама налила рюмку анисовки, которую Ѳедотъ Якимычъ выпивалъ на сонъ грядущій. Впрочемъ, за щами не было сказано ни одного слова. Щи были горячія, какъ любилъ Ѳедотъ Якимычъ.

— Сказываютъ, мудреная нѣмка-то у Левонида,—заговорила первой Амфѣя Парѣеновна, нарушая гробовое молчаніе.

— Ну?

— Дома, слышь, и въ люди ходитъ простоволосая...

— Н-но?

— По-руски ни слова...

— Ахъ, волкъ ее заѣшь!... Такъ Левонидъ-то какъ же?

— По-ихнему тоже лопочеть... Смѣхъ одинъ, сказываютъ. Приданого нѣмка вывезла тоже разъ-два, да и обчелся: платьишекъ штукъ пять, французское пальто, шляпку съ лентами... Только она простая, нѣмка-то, и изъ себя ничего, кабы ходила не просто-волосая.

Молчаніе. Ѳедотъ Якимычъ хрустаетъ прошлогоднюю соленую капусту—любимое его кушанье—и время отъ времени сбоку поглядываетъ на жену. Онъ чувствуетъ себя немного виноватымъ: погорячился давеча и обругалъ жену ни за что.

— Такъ простоволосая?—спрашиваетъ онъ и улыбается въ бороду.—Ахъ, чучело гороховое!

— Ничего не чучело: она по своей вѣрѣ и одѣвается, какъ тамъ у нихъ, въ нѣмцахъ, бабамъ полагается. Мы по-своему, а онѣ по-своему... Только оно со стороны-то, все-таки, смѣшно.

— Никашка гордецъ, а Левонидъ какъ будто ничего,—въ раздумьи говоритъ Ѳедотъ Якимычъ.—Левонидъ поочестливѣе будетъ...

— А што говорятъ другіе-то про нихъ?

— Да разное... Уѣхали свои, а пріѣхали чужіе,—што тутъ разговаривать? Видно будетъ потомъ.

Опять молчаніе. Ѳедотъ Якимычъ сосредоточенно хлебаль деревянною ложкой молоко изъ деревянной чашки. Дома старики живутъ совсѣмъ просто и ѣдятъ деревянными ложками. Для гостей

есть и дорогая фаянсовая посуда, и столовое серебро, и салфетки, а безъ гостей зачѣмъ стѣснять себя?

— Больно охота мнѣ поглядѣть эту самую нѣмку, — неожиданно заявляетъ Амфея Пареевна, когда ужинъ уже кончается. — Не видала я ихъ сроду, какія онѣ такія есть на бѣломъ свѣтѣ...

— Такія же, какъ и всѣ бабы: костянця да жиленя, — шутиливо отвѣчаетъ Ѳедотъ Якимычъ.

— Ты-то видалъ, а я нѣтъ...

Послѣ ужина въ свѣтлицѣ шло вечернее богомолье: Амфея Пареевна читала «канунъ», а Ѳедотъ Якимычъ откладывалъ поклоны по ременной лѣстовкѣ. Нѣмушка Палагея всегда присутствовала при этой молитвѣ и повторяла каждое движеніе Амфеи Пареевны. Она же потомъ провожала свою «владыку» въ спальню и укладывала въ постель, — Ѳедотъ Якимычъ приходилъ потомъ. Лежа въ постели, Амфея Пареевна все о чемъ-то думала, а когда пришелъ Ѳедотъ Якимычъ, она соннымъ голосомъ проговорила:

— Ужо какъ-нибудь въ гости нѣмку позову.

— Тоже и придумала! — изумился старикъ.

— А ежели я не видала?

III.

Мысли о нѣмкѣ засѣли въ головѣ Амфеи Пареевны гвоздемъ. Сначала Ѳедотъ Якимычъ посмѣялся надъ этою затѣей, а потомъ нахмурился. Легко сказать, завзвать нѣмку въ гости, да еще вмѣстѣ съ мужемъ, потому что хотя она и нѣмка, а, все-таки, какъ ее одну-то въ чужой домъ привести?

— Не ладно ты удумала, Феюшка, — уговаривалъ старикъ жену. — Надо и Левонида звать...

— Што изъ того, и Левонида позовемъ. Тебѣ-то какая причина отъ того? Уѣхалъ на фабрику и все тутъ... Сына Гришу со снохой позову, а, можетъ, и Наташа къ тому время подѣдетъ. Управимся и безъ тебя...

— Какъ знаешь, только оно тово... т.-е. мнѣ-то низко будетъ Левонида угощать.

— И не угощай, безъ тебя обойдемся. Уѣхалъ-бы куда-нибудь на заводы — только и всего.

Осуществленіе этой мысли заняло весь домъ, причемъ нѣмушка Палагея даже мычала отъ удовольствія: пусть матушка Амфея Пареевна потѣшитъ свою душеньку. А хлопоты не велики, всего-то званый обѣдъ приготовить. Съ оказіей была послана вѣсточка Гри-

горю Фодотычу, который служилъ управителемъ въ Новомъ заводѣ, и дочери Наташѣ, выданной замужъ за кунца Недопивина у себя въ Землянскомъ заводѣ. Стряпка Лукерья, горничная дѣвка Дашка и козацъ Мишка тоже волновались въ ожиданіи готовившейся комедіи, когда въ господскій домъ привезутъ настоящую нѣмку. То-то будетъ потѣха... Нѣмушка Палагея уже забѣгала посломъ къ Гордѣевымъ и только закрывала ротъ рукой, когда ее разспрашивали про нѣмку. Изъ ея мычанья и жестовъ всѣ понимали только одно, что нѣмка такая же нѣмая, какъ Палагея, и это всѣхъ смѣшило.

Въ назначенный день пріѣхалъ самъ Григорій Фодотычъ съ женой Татьяной. Это былъ серьезный молодой человекъ лѣтъ тридцати, съ окладистою русою бородой и скуластымъ лицомъ; онъ походилъ на мать. Сноха Татьяна была городская и ходила въ платьяхъ и въ шляпкахъ, и Амфея Парѣеновна за глаза величала ее молодой. Являлась и дочь Наташа, любимое и балованное дѣтище. Въ угоду матери, она въ родительскій домъ приходила въ шелковомъ сарафанѣ и въ платочкѣ на головѣ. Бойкая и рѣчистая, эта Наташа въ своемъ купеческомъ быту пользовалась репутаціей удалой бабенки, которой пальца въ ротъ не клади. Мужъ ей попался простой, притомъ, онъ «зашибалъ водкой», и Наташа жила своею вольною волюшкой. Молода была, красива, а грѣхъ не по лѣсу ходить. Впрочемъ, молва о Наташиныхъ грѣхахъ не доходила до господскаго дома, и Амфея Парѣеновна души не чаяла въ дочкѣ.

— Чтой-то, мамынька, вы и придумали, — говорила Наташа, щелкая орѣхи. — Наслышались мы про нѣмку чудесь... Ни встать, ни сѣсть не умѣеть, а съ мужчинами какъ съ своимъ братомъ, такъ съ рукой и лѣзеть. Въ томъ родѣ, какъ не совсѣмъ она умомъ, мамынька. Проста ужъ очень...

— Просто сказать, дура, — коротко отрѣзалъ Григорій Фодотычъ. — А промежду прочимъ, мамынька, ваша полная воля...

— Ужъ мнѣ отъ отца досталось за эту самую нѣмку, — объясняла Амфея Парѣеновна. — Пожалуй, и то, што не ладно я затѣяла. Хотѣла и себя, и васъ потѣшить.

— Ничего тутъ худаго нѣтъ, мамынька, — успокоивала Наташа, — не сѣсть она насъ... Посмѣемся и только.

Гордѣевы были приглашены вечеромъ, какъ настоящіе гости. Фодотъ Якимычъ нарочно уѣхалъ въ заводууправленіе, чтобы не встрѣчаться съ ними. Амфея Парѣеновна заперлась въ свѣтлицѣ, а принимать дорогихъ гостей оставила Наташу. Григорій Фодотычъ съ женой оставались въ парадныхъ горницахъ.

— Чтой-то, какъ они долго,—повторяла Наташа, перебѣгая отъ окна къ окну.—Вечеръ на дворѣ...

— По-заграничному,—извилъ Григорій Ѳедотычъ.— Нашли важное кушанье... Конечно, я не подвержень къ тому, чтобы перечить мамынькѣ, а Левонида Гордѣева помню даже весьма превосходно. Мальчишками вмѣстѣ, бывало, въ бабки играли... Сиротами они росли, Гордѣевы-то, ну, достатковъ нѣтъ, а въ другой разъ дома и куска нѣтъ. Бывало, украду у мамыньки кусокъ, да Левониду и отдамъ: на, ѣшь.

— Мало ли, братецъ, что бываетъ,—уклончиво отвѣчала Наташа,—прежде ѣсть нечего было Гордѣевымъ, а теперь они ученые... Тятиньба-то вонъ какъ взбуриваетъ на нихъ. А почему? Боятся, что сядутъ ему на шею... Вотъ послужить, послужить тотъ же Никонъ, да главнымъ управляющимъ на тятинькино мѣсто и сидеть. Умица Никонъ-то, сказываютъ...

— Пока особеннаго ума еще не оказалъ, сестрица, окромя дерзости... Только все это не нашего съ тобой ума дѣло. Родитель лучше насъ знаетъ...

Гости приѣхали только въ сумерки, часовъ около девяти, когда нѣмушка стала зажигать сальныя свѣчи въ горницахъ. Наташа встрѣтила ихъ въ передней.

— Мамынька сейчасъ выйдетъ,—объясняла она, нарочно обращаясь къ непонимавшей ничего нѣмкѣ.—Пожалуйте...

Когда нѣмка сняла свое французское пальто, Наташа такъ и ахнула: она была въ какомъ-то дѣтскомъ кисейномъ платьѣ, съ голубою широкою лентой, вмѣсто пояса. Руки выше локтя были голые. Бѣлогурые волнистые волосы были подвязаны такою-же голубенькою ленточкой, и только. Всего больше изумило Наташу короткое платье. «Вотъ безстыдница»,—неволью подумала Наташа, цѣлуясь съ гостьей. Самъ Гордѣевъ замѣтно смущался и отвѣчалъ за жену. Онъ, правда, замѣтно повеселѣлъ, когда увидалъ Григорья Ѳедотыча и узналъ его.

— Милости просимъ,—пригласила Наташа, усаживая нѣмку на диванъ.—Мамыньба сейчасъ выйдетъ...

Нѣмка осматривала своими большими сѣрыми глазами парадныя горницы съ какимъ-то дѣтскимъ любопытствомъ, потомъ переводила глаза на мужа и улыбалась. У ней было такое красивое и нѣжное лицо, съ тонкимъ профилемъ и алыми, по-дѣтски пухлыми губами. Когда она улыбалась, два ряда бѣлыхъ зубовъ такъ и свергали. Небольшаго роста, стройная, гибкая, подвижная, она ка-

залась красавицей. Когда нѣмущка Палагея подала чай, нѣмка осмотрѣла чашки, сахарницу, подносъ и опять засмѣялась.

— Какая она у васъ веселая, Левонидъ Зотычъ,—замѣтила Наташа.

— Амалія совсѣмъ ребенокъ,—уклончиво отвѣтилъ Гордѣевъ и что-то сказалъ женѣ по-нѣмецки.

Она засмѣялась уже совсѣмъ весело, бросилась Наташѣ на шею и разцѣловала ее прямо въ губы. Григорій Ѳедотычъ все время молчалъ и все посматривалъ на дверь, въ которую должна была войти мать. Амфѣя Пареевна появилась настоящею королевой. Дѣвка Дашка забѣжала впередъ, чтобы отворить дверь, и старуха вошла съ медленною важностью. Она была въ тяжеломъ парчевомъ сарафанѣ и въ жемчужной сорокѣ. Нѣмка быстро поднялась съ мѣста и сдѣлала реверансъ. Это окончательно разсмѣшило всѣхъ, а Наташа такъ и прыснула.

— Здравствуй, милушка...—ласково заговорила Амфѣя Пареевна и поцѣловала гостью плотно сжатыми губами.—Садись, такъ гостя будешь.

— Жена очень рада познакомиться съ вами, Амфѣя Пареевна,—отвѣтилъ за жену Гордѣевъ.—Къ сожалѣнью, она пока еще не умѣетъ говорить по-русски...

— Ничего, пусть говоритъ по-своему, по-нѣмецкому, — милостиво замѣтила старуха, оглядывая выставившіяся изъ-подъ платья нѣмкины ноги.—Какъ ее звать-то у тебя, Левонидъ?

— Амалія Карловна.

— Такъ... Мнѣ-то и не выговорить сразу. Славная бабочка, хоть нѣмка...

Нѣмку больше всего заинтересовалъ сарафанъ хозяйки, и она долго его разсматривала, разглаживая бѣлою пухлою ручкой тяжелую старинную матерію и золотой позументъ. Эта наивность и до-вѣрчивая простота очень понравились старухѣ.

— Жена ужъ начинаетъ учиться по-русски,—объяснялъ Гордѣевъ.

— Чи!...—весело заговорила нѣмка и засмѣялась.

— Она хочетъ сказать: «щи»,—опять объяснилъ Гордѣевъ.

— Чи... чи!—лепетала нѣмка.

Всѣ весело засмѣялись и сама Амфѣя Пареевна тоже. Очень ужъ забавная эта нѣмка: и простоволосая, и ноги чуть не до колѣнъ выставляеть. Когда подали закуску, она, не дожидаясь приглашенія, первая подошла къ столу и сама налила себѣ рюмку вина. Гордѣевъ что-то сказалъ ей, но Амфѣя Пареевна замѣтила ему:

— Оставь ее, Левонидъ... Нашихъ порядковъ она не знаетъ. Я и сама съ ней пригублю рюмочку... Гриша, а ты что же?

Мужчины выпили водки и закусили балыкомъ. Григорій Ѳедотычъ сразу отмякъ и сталъ спрашивать Гордѣева, гдѣ онъ учился, какъ живутъ нѣмцы и что онъ думаетъ здѣсь дѣлать. Давешней неловкости какъ не бывало, особенно когда выпили по второй. Амфея Пареевна увела гостью въ заднюю половину, чтобы тамъ осмотрѣть ее на свободѣ. Наташа и сноха Татьяна пошли за ними. Особенно развеселилась Наташа и все приставала къ нѣмкѣ, чтобы та сказала: «чи». Смѣялась и нѣмушка Палагея, дѣвка Дашка и сама нѣмка.

— Ей только съ нашею Палагеей разговаривать, — говорила Амфея Пареевна, безцеремонно оглядывая гостью съ ногъ до головы. — Зачѣмъ ты, милушка, ручки-то оголила? Не хорошо это при постороннихъ мужчинахъ, да и платье-то подлиннѣе бы сдѣлать...

Въ задней половинѣ послѣдовало новое угощеніе: варенье, орѣхи, пряники, конфекты. Но нѣмку занимала больше всего обстановка комнатъ, и она по-ребячьи осмотрѣла каждый уголь. Замѣтивъ двухспальную кровать, она кокетливо покачала головой.

— У нихъ, мамынька, мужа и жены въ разныхъ комнатахъ спятъ, — объясняла Наташа. — Все равно, какъ чужіе люди... Вотъ ей и удивительно.

— А славная бабочка... — повторяла Амфея Пареевна. — Хоть куда... А ежели бы ее нарядить въ сарафанъ, да косу заплести, да кокошникъ — лучше не надо.

Гордѣевъ и Григорій Ѳедотычъ пристроились къ закускѣ и вели оживленную бесѣду.

— Тяжело вамъ будетъ здѣсь, — говорилъ Григорій Ѳедотычъ. — Главное, что непривычное ваше дѣло, а у насъ на все свои порядки...

— Привыкнемъ по-маленьку... Только вотъ Ѳедотъ Якимычъ какъ-то странно отнесся къ намъ. Я совсѣмъ не понимаю, на что онъ разсердился тогда на насъ съ братомъ...

За этими разговорами молодые люди совсѣмъ не замѣтили, какъ вошелъ самъ Ѳедотъ Якимычъ. Онъ остановился въ дверяхъ и подозрительно оглядѣлъ комнату. Первымъ замѣтилъ его Григорій Ѳедотычъ и почтительно вскочилъ.

— Здравствуйте, тятенька.

— Здравствуй.

Гордѣевъ поклонился издали и ждалъ. Грозный старикъ от-

далъ картузь козаку Мишикѣ, еще разъ оглядѣлъ свой горницы и проговорилъ ласково:

— Ну, здравствуй, Левонидъ Зотычъ.

— Здравствуйте, Ѳедотъ Якимычъ.

— Садись, такъ гость будешь, — пригласилъ его старикъ. —

Въ ногахъ правды нѣтъ, такъ говаривали старинные люди... Мишка, анисовой!

Григорій Ѳедотычъ продолжалъ стоять, потому что не получилъ приглашенія садиться. Старикъ не любилъ баловать дѣтей, и если пригласилъ съѣсть Гордѣева, то только потому, что, во-первыхъ, чувствовалъ себя немного виноватымъ передъ нимъ, а, во-вторыхъ, женатый человѣкъ, не слѣдуетъ его по первому разу срамить передъ женой. Выпивъ рюмку анисовки и закусивъ соленымъ рыжикомъ, Ѳедотъ Якимычъ посмотрѣлъ на гостя уже совсѣмъ ласково и даже улыбнулся.

— Ты у меня теперь гость, Левонидъ, и разговоръ у насъ будетъ другой, — заговорилъ старикъ, улыбаясь. — Подвернешься подъ руку — не взыщи, а гостю первое мѣсто и красная ложка... Эй, Мишка, анисовой!

Послѣ второй рюмки старикъ заалѣлъ и взглянулъ на двери въ сѣни. Онъ сегодня былъ въ хорошемъ расположеніи духа и казался такимъ важно-красивымъ, что даже Гордѣевъ полюбовался имъ.

— Покричалъ я тогда на васъ съ братомъ, — объяснялъ онъ. — Горденекъ Никонъ-то, хоть и братъ тебѣ доводится. Изъ одной печи, да не однѣ рѣчи... Ну, да ничего, авось помиримся. Такъ я говорю?

— Совершенно вѣрно, Ѳедотъ Якимычъ...

— Крутъ я сердцемъ, да отходчивъ, Левонидъ. Да... Ты мнѣ поглянулся съ перваго разу, а что я посердитовалъ тогда, такъ не всякое лыко въ строку. Гриша, садись, чего столбомъ-то стоять?

Старикъ совсѣмъ развеселился и выпилъ еще третью рюмку, что съ нимъ рѣдко случалось. У Гордѣева тоже отлегло на душѣ. Они сидѣли у закуски и бесѣдовали. Ѳедотъ Якимычъ разсказывалъ, какъ онъ началъ свою службу разсылкой въ конторѣ, сколько натерпѣлся, пока поступилъ въ писцы, какъ работалъ день и ночь, не покладаячи рукъ, и какъ ему трудно и посейчасъ, потому что приходится отвѣчать за всѣхъ остальныхъ служащихъ. Но въ срединѣ разсказа онъ вдругъ остановился, посмотрѣлъ на входную дверь и бессильно опустилъ руки: въ дверяхъ стояла нѣмка и смотрѣла на него своими дѣтскими сѣрыми глазами. У старика точно

захолонуло на душѣ: онъ какъ во снѣ видѣлъ это кисейное бѣлое платье, голубую ленту, распущенные бѣлокурые волосы.

— Да ты хоть поздоровайся съ гостьей-то, — замѣтила Амфѣя Пароеновна. — Она веселая бабочка...

Федотъ Якимычъ съ удивленіемъ перевелъ глаза на жену и только сейчасъ замѣтилъ, какая она старая и безобразная: лицо обрюзгло, глаза злые, вся фигура опустившаяся. Онъ поднялся съ своего мѣста, сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы поздороваться съ гостьей, но только махнулъ рукой и, пошатываясь, пошелъ изъ горницы къ себѣ на заднюю половину.

IV.

Гордецъ Никашка попалъ въ Мѣдный рудникъ и съ блендочкой *) на поясѣ спускался по стремянкѣ **) въ шахту каждое утро вмѣстѣ съ другими рабочими. Онъ не ропталъ, не жаловался и вообще не подавалъ вида, что это ему не нравится. Брѣвнѣй былъ человекъ, съ англійскою складкой характера. На первый разъ ему дали производить съемку новыхъ работъ въ шахтѣ, что уже совсѣмъ не соответствовало его специальности. Но и на этомъ чужомъ для него дѣлѣ Никонъ сумѣлъ такъ себя поставить, что и рудниковые рабочіе, и рудниковые служащіе отнеслись къ нему съ большимъ уваженіемъ, какъ къ своего рода начальству. Онъ и по заводу не стѣснялся ходить въ костюмѣ простаго рабочаго — въ бѣломъ балахонѣ, запачканномъ желтою рудниковою глиной. Когда били въ четыре часа утра на поденщину, онъ шелъ въ рудникъ, но не спускался въ шахту, пока не выходило время по его часамъ, т. е. полчасомъ позже другихъ рабочихъ. Конечно, о такомъ своевольствѣ донесено было Федоту Якимычу, который опять рвалъ и металъ, но ничего подѣлать не могъ.

— Онъ у меня всѣхъ рабочихъ перебунтууетъ! — оралъ старикъ. — Да я его въ цѣпи закую, коли на то пошло!

Но это была пустая угроза. Никонъ могъ пошамоваться горному исправнику на неправильное отбиваніе часовъ, и Федотъ Якимычъ только скрежеталъ зубами. И выходилъ изъ шахты Никонъ тоже полчасомъ раньше, чѣмъ другіе рабочіе. Но что больше всего возмущало Федота Якимыча, такъ это то, что Никону приходилось каждый день четыре раза проходить по Мѣдной улицѣ мимо господскаго дома. Утромъ еще ничего, всѣ спали, а среди бѣ-

*) Блендочка — рудниковый фонарь.

**) Стремянка — составная лѣстница, по которой спускаются въ шахту.

лаго дня это хождение было Федоту Якимичу ножъ острый, — всѣ пальцами указывали на Никашку и всѣ ему сочувствовали, хотя открыто и не смѣли высказывать этого сочувствія.

— Вотъ навяжется этакой сахаръ! — ругался про себя старикъ.

Это пустое, въ сущности, обстоятельство отравляло ему каждый день. Когда наступалъ часъ рабочаго обѣда, Федотъ Якимичъ замѣтно начиналъ волноваться и, притаившись у окна, поджидалъ, когда пройдетъ Никашка. Вечеромъ это волнение усиливалось еще болѣе, потому что Никашка шелъ съ работы на полчаса раньше и этимъ обличалъ крѣпостную хитрость главнаго управляющаго, воровавшаго у рабочихъ по полчаса.

— Нѣтъ, онъ изъ меня душу вымотаетъ, Феюшка, — жаловался старикъ женѣ. — Вѣдь, всѣ видятъ, какъ онъ вышагиваетъ, разбойникъ...

— Ну, и пусть его шагаетъ. Тебѣ-то какая печаль? — успокоивала мужа Амфея Пароеновна. — Ежели онъ не хочетъ покориться, такъ и пеняй на себя...

— А другіе-то меня завинять, Феюшка... Скажутъ, живаго человѣка въ шахтѣ гною. Ну, да мнѣ плевать!...

Федотъ Якимичъ сдѣлался не въ мѣру подозрительнымъ и въ каждомъ постороннемъ взглядѣ видѣлъ упрекъ себѣ, хотя въ глаза никто и ничего не смѣлъ ему говорить. Но наступилъ часъ, когда старикъ услышалъ и обличающее слово, и, притомъ, отъ кого? — отъ родной дочери. Разъ утромъ пріѣхала Наташа, такая взволнованная и разстроенная, и прямо заявила отцу:

— Тятинька, что же это вы такое дѣлаете съ Никономъ-то? Бреста на васъ нѣтъ... да. Всѣ васъ судачать, зачѣмъ Никона въ шахтѣ гноите.

— Да ты... ты-то откуда заступницей выискалась? — грянулъ на ней старикъ. — Да какъ ты смѣешь, негодная?... Да тебѣ-то какое дѣло, а?

Федотъ Якимичъ даже затрясся отъ охватившаго его бѣшенства и, по обыкновенію, затопалъ ногами, но Наташа и не думала уступать отцу, а тоже вся тряслась и продолжала свое:

— Должонъ же кто-нибудь сказать вамъ правду, тятинька, — ну, вотъ я и сказала... Другіе-то боятся, а я вотъ взяла и сказала. И не боюсь я васъ вотъ нисколько...

На шумъ и крикъ спустилась изъ своей свѣтлицы сама Амфея Пароеновна и только развела руками. Положимъ, и раньше Наташѣ случалось перечить отцу, — смѣлая ужъ такая уродилась, — да, все-

таки, не такъ, какъ сегодня; точно бѣлены объѣлась баба. Такъ на стѣну и лѣзеть.

— Да ты ополоумѣла въ самъ-то дѣлѣ?—накинулась на нее Амфея Пареевна.—Кому ты зубишь-то, Наталья?... Вотъ возьму лѣстовку, да какъ начну обихаживать...

— Было ваше время, мамынька, учить-то меня, а теперь у меня свой мужъ есть,—съ дерзостью отвѣчала Наташа.—Вотъ вамъ некому правды-то сказать, потому какъ всѣ васъ боятся... да. А я вотъ пришла и сказала тятинькѣ все...

— Ахъ ты дрянь!—взѣлась старуха.—Да тебѣ-то какое дѣло до Никашки, срамница? Вотъ еще заступна нашлась... Спустить вотъ въ шахту къ Никашкѣ: два сапога пара. Больно зубы-то у васъ долги...

— Мать, оставь!—заклибнулъ Ѳедотъ Якимычъ, успѣвшій опомниться.—Не тронь ее: не отъ ума болтаетъ человѣкъ...

Это неожиданное доброе слово точно придавило Наташу, она сразу затихла, смутилась и опустила глаза. Старикъ знаками выслалъ жену изъ горницы, прошелся нѣсколько разъ, потомъ быстро повернулся къ дочери, обнялъ ее и шепотомъ спросилъ:

— Наташа, Христось съ тобой, что ты говоришь?

Наташа бессильно припала своею красивою русою головкой къ широкому отцовскому плечу и какъ-то по-дѣтски всхлипывала.

— Наташа, что съ тобой попритчилось?

— Тятинька, родимый, жаль мнѣ его, Никона... до смерти жаль. Не могу я видѣть, какъ онъ по заводу ходить рабочимъ. Такъ бы вотъ бросилась къ нему, сняла съ него все грязное, на дѣла все чистое и сама бы руки ему вымыла.

— Да ты познакомилась съ нимъ, што ли? Ну, говори...

— Только издали и видала, тятинька... Гордый онъ, умница... Не томи ты его, тятинька: въ ножки поклонюсь.

Ѳедотъ Якимычъ ничего не пообѣщалъ, какъ ни молила его Наташа, и ничего не сказалъ женѣ: ему по душѣ пришлась горячая выходка любимой дочери. И гордая она, и добрая, какъ огонь—вся въ него. Былъ одинъ моментъ, когда онъ усомнился въ ней: не попуталъ ли ее бабьимъ дѣломъ грѣхъ, но этого не оказалось и старикъ успокоился. А, все-таки, нельзя Никашкѣ спускать, пусть его походить съ блендочкой. Послѣ самъ спасибо за науку скажетъ... Амфея Пареевна за то была огорчена поведениемъ Наташи до глубины души, но по своей материнской логикѣ сейчасъ во всемъ обвинила Наташина мужа, который не умѣлъ держать жену въ рукахъ. Вотъ она и блажить. Хорошо, что пришла къ

отцу съ матерью, а домашній срамъ дома же и изнашивается. У старухи, все-таки, осталось какое-то темное предчувствіе неизвѣстной бѣды, которую привезли съ собой вотъ эти самые басурманы.

«Хорошо еще, что Левонида въ Новый заводъ избыли,—подумала въ заключеніе Амфея Парѣеновна, припоминая то впечатлѣніе, которое нѣмка произвела на Ѳедота Якимыча.—Приворотная гривенка эта нѣмга...»

Леонидъ Гордѣевъ былъ опредѣленъ на службу въ Новый заводъ, подъ началь Григорью Ѳедотычу. На сына старикъ надѣялся вполне: потачки не дастъ, хотя и вмѣстѣ ребятами въ бабки играли. Тяжелая рука была у Григорья Ѳедотыча, пожалуй, потяжелѣе родительской, только онъ разговаривать много не любилъ,—характеромъ нашибалъ больше въ мать. Чтобы выдержать свою политику, Ѳедотъ Якимычъ опредѣлилъ Леонида въ бухгалтерію, т.-е. не по его специальности, какъ и Никона. Пусть чувствуетъ, что въ его наукѣ никто не нуждается: и безъ него жили, и при каѣмъ проживутъ. Въ отместку Никону заводоуправленіемъ Леониду дано было сразу мѣсто служащаго, съ жалованьемъ въ двадцать рублей, что составляло уже цѣлое богатство по сравненію съ рабочей поденщиной Никона. Ѳедотъ Якимычъ хотѣлъ достигнуть гордеца Никашку не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Молодые Гордѣевы сразу устроились хорошо въ Новомъ заводѣ. Заводъ былъ небольшой, служащихъ мало и все дѣло велъ Григорій Ѳедотычъ, сразу навалившій на Леонида нучу канцелярской заводской работы. Впрочемъ, Леонидъ и самъ былъ радъ, что дорвался хоть до какого-нибудь дѣла, а то цѣлыхъ полгода онъ проживалъ въ Землянскомъ заводѣ совсѣмъ безъ занятій, что томило его хуже всякой работы. И на квартирѣ Гордѣевы устроились прекрасно, именно: у заводскаго попа Евстигнѣя, который жилъ въ большомъ господскомъ домѣ только вдвоемъ съ своею попадьей Капитолиной. Это была оригинальная парочка. Попъ былъ высокій, волосатый, худой и молчаливый человекъ, вѣчно шагавшій изъ угла въ уголъ, какъ маятникъ, а попадья, красивая и молодая женщина, совсѣмъ не умѣла молчать. Дѣтей не было, и попъ съ попадьей обрадовались квартирантамъ, какъ дорогимъ гостямъ, особенно говорунья попадья. Подъ ея руководствомъ нѣмка быстро научилась говорить по-русски, такъ что даже Леонидъ только удивлялся успѣхамъ жены.

— У меня мертвый заговорить,—хвасталась попадья.—Чего бабамъ и дѣлать, какъ не разговоры разговаривать?... Да и нѣмочку твою, Леонидъ Зотычъ, я полюбила сразу, ровно бы вотъ родную

сестру. Только вот одного не может выучить: чи, и конечно. Точно вот примерзло это самое слово у ней къ языку...

— Я ужь не знаю, какъ васъ и благодарить, Капитолина Егоровна,—повторялъ Гордѣевъ.

— Какъ-нибудь, авось, сочтемся...

Новозаводская попадья славилась какъ развертная бабенка. Самъ Ѳедотъ Якимычъ любилъ заворачивать къ ней въ гости: и квасомъ напоить такимъ, что въ носъ ударить, и на гитарѣ сыграть, и пѣсню споесть, и наговорить съ три короба. Однимъ словомъ, на всѣ руки попадья. А ужь какъ она пѣла, эта самая попадья—до слезъ доведеть, какъ зальется. И все-то у ней смѣшкомъ да шуткой, да уверткой, точно вотъ она на огнѣ горить.

— Гдѣ ты такая и зародилась, Капитолинушка?—бывало, пошутить Ѳедотъ Якимычъ, хлопнувъ попадью по крутому бѣлому плечу.—Хоть бы и не попу такую жену, такъ въ самую пору...

— И то не по чину досталась попу попадья,—отшучивается Капитолина Егоровна, ласково поглядывая на дорогаго гостя.—Кому ужь какое счастье на роду написано, Ѳедотъ Якимычъ. Отъ судьбы не уйдешь...

Выговорить попадья такое словечко и сама легонько вздохнетъ. А попъ все шагаетъ изъ угла въ уголъ, какъ журавль по покосу, и все молчитъ да бороду свою теребитъ. Онъ съ гостями двухъ словъ другой разъ не скажетъ. Ѳедотъ Якимычъ не прїѣзжалъ въ Новый заводъ безъ того, чтобы не привезти попадѣ гостинца—то шелковый платокъ, то ситцу на платье, то меду или яблоковъ. Вмѣстѣ съ гостинцами старикъ всегда привозилъ попадѣ поклонъ отъ Наташи. А сама Наташа, когда прїѣзжала погостить въ Новый заводъ къ брату, все время проводила въ поповскомъ домѣ, гдѣ и ночевала. Брата Григорья Ѳедотыча она не любила, какъ и сноху Татьяну,—скучные они какіе-то. Съ попадѣй Наташа и спала на одной кровати, а попа выдворяли на это время въ дальнюю угловую комнату.

— Хохлатый онъ у тебя какой-то, — повторяла Наташа въ припадкѣ откровенности.—Какъ ты и живешь съ нимъ...

— А мнѣ хорошъ,—смѣялась попадья.

— Нашла тоже сокровище...

Черезъ Наташу попадья знала рѣшительно все, что дѣлалось въ Землянскомъ заводѣ, и пользовалась этимъ, чтобы подтравить иногда Ѳедота Якимыча.

Мѣсяца черезъ два по переѣздѣ Гордѣевыхъ въ Новый заводъ прилетѣла туда и Наташа. Попадья просто не узнала ее: скучная

такая да молчаливая, точно въ воду опущенная. Она, противъ обыкновенія, ничего не рассказывала, а только дразнила нѣмку, такъ смѣшно коверкавшую русскія слова. вмѣсто «корова», Амалія Барловна говорила «говядина», оглобли называла жердями и т. д. Попадѣ на первый разъ показалось, что Наташа просто приревновала ее къ нѣмкѣ, и только улыбалась про себя. День кончился тѣмъ, что Наташа капризничала и даже кричала на попадью, а потомъ вдругъ затихла и принялась уговаривать попадью спѣть ей любимую пѣсню: «Не взвивайся, мой голубчикъ, выше лѣсу, выше горъ».

— Голубушка, родная, спой, — умоляла она. — Охъ, тяжело мнѣ... тошно.

— Да что случилось-то, говори толкомъ?

— Все будешь знать, скоро состаришься.

Вечеромъ попъ Евстигнѣй, по обыкновенію, шагаль изъ угла въ уголь. Попадья усѣлась на диванѣ съ гитарой и пѣла любимыя Наташины пѣсни, а сама Наташа слушала и плакала. Подъ конецъ она не выдержала и рассказала все какъ на духу.

— Бапочка, родная, сама я не своя... — каялась Наташа. — Точно вотъ громомъ меня оглушило: ничего не понимаю, ничего не слышу и не вижу. Ты говоришь, а я не понимаю ничего... И какъ это все случилось?...

— Попъ, ты бы вышелъ, — говорила попадья, предчувствуя интимное объясненіе. — Мы съ Наташей мало ли что болтаемъ про-между себя.

Попъ покорно хотѣлъ выйти, какъ Наташа остановила его:

— Не уходи, попъ: все равно ничего не поймешь... И таится мнѣ не отъ кого: мой грѣхъ—мой и отвѣтъ. Вся тутъ... Бапочка, полюбился онъ мнѣ, ворогъ мой лютый, и сама не знаю, какъ и за што. Даже не заговаривала съ нимъ ни единого разу, а все только думаю о немъ, да про себя ласковыя слова наговариваю... Вотъ какъ жрѣпко полюбился, што ни крестомъ, ни пестомъ не оторвешь его. Ахъ, пропала моя головушка, Бапочка...

— Да кто онъ-то, обворожитель-то твой? Не говори, сама знаю: гордецъ Никашка... Слышала мелькомъ, сорока на хвостъ принесла. Только я тебя не похваляю, Наташа... Непутевое это дѣло мужней женѣ...

— Не понимаю я, ничего не понимаю! — повторяла Наташа, закрывая глаза, какъ подстрѣленная птица. — Не искала я его, самъ пришелъ да противъ самага сердца и всталъ. Охъ, головушка моя...

У.

Прошелъ годъ. Жизнь вошла въ обычную колею. Леонидъ Гордѣевъ, попрежнему, служилъ бухгалтеромъ и мало-по-малу втянулся въ свою служительскую ямку. Это былъ трудолюбивый и скромный человѣкъ, сѣумѣвшій приспособиться къ новой средѣ. Только временами на него нападали минуты тяжелаго раздумья и какой-то апатіи: онъ былъ не на своемъ мѣстѣ. Кромѣ того, изъ-за канцелярской работы онъ не имѣлъ свободнаго времени, чтобы пополнить свое образованіе. Да и книгъ не было, и даже газетъ, — на двадцать рублей не далеко ускачешь. А, вѣдь, время идетъ... Черезъ пять лѣтъ такой канцелярщины какою можетъ быть изъ него горный инженеръ? Придется начинать съ аза... Но больше всего Леонида мучило то, что онъ крѣпостной человѣкъ, слѣдовательно, не имѣетъ никакихъ правъ. Постепенно эта мысль сдѣлалась его большимъ мѣстомъ. Да и не онъ одинъ крѣпостной, а и жена, и будущія дѣти... Нѣтъ, даже страшно подумать! Мысль невольно уходила назадъ, въ тотъ свободный міръ, гдѣ нѣтъ крѣпостныхъ и рабовладѣльцевъ, а царитъ свобода. Да, золотая свобода... Не разъ у Леонида мелькала мысль о бѣгствѣ въ Швецію, — тамъ онъ нашелъ бы себѣ работу и устроился бы, какъ всѣ свободные люди. Онъ какъ сквозь сонъ видѣлъ страну горъ, лѣсовъ и озеръ, гдѣ прошли лучшіе годы. Тамъ онъ учился, тамъ работалъ, тамъ въ первый разъ увидѣлъ бѣлокурую дѣвичью головку съ этими дѣтски-довѣрчивыми глазами. Эта была семья шведскаго горнаго инженера, гдѣ онъ былъ принятъ какъ свой человѣкъ. Вѣдь, живутъ же люди почеловѣчески, работаютъ, веселятся и не знаютъ, что такое неволя, рабство, позоръ. Съ какимъ хорошимъ чувствомъ Леонидъ возвращался на далекую родину и какія гордыя мечты онъ везъ съ собой! Онъ уже видѣлъ впереди святое дѣло, громаднѣйшій трудъ, процвѣтаніе цѣлаго заводскаго округа, успѣхи и триумфъ, а все дѣло свелось на грязную контору и проклятыя конторскія книги.

Единственнымъ утѣшеніемъ оставалась своя собственная семья. Леонидъ отдыхалъ только у себя дома и былъ счастливъ. Но и это счастье было нарушено. Чтò случилось — Леонидъ не могъ бы и самъ сказать, но что-то случилось. Между нимъ и женой легла непрощенная тѣнь, то первое недовольство, которое не объясняется словами. Амалія Карловна быстро выучилась русскому языку и съ чисто-женскою ловкостью приспособилась къ новой обстановкѣ и къ новымъ людямъ. Часто вглядываясь въ жену, Леонидъ находилъ въ ней что-то новое, ему незнакомое, точно это была другая жен-

щина. Прежде всего, ему казалось, что она перестала быть съ нимъ откровенной, какъ раньше, и чего-то не договариваетъ, а затѣмъ... а затѣмъ, что она тоже въ свою очередь открыла въ немъ совсѣмъ другаго человѣка. Потерялся искренній, дружескій тонъ и началась чувствоваться житейская гнетущая фальшь, покрывавшая ржавчиной каждую мысль, каждое движеніе. Разъ Амалія Карловна спросила мужа:

— Послушай, Леонидъ, вѣдь, я тоже крѣпостная?

— Это тебѣ сказалъ?

— Все равно, я знаю... Вѣдь, рабство—ужасная вещь, и если бы у насъ были дѣти, они родились бы тоже рабами. Я не подозрѣвала этого.

— И я тоже не думалъ, что меня оставить крѣпостнымъ. Но, вѣдь, это все равно: тебя, кажется, никто не притѣсняетъ и ты живешь, какъ свободная женщина.

— Да? А ты думаешь, мнѣ легко смотрѣть на твое зависимое положеніе? Развѣ я не понимаю, что все это значитъ?

— Милая, я тоже отлично понимаю, и если не говорю объ этомъ, то только потому, чтобы напрасно не тревожить тебя. Словами дѣлу не поможешь... Будетъ время, когда и мы будемъ вольными.

Амалія Карловна только вздыхала.

Разставшись съ братомъ Никономъ еще въ дѣтствѣ, Леонидъ встрѣтился опять съ нимъ въ Землянскомъ заводѣ, какъ чужой человѣкъ. Это чувство сгладилось только подъ давленіемъ общаго несчастія. Оно ихъ сблизило. Да и съ кѣмъ было отвести душу, когда кругомъ царило огульное невѣжество и кромѣшная тьма? Заводскіе служащіе образованія никакого не получали и, кромѣ своихъ заводскихъ дѣлъ, ни о чемъ не хотѣли знать. Въ этой средѣ положеніе Леонида было самое фальшивое: къ нему относились какъ къ чужому и замѣтно старались избѣгать его, да и самъ онъ не искалъ поводовъ для сближенія. Единственное, что оставалось— это братъ Никонъ. И старшинство лѣтъ, и непреклонная энергія Никона давали ему извѣстный перевѣсъ. Время отъ времени Леонидъ увѣжалъ въ Землянской заводъ, чтобы повидаться съ братомъ, и каждый разъ возвращался оттуда такимъ бодрымъ, съ новымъ запасомъ силъ, точно молодой на нѣсколько лѣтъ. Никонъ все еще ходилъ съ бледочкой и, повидимому, нисколько не тяготился своимъ положеніемъ. Чѣмъ хуже его другіе рабочіе? Онъ желаетъ быть такимъ же, и только. Да, онъ ѣстъ свой трудовой хлѣбъ, а тамъ увидишь.

— Мы еще тряхнемъ Федотомъ Якимычемъ,—говорилъ Никонъ

съ обычнымъ спокойствіемъ, посасывая коротенькую англійскую трубочку.

— Меня удивляетъ только одно, Никонъ, — отвѣчалъ Леонидъ, — ты говоришь объ этомъ звѣрѣ такимъ тономъ, точно онъ тебѣ нравится.

— А что же? Ты, пожалуй, и угадалъ. Мнѣ старикъ дѣйстви-тельно нравится, нравится именно выдержкой характера. Посмотри, какъ онъ систематически давить насъ съ тобой... Это, братъ, настоящая сила, только дурно направленная; а я люблю всякую силу. Рѣшительно Ѳедотъ Якимычъ мнѣ нравится... Въ немъ есть кровь.

Никонъ жилъ въ Землянскомъ заводѣ вмѣстѣ съ матерью, въ отцовскомъ старомъ домикѣ. Обстановка была самая бѣдная, почти нищенская, но Никонъ ничего не хотѣлъ замѣчать и довольствовался малымъ. Даже свою камлотовую шинель и цилиндръ онъ забросилъ и сталъ ходить лѣтомъ въ татарскомъ азымѣ, а зимой въ нагольномъ полушубкѣ, — такъ было удобнѣе. Если кто жаловался и постоянно скорбѣлъ, такъ это старуха Анна Гавриловна, постоянно болѣвшая своимъ материнскимъ сердцемъ за дѣтей. Въ сущности, это была забитая и тихая старушка, прошедшая слишкомъ тяжелую школу. Она только могла плавать безсильными слезами и во всемъ слѣпо повиновалась Никону, на котораго молилась.

— Погоди, мать, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ, — говорилъ Никонъ въ веселую минуту. — А Ѳедота Якимыча мы узломъ завяжемъ, да...

Никто такъ весело не умѣлъ смѣяться, какъ Никонъ, хотя это случалось съ нимъ очень рѣдко, — точно солнце освѣтитъ, когда онъ улыбается. Такъ смѣялся Ѳедотъ Якимычъ, — у нихъ была эта общая черта. Намеки Никона на то, что онъ что-то устроить главному управляющему, ужасно беспокоили старуху-мать и разъ она по секрету сообщила свои опасенія Леониду.

— Устроить онъ, Никонъ-то, какъ пить дать, — шепотомъ говорила она, хотя въ комнатѣ никого не было. — Знаешь, какой у него характеръ? Безстрашный онъ... Въ кого, подумаешь, и уродится такой человѣкъ!

— Ничего, мать, и такъ сойдетъ, — успокоивалъ Леонидъ. — Мало ли сгоряча что говорится.

У Никона, дѣйствительно, былъ замыселъ, хотя, повидимому, онъ ничего и не дѣлалъ. Правда, за нимъ былъ устроенъ негласный дозоръ и каждый шагъ его былъ извѣстенъ Ѳедоту Якимычу.

Единственное, что онъ позволялъ себѣ, это то, что онъ выходилъ на работу позже получасомъ и настолько же уходилъ раньше. Сначала рабочіе шутили надъ заграничнымъ и потихоньку ждали, что сдѣлаетъ съ нимъ Федотъ Якимычъ, а когда тотъ оказался безсильнымъ, рабочіе догадались, въ чемъ дѣло. Переговоры, глухой ропотъ и шептанье по угламъ разрѣшились открытымъ бунтомъ, т.-е. когда ударили поденщину, никто изъ рабочихъ не шевельнулся. Только когда пришелъ Никонъ, вышли и рабочіе. Это ничтожное въ своей сущности событіе подняло на ноги все крѣпостное начальство, а самъ Федотъ Якимычъ пріѣхалъ на Мѣдный рудникъ въ сопровожденіи горнаго начальника и горной стражи.

— Гдѣ бунтовщики?—кричалъ Федотъ Якимычъ, не выльзая изъ экипажа.—Въ острогъ сгною!... Запорю!...

Рабочіе были подняты изъ шахты и выстроены въ двѣ шеренги. Бунтари представляли изъ себя очень жалкій видъ. Желтые, изможденные, они точно сейчасъ только были откопаны изъ земли, какъ заживо похороненные покойники. Въ числѣ другихъ стоялъ и Никонъ, выдѣлявшійся и ростомъ, и крѣпкимъ сложеніемъ.

— Не ладно поденщину отдають, — слышался изъ толпы робкій голосъ.

— А! поденщину?—заревѣлъ Федотъ Якимычъ.—Что это сказалъ? Выходи!

— Дѣйствительно, невѣрно, — отвѣтилъ смѣло за всѣхъ Никонъ.— На дѣлѣхъ полчаса раньше... Это не по закону. И съ работы отпускають получасомъ позже...

— А! такъ это ты?—обрадовался Федотъ Якимычъ.—Давно я добирался до тебя, голубчикъ... Козаки, берите его и ведите ко мнѣ въ домъ. Тамъ мы поговоримъ.

Козаки подхватили Никона подъ руки и повели въ господскій домъ, а Федотъ Якимычъ остался для окончательной расправы на рудникѣ. Когда Никона вели по Мѣдной улицѣ, изъ всѣхъ оконъ выглядывали любопытныя лица и сейчасъ же прятались. А Никонъ шагалъ совершенно спокойно, точно шелъ въ гости. Около господскаго дома уже толпился народъ, когда привели Никона и поставили во дворѣ передъ краснымъ крыльцомъ. Онъ оставался невозмутимымъ попрежнему. Въ эту минуту на крыльцо торопливо вышла Наташа.

— Никонъ Зотычъ, пожалуйста въ горницы, — смѣло пригласила она. — А козакамъ подадутъ по стакану водки въ кухню... Эй, отпустите его!

Козаки разступились, — всѣ знали въ лицо дочь главнаго управ-

ляющего. Никонъ спокойно посмотрѣлъ черезъ очки своими близорукими глазами на неизвѣстную ему женщину и спокойно поднялся на крыльцо. Наташа стояла передъ нимъ такая молодая, красивая, взволнованная и счастливая. Она была сегодня въ красномъ шелковомъ сарафанѣ и въ бѣлой шелковой рубашкѣ. Опустивъ глаза, она шепотомъ проговорила:

— Пожалуйте въ горницы...

Никонъ молча пошелъ за ней. Когда вошли на парадную половину, онъ оглядѣлся кругомъ, оглядѣлъ стоявшую передъ нимъ молодую женщину и спокойно спросилъ:

— А вы-то кто такая будете, сударыня?

— Я-то... дочь Федота Якимыча, а зовутъ меня Наташей, — смѣло отвѣтила Наташа и первая протянула руку гостю. — Садитесь, гостемъ будете...

— Вы здѣсь живете?

— Нѣтъ, я отдѣльно... Я замужняя...

— А я думалъ, что вы дѣвушка...

— Какой вы смѣшной!... У дѣвушекъ коса бываетъ...

Никонъ сѣлъ на первый стулъ, заложилъ ногу за ногу и раскурилъ свою трубочку. Наташа молчала и только поглядывала на него исподлобья своими бархатными глазами.

Можно себѣ представить изумленіе Федота Якимыча, когда онъ явился домой для расправы съ гордецомъ Никашкой. Козакъ Мишка еще за воротами доложилъ ему, что Никонъ сидитъ въ горницѣ и курить трубку. Старикъ точно остолбенѣлъ, а потомъ быстро вбѣжалъ на крыльцо, распахнулъ двери въ горницы, да такъ и остановился, какъ только взглянулъ на Наташу.

Вотъ это чья работа...

— Трубку-то, трубку провялятую брось, бусурманъ! — закричалъ онъ, топая ногами. — Вѣдь, образа въ переднемъ углу, нехристь, а ты табачицу напустилъ...

Никонъ поднялся, сунулъ трубку въ карманъ и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на хозяина.

— Тятинька, послѣ успѣшь обругаться, — вступилась Наташа, — а Никонъ Зотычъ нашъ гость. Я его позвала сюда.

— Ты?... Наташа, да ты съ меня голову сняла, — застоналъ старикъ, хватаясь за свои сѣдины. — Бунтовщикъ... смутьянъ... а ты ведешь его въ горницы! Да ему въ острогѣ мало мѣста... Рабочихъ перебунтовалъ, самъ поклониться не умѣетъ порядкомъ. Что же это такое?

— Никонъ Зотычъ правильно дѣлалъ, — отвѣтила Наташа. — Вы обманывали рабочихъ поденщиной, а онъ справедливый...

— Я никого не бунтовалъ, Федотъ Якимычъ, — проговорилъ Никонъ своимъ обыкновеннымъ тономъ. — Вы сами знаете, что это такъ...

Федотъ Якимычъ повернулся къ дочери и повелительно указалъ на дверь. Она безъ слова вышла. Никонъ продолжалъ стоять и въ упоръ смотрѣлъ на старика, который порывисто ходилъ по комнатѣ, точно хотѣлъ угомонить какую-то мысль.

— Ты, гордецъ, чего столбомъ-то стоишь? — крикнулъ на него Федотъ Якимычъ, круто повернувшись лицомъ. — Порядокъ не знаешь...

Никонъ сѣлъ и заложилъ по привычкѣ нога за ногу, а Федотъ Якимычъ принялся бѣгать по горницѣ. Изрѣдка онъ останавливался, быстро взглядывалъ на Никона, что-то бормоталъ себѣ въ бороду и опять начиналъ ходить. Наконецъ, онъ усталъ, растегнулъ давившій шею воротъ ситцевой рубахи и остановился. Посмотрѣвъ на Никона одно мгновеніе, онъ быстро подошелъ къ нему, крѣпко обнялъ, разцѣловалъ прямо въ губы и проговорилъ:

— Люблю молодца за обычай... А теперь убирайся къ чорту, да смотри, на глаза мнѣ не попадайся, коли хочешь быть цѣлъ.

VI.

Леонидъ очень беспокоился о судьбѣ Никона, когда стороной услышалъ о происходившемъ на Мѣдномъ рудникѣ бунтѣ. Въ участіи Никона онъ не сомнѣвался, а потаенная крѣпостная молва разнесла, что онъ арестованъ и содержится подъ стражей. Правильной почты между заводами не существовало, а ссылатся приходилось при оказіи. Да и писать брату Леонидъ не рѣшался, потому что письма могли перехватить и тогда досталось бы по пути и ему.

Разъ лѣтнимъ вечеромъ, когда Леонидъ заканчивалъ какую-то работу въ своей конторѣ, къ господскому дому, гдѣ жилъ Григорій Федотычъ, сломя голову прискакалъ верховой. Всѣ служащіе переполошились: это былъ «загонщикъ», ѣхавшій впереди самого Федота Якимыча. Эти поѣздки главнаго управляющаго съ завода на заводъ обставлялись большою торжественностью: впереди летѣлъ загонщикъ, за нимъ на пятеркѣ съ фореиторомъ мчался тяжелый дорожный дормезъ, а позади дормеза скакали козаки горной стражи и свои заводскіе лѣсообъѣздки. Такъ было и те-

перь. По случаю хорошей погоды, дормезъ былъ открытъ и въ окна заводской конторы можно было разсмотрѣть, что Федотъ Якимычъ сидѣлъ рядомъ съ какимъ-то высокимъ господиномъ въ цилиндрѣ, а на козлахъ рядомъ съ кучеромъ сидѣлъ изобрѣтатель штанговой машины Барпушка.

— Да, вѣдь, это Никонъ! — крикнулъ кто-то изъ служащихъ. — Онъ самый... Рядомъ съ Федотомъ Якимычемъ сидитъ. Вотъ такъ фунты!

Острый рабій глазъ не ошибся: Федотъ Якимычъ пріѣхалъ въ Новый заводъ дѣйствительно въ сопровожденіи Никона и Барпушки. Старикъ былъ въ веселомъ настроеніи и, не выдѣлая изъ экипажа, проговорилъ, указывая глазами на Барпушку:

— Отвяжите этого подмеса, да пусть протрезвится въ машинной.

Изобрѣтатель Барпушка, дѣйствительно, былъ привязанъ къ козламъ, потому что былъ пьянъ и могъ свалиться. Онъ такъ и не просыпался съ тѣхъ поръ, какъ выпилъ большую управительскую рюмку изъ собственныхъ рукъ Федота Якимыча. Его развязали, сняли съ козелъ, встряхнули и повели въ контору, гдѣ «машинная» замѣняла карцеръ (свое названіе это узилще получило отъ хранившейся здѣсь никуда негодной, старой пожарной машины). Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Барпушка неожиданно вырвался, подбѣжалъ къ экипажу и хрипло проговорилъ:

— Федотъ Якимычъ, родимый... одну рюмочку... совсѣмъ рознядо...

— Ахъ, ты, ненасытный песъ! — обругался старикъ, но велѣлъ подать рюмку.

Григорій Федотычъ былъ на фабрикѣ и гостей приняла одна сноха Татьяна, трепетавшая въ присутствіи грознаго свекра.

— Ну, принимай дорогихъ гостей, — пошутилъ съ ней старикъ. — Вотъ привезъ вамъ двухъ гостинцевъ... Выбирайте, который больше поглянется. Ну, а что попадья? Прыгаетъ?... Ахъ, дуй ее горой!... Вечеромъ, Никонъ, въ гости пойдѣмъ къ попу... Одно удивленіе, а не попь. Левонидъ-то у нихъ на квартирѣ стоитъ. Вотъ такъ компанію завели... ха-ха! И нѣмка съ ними...

Никонъ разсѣянно молчалъ, не слушая, что говоритъ владыка. Это молчаніе и разсѣянность возмущали Федота Якимыча всю дорогу и онъ нѣсколько разъ принимался ругать Никона.

— Да ты что молчишь - то, бусурманъ? Вѣдь, съ тобой говорить... Съ Барпушкой-то на одно лыко тебя связать. Уродится же

этакой человекъ... Не гляди ты, ради Христа, глазами своими на меня: съ души воротить.

Вечеромъ, когда у попа пили чай, пожаловали прїѣхавшіе гости, т.-е. Ѳедотъ Якимычъ и Никонъ. Старикъ, помолившись образу, сейчасъ же преподнесъ попадѣ таинственный свертокъ, расцѣловалъ ее и проговорилъ:

— Это тебѣ поминки отъ меня, попадья, чтобы не забывала старика, а отъ Наташи поклончикъ отдѣльно... Ну, здравствуй, хохлатый!

На Гордѣевыхъ въ первую минуту Ѳедотъ Якимычъ не обратилъ никакого вниманія, точно ихъ и въ комнатѣ не было. Никонъ поцѣловалъ руку у Амаліи Карловны, а попадѣ поклонился издали. Это опять разсмѣшило Ѳедота Якимыча.

— Чего ты бусурманомъ-то, Никонъ, прикидываешься?— шутилъ старикъ.— Руку у нѣмки поцѣловалъ, теперь цѣлуй попадью прямо въ губы... У насъ, братъ, по-просту!... А я-то и не поздоровался съ нѣмочкой. Ну, здравствуй, бѣляночка.

Ѳедотъ Якимычъ хотѣлъ ее обнять и расцѣловать, какъ попадью, но та вскрикнула и выбѣжала изъ комнаты.

— Ишь, недотрога царевна!— смѣялся старикъ.— Ладно я ее напугалъ... А того не подумала, глупая, что я по-отечески... Старика можно поцѣловать всегда. За угломъ не хорошо цѣловаться, а старика да при людяхъ по обычаю должна.

Попадья не сводила глазъ съ Никона, точно хотѣла прочесть въ немъ тайныя думы Наташи. «Вотъ понравится сатана пуще яснаго сокола»,— невольно подумала она, легонько вздыхая. А Никонъ пилъ чай и ни на кого не обращалъ вниманія, точно пришелъ къ себѣ домой. Это невниманіе задѣло попадью за живое. «Постой, голубчикъ, ты у меня заговоришь, даромъ что ученый»,— рѣшила она про себя. Хохлатый попъ, по обыкновенію, шагаль изъ угла въ уголъ и упорно молчалъ, точно воды въ ротъ набралъ. Ѳедотъ Якимычъ разговаривалъ съ Леонидомъ о заводскихъ дѣлахъ,— давешнее веселое настроеніе соскочило съ него разомъ и онъ началъ поглаживать свою бороду. Амалія Карловна нѣсколько разъ появлялась въ дверяхъ и пряталась, точно дѣвочка-подростокъ. Попадья дѣлала ей какіе-то таинственные знаки, но нѣмка ничего не хотѣла понимать, отрицательно качала бѣлокурою головою и глядѣла изподлобья на гостей.

— Послушайте, да вы что пнемъ-то сидите?— обрушилась неожиданно попадья на Никона.— Ну, спойте что-нибудь, по крайней мѣрѣ... Я вамъ на гитарѣ сыграю.

— Такъ его, хорошенько! — похвалилъ Ѳедотъ Якимычъ. — Не съ кислымъ молокомъ прѣхали.

Никонъ поднялъ глаза на бойкую попадью и безотчетно улыбнулся. «Да онъ хорошій!» — удивилась попадья. Ихъ глаза встрѣтились еще въ первый разъ. Попадья беззаботно тряхнула головой, достала гитару и, заложивъ по-мужски ногу на ногу, усѣлась на диванъ. Ѳедотъ Якимычъ подсѣлъ къ ней рядошъ.

— Ну, милушка, затягивай, — упрашивалъ онъ. — Да позаунывиѣе, чтобы до слезъ проняло. Уважь, Капитолинушка...

Когда раздались первые аккорды и къ нимъ присоединился красивый женскій контральто, Никонъ даже поднялся съ своего мѣста, да такъ и впился своими близорукими глазами въ мудреную попадью. Отлично пѣла попадья, а сегодня въ особенности. И красивая была, особенно когда быстро взглядывала своими темными глазами съ поволокой. Ѳедотъ Якимычъ совсѣмъ расчувствовался и кончилъ тѣмъ, что вытеръ скатившуюся старческую слезу. И Никонъ чувствовалъ, что съ нимъ дѣлается что-то необыкновенное, точно вотъ онъ упалъ куда-то и не можетъ подняться, но это было сладкое безсиліе, какъ въ утреннихъ просонкахъ.

Амалія Карловна воспользовалась этимъ моментомъ и знаками вызвала мужа въ другую комнату. Здѣсь она съ дѣтскою порывистостью бросилась къ нему на шею и заплакала.

— Милочка, что съ тобой? — изумился Леонидъ, цѣлуя жену.

— Да какъ онъ смѣлъ... — повторяла нѣмка, задыхаясь отъ слезъ. — Такъ обращаются только съ крѣпостными...

— А попадья?

— Она другое дѣло, Леонидъ... Потомъ онъ такъ посмотрѣлъ на меня... не хорошо посмотрѣлъ.

— Да, вѣдь, онъ старикъ. А, впрочемъ, какъ знаешь...

Нѣмка такъ и не показала больше. Она заперлась въ своей комнатѣ, сославшись на головную боль. Когда попадья объявила объ этомъ, Ѳедотъ Якимычъ погладилъ свою бороду и крикнулъ. Впрочемъ, онъ сейчасъ же спохватился и принялся за серьезные разговоры съ Леонидомъ.

— Я привезъ къ тебѣ брата, ты у меня и будешь за него въ отвѣтъ, — объяснилъ старикъ. — Положимъ, мы съ нимъ помирились, а, все-таки, ему пальца въ ротъ не клади... Насквозь вижу всего! Однимъ словомъ, лапистый звѣрь. Онъ будетъ у васъ на Новомъ заводѣ мѣховой корпусъ строить, а Карпушка будетъ помогать. Наказаніе мое этотъ Карпушка: съ кругу спился мужикъ... И съ чего бы, кажется? Ума не приложу... Ужь я съ нимъ и такъ,

и этакъ, и лаской, и строгостью—ничего не беретъ. Дурить мужикъ... Ты его тоже къ рукамъ прибери: съ тебя взыскивать буду.

— Да что же я съ нимъ подѣлаю, Ѳедотъ Якимычъ?—взмолился Леонидъ.

— А ужъ это твоего ума дѣло... Не люблю, когда со мной такъ разговариваютъ. Слышалъ?—не люблю. Учился у нѣмцевъ, а не понимаешь того, какъ съ добрыми людьми жить. Я бы Григорью Ѳедотычу наказалъ, да не таковский онъ человекъ: характеръ потяжелѣ моего.

Ужинъ прошелъ довольно скучно, несмотря на всѣ усилія попадья развеселить компанію. Всѣ были точно связаны. Никонъ сидѣлъ рядомъ съ попадьею и она не утерпѣла, чтобы не спросить его шепотомъ:

— А вы Наташу знаете?

— Бакую Наташу?

— Ну, дочь Ѳедота Якимыча... Красивая такая женщина—кровь съ молокомъ.

— Ахъ, да...

— Что да?

— Ничего...

Попадья улыбнулась одними глазами и даже отодвинулась отъ Никона, очень ужъ пристально онъ смотрѣлъ на нее. «Этакой мудреный, Христось съ нимъ,—подумала попадья.—Ничего съ нимъ не сообразишь». Попъ Евстигійъ промолчалъ все время и все время никто не обращалъ на него вниманія, какъ на бѣднаго родственника или приживальца.

— Вотъ что, Леонидъ, ты скажи женѣ мой поклончикъ,—говорилъ Ѳедотъ Якимычъ на прощанье. — Такъ и скажи, что старикъ Ѳедотъ Якимычъ кланяется...

Никонъ на прощанье такъ крѣпко пожалъ руку попадѣ, что та чуть не вскрикнула.

На другой день утромъ Ѳедотъ Якимычъ опять заявился въ поповскій домъ, на этотъ разъ уже одинъ. Леонидъ былъ на службѣ, попа увезли куда-то съ требой, а попадья убиралась въ кухню. Старикъ подождалъ, когда выйдетъ «бѣлянга».

— Заѣхалъ проститься... — коротко объяснилъ онъ, когда Амалия Барловна вышла въ гостиную.

— Вы уже уѣзжаете? Такъ скоро... — отвѣтила нѣмка и посмотрѣла своими ясными глазами прямо въ душу старику.

— А зачѣмъ ты вчера уѣжала? — въ упоръ спросилъ старикъ. — Я, вѣдь, къ тебѣ, бѣляночка, не съ худомъ... Ну, чего смо-

тришь-то такъ на меня? Для другихъ я и крутъ, и строгъ, а для тебя найдемъ и ласковое словечко...

— Благодарю, но я не знаю, чѣмъ я заслужила ваше вниманіе...—смущенно отвѣтила Амалія Карловна.

— Чѣмъ? А ужь это какъ кому Богъ на душу положить. Поглянулась ты мнѣ съ перваго разу—и весь сказъ... Вотъ попадаю тоже люблю, Нивашку гордеца помирилъ. Ну, какъ живешь - можешь: скучно, поди, въ другой разъ?... Да вотъ что, бѣляночка, принеси - ка мнѣ, старику, рюмку анисовки, у попа есть. Я изъ твоихъ рукъ хочу выпить...

Нѣмка быстро ушла, а Федотъ Якимычъ присѣлъ къ столу, положилъ свою сѣдую голову на руки, да такъ и застылъ. Съ нимъ дѣлалось что-то странное, въ чемъ онъ самъ не могъ дать себѣ отчета. За чѣмъ онъ пришелъ сюда? Еще, на грѣхъ-то, попъ хохлатый воротится... Охъ, стыдобушка головушкѣ! Когда нѣмка вернулась съ рюмкой анисовки, старикъ молча выпилъ ее, посмотрѣлъ еще разъ на «бѣляночку» и проговорилъ:

— Ну, не поминай лихомъ старика, нѣмка...

Она чуть улыбнулась, и Федотъ Якимычъ весь побагровѣлъ.

— Чему обрадовалась-то, а?... Эхъ, да что тутъ толковать... Прощай!...

Попадья подслушивала всю эту сцену и укоризненно качала головой. Когда старикъ вышелъ, она скрылась въ свою кухню, какъ ни въ чемъ не бывало. Амалія Карловна ушла въ свою комнату, заперлась и заплакала. О чемъ были эти слезы, она ничего не могла бы сказать, но ей такъ сдѣлалось грустно, такъ грустно, какъ еще никогда. Ей вдругъ страстно захотѣлось уѣхать отсюда, туда, въ свои зеленныя горы, точно пришла какая-то неминуемая бѣда. Сердце такъ и ныло. Первая ложь въ ея жизни была та, что она ничего не сказала мужу о визитѣ Федота Якимыча и о своемъ разговорѣ съ нимъ. Попадья тоже молчала, точно воды въ ротъ набрала, но по выраженію ея лица Амалія Карловна видѣла, что попадья все знаетъ. Это фальшивое положеніе мучило нѣмку, и, вѣсть съ тѣмъ, въ ея душѣ таинственно образовался какой-то собственный мірокъ.

Первымъ вопросомъ послѣ отъѣзда Федота Якимыча было то, какъ устроить Никона. Онъ пока не перебывался въ господскомъ домѣ, у Григорья Федотыча, но оставаться тамъ было неудобно.

— Развѣ мы помѣстимъ его у себя?—спрашивалъ разъ Леонидъ.—Я могу ему уступить свою комнату.

— Да удобно ли ему будетъ? — замѣтила попадья. — Мы-то, вѣдь, по-просту живемъ...

— Да и онъ простой человѣкъ, Капитолина Егоровна...

Попадья политично промолчала и только мелькомъ взглянула на своего хохлатого попа. Въ результатѣ вышло, все-таки, то, что Никонъ поселился въ господскомъ поповскомъ домѣ. Правда, дома онъ почти не бывалъ: уходилъ на работу въ пять часовъ утра, приходилъ въ двѣнадцать часовъ обѣдать, а потомъ опять на работу до поздняго вечера. Дома онъ тоже былъ занятъ разными чертежами, смѣтами и вычисленіями.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗОРДАСТРЪ.

Романъ Маріона Крауфорда.

I.

Большая зала въ Вавилонскомъ дворцѣ была приготовлена для пира. Въ эту ночь царь Валтасаръ собирался пить вино со множествомъ своихъ вельможъ и веселиться съ ними, и все уже было готово.

Отъ одного до другаго конца громадной сводчатой залы тянулись столы изъ дорогаго дерева, выложеннаго золотомъ и серебромъ. Они были уставлены всѣмъ, чего только можетъ пожелать сердце человѣка: золотыми, хрустальными и малахитовыми кубками, большими чашами, наполненными до верху рѣдкими плодами и еще болѣе рѣдкими цвѣтами, и надъ всѣмъ этимъ носились послѣдніе пурпурные лучи яркаго южнаго солнца. Они врывались цѣлыми потоками въ открытыя колоннады портика, свергали на полированномъ мраморѣ, окрашивая болѣе мягкимъ цвѣтомъ красную облицовку стѣнъ и лаская красное съ золотомъ одѣяніе исполинской статуи, сидѣвшей на высокомъ тронѣ.

Въ тиарѣ трижды царственнаго владычества, со скипетромъ въ правой и кольцомъ безсмертія и жизни въ лѣвой рукѣ, попирая ногами головы расprostертыхъ передъ нимъ плѣнниковъ, — такъ возсѣдало изваяніе великаго царя Навуходносора, какъ бы ожидая событій, которыя судьба готовила его сыну. Ароматъ цвѣтовъ, плодовъ и дорогаго вина доносился до его могучихъ ноздрей, и самъ онъ, казалось, улыбался полудовольно, полупрезрительно.

По каждую сторону громаднаго зданія, въ проходахъ и корридорахъ, толпились служители, приносившіе все новые и новые плоды, принасти и цвѣты для пира, и шептались между собою на цѣлой дюжинѣ индійскихъ, персидскихъ и египетскихъ нарѣчій, или

же на богатомъ языкѣ тѣхъ благородныхъ плѣнниковъ, блѣдныя лица и огромныя глаза которыхъ всюду выдѣлялись, какъ рѣзкій контрастъ болѣе грубымъ чертамъ и болѣе темной кожѣ ихъ товарищей по рабству, — на языкѣ народа, рожденнаго не повелѣвать, но терпѣть до конца. Всѣ они переищивались въ причудливо преломлявшихся лучахъ вечерняго солнца; иногда же пурпурный блескъ его окрашивалъ бѣлую туннику какаго-нибудь бѣднаго невольника такимъ чуднымъ цвѣтомъ, какимъ и царскій сынъ не погнушался бы для своей одежды.

По обѣ стороны каждаго изъ столовъ, приготовленныхъ для пиршества, стояли большіе подсвѣчники въ двойной ростъ человѣка, внизу толстыя и покрытыя тяжелою рѣзбой, вверху же заостренныя и украшенныя тонкою скульптурною работою. Они поддерживали бронзовыя лампы, свѣтильни которыхъ были погружены въ дорогое масло, переищанное съ воскомъ. Посрединѣ залы, гдѣ находился на возвышеніи царскій тронъ, колонны разступались, образуя отъ правой стороны къ лѣвой какъ бы комнату со сводомъ изъ высокихъ рѣзныхъ стропилъ. Стѣны были густаго яркочернаго цвѣта, придававшаго гладкой облицовкѣ видъ сплошнаго драгоценнаго мрамора. Панели пролетовъ были разрисованы; пестрыми красками была изображена на нихъ вся исторія царя Навуходоносора, его побѣды и пиры, его плѣнники и царедворцы. Посрединѣ залы, тамъ, гдѣ было приготовлено мѣсто для царя, не было ни картинъ, ни колоннъ, только царственный пурпуръ разливался здѣсь яркимъ и ровнымъ сіяніемъ. Около стола тоже стоялъ высокій свѣтильникъ, выше другихъ и болѣе искусной работы; его подножка была изъ рѣдкаго мрамора и чеканной бронзы, а лампада наверху изъ чистаго золота, привезеннаго изъ южнаго Офира. Она не была зажжена, потому что солнце еще не зашло и часъ пиршества не наступилъ.

На концѣ залы, передъ гигантскою статуей изъ литаго золота, было открытое пространство, не загроможденное столами, и гладкій, полированный мраморный полъ выступалъ здѣсь во всемъ богатствѣ своихъ узоровъ и красокъ. Два человѣка, тихо вошедшіе въ залу, приблизились къ этому мѣсту и стали рядомъ, устремивъ взоръ на ликъ золотого царя.

Цѣлая жизнь, словно бездна, отдѣляла ихъ другъ отъ друга. Одинъ уже переступилъ за обычные предѣлы земнаго существованія, другой же, который стоялъ возлѣ него, былъ прекрасный четырнадцатилѣтній отрокъ.

Старецъ былъ еще прямъ, и его бѣлоснѣжныя волосы и борода

окружали какъ бы львиною гривой могучій лобъ и властное лицо. Глубокія борозды, проведенныя мыслью и врѣзавшіяся еще глубже отъ старости, шли ровень съ благородными очертаніями бровей, а темные глаза все еще метали искры, какъ бы пронизывая сгустившіяся мракъ времени, чтобы смѣло взглянуть въ лежащую за нимъ вѣчность. Лѣвою рукой онъ придерживалъ складки своего бѣлоснѣжнаго одѣянія, а въ правой у него былъ прямой посохъ изъ чернаго дерева и слоновой кости; на этомъ посохѣ, прекрасной работы и удивительно полированномъ, были вырѣзаны непонятныя изреченія на еврейскомъ языкѣ. Старецъ стоялъ, выпрямившись во весь высокій ростъ, и безмолвно переводилъ взоры съ блестящаго лика статуи на своего юнаго спутника, какъ бы побуждая его высказать за него помыслы, наполнявшіе сердца ихъ обоихъ.

Юноша не прервалъ молчанія и не подалъ старцу никакого знака; онъ стоялъ, скрестивъ руки, и смотрѣлъ на величавыя черты Навуходносора.

Ему было только четырнадцать лѣтъ. Высокій и стройный станъ его сулилъ въ будущемъ силу, полную изящества и гибкости; тонкая кожа обличала мощную энергію благородной расы. Прекрасное, бѣлое лицо его было покрыто нѣжнымъ румянцемъ, а тяжелыя волны золотистыхъ волосъ, густыхъ, мягкихъ и шелковистыхъ, ниспадали длинными кудрями на его плечи. Его тонкія черты были прямы и благородны, скорѣе сѣвернаго, чѣмъ восточнаго типа; удивительно спокойныя и задумчивыя, онъ казался почти божественными въ своей юношеской безмятежности. Глубокіе синіе глаза были устремлены вверхъ съ оттѣнкомъ грусти, широкій лобъ походилъ на мраморъ, а прямая линія бровей замыкала и отдѣляла его отъ лица. Одежда юноши состояла изъ прямой бѣлой туники, окаймленной золотымъ шитьемъ и схваченной у талия богатымъ поясомъ, и изъ персидскихъ шароваръ, расшитыхъ пестрыми шелками по тонкому полотну. На головѣ у него была полотняная остроконечная шапочка, съ замысловатыми узорами, вышитыми золотомъ и серебромъ.

Голова старца была покрыта лишь густою массой его бѣлоснѣжныхъ волосъ; широкій бѣлый плащъ скрывалъ отъ взоровъ подробности его одѣянія.

Снова перевелъ онъ глаза отъ статуи на стоявшаго рядомъ съ нимъ отрока и, наконецъ, заговорилъ глубокимъ, ровнымъ голосомъ, на еврейскомъ языкѣ:

— Царь Навуходносоръ отошелъ къ своимъ праотцамъ, и сынъ его также, и Набоннедонъ Валтасаръ царствуетъ на его престолѣ,

и я терпѣлъ до сего дня въ Вавилонѣ всѣ эти шестьдесятъ семь лѣтъ, съ той поры, какъ царь Навуходоносоръ разрушилъ наше царство на землѣ и отвелъ насъ къ себѣ въ плѣнъ. До сего дня терпѣлъ я, Зороастръ, и еще нѣсколько времени останусь я на землѣ и буду свидѣтельствовать за Израиля.

Глаза старца свергнули, и его могучія орлиныя черты приняли выраженіе необыкновенной жизненности и силы. Зороастръ повернулся къ нему и заговорилъ тихо, почти печально:

— Скажи, о, Даниилъ, пророкъ и служитель Божій, почему эта золотая статуя какъ бы улыбается сегодня? Быть можетъ, совершилось время твоего видѣнія, посѣтившаго тебя въ Сузахъ, во дворцѣ, быть можетъ, радость наполняетъ сердце умершаго царя? Никогда лигь его не казался мнѣ такъ кротокъ, — онъ, вѣрно, радуется пиршеству, а потому и черты его просвѣтлѣли?

— Нѣтъ, его лигь скорѣе долженъ бы выражать скорбь о гибели его рода и его царства, — отвѣчала пророкъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. — Истинно говорю тебѣ, конецъ приближается, и камни Вавилона не будутъ больше вопіять о тяжести грѣховъ Валтасара; народъ не будетъ больше молить Ваала, чтобы онъ воскресилъ царя Навуходоносора или же послалъ сюда перса или мидянина, который былъ бы справедливымъ правителемъ страны.

— Ты прочелъ это въ звѣздахъ или же глаза твои видѣли все это въ видѣніяхъ ночи, учитель?

Отрокъ приблизился къ престарѣлому пророку и говорилъ тихимъ, торжественнымъ тономъ. Даниилъ же только склонилъ голову, такъ что чело его опустилось на его бѣлый посохъ, и стоялъ, погруженный въ глубокую думу.

— Я тоже видѣлъ сонъ, — продолжалъ Зороастръ послѣ краткаго молчанія, — и этотъ сонъ такъ овладѣлъ всѣмъ моимъ существомъ, что душа моя исполнилась печали и великаго унынія. Я скажу тебѣ, что мнѣ приснилось.

Онъ остановился и скользнулъ взглядомъ чрезъ громадное пространство сводчатой залы по направленію къ портнику на противоположномъ концѣ. Яркое сіяніе пурпурнаго солнца, уже касавшагося западной равнины, залило его лицо, такъ что столы, приготовленные для пиршества, и толпа хлопотливыхъ служителей образовали какъ бы черныя тѣни между нимъ и свѣтомъ. Даниилъ оперлся, попрежнему, на свой посохъ и оставался безмолвнымъ и неподвижнымъ.

— Я видѣлъ сонъ, — продолжалъ Зороастръ, — была тьма, и на крыльяхъ ночнаго вѣтра принеслись крики воиновъ, шумъ битвы

и бряцаніе оружія: владыки земные боролись другъ съ другомъ изъ-за власти и побѣды, которыя должны были стать удѣломъ сильнѣйшаго изъ нихъ. Я снова увидѣлъ сонъ, но было уже утро, и десятками, сотнями и тысячами уводили людей въ плѣнъ, въ дальнюю страну, уводили и дѣвъ, и молодыхъ женщинъ. Я взглянулъ, и лицо одной изъ юныхъ дѣвъ показалось мнѣ лицомъ прекраснѣйшей изъ дочерей твоего народа. Тогда мое сердце устремилось къ ней, и я готовъ былъ послѣдовать за ней въ неволю, но мракъ обуталъ меня, и я не могъ больше ее видѣть. Вотъ почему я смущенъ и весь день меня угнетаетъ тоска.

Отрокъ умолокъ. Солнце скрылось за равниной и вечерній вѣтерокъ принесъ издалека громкіе звуки музыки.

Даніилъ поднялъ свою бѣлоснѣжную голову и зорко посмотрѣлъ на своего юнаго спутника; въ его взглядѣ выразилось разочарованіе.

— И ты хочешь быть пророкомъ?—спросилъ онъ,—ты, мечтающій о прекрасныхъ дѣвахъ, ты, котораго волнуетъ любовь къ женщинѣ? Неужели ты думаешь, отрокъ, что, когда ты созрѣешь, женщина поможетъ тебѣ сдѣлаться мужчиной? Или же ты полагаешь, что слово Господа совмѣстимо съ суетой? Попытайся пророчествовать, дай какое-нибудь толкованіе своему видѣнію, если только ты способенъ истолковать его. Теперь же удалимся отсюда, потому что царь уже близко, и часть ночи будетъ отдана веселью и разврату, съ которыми у насъ нѣтъ ничего общаго. Истинно говорю тебѣ, я тоже видѣлъ сонъ. Удалимся.

Маститый пророкъ выпрямился во весь ростъ и, взявъ въ правую руку свой посохъ, направился къ выходу. Зороастръ схватилъ его за руку, умоляя остаться.

— Расскажи мнѣ свое сновидѣніе, учитель, и объясни мнѣ его,—горячо воскликнулъ онъ,—посмотри, совпадаетъ ли оно съ моимъ, настанетъ ли тьма въ странѣ и раздадутся ли въ ней воинственные влики?

Но Даніилъ не остановился и не сказалъ ни слова. Онъ вышелъ изъ залы; юный персъ Зороастръ вышелъ вмѣстѣ съ нимъ, погруженный въ размышленія о настоящемъ и о будущемъ и о таинственномъ значеніи своего сна и уstraшенный молчаніемъ своего друга и учителя.

Мракъ смѣнилъ сумерки; въ залѣ зажгли лампы и свѣтильники, горѣвшіе яркимъ пламенемъ и издававшіе чудное благоуханіе. На столахъ, тянувшихся безконечными рядами, все было готово къ пиршеству; изъ садовъ, окружавшихъ дворець, все ближе

и громче доносились волны музыки. Все ближе и ближе слышались арфы, флейты, тимпаны и звучные камышевые свирѣли; и со всѣмъ этимъ сливался стройный, громогласный хоръ пѣвцовъ, пѣвшихъ вечерній гимнъ богу солнца Ваалу, прославляемому и при вечерней, и при утренней зарѣ самыми молодыми и сладкозвучными голосами Сенаара.

Впереди шли по двое жрецы Ваала, въ бѣлыхъ туникахъ, въ широкихъ бѣлыхъ шароварахъ, въ бѣлыхъ митрахъ, присвоенныхъ жреческому сословію, съ мелко завитыми и блестящими, какъ шелкъ, длинными бородами. Посреди ихъ, величавою поступью, опустивъ глаза и скрестивъ руки на груди, шествовалъ верховный жрецъ, и лицо его казалось въ сумракъ высѣченнымъ изъ чернаго мрамора. По обѣ стороны его жрецы, совершавшіе жертвоприношеніе, несли орудія своего служенія—ножь, топоръ, веревку и чашу съ огнемъ, и руки ихъ были обагрены кровью послѣдней закланной ими жертвы. Высокіе, сильные мужи были эти жрецы Ваала, съ мощнымъ тѣломъ и открытымъ челомъ, благодаря жертвенному мясу и вину, которыми они ежедневно подкрѣплялись, и твердой вѣрѣ въ свою исконную мудрость.

За ними слѣдовали сто отборныхъ музыкантовъ, игравшихъ чудныя мелодіи въ величественномъ, разнѣренномъ ритмѣ. Они шли по десяти человѣкъ въ рядъ и, когда они приблизились къ дворцу, свѣтъ, струившійся изъ его дверей, началъ переливаться на ихъ серебряныхъ украшеніяхъ и на причудливой формѣ ихъ инструментовъ.

Позади нихъ шли пѣвцы—двѣсти отроковъ, сто юношей и сто зрѣлыхъ мужей. То были самые знаменитые изъ всѣхъ пѣвцовъ, возносившихъ хвалу Ваалу въ странѣ Ассура. Они двигались сомкнутыми рядами, по десяти человѣкъ, въ тактъ тяжелымъ ударамъ протяжнаго ритма.

Предъ началомъ гимна музыканты и пѣвцы разомкнули свои ряды и выстроились по обѣ стороны широкой мраморной лѣстницы; то же самое сдѣлали и жрецы; только верховный жрецъ стоялъ одинъ на нижней ступени.

Тогда между этими рядами появилась царская процессія, подобная рѣкѣ изъ золота, пурпура и драгоценностей, заключенная въ ослѣпительно-бѣлыхъ берегахъ. Цѣлая тысяча вавилонскихъ вельможъ подвигалась величественною толпой, по десяти человѣкъ въ рядъ, а посреди ихъ, верхомъ на ворономъ конѣ, ѣхалъ царь Валтасаръ въ высокой тиарѣ изъ бѣлаго полотна, украшенной золотомъ и драгоценными камнями, съ золотымъ скипетромъ въ правой ру-

кѣ. За вельможами и царемъ слѣдовала длинная процессія носилокъ, въ которыхъ возлежали прекраснѣйшія женщины Ассиріи, приглашенныя на пиршество. Шествіе замыкалось копьеносцами царской стражи, въ вооруженіи изъ чеканнаго золота, въ мантияхъ, украшенныхъ царскимъ гербомъ, съ коротко подстриженными и завитыми бородами, согласно строгому воинскому обычаю.

Когда звучные голоса пѣвцовъ заплѣли торжественнымъ хоромъ послѣднюю строфу гимна, царь достигъ уже открытаго пространства внизу лѣстницы; онъ натянулъ поводья и, ожидая окончанія, неподвижно сидѣлъ на конѣ. Какъ сплывающія волосья нагибаются подъ напоромъ вѣтра, такъ и царская свита обернулась къ монарху и пала ницъ въ ту самую минуту, какъ звуки музыки умолкли по мановенію верховнаго жреца. Вельможи, жрецы, пѣвцы и копьеносцы склонились всѣ разомъ и распростерлись на землѣ; носилки опустили носилки и тоже поверглись въ прахъ предъ царемъ и каждая изъ этихъ прекрасныхъ женщинъ преклонила колѣна въ носилкахъ и закутала себѣ голову покрываломъ.

Одинъ только царь сидѣлъ прямо и неподвижно на своемъ конѣ, посреди распростертой передъ нимъ толпы. Свѣтъ, лившійся изъ залы, причудливо отражался на его лицѣ, дѣлая еще презрительнѣе насмѣшливую улыбку на его блѣдныхъ губахъ и накладывая еще болѣе мрачную тѣнь на его опущенные глаза.

Нѣсколько секундъ молчаніе ничѣмъ не нарушалось, и легкій вечерній вѣтерокъ приносилъ царю изъ садовъ сладкое благоуханіе розъ, точно и земля хотѣла воскурить передъ нимъ ошміамъ поклоненія и признать его грозную власть.

Затѣмъ свита поднялась и разступилась по обѣ стороны, и царь подѣхалъ къ лѣстницѣ, слѣзъ съ коня и направился въ залу пиршества; за нимъ послѣдовалъ верховный жрецъ и всѣ князья и вельможи и знатныя женщины Вавилона, во всей своей красѣ и великолѣпіи, взошли по мраморнымъ ступенямъ, и вся эта толпа устремилась широкимъ потокомъ къ безконечнымъ рядамъ столовъ отъ дверей и до самаго подножія золотой статуи Навуходносора. И тотчасъ же изъ-подъ колоннадъ снова полились нѣжныя звуки музыки, наполняя собою воздухъ; служители засуетились вокругъ столовъ, позади каждаго гостя сталъ черный невольникъ съ опахаломъ изъ пальмовыхъ листьевъ, и пиръ начался.

Это былъ роскошный пиръ; сердца царедворцевъ все больше и больше предавались веселью, а темные глаза ассирійскихъ женщинъ метали взгляды болѣе сладкіе, чѣмъ всѣ сладкія яства Египта, болѣе властные надъ душой мужчины, чѣмъ крѣпкія вина

юга. Даже сумрачный царь, со впалыми глазами, съ лицомъ, истощеннымъ чрезмѣрными наслажденіями, даже онъ улыбался и смѣялся, — правда, сначала довольно угрюмо, но все веселѣе и безпечнѣе съ каждымъ глоткомъ вина. Его дрожащая рука дѣлалась тверже по мѣрѣ того, какъ вино возвращало ему утраченную силу, и не разъ принимался онъ играть черными, какъ смоль, кудрями и тяжелыми серьгами великолѣпной красавицы, сидѣвшей рядомъ съ нимъ. Какое-то слово, сказанное ею, вызвало внезапную мысль въ его отуманенномъ мозгу:

— Вѣдь, нынѣшній день посвященъ празднованію побѣды! — воскликнулъ онъ съ несвойственнымъ ему оживленіемъ, и всѣ смолкли, внимая словамъ царя. — Въ этотъ день мой родитель привезъ въ Вавилонъ всѣ богатства израильтянъ и повелѣлъ ознаменовать его навсегда ежегоднымъ празднествомъ. Принесите мнѣ сосуды изъ храма невѣрныхъ; я хочу пить изъ нихъ въ эту ночь и сдѣлать изъ нихъ возліаніе богу боговъ, Ваалу!

Хранитель сокровищницы предугадалъ желаніе царя и приготовилъ все заранѣе, такъ что съ послѣднимъ звукомъ рѣчей Валтасара въ залу пиршества вошла длинная вереница служителей. Когда они приблизились и остановились предъ лицомъ царя, ихъ бѣлыя одежды и блестящіе сосуды, которые они несли высоко надъ головами, ярко выступили на густомъ ровномъ пурпурѣ противоположной стѣны.

— Раздайте эти сосуды, — воскликнулъ царь, — поставьте предъ каждымъ изъ насъ кубокъ или чашу!

Все было сдѣлано по слову царя. Царскій виночерпій налилъ виномъ громадный кубокъ, который держалъ въ рукѣ царь, и служители поспѣшили наполнить всѣ чаши и болѣе мелкіе сосуды, между тѣмъ какъ князья и вельможи смѣялись надъ причудливою формой сосудовъ и съ алчностью во взорѣ оцѣнивали массивность и художественную чеканку золота и серебра. Такъ передъ каждымъ мужчиной и передъ каждою женщиной было поставлено по священному сосуду изъ іерусалимскаго храма, чтобы пить изъ него вино во славу бога Ваала и царя Валтасара. И когда все было готово, царь взялъ въ обѣ руки свою чашу и поднялся съ мѣста, и весь сонмъ царедворцевъ послѣдовалъ его примѣру; между тѣмъ, ароматный воздухъ огласился могучею мелодіей, а служители начали сыпать цвѣты и опрыскивать столы благовоніями.

А за стѣнами дворца стоялъ ангелъ смерти и точилъ свой мечъ о камни Вавилона. Валтасаръ поднялъ чашу и обратился

съ громкою рѣчью къ князьямъ, вельможамъ и прекраснымъ женщинамъ, окружавшимъ столы въ громадной залѣ.

— Я, царь Валтасаръ, во дворцѣ своихъ предковъ, возливаю и пью это вино во славу великаго, всемогущаго и вѣчнаго бога Ваала, предъ которымъ боги запада, востока, сѣвера и юга ничтожны, какъ песокъ пустыни, уносимый вихремъ, — во славу Ваала, при видѣ котораго бранные кумиры Египта рассыпались въ прахъ и Богъ израильтянъ затрепеталъ и умалился во дни отца моего Навуходносора. И я повелѣваю вамъ, князья и вельможи Вавилона, вамъ и вашимъ женамъ, и вашимъ красавицамъ, тоже возлить и выпить вина въ честь нашего бога Ваала и меня, царя Валтасара.

Съ этими словами онъ повернулся въ сторону и возлигъ нѣсколько капель вина на мраморный полъ, затѣмъ приложилъ чашу къ губамъ, обратившись лицомъ къ сонму своихъ гостей, и сталъ пить. Но въ эту минуту въ залѣ пиршества раздался оглушительный возгласъ:

«Привѣтъ тебѣ, царь, живи во вѣки! Привѣтъ тебѣ, князь Ваала, живи во вѣки! Привѣтъ тебѣ, царь царей, живи во вѣки!»

Долго не смолкала этотъ громкій крикъ, звеня и переливаясь между колоннами и поднимаясь къ толстымъ рѣзнымъ стропиламъ, такъ что самыя стѣны какъ бы заколыхались и задрожали отъ шумной хвалы, возносимой царю.

Валтасаръ медленно осушилъ чашу до дна, внимая съ полузакрытыми глазами этой бурѣ; быть можетъ, и въ эту минуту язвительная усмѣшка, скрытая отъ постороннихъ взоровъ кубкомъ, мелькала на его губахъ. Затѣмъ онъ поставилъ сосудъ на столъ и поднялъ голову. Но въ этотъ самый мигъ онъ пошатнулся, поблѣднѣлъ и чуть не упалъ. Онъ ухватился за свое кресло изъ слоновой кости и стоялъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, такъ что колѣна его ударились одно о другое, а глаза готовы были выступить изъ своихъ орбитъ, и все лицо его измѣнилось и исказилось смертельнымъ страхомъ.

На красной облицовкѣ стѣны, насупротивъ свѣтильника, лившаго свои яркіе лучи на ужасное зрѣлище, двигались персты исполинской руки, чертя какія-то письмена. Только одни эти персты были видны, колоссальные, ослѣпительно-блестящіе, и, по мѣрѣ того, какъ они медленно совершали свое дѣло, на темно-красной поверхности вспыхивали громадные огненные знаки; ихъ летучее, гнѣвное пламя ослѣпляло тѣхъ, кто созерцалъ его, и ужасъ об-

ялъ всю эту тысячную толпу, потому что она стояла предъ лицомъ Того, чья тѣнь есть вѣчность и смерть.

Среди почти есязаемаго безмолвія грозная рука начертала до конца свою вѣсть и исчезла, но неземное пламя все еще ярко горѣло въ ужасныхъ письменахъ, оставшихся на стѣнѣ.

Царь, наконецъ, пришелъ въ себя. Онъ дико вскрикнулъ, повелѣвая собрать всѣхъ астрологовъ, халдеевъ и гадателей, потому что онъ былъ въ великомъ страхѣ и опасался какого-нибудь ужаснаго и неминуемаго бѣдствія.

— Кто прочтетъ эти письма, — воскликнулъ онъ измѣнившимся, разбитымъ голосомъ, — и изяснитъ мнѣ ихъ смыслъ, того я одѣну въ пурпуръ, возложу золотую цѣпь на шею его и поставлю его третьимъ лицомъ во всемъ царствѣ.

Среди безпредѣльнаго смятенія и ужаса, мудрецы были призваны къ царю.

II.

Достигнувъ глубокой старости, Данилъ жилъ въ мидійскомъ городѣ Эббатанѣ. Онъ выстроилъ себѣ тамъ башню за семью стѣнами царской крѣпости, на вершинѣ холма, обращенномъ сѣверною стороною къ горнымъ лѣсамъ, южною — къ равнинѣ, восточною — къ рѣкѣ, а западною — къ горамъ Загроша. Жизнь Данила близилась къ концу: ему было почти сто лѣтъ. Семнадцать лѣтъ миновало съ тѣхъ поръ, какъ онъ истолковалъ роковыя письма на стѣнѣ залы пиршества въ Вавилонскомъ дворцѣ, въ ту ночь, когда Набоннедонъ Валтасаръ былъ убитъ, и Ассирійская монархія погибла навѣки. Неоднократно облакаемый властью и назначаемый правителемъ различныхъ провинцій, Данилъ неустанно работалъ въ царствованіе Кира и Камбиза, и хотя онъ находился на самой послѣдней ступени предѣльнаго человѣческаго возраста, умъ его все еще былъ ясенъ, взоръ пронзателенъ и свѣтелъ попрежнему. Только величественный станъ его согнулся и поступь сдѣлалась медлительнѣй. Онъ жилъ въ сѣверной Эббатанѣ, въ башнѣ, имъ самимъ выстроенной. По срединѣ царскихъ дворцовъ этой крѣпости онъ заложилъ прочный фундаментъ на сѣверъ и на югъ и воздвигъ этажъ за этажомъ, одинъ рядъ колоннъ надъ другимъ, балконъ надъ балкономъ, — все это изъ чернаго мрамора, великолѣпно изваяннаго отъ основанія до верху, такого гладкаго и твердаго, что его полированные углы, края и орнаменты сверкали, какъ черные алмазы среди пламеннаго сіянія полуденнаго солнца, а ночью отражали лучи мѣсяца въ сумрачно-свѣтломъ отблескѣ.

Совсѣмъ внизу, въ роскошныхъ покояхъ, наполнявшихъ собою внутренность крѣпости, жили родственники престарѣлаго пророка и семьи двухъ левитовъ, которые остались съ Даниломъ и предпочли послѣдовать за нимъ въ его новую отчизну, вмѣсто того, чтобы возвратиться въ Иерусалимъ подъ предводительствомъ Зарававеля, когда Биръ издалъ указъ о возобновленіи храма. Здѣсь же, во дворцѣ, жилъ персидскій князь, теперь уже тридцатилѣтній Зороастръ, начальникъ города и крѣпости. А въ совершенно отдѣльномъ флигелѣ дворца, отличавшемся отъ другихъ особою роскошью своихъ садовъ и болѣе пышнымъ убранствомъ, жила, окруженная своими прислужницами и рабынями, Негушта, послѣдній оставшійся въ Мидіи отпрыскъ царя Іоакима; она была прелестнѣе всѣхъ мидійскихъ женщинъ, эта дѣва царской крови и болѣе чѣмъ царственной красоты.

Она родилась въ тотъ годъ, когда былъ разрушенъ Вавилонъ, и Данилъ, покинувъ Ассирію, привезъ ее съ собою въ Сузы, а оттуда въ Экбатану. Взлелѣванная попеченіями родственницъ пророка, дѣвочка росла и хорошѣла въ странѣ чужеземцевъ. Ея мягкіе дѣтскіе глаза утратили постепенно свой недоумѣвающій взглядъ и сдѣлались горделивыми и темными, а длинныя черныя рѣсницы, окаймлявшія тяжелыя вѣки, спускались бахромой на ея щеки, когда она смотрѣла внизъ. Ея черты представляли благородные и почти прямые контуры, но легкая горбинка носа, широкія извилистыя ноздри, полныя, сочныя губы и блѣдно-оливковая кожа, подъ которой бѣжала, волнуясь, горячая кровь, являлись несомнѣнными признаками еврейской расы.

Высокорожденная Негушта была царевной отъ головы до ногъ. Она съ такимъ горделивымъ достоинствомъ умѣла выражать одобреніе или презрѣніе, что предъ простымъ жестомъ ея руки самъ Зороастръ склонялся такъ же покорно, какъ предъ великимъ царемъ во всей его славу. Даже маститый пророкъ, проводившій все время въ своей высокой башнѣ, гдѣ онъ предавался созерцанію другой жизни, на рубежѣ которой уже стоялъ, даже онъ нѣжно улыбался и протягивалъ свои дряхлыя руки, когда на закатѣ солнца въ его комнату входила Негушта въ сопровожденіи своихъ прислужницъ и рабынь. Она была самою младшей изъ всей его родни, — безъ отца и безъ матери, послѣдній остававшійся въ Мидіи прямой отпрыскъ царя Іоакима, — и престарѣлый пророкъ и правитель делѣялъ и любилъ ее какъ за ея красоту и за соединявшія ее съ нимъ родственныя узы, такъ и за ея царственное происхожденіе. Ассиріецъ по воспитанію, персъ по своей приверженности къ династіи

завоевателей и по своей долгой и вѣрной службѣ персамъ, Даниилъ все же остался по своимъ вѣрованіямъ и сердечнымъ симпатіямъ истиннымъ сыномъ Іудей; онъ гордился своимъ племенемъ и съ такою же любовью взиралъ на его молодя вѣтви, какъ еслибъ онъ самъ былъ отцомъ своей страны и царемъ своего народа.

Послѣдній багрянецъ догорающаго дня поблѣднѣлъ и погасъ на западѣ, надъ черными горами Загроша. Противуположный край неба казался холоднымъ и сѣрымъ и вся зеленая равнина подергивалась тусклымъ, мягкимъ цвѣтомъ по мѣрѣ того, какъ на нее спускался сумракъ, дѣлаясь все темнѣе и туманнѣе. Въ дворцовыхъ садахъ птицы запѣли тысячеголоснымъ хоромъ, какъ только восточныя птицы могутъ пѣть при восходѣ солнца и при наступленіи ночи, и голоса ихъ звучали, какъ туго натянутая, но не порванная струна, сидная, нѣжная и высокая.

Негушта бродила одна по широкимъ дорожкамъ. Въ сухомъ, мягкомъ воздухѣ лѣтняго вечера не чувствовалось холода, а потому тонкій тканый пурпурный плащъ свободно висѣлъ у нея на плечахъ. Нѣжныя складки ея туники плотно обхватывали ее до самыхъ колѣнъ и были скрѣплены у талии великолѣпнымъ поясомъ изъ кованаго золота съ жемчугомъ; стройныя руки были со всѣмъ скрыты подъ длинными рукавами, стянутыми у кисти жемчужными застѣжками, и когда она шла, маленькія ножки ея ступали легко въ богато-вышитыхъ сандаляхъ съ золочеными каблучками, подъ складками широкихъ шароваръ съ бѣлымъ и золотымъ шитьемъ. На головѣ ея прямая полотняная тиара ослѣпительной бѣлизны сидѣла горделиво, какъ царская корона; ея складки придерживались одною драгоценною жемчужиной, а изъ-подъ нея роскошныя волосы Негушты спускались ниже талии темными, мягкими волнами.

Одна изъ террасъ была расположена на востокъ отъ садовъ. Медленно, погруженная въ глубокія думы, направила къ ней свои шаги Негушта и, дойдя до гладкой мраморной балюстрады, оперлась на нее, отдыхая своими темными глазами на спокойномъ ландшафтѣ. Вечерній миръ и тишина водворились и въ ея душѣ. Дневныя птицы умоляли предъ надвигающимся мракомъ, и медленно, будто выплывъ изъ равнины, взошла золотая луна и озарила луга и рѣку своимъ таинственнымъ свѣтомъ. И въ тотъ же мигъ издалека, изъ розовыхъ кустовъ въ дворцовыхъ садахъ ароматный вѣтерокъ принесъ первые звуки соловьиной пѣсни, — звуки, которые вздымались и переливались, трепетали и снова замирали, какъ чудное ангельское пѣніе. Легкій воздухъ ласкалъ щеки Негушты,

благоуханіе самшита, мирта и розъ опыляло ее, а когда лучезарный серпъ поднявшейся луны отразился своимъ яркимъ сіяніемъ въ ея мечтательныхъ глазахъ, сердце ея переполнилось и царица Негушта запѣла на языкѣ своего народа старинную пѣсню любви, нѣжный, томный мотивъ которой былъ подобенъ воздуху, вылетающему изъ южной пустыни:

Приди, о мой милый, ко мнѣ среди теплаго сумрака ночи!
Не медли, скорѣе приди, пока ночь еще днемъ не смѣнилась!

Я жду среди мрака тебя, и песокъ, крутясь вихремъ въ пустынь,
Влетаетъ въ шатеръ мой, къ пустынь открытымъ дверямъ своимъ.

Мой слухъ стережетъ среди мрака далекихъ шаговъ приближеніе,
И бодрствуетъ взоръ,—не хочу я, чтобъ спящей засталъ меня милый.

Придетъ и меня озаритъ онъ, какъ свѣтлаго утра сіянье,
Какъ въ чуждой странѣ лучъ востока, предъ путникомъ ярко блеснувшій.

Мой милый придетъ незамѣтно, какъ съ неба роса ниспадаетъ;
Не слышитъ никто, какъ нисходитъ она, освѣжая всю землю.

Въ рукѣ его лиліи,—много цвѣтовъ принесетъ онъ съ собою,—
И чудныя розы вѣнчаютъ чело его, розы Шинара.

Поетъ среди мрака ночной вѣтерокъ сладкозвучную пѣсню,
И воздухъ струитъ ароматы, его красоту возвѣщая.

Ея молодой голосъ замеръ въ тихомъ, ласкающемъ шепотѣ. Но въ то время, какъ Негушта стояла неподвижно у мраморной балюстрады террасы, среди миртовыхъ деревьевъ послышался шорохъ и быстрые шаги раздались на мраморныхъ плитахъ. Смуглая дѣвушка вздрогнула при этомъ звукѣ и счастливая улыбка заиграла на ея губахъ. Красавица не обернулась, а только тихо положила руку на перила, гдѣ должна была ее встрѣтить рука возлюбленнаго. Въ этомъ движеніи сказала вся увѣренность побѣды и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вся нѣжность любви. Персъ быстро подошелъ, положилъ свою руку на руку Негушты и наклонился, чтобы встрѣтиться съ нею взоромъ. Еще минуту она простояла, смотря прямо передъ собой, затѣмъ обернулась и внезапно взглянула ему въ лицо.

— Я не звала тебя, — сказала она, окутывая его своимъ взоромъ среди луннаго сіянія, но дѣлая видъ, будто хочетъ не-

много отступить отъ Зороастра, между тѣмъ какъ онъ старался привлечь ее къ себѣ и рукой, и глазами.

— И, все-таки, я слышалъ, что ты звала меня, дорогая,—отвѣтилъ онъ.—Я слышалъ твой голосъ: ты пѣла нѣжныя слова на своемъ родномъ языкѣ, и я пришелъ, потому что ты звала меня.

— Такъ неужели ты вообразилъ, что эти слова были обращены къ тебѣ? — засмѣялась Негушта.—Я пѣла о пустынѣ, о шатрахъ и о крутящемся пескѣ; вѣдь, здѣсь нѣтъ ничего подобнаго.

— Ты говорила, что твой милый несетъ розы съ собою; ты видишь, въ моихъ рукахъ тоже розы. Я увѣнчаю тебя ими. Ты позволишь мнѣ? Впрочемъ, нѣтъ, я испорчу этия твой головной уборъ. Возьми ихъ и сдѣлай съ ними, что пожелаешь.

— Я возьму ихъ... и... я всегда дѣлаю то, что желаю.

— Такъ пожелай принять въ свою собственность и того, кто принесъ тебѣ розы,—отвѣтилъ Зороастръ, присѣвъ на балюстраду и обвивъ рукой станъ Негушты. Она снова посмотрѣла на него; онъ былъ красивъ собою и, быть можетъ, она еще больше любила его прямыя, спокойныя черты за то, что онъ былъ бѣлокуръ, а не смугль, какъ она сама.

— Я, кажется, уже приняла его,—отвѣтила она.

— Нѣтъ еще, не совсѣмъ,—тихо промолвилъ Зороастръ, и тѣнь печали мелькнула на его благородномъ лицѣ, казавшемся совершенно бѣлымъ при лунномъ свѣтѣ. Негушта нѣжно вздохнула и затѣмъ прижалась щекой къ его плечу, къ тому мѣсту, гдѣ пурпурный плащъ молодаго перса выступалъ густыми, мягкими складками на золотой чешуѣ его брони.

— Мнѣ надо сообщить тебѣ вѣсть, которая удивить тебя, дорогая моя,—сказалъ Зороастръ. Негушта вздрогнула и подняла голову, потому что голосъ его былъ печалень.—Нѣтъ, нѣтъ, не бойся!—продолжалъ онъ,—я надѣюсь, что въ этомъ нѣтъ ничего худаго, но въ государствѣ произошли большія пережвны и предстоятъ еще новыя. Семеро князей убили въ Сузахъ Смердиза, и на мѣсто его избранъ царемъ Дарій, сынъ Гуштаспа, котораго греки называютъ Гистаспомъ.

— Тотъ, что былъ здѣсь въ прошломъ году?—спросила съ живостью Негушта.—Онъ не красивъ, этотъ новый царь.

— Да, не красивъ,—отвѣчалъ персъ,—но онъ храбрый и добрый человекъ. Я долженъ еще сказать тебѣ, что онъ прислалъ мнѣ повелѣніе отправиться въ Сузы...

— Тебѣ?!—воскликнула Негушта. Она поспѣшно положила обѣ руки ему на плечи и посмотрѣла ему въ глаза. Его лицо было освѣщено луною, ея же оставалось во мракѣ, такъ что она могла уловить малѣйшій оттѣнокъ его выраженія. Онъ улыбался.—Ты смѣешься надо мною!—воскликнула она съ негодованіемъ.—Ты издѣваешься надо мною! Ты уѣзжаешь и радуешься этому!

Она хотѣла отойти отъ него, но онъ удержалъ ее за обѣ руки.

— Я уѣзжаю не одинъ,—отвѣтилъ онъ.—Великій царь прислалъ мнѣ приказъ привезти въ Сузы родственниковъ Іоакима, за исключеніемъ Данила, нашего учителя, который слишкомъ старъ, чтобы вынести это путешествіе. Царь хочетъ почитать потомство царя Іудей, и съ этою цѣлью онъ посылаетъ за тобой, высокородная и возлюбленная моя царевна!

Негушта ничего не сказала и задумалась, ея рука выпала изъ руки Зороастра, и взоръ ея мечтательно скользилъ по рѣкѣ, на которой лучи луны, теперь уже совсѣмъ поднявшейся, переливались, какъ на чешуѣ серебрястой змѣи.

— Ты рада, дорогая моя?—спросилъ Зороастръ. Онъ стоялъ спиной къ балюстрадѣ, опираясь на нее лѣвымъ локтемъ, а правая рука его небрежно играла тяжелыми золотыми кистями плаща. Онъ пришелъ изъ крѣпости сообщить вѣсть Негуштѣ и Данилу, какъ былъ, во всѣхъ своихъ доспѣхахъ: на немъ была золоченая броня, полускрытая широкимъ пурпурнымъ плащомъ, у пояса висѣлъ мечъ, а на головѣ возвышался остроконечный шлемъ, богато выложенный золотомъ и украшенный спереди крылатымъ колесомъ, которое властелины Персидской монархіи усвоили себѣ, какъ знакъ своего царскаго достоинства, послѣ завоеванія Ассиріи. Его высокій и стройный станъ, казалось, былъ созданъ природою для того, чтобы сочетать въ себѣ величайшую мощь съ самою изумительною подвижною, и вся фигура его дышала сознаніемъ неутомимой и гибкой силы, изящной упругости вѣчно натянутого стального лука, невыразимой легкости движеній и несравненной быстроты, свойственныхъ людямъ тѣхъ далекихъ временъ, когда міръ былъ юнъ, этой гармонической соразмѣрности, которая одна только и способна придать грацію всему тѣлу и какъ бы превратить самое бездѣйствіе праздности въ нѣчто близкое къ полному движенію. Стоя рядомъ, іудейская царевна и знатный персъ были оба безукоризненно прекрасны и, однакожъ, являлись совершеннымъ контрастомъ другъ другу: семитка и аріецъ,—представительница смуглой расы юга, жившей цѣлыми поколѣніями во время египетскаго рабства подъ знойнымъ дыханіемъ вѣтра пустыни, наложившаго на нее жгучую

печатъ южнаго солнца, и блѣкучій представитель того народа, который проникъ уже въ сѣверныя страны и на черты котораго сѣверъ успѣлъ уже навѣять свою ледяную безмятежность и величественный холодъ непобѣдимой силы.

— Ты рада, дорогая моя?— снова спросилъ Зороастръ, поднявъ голову и положивъ правую руку на плечо царевны. Она все еще не дала отвѣта на его вопросъ, а только мечтательно скользила взоромъ по рѣкѣ.

Затѣмъ она рѣшилась было заговорить, но снова остановилась и послѣ нѣкотораго колебанія отвѣтила на его вопросъ тоже вопросомъ:

— Зороастръ... ты любишь меня?— Она снова умоляла и, когда онъ страстно сжалъ ея руки и прикоснулся къ нимъ губами, она тихо сказала, смотря въ сторону:— Что такое любовь?

Онъ тоже отвѣтилъ не сразу. Выпрямившись во весь свой величественный ростъ, онъ взялъ въ обѣ руки ея головку и прижалъ ее къ груди, затѣмъ, обнявъ одною рукой станъ молодой дѣвушки, онъ обратился лицомъ къ востоку и заговорилъ:

— Слушай, моя возлюбленная! Я, который люблю тебя, я скажу тебѣ, что такое любовь. На далекой зарѣ душевной жизни, въ эфирномъ пространствѣ тверди небесной, въ туманѣ звѣздной пыли, наши души были оживотворены духомъ Божиимъ, обрѣли другъ друга и соединились. Когда земля еще не существовала для насъ, мы слились уже воедино; когда время еще не существовало для насъ, мы слились уже воедино, и будемъ соединены и тогда, когда время перестанетъ существовать для насъ. Тогда Ахура Мазда *) , премудрый богъ, взялъ обѣ наши души изъ звѣзднаго пространства и послалъ ихъ на землю, заключивъ ихъ на время въ брѣнные тѣла. Но оба мы знаемъ, что мы были вмѣстѣ отъ начала, хотя эта земная оболочка помрачаетъ наши безсмертныя очи, и мы не такъ ясно видимъ другъ друга. Однако, любовь наша отъ этого не уменьшилась,—наоборотъ, она съ каждымъ днемъ кажется намъ сильнѣе, потому что тѣла наши могутъ чувствовать радость и горе, какъ и наши души. Я ощущаю въ себѣ способность страдать за тебя и радуюсь этому, и хотѣлъ бы, чтобъ мнѣ было предназначено положить жизнь за тебя, чтобы ты знала, какъ глубоко я люблю тебя, потому что ты часто сомнѣваешься во мнѣ, а порой сомнѣваешься и въ самой себѣ. Въ любви не должно быть сомнѣній. Любовь была отъ начала и будетъ длиться до конца и даже за предѣлами конца. Лю-

*) *Ахура Мазда*—то же, что *Ормуздъ*. Прим. перев.

Бовь есть нѣчто столь вѣчное, столь великое и цѣльное, что наша бренная жизнь есть лишь неуловимое мгновение, минутная остановка среди пути, совершаемаго нами изъ одного звѣзднаго міра въ другой по безконечнымъ стезямъ небесной славы, въ которую мы вступили вмѣстѣ, — она ничто, эта земная жизнь наша. Прежде чѣмъ мы успѣемъ насладиться нашею любовью, эта земля, на которой мы стоимъ, все, къ чему мы прикасаемся, эти тѣла наши, представляющіяся намъ такими сильными и прекрасными, — все это будетъ предано забвенію и распадется на свои элементы въ безслѣдной и неизвѣданной безднѣ угасшаго человѣчества, тогда какъ сами мы останемся вѣчно молоды, вѣчно прекрасны и вѣчно будемъ жить въ нашей безсмертной любви.

Негушта подняла на возлюбленнаго недоумѣвающій взоръ, затѣмъ опустила голову на его плечо. Смѣлый полетъ его мыслей, казалось, постоянно стремился вознестись на самое небо, стараясь увлечь и ее въ какую-то чудную область таинственной красоты и непостижимой духовной жизни. Ею овладѣлъ благоговѣйный ужасъ, потомъ она тоже заговорила такъ, какъ внушала ей ея природа:

— Я люблю жизнь, — сказала она. — Я люблю тебя, потому что ты живешь, а не потому, что ты духъ, прикованный на время къ этому міру. Я люблю эту милую мягкую землю, люблю ея зарю и сумракъ, я люблю солнце и при восходѣ его, и при закатѣ, люблю луну и въ полнолуніе, и на ущербѣ; я люблю благоуханіе самшита, мирта, розъ и фіалокъ; я люблю лучезарный свѣтъ дня, и жаркій зной его, и прохладу, пѣніе птицъ, населяющихъ воздухъ, и пѣснь землепанца въ полѣ, стрекотанье стрекозы и мягкое жужжаніе пчелы; я люблю блескъ золота и великолѣпіе дорогаго пурпура, топотъ коней твоей пышной стражи и звонъ ея трубъ, когда раннимъ утромъ она проходитъ по мраморнымъ площадкамъ дворца. Я люблю ночной мракъ за его нѣгу, пѣснь соловья въ прозрачную лунную ночь, шелестъ вѣтерка въ рововыхъ кустахъ и аромат дремлющихъ цвѣтовъ въ моемъ саду; я люблю даже крикъ совы, раздающійся съ башни пророка, и мягкій, тяжелый звукъ крыльевъ летучей мыши, когда она проносится мимо рѣшетки моего окна. Все, все это люблю я, потому что вся земля богата и молода, такъ пріятно ощущать ее, такъ сладко жить на ней! И тебя я люблю за то, что ты прекраснѣйшій изъ всѣхъ мужей, самый добрый, сильный и храбрый, и за то, что ты любишь меня и никого другаго не допустишь любить меня, еслибъ даже тебѣ пришлось умереть ради этого. Ахъ, мой возлюбленный, я желала бы обладать всѣми слад-

ними голосами земли, всѣми звучными языками неба, чтобы сказать тебѣ, какъ сильно я люблю тебя!

— Что можетъ быть сладостнѣе и краснорѣчивѣе твоихъ словъ, моя царица?—сказалъ Зороастръ.—Тебѣ нечего желать болѣе сладкаго голоса, болѣе звучнаго языка. Каждый изъ насъ любитъ по своему, твоя любовь и моя должны несомнѣнно образовать совершенное цѣлое. Не правда ли? О запечатлѣй это еще разъ, и еще разъ. «Любовь сильнѣе смерти»,—говорить вашъ проповѣдникъ.

— И онъ же говоритъ, что «ревность жестока, какъ могила»,—прибавила Негушта, и глаза ея сверкнули огнемъ въ тотъ мигъ, какъ уста ея встрѣтились съ устами Зороастра.—Ты никогда не долженъ возбуждать во мнѣ ревности, Зороастръ, никогда, никогда! Я могу быть такою жестокой... Ты и представить себѣ не въ состояннн, какую жестокой я могу быть!

Зороастръ засмѣялся глубокимъ, радостнымъ, звонкимъ смѣхомъ, всколыхнувшимъ тишину лунной ночи.

— Клянусь Набономъ и Вааломъ, тебѣ нѣтъ причины ревновать,—сказалъ онъ.

— Не клянись своими ложными богами!—засмѣялась Негушта.—Ты не знаешь, какой бездѣлицы достаточно для того, чтобы во мнѣ проснулось это чувство.

— Ты и такой бездѣлицы отъ меня не увидишь,—отвѣтилъ персь.—Что же касается ложныхъ боговъ, то въ наши дни и они годятся для клятвы. Но я готовъ поглядѣться къмъ или чъмъ тебѣ угодно!

— Лучше совсѣмъ не клянись, а то ты опять скажешь, что клятву надо закрѣпить,—возразила Негушта, закутавшись въ плащъ и закрывая имъ до половины свое лицо.—Скажи мнѣ, когда мы отправимся въ путь? Мы много говорили, но сказали мало, какъ и всегда. Отправимся мы немедленно или же должны ждать новаго приказанія? Прочно ли сидитъ Дарій на своемъ престолѣ? Кто будетъ нервнымъ лицомъ при дворѣ? Вѣроятно, одинъ изъ семи князей или, быть можетъ, престарѣлый отецъ царя? Говори, знаешь ли ты что-нибудь о всѣхъ этихъ перемѣнахъ? Почему не сказалъ ты мнѣ раньше ни слова о томъ, что должно было случиться, ты, который облеченъ такою высокою властью и которому все извѣстно?

— Твои вопросы оботупили меня, какъ налетаютъ голуби на дѣвушку, дающую имъ кормъ изъ своихъ рукъ,—сказалъ съ улыбкой Зороастръ,—и я не знаю, съ какаго изъ нихъ начать, чтобы удовлетворить тебѣ. Что касается царя, я знаю, что онъ будетъ великъ и утвердится на престолѣ, потому что онъ успѣлъ уже заво-

евать любовь народа отъ Западнаго моря до дивныхъ восточныхъ горъ. Но, пока не пришла эта вѣсть, князья имѣли, повидимому, намѣреніе подѣлить царство между собою. Мнѣ сдается, что онъ скорѣе выберетъ себѣ другомъ кого-нибудь изъ твоего народа, чѣмъ довѣрится князьямъ. Что же до нашего путешествія, то намъ надо отправиться заблаговременно, иначе царь раньше насъ уѣдетъ изъ Сузь въ Стакаръ на югъ, гдѣ, какъ говорятъ, онъ хочетъ выстроить себѣ дворецъ и провести въ немъ будущую зиму. Такъ приготовься же къ путешествію, моя царевна, постарайся ничего не забыть, чтобъ не терпѣть и временныхъ лишеній ни въ чемъ, что тебѣ можетъ понадобится.

— Я никогда не бываю лишена того, что мнѣ нужно, — сказала Негушта, не то высокомерно, не то шуточно.

— Я тоже, когда я съ тобой, моя возлюбленная! — отвѣтилъ персъ. — Но теперь луна совсѣмъ возшла, и я долженъ идти къ нашему наставнику, пророку, чтобъ сообщить ему полученную вѣсть.

— Такъ скоро? — сказала съ укорижной Негушта и отвернулась отъ него.

— Я желалъ бы, чтобъ мы не знали разлуки хотя бы даже на одинъ часъ, дорогая моя, — отвѣтилъ Зороастръ, нѣжно привлекая ее къ себѣ; но она слегка сопротивлялась и не хотѣла взглянуть на него.

— Прощай, покойной ночи, моя царевна, свѣтъ души моей! — и онъ запечатлѣлъ страстный поцѣлуй на ея смуглой щекѣ. — Покойной ночи!

Онъ быстро пошелъ вдоль террасы.

— Зороастръ! — громко воскликнула Негушта, но не обернулась.

Онъ снова приблизился къ ней. Она обвила руками его шею и поцѣловала его съ какимъ-то отчаяніемъ, потомъ тихо отстранила его отъ себя.

— Иди, мой милый, я только этого хотѣла, — прошептала она, и когда онъ ушелъ, она все еще оставалась у балюстрады, между тѣмъ какъ золотая луна постепенно блѣднѣла, поднимаясь все выше и выше въ небесахъ, а дивная пѣснь соловья переливалась въ тишинѣ ночи, отдаваясь изъ глубины садовъ на высотѣ башенъ долгими, сладкими призывами пламенной любви и мягкими, жалобными, серебристыми звуками печали, смѣшанной съ ликованіемъ.

III.

Въ комнатѣ пророка лучи мѣсяца падали на мраморный полъ; еврейская бронзовая лампада съ семью рожками разли-

вала вокругъ нѣжное и мягкое пламя, настолько сильное, что оно вполне освѣщало свитокъ, развернутый на колѣняхъ старца. Брови Данила были сдвинуты, и морщины на его лицѣ казались еще глубже отъ отбѣнявшаго ихъ свѣта. Онъ сидѣлъ, опираясь на подушки и закутавшись въ свой широкій пурпурный плащъ, густо опушенный мѣхомъ и стянутый у самой его бороды, потому что земной путь пророка свершился и жизненная теплота уже покидала его тѣло.

Зороастръ приподнялъ тяжелую козовую занавѣсь, висѣвшую надъ низкою квадратною дверью, вошелъ и преклонился предъ наставникомъ своей юности и другомъ своихъ зрѣлыхъ лѣтъ. Пророкъ зорко взглянулъ на него, и что-то похожее на улыбку мелькнуло въ его суровыхъ чертахъ, когда глаза его остановились на молодомъ воинѣ въ великолѣпныхъ доспѣхахъ. Зороастръ держалъ шлемъ въ рукѣ, и свѣтлые волосы окружали его лицо, словно сіяніемъ, ниспадая до плечъ и сливаясь съ шелковистою бородой, спускавшейся на латы. Его темно-синіе глаза безстрашно встрѣтили взоръ учителя.

— Привѣтъ тебѣ, живи во-вѣки, избранникъ Божій!—сказалъ онъ ему.—Я принесъ необычайно-важныя вѣсти. Если тебѣ угодно, я теперь же сообщу ихъ тебѣ, если же нѣтъ, я приду въ другое время.

— Сядь по правую руку мою, Зороастръ, и скажи мнѣ то, что имѣешь сказать. Развѣ ты не возлюбленный сынъ мой, ниспосланный мнѣ Господомъ въ утѣшеніе моей старости?

— Я служитель твой и служитель твоего дома, отецъ мой,—отвѣтилъ Зороастръ, садясь на рѣзной стулъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ пророка.

— Говори, сынъ мой, съ какими вѣстями пришелъ ты.

— Изъ Сузы прибылъ гонецъ съ письмами и вѣстями. Семеро князей умертвили Смердиза въ его дворцѣ и избрали царемъ Дарія, сына Гуштаспа.

— Хвала Господу, избравшему справедливаго человѣка!—набожно воскликнулъ пророкъ.—Такимъ образомъ, зло породить добро и кровопролитіе приведетъ къ спасенію.

— Да будетъ по слову твоему, учитель!—отвѣчалъ Зороастръ.—Кромѣ того, пишутъ, что Дарій,—да продлятся дни его во вѣки,—прочно утвердится на престолѣ мидянъ и персовъ. Я получилъ письма, написанныя рукой того же гонца и скрѣпленные печатью великаго царя, въ которыхъ мнѣ дается повелѣніе немедленно привезти въ Сузы родственниковъ Іоакима, бывшего царя Іудей,

такъ какъ царь хочетъ оказать имъ подобающія почести; но какіе собственно почести онъ намѣренъ оказать имъ, этого я не знаю.

— Что ты говоришь?!—спросилъ Даниилъ, внезапно поднявшись съ подушекъ и устремивъ свои темные глаза на Зороастра.— Неужели царь отниметь у меня дѣтей, улаждающихъ мою старость? Развѣ ты не сынъ мой? И развѣ Негушта не дочь моя? Остальные пусть идутъ, это мнѣ все равно. Но, вѣдь, Негушта—зѣница моего ока! Она чудный цвѣтокъ, разцвѣтшій въ пустынь моей жизни! Что такое задумалъ царь сдѣлать со мной? Зачѣмъ хочетъ онъ отнять ее у меня?

— Пусть господинъ мой не смущается!—сказалъ горячо Зороастръ, тронутый внезапною скорбью пророка.— Это только на нѣкоторое время, на нѣсколько недѣль. Твои родственники снова вернутся къ тебѣ и я вѣстѣ съ ними.

— На нѣкоторое время, на нѣсколько недѣль! Что значить для тебя «нѣкоторое время», дитя, или какая-нибудь недѣля? Но я старъ и обремененъ годами. Если ты возьмешь у меня мою дочь Негушту, то, быть можетъ, я не успѣю уже снова увидеть ни ея лица, ни твоего, передъ тѣмъ какъ уйду отсюда безвозвратно. Ты молодежь, мнѣ же почти минуло сто лѣтъ.

— Однако, если такова воля великаго царя, я долженъ исполнить ее,—отвѣтилъ Зороастръ,—но я глянусь твоею головой и своею, что съ молодою царевной не приключится ничего худаго, а если бы съ ней случилось что-нибудь недоброе, то пусть и меня постигнетъ такое же и даже худшее бѣдствіе! Видишь, я поклялся; пусть же господинъ мой больше не смущается!

Но пророкъ склонилъ голову и закрылъ лицо руками. Престарѣлый и бездѣтный, онъ смотрѣлъ на Зороастра и Негушту, какъ на дѣтей своихъ, и любилъ ихъ всею своею душой. Притомъ же, онъ хорошо зналъ персидскій дворъ; онъ зналъ, что разъ они попадутъ въ вихрь и водоворотъ его жизни, полной волненій и козней, то не вернуться уже въ Экбатану, а если и вернуться, то совсѣмъ уже не тѣми, какими вышли изъ нея. Онъ чувствовалъ горькую печаль и обиду при одной мысли о разлукѣ съ ними, и въ возвышенной простотѣ своего величія не стыдился лить о нихъ слезы. Самъ Зороастръ, въ горделивомъ разцвѣтѣ своей молодости, глубоко страдалъ, видя себя вынужденнымъ погнунуть мудраго пророка, въ теченіе тридцати лѣтъ замѣнявшаго ему отца. Ему только разъ въ своей жизни, во время войнъ Камбиза, пришлось разстаться на нѣсколько мѣсяцевъ съ Даниломъ. Двадцати шести лѣтъ онъ

былъ назначенъ на высокій постъ начальника Экбатанской крѣпости и съ тѣхъ перъ наслаждался самымъ близкимъ общеніемъ съ своимъ учителемъ.

Зороастръ былъ воиномъ въ силу обстоятельствъ и легко, свободно носилъ свое пышное вооруженіе, но было два предмета, стоявшіе въ его глазахъ гораздо выше и совершенно затмѣвавшіе для него всю важность его военного поприща.

Съ самой ранней юности онъ былъ питомцемъ Даниила, вдохновившаго его своею любовью къ таинственной наукѣ, которой пророкъ былъ такъ много обязанъ своимъ необычайнымъ успѣхомъ на службѣ ассирійскихъ и персидскихъ монарховъ. Поэтический умъ отрока, укрѣпленный и развитый изученіемъ искусства разсужденія и глубокими математическими свѣдѣніями халдейскихъ астрономовъ, легко овладѣвалъ самыми высокими предметами и обнаруживалъ съ самаго начала воспримчивость и ясность, приводившія въ восторгъ его учителя. Достигнуть посредствомъ строгой аскетической жизни созерцательнаго усвоенія знанія, пониманія естественныхъ законовъ, неуловимыхъ для однихъ вѣдшихъ чувствъ, и слиянія души и высшаго разума въ одной универсальной и божественной сущности, вотъ какія задачи ставилъ Даниилъ своему ревностному ученику. Благородный юноша по самой природѣ своей презиралъ чувственныя наслажденія и неустанно стремился къ осуществленію идеала, въ которомъ высокая мудрость, царившая надъ землею, должна была направлять высокую отвагу къ совершенію великихъ подвиговъ на землѣ.

Годъ за годомъ жилъ юный персъ въ пышной обстановкѣ двора, отличаемый передъ всѣми своими сверстниками за свою храбрость, неустрашимую честность, за свою чудную красоту и глубокое пониманіе всего, что относилось къ кругу его дѣятельности, но больше всего, пожалуй, выдѣлялся онъ изъ ихъ среды тѣмъ, что не искалъ общества женщинъ и никогда не любилъ ни одной женщины. Онъ былъ любимцемъ Бира, и даже Камбизъ, погрязшій въ гнусныхъ порокахъ и окруженный льстецами и жрецами-магами, призналъ исключительныя достоинства и дарованія молодого князя и, подозрѣвая уже въ то время замыслы своего брата Смердиза овладѣть трономъ, возвелъ Зороастра въ званіе правителя Экбатаны, давъ вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшеніе Даниилу построить высокую башню въ этой старинной крѣпости. Развращенный царь понималъ, быть можетъ, что присутствіе такихъ людей, какъ Даниилъ и Зороастръ, важнѣе въ какой-нибудь отдаленной провинціи, гдѣ справедливость и кротость могли ока-

зять хорошее дѣйствіе на населеніе, чѣмъ въ его непосредственной близости, гдѣ чистота и воздержность ихъ жизни представляли слишкомъ рѣзкую противоположность унижительному зрѣлищу его пороковъ, которое онъ являлъ передъ дворомъ.

Здѣсь, въ великолѣпномъ уединеніи царскаго дворца, пророкъ отдался всецѣло созерцанію предметовъ, занимавшихъ въ теченіе всей жизни его досугъ, а въ свободные часы, оставшіеся у Зороастра отъ исполненія его обязанностей, Данилъ старался довести умъ воина-философа до совершенной и конечной степени развитія. Проводя все свое время въ башнѣ, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ промежутковъ, когда онъ приказывалъ снести себя въ садъ, пророкъ почти не зналъ, что дѣлается въ нижнихъ покояхъ дворца, а потому удивлялся порою, видя, что вниманіе его ученика отвлечено чѣмъ-то постороннимъ и что въ рѣчахъ своихъ онъ начинаетъ проявлять болѣе живой интересъ къ своему будущему и къ переменамъ, могущимъ произойти въ его дальнѣйшей судьбѣ.

Дѣло въ томъ, что новый элементъ вступилъ въ ходъ мыслей Зороастра. Изъ году въ годъ слѣдилъ онъ за тѣмъ, какъ росла прелестная малютка Негушта. Двадцатилѣтнимъ юношей онъ качалъ ее на своихъ колѣняхъ, позднѣе училъ ее и игралъ съ нею, и на его глазахъ дитя превратилось въ стройную дѣвушку, гордую и величественную въ своемъ обращеніи, царившую надъ подругами своихъ игръ такъ, какъ молодая львица могла бы управлять стадомъ болѣе смиренныхъ животныхъ. Наконецъ, шестнадцатый годъ ея жизни принесъ ей ранній разцвѣтъ южной женственности, и Зороастръ, рѣзвясь съ ней въ чудный лѣтній день среди розовыхъ кустовъ, почувствовалъ вдругъ, какъ сердце его трепещетъ и замираетъ, какъ щеки его то вспыхиваютъ, то холодѣютъ отъ звука голоса Негушты, отъ прикосновенія ея нѣжной руки.

Онъ, такъ хорошо знавшій людей, такъ долго жившій при дворѣ и хладнокровно изучавшій каждую ступень человѣческой природы, тамъ, гдѣ эта разнузданная человѣческая природа вѣчно управляетъ минутой, онъ понялъ, какое чувство овладѣло имъ, и при этомъ ощутилъ острый ударъ, пронзившій его насквозь, парализировавшій и тѣло, и сердце, и душу, и обратившій въ ничто его гордыню. Цѣлыми днями бродилъ онъ одиноко подъ пиніями и рододендронами, сокрушаясь о могучемъ зданіи философіи, которое онъ себѣ воздвигнулъ, порога котораго ни одна женщина никогда не должна была переступить и которое въ одинъ день рука женщины и взоръ женщины разбили въ дребезги. Ему казалось, что вся жизнь его загублена и уничтожена, что онъ сдѣлался точь въ

точь такимъ же, какъ и всѣ другіе, что его доля—любить и терзаться сердцемъ изъ-за ласковаго слова дѣвушки. Онъ не хотѣлъ больше встрѣчаться съ смуглолицею царевной, но разъ вечеромъ, когда онъ стоялъ одинъ на садовой террасѣ, Негушта подошла къ нему, и они взглянули въ глаза другъ другу, увидали въ нихъ новый свѣтъ, и съ этого дня такъ страстно полюбили другъ друга, какъ могли любить только непорочныя дѣти Богомъ избранныхъ народовъ. Но ни онъ, ни она не осмѣлились сказать пророку или дать понять кому-нибудь во дворцѣ, что они обмѣнялись влѣтвами любви въ тотъ вечеръ, когда встрѣтились на озаренной луной террасѣ, за миртовыми деревьями. Они инстинктивно боялись, что вѣсть объ ихъ любви и о томъ, что взлелѣянный Даниломъ философъ готовится покинуть пути мистическаго ученія, чтобы снизойти до уровня простыхъ смертныхъ, вступивъ въ супружество, подниметъ цѣлую бурю гнѣва въ груди учителя, и Зороастръ угадывалъ, какъ мучительна будетъ для истиннаго сына Израиля мысль о бракѣ дочери его народа и іудейской царевны съ человѣкомъ, который, несмотря на свое знатное происхожденіе, несмотря на всю свою честность и мудрость, былъ все же чужеземцемъ и невѣрующимъ. Отдавшись сердцемъ и душою изученію философій Даниила и знаній, приобрѣтенныхъ этимъ послѣднимъ у халдеевъ, Зороастръ, тѣмъ не менѣе, твердо сохранялъ свой независимый образъ мыслей. Онъ не былъ служителемъ израильскаго Бога и никогда бы не сдѣлался таковымъ, но, въ то же время, не былъ ни идолопоклонникомъ, ни магомъ, ни послѣдователемъ Гоматы, полуиндійскаго брамина, пытавшагося выдать себя за Смердиза, сына царя Бира.

Какой-нибудь одной изъ этихъ причинъ было бы уже достаточно, чтобы вызвать серьезныя препятствія къ браку Зороастра съ Негуштой. Въсѣтъ же онъ казались непреодолимыми. Среди смуть и анархіи, господствовавшихъ въ теченіе семимѣсячнаго царствованія Лжесмердиза, для Зороастра было бы безуміемъ жениться, ожидая повышенія и поощренія на своемъ поприщѣ отъ милостей жалкаго самозванца. Съ другой стороны, и Негушта не могла выйти замужъ и сохранить положеніе іудейской царевны безъ согласія Даниила, своего опекуна, вліяніе котораго въ Мидіи не имѣло предѣловъ и было весьма значительно при дворѣ. Все это побуждало Зороастра скрывать свою страсть, насколько у него хватало силъ, и возлагать свои надежды на то, что въ будущемъ событія могутъ сложиться въ пользу исполненія его завѣтнаго желанія. Тѣмъ временемъ онъ и царевна ежедневно видались

публично, а постъ начальника крѣпости давалъ Зороастру возможность часто встрѣчать Негушту въ уединеніи садовъ, тщательно охранявшихся и предоставленныхъ въ исключительное пользование Негушты и ея штата.

Но теперь, когда наступилъ моментъ, долженствовавшій, по видимому, произвести перемѣну въ судьбѣ влюбленныхъ, оба они чувствовали какое-то стѣсненіе. При свиданіи они лишь слегка коснулись вопроса о путешествіи. Негушта была такъ поражена и восхищена мыслью, что снова увидитъ великолѣпіе дворца въ Сузахъ, столь памятное ей еще со времени ея дѣтства, что боялась показать Зороастру, до какой степени она рада покинуть Экбатану, которая, безъ него, была бы для нея немногимъ лучше тюрьмы. Онъ же, предвидя, какъ ему казалось, немедленное устраненіе всякихъ препятствій и отстрочекъ, благодаря благосклонному отношенію къ нему Дарія, былъ, однакожь, слишкомъ благороденъ и деликатенъ, чтобы сразу открыть Негуштѣ перспективу близкой свадьбы, такъ живо рисовавшуюся въ его собственной фантазіи. Но не меньшее смущеніе овладѣло его сердцемъ, когда онъ очутился лицомъ къ лицу со скорбью маститаго пророка о предстоящей разлукѣ съ приемною дочерью, и впервые въ своей жизни почувствовалъ онъ себя виноватымъ передъ своимъ учителемъ, сознавая, что Даніилъ почти такъ же глубоко огорченъ его отъѣздомъ, какъ и отъѣздомъ Негушты. Онъ испыталъ то, что такъ часто приходится чувствовать людямъ холоднаго и равнаго темперамента, когда судьба ставитъ ихъ въ близкое соприкосновеніе съ болѣе впечатлительными и любящими натурами: его угнетало сознание, что онъ занимаетъ гораздо больше мѣста въ сердцѣ и помыслахъ своего престарѣлаго наставника, чѣмъ можетъ когда-либо удѣлить ему въ свою очередь, и что, слѣдовательно, онъ неблагодаренъ; и рѣшеніе, извѣстное ему одному—жениться на царевнѣ, вопреки волѣ пророка и при содѣйствіи царя, дѣлало еще тягостнѣе его душевную пытку.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе; наконецъ, старецъ внезапно поднялъ голову и откинулся на подушки, устремивъ взоръ на своего ученика.

— Развѣ ты не чувствуешь горести и сожалѣнія?—печально спросилъ онъ.

— Нѣтъ, мой господинъ несправедливъ ко мнѣ,—отвѣтилъ Зороастръ и въ замѣшательствѣ сдвинулъ брови.—Я былъ бы неблагодаренъ, еслибъ могъ съ легкимъ сердцемъ разстаться съ тобой, хотя бы на одинъ только день. Но пусть господинъ мой утѣ-

чится: эта разлука не будетъ продолжительна. Не успѣють стада спуститься съ Загроша, чтобъ укрыться здѣсь отъ зимнихъ холодовъ, какъ мы уже снова будемъ съ тобою.

— Поклянись же мнѣ, что вернешься до наступленія зимы, — настаивалъ пророкъ съ оттѣнкомъ презрѣнія въ голосѣ.

— Я не могу поклясться, — отвѣчалъ Зороастръ. — Ты видишь, я во власти великаго царя. Я не могу поклясться.

— Скажи лучше, что ты въ десницѣ Господа, и что поэтому ты и не можешь поклясться. Ибо я говорю тебѣ, ты не вернешься, и я не увижу больше лица твоего. Наступитъ зима и легкокрылыя птицы улетятъ на югъ, а я останусь одинъ въ странѣ снѣговъ и морозовъ. И наступитъ весна, а я все еще буду одинъ, хотя время мое будетъ близко, потому что ты не вернешься сюда, и не вернется моя дочь Негушта, и никто изъ моихъ родныхъ. И, вотъ, я сойду въ могилу совсѣмъ одинѣй.

Желтый свѣтъ висячей лампы озарялъ сверху глаза старца, торѣвшіе тусклымъ огнемъ; черты лица его вытянулись и исказились, и всѣ морщины и борозды, проведенныя превратностями его столѣтней жизни, выступили теперь — мрачныя, суровыя и грозныя. Зороастръ содрогнулся, взглянувъ на него; онъ хотѣлъ было заговорить, но благоговѣйный страхъ сковалъ его уста.

— Иди, сынъ мой! — торжественно воскликнулъ пророкъ и съ этими словами онъ медленно приподнялся съ подушекъ и сѣлъ прямо и неподвижно, протянувъ свои блѣдныя старческія руки въ сторону молодого воина. — Иди и дѣлай свое дѣло, ибо ты въ десницѣ Господней, и инныя дѣла твои будутъ вести къ добру, инныя — къ погибели. Ибо ты уклонился съ непорочной стези, ведущей къ звѣздамъ, ты упалъ съ лѣстницы, по которой ангелы восходятъ и нисходятъ на землю, и сталъ искать переходящей женскою любви. И нѣкоторое время ты будешь заблуждаться, и нѣкоторое время будешь много страдать, и снова пройдетъ нѣкоторое время и ты погубишь себя своими собственными мечтаніями, потому что не сумѣлъ отличить тьмы отъ свѣта и добра отъ зла. Женщина совратитъ тебя съ прямого пути и, уходя отъ женщины, ты возвратишься на него, и, все-таки, погибнешь. Но такъ какъ добро не чуждо сердцу твоему, то оно сохранится, какъ и имя твое, въ цѣломъ ряду поколѣній, и хотя зло, владѣющее тобой, погубитъ тебя, но, въ концѣ-концовъ, твоя душа будетъ, все-таки, жить.

Зороастръ закрылъ лицо руками, подавленный величіемъ могучаго пророка и потрясенный роковымъ смысломъ его рѣчей.

— Возстань и иди, ибо десница Господня на тебѣ, и никто не

можеть воспрепятствовать дѣламъ твоимъ. Ты будешь взирать на солнце и радоваться, и снова взглянешь на него, и дневной свѣтъ покажется тебѣ мракомъ. Ты будешь хвалиться въ сознаниіи своей силы и въ блескѣ своихъ доспѣховъ, что нѣтъ человѣка, подобнаго тебѣ, и затѣмъ отвергнешь славу свою и скажешь: «Это тоже суета». Ты снискалъ любовь царя и будешь стоять предъ царицей въ золотыхъ доспѣхахъ и богатой одеждѣ, но конецъ близокъ, потому что рука Господня покоится на тебѣ. Если Господь хочетъ сотворить великія дѣла чрезъ тебя, что мнѣ до того? Иди скорѣй и не отдыхай дорогою, чтобы женщина не соблазнила тебя и ты бы не погибъ. А я, я тоже пойду... не съ тобой, а впереди тебя. И всѣ вы должны послѣдовать за мной, ибо я ухожу. Истинно говорю тебѣ, я вижу уже свѣтъ во тьмѣ міра, и сіяніе небесной славы снизошло на меня, торжественное сіяніе лучезарнаго величія.

Зороастръ взглянулъ на Даниила и въ страхъ и трепетъ упалъ къ его ногамъ, такъ что тяжелый шлемъ его съ шумомъ покатился по мраморному полу. Пророкъ стоялъ выпрямившись, точно исполнскій дубъ, простирая къ небу свои иссохшія руки и окутанный до пояса густою массой своихъ бѣлоснѣжныхъ волосъ и бороды. Лицо его было озарено какимъ-то внутреннимъ чудеснымъ свѣтомъ, а темные глаза, устремленные вверхъ, казалось, воспринимали и поглощали въ себѣ лучезарный блескъ отверстыхъ небесъ. Голосъ его звучалъ теперь со всею мощью юности, и весь его образъ былъ облеченъ величіемъ неземнаго міра. Онъ заговорилъ опять:

— Внимай, голосъ вѣковъ говорить устами моими, и Господь Богъ мой взялъ меня къ себѣ. Дни мои пришли къ концу; я взятъ на небо и не буду больше низринуть. Земля отступаетъ и явилась слава Божія, не имѣющая конца во вѣки. Господь идетъ—скоро придетъ Онъ. Въ десницѣ Его времена, дни и ночи подъ стопами Его. Чины херувимовъ окружаютъ Его и грозныя воинства серафимовъ. Звѣзды небесныя трепещутъ, и звукъ ихъ стеной подобенъ голосу безпредѣльнаго страха. Сводъ неба раздробился, какъ сломанный лукъ, и завѣса неба разодралась, какъ парусъ во время бури. Солнце и луна громко взываютъ, и море издастъ вопли ужаса предъ лицомъ Господа Бога. Народы исчезли, какъ пепель погасшаго пламени, и нѣтъ больше князей земныхъ. Господь сокрушилъ землю и развѣялъ прахъ ея по небу. Звѣзды во всей ихъ силѣ Онъ разбилъ въ дребезги и основанія времени превратилъ въ мелкій песокъ. Ничего не уцѣлѣло отъ нихъ, и голоса ихъ умерли. Смутные призраки виднѣются въ ужасѣ

пустоты. Но съ сѣвера поднимается чудное, лучезарное сіяніе, и дыханіе Господа все животворить собою. Блеснулъ лучъ зари, и снова будутъ времена и лѣта, и существо величія Божія проявляется въ образахъ. Изъ земнагопраха снова создается земля, и изъ лучей Своей славы Онъ сотворитъ новыя звѣзды. Вознеси звуки хвалы все, что существуетъ! Воскликни въ радости съ громкимъ пѣснопѣніемъ! Хвалите Господа, Который есть жизнь и Который даруетъ бытіе всѣмъ тварямъ! Хвалите и славьте Того, Кто поднялся на крыльяхъ небесной зари, Чьимъ дыханіемъ дышутъ звѣзды, Чьимъ сіяніемъ освѣщается небесная твердь! Хвалите Того, Кто повелѣваетъ сферамъ небеснымъ совершать ихъ теченіе, Кто повелѣваетъ цвѣтамъ распускаться весною и мелкимъ полевымъ травамъ издавать ихъ сладкое благоуханіе! Хвалите Его, зима и лѣто, хвалите Его, холодъ и зной! Хвалите Его, свѣтила небесныя, хвалите Его, мужи и жены, населяющіе землю! Хвала, слава и честь Всевышнему Іеговѣ, возсѣдающему на престолѣ Своемъ во вѣки и во вѣки вѣковъ...

Голосъ пророка раздавался съ грозною силой и величавою ясностью, когда онъ произносилъ послѣднія слова. Воздѣвъ руки къ небу, онъ простоялъ еще одну минуту, совсѣмъ неподвижно, съ лицомъ, озареннымъ лучами неземнаго свѣта. Одно мгновеніе простоялъ онъ такъ, затѣмъ отступилъ назадъ и такъ же прямо, съ воздѣтыми къ небу руками, палъ мертвый на устланный подушками полъ.

Зороастръ поднялся, объятый ужасомъ, и устремилъ испуганный взоръ на тѣло своего учителя и друга, неподвижно распростертое подъ желтымъ свѣтомъ лампы. Потомъ онъ снова склонилъ колѣни передъ блѣдною, благородною головой, казавшеюся столь величественной въ смерти. Онъ взялъ въ свои руки руку Даниила и началъ растирать ее, онъ прислушивался къ біенію сердца, переставшаго биться, и старался возбудить въ этомъ тѣлѣ хоть слабый признакъ дыханія, которое доказало бы, что жизнь не совсѣмъ еще оставила его. Но старанія его были тщетны, и тогда, въ верхней комнатѣ башни, молодой воинъ палъ ницъ и зарыдалъ одинъ на одинъ съ великимъ усопшимъ.

IV.

Такъ ночилъ Даниилъ, и семь дней подрядъ женщины, припавъ къ землѣ, оплакивали его, между тѣмъ какъ мужчины бальзамировали тѣло и готовили его къ погребенію. Они обернули его въ тонкое

полотно и возлили на него драгоценныя масла и мази изъ дворцовыхъ хранилищъ. Они окуривали тѣло ладономъ, миррой и амброй, индійскою камедью и смолой персидской сосны и зажигали вокругъ него свѣчи изъ чистаго воска. Всѣ эти семь дней городскіе плакальщики громко сѣтовали, неустанно восхваляя пророка и возглашая днемъ и ночью, что умеръ лучший, достойнѣйшій и величайшій изъ людей.

Такъ бодрствовали они семь дней, плакали и воспѣвали подвиги Даниила. А въ нижнемъ покоѣ башни женщины сидѣли на полу съ Негуштой посерединѣ и предавались великой скорби, облекшись во вретиче въ знакъ печали и посыная пепломъ и голову свою, и землю. Лицо Негушты исхудало и поблѣднѣло за эти дни, губы ея поблѣзли, и длинные волосы ея висѣли въ беспорядкѣ по плечамъ. Многіе мужчины обрили себѣ бороды и ходили босые. Брѣвность и дворцы были полны звуковъ плача и сокрушенія. Евреи, находившіеся въ Эббатанѣ, омлакивали своего вождя, а оба левита сидѣли возлѣ усопшаго и неумолчно читали отрывки изъ писаній. Мидяне омлакивали своего великаго и справедливаго правителя подѣ ассирійскимъ именемъ Балатшужура, впервые даннымъ Даниилу Навуходносоромъ, и ихъ громкія рыданія и сѣтованія доносились изъ города, какъ вопль цѣлаго народа, до слуха обитателей брѣвности и дворца.

На восьмой день торжественно погребли его въ саду, въ гробницѣ, заново выстроенной въ недѣлю плача. Оба левита, одинъ молодой еврей и самъ Зороастръ, всѣ они, одѣтые во вретича и босые, подняли тѣло пророка на носилкахъ и вынесли его на плечахъ по широкой лѣстницѣ башни въ садъ, къ могилѣ. Впереди шли плакальщицы: нѣсколько сотенъ индійскихъ женщинъ, съ растрепанными волосами, раздирали свои одежды, посыпали себѣ пепломъ голову и бросали его на дорогу, по которой шли, плача навзрыдъ и причитая дикимъ голосомъ скорби, потрясая воздухъ своими визглыми криками, пока не подошли къ могилѣ и не окружили ея, между тѣмъ какъ четверо мужей опустили своего учителя въ обширную гробницу изъ чернаго мрамора подѣ тѣнью пиній и рододендроновъ. За плакальщицами слѣдовали свирѣльщики и при звукахъ ихъ пронзительной музыки казалось, что какія-то сверхъестественныя существа присовокупляютъ свои голоса къ общему воплю. По обѣ стороны носилокъ шли женщины, родственницы пророка, Негушта же шла рядомъ съ Зороастромъ, и по временамъ, когда погребальное шествіе дѣлало поворотъ въ миртовыхъ аллеяхъ густаго сада, темныя, отяжелѣвшіе отъ слезъ глаза ея бро-

сали украдкой взоръ на свѣтлокудраго возлюбленнаго. Его лицо было блѣдно, взоръ—сурово устремленъ въ пространство; волосы и золотистая борода его падали въ беспорядкѣ на грубую ткань вретѣща. Но поступь его оставалась тверда, хотя онъ шелъ босой по жесткому песку, и съ той минуты, когда тѣло пророка было вынесено изъ верхней комнаты башни, и до того момента, когда его положили въ гробницу, лицо Зороастра не измѣнилось и ни разу не взглянулъ онъ ни направо, ни налево. И подъ самый коѣнецъ, когда они опустили на полотняныхъ перевязяхъ трупъ своего любимаго учителя въ мѣсто его послѣдняго упокоенія и женщины подошли къ могилѣ съ ящичкомъ нарда, сърой амбры и драгоценныхъ благовоній, Зороастръ долго и пристально смотрѣлъ на обвитую пеленами голову покойника, и слезы катились по его щекамъ, падая на мраморъ гробницы. Затѣмъ онъ безмолвно повернулся и пошелъ мимо разступавшейся передъ нимъ толпы, блѣдный, какъ и самъ Даниэль, не отвѣчая ни на чьи привѣтствія, не глядя даже на Негушту, стоящую около него. Онъ ушелъ, и весь остальной день не показывался никому.

Но вечеромъ, когда солнце уже скрылось, онъ пришелъ на террасу и стоялъ здѣсь, окутанный тьмою, такъ какъ ночь была безлунная. Онъ снова надѣлъ свои доспѣхи и пурпурый плащъ, потому что долгъ службы призывалъ его обойти крѣпость. Онъ стоялъ спиною къ колоннамъ балюстрады и смотрѣлъ по направленію къ миртовымъ деревьямъ: онъ зналъ, что Негушта явится на обычное мѣсто свиданій. Долго пришлось ему ждать, но, наконецъ, онъ услышалъ шаги на усыпанной пескомъ дорожкѣ, услышалъ шелестъ миртовыхъ деревьевъ и различилъ въ сумракѣ бѣлые края одежды подъ темнымъ плащомъ Негушты, быстро подвигавшейся къ террасѣ.

Онъ небыжалъ ей на встрѣчу и хотѣлъ схватить ее въ своихъ объятіяхъ, но она оттолкнула его и медленно пошла къ передней части террасы, отвернувъ отъ него свое лицо. Даже во мглѣ звѣзднаго сіянія Зороастръ могъ видѣть, что она чѣмъ-то оскорблена; какая-то холодная тяжесть сдавила ему грудь, и внезапно застыли просившіяся на уста слова нѣжнаго привѣта.

Зороастръ послѣдовалъ за Негуштой и положилъ ей руку на плечо.

— Моя возлюбленная,—сказалъ онъ, тщетно пытаясь заглянуть въ ея лицо,—неужели сегодня у тебя не найдется для меня ни одного слова?

Она оставалась безмолвна.

— Неужели скорбь заставила тебя позабыть о твоей любви?— шепнулъ онъ ей на ухо.

Она отступила на нѣсколько шаговъ и посмотрѣла на него. Онъ видѣлъ, какъ свергнули ея глаза, когда она заговорила:

— Развѣ твоя собственная скорбь не овладѣла тобой такъ всецѣло сегодня, что ты даже не хотѣлъ смотрѣть на меня?—спросила она. — Въ теченіе всего этого долгаго часа, который мы провели такъ близко другъ отъ друга, подарилъ ли ты мнѣ хоть одинъ только взглядъ? Ты забылъ меня въ своей безпредѣльной печали!— насмѣшливо воскликнула она. — А теперь, когда первый потокъ твоихъ слезъ изсякъ и превратился въ крошечный ручеекъ, ты нашелъ время вспомнить обо мнѣ! Благодарю господина моего за то вниманіе, которымъ онъ удостоиваетъ свою служанку, но... я не нуждаюсь въ немъ... Скажи же, зачѣмъ ты пришелъ?

Зороастръ выпрямился во весь ростъ, горделиво сложилъ руки и, устремивъ глаза на Негушту, отвѣтилъ ей спокойно, хотя голосъ его звучалъ глухо отъ внезапной, мучительной боли. Молодой персъ довольно хорошо зналъ мужчинъ, но мало зналъ женщинъ.

— Есть время для скорби и время для радости, — сказалъ онъ. — Есть время для слезъ и время для взоровъ любви. Я поступилъ такъ потому, что разъ человѣкъ скорбитъ объ усопшемъ и желаетъ выказать свою печаль, чтобы тѣмъ почтить покойнаго, бывшаго для него отцомъ, то не подобаетъ ему имѣть въ головѣ какія-либо постороннія мысли, хотя бы самыя дорогія и самыя близкія его сердцу. Потому-то я и не смотрѣлъ на тебя, когда мы хоронили нашего учителя, и хотя я люблю тебя, и взоры души моей постоянно устремлены на твой ликъ, однако, сегодня глаза мои не глядѣли въ твою сторону и я не видѣлъ тебя. Почему же ты гнѣваешься на меня?

— Я не сержусь, — сказала Негушта, — но я думаю, что ты мало любишь меня, если тебѣ такъ легко отвернуться отъ меня.

Глаза ея были опущены и лицо почти закрыто темною тѣнью. Зороастръ обнялъ ее за шею и привлекъ къ себѣ, и хотя она слегка сопротивлялась, но черезъ минуту голова ея уже лежала на его груди. Тогда она возобновила свою борьбу.

— Нѣтъ, дай мнѣ уйти, ты не любишь меня!—сказала она почти шепотомъ.

Но онъ не выпускалъ ея.

— Нѣтъ, ты не смѣешь уйти, потому что я люблю тебя, — нѣжно отвѣтилъ онъ.

— Не смѣю?—гнѣвно воскликнула она, вырываясь изъ его

объятій; затѣмъ голосъ ея упалъ и въ немъ послышался тихій трепеть.—Скажи лучше, что я не хочу,—прошептала она, обвинивъ руками Зороастра и страстно прижавъ его къ своему сердцу.—О, мой милый, почему ты кажешься всегда такимъ холоднымъ... такимъ холоднымъ... когда я такъ горячо люблю тебя?

— Я не холоденъ,—нѣжно сказалъ онъ,—и я люблю тебя такъ, что слова бессильны это выразить. Помнишь, мы говорили съ тобою, что каждый изъ насъ любить по-своему? Кто скажетъ намъ, чья музыка сладостнѣй, если обѣ онѣ сливаются въ такую величественную гармонию? Только не сомнѣвайся, потому что сомнѣніе подобно каплѣ, которая падаетъ съ кровли на мраморный карнизъ, и этимъ непрерывнымъ паденіемъ производитъ въ камнѣ трещину, которой не сгладитъ цѣлый океанъ.

— Я не буду больше сомнѣваться,—сказала внезапно Негушта,—но... развѣ хотъ иногда ты не можешь любить меня по-моему? Это такъ сладко любить такъ, какъ я люблю.

— Постараюсь,—отвѣтилъ Зороастръ и, наклонившись, поцѣловалъ ее въ губы.

Съ башни раздался далекій, меланхолическій крикъ совы и эхо печально повторило его въ глубинѣ садовъ. Свѣжій сырой вѣтеръ внезапно подулъ съ востока. Легкая дрожь пробѣжала по тѣлу Негушты; она закуталась въ плащъ.

— Пройдемся по террасъ,—сказала она,—сегодня холодно. Вѣдь, это послѣдняя ночь, которую мы проводимъ здѣсь?

— Да. Завтра мы должны отправиться въ путь. Это послѣдняя ночь.

Негушта прижалась къ своему возлюбленному, когда они стали ходить по террасъ, обнявъ другъ друга. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ они шли молча; каждый изъ нихъ вспоминалъ, быть можетъ, о частыхъ свиданіяхъ на этой самой террасъ съ того времени, когда уста ихъ слились въ первомъ поцѣлуѣ любви въ прозрачную лунную ночь мѣсяца Таммуза, слишкомъ годъ тому назадъ. Наконецъ, Негушта заговорила:

— Ты знаешь этого новаго царя?—спросила она.—Я видѣла его только на нѣсколько мгновеній въ прошедшемъ году. Онъ показался мнѣ молодъ, но не красивъ.

— Молодой царь съ головою старца на плечахъ,—отвѣтилъ Зороастръ.—Онъ на годъ моложе меня. Но я не хотѣлъ бы быть на его мѣстѣ и вести тѣ войны, какія приходится вести ему, и, во всякомъ случаѣ, не взялъ бы я себѣ въ жены Атоссу.

— Атоссу?—переспросила Негушта.

— Да. Царь уже женился на ней. Она была женой Камбиза, а также и мага Лжесмердиза, котораго Дарій предалъ смерти.

— Она красива? Видѣла я ее?—спросила поспѣшно Негушта.

— Да, ты, вѣроятно, видѣла ее въ Сузахъ, при дворѣ, прежде чѣмъ мы пріѣхали въ Экбатану. Она только что сдѣлалась тогда женой Камбиза, но, вѣчно отуманенный виномъ и пирами, онъ мало обращалъ на нее вниманія. Впрочемъ, ты была тогда ребенкомъ и проводила большую часть времени съ своими родственницами, такъ что, пожалуй, ты и не видала ее.

— Скажи мнѣ, вѣдь, у нея были голубые глаза и желтые волосы? И злое лицо, такое холодное?

— Да, пожалуй, что и въ самомъ дѣлѣ у нея былъ жесткій взглядъ. Я помню, что глаза у нея были голубые. Она была очень несчастна, потому-то она и рѣшилась оказать содѣйствіе магу. Не она его выдала.

— Ты и тогда жалѣлъ ее, не правда ли?—спросила Негушта.

— Да, она заслуживала состраданія.

— Теперь она отомститъ за плошое. Женщина съ такимъ лицомъ, какъ у нея, должна быть мстительна.

— Тогда она не будетъ больше заслуживать состраданія,—возразилъ Зороастръ съ легкою усмѣшкой.

— Я ненавижу ее,—сказала сквозь зубы царица.

— Ненавидѣшь?... Какъ можешь ты ненавидѣть женщину, которую ты едва видѣла и которая не сдѣлала тебѣ ничего дурного?

— Я увѣрена, что возненавижу ее,—отвѣтила Негушта.— Она вовсе не красива, она только холодна и жестока, съ своимъ бѣлымъ лицомъ. Какъ могъ великій царь поступить такъ безразсудно и жениться на ней?

— Да продлятся дни его во вѣки! Онъ можетъ жениться на комъ ему угодно. Но я прошу тебя, не вздумай черезъ-чуръ ненавидѣть царицу.

— Почему это? Изъ-за чего же мнѣ бояться ея?—спросила Негушта.—Развѣ я не царской крови, какъ и она?

— Это правда,—возразилъ Зороастръ.—Однако, женщины царской крови должны быть такъ же благоразумны, какъ и простые смертные.

— Я не испугалась бы и самого великаго царя, еслибъ ты былъ рядомъ со мною,—гордо сказала Негушта.—Впрочемъ, ради тебя, я готова быть благоразумной. Но только... я увѣрена, что возненавижу ее.

Зороастръ усмѣхнулся про себя, но онъ радъ былъ, что, благодаря темнотѣ, царевна не видитъ его улыбки.

— Пусть будетъ по-твоему, — сказалъ онъ. — Мы скоро узнаемъ, чѣмъ это кончится, потому что завтра же мы должны пуститься въ путь.

— Наше путешествіе протянется три недѣли, не такъ ли? — спросила Негушта.

— Да. Отсюда до Сузъ, по крайней мѣрѣ, полтораста фарсанговъ. Тебѣ было бы трудно проѣзжать больше семи или восьми фарсанговъ въ сутки. Да и всякій нашелъ бы это разстояніе утомительнымъ.

— Вѣдь, мы все время будемъ вмѣстѣ? — спросила царевна.

— Я буду ѣхать возлѣ твоихъ носилокъ, дорогая моя, — сказалъ Зороастръ. — Но этотъ путь покажется тебѣ очень скучнымъ, и ты будешь часто уставать. Мѣстность очень пустынна, и мы должны сами позаботиться объ удобствахъ пути, уѣзжая отсюда. Поэтому не жалѣй муловъ и захвати все, что тебѣ нужно.

— Притомъ же, можетъ быть, мы и не вернемся... — сказала въ раздумѣ Негушта.

Ея спутникъ молчалъ.

— Ты думаешь, что мы вернемся сюда? — спросила она.

— Я мечталъ прежде о возвращеніи, — отвѣтилъ Зороастръ, — но я боюсь, что твои слова сбудутся.

— Но почему же говоришь ты, что боишься? Развѣ не лучше жить при дворѣ, чѣмъ здѣсь, въ этой отдаленной крѣпости, гдѣ мы такъ отрѣзаны отъ остальнаго міра, что можно подумать, будто мы живемъ среди скитовъ?... О, я такъ стремлюсь въ Сузы! Я увѣрена, что теперь царскій дворецъ покажется мнѣ въ десять разъ прекраснѣе, чѣмъ тогда, когда я была ребенкомъ.

Зороастръ вздохнулъ. Въ глубинѣ сердца своего онъ зналъ, что о возвращеніи въ Мидію нечего и думать, а, между тѣмъ, ему мечталось, что онъ женится на царевнѣ, будетъ назначенъ правителемъ этой области и привезетъ свою молодую супругу въ эту прекрасную страну, гдѣ ихъ ожидаетъ долгая, счастливая, безмятежная жизнь. Но онъ зналъ, что этого не будетъ, и какъ ни усиливался онъ отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія, онъ чувствовалъ въ тайникѣ души своей, что предсмертныя слова пророка о его судьбѣ были непреложнымъ предсказаніемъ. Но все же онъ надѣялся, что найдется какой-нибудь исходъ; страсть, владѣвшая его сердцемъ, съ негодованіемъ отвергала мысль, что любовь къ Не-

гуштѣ можетъ заставитьъ его отступить отъ праваго пути и ввергнуть его въ заблужденія.

Суровый вѣтеръ не переставалъ дуть съ востока, принося съ собою холодную влажность, и между деревьями раздавались его печальные стоны. Лѣто не вполне наступило, и отъ времени до времени въ воздухѣ еще чувствовалось дыханіе зимы. Влюбленные разошлись и простились съ дорогими для нихъ мѣстамъ свиданій. Зороастра удручало при этомъ тяжелое предчувствіе чего-то недобраго, Негушта же, нетерпѣливо ожидавшая слѣдующаго дня, была вся полна безумнымъ желаніемъ поскорѣ отправиться въ Сузы.

Что-то въ ея рѣчахъ причиняло непонятную боль Зороастру. Пробудившійся въ ней интересъ къ придворной жизни и къ великому царю, странная, капризная ненависть къ Атоссѣ, повидимому, уже зародившаяся въ ея груди, ея явное желаніе принять участіе въ шумныхъ увеселеніяхъ столицы, наконецъ, и все ея обращеніе тревожили его. Ему казалось совершенно непонятнымъ, что она могла разсердиться на него за его поведеніе на похоронахъ пророка, и онъ готовъ былъ увидѣть въ этомъ желаніи воспользоваться какою-нибудь бездѣлицей, чтобы только помучить его. Онъ почувствовалъ то сомнѣніе, которое никогда не является такъ внезапно и не наноситъ такихъ острыхъ ранъ, какъ когда человѣкъ бываетъ вполне увѣренъ въ самомъ себѣ и въ своемъ положеніи.

Онъ удалился въ свои покои съ тяжелымъ гнетомъ на душѣ, съ незнакомымъ для него предчувствіемъ какого-то злополучія. Все это такъ было непохоже на искреннюю скорбь, которую онъ и теперь еще испытывалъ вслѣдствіе кончины своего учителя и друга. Это несчастіе нисколько не затронуло его отношеній къ Негуштѣ. Но теперь, послѣ того какъ онъ былъ разлученъ съ ней цѣлую недѣлю въ силу требованій погребальнаго обряда и мечталъ о сегодняшнемъ свиданіи, какъ о великой радости послѣ долгой печали, теперь онъ былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ. Негушта притворилась оскорбленной; а, между тѣмъ, разсудокъ говорилъ ему, что онъ поступилъ самымъ естественнымъ и справедливымъ образомъ. Могъ ли онъ, начальникъ крѣпости, человѣкъ, на котораго были устремлены взоры всѣхъ присутствующихъ, могъ ли онъ въ то самое время, когда несъ тѣло пророка, обмѣниваться любовными взглядами или нѣжными словами съ шедшею рядомъ царевной? Это было нелѣпо; она была не вправѣ ожидать чего-нибудь подобнаго.

Тѣмъ не менѣе, онъ подумалъ, что съ завтрашняго дня для него начнется какъ бы новая жизнь. Почти цѣлый мѣсяць проведетъ онъ съ Негуштой: днемъ будетъ ѣхать возлѣ ея носилокъ, въ полдень и вечеромъ будетъ сидѣть за ея столомъ, будетъ охранять ее, заботиться о ней, слѣдить за тѣмъ, чтобъ малѣйшія нужды ея получали немедленное удовлетвореніе. Тысячи разныхъ случайностей дадутъ ему возможность возстановить такъ неожиданно поколебавшуюся вѣжность ихъ отношеній. И, утѣшая себя надеждами на будущее, стараясь не думать о настоящемъ, онъ заснулъ, утомленный тревогами и огорченіями всего этого дня.

Негушта пролежала всю ночь на своихъ шелковыхъ подушкахъ, слѣдя за мелькавшимъ пламенемъ маленькой лампы и за причудливыми тѣнями, которыя она отбрасывала на богато разрисованную рѣзбу потолка. Дѣвушка почти не спала, но и на яву ей грезились золото и блескъ столицы, величіе молодого царя и ослѣпительная, рѣзкая красота Атоссы, которую она уже ненавидѣла или, по крайней мѣрѣ, рѣшила возненавидѣть. Больше всего интересовала ее царь. Она старалась вызвать въ своей памяти его черты и осанку, вновь представить себѣ, какимъ онъ показался ей, когда годъ тому навадъ провелъ одну ночь въ крѣпости. Она припомнила смуглаго мужчину въ цвѣтъ молодости, съ густыми бровями и орлинымъ носомъ; черная, прямая борода обрамляла его энергичныя суровыя черты, которыя могли бы показаться грубыми, еслибъ не ясные глаза его, такъ безстрашно глядѣвшіе всѣмъ въ лицо. Въ ея воспоминаніяхъ онъ рисовался человѣкомъ небольшого роста, плотнаго и могучаго сложенія, съ быстрою и рѣшительною рѣчью, требовавшимъ, чтобъ его понимали съ полуслова, человѣкомъ неутомимаго и бурнаго темперамента, непреклоннымъ и храбрымъ въ исполненіи своихъ намѣреній, совершенно противоположнымъ по внѣшности ея высокому и стройному возлюбленному. Безукоризненная красота Зороастра постоянно очаровывала ея взоры; его мягкій, глубокій голосъ звучалъ вѣжливо и страстно, когда онъ говорилъ съ ней, холодно, спокойно и повелительно, когда онъ обращался къ другимъ. Его движенія были смѣлы, спокойны и рѣшительны; отъ всей его фигуры вѣяло высокою, недостигаемою мудростью и непорочнымъ благородствомъ души; онъ казался богомъ, существомъ изъ иного міра, стоящимъ выше земныхъ страстей и искушеній, которымъ подвержены всѣ смертныя. Негушта гордилась его совершенствомъ и тайнымъ сознаніемъ, что для нея одной онъ былъ просто человѣкомъ, всецѣло отдавшимъ себя во власть любви. Мысль о

томъ, что она любима такимъ человѣкомъ, какъ онъ, наполняя ее торжествующимъ чувствомъ блаженства, и она стала упрекать себя за высказанное ею въ этотъ вечеръ сомнѣніе въ его преданности. Въ сущности, она только пожаловалась на невниманіе, которое, какъ она увѣряла себя, онъ дѣйствительно проявилъ по отношенію къ ней. Она спрашивала себя въ глубинѣ своего сердца, такъ же ли поступили бы на его мѣстѣ и другіе мужчины, или же это холодное равнодушіе къ ея приустройствію въ то время, когда онъ былъ занятъ серьезными предметами, объяснялось дѣйствительною и непреодолимою жесткостью его природы? Она лежала, и темные волосы ея разметались на желтыхъ шелковыхъ подушкахъ, между тѣмъ какъ мысли ея перенеслись мало-по-малу отъ ея возлюбленнаго къ ожидавшей ее новой жизни, картина которой ярко предстала въ ея воображеніи. Она даже взяла въ руки маленькое серебряное зеркальце, лежавшее возлѣ нея, и посмотрѣлась въ него при тускломъ свѣтѣ лампы. Царевна сказала себѣ, что она прекрасна, что многіе и многіе въ Сузахъ плѣнятся ею. Она радовалась тому, что Атосса—бѣлокурая: это должно было лучше отбѣнить ея смуглую южную красоту.

Въ утру она задремала и увидѣла во снѣ величественный образъ пророка, какимъ она видѣла его на смертномъ одрѣ въ верхней комнатѣ башни. Ей почудилось, что усопшій зашевелился, открылъ свои безжизненные глаза и указалъ на нее своими окостенѣвшими перстами, произнося слова гнѣвной укорины. Она очнулась съ короткимъ крикомъ ужаса. Блѣдный отблескъ зари проникалъ въ дверь коридора, ведущаго въ ея комнату, на порогъ которой спали двѣ ея служанки, прикрывъ головы бѣлыми плащами въ защиту отъ холоднаго ночнаго воздуха.

Затѣмъ раздался протяжный и громкій звукъ трубъ, и Негушта услышала на дворѣ топотъ муловъ, которыхъ нагружали для путешествія, и крики погонщиковъ и служителей. Она поспѣшно встала съ постели, отдернула тяжелыя занавѣси и поглядѣла сквозь рѣшетку окна. И тогда она забыла свой зловѣщій сонъ, потому что сердце ея опять затрепетало при мысли о томъ, что она не будетъ больше жить затворницей въ Экбатанѣ, что раньше конца слѣдующаго мѣсяца она уже будетъ въ Сузахъ, въ царскомъ дворцѣ, куда она такъ стремилась.

V.

Солнце близилось къ закату, и его сіяніе уже превращалось въ золотистый багрянецъ надъ обширною равниною Сузь, когда кара-

ванъ путниковъ остановился для послѣдняго отдыха. Нѣсколько стадій дальше надъ царственнымъ городомъ поднимались изъ плоской мѣстности два холма; на одномъ изъ нихъ выселись мраморныя колонны, башни и сверкающіе архитравы дворца, а впереди, съ правой стороны, болѣе высокой холмъ увѣнчивался мрачною массивною крѣпостью съ грозными зубцами стѣнъ и башенъ. Мѣсто, выбранное для стоянки, было тѣмъ пунктомъ, гдѣ дорога, ведущая изъ Ниневіи, на которую караванъ повернулъ на полпути отъ Экбатаны, соединялась съ широкою дорогой, ведущею изъ Вавилона, недалеко отъ моста. Нѣкоторое время путники ѣхали вдоль спокойнаго теченія Хоаспа и видѣли, какъ на противоположномъ берегу крѣпость надвигалась и нависала надъ рѣкой, тогда какъ дворцовый холмъ уходилъ на задній планъ. Самый городъ былъ, конечно, скрытъ отъ ихъ взоровъ крутыми валами, такими неприступными, какъ будто они были построены изъ твердаго камня.

Вся равнина зеленѣла. Стадія за стадіей и фарсангъ за фарсангомъ, на западъ и на югъ, простирались вспаханныя поля; хлѣбъ былъ уже зеленъ и поднялся высоко, фіговыя деревья выпускали свои широкіе зеленые листья. Тамъ и сямъ, на ровномъ пространствѣ, лучи заходящаго солнца отражались на чисто вымытыхъ стѣнахъ бѣлой мызы, или же еще дальше падали на кирпичныя постройки селенія. За рѣкою, на обширномъ лугу, подъ унизаннымъ башнями валомъ, полунагіе, загорѣлые мальчики загоняли мелкихъ горбатыхъ коровъ, вспугивая по дорогѣ стада бѣлыхъ лошадей, хлопая въ ладоши и дразня своими криками маленькихъ жеребятъ, бѣгавшихъ и рѣзвившихся около бѣлыхъ матокъ. Бое - гдѣ широкоплечій, бородатый рыбакъ удилъ въ рѣкѣ или же забрасывалъ темную сѣть въ безмятежныя струи и медленно вытаскивалъ ее на берегъ, не отрывая глазъ отъ движущихся веревокъ.

Караванъ остановился на зеленой лужайкѣ, на краю пыльной дороги. Шестидесять статныхъ всадниковъ изъ мидійскихъ равнинъ, составлявшіе верховую стражу, отступили назадъ, чтобъ очистить мѣсто путникамъ, и, спрыгнувъ на землю, начали привязывать и поить своихъ коней. Мѣдные доспѣхи и красныя и синія мантии воиновъ блистали яркими переливками въ лучахъ вечерняго солнца. Ихъ бѣлыя лошади, ни чуть не утомленные суточнымъ переходомъ, ныряли, храпѣли и отряхивались въ водѣ и, весело играя, кусали другъ друга, радуясь своей хотя и неполной свободѣ.

Зороастръ, пурпурный плащъ котораго нѣсколько поблѣднѣлъ отъ пыли, а нѣжное лицо слегка загорѣло отъ трехнедѣльнаго путешествія, бросилъ поводья одному изъ воиновъ и быстро побѣ-

жалъ впередъ. Въ это время служители заботливо выпрягали муловъ изъ богатыхъ носилокъ, окруженныхъ золоченою рѣшеткой и накрытыхъ въ защиту отъ солнца тремя поднимавшимися одинъ надъ другимъ навѣсами изъ бѣлаго полотна. Высокіе воіоны подняли эти носилки на плечи и отнесли ихъ на самое зеленое мѣсто лужайки, близъ тихо струившейся рѣки. Самъ Зороастръ отодвинулъ рѣшетку и разостлалъ на травѣ роскошный коверъ. Негушта взяла протянутую Зороастромъ руку, легко выпорхнула и стала рядомъ съ нимъ, облитая розовымъ сіяніемъ зари. Лицо ея было завѣшено покрываломъ и пурпурный плащъ ниспадалъ длинными складками до самыхъ ея ногъ, и она стояла неподвижно, повернувшись спиной къ городу, смотря на заходящее солнце.

— Зачѣмъ мы здѣсь остановились?—спросила она вдругъ.

— Говорятъ, что великій царь, — да продлятся дни его во вѣки, — отсутствуетъ, — отвѣтилъ Зороастръ, — намъ не подобааетъ вступать въ городъ раньше его.

Онъ говорилъ громко на мидійскомъ нарѣчій, чтобы рабы могли понять его, затѣмъ, понизивъ голосъ, прибавилъ по-еврейски:

— Было бы неблагоразумно и, пожалуй, даже небезопасно вѣзжать въ Сузы въ отсутствіе царя. Кто знаетъ, что происходило здѣсь за эти дни? Въ Вавилонѣ былъ мятежь; монархія далеко еще не установилась. Вся Персія находится, быть можетъ, накануне возстанія.

— Нечего сказать, самое подходящее время для того, чтобъ отправить меня и моихъ женщинъ въ такой длинный путь съ какими-нибудь двадцатью всадниками, вмѣсто стражи! Зачѣмъ привезъ ты меня сюда? Долго еще придется намъ стоять у дороги, дожидаясь, пока чернь соблаговолитъ впустить насъ или пока этотъ новый царь заблагоразсудитъ возвратиться?

Говоря это, Негушта обернулась къ своему спутнику. Въ ея голосѣ слышались и насмѣшка, и разочарованіе. Ея темные глаза холодно глядѣли на Зороастра изъ - подъ покрывала и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить, она повернулась къ нему спиной и отошла на нѣсколько шаговъ, смотря на заходящее солнце. Воинъ остался неподвиженъ и густая краска залила его лицо. Потомъ онъ поблѣднѣлъ, но не произнесъ тѣхъ словъ, которыя просились на языкъ, а сталъ наблюдать за тѣмъ, какъ слуги раскидывали шатры для женщинъ. Къ этому времени были сняты съ муловъ и всѣ остальные носилки. Длинною вереницей подошли верблюды, изъ которыхъ одни были нагружены поклажей и съѣстными припасами, другіе несли на себѣ невольницъ, и упали, согнувъ колѣни, на тра-

ву, ожидая, чтобъ ихъ развьючили, и безпокойно вытягивали длинныя шеи по направленію къ рѣкѣ. Служители принялись за дѣло, и, наконецъ, послѣдній отрядъ изъ двадцати всадниковъ, образовавшій аррьергардъ каравана, нагналъ своихъ товарищей, уже успѣвшихъ слѣзть съ коней. Съ проворствомъ и ловкостью, выработанными давнею привычкою, всѣ они приняли участіе въ работѣ, и въ нѣсколько минутъ вся пышная обстановка персидскаго лагеря была уже приведена въ порядокъ и приготовлена для ночлега. Противъ обыкновенія, Зороастръ не позволилъ на этотъ разъ невольникамъ и прочимъ слугамъ отлучаться въ то время, какъ онъ самъ и его ратники расположились для стоянки. Онъ опасался, какъ бы въ отсутствіе царя не произошло возмущенія въ сосѣднихъ съ городомъ мѣстностяхъ, и въ видахъ предосторожности не хотѣлъ разъединять своего отряда, хотя бы даже въ ущербъ удобствамъ Негушты.

Царевна все еще стояла въ сторонѣ и надменно отворачивалась отъ своихъ прислужницъ, не отвѣчая имъ, когда онѣ привѣтствовали ее и предлагали ей подушки и прохладительныя напитки. Она натянула на плечи свой плащъ и еще ниже спустила покрывало на лицо. Она чувствовала утомленіе, досаду и чуть ли не гнѣвъ. Цѣлые дни мечтала она о приѣмѣ, ожидавшемъ ее во дворцѣ, о царѣ и о придворной жизни, о сладости отдыха послѣ длиннаго путешествія, о предстоящихъ ей развлеченияхъ и о множествѣ новыхъ впечатлѣній, которыя она должна была испытать при видѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ протекло ея дѣтство. Узнавъ, что она обречена провести еще лишнюю ночь въ открытомъ полѣ, она глубоко разочаровалась и первымъ ея пубужденіемъ было высказать свое неудовольствіе Зороастру.

Несмотря на всю любовь къ нему Негушты, сильный и властный характеръ царевны заставлялъ ее часто негодовать на хладнокровіе ея милаго и возмущаться противъ его твердости и умственнаго превосходства. И тогда, сознавая, что ея собственное достоинство страдаетъ отъ ея бурнаго нрава, она начинала еще больше сердиться и на себя, и на него, и на всѣхъ на свѣтѣ. Но Зороастръ оставался невозмутимъ, какъ мраморъ; только лицо его вспыхивало по временамъ и затѣмъ сейчасъ же блѣднѣло и въ словахъ его, если только онъ говорилъ въ такія минуты, слышался какой-то холодный, ледяной звукъ. Рано или поздно порывъ гнѣва остывалъ въ душѣ Негушты, и Зороастръ опять становился съ ней такимъ, какъ всегда, преданнымъ, кроткимъ,

любящимъ; тогда сердце ея снова устремлялось къ нему, и все существо ея переполнялось любовью къ нему.

Теперь она была обманута въ своихъ ожиданіяхъ и не хотѣла ни съ кѣмъ говорить. Она отошла еще дальше отъ толпы невольниковъ, разставлявшихъ шатры, и прислужницы послѣдовали за ней на почтительномъ разстояніи, тихо перешептываясь между собою. Она же снова остановилась и обратила взоры на западъ.

Когда солнце склонилось къ горизонту, низкіе лучи его коснулись небольшого облака пыли, похожаго на дымокъ отъ костра, показавшагося на далекой вавилонской равнинѣ и быстрымъ вихремъ поднимавшагося вверхъ. Взглядъ Негушты остановился на этой отдаленной точкѣ и она подняла одну руку, чтобы защитить глаза. Она вспомнила вдругъ, какъ въ дѣтствѣ она тоже смотрѣла изъ оконъ дворца на линію этой самой дороги и видѣла облако пыли, поднявшееся изъ маленькаго пятнышка, и какъ затѣмъ изъ этого облака появился отрядъ конницы. Не могло быть сомнѣнія въ томъ, что на этотъ разъ тоже приближалось конное войско,—быть можетъ, вмѣстѣ съ нимъ будетъ и самъ царь. Негушта инстинктивно обернулась, ища глазами Зороастра, и вздрогнула, увидавъ, что онъ стоитъ недалеко отъ нея, скрестивъ руки и устремивъ взоръ на горизонтъ. Она направила къ нему свои шаги въ внезапномъ оживленіи.

— Что это?—тихо спросила она.

— Это великій царь, да продлятся дни его во-вѣки!—отвѣтилъ Зороастръ.—Только онъ одинъ можетъ ѣхать съ такою быстротою по царской дорогѣ.

Съ минуту они простояли рядомъ, слѣдя за облакомъ пыли, и рука Негушты выскользнула изъ-подъ плаща и тихо, трепетно коснулась руки воина, какъ будто она робко искала чего-то, чего не хотѣла просить. Зороастръ повернулъ голову къ царевнѣ и увидалъ, что глаза ея влажны отъ слезъ; онъ понялъ, что происходило въ ея душѣ, но не взялъ ея руки, потому что они были окружены родственниками Негушты и рабами; но онъ нѣжно взглянулъ на нее и глаза его сразу сдѣлались менѣе печальны и засвѣтились прежнимъ свѣтомъ.

— Моя возлюбленная!—мягко сказалъ онъ.

— Я была несправедлива, Зороастръ, прости меня,—прошептала она.

Она позволила ему довести ее до шатра, который былъ уже раскинутъ, и сѣла у порога, слѣдя за движеніями Зороастра, когда

онъ сталъ созывать своихъ ратниковъ и разставлялъ ихъ сплошными рядами, готовясь къ встрѣчѣ царя.

Все ближе и ближе надвигалось облако. Розовое сіяніе зари превратилось въ пурпурное, солнце скрылось изъ вида, а она все надвигалась, эта крутящаяся вихремъ туча мелкой, тонкой пыли, поднимаясь по правую и по лѣвую сторону дороги большими клубами, нависая сверху, точно дымъ отъ громаднаго движущагося пламени. Затѣмъ послышался отдаленный, подобный грому, рокотъ, поднимавшійся и снова затихавшій въ безмолвномъ воздухѣ, но поднимавшійся все громче и громче. Медленно началъ обрисовываться темный блескъ полированной бронзы и что-то болѣе яркое, чѣмъ пурпурный закатъ. Затѣмъ, вмѣстѣ съ глухими раскатами этого звука, стало раздаваться отъ времени до времени, а потомъ все чаще и чаще, бряцаніе сбруи и оружія, и, наконецъ, цѣлая толпа скачущихъ всадниковъ, съ шумомъ, криками и топотомъ, показалась изъ-за облака пыли. Даже земля задрожала подъ ихъ тяжестью, и воздухъ пришелъ въ сотрясеніе отъ мощныхъ ударовъ копытъ и отъ звона бряцающей мѣди.

На нѣсколько локтей впереди сомгнутыхъ рядовъ ѣхалъ невысокій, но плотный человѣкъ, облеченный въ болѣе дорогой и болѣе густой цвѣтомъ пурпурный плащъ, чѣмъ носили обыкновенные вельможи, и сидѣвшій, какъ изваянный, на бѣломъ, породистомъ конѣ. Когда онъ приблизился, Зороастръ и его сорокъ ратниковъ воздѣли руки къ небу.

— Привѣтъ тебѣ, царь царей! Привѣтъ тебѣ! Живи во-вѣки! — воскликнули они и, какъ одинъ человѣкъ, распростерлись ницъ на зеленой травѣ, у края дороги.

Дарій натянулъ поводья и мгновенно осадилъ коня на полномъ ходу. Скакавшіе вслѣдъ за ними всадники подняли правую руку, чтобы подать знакъ другимъ, и съ оглушительнымъ шумомъ, подобно океану, внезапно нахлынувшему на цѣлую стѣну утесовъ, эти несравненные персидскіе наѣзтники остановились всѣ разомъ, на разстояніи нѣсколькихъ аршинъ, между тѣмъ какъ ихъ кони бѣшено рвались, становились на дыбы и грызли удила, но, сдерживаемые сильными руками, не могли сдѣлать ни шагу впередъ. Эти всадники представляли собой цвѣтъ персидской знати; ихъ пурпурные плащи развѣвались отъ стремительной ѣзды, бронзовыя латы казались черными среди сгустившагося сумрака, а лица, обрамленные бородами, смотрѣли сурово и прямо изъ-подъ золоченныхъ шлемовъ.

— Я, Дарій, царь царей, къ которому вы вызываете! — восклик-

нулъ царь, конь котораго стоялъ теперь неподвижный, какъ мраморная статуя, посреди дороги.—Встаньте, говорите и не бойтесь ничего, если только нѣтъ лжи въ устахъ вашихъ.

Зороастръ поднялся съ колѣнъ, потомъ низко поклонился и, взявъ нѣсколько крупинокъ пыли съ дороги, приложилъ руку къ устамъ и посыпалъ пылью свою голову.

— Привѣтъ тебѣ, живи во-вѣки! Я—твой слуга, Зороастръ, начальникъ крѣпости и хранитель сокровищъ въ Эббатанѣ. Исполняя твое повелѣніе, я привезъ родственниковъ Іоакима, царя Іудей, и во главѣ ихъ царевну Негушту. Я слышалъ, что тебя нѣтъ въ Сузахъ, а потому и ожидалъ здѣсь твоего возвращенія. Я также послалъ гонцовъ возвѣстить тебѣ кончину Даніила, прозваннаго Балатшусуромъ, бывшаго сатрапомъ Мидіи со временъ Камбиза. Я похоронилъ его подобающимъ образомъ въ новой гробницѣ, въ саду Эббатанскаго дворца.

Дарій, всегда впечатлительный и живой, какъ въ мысляхъ, такъ и въ дѣлахъ, спрыгнулъ на землю, когда Зороастръ окончилъ свою рѣчь, подошелъ къ нему, взявъ его за руки и поцѣловалъ въ обѣ щеки.

— То, что ты сдѣлалъ, сдѣлано хорошо; я давно тебя знаю. Ормуздъ хранить тебя. Онъ хранить и меня. Его милостію я предалъ смерти мятежниковъ въ Вавилонѣ. Они лгали мнѣ, за это я и перебилъ ихъ. Покажи мнѣ Негушту, дочь іудейскихъ царей.

— Я слуга твой. Царевна здѣсь, — отвѣтилъ Зороастръ, но, говоря это, онъ такъ измѣнился въ лицѣ, что даже губы его побѣлѣли.

Еще этому времени уже стемнѣло, а луна, бывшая въ самомъ началѣ ущерба, еще не поднялась изъ-за крѣпостнаго вала. Невольники принесли факелы изъ воска, смѣшаннаго съ сосновою смолой, и ихъ черныя фигуры причудливо выдѣлялись изъ краснаго пламени, когда они направились толпой къ шатру Негушты, освѣщая путь царю.

Дарій быстро пошелъ за ними, звеня на ходу золочеными доспѣхами; яркій свѣтъ факеловъ озарялъ его смѣлыя, суровыя черты. Подъ полосатую занавѣсью, приподнятой для того, чтобы образовать входъ въ шатеръ, стояла Негушта. Она сбросила съ себя покрывало, и ея прислужницы поспѣшили надѣть ей на голову плотняную тиару, въ бѣлыхъ складкахъ которой блистала, какъ звѣзда, драгоценный алмазъ. Ея густые черные волосы ниспадали тяжелыми волнами на плечи; плащъ ея былъ откинутъ назадъ, обнаруживая величественный и стройный станъ ея въ туникѣ, пере-

тянутой поясомъ. Когда царь приблизился, Негушта преклонила колѣни и распростерлась передъ нимъ, касаясь головой земли и ожидая, когда онъ заговорить.

Нѣкоторое время онъ стоялъ неподвижно, и глаза его, устремленные на повергнутую въ прахъ предъ нимъ Негушту, метали искры отъ гордаго сознанія, что такая царственная женщина принуждена преклонять передъ нимъ колѣни, а еще больше отъ восхищенія, овладѣвшаго имъ при видѣ ея чудной красоты. Затѣмъ онъ наклонился, взялъ ея руку и приподнялъ дѣвушку. Она быстро встала съ земли и взглянула на него; щеки ея пылали, глаза свергали, и когда она стояла такъ, лицомъ къ лицу съ царемъ, она казалась почти одного роста съ нимъ.

— Я не хочу, чтобъ царевна такого древняго рода преклоняла предо мной колѣни,—сказалъ онъ, и въ голосѣ его послышались непривычныя мягкія ноты.

— Позволишь ли ты мнѣ отдохнуть здѣсь передъ моимъ въѣздомъ въ Сузы? Я утомленъ верховою ѣздой и чувствую жажду съ дороги.

— Привѣтъ тебѣ, царь міра! Я служанка твоя. Отдохни и освѣжись здѣсь,—отвѣтила Негушта, отступая назадъ.

Царь сдѣлалъ знакъ Зороастру, чтобъ онъ послѣдовалъ за нимъ, и вошелъ въ шатерь.

Дарій сѣлъ на рѣзной складной стулъ, стоявшій посреди шатра, и жадно осушилъ золотую чашу съ ширасскимъ виномъ, которую подалъ ему Зороастръ. Затѣмъ онъ снялъ шлемъ, и его густые жесткіе волосы спустились темными кудрями на шею, подобно гривѣ чернаго льва. Онъ вздохнулъ полною грудью, съ чувствомъ облегченія и какъ бы наслаждаясь заслуженнымъ покоемъ, и откинулся на стулъ, остановивъ взоръ на лицѣ Негушты, стоявшей передъ нимъ съ опущенными къ землѣ глазами. Зороастръ помѣстился неподалеку отъ Дарія, держа въ рукѣ вторично налитую виномъ чашу на тотъ случай, еслибъ царь не утолилъ еще своей жажды первымъ кубкомъ.

— Ты прекрасна, дочь Іерусалима,—сказалъ вдругъ царь.— Мнѣ памятна твоя красота, потому что я видѣлъ тебя въ Эббатанѣ. Я послалъ за тобой и за твоими родными, чтобъ оказать тебѣ великую почесть, и я исполню свое слово. Я возьму тебя въ жены.

Дарій говорилъ спокойно, свойственнымъ ему тономъ непреложной рѣшимости. Но еслибъ тысячи бурь разразились вдругъ во всей своей ярости среди шатра, ихъ дѣйствіе не было бы

такъ ужасно для Зороастра и Негушты, какъ слова, произнесенныя царемъ.

Лицо молодой дѣвушки внезапно вспыхнуло, и она задрожала всѣмъ тѣломъ, потомъ упала на колѣни и поверглась ницъ передъ царемъ, причѣмъ чудные волосы ея разсыпались и покрыли ее своими роскошными волнами. Дарій сидѣлъ неподвижно, какъ бы выжидая, какой результатъ вызовутъ его слова. Быть можетъ, онъ долго бы просидѣлъ такъ, но Зороастръ мгновенно бросился между царемъ и колѣнопреклоненною Негуштой; золотой кубокъ, который онъ держалъ въ рукѣ, повалился по мягкому ковру, поставанному на землѣ, и дорогое янтарное вино полилось медленнымъ потокомъ по направленію къ занавѣси, зашѣнявшей двери. Лицо молодаго перса было мертвенно-блѣдно, его глаза, сверкавшіе, какъ уголья, горѣли синимъ огнемъ, свѣтлыя кудри и золотистая борода его, на которыхъ играло пламя факеловъ, окружали его голову какъ бы ореоломъ, когда онъ выпрямился во весь свой величественный ростъ и взглянулъ въ лицо царю. Дарій не шевельнулся и не дрогнулъ ни однимъ мускуломъ, онъ смѣло и безстрашно выдержалъ взглядъ Зороастра. Зороастръ заговорилъ первый, тихимъ голосомъ, въ которомъ слышалась подавленная ярость:

— Царевна Негушта моя невѣста. Хотя бы ты былъ властелиномъ звѣздъ, а не только царемъ міра, она, все-таки, не могла бы быть твоею женой.

Дарій усмѣхнулся не презрительною, а открытою улыбкой человѣка, надъ чѣмъ-нибудь потѣшающагося, остановивъ глаза на гнѣвномъ лицѣ стоявшаго передъ нимъ сѣверянина.

— Я царь царей,—отвѣтилъ онъ.—Я завтра женюсь на этой іудейской царевнѣ, тебя же я распну на самой высокой башнѣ Сузь, потому что ты лжешь, говоря, что Негушта не будетъ моею женой.

— Безумецъ, не искушай своего Бога! Не грози тому, кто сильнѣе тебя, если не хочешь, чтобъ онъ убилъ тебя своими руками на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ты сидишь.

Слова Зороастра прозвучали тихо, но явственно, какъ зловѣщій голосъ неумолимаго рока, и онъ протянулъ руку къ царю.

До этой минуты Дарій сидѣлъ въ своей спокойной позѣ, безпечно усмѣхаясь, хотя и не отрывая глазъ отъ своего противника. Одинъ изъ храбрѣйшихъ людей въ мірѣ, онъ считалъ недостойнымъ себя двинуться, прежде чѣмъ на него будетъ сдѣлано нападеніе, и съ презрѣніемъ отвергъ бы мысль позвать свою стра-

жу. Но когда Зороастръ поднялъ на него руку, царь былъ уже наготовѣ. Прыгнувъ, какъ тигръ, онъ схватилъ за горло могучаго перса, стараясь повалить его на землю, напрягая всѣ силы, чтобъ уцѣпиться за воротъ его брони, но пальцы Зороастра быстро проскользнули подъ пальцы противника, его рукавъ откинулся назадъ и длинная бѣлая рука его окружила шею царя, подобно стальнымъ тискамъ, тогда какъ другою рукой онъ схватилъ его за туловище. Такъ и стояли они, какъ два атлета, сдавивъ другъ друга въ объятіяхъ, и боролись на жизнь и смерть.

Царь былъ невысокъ ростомъ, но въ его плотныхъ, широкихъ плечахъ и жилистыхъ рукахъ таилась сила буйвола и проворство тигра. Перевѣсъ былъ на сторонѣ Зороастра, потому что онъ обвивалъ шею Дарія правою рукой, но въ теченіе нѣсколькихъ секундъ ни тотъ, ни другой не двинулись ни на одинъ шагъ, и голубыя вены натянулись, какъ веревки, на рукѣ исполина-перса. Огненная мощь южнаго князя уравновѣшивалась величественной крѣпостью свѣтлогудраго сѣверянина, лицо котораго сдѣлалось блѣдно, тогда какъ чело царя побагровѣло отъ нечеловѣческихъ усилій. Оба они тяжело дышали сквозь стиснутые зубы, но ни одинъ изъ нихъ не произнесъ ни слова.

Негушта въ ужасѣ поднялась съ колѣнъ при первомъ признаѣ начинающагося поединка, но она не крикнула, не позвала ни рабовъ, ни стражу. Она стояла, ухватившись одною рукой за древко шатра, а другою придерживая на груди свой плащъ; на нее нашло какое-то оцѣпенѣніе, и она не могла отвести взоровъ отъ этой страшной борьбы, подъ магическимъ дѣйствіемъ подавляющей, грозной силы, такъ безмолвно проявляемой передъ нею этими двумя мужами.

Но вдругъ они пошатнулись. Дарію удалось одною ногой подтолкнуть Зороастра, но, споткнувшись на мокромъ отъ вина коврѣ, онъ долженъ былъ почти вдвое пригнуться къ полу, затѣмъ, сдѣлавъ страшное усиліе, онъ опять сталъ на ноги. Но чрезмѣрное напряженіе совсѣмъ истощило его. Негуштѣ показалось, что на блѣдномъ лицѣ Зороастра мелькнула улыбка, его гордо сверкавшіе темно-синіе глаза встрѣтились на мгновеніе съ ея взоромъ. Медленно и постепенно Зороастръ сталъ пригибать царя къ землѣ, съ неотразимою силой оттѣсняя его назадъ, такъ что кости, жилы и мускулы его, казалось, должны были сломаться и порваться отъ отчаяннаго сопротивленія. Наконецъ, когда голова его почти касалась уже земли, Дарій застоналъ, и члены его отказались отъ борьбы. Зороастръ мгновенно повалилъ его на спину, сдавилъ ему грудь

обоими колѣнями, такъ что золотая чешуя брони затрепала подъ этою тяжестью. Дарій сдѣлалъ двѣ отчаянныя попытки высвободиться и затѣмъ остался недвижимъ. Зороастръ устремилъ на него горящій взоръ:

— Ты, хотѣвшій, распять меня надъ Сузами...—сказалъ онъ сквозь зубы,—я убью тебя на этомъ мѣстѣ, какъ ты убилъ Смердиза. Имѣешь ли ты сказать мнѣ что-нибудь? Говори скорѣй, потому что часъ твой насталъ.

Даже въ минуту предсмертной агоніи, готовясь испустить послѣдній вздохъ, Дарій, какъ всѣ храбрые люди, остался неустрашимымъ до конца. Правда, что теперь онъ охотно позвалъ бы на помощь, но онъ уже не въ силахъ былъ дышать. Онъ все еще безстрашно смотрѣлъ въ глаза своему грозному побѣдителю. Изъ груди его вырвался хриплый шопотъ:

— Я не боюсь смерти. Убей меня, если хочешь, Ты... ты... побѣдилъ.

Негушта подошла ближе. Теперь, когда поединокъ былъ конченъ, она вся дрожала и съ беспокойствомъ смотрѣла на тяжелыя занавѣси, закрывавшія входъ въ шатеръ.

— Скажи ему,—шеннула она Зороастру,—что ты готовъ пощадить его, если онъ ни тебѣ, ни мнѣ не сдѣлаетъ зла.

— Пощадить его!—презрительно повторилъ Зороастръ.—Онъ уже теперь почти бездыханенъ, зачѣмъ мнѣ щадить его?

— Ради меня пощади его, милый,—отвѣтила Негушта съ внезапнымъ, страстнымъ жестомъ мольбы.—Онъ царь, онъ любитъ правду; если онъ скажетъ, что не сдѣлаетъ тебѣ зла, ты долженъ повѣрить ему.

— Поклянись мнѣ, что ты не сдѣлаешь зла ни мнѣ, ни Негуштѣ, если я пощажу тебя!—сказалъ Зороастръ, снявъ одно колѣно съ груди противника.

— Клянусь Ормуздомъ,—простоналъ Дарій,—я не сдѣлаю зла ни тебѣ, ни ей.

— Хорошо,—сказалъ Зороастръ.—Я отпущу тебя. А что касается того, чтобы жениться на Негуштѣ, то ты можешь спросить ее, захочетъ ли она сдѣлаться твоею женою,—прибавилъ онъ.

Онъ поднялся и помогъ царю стать на ноги. Дарій отряхнулся и нѣсколько минутъ тяжело переводилъ духъ. Онъ ощущалъ свои члены, какъ это дѣлаетъ человекъ, упавшій съ лошади, затѣмъ опустился на стулъ и разразился громкимъ смѣхомъ.

Дарій былъ хорошо извѣстенъ во всей Персіи и Мидіи еще

раньше событій, происшедшихъ въ послѣдніе два мѣсяца, и слылъ за человѣка, такъ строго относящагося къ даннымъ обѣщаніямъ, что окружавшіе его вѣрили ему безусловно. Зороастръ тоже зналъ его и помнилъ его свободу обращенія и любовь къ шуткамъ, такъ что въ ту минуту, когда перевѣсъ его надъ царемъ былъ такъ великъ, что онъ могъ бы убить его, лишній разъ надавивъ ему грудь тяжестью своего тѣла, онъ безъ малѣйшаго колебанія повѣрилъ его обѣщанію. Но, помня, что было ставкой въ этомъ отчаянномъ бою, онъ не могъ смѣяться вмѣстѣ съ царемъ. Онъ молча стоялъ въ сторонѣ и глядѣлъ на Негушту, прислонившуюся къ древку шатра. Она ломала руки подъ длинными рукавами своей туники, переводя взоръ съ царя на Зороастра, въ очевидномъ страхѣ и тревогѣ.

— У тебя сильная рука, Зороастръ! — воскликнулъ Дарій, переставъ смѣяться. — Ты чуть было не покончилъ съ великимъ царемъ Персіи, Мидіи, Вавилона и Египта.

— Да проститъ царь своего слугу, — отвѣтилъ Зороастръ, — если его колѣно оказалось тяжело и рука его сильна. Еслибъ царь не поскользнулся на пролитомъ винѣ, то слуга былъ бы побѣждень.

— И ты былъ бы распятъ на утро, — прибавилъ Дарій и снова захохоталъ. — Счастье твое, что я Дарій, а не Камбизъ, иначе ты не стоялъ бы здѣсь передо мной въ то время, какъ стража моя праздно болтаетъ на дорогѣ. Теперь, разъ ты пощадилъ мою жизнь, дай мнѣ чашу вина.

Царь снова залился громкимъ смѣхомъ.

Зороастръ поспѣшилъ наполнить виномъ другой кубокъ и поднесъ его царю, преклонивъ передъ нимъ колѣна. Прежде чѣмъ взять кубокъ изъ его рукъ, Дарій взглянулъ на блѣдное, гордое лицо воина. Затѣмъ онъ положилъ руку на плечо Зороастра и заговорилъ уже болѣе серьезномъ тономъ.

— Я люблю тебя, князь, — сказалъ онъ, — люблю тебя за то, что ты сильнѣе меня, такъ же храбръ, какъ я, и болѣе милосердъ. Поэтому ты будешь всегда стоять по правую мою сторону, и я довѣрю въ руки твои жизнь мою. И въ залогъ этого я надѣну тебѣ на шею свою золотую цѣпь и выпью въ честь твою эту чашу, и тотъ, кто повредитъ хоть одинъ волосъ на головѣ твоей, погибнетъ въ страшныхъ мученіяхъ.

Царь выпилъ вино, а Зороастръ, охваченный искреннимъ восторгомъ предъ этою великою душой, такъ легко простившей столь ужасное оскорбленіе, обнялъ колѣни царя въ знакъ своей предан-

ности и какъ бы запечатлѣвая этимъ дружбу, которая должна была оставаться неразрывной до той минуты, когда смерть разлучитъ ихъ.

Затѣмъ они встали и, по приказанію Зороастра, къ шатру были принесены носилки царевны. Повелѣвъ ратникамъ слѣдовать за ними, они направились ко дворцу. Негушта двинулась, окруженная прислужницами и пѣшими рабами, между тѣмъ какъ Зороастръ, верхомъ на своемъ конѣ, ѣхалъ медленно и безмолвно по правую сторону великаго царя.

В. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ кн. А. Р. Деретели.

(Съ грузинскаго).

Басня о навозномъ жулкѣ и пчелѣ.

Пчелу навозный жулкъ однажды повстрѣчалъ,
Немедля принявъ видъ внушительный и строгій
И повелительно, сердито закричалъ:
— «Не видишь, кто идетъ?! Бродяга! прочь съ дороги!
Тварь безпокойная! Нигдѣ не посидить!
Безъ толку бы жужжать, безъ цѣли все бы шляться, —
А въ довершенъе золь непрочъ еще кусаться!...
Вотъ я—не то, что ты! Солиденъ, сановитъ,
Съ утра и до ночи трудомъ привычнымъ занять,
Мѣстечко теплое облюбовалъ, нагрѣлъ,
Живу съ достоинствомъ и счастье—мой удѣлъ!
И глупъ, конечно, тотъ, кто съ этимъ спорить станетъ!...»
Съ улыбкою пчела взглянула на него
И молвила:—«О жулкъ, какъ рѣчь твоя надменна!
Солиденъ ты и сытъ, прилеженъ несомнѣнно...
Но трудишься... *надъ чѣмъ?* Надъ чѣмъ и для кого?
Усидчивъ, домохѣдъ: для дѣла твоего,
Буда ни оглянись, матеріалу много!...
Иное дѣло я: весь день должна летать
Я отъ цвѣтка къ цвѣтку, по атомамъ достать
И меду сладкаго для хижинъ и чертога,
И воску на свѣчу для мѣртвецовъ и Бога!
Безспорно: мнѣ порой приходится кусать—
Чувствительно кусать,—но вѣрь: не безъ разбора!...
Кусаю нагмеца, бездѣльника и вора,
Мѣшающихъ мнѣ трудъ священный выполнять...
Однако, мнѣ пора! Займись своимъ предметомъ
И предавайся всласть кичливости мечтамъ!...»
И пчелка рѣзвая умчалася къ цвѣтамъ...
Не жребій ли пчелы судьбою данъ поетамъ?

Василій Величко.

С М Ъ Н А *).

(Романъ).

Ш.

С т а т и с т и к и.

Аеанасій Лукичъ Борискинъ совершилъ-таки давнишній свой умыселъ. Правда, для этого пришлось покривить душой: написать портретъ меценатствующей купчихи съ Балашниковой пристани, и покривить сугубо, потому что купчиха воображала, что она колоритная и посему позировала декольте, въ плюшѣ и бархатѣ, требовала отъ Борискина вдохновенныхъ красокъ Бонна или, по крайней мѣрѣ, Константина Маковского, завсѣмъ тѣмъ полученныя отъ меценатки двѣсти рублей наполнили душу Аеанасія Лукича безмѣрною радостью. Немедленно расплатился онъ съ квартирною хозяйкой, въ овощной лавочкѣ, въ кухмистерской, выкупилъ у закладчика главную принадлежность своего гардероба — пледъ и устремился на родину. Ему грезились нивы, которыя онъ будетъ частью обливать трудовымъ потомъ, за родительскою сохой, частью изображать на картинахъ въ связи съ захватывающими жанровыми сюжетами.

Однако, вышло не такъ просто. Обливать потомъ землю можно было безпрепятственно, но писать картины оказалось неудобнымъ. Въ домѣ его родныхъ не было бѣдности: крѣпкій старикъ-отецъ съ старшимъ братомъ, да здоровенная баба - сноха съ дочерью - невестою, да вся спеленная изъ жилъ сестра-вѣковуша, да два батрака — держали хозяйство въ исправности, но все же не было ни досуга, ни избытка. Лѣтомъ, на примѣръ, какъ бы хорошо было писать этюды къ давно задуманной картинѣ: «Послѣднее прости» (переселенцы трогаются въ путь и прощаются съ роднымъ пепелищемъ),

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

но Аѳанасій Лукичъ былъ человѣкъ стыдливый и рѣшительно не могъ сидѣть за мольбертомъ и водить кисточкой по холсту въ то время, когда вся семья отъ мала до велика надрывалась за работой. Зимой не давали покоя неотвязныя тучи любопытныхъ, назойливыя толки, пересуды, разспросы, замѣчанія, совѣты... Никакъ невозможно было уединиться отъ этой всюду проникающей «общинной стихіи». А сколько мучительныхъ мелочей: волостной писарь приставалъ написать портретъ его супруги, ребятишки извели на «зѣбѣ» великолѣпный кусокъ картона, маленькая племянница Дашутка едва не отравилась киноварью, тараканы испортили свѣже-написанный этюдъ... Но пуще всего насолила Аѳанасію Лукичу исторія съ иконостасомъ. Еще съ осени стали заходить къ нему то попъ, то отецъ дьяконъ, то вѣтторъ, и заводили осторожныя рѣчи о душѣ, о спасеніи, о жертвователяхъ, о церковномъ благолѣпін, о томъ, что приходъ бѣдный, а иконы облупились. Мало-по-малу выяснился и размѣръ гонорара, ничтожный съ городской точки зрѣнія, огромный съ деревенской; можно было обогнать четвертака по три въ день. Вся семья примкнула къ предпріятію причта. Вокругъ Аѳанасія Лукича сплелась какъ бы нѣвая сѣть... Зачинались произноситься укоровенныя слова, намеки; вѣковуша вздыхала, отецъ сердился; выходило такъ, что Аѳанасій Лукичъ не хотѣлъ поработать Богу, съ одной стороны, и принести хорошій заработокъ въ семью — съ другой. Напрасно онъ посвящалъ семейныхъ въ свои художественныя планы, и, чтобы окончательно убѣдить, говорилъ, что выручить за картину пятьсотъ цѣлковыхъ. Никто не вѣрилъ, чтобы платили такія деньги за «пустяковину».

Послѣ долгихъ мучительствъ, недоразумѣній и взаимныхъ укоровъ Аѳанасій Лукичъ пришелъ, наконецъ, къ тому, что нужно бѣжать. Онъ не измѣнилъ своихъ завѣтныхъ мыслей, но думалъ теперь, что если для «настоящаго искусства» и необходима деревня, такъ вовсе не такая, чтобы все пахать, да пахать, да расписывать иконостасы. Въ сущности, нужна новая, сознательная, интеллигентная деревня.

Но отсюда вытекали грустнѣйшія умозаключенія. Чтобы войти въ такую новую деревню съ паемъ, нужны деньги. Чтобы добыть денегъ, нужно написать двѣ-три картины и, для легчайшаго сбыта, во вкусъ той же меценатки съ Балашниговой пристани. Чтобы написать картину, нужно обезпечить себѣ кровь, пищу и одѣжу. Чтобы обезпечить кровь, пищу и одѣжу...

Кончилось тѣмъ, что Аѳанасій Лукичъ сбѣжалъ въ губернской городъ и, чрезъ посредство Ивана Антоныча Алферова, опредѣлил-

ся «пока» въ статистики, въ то «бюро», которымъ завѣдывалъ Федоръ Прытковъ.

Урядниковъ сынъ Михайло Ферапонтовъ сначала, какъ и хотѣлъ, поступилъ въ земство. На бѣду, въ томъ уѣздѣ была такъ называемая «разъѣздная система». Михайловъ участокъ простирался на 50 верстъ вдоль и на 20 поперекъ, итого 1000 квадратныхъ. Въ немъ было пять волостей, десять большихъ селъ, сорокъ деревнюшекъ, 28 т. жителей обоого пола. На «пунктахъ» сидѣли дешевые фельдшера и всячески посрамляли медицину. Врачъ обязанъ былъ посѣщать каждый пунктъ два раза въ мѣсяць. Къ его прїѣзду обыкновенно стекалось отъ 30 до 80 человекъ больныхъ. Если онъ посвящалъ каждому по одной минутѣ—выходилъ часъ, по двѣ минуты—два часа... а тамъ нужно было отдохнуть отъ скверной дороги, умыться, поѣсть, провѣрить фельдшеровы поступки, обревизовать аптечный ящикъ.

Въ первый же годъ въ участкѣ случился эпидемическій тифъ. Михайло носился по деревнямъ какъ и подобаетъ недавно кончившему курсъ. Отъ бессонницы, усталости и волнующихъ впечатлѣній въ его головѣ образовался неописуемый сумбуръ. «Мысли теперь у меня коротенькія»,—говорилъ онъ полусути, и, дѣйствительно, не могъ сообразить самыхъ элементарныхъ вещей, здоровые, мужицкіе нервы расхлебались точно у барышни утонченнаго воспитанія, пропала студенческая удаля... А, между тѣмъ, въ итогѣ такихъ истязаній получалась самая унылая безсмыслица. Еще бы! По наугѣ требовались ванны, гигиеничная обстановка, аккуратное измѣреніе температуры, вино, діета, изоляція... Въ деревнѣ невѣжество соперничало съ нищетою, люди болѣли, выздоравливали и умирали безъ всякаго соображенія съ послѣднимъ словомъ науки. Врачу приходилось не лечить, а констатировать, писать рапорты да отчеты въ земскую управу... и, пожалуй, плакать, если онъ не успѣлъ еще одеревенѣть. Выходило такъ, что въ жаркую іюльскую пору въ соломенной деревушкѣ вспыхнулъ пожаръ, и вотъ примчался на пожаръ образованный человекъ, отлично и вполне научно изучившій, какъ бороться съ пожарами; онъ мечется, суетится, волнуется, кричитъ, что надо паровую пожарную трубу, надо строиться съ широкими промежутками, нужно крыть избы огнеупорнымъ составомъ, а лучше всего селиться въ каменныхъ подъ желѣзною крышей... потомъ хватаетъ дырявое ведро и, чувствуя самъ, что дѣлаетъ глупость, льетъ жиденькую струйку воды въ пожирающее пламя пожара.

А въ ближайшемъ земскомъ собраніи на Ферапонтова были

предъявлены жалобы четырех крупных гласных, да и сама управа доложила о его строптивомъ нравѣ. Гласные неоднократно посылали за врачомъ лошадей, но онъ упрямо отказывался ѣхать въ ихъ усадьбы; предсѣдатель предписалъ ему посѣтить предводителя, въ семьѣ котораго обнаружилась подозрительная сыпь, Фералонтовъ отвѣтилъ на предписаніе дерзкою запиской... Въ другое время Михайло сталъ бы оправдываться и съ фактами въ рукахъ доказалъ бы собранію, что гласныхъ онъ не могъ посѣтить хотя бы потому, что инструкція той же управы требовала энергичной борьбы съ эпидеміей, въ другое время онъ, можетъ быть, и за дерзость свою попросилъ бы извиненія... Онъ сдѣлалъ бы это, чтобы остаться на земской службѣ. Но теперь, вмѣсто всякихъ оправданій, земцы услышали извительную критику ихъ «системы», грубое опредѣленіе управскихъ дѣйствій, ироническія соображенія о предводительской «сыпи» и весьма нелестную характеристику жалобщиковъ-гласныхъ...

Михайлу уволили въ двадцать четыре часа.

Протекло мѣсяца два. Снова было наклюнулось земское мѣстишко, но, увы, опять съ «разъѣздной системой». Михайло отъказался. Тѣмъ временемъ въ печати заговорили о «вольномъ» докторѣ Таировѣ. Для Фералонтова такая дѣятельность представилась самою подходящей, но у него не было ни инструментовъ, ни денегъ на лѣкарства, ни средствъ для того, чтобы просуществовать первое время. Кончилось тѣмъ, что онъ перебрался въ губернской городъ въ чайніи заработать первоначальный фондъ частною практикой, а чтобы въ ожиданіи этой практики не умереть съ голода, пристроился «пока» къ статистикѣ.

Та же участь постигла и магистранта Бушмарина. Диссертация его... Впрочемъ, зачѣмъ говорить о трудѣ, не увидѣвшемъ свѣта ни въ журналахъ, ни въ отдѣльномъ изданіи, ни на публичномъ диспутѣ? Дѣло въ томъ, что магистрантъ не сдѣлался магистромъ и былъ очень радъ, когда Федоръ Евдокимычъ предложилъ ему мѣсто своего приватнаго помощника. Разумѣется, *пока*.

Вообще подъ начальствомъ Федора Прыткова скопилось пронасть народа, которому «пока» некуда было дѣваться. Русская жизнь изумительно щедра на «лишнихъ людей». Встарину такіе люди трагически драпировались въ плащи и вопіяли: «Бѣгу искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ... Карету мнѣ, карету!» Нынѣ они, по преимуществу, занимаются перепиской и статистикой, и, за неимѣніемъ пятіалтыннаго на извозчика, ходятъ пѣшкомъ. Встарину даже Чулкатуринъ умиралъ подъ сѣнью сво-

ихъ липъ и своихъ дубовъ, нынѣ куда покрупнѣе Чулкатуринныхъ умирають въ дрянныхъ комнатахъ «съ небиллю», а представленіе о деревенскомъ пейзажѣ совсѣмъ утратили. Иныя времена, иныя ситуаціи!

Какъ бы то ни было, N—ской статистикѣ очень было выгодно такое скопленіе «лишнихъ людей». Ѳедоръ Евдокимычъ не могъ брать ихъ съ собою въ экспедиціи по разнымъ причинамъ, но въ разработкѣ матеріаловъ пользовался ими столь же неукоснительно, какъ пользовался братъ Илья мансуровскими мужиками. Съ августа мѣсяца и до поздней весны совершалась кипучая дѣятельность. Работали по-мѣсячно, по-суточно, по часамъ, отрядно, издѣльно. Это была какая-то оргія цифровыхъ выкладокъ, процентныхъ отношеній, сельско-хозяйственныхъ выводовъ, обобщеній и анализовъ. Самъ завѣдывающій обладалъ даромъ непостижимаго рвенія. Онъ работалъ стоя, лежа, сидя, ходя, въ земской телѣжкѣ, въ бюро, у себя на квартирѣ... Его невозможно было застать безъ дѣла. Его отдыхомъ было—написать статью для журнала, похлопотать о земскихъ дѣлахъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ статистикѣ, побесѣдовать съ нужнымъ или интереснымъ человѣкомъ, да на недѣлю, либо на двѣ съѣздить въ Князія-Липы.

За то его помощникамъ приходилось жутко. У слабосильныхъ быстро наступала протрація; лѣнивые проклинали дьявольскую требовательность; равнодушные къ статистикѣ приписывали такую энергію особой маніи; небрежные, передѣлывая въ десятый разъ какую-нибудь таблицу, обвиняли Прыткова даже въ кулачества... Лишь тѣ, что мало-по-малу входили во вкусъ, благоговѣли передъ Ѳедоромъ Евдокимычемъ, прибрѣтали странное свойство думать цифрами, ничѣмъ не интересовались, кромѣ цифръ, смотрѣли на весь міръ съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія.

Глухая, немощенная улица. Съ одной стороны на нее выходятъ заднія стѣны какихъ-то безконечно-длинныхъ амбаровъ, съ другой—сады и молчаливые купеческія хоромы. На самомъ краю, на полуторѣ, стоитъ низенькій, шоколатнаго цвѣта домикъ. На улицѣ удивительная тишина. Прохожихъ нѣтъ. Обывательская корова спокойно щиплетъ траву; передъ хоромами играютъ щенки, дремлетъ старая лохматая собака съ обрывкомъ веревки на обглзлой шеѣ.

Надъ городомъ разносится благовѣсть къ вечернѣ. Воздухъ сверкаетъ и блещетъ, какъ бываетъ въ августѣ. Издали едва слышенъ оживленный дребезгъ извожичьихъ пролетовъ, гудитъ свистокъ почтового поѣзда.

Въ шоколатномъ домигѣ окна раскрыты настезь. На дверяхъ прибита позеленѣвшая дощечка, на которой съ трудомъ можно разобратить: *Θ. Е. Прытковъ*. Съ улицы видно, какъ два человѣка пишутъ и щелкаютъ на счетахъ: одинъ спокойно, внимательно, методически, другой съ яростнымъ выраженіемъ на вспотѣвшемъ лицѣ, съ порывистыми жестами, съ такимъ видомъ, какъ будто ему и безъ сюртука, въ одномъ жилетѣ, нестерпимо жарко.

— О, чортъ, чортъ тебя побери! — прошипѣлъ послѣдній, неистово надавливая перомъ на бумагу.

— Что, Аеанасій Лукичъ, или опять ошибочка? — спросилъ Прытковъ.

Борискинъ шумно вскочилъ изъ-за стола, загроможденнаго таблицами и бланками, и съ негодованіемъ воскликнулъ:

— Баста!... Ей-Богу, не въ моготу: умаялся, какъ песь!...

— Да въ чемъ дѣло-то?

— Въ четвертый подсчитываю безлошадныхъ по этой чортовой волости, — не сходится, и шабашъ.

Федоръ Евдокимычъ усмѣхнулся, продолжая свою работу.

— Кажинный разъ на самомъ афтомъ мѣстѣ! — сказалъ онъ. — Погодите, я вотъ сейчасъ. Вы напрасно горячитесь.

— А, ну васъ къ лѣшему!... Фу, ты, Господи, до чего засидѣлся!

Аеанасій Лукичъ грузно заходилъ по комнатѣ, размахивая отекшими пальцами и дѣлая гимнастическія движенія. Потомъ немножко успокоился, взглянулъ въ окно, откуда открывался широкій видъ: пестрѣли крыши сползавшаго съ кручи города, вилась сверкающая лента рѣки, раздвигались огромныя дали за рѣкою, и въ восторгѣ растопырилъ руки.

— Батюшки вы мои! — закричалъ онъ, — Федоръ Евдокимычъ! да бросьте эту анаемскую головоломку... Смотрите, какое великолѣпіе!... Даль-то — на сорокъ версть... ей-Богу, на сорокъ! А первые планы... А воздухъ... Ахъ, я телятина, вѣдь, нонче Спасъ! Вѣдь, у рѣки-то теперь цѣлый базаръ... Сколько влячь, сколько телѣгъ, типовъ, движенія... да еще въ ѳдакой рамѣ... Ну, ужъ нѣтъ-съ, Федоръ Евдокимычъ! Мое почтеніе-съ...

Онъ быстро надѣлъ сюртукъ и схватилъ шляпу и палку.

Прытковъ съ сожалѣніемъ оторвался отъ работы.

— На минуточку... Надо же найти, въ чемъ ошибка? — сказалъ онъ.

Но Аеанасій Лукичъ отчаянно замахалъ руками и, нахлобучивая шляпу, бросился вонъ изъ комнаты.

— Да вы укажите, по крайней мѣрѣ... — крикнулъ въ догонку Федоръ Евдокимычъ.

Художникъ еще разъ махнулъ рукою и ничего не отвѣтилъ. Черезъ мгновеніе онъ мальчишески заглянулъ съ улицы и весело захохоталъ. Федоръ Евдокимычъ тоже разсмѣялся.

— Ахъ, эти талантливныя натуры! — пробормоталъ онъ, оставшись одинъ.

Потомъ закурилъ папироску, прошелся по комнатѣ, взглянулъ съ дѣловымъ видомъ въ окно, въ сторону рѣки, точно провѣряя, правъ ли въ своихъ впечатлѣніяхъ Аѳанасій Лукичъ, и, сказавши про себя, что, пожалуй, ничего: сюжетъ, дѣйствительно, благодарный, сѣлъ на мѣсто Борискина и терпѣливо сталъ подсчитывать безлошадныхъ.

Федоръ Евдокимычъ не былъ похожъ ни на брата Илью, ни на сестру Алену. Это былъ человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ: можетъ быть, тридцати, а, можетъ быть, и сорока, свѣтлорусый, съ желтоватымъ и плоскимъ лицомъ, обрамленнымъ соломеннаго цвѣта бородкой, непомерно широкій въ кости, низенькій, спокойный, съ медлительными движеніями. Только необыкновенно быстрые и наблюдательныя глаза съ красивыми темными рѣсницами выдѣляли это заурядное лицо изъ тысячи ему подобныхъ, купеческихъ, мѣщанскихъ и мужицкихъ лицъ, да на блѣдныхъ, аляповато очерченныхъ губахъ лежала явная печать силы и какой-то самоувѣренной властности, заставлявшая чувствовать, что человѣкъ съ огонькомъ.

Однако, съ легкой руки Аѳанасія Лукича, работа разстраивалась. Не успѣлъ еще Федоръ Евдокимычъ подсчитать «чортову волюсть», какъ пришла кухарка Марья, единственная его прислуга, и заявила, что «по случаю праздника» идетъ въ гости.

— Какъ же, Марья, а самоваръ-то? — сказалъ Федоръ Евдокимычъ.

— И, батюшка, да вы сами поставьте. Лучину я наколола, воды приготовила, угли подъ лавкой.

— А ну-ка я изъ дома уйду?

— И хорошее дѣло! Чтой-то на самомъ дѣлѣ словно двушкельная лошадь надрываетесь. Двери-то замкните, а ключикъ сосѣду передайте, адъ въ лавочку: я спрошу. Погуляйте, погуляйте, батюшка. Нонче и острожники которые — и тѣ празднуютъ.

— Ну, быть по сему, ступайте.

Затворивъ за Марьей двери, онъ опять хотѣлъ было приняться за работу, но раздался звонокъ и пришли Бушмаринъ съ Ферাপонтовымъ: у обоихъ было по огромному картону подъ мышкой. По-

томъ позвонилъ почтальонъ. Потомъ принесли записку отъ предсѣдателя: приглашеніе на сегодняшній вечеръ по самому неотлагательному дѣлу. Позднѣ пришелъ вѣстовой отъ губернатора и тоже принесъ приглашеніе явиться завтра въ 8 часовъ утра. Обѣ записки были неожиданны и заставили Федора Евдокимыча заботливо наморщить брови... впрочемъ, только на одно мгновеніе.

Но самымъ неожиданнымъ было то, что на Глухой улицѣ вдругъ задребезжала извозчичья пролетка и къ шоколатному домику подъѣхала румяная, темноволосая дѣвушка въ широкой самодѣльной шляпѣ изъ простой соломы, въ небрежно накинутомъ ватерпруфѣ, изъ-подъ котораго виднѣлся оригинальный и красивый костюмъ: бѣлоснѣжная кофточка изъ крестьянскаго сукна, синія вѣтчатая панѣва, льняная рубашка, съ янтарнымъ ожерельемъ на груди, и яркій, полосатый кушакъ.

— Готовъ самоваръ?—весело крикнула она съ пролетки, и, подымая обѣими руками огромную банку, добавила:—Смотрите, сколько я вамъ варенья привезла!

— Аленушка! Елена Евдокимовна!—послышались радостные и шумные голоса, и вслѣдъ затѣмъ на крылечко бурно вылетѣлъ Михайло Ферапонтовъ, за нимъ немножко медленнѣе Бушмаринъ и совсѣмъ неторопливо Федоръ Евдокимычъ.

— Я тебя не узналъ,—сказалъ онъ, крѣпко пожимая руку сестры и ласковыми глазами всматриваясь въ ея какъ-то особенно оживленное лицо.—Да съ какимъ же ты поѣздомъ? Почтовый пришелъ болѣе двухъ часовъ?

— Такая внезапная исторія, братецъ Федя,—звонко заговорила Аленушка, входя въ домъ и на ходу сбрасывая ватерпруфъ и снимая шляпу.—Представь... Ферапонтовъ! развязывайте узелъ: тамъ яблоки. Представь себѣ... Однако, статистика вамъ въ прокъ, Филать Иванычъ: распозлились!... Иду я изъ багажнаго отдѣленія, вижу южный поѣздъ подходит; дай, молъ, посмотрю, нѣтъ ли кого знакомыхъ... И что же, вдругъ въ первомъ классѣ знакомое лицо: ба, да это Андрей Петровичъ Мансуровъ! Какъ загорѣлъ, поправился, бодрый такой. Ѣдетъ въ Бняжія-Липы и, вообрази, прямо изъ Барцелоны... Цѣлый годъ прожилъ въ Испаніи. Ну, два-то часа мы съ нимъ и проболтали о томъ, о семъ.

— Это какой Мансуровъ,—говорѣкъ?—спросилъ Ферапонтовъ, возясь съ узломъ.—Я его еще отъ послѣдствій горькаго пьянства спасалъ... у Ванички Алферова.

— Вы вѣчно съ глупостями, Ферапонтовъ,—возразила Але-

нушка, — не всякій же можетъ одолѣть двадцать рюмокъ коньяку и не поморщиться.

— Э, матушка вы моя, — весело сказалъ Михайло, тряхнувъ кудрями, — и было-то всего одинъ разъ, да и не двадцать, а двадцать семь... А вы вотъ злословите!

Всѣ засмѣялись. Потомъ Ферапонтовъ, откусывая яблоко, сталъ ходить кругомъ Аленушки и шуточно расхваливать ея костюмъ. Бушмаринъ спросилъ о цѣнѣ сукна и панёвы и сказалъ свойственнымъ ему академическимъ языкомъ, что это «весьма удачное соединеніе изъ ряда выходящей дешевизны, оригинальныхъ и скромныхъ красокъ и своеобразнаго изящества».

— Кофточка-то очень ужъ бѣла, — сказалъ Федоръ Евдокимычъ, съ удовольствіемъ смотря на сестру, — запачкается скоро.

— Она моется, братецъ Федя.

— Молодцѣ, Алена Евдокимовна! — воскликнулъ Ферапонтовъ, — бѣлое и чистое подобаетъ фельдшерницѣ-агушеркѣ. Ей-Богу, когда осяду вольнымъ врачомъ, женюсь на васъ... то-то дѣловъ надѣлаемъ!

— Ну, нѣтъ, Елена Евдокимовна, если ужъ выходить, такъ за меня! — черезъ-чуръ серьезнымъ тономъ сказалъ Бушмаринъ и, спохватившись, шуточно прибавилъ: — Вѣдь, одинаковыя специальности исключаютъ другъ друга.

— Ахъ, ты, измѣнщикъ! А Вѣра Николаевна? — закричалъ Ферапонтовъ.

Филать Ивановъ смущенно улыбнулся.

— Вѣра Николаевна пожелала стать артисткою, поступила въ драматическіе классы, — сказалъ онъ.

— Врѣ? — воскликнулъ Ферапонтовъ, — а медицина, а ординаторство?

— Ординаторство пришлось прекратить по независящимъ обстоятельствамъ; частная практика... говорить, что противно; въ земство — ужасно трудно, невозможно почти. Пока рѣшила занять-ся театромъ.

На нѣсколько секундъ наступило неловкое молчаніе.

— А я говорила съ Мансуровымъ о васъ, — торопливо сказала Аленушка, обращаясь къ Ферапонтову, — и, знаете, превосходно устраивается. Хотите практиковать въ Княжихъ-Липахъ?

— Ой-ли?

— Право! Андрей Петровичъ даетъ вамъ квартиру, отопленіе, освѣщеніе и сто рублей ежегодно на медикаменты. И не думайте —

ради вашихъ прекрасныхъ глазъ: ему хочется, чтобы окрестное население имѣло подъ руками врачебную помощь.

— Да вы врете, небось? Фeдоръ Евдокимычъ! вретъ, вѣдь, она, а?... Послушайте... ахъ, чортъ побори вашу душу, дайте я васъ расцѣлюю!—Ферапонтовъ отбросилъ недоѣденное яблоко и, съ сияющимъ отъ восторга лицомъ, расцѣловалъ Аленушку въ обѣ щеки.

Вслѣдъ затѣмъ поднялся споръ. Бушмаринъ сказалъ, что крайне не сочувствуетъ модному нынѣ типу врачебной помощи. Фeдоръ Евдокимычъ поддержалъ его, говоря, что нѣкоторые виды умственного труда необходимо должны быть даровые, а такъ какъ это теперь невозможно, то пускай ужъ платятъ общество, земство, мѣръ, а не отдѣльныя единицы. Быстро перешли къ индивидуализму и общинной организаціи, къ Европѣ и, будто бы, земскому складу русской жизни... Ферапонтовъ въ душѣ былъ согласенъ съ мыслями Бушмарина и Прыткова и потому тѣмъ болѣе горячился, возражая.

— Чортъ его побори, ваше земство!—кричалъ онъ.—Вспомните его составъ, его раскладки... Я сдѣлаю раскладку въ тысячу разъ справедливѣе: буду брать съ богатыхъ и даромъ лечить бѣдняковъ.

— Дѣло не въ васъ, а въ принципѣ,—возражалъ Фeдоръ Евдокимычъ,—также какъ и не въ теперешнемъ составѣ земства, но въ его принципѣ.

— Ты, Ферапонтовъ, направляешь свою дѣятельность вопреки драгоценнѣйшимъ завѣтамъ русской интеллигенціи,—говорилъ Бушмаринъ.

— Ахъ, господа, господа! Отъ Бняжихъ-Липъ и не доскачешь до земскаго доктора. Кто же будетъ лечить, по-вашему?—сказала Аленушка.

— Вотъ Михайло Евстигнѣичъ и будетъ лечить,—отвѣтилъ Фeдоръ Евдокимычъ,—но пусть онъ не забываетъ, что это также *пока*, какъ онъ занимается вотъ статистикой. Будущность не должна быть на сторонѣ врача-промышленника, но на сторонѣ врача-земца.

— Но, вѣдь, онъ не наживать идетъ въ деревню! Вѣдь, то, что онъ идетъ туда—жертва, а не промыселъ!

— Какая къ дьяволу жертва!—воскликнулъ Ферапонтовъ, съ досадою отмахиваясь отъ Аленушки.

— А коли жертва, тогда и разговоръ другой,—подхватилъ Прытковъ,—жертвѣ законы не писаны и завѣты не обязательны.

— Какъ такъ?—вспылилъ Филатъ Ивановъ.

— Конечно. Въ дѣлахъ жертвы я считаюсь съ самимъ собой, съ своею вѣрой, съ своею совѣстью. Съ нравственной точки зрѣнія этимъ все оправдывается.

— Но позвольте-съ!...

— Эдакъ можно и измѣну оправдать...

— Жертвы бываютъ глупыя...

— Вспомнимъ протопопа Аввакума!

— А что же, развѣ то была глупая жертва?

Шоколатный домикъ весь наполнился шумомъ разгоряченныхъ голосовъ.

— Вниманіе! — дребезжащимъ голосомъ возопилъ неслышно вошедшій, длинный, худой, бѣлобрысый человѣкъ, съ замѣчательно маленькою головкой и экземой на большомъ носу. — Вниманіе! Во-первыхъ, отдайте деньги извозчику, а во-вторыхъ... — и онъ торжественно положилъ на столъ какую-то громоздкую вещь, тщательно завернутую въ газетную бумагу. Аленушка всплеснула руками и выбѣжала къ извозчику.

— А, Догель! что это вы притащили? — сказалъ Федоръ Евдокимычъ, — если промысловыя таблицы, такъ, увы, до завтра.

— Вотъ увидите, — важно отвѣтилъ Догель.

Вещь была медленно и осторожно извлечена изъ обертки и оказалась безконечнымъ свиткомъ клеенной бумаги съ раскрашенными картограммами. Привѣшенный къ потолку на деревянной оси, свитокъ вращался и послѣдовательно указывалъ зрителямъ экономическое состояніе губерніи за 25 лѣтъ. Кто умѣлъ разбираться въ условныхъ знакахъ и краскахъ, впечатлѣніе получалось очень наглядное и, въ значительной мѣрѣ, ошеломляющее. Съ года на годъ падали урожаи, уменьшалось количество скота и надѣльной земли, возрасталъ процентъ смертности, безлошадныхъ, бобылей, переселенцевъ, увеличивались повинности и недоимки, возвышалась цѣна земли, прихотливо прыгали цѣны на хлѣбъ и, безъ всякаго отношенія къ этимъ цѣнамъ, оплачивался крестьянскій трудъ.

— Остроумно, — сказалъ Федоръ Евдокимычъ.

— Не правда ли? — подхватилъ Догель, краснѣя отъ удовольствія. — Сегодня къ вамъ собираются нагрнуть наши, вотъ я и хочу продемонстрировать.

Прытковъ едва замѣтно поморщился.

— Эка въ васъ педагогическая жилка играетъ! — сказалъ онъ. — Кого вы хотите убѣдить, Антонъ Барлычъ? Мы, вѣдь, и безъ картограммъ все знаемъ, да что толку? Нужно убѣждать имѣ-

ющихъ вліяніе... А тамъ неудобно демонстрировать. И еще скажу: съ завтрашняго дня я принимаю только по дѣламъ.

— Что такъ?—воскликнули четыре голоса.

— Я говорю совершенно серьезно, — съ твердостью произнесъ Федоръ Евдокимычъ и, чтобы избѣгнуть объясненій, по его мнѣнію, излишнихъ, перешелъ къ обсужденію Догелевыхъ картограммъ. Опять возгорѣлся споръ. Свитокъ разложили на полу, и Бушмаринъ, Догель, Прытковъ, кто на корточкахъ, кто на колѣняхъ, стали разсматривать его и сравнивать съ другими данными. Замелькали спеціальныя статистическія слова, политико-экономическіе термины, цифры, названія волостей и уѣздовъ. Всѣ трое увлеклись до самозабвенія: Ошеломляющіе выводы свитка ихъ не интересовали, на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, но прогрессъ работы, методъ, система анализа интересовали глубоко. Догель многое бралъ изъ свѣдѣній губернскаго и центрального комитетовъ; Прытковъ относился къ этимъ свѣдѣніямъ, какъ и подобаетъ земскому статистику. Отсюда перешли къ тому, за какимъ методомъ можно признать преимущество. Оффиціальныи методъ защищался только Догелемъ, да и то лишь до тѣхъ поръ, пока шла рѣчь о достовѣрности его свитка. Бушмаринъ превозносилъ черниговцевъ въ ущербъ москвичамъ. Прытковъ стоялъ за цѣлесообразное соединеніе южныхъ и сѣверныхъ приемовъ и говорилъ, что даже старый тверской способъ: монографическія описанія, можетъ быть употребленъ съ великою пользой. Попутно разобрали труды Покровскаго, Каблукова, Щербины, Анненскаго, Харизоменова и, конечно, Орлова, котораго Ферапонтовъ называлъ ересіархомъ особой вѣры: статистики. Аленушка совершенно неожиданно внесла кипящій самоваръ: пока шумѣли, она ушла въ кухню и сдѣлала все, что нужно. Михайло Евстигнѣичъ бросился подавать посуду. Тѣмъ временемъ наступили сумерки и, одинъ за другимъ, начали появляться гости. Это были люди все не старые, большинство изъ нихъ успѣли, однако, повидать и не столь отдаленныя, и далекія страны. Почти всѣ получили въ свое время профессиональное образованіе, но здѣсь, въ губернскомъ городѣ N., случилось такъ, что профессіи странно перетасовывались. Ориенталистъ былъ письмоводителемъ у мирового судьи, горный инженеръ разводилъ овощи, юристъ и технологъ переплетались перепиской (на ихъ счастье, въ N. жилъ весьма плодовитый вояжеръ и изыскатель древности), двѣ курсистки съ филологическаго отдѣленія переплетали книжки и шили. О статистикѣ нечего и говорить послѣ того, что сказано о художникѣ Борискинѣ и врачѣ Ферапонтовѣ.

Федоръ Евдокимычъ не любилъ такого скопленія гостей и, какъ говорили про него дамы, не умѣлъ даже быть любезнымъ хозяиномъ, и обыкновенно держалъ себя точно посторонній; но почему-то было принято раза два въ мѣсяцъ непременно собираться въ шоколатномъ домикѣ. Ферапонтовъ, бывавшій иногда проникательнымъ, объяснялъ это такъ: собираться другъ у друга—значить вариться въ собственномъ своемъ соку—безплодное занятіе! Обывательскіе же очаги либо недоступны, либо нестерпимы. Притковъ былъ хотя не совсѣмъ свой человѣкъ, но, все-таки, свой и затѣмъ близъ него чувствовалось соблазнительное біеніе «настоящей» жизни и можно было встрѣчаться съ настоящими обывателями. Такимъ образомъ, шоколатный домъ составлялъ какъ бы мостикъ отъ той Робинзонады, въ которой томились «лишніе люди», къ берегу недоступной имъ *пока* дѣйствительности.

Борискинъ привелъ съ собою скромно одѣтыхъ въ пиджаки и неловкихъ молодыхъ людей—«коренныхъ статистиковъ», какъ ихъ называли,—это былъ официальный составъ бюро; съ ними Федоръ Евдокимычъ совершалъ экспедиціи и окончательно отдѣлывалъ матеріалы. Одинъ былъ изъ волостныхъ писарей, другой—крестьянинъ, окончившій учительскую семинарію, третій—служилъ прежде письмоводителемъ у становаго. Всѣхъ трехъ избралъ самъ Федоръ Евдокимычъ; онъ готовилъ ихъ въ будущемъ въ земскіе гласные и чрезвычайно дорожилъ ими. Кромѣ этихъ скромныхъ людей, обывательскій элементъ былъ представленъ двумя офицерами мѣстнаго полка, бухгалтеромъ изъ банка, столоначальникомъ изъ казенной палаты, молодымъ краснорядцемъ и членомъ городской управы.

Какъ только стало достаточно шумно, Федоръ Евдокимычъ ушелъ въ свою спальню, надѣлъ тамъ сюртукъ поверхъ рубашки съ вышитымъ воротомъ и, возвратившись, уединился въ уголокъ съ видомъ посторонняго человѣка. Онъ ждалъ десяти часовъ, чтобы идти къ предсѣдателю. Чаемъ распорядились бывшія курсистки, Аленушка и Ферапонтовъ. Огромная банка съ вареньемъ торжественно возвышалась среди стола. Говорили въ перебой и, главнымъ образомъ, о готовящихся реформахъ въ мѣстномъ управленіи и объ экономическихъ вопросахъ. Догель заявилъ, что намѣренъ прочитать рефератъ и демонстрировать по особому способу картограммы.

— Охъ, ужъ эта мнѣ статистика!—вскрикнулъ Борискинъ и съ гримасой негодованія постучалъ кулакомъ по своей шеѣ.

— Долой статистику!—раздались шутливые голоса.

— Господа! — произнесъ взволнованный Догель, — я, какъ

бывшій учитель гимназіи, смыслу кое-что въ педагогикѣ. А педагогика учить: и важный предметъ теряетъ иногда свое значеніе отъ того метода, съ которымъ подходишь къ нему. Пореформенное состояніе Россіи, согласитесь, предметъ весьма важный. Думаю, что избранный мною методъ наглядно познакомитъ васъ если не съ положеніемъ всей Россіи, такъ, по крайней мѣрѣ, здѣшней губерніи.

— Антонъ Карлычъ, господа, придумалъ статистическій блокъ,—серьезно сказалъ Ферапонтовъ,—и, дѣйствительно, чертовски разъясняетъ дѣло.

— Да, я придумалъ статистическій блокъ, — машинально повторилъ обрусѣвшій нѣмецъ и улыбнулся доброю, виноватою улыбкой. Противъ этой улыбки не нашлось охотниковъ возражать и рѣшено было тотчасъ же послѣ чая приниматься за рефератъ.

— А вы, Ферапонтовъ, очень не встаети остроумничаете, — съ суровымъ лицомъ прошептала Аленушка, — развѣ можно отрицать пользу такихъ рефератовъ?

Михайло Евстигнѣичъ смѣшливо почесалъ въ затылкѣ.

— Ахъ, мать милосердая, оскомину набили этими рефератами! — сказалъ онъ, но, видя, что лицо Аленушки продолжаетъ быть суровымъ, продолжалъ уже въ иномъ тонѣ: — Ну, хорошо, ну, докажете... а дальше? Ей-Богу, вѣдь, искусство для искусства. Да вотъ примѣръ — самъ Догель. Занялся онъ статистикой по необходимости: дѣваться некуда, а теперь ужъ это у него запой, игра азартная. Вы думаете его интересуеетъ пореформенное состояніе? Какъ же! Его веселитъ изобрѣтеніе, выдумка... Вы скажете — все равно, но ѣтмъ, моля, любознательность поддерживается, правильныя чувства внушаются? Эхъ!

— А развѣ не правда?

— Правда, да что толку? Чувства — хорошо, когда они хоть немножко переходятъ въ дѣйствіе. А праздно кивать въ нихъ... ей-Богу, плевое занятіе!

— Перейдутъ и въ дѣйствіе.

— Да когда? Эхъ, родимая... жизнь-то уходитъ... — Ферапонтовъ помолчалъ и потомъ прибавилъ растроганнымъ голосомъ: — А вамъ большое спасибо, Елена Евдокимовна, вы меня изъ этого безплоднаго вѣтнія извлекли, настоящую работу дали. А знаете что... отойдемте, я вамъ словечко скажу... Знаете что, Алена Евдокимовна... не въ шутку теперь, а въ серьезъ... пойдете за меня замужъ, а?

— Въ серьезъ? — произнесла Аленушка, смотря ему прямо въ лицо, — нѣтъ, голубчикъ, не пойду.

— А почему, можно узнать? — упавшимъ голосомъ спросилъ Ферапонтовъ.

— Потому что другого люблю.

— Ужь не Мансурова ли?

— Коли хотите знать...—она запнулась и густо покраснѣла, потомужъ произнесла съ рѣшительностью:—да, его.

Оба помолчали.

— Вы, голубчикъ, скажите, — съ особенною ласковостью выговорила Аленушка, — если вамъ тяжело будетъ въ Княжихъ-Линахъ, я могу и уѣхать оттуда. Мнѣ предлагаютъ мѣсто въ тамбовскомъ земствѣ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, — отвѣтилъ Ферапонтовъ, — аль мы романческіе герои, чтобы разбѣгаться изъ-за всякаго пустяка? Эдакъ и концовъ не соберешь! — Онъ крѣпко пожалъ ея руку, трихнулъ жудрами и отошелъ въ ту сторону, гдѣ спорили все громче и громче.

Филать Иванычъ Бушмаринъ, противъ своего обыкновенія, не вступалъ въ споры, хотя здѣсь и дорожили его мнѣніемъ и изъ ряду выходящими познаніями. Пощупывая бородку, онъ все слѣдилъ за Аленушкой, нѣсколько разъ хотѣлъ подойти къ ней, но не рѣшался, и кончилъ тѣмъ, что подсѣлъ къ Федору Евдокимычу.

— Надо отправляться, — сказалъ тотъ, взглядывая на часы, — чувствуетъ мое сердце, что именно объ этомъ предстоитъ разводить канитель и съ Бречетовымъ, и съ губернаторомъ. — Онъ кивнулъ головой по направленію спорящихъ.

— Надѣйтесь, обойдется благополучно? — разсѣянно спросилъ Бушмаринъ.

Федоръ Евдокимычъ неопредѣленно улыбнулся и не отвѣтилъ.

— Подвигается ли «народонаселеніе» по Z—му уѣзду? — сказалъ онъ дѣловымъ тономъ. — Вы ужь, пожалуйста, Филать Иванычъ, торопите барышень. *Порядки землепользованія* я окончу нынче въ ночь, да надо печатать.

— Барышни жалуются, Федоръ Евдокимычъ, — сказалъ Бушмаринъ, — дѣйствительно, приходится четырнадцать часовъ въ сутки работать.

Прытковъ холодно пожалъ плечами.

— Всѣ работаемъ, — сказалъ онъ, — земскія деньги даромъ брать нельзя. Тяжело посуточно, пусть берутъ издѣльно.

Филать Иванычъ имѣлъ кое-что возразить, но промолчалъ.

— Надо же доказать, что умѣемъ вести дѣло, — прибавилъ Прытковъ, догадываясь, что съ нимъ не совсѣмъ согласны.

— Разумѣется...—процѣдилъ Бушмаринъ,—однако, размѣры чонорара...

— Ничтожны?... А гдѣ взять? Вы знаете нашу ассигновку.

— Я не о себѣ, не подумайте, что о себѣ,—быстро отвѣтилъ Филать Иванычъ и покраснѣлъ. Потомъ вспомнилъ о несчастной вдовѣ одного умершаго въ далекихъ странахъ: еще сегодня она просила его переговорить съ Прытковымъ о работѣ. Мѣсяцъ тому назадъ ей было отказано за грубѣйшія ошибки. А человекъ былъ дѣйствительно несчастный: съ барскимъ воспитаніемъ, съ развитыми нервами, съ страшною путаницей въ головѣ и, вдобавокъ, морфинистка.

— Нельзя ли дать что-нибудь Клавдіи Петровнѣ? Ей, вѣдь, ѣсть нечего,—сказалъ онъ, робко взглядывая на Прыткова.

— Нельзя-съ,—отвѣтилъ тотъ,—статистика не филантропія, Филать Иванычъ. А положеніе, дѣйствительно, скверное? Ну, вотъ что... придумайте ей переписку, что ли, вообще что-нибудь: я заплачу изъ своихъ... Да погодите: ей, вѣроятно, сейчасъ же нужно,—онъ досталъ обтрепанный портмоне и вынулъ оттуда единственную десятирублевую бумажку.

Филать Иванычъ улыбнулся отъ удовольствія, не потому, что успѣлъ въ своей просьбѣ, но потому, что Прытковъ оказывался тѣмъ добрымъ и отзывчивымъ человекомъ, какимъ онъ представлялъ его себѣ.

— У васъ, кажется, и на извощика не осталось, Федоръ Евдокимычъ?—спросилъ онъ весело.

— Ничего, у меня ноги здоровыя,—отвѣтилъ тотъ.—Вы, впрочемъ, не думайте, что послѣднее отдаю: завтра же возьму въ управѣ. Была бы жена, ну, другое дѣло, а то мнѣ и дѣвать некуда моихъ денегъ.

Бушмаринъ подумалъ, что у Федора Евдокимыча дешевенькая и плохенькая мебель, сапоги съ заплатами, парадный сюртучекъ, и тотъ вонъ лоснится по швамъ и оттопырился на шеѣ, и ему сдѣлалось еще веселѣе.

— А отчего бы вамъ не жениться, Федоръ Евдокимычъ? — спросилъ онъ, невольно ища глазами Аленушку.

— Отчего? Вотъ ужъ не знаю. Просто никогда не думалъ объ этомъ. Да и некогда... Однако, надо идти.

— На минуточку! — торопливо воскликнулъ Бушмаринъ,—а я вотъ хочу жениться.

— Эге!

— Да... И намѣреваюсь васъ просить...—онъ запнулся, по-

томъ съ усиленіемъ продолжалъ:—Поговорите съ Еленой Евдокимовой. Увѣрю васъ, это было бы для меня великое счастье. Она давно меня знаетъ, я... тоже ее знаю. Что же... одиночество вещь противуестественная и вообще, а особенно съ русской точки зрѣнія. Хоровое начало въ средѣ обществѣнности, дуэтъ въ средѣ семьи...—Онъ застѣнчиво разсѣялся своей недоконченной шуткѣ.

— Вотъ вы какъ! Ну, что же, дѣло хорошее, — серьезно отвѣтилъ Прытковъ, — ладно, поговорю. Да что откладывать?... Аленушка!

— Не лучше ли послѣ какъ-нибудь?—произнесъ Бушмаринъ, багровѣя, и тотчасъ же подумалъ, что бѣда съ этими рѣшительными людьми. Но Аленушка уже подходила и онъ поспѣшилъ отойти.

— Посиди-ка со мной, сестренка, — сказалъ Федоръ Евдокимычъ, — мнѣ сейчасъ исчезать, а мы съ тобой двухъ словъ не сказали. Эге, двѣнадцать минутъ осталось!

— А мнѣ, братецъ Федя, надо съ тобой серьезно поговорить, — сказала Аленушка, кладя ему на плечо свою руку. Въ ея движеніяхъ сквозило такое радостное волненіе, а въ блескѣ глазъ и въ выраженіи безпрестанно улыбающихся губъ такая трепещущая и красивая полнота жизни, что братъ невольно залюбовался ею и почувствовалъ, что разговоръ предстоитъ праздный, что она не пойдетъ за скромнаго и сѣренькаго Бушмарина.

— Вотъ что я хотѣла сказать, — начала было Аленушка, но вдругъ безпричинно засмѣялась и сконфузилась. Потомъ быстро заговорила о томъ, что дѣлается въ Вняжихъ-Липахъ. Елизавета Петровна Мансурова прислала недавно письмо изъ Самарской губерніи: спрашиваетъ о братѣ, проситъ выслать пятьдесятъ рублей и паспортъ Алешѣ. У Колодкина умерла жена, а самъ онъ прекратилъ торговлю и живетъ теперь съ сыномъ въ монастырѣ. Умеръ старикъ Лукичъ... передъ смертью отдалъ попу все свои деньжонки, тридцать съ чѣмъ-то рублей, и просилъ отслужить сорокоустъ за Евгенью Марковну, къ своей же заgrabной участи обнаружилъ странное равнодушіе. Агаея съ матерью перебрались въ городъ.

— Это и есть твое серьезное?—усмѣхаясь, сказалъ Федоръ Евдокимычъ и поднялся. И только для того, чтобы исполнить данное Бушмарину обѣщаніе, продолжалъ стоя:—Хочешь быть женою Филата Иваныча? Онъ просилъ поговорить съ тобою. Если желаешь знать мое мнѣніе—парень на рѣдкость хорошій; снаружи не блещитъ, но способности есть, и большія. Съ книгой его я кое въ чемъ не согласенъ: вліяніе финансовой политики на общину можно поворотить такъ, а можно и этакъ... Однако, у нашихъ каедралн-

стовъ поискать да поискать такой самостоятельности и, главное, твердости въ принципѣ. Ничего, что его нынѣ затерли: онъ еще скажется. Право, выходи.

— Вотъ тебѣ на... двое! — растерянно воскликнула Аленушка и съ такимъ беспомощнымъ выраженіемъ опустила руки, что Федоръ Евдокимычъ засмѣялся.

Больше ни слова не было произнесено о Бушмаринѣ.

— Погоди уходить, братецъ... серьезное-то мое вотъ въ чемъ: ты не соберешься въ Бняжія-Липы? — сказала она.

— Зачѣмъ?

— Ну, какъ тебѣ... Давеча мы разговорились съ Андреемъ Петровичемъ: что вы хотите дѣлать? — спрашиваю. Онъ намѣренъ въ земство. И знаешь, ужасно важно, чтобы ты съ нимъ познакомился и переговорилъ. Увѣряю, въ земствѣ это будетъ драгоценный человѣкъ. Вѣдь, это же умница, талантъ, образованный, честный... А, братецъ?

— Онъ и есть *другой*? — шутливо спросилъ Федоръ Евдокимычъ.

— За этого-то я бы съ радостью пошла, — въ тонъ отвѣтила Аленушка, но не могла выдержать пристально устремленнаго на нее взгляда и, какъ будто очень заинтересованная тѣмъ, о чемъ кричали вокругъ размахивающаго руками и тоже кричавшаго Феррапонтова, побѣжала туда.

«Вотъ оно что!» — подумалъ Прытковъ. Но больше ничего не подумалъ, ибо нечаянно взглянулъ на «коренныхъ статистиковъ» и вспомнилъ, что завтра же надо одного послать въ уѣздъ за дополнительными свѣдѣніями, а другаго — въ казенную палату за справками о недонмакахъ. Переговоривъ съ ними уже въ передней, надѣвая пальто, онъ имѣлъ время сказать Бушмарину только слѣдующее:

— Не выгорѣло, Филать Иванычъ.

И, притомъ, съ такимъ разсѣяннымъ и безучастнымъ выраженіемъ, что бѣдный магистрантъ почти измѣнилъ свое мнѣніе о его добротѣ и отзывчивости.

Послѣ чая выслушали рефератъ Догеля, сопровождаемый вращательными движеніями «статистическаго блока». Филать Иванычъ чувствовалъ себя нехорошо; ему очень хотѣлось уйти домой и забыться, — заглушить сиротливое свое настроеніе обычнымъ средствомъ: чрезмѣрною работой; но онъ давно поставилъ правиломъ при всякомъ удобномъ случаѣ высказывать свои профессиональные взгляды и дѣлиться познаніями съ тѣми, кто въ

нихъ нуждается. Вотъ почему никто съ такою внимательностью не вникалъ въ Догелевы цифры и соображенія. Послѣ реферата тотчасъ же образовались партіи. Главная находила источникъ прогрессирующаго бѣдствія въ реформѣ 19 февраля; этой партіи горячо возражали другія... Впрочемъ, всё склонялись къ тому, что вопросъ разрѣшается политическими обстоятельствами; въ спорахъ было больше ѳмфаза, рѣзкостей и категорическихъ утвержденій, нежели хладнокровнаго обсужденія событій.

Тогда заговорилъ своимъ академическимъ слогомъ Филать Иванычъ. Онъ связалъ мѣстное явленіе съ обще-европейскими причинами—съ повсюду возрастающимъ милитаризмомъ, съ господствующимъ типомъ финансовыхъ мѣропріятій, съ буржуазнымъ складомъ современнаго государства,—однимъ словомъ, обрисовалъ историческій процессъ во всей его силѣ и закономѣрной глубинѣ. Это была добросовѣстная лекція, быть можетъ, безъ темперамента, но съ подавляющимъ количествомъ свѣдѣній, цитатъ, ссылокъ на авторитеты, и очень опредѣленная по научному міровоззрѣнію. Послѣ нея уже рѣшительно стали невозможны рѣзкости, ѳмфазы и категорическія утвержденія... За то сразу повѣяло уныніемъ.

— Ну, Филать Иванычъ, размазалъ ты ловко, хоть сейчасъ въ печать,—съ досадою воскликнулъ Ферапонтовъ,—повѣдай же намъ, что теперича дѣлать? ■

Филать Иванычъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ приподнялъ брови и отвѣтствовалъ программой государственнаго вмѣшательства, съ одной стороны, и программой земскихъ регламентацій—съ другой.

— Такъ-съ. Но это воопче?... съ птичьяго полета? Ну, а намъ-то, намъ-то что дѣлать? Какая наша-то должна быть роль въ твоёмъ чортовомъ процессѣ?

— А ужъ за этимъ обратись къ другимъ специальностямъ, къ этикѣ, на примѣръ,—резоннымъ голосомъ произнесъ Бушмаринъ.

— Если вы изволите говорить о научной этикѣ, о такой, чтобы была обоснована на фактахъ, а не на метафизикѣ, то извините-съ, я за этимъ слѣжу-съ, и, осмѣлюсь доложить, она еще не готова-съ! — отчеканилъ наивнымъ дискантомъ офицеръ мѣстнаго полка.

Уныніе какъ рукой сняло: всё разсмѣялись.

— Эхъ, господа, видно не съ этой стороны ждать намъ попутнаго вѣтра,—воскликнулъ Ферапонтовъ,—а вотъ смиловался помѣщикъ Мансуровъ, я и распускаю паруса... Ждите и вы, дабы закономѣрно приобщиться къ историческому процессу... Такъ, что ли,

Филать Иванычъ? А пока что—строгий нашъ хозяинъ исчезъ, хоз-зяюшка снисходительна, приѣмовъ здѣсь больше не будетъ... Кто поеть? Идите сюда... разъ, два, три:

Проведете, друзья, эту ночь веселѣй,
Пусть студентовъ семья соберется тѣснѣй!...

Дружный хоръ весело подхватилъ пѣсню. Звуки понеслись въ раскрытыя окна вдоль Глухой улицы, потревожили сонную закоснѣ-лость купеческихъ хоромъ, разбудили городского, дремавшего не-далекѣ...

— Аль свадьба?—спросилъ городского ночной извозчикъ, при-останавливая свою еле бредущую влячу.

— Чего? Проѣзжай, проѣзжай... свадьба! Статистики гуляютъ.

IV.

З е м ц ы .

На главной улицѣ города N., Большой Московской, стояла го-стиница «Пекинъ». Въ этой гостиницѣ были и кровати безъ кло-повъ, и наощенные полы, и коверъ на чугунной лѣстницѣ, и от-дѣланные подъ мраморъ стѣны, и въ помпейскомъ вкусѣ вестибюль съ швейцаромъ въ галунахъ, и лучший въ городѣ ресторанъ. Все это, конечно, было заплевано и съ запашкомъ, но, тѣмъ не менѣе, носило еще признаки Европы, а потому тамъ останавливались и помѣщики, и земцы, и важныя особы. Федоръ Евдокимычъ захо-дилъ иногда въ швейцарскую и прочитывалъ фамилии пріѣзжихъ: не попадется ли нужный человѣчекъ. Такъ поступилъ онъ и те-перь: ему нужно было узнать, кого изъ пріѣзжихъ земцевъ онъ мо-жетъ встрѣтить у Кречетова... Но не успѣлъ онъ еще подойти къ доскѣ, какъ на лѣстницѣ показалась массивная фигура въ кар-тузѣ и поддевкѣ, и раздался радостный голосъ Алферова:

— Оеда... Федоръ Евдокимычъ!... А я къ тебѣ.

Они облобызались. Оказалось, что Иванъ Антонычъ пріѣхалъ на лошадяхъ съ «низовыхъ» ярмарокъ, гдѣ покупалъ быковъ, ос-тановился до утра въ «Пекинъ» и спѣшитъ домой, въ уѣздный го-родъ.

— Ну, братъ, хочешь-не-хочешь, завтра поѣдемъ со мною,—сказалъ онъ, широко и таинственно улыбаясь.

— Что такъ?

— Гм... Такая новость, что и объявлять-то ее подъ сухую... Зайдемъ-ка въ ресторанъ.

Они повернули изъ швейцарской налѣво и присѣли къ мраморному столику. Буфетчикъ встрѣтилъ Ивана Антоныча радостною улыбкой и поклономъ въ поясъ, важный старикъ-лакей изъ бывшихъ дворовыхъ въ свою очередь пріятно осклабился; другой лакей, изъ пореформенныхъ, суетливо началъ накрывать столикъ, предварительно вытеревши чистую мраморную доску рукавомъ фрака. Затѣмъ всѣ вперили на Алферова выжидающія очи. Иванъ Антонычъ чувствовалъ, что долженъ сдѣлать пріятное этимъ людямъ, не въ смыслъ одной выгоды, но въ томъ смыслѣ, чтобы они не обманулись въ своихъ представленіяхъ о немъ, какъ о щедромъ, простомъ и чрезвычайно богатомъ человѣкѣ. Это было обычное чувство Ивана Антоныча во всѣхъ знакомыхъ ему ресторанахъ и гостиницахъ. вмѣсто того, чтобы спросить дешеваго кларета, какъ хотѣлъ было сначала изъ уваженія къ строгой бережливости Прыткова, онъ сказалъ важному старичку:

— Григорій Иванычъ, тащи - ка, благодѣтель, бутылочку редерерцу!

— Ты знаешь, я не пью,—сказалъ Прытковъ.

— Ну-къ что-жь... а сейчасъ, все-таки, выпьешь: торжественно, братъ, библиотеку открываемъ!

— Получено разрѣшеніе?

— Именно. Посему я и скотовъ своихъ бросилъ. Прикащикъ Дормидонтычъ секретно отъ родителя телеграмму мнѣ стебанулъ... Три года, вѣдь, ждали, а? Григорій Иванычъ! Понимаешь ты, что есть библиотека?—обратился онъ къ лакею, почтительно и безшумно обращавшемуся съ бутылкой.

— Какъ, сударь, не понимать: изъ года въ годъ тридцать лѣтъ ровнымъ счетомъ въ графскомъ дому выслужилъ-сь.

— Графъ-то твой, небось, для собственнаго обихода книжки собиралъ, а мы вотъ публичную открываемъ, для всѣхъ... Ну, налей по бокалу, а остальное выпейте съ Егоромъ... за процвѣтаніе.

Восхищенные лакеи поблагодарили не столько, конечно, за шампанское, сколько за то, что Иванъ Антонычъ и на этотъ разъ поддержалъ свое реноме щедраго, простаго и чрезвычайно богатаго человѣка.

— Безобразникъ ты, Иванъ Антонычъ,—усмѣхаясь, сказалъ Прытковъ,—вѣдь, для той же библиотеки хорошую книгу можно бы купить, вмѣсто бутылки этой дряни. Видно, Тита Титыча въ семи водахъ изъ васъ не вываришь.

— Ладно, ладно,—сказалъ нѣсколько сконфуженный Иванъ Антонычъ.— Такъ поѣдемъ завтра?

— Некогда.

— Бстати, уломалъ бы родителя на библиотеку пожертвовать, да чтобы разрѣшилъ мнѣ въ предсѣдателя комитета... Упрямится старина и шабашъ! А ты знаешь—денегъ у меня своихъ нѣтъ, что могу дать, такъ секретно. Въ предсѣдатели тоже никто не поидеть помимо меня, то-есть изъ толстосумовъ, а выбрать интеллигента—решпекту ему не будетъ отъ купечества, съ душой не поладить. Видишь, сколько мнѣ резоновъ ѣхать. Есть и еще дѣльце,—Иванъ Антонычъ понизилъ голосъ,—надо тебя съ одною дѣвицей познакомиться: совѣтъ твой нуженъ, жениться мнѣ на ней, али нѣтъ?

— Да нешто ты можешь жениться не любя?

— Кто тебѣ сказалъ, не любя? Она и умненькая, и красива... то-есть на мой взглядъ. А, главное, всѣмъ ужь очень пріятно будетъ: ея родителямъ, моимъ родителямъ, родиѣ, знакомымъ, прикащикамъ, прислугѣ... Да что толковать, всему городу будетъ пріятно.

— Значить, съ приданымъ?

— Сто тысячъ, милый человекъ. А за симъ, что-же? Отъ любви-то, братъ, еще застрѣдишься, либо съ ума спятишь... вонъ Андрей Петровичъ Мансуровъ!

— Онъ возвратился, сегодня проѣхалъ въ Бняжія-Липы.

— Ой-ли? Вотъ прекрасно. Ахъ, я свинья, свинья, писалъ онъ мнѣ раза два изъ Испаніи, а я и не отвѣтилъ. Самъ посуди: пишетъ изящно, разныя тамъ эдакія тонкія мысли, стихи, красоты, метафизика; ну, что-же ему отвѣчать? Наше дѣло сѣренькое. То-есть, я его очень люблю, и цѣню всю эту его эстетическую повадку, да мнѣ-то она не ко двору.

— Бстати, какъ полагаешь, пригоденъ онъ былъ бы въ земствѣ?

— Мосты строить? рукомойники лудить?—ни къ чему! А въ иномъ смыслѣ, въ высшемъ, что-ли... вотъ лидеромъ бы ему, да чтобы дѣловой человекъ возлѣ, знаешь, для черновой работы,—ау, братъ, блестящій и полезный это былъ бы земець! Прямо тебѣ скажу: «вадыки» на нѣтъ можно свести съ этакимъ талантомъ!

Прытковъ многозначительно помычалъ.

— Такъ мы вотъ что совершимъ,—сказалъ онъ,—я ѣду къ тебѣ, а потомъ вмѣстѣ въ Бняжія-Липы.

— Идетъ.

— А теперь выбирай: либо ко мнѣ иди, тамъ вся наша компанія въ сборѣ, либо поидемъ къ Кречетову. Лучше послѣднее; ты мнѣ подсобишь, предстоятъ довольно непріятные переговоры.

— Ну къ что-жь, къ Кречетову, такъ къ Кречетову. Генераль

Гнѣвышевѣ здѣсь, должно быть, туда же поѣхалъ, съ сыномъ. Хорошій паренекъ его сынъ, хотя и съ гвоздемъ. Какую онъ штуку недавно выкинулъ... Избрали его въ мировые судьи... Ладно, годъ продержался, на другой годъ торжественно заявляетъ: я, говорить, въ острогъ сажать не намѣренъ... Ловко? Примирять согласенъ, гражданскія дѣла могу разрѣшать, по уголовнымъ же абсолютно не могу. Такъ и вышелъ.

— По Толстому, значить?

— Говорю, съ гвоздемъ. Не разберешь. Да вотъ познакомишься. Эхъ, Борискина надо бы повидать... Скажи ты ему: какъ только женюсь, пусть артель подбираетъ, жена даетъ сорокъ десятинъ земли подъ колонію интеллигентовъ.

— Ужь и жена!

— Что же братъ, чувствую, что женюсь,—со смѣхомъ сказалъ Иванъ Антонычъ,—всѣ ужъ желаютъ этого. То-есть какъ ты рѣшишь, такъ и будетъ. Ну, айда къ Бречетову!

Они вышли сопровождаемые учтивыми улыбками и низкими поклонами буфетчика, лакеевъ, швейцара въ галунахъ, поклонами и улыбками, конечно, по адресу поддевки, а не рыжого пальтеца съ заштопанною прорѣхой на рукавѣ.

Въ N-скомъ губернскомъ земствѣ собственно партій не было, а были люди, величавшіе другъ друга, съ одной стороны, «кадыками», съ другой—«смутьянами». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ дѣло стояло иначе: «смутьяны» именовались «либералами» и, подъ руководствомъ «людей шестидесятыхъ годовъ», Степана Иваныча да Ивана Степаныча, основали учительскую семинарію, колонію для душевно-больныхъ, земледѣльческую ферму, выхлопотали земскую концессию на желѣзную дорогу и, одни изъ первыхъ, завели статистику. Но съ тѣхъ поръ иные загнились, иные претерпѣли погромъ, а, главное, у Степана Иваныча съ Иваномъ Степанычемъ подросли дѣти и оба они опредѣлились по министерству финансовъ, вскорѣ украсились звѣздами Станислава и нарядились въ бѣлые штаны. Правда, оба продолжали еще оставаться гласными, и N-й либерализмъ, казалось, долженъ былъ выиграть отъ присутствія въ егѣ средѣ бѣлыхъ штановъ, но онъ не выигралъ. «Кадыки» же тѣмъ временемъ крѣпли и пріобрѣтали силу. Сила эта сначала была безпризорная, растерянная, съ самыми смутными представленіями о теоріяхъ и съ разрозненными возжеланіями, но дѣло нѣсколько поправилъ охочій человекъ Павелъ Иванычъ Латышевъ. Это былъ человекъ тоже безъ теорій и, вдобавокъ, малограмотный, но съ прекрасными манерами, мастеръ рассказы-

вать анекдоты въ истинно-русскомъ духѣ, богатый, представительско-красивый, съ тетушкой въ Петербургѣ, и, въ превалитетъ надъ либералами, въ красныхъ штанахъ. Избранный въ губернскіе предводители, онъ смѣло взялъ пастушескій жезлъ, объединилъ «кадыки» дисциплиной и первый началъ мальстретировать «либераловъ» — «смутьянами».

Впрочемъ, необходимо прибавить, что, несмотря на дисциплину и на отсутствіе противовѣса, «кадыки» особыхъ опустошеній не произвели. Конечно, многіе изъ нихъ желали «прекратить, искоренить и истребить», но для этого имъ не хватало: во-первыхъ, связанныхъ мыслей; во-вторыхъ, необходимыхъ свѣдѣній; въ-третьихъ, языка, такъ что они никакъ не могли доказать самимъ себѣ, что же именно истребить и чѣмъ истребленное замѣнить? Такимъ образомъ, они довольствовались тѣмъ, что отъ времени до времени производили патріотическій шумъ, дружно кричали въ нужныхъ случаяхъ: «просимъ! просимъ!» — молча, но единодушно отвергали проекты и предложенія «смутьяновъ» и, вообще, вносили въ земскую атмосферу тотъ особаго рода запахъ, который «смутьяны» называли «помѣстнымъ запахомъ». Къ тому же, съѣзжались въ собраніе неохотно, исключая тѣхъ лѣтъ, когда происходила баллотировка.

Основанное «либералами» и оттого еще уцѣлѣло, что среди «кадыковъ» пользовался огромнымъ вліяніемъ Василій Юрьевичъ Гнѣвышевъ. Какъ и подобаетъ семидесятилѣтнему старцу, да еще губернатору временъ Николая Павловича, Гнѣвышевъ былъ отъявленный сторонникъ быстроты, натиска, ежовыхъ рукавицъ, административныхъ междометій и молніеносныхъ мѣропріятій. Въ грамотѣ былъ неискусень, писалъ «чтопъ», вмѣсто «чтобы», говорилъ «эф-тотъ», вмѣсто «этотъ». «Либералистами» называлъ одинаково: крайнихъ революціонеровъ и мѣстнаго прокурора, журналиста Краевскаго и извѣстнаго церковнаго оратора... Завсѣмъ тѣмъ мѣрялъ людей и учрежденія не политическимъ аршиномъ, а степенью ихъ дѣльности, полезности и безкорыстія. Выше же всего почиталъ раздѣленіе сыскной части отъ хозяйственной, несовмѣстность «дворянской чести съ извѣтами и подстрекательствомъ». «Ежели ты либералистъ — худо, ежели ты дворянинъ — изрядно, — говаривалъ онъ своимъ хрипло-повелительнымъ баскомъ, — но во всякомъ разѣ первая твоя заповѣдь — не воруй, а вторая — отлично и съ неослабнымъ усердіемъ исполняй препорученное тебѣ земское дѣло, остальное твое поведеніе предлежитъ не намъ, но отцу духовному и учрежденному на сей предметъ вѣдомству».

Въ Н. всѣ помнили оригинальную стычку Гнѣвышева съ только-

что распутившимъ крылья Латышевымъ. Случилось, что Латышевъ, какъ-то въ попыхахъ, невѣрно понялъ сигналъ, данный ему петербургскою тетушкой, и, вдругъ, открылъ атаку противъ статистики, фермы, колоніи и учительской семинаріи. Даже прозрачно намекнулъ о неблагонадежности завѣдывающаго статистикой, предмѣстника Прыткова... Тогда старикъ Гнѣвышевъ опровергъ Павла Иваныча четырьмя выразительными афоризмами. По поводу статистики онъ сказалъ слѣдующее:

— Напротивъ того, сія выдумка полезна. Его превосходительство Павелъ Иванычъ—крупный помѣщикъ и ведетъ изрядное хозяйство; я тоже имѣю вотчину и прилагаю попеченіе къ ея доходности. Чему возможно приписать, ежели мы не ведемъ счета нашимъ маетностямъ, не вѣдаемъ размѣра и качества угодій, инвентаря, скотоводства и не ведемъ пристальныхъ записей удоевъ, шерсти, приплода и могущей случиться убыли? Не знаю, какъ его превосходительство, но ежели бы сей недостатокъ соображенія произошелъ со мною, я бы приписалъ сіе старческому недомыслию и испросилъ бы надъ собой опеку, дабы не разорить наслѣдника. Что есть земство? По буквѣ высочайше дарованнаго закона, оно есть хозяйство, и преобширное. Предположительно, что въ потьмахъ вести оное невозможно и даже зловредно. За симъ признаюсь, что, какъ дворянинъ и какъ памятующій завѣты предковъ, не соображаю, къ чему его превосходительство Павелъ Иванычъ клонитъ свой намекъ о господинѣ счетчикѣ? На сей предметъ постановлены особые наблюдатели, и либералистъ ли нашъ конторщикъ—къ земскому дѣлу не относится.

О земледѣльческой фермѣ:

— И сія выдумка полезна. Толковые бурмистры перевелись, честные и отлично-усердные прикащики не столь часты, сколь рѣдки. Къ тому же, развитіе хозяйства понудило многихъ къ машинамъ, дѣдовскіе способа измѣняются примѣнительно къ агрономіи. Какъ восполнить помѣщикамъ первое и достигнуть втораго? Земство рѣшаетъ сію критическую задачу и въ оный же моментъ даетъ кусокъ пропитанія податнымъ сословіямъ. Хочу надѣяться, что лишь по молодости лѣтъ его превосходительство Павелъ Иванычъ упустилъ внѣзвуть въ ѣф тотъ предметъ толико важный.

Объ учительской семинаріи:

— Разъ высочайше признано благовременнымъ извлечь російскій народъ изъ нѣдръ невѣжества, мы вопреки сего не тогмо не смѣемъ возразить, но наипаче должны способствовать. Сія тожь наша первая обязанность. Духъ же зловредный надлежитъ изго-

нять неослабнымъ наблюденіемъ, избѣгая, однако, сикофантовъ и алармистовъ.

О колонія душевно-больныхъ:

— Безусловная и номеръ первый наша обязанность призрѣть сихъ несчастныхъ, ибо неоднократно видимъ въ деревняхъ дикое зрѣлище идіотовъ, слабоумныхъ и прочихъ *психиковъ*, а отъ сихъ—пожары, звѣрства, да, къ тому же, можетъ приключиться и нечаянное потомство, отъ чего Боже сохрани. Что же касательно какъ оныхъ содержать, то естественное человѣколюбіе понуждаетъ содержать оныхъ въ достаточномъ довольствѣ и подъ призоромъ опытныхъ лекарей, а хозяйственный расчетъ указываетъ намъ употреблять оныхъ и на безобидныя работы, что и практикуется въ колоніи.

Всѣ эти афоризмы Василій Юрьевичъ предварительно изложилъ на бумажкѣ и потомъ прочиталъ. Безъ такой подготовки старикъ боялся разгорячиться и, съ свойственною ему необузданностью въ горячія минуты, распечь «его п-во Павла Иваныча» такъ же, какъ встарину распекалъ чиновниковъ, дворянъ, судейскихъ, крупныхъ и мелкихъ обывателей подвластной ему губерніи.

Губернская управа въ Н. мѣняла свой второстепенный составъ нѣсколько разъ, но Филиппъ Теохтистычъ Кречетовъ состоялъ беземѣннымъ ея предсѣдателемъ. Станный это былъ человѣкъ. Съ Гнѣвышевымъ и Латышевымъ онъ былъ консерваторъ, съ Иваномъ Степанычемъ и Степаномъ Иванычемъ—либераль, съ иными дерзалъ и на болѣе крайнія мѣнія: и вправо, и влѣво; если противоположные люди встрѣчались, а онъ былъ третій,—отдѣлывался неопредѣленною улыбкой, игрою бровей и многозначительнымъ мычаніемъ; а, въ сущности, былъ искренній, добрый и честнѣйшій человѣкъ. Имѣлъ независимое состояніе, но служилъ; былъ робокъ до спазматическихъ припадковъ, но съ достоинствомъ держалъ себя съ властями; былъ щедръ на свои личныя средства, но на земскомъ сундукѣ сидѣлъ такъ крѣпко, что трещало, и постоянно отстаивалъ экономію; по натурѣ своей враждебно относился къ новымъ предпріятіямъ, однако, съ усердіемъ осуществилъ то, что задумали и внесли въ соотвѣтствующія сѣты «либералы». Въ довершеніе всего, мечталъ въ свободныя минуты, что его сдѣлаютъ особой, хотя ни за что бы не промѣнялъ своей хлопотливой, безпокойной и отвѣтственной должности на увлекательныя административныя перспективы.

Взошедши въ переднюю барской квартиры Кречетова, Алфе-

фовъ и Прытковъ увидѣли по вѣшалѣ, что много гостей. Изъ залы раздавались трели младшей дочери Филиппа Теокистыча и бойкій акомпаниментъ его старшей дочери.

— Артистически воспитанное семейство, — замѣтилъ Федоръ Евдокимычъ.

— Ахъ, дѣло какое, а я въ поддевѣ! — проговорилъ Иванъ Антонычъ.

— Ничего, мы пройдемъ пока въ кабинетъ, — сказалъ Прытковъ и попросилъ лакея вызвать Филиппа Теокистыча.

— Вы пожалуйста, Федоръ Евдокимычъ, — отвѣтилъ тотъ, — баринъ тоже въ кабинетъ: бумаги подписываютъ; изъ управы принесли ворохъ агромаднѣйшій!

Входя въ кабинетъ, Иванъ Антонычъ сдѣлалъ испуганное движеніе и попятился: Филиппъ Теокистычъ лежалъ въ растяжку на коврѣ, животомъ внизъ... Вокругъ него въ беспорядкѣ валялись подписанныя бланки и лежала куча неподписанныхъ.

— А! Иванъ Антонычъ!... Садитесь, господа, я сію минуту, — сказалъ Бречетовъ, поварачивая къ нимъ лицо, похожее на репейникъ, — такое оно было круглое и такими обросло сѣрыми и колючими волосами. Потомъ, расчеркиваясь съ необыкновенною быстротой и отбрасывая бумаги, продолжалъ: — Дьявольская работа! Подписывалъ сидя, за столомъ, — спина разболѣлась; стоя, за конторкой, — ноги болятъ... Ахъ, трудна ты, общественная служба! Вольно говорить, что умственный трудъ легче... Вѣроятно, Льву Николаичу никогда не приходилось подписывать такую уйму бумагъ.

— Да вы бы штемпелекъ завели! — съ участіемъ сказалъ Алферовъ.

— Боюсь, многоуважаемый. Поддѣлки, то-се... Нѣтъ, боюсь. Уфъ, кончилъ!... Митька! собери бумаги въ стопочки. Да аккуратнѣй, голубчикъ... Подъ диваномъ, подъ диваномъ-то посмотри! Почему быки, Иванъ Антонычъ? сало? кожи? мясо?... Позвольте, позвольте, надо въ книжечку занести... Гдѣ она тутъ?... Митька! Гдѣ справочныя цѣны на продукты? Желтенькая? Ага!... Ну-съ, Иванъ Антонычъ... Митька! трубку зажги...

Когда Митька, — мальчикъ лѣтъ шестнадцати съ лукавымъ и смышленнымъ лицомъ, — собралъ въ стопочки подписанныя бланки и ушелъ съ ними, Филиппъ Теокистычъ тревожно засосалъ длинный чубукъ своей трубки и, окутываясь густымъ дымомъ, тревожно заговорилъ:

— Батюшка, Федоръ Евдокимычъ, громъ и молнія на нашу статистику... Пафъ! Пафъ!... Немедленно, прошу васъ, увольте

«однихъ и возьмите работу у другихъ... Пафъ!... Берите писцовъ, занимайте чиновниковъ... кого хотите... Пафъ! Пафъ!... Но ради самого Создателя, чтобы не было... изъ этакихъ.

— Тогда мы не представимъ собранію предполагавшихся томовъ, — спокойно сказалъ Прытковъ, — и, кромѣ того, у насъ не хватитъ денегъ.

Бречетовъ отбросилъ трубку и отпрянулъ, какъ ужаленный.

— Что вы говорите, многоуважаемый? Да насъ распнуть, если мы не представимъ два уѣзда. А Павелъ Иванычъ оцтомъ и жолчью напоить!... Что вы говорите?... Денегъ не хватитъ... Да это немисливо, невозможно!

— А въ такомъ случаѣ оставимъ какъ есть.

— И это немисливо! Понимаете—запросъ.

— Ну, дѣлайте, какъ знаете.

Филиппъ Теохтистовичъ схватился за голову и быстро заходилъ по кабинету.

— Работа требуется осмысленная, спѣшная, точная, дешевая, — развѣреннымъ голосомъ продолжалъ Прытковъ, — поручить ее несвѣдующимъ или малограмотнымъ людямъ нельзя, а вы желаете...

— О, Богъ ты мой милосердый! — застоналъ Бречетовъ, — поймите вы, что я желаю того же, чего и вы. Но говорить, трезвонять, какой-то тамъ живописецъ у васъ... курсистки... Не угодно ли предъавлять оправданія!

— Начальникъ губерніи вызываетъ меня завтра.

— Ну, вотъ, ну, вотъ, такъ я и зналъ. Что же вы ему скажете?

— То же, что и вамъ. Скажу еще, что всеподданнѣйшій отчетъ я не могу составить по примѣру прошлаго года, — у меня не будетъ времени.

— Какъ же, не составите! — съ горькою укоризной воскликнулъ предсѣдатель, — ему-то непременно составите, а мы-то, мы-то...

— Филиппъ Теохтистычъ, да вы плюньте на это дѣло: вамъ-то что? — вмѣшался Алферовъ.

Филиппъ Теохтистычъ остановился точно вкопанный.

— Какъ?

— Да такъ. Пускай, если хотять, принимаютъ мѣры, ваша же часть хозяйственная.

— О, Боже праведный!... Ничего не понимаетъ! — простоналъ Бречетовъ и опять забѣгалъ по кабинету.

— У васъ старикъ Гнѣвышевъ?—спросилъ Прытковъ.

Кречетовъ съ отчаяніемъ махнулъ рукой.

— Здѣсь,—прошипѣлъ онъ,—съ шести часовъ меня мучаетъ... Что за отвратительный старикъ! Вѣдь, живутъ же на свѣтѣ такіе мастодонты... Идеи—дикія, голось—дикій, слова—дикія!...

— Вотъ мы съ нимъ все и уладимъ,—сказалъ Ѳедоръ Евдокимычъ, равнодушно выслушавъ тираду предсѣдателя.

Тотъ взглянулъ на него бессмысленными глазами, потомъ стукнулъ себя по лбу и просіялъ.

— А, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ!—воскликнулъ онъ.—Положимъ, ретроградъ чистой воды, но старикъ преблагороднѣйшій. Ради Христа, милѣйшій Ѳедоръ Евдокимычъ... онъ же благоволитъ къ вамъ и еще сегодня расхваливалъ м—й сборникъ. Пойдемте, Иванъ Антонычъ!... Въ поддевкѣ вы? Вздоръ!... Давно должны знать, какой я демократъ, а мои дочери всѣ въ меня, да и жена... тово... Ахъ, благодѣтели!

У демократа жилище оказалось, однако, куда не демократическое. Вездѣ были дорогіе ковры, тисненные обои, шелковая мебель, картины, зеркала, бронза, и, какъ слѣдуетъ въ домѣ артистически-воспитаннаго семейства, все было со вкусомъ и настоящее. Впрочемъ, ни Алферовъ въ своей поддевкѣ, ни Прытковъ въ смѣшномъ сюртучкѣ и въ рубахѣ съ вышитымъ воротомъ ни мало не смущались, встрѣчая свое изображеніе въ зеркалахъ и наступая на мягкіе ковры. Скорѣе смущался и оттого не впопадъ семенилъ ногами Филиппъ Ѳеоктистычъ.

Въ залѣ находилась только молодежь. Люди ночтенныхъ лѣтъ, и въ томъ числѣ Василій Юрьевичъ Гнѣвышевъ, были въ гостиной. Тутъ можно было видѣть двухъ-трехъ помѣщиковъ, предсѣдателя казенной палаты, управляющаго акцизнымъ округомъ, директора гимназіи, высокопоставленнаго желѣзно-дорожнаго инженера. Все лица важныя и отчасти генералы. Почти всѣ безмолвствовали, учтиво прислушиваясь къ преувеличенно-громкимъ рѣчамъ Василія Юрьевича. Онъ сидѣлъ на диванѣ рядомъ съ почтительно наклонившеюся къ нему хозяйкой. Это былъ внушительнаго вида старикъ, выпрямленный точно въ корсетъ, съ тѣмъ же, какъ у сына, классическимъ профилемъ и мрачнымъ лбомъ, но гораздо выше, плечистѣе и красивѣе сына. Гладко остриженная голова его отличалась серебромъ, бѣлые, какъ снѣгъ, усы низпадали длинными и волнистыми прядями. На желтомъ, точно бронзовомъ лицѣ, лежало выраженіе какого-то сердитаго величія и сознание непререкаемой правоты.

— Сынъ мой Юрій тоже въ либералисты записался,—говорилъ онъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности,—но и за симъ утверждаю: присягу соблюдай, въ остальномъ дѣйствуй примѣнительно къ своей совѣсти. Какъ-съ? Будь я у власти, я бы его—скорымъ шагомъ маршъ: на Кавказъ, безъ выслуги! Но я токмо партикулярный помѣщикъ и отецъ и, слѣдственно, говорю: поступиай сообразно твоей совѣсти и да будетъ монаршая воля. Какъ-съ? Не можешь сажать въ острогъ—не финти, подавай въ отставку... Завсѣмъ тѣмъ я эфтого пассажиа отъ покойника Баткова не ожидалъ. Какъ-съ? Я сыномъ моимъ единственнымъ горжусь, — не украдетъ и не продастъ; какъ были Гнѣвышевы, такъ, уповаю, и впредь останутся; но въ разсужденіи государственной карьеры московскій лицей не оправдался. Греко-римскій діалектъ—взоръ-съ, пороть—вотъ въ чемъ надлежитъ видѣть корень воспитанія... Сія мягкость, которая понудила сына моего Юрія не сажать въ острогъ, суть слѣдствіе бабства и превратное размягченіе нравовъ съ младенческихъ лѣтъ. Ваше мнѣніе, господинъ директоръ? Какъ-съ?

Директоръ тоскливо пожевалъ гладко выбритыми губами и издалъ неопредѣленный звукъ. На его счастье, въ эту минуту Филиппъ Θεоктистычъ подвелъ къ грозному старику Алферова и, нѣсколько робѣя, представилъ его, какъ губернскаго гласнаго. Василій Юрьевичъ протянулъ два пальца.

— Весьма радъ. Знакомы. Овецъ продавалъ,—сказалъ онъ.—Въ сосѣднемъ уѣздѣ въ земскихъ дѣлахъ принимаете участіе? Слышалъ и одобряю. Какъ-съ? Съ Юріемъ Васильевичемъ встрѣчались, кажется? Прошу пріѣхать въ имѣніе. Душевно сожалѣю, что тожь принадлежите къ либералистамъ.

— Нонче ужъ мы не либералисты, Василій Юрьичъ,—отвѣтилъ Алферовъ, улыбаясь,—въ собраніи все молчимъ, какъ вамъ извѣстно, а чуть раскроешь ротъ—назовутъ «смутьяномъ».

— А вы, все-таки, раскрывайте. Какъ-съ? Я сего страха іудейска не одобряю.

— Сила солому ломить, Василій Юрьичъ.

— Глупство. Сила въ Россійской имперіи одна — власть монаршая, оной токмо свойственно карать и миловать. Что же касающе нашихъ препирательствъ и весьма неумѣстныхъ затыканій рта зловредными гличками, симъ надлежитъ пренебрегать. Какъ-съ? Повторяю, наслышанъ о вашей отлично-усердной службѣ. Вотъ, господа, урокъ нашему сословію: вчерашніе бородачи нынѣ нарочито дѣльные земцы, купеческій кафтанъ впереди дворянскаго мундира... Жаль-съ. А! господинъ Прытковъ!—Гнѣвышевъ при-

вѣжливо улыбнулся и хотя тоже протянулъ два пальца, но крѣпко пожалъ ими руку Федора Евдокимыча, — читаль-сь, читаль-сь. Сдѣлалъ нидѣ ремарки, завсѣмъ тѣмъ въ высокой степени одобряю.

— Вѣроятно, описаніе вашего уѣзда?

— И таблицы-сь. Самолично провѣрялъ. Эфта ваша работа требуетъ поощренія. Сочту долгомъ напомнить о семь господамъ гласнымъ. Въ мое время вы бы пошли далеко въ разсужденіи карьеры. Какъ-сь? Сіе ваше доказательство, что у крестьянъ недостатокъ надѣльной земли и отсюда будто бы недостатокъ пропитанія — неправильно. Корень ищи въ несвоевременномъ упраздненіи крѣпостнаго права. Не согласны?

— Нѣтъ, Василій Юрьевичъ, несогласенъ. Развѣ въ томъ смыслѣ несвоевременномъ, что слѣдовало бы упразднить на пятьдесятъ лѣтъ раньше?

Гнѣвышевъ задумчиво покрутилъ усы и, вдругъ, крикнулъ по направленію къ залѣ:

— Юрій!... Хочу познакомить васъ, Федоръ Антонычъ...

— Евдокимычъ, — хладнокровно поправилъ Прытковъ.

— Хочу познакомить васъ съ единственнымъ сыномъ — тожъ въ либералисты записался.

Егорушка ни капли не измѣнился. Въ своемъ скромномъ, иѣшковато сшитомъ пиджачкѣ, навѣрное, вышедшемъ изъ рукъ деревенскаго портнаго, онъ являлъ тотъ же видъ равнодушнаго патриція среди неинтересныхъ для него варваровъ, какъ и въ студенческомъ мундирѣ два года тому назадъ. Впрочемъ, увидавъ Алферова, ласково усмѣхнулся, а при имени Прыткова выразилъ несвойственное ему оживленіе, и хотя въ разговоръ не вступилъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, но тотчасъ же спросилъ Федора Евдокимыча, гдѣ его квартира и можно ли придти къ нему завтра утромъ въ три четверти девятого.

— Не знаю, отдѣлаюсь ли такъ скоро. Это вотъ зависитъ отъ Василя Юрьича, — сказалъ Прытковъ.

— Какъ-сь? — крикнулъ генераль.

— Я говорю, это зависитъ отъ васъ, — повторилъ Федоръ Евдокимычъ.

— Единственно отъ васъ, ваше превосходительство! — повторилъ Бречетовъ.

— Нашии работамъ грозитъ какое-то прискорбное недоразумѣніе, — продолжалъ Федоръ Евдокимычъ. — По этому неприятному

поводу я долженъ завтра въ восемь часовъ бесѣдовать съ губернаторомъ.

— Секретное?—отрывисто спросилъ Гнѣвышевъ, поднимаясь съ дивана, и, взявъ подъ руку Прыткова, удалился съ нимъ въ кабинетъ.

Спустя полчаса они возвратились. Федоръ Евдокимычъ, по своему обыкновенію, былъ непроницаемъ, но генералъ явно находился въ томъ своемъ «распевательномъ» настроеніи, когда его боялись пуще огня. Впрочемъ, взрыва на сей разъ не послѣдовало. Проворчавши раза два какое-то грозное междометіе, Гнѣвышевъ снова поднялся и сталъ прощаться. Напрасно м-ше Бречетова съ притворною любезностью оставляла его ужинать... Онъ отвѣтилъ, что привыкъ ложиться на-тощакъ и не позднѣе двѣнадцати. Всѣ вздохнули съ великимъ чувствомъ облегченія.

Егорушку хозяйка, все-таки, удержала: она имѣла на него виды для старшей своей дочери. Правда, молодой человекъ былъ какой-то необъяснимый, за то едва ли не лучшей въ губерніи фамиліи, съ прекраснымъ состояніемъ и связями.

Послѣ отъѣзда Василя Юрьича явились скрывавшіеся дотолѣ молодые люди: мировой судья, слѣдователь, неслужащій помѣщикъ, два студента, лицейскій и дочери Филиппа Θεотистыча. Барышни были прехорошенькія, такъ что и непохоже, что отъ такого репьеобразнаго отца; старшую звали Мими, меньшую—Зизи. Сообразно съ возрастомъ нахлынувшей въ гостиную компаніи и съ подстрекающей эту молодежь атмосферой влюбленности, разговоръ вскорѣ принялъ заразительно-веселый характеръ. Даже почтенные люди поддались этой заразѣ и, точно желая наверстать потерянное съ удручающимъ генераломъ время, стали шутить шутки. Управляющій округомъ предложилъ играть въ фанты, инженеръ не прочь былъ отъ кадрили, директоръ желалъ отгадывать шарады. Но отъ стратегически напряженнаго вниманія хозяйки не ускользнуло то обстоятельство, что молодой Гнѣвышевъ мало склоненъ къ играмъ и все прислушивается къ тому серьезному, о чемъ говорили Прытковъ, предсѣдатель казенной палаты и этотъ богачъ въ поддевѣ. Тогда она поспѣшила съужиномъ и съ перваго же блюда дала тонъ, заговоривъ о земствѣ, объ ожидаемыхъ реформахъ, о социологическихъ задачахъ прошедшаго, настоящаго и будущаго. Слова ея были легкія, съ тѣмъ женскимъ оттѣнкомъ внезапности, отъ котораго грубый полъ столь часто становится «въ тупикъ», но какъ бы то ни было, разговоръ повелся именно на тѣ темы, которыя, по ея мнѣнію, были нужны, чтобы сблизить Мими съ Гнѣвышевымъ.

Въ противовѣсъ Зизи, Мими была серьезная дѣвица. Она кончила съ медалью курсъ гимназiи, читала въ оригиналѣ классиковъ, помогала иногда Филиппу Θεоктистычу въ его кабинетныхъ трудахъ, ясно различала, что такое «смѣта», «статистика», «страхованiе» и съ живѣйшимъ участiемъ слѣдила за исходомъ земскихъ и дворянскихъ выборовъ. Сестры различествовали и въ идеалахъ замужства. Вѣчно порхающая Зизи, — впрочемъ, тоже кончившая курсъ гимназiи, хотя и безъ медали, — мечтала о шпорахъ и конногвардейской фуражкѣ; Мими ждала нѣчто вродѣ Левина изъ *Анны Карениной*, съ которыми ей предстояло бы разводить прекрасныхъ коровъ и въ хорошемъ смыслѣ воздѣйствовать на крестьянъ, а зимою держать земскiй салонъ и дирижировать выборами.

Федоръ Евдокимычъ болѣе или менѣе зналъ всѣхъ присутствовавшихъ, кромѣ лицеиста и студентовъ. Съ предсѣдателемъ казенной палаты онъ былъ даже хорошъ; съ директоромъ гимназiи учтиво раскланивался и когда нельзя было не говорить — говорилъ о погодѣ; съ акцизнымъ и инженеромъ тоже раскланивался и въ случаѣ надобности вѣжливо испрашивалъ у нихъ тѣ или другiя статистическiя свѣдѣнiя, во всѣхъ же другихъ случаяхъ тоже говорилъ о погодѣ. Всѣ эти особы были у него зарегистрированы, подвергнуты въ свое время анализу и не представляли интереса. Но студенты и лицейскiе очень интересовали. Они были сыновья богатыхъ мѣстныхъ помѣщиковъ и въ будущемъ могли представлять несомнѣнную земскую силу. Федоръ Евдокимычъ нарочно сѣлъ за ужиномъ между ними. По вѣншности молодые люди казались необыкновенно привлекательными: вѣжливые, изящные, скромные, съ мягкими манерами и открытыми лицами. Но лучше всѣхъ былъ лицейскiй. Въ его тонкихъ, породистыхъ чертахъ и особенно въ глазахъ, съ черными, нѣсколько расширенными зрачками, сквозила иногда такая задумчивая печаль, и это тотчасъ послѣ самой беззаботной веселости, что невольно хотѣлось говорить съ нимъ о чемъ-нибудь важномъ и душевномъ. Федоръ Евдокимычъ обратился къ нему съ вопросомъ, что онъ предполагаетъ дѣлать и намѣтилъ ли свою дѣятельность?

— Я долго думалъ о задачахъ нашего времени, — серьезно отвѣтилъ лицейскiй, — и, знаете ли, когда кончу курсъ, поѣду въ Бронштадтъ къ отцу Юанну и только по его совѣту выберу карьеру.

— Почему же?

— Изволите ли видѣть: очень трудно разобратъся безъ помощи такого вдохновеннаго челоуѣка. Съ одной стороны ужасно убѣди-

тельно доказывает Толстой, съ разныхъ сторонъ—другое. Потому язва отрицательнаго направленія подтачиваетъ рѣшительно все,—патріотизмъ, религію, дворянскія традиціи. Нельзя же опровергать, что въ нашемъ сословіи сосредоточены унаслѣдованные навыки власти и... всего порядочнаго! Это вы найдете въ лекціяхъ нашего профессора. Я вывожу отсюда,—то-есть мы всё должны выводить это,—что мы должны въ разныхъ мѣстахъ стоять на стражѣ. Наша задача воснитывать наши унаслѣдованные навыки. А почему, изволите спрашивать, отецъ Іоаннъ? Знаете ли, наши предки изстари дорожили благословіемъ подвижниковъ. Кромѣ того, мистическое начало...

— А отчего же не хотите въ земство?—перебилъ его Прытковъ.

— Земство недостаточно корпоративно... Основанное семинаристами подъ вліяніемъ нигилистическихъ журналовъ...

Федоръ Евдокимычъ, несмотря на все свое самообладаніе, широко раскрылъ глаза и спросилъ, что онъ разумѣетъ подъ нигилистическими журналами и семинаристами? Но тутъ открылись изумительныя вещи: юноша рѣшительно не подозрѣвалъ, какъ осуществилась реформа; къ семинаристамъ онъ причислялъ Щедрина, котораго, однако же, не читалъ.

— Да вы пробовали?—грубо спросилъ Федоръ Евдокимычъ, благоговѣвшій передъ Салтыковымъ.

— Да, немножко. Знаете ли, ужасно скучно, и, притомъ, такая вражда къ нашему сословію...—Лицеистъ вдругъ покраснѣлъ и смѣшался.—Простите меня,—великодушно воскликнулъ онъ, вскидывая на Прыткова свои прекрасные глаза,—я, можетъ быть, имѣю честь говорить... съ недворяниномъ?

— Ничего, ничего, ваяйте. Меня не убудетъ. Ну, скажите, пожалуйста, слышали вы, что есть на свѣтъ Глѣбъ Успенскій, на примѣръ? Или о земствѣ,—что существуетъ книга Васильчикова... князя Васильчикова?

— Моя grande-mère въ свойствѣ съ Васильчиковыми. Развѣ есть такая книга? Это очень интересно, благодарю васъ. О господинѣ Успенскомъ, къ сожалѣнію, не имѣлъ удовольствія слышать. Тоже о земствѣ?

Прытковъ отвѣтилъ неопредѣленно и зарегистрировалъ юношу въ безнадежныя.

За столомъ довольно живо продолжался земскій разговоръ. Одинъ изъ студентовъ, ближайшій сосѣдъ Федора Евдокимыча, вслуши-

вался съ удивительно учтивымъ лицомъ и, отъ времени до времени, предлагалъ вопросы. Вопросы были вотъ какіе:

— Кто *назначаетъ* гласныхъ?

— Не все ли равно: председатель *присутствія* и председатель управы?

— Могутъ ли земцы судить какъ присяжные, *если захотятъ*?

Однако, Федоръ Евдокимычъ, прежде чѣмъ зарегистрировать и этого въ графу безнадежныхъ, подумалъ, что братъ явленіе съ одной лишь стороны будетъ неправильно и нуженъ болѣе пристальный анализъ. Къ тому же, лицо-то молодого человѣка очень было внимательно и, казалось, говорило о самомъ глубокомъ интересѣ къ земству. Круто отвернувшись отъ лицейста, онъ заговорилъ со студентомъ, и началъ опросъ по своей любимой методѣ: съ вещей постороннихъ, какъ будто не имѣющихъ прямаго отношенія къ цѣли опроса. Съ наивнымъ эгоизмомъ молодости студентъ вообразилъ, что Прытковъ, такъ же какъ и онъ самъ, утомился отъ разговора о скучнѣйшемъ земствѣ, и что для нихъ будетъ одинаковымъ отдыхомъ несравненно важнѣйшій и интересный разговоръ о филологіи.

— Видите ли, меня теперь ужасно волнуетъ вопросъ о морфологической абсорбціи, — заговорилъ онъ съ непритворнымъ оживленіемъ, — хотя ближайшая моя задача — изучить развитіе флексіи *genitivi singularis* въ именныхъ латинскихъ основахъ *a, e, o*. Напримеръ, любопытнѣйшая вещь: *Fidenaе, Volae, Cusae*... вотъ позвольте я вамъ напишу карандашикомъ... да... такъ вотъ видите, эти слова суть ничто иное, какъ *Cusae, Fidene, Vole* — на это есть прямые доказательства. Что изъ этого слѣдуетъ? — онъ взглянулъ на Прыткова торжествующими глазами, — изъ этого слѣдуетъ то, что нѣкогда отъ основъ на *e* именительный единственнаго числа оканчивался на *e* аналогично съ именительнымъ на *a* отъ основъ на *a*! Не правда ли?

Но тутъ счелъ долгомъ вмѣшаться директоръ гимназіи:

— Позвольте, молодой человѣкъ... Прежде всего, позвольте засвидѣтельствовать вамъ уваженіе стараго и убѣжденнаго классика. Отрадно видѣть, что молодежь готовится столь усердно преуспѣвать на нашемъ поприщѣ. Значить, нива не оскудѣетъ, но угробится. Затѣмъ-съ. Не проще ли объяснить, что въ приведенныхъ вами словахъ форма множественнаго числа существовала рядомъ съ формой единственнаго? У грековъ, напримеръ...

Федоръ Евдокимычъ обратился къ другому студенту. Этотъ

былъ юристъ, но больше интересовался Зизи и своими великолѣпно обточенными ногтями и выхоленными руками, нежели чѣмъ бы то ни было. Впрочемъ, чрезвычайно горячился, высказывалъ въ красиво-составленныхъ фразахъ вольнолюбивые взгляды и даже мечты, и въ будущемъ собирался составить оппозицію Павлу Ивановичу Латышеву.

Прытковъ иронически посмотрѣлъ на него и прекратилъ свои изслѣдованія.

Серьезная дѣвушка Мими хотя отчасти только догадывалась о планахъ матери, но все же эти планы пріятно взволновали ее. Егорушка ей нравился. Правда, она представляла себѣ Левина не совсѣмъ такимъ, а мѣшковатый пиджачокъ казался ей рѣшительно неумѣстнымъ въ гостиную, но поразительное сходство съ древнимъ римляниномъ стоило настоящаго Левина. Оставалось узнать, что таится въ этомъ оригинальномъ человѣкѣ? Чему онъ сочувствуетъ, что любить? Что онъ равнодушенъ къ музыкѣ, она еще замѣтила въ началѣ вечера... И пробовала его съ другихъ сторонъ,—говорила о Гомерѣ и драмахъ Эврипида, о романахъ Толстаго, о непротивленіи злу, о племенномъ скотѣ, о пріятности жить въ деревнѣ и воздѣйствовать на невѣжественное населеніе, о томъ, какъ было бы хорошо составить честную земскую партію и руководить выборами... Егорушка отвѣчалъ, но безразлично, и по мѣрѣ ея энергичныхъ экскурсій въ его душу, все чаще взглядывалъ на нее какимъ-то страннымъ, не то презрительнымъ, не то удивленнымъ взглядомъ. На одно мгновеніе Мими смутилась, хотя рѣшительно не могла понять, отчего онъ такъ смотритъ. Но потомъ сообразила, что это отъ застѣнчивости и что надо проломить ледъ. Бѣ тому же, нужно было немножко отомстить студенту-юристу, который цѣлую недѣлю не сводилъ съ нее восхищенныхъ глазъ, теперь же восхищается Зизи, и немножко помучить своихъ вѣрныхъ: слѣдователя и неслужащаго помѣщика.

Однимъ словомъ, набралось достаточно причинъ, чтобы Мими раза два преувеличенно-ласково улыбнулась Егорушкѣ и раза два взглянула на него особенными, прелестно и едва-едва сощуренными глазами... И вдругъ почувствовала, что холодѣетъ, увидала по лицу Егорушки, что сейчасъ произойдетъ что-то ужасное.

— Марья Филипповна, вы дѣлаете мнѣ честь абсолютно не заслуженную,—выпалилъ онъ, сурово сдвигая брови.—Что вы думаете о замужствѣ?

— О замужствѣ?—пролепетала ошеломленная Мими.

— Что касается меня, я женюсь такъ, чтобы жена умѣла мыть полы, доить коровъ и стряпать. Ни на какой другой абсолютно не женюсь.

У бѣдной серьезной дѣвушки навернулись слезы. Она хотѣла крикнуть: «Какъ вы смѣете?»—но губы ея затряслись... За что? За что?—промелькнуло въ ея головкѣ,—вѣдь тысячу разъ она дѣлала *это*, и всѣмъ было пріятно, и всѣ дѣвицы дѣлаютъ *это*... Да что дѣвицы!—сама мама, когда говорить съ Павломъ Иванычемъ Латышевымъ... О, грубый, дерзкій, невоспитанный человѣкъ!

Бъ счастью, въ это время ужинъ кончился и задвигали стульями.

А. Эртель.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Земскіе финансы.

I.

При обсужденіи всѣхъ земскихъ вопросовъ въ печати, почти всегда упускается изъ вида положеніе денежныхъ средствъ земства. Обсуждая постановку известной отрасли земскаго хозяйства, обыкновенно, игнорируютъ размѣръ денежныхъ средствъ, которыми располагаетъ земство для выполненія какъ обязательныхъ, такъ и необязательныхъ повинностей. А, между тѣмъ, для каждаго должно быть ясно, какую важную роль играютъ финансы въ хозяйственныхъ отрасляхъ каждаго общественнаго учрежденія. Если деньги составляютъ нервъ войны, то тѣмъ большее значеніе имѣютъ онѣ при мирномъ развитіи народа, для удовлетворенія разнообразныхъ потребностей котораго въ образованіи, леченіи, путяхъ сообщенія и проч. нужны деньги, деньги и деньги. Исполнительные органы общественнаго учрежденія могутъ быть глубоко проникнуты сознаніемъ необходимости удовлетворить возможно скорѣе и полнѣе всѣ насущныя нужды населенія и, тѣмъ не менѣе, они лишены будутъ возможности осуществить свои благія намѣренія, въ случаѣ недостатка матеріальныхъ средствъ.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе это соображеніе, приходится весьма часто дѣлать значительныя поправки въ установившихся взглядахъ на недостатки разнообразныхъ отраслей земскаго хозяйства. Очень часто кажущееся непониманіе или нежеланіе со стороны органовъ земскаго управленія удовлетворить насущныя нужды населенія объясняется просто недостаткомъ денежныхъ средствъ. Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи имѣется слишкомъ мало матеріаловъ для всесторонней характеристики положенія денежныхъ средствъ земствъ. Единственный печатный трудъ, заключающій въ себѣ болѣе или менѣе полный матеріалъ для сужденія о положеніи финансовъ земскихъ учреждений всей имперіи,— это одинъ выпускъ статистическаго временника Россійской имперіи (серія III, выпускъ 16) *) озаглавленный: *Доходы и расходы губернскихъ и уездныхъ земствъ за 1883 г.*

*) Изданіе центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ этомъ изданіи помѣщены довольно подробныя свѣдѣнія о земскихъ расходахъ и доходахъ какъ въ абсолютныхъ цифрахъ, такъ и въ процентныхъ отношеніяхъ.

Въ сожалѣнію, процентныя отношенія вычислены только по губерніямъ. Для дѣлей нашей статьи мы можемъ воспользоваться только таблицами, заключающими въ себѣ отношеніе дѣйствительныхъ поступленій земскихъ сборовъ къ смѣтнымъ назначеніямъ. Для характеристики же расходовъ и тяжести земскаго обложенія, падающей на разные предметы земскаго обложенія, мы воспользуемся позднѣйшимъ трудомъ окладнаго департамента министерства финансовъ.

Изъ первой таблицы вышеупомянутаго статистическаго сборника оказывается, что изъ общаго оклада губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ сборовъ за 1883 г. въ дѣйствительности поступило 71,8%. Изъ общаго числа недоимки земскихъ сборовъ поступило 44,1%. Въ этомъ числѣ съ крестьянскихъ земель поступило 64,3%, съ земель частныхъ владѣльцевъ 56,3%, съ торговыхъ и промышленныхъ заведеній 54,4%. Въ частности по губерніямъ эти цифры подвержены довольно значительнымъ колебаніямъ. Такъ, дѣйствительное поступленіе оклада колеблется отъ 47,6% (въ Калужской губ.) и до 86,4% (въ Олонецкой губ.). Поступленіе недоимокъ падаетъ въ Вятской губ. до 22,3% и подымается до шакшима въ губ. Вологодской—64,3%. Поступленіе съ крестьянскихъ земель оказывается менѣе поступленій съ земель частныхъ владѣльцевъ только въ 5 губерніяхъ—Бессарабской, Бурской, Московской, Пензенской и Смоленской. Обращаясь затѣмъ къ абсолютнымъ цифрамъ, мы видимъ, что, при годовомъ окладѣ всѣхъ земскихъ сборовъ въ 39 миллионѣвъ, сумма недоимокъ выражается въ цифрѣ 21 милл. руб., что составляетъ 54%. При этомъ сумма недоимокъ въ двухъ губерніяхъ превышаетъ годовою окладъ. Общая сумма поступленій оклада и недоимокъ составляетъ суммѣ 38½ милл. руб. Въ частности, недоимка губернскаго земскаго сбора, по отношенію къ окладу, значительно превышаетъ недоимку уѣзнаго земскаго сбора. Эти цифры, взятая сами по себѣ, еще не даютъ яснаго представленія о разстройствѣ земскихъ финансовъ, которое самымъ пагубнымъ образомъ отражается на ходѣ всѣхъ земскихъ дѣлъ. Для того, чтобы уяснить значеніе этихъ цифръ, необходимы нѣкоторые комментаріи къ нимъ.

Фактъ накопленія недоимокъ въ размѣрѣ, превышающемъ половину годоваго оклада, а по нѣкоторымъ губерніямъ цѣлый годовою окладъ, указываетъ, что ни за одинъ годъ сборы не поступали полностью и ежегодно былъ значительный недоборъ. А, между тѣмъ, земскія учрежденія не имѣли въ своемъ распоряженіи ровно никакихъ источниковъ для возмѣщенія недополученныхъ земскихъ сборовъ. Въ то же время, земство не могло приостановить текущихъ смѣтныхъ расходовъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого положенія явились долги. Но долги эти образовались не въ видѣ займовъ, такъ какъ занимать было не у кого, а въ видѣ неудовлетворенныхъ расходовъ, которые въ настоящее время представляютъ ужасный тормазъ

для земскаго дѣла. Даже въ тѣ немногіе счастливые годы, когда нѣкоторые уѣзды получили излишекъ земскихъ сборовъ противъ оклада, они не могли выйти изъ затруднительнаго финансоваго положенія. Нормальное положеніе земскихъ учреждений въ настоящее время установилось въ слѣдующемъ видѣ: во-первыхъ, земскіе сборы поступаютъ всегда несвоевременно, обыкновенно въ концѣ года, вслѣдствіе чего текущія потребности остаются неудовлетворенными; во-вторыхъ, большая часть всѣхъ поступленій должна тратиться на покрытіе расходовъ, оставшихся неудовлетворенными за прежнее время, а на удовлетвореніе текущихъ потребностей, опять-таки, ничего не остается. Такимъ образомъ, расплачиваясь со старыми долгами, земство, въ то же время, вынуждено входить въ новые долги, оставляя не оплаченными текущіе расходы, и вслѣдствіе этого попадаетъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго не представляется никакого исхода.

Такія явленія, какъ неуплата служащимъ въ земствѣ, получающимъ самое ничтожное содержаніе, жалованья за нѣсколько мѣсяцевъ, сдѣлались заурядными. Затѣмъ торговля земскими талонами со скидкой извѣстнаго процента, при полномъ отсутствіи наличности въ земской кассѣ, также сдѣлалась обыденнымъ явленіемъ, и явленіемъ весьма печальнымъ, такъ какъ подрываетъ довѣріе къ земскимъ средствамъ и заставляетъ служащихъ нести значительныя потери при полученіи земскаго содержанія.

Бъ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи не имѣется достаточно полнаго матеріала для всесторонней характеристики финансоваго положенія всѣхъ уѣздныхъ земствъ имперіи. Финансы губернскихъ земствъ, которые находятся въ значительно лучшемъ положеніи, даютъ слишкомъ недостаточное представленіе о положеніи денежныхъ средствъ земства, такъ какъ удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей населенія въ народномъ образованіи, въ народномъ здравіи и т. п. повсемѣстно относится къ обязанностямъ уѣздныхъ земствъ, и, къ тому же, общій бюджетъ губернскихъ земствъ сравнительно съ уѣздными представляется незначительнымъ *). Уѣздныя управы печатаютъ свои денежные отчеты лишь въ видѣ рѣдкихъ исключеній, общая же сводка положенія денежныхъ средствъ всѣхъ уѣздовъ намъ извѣстна лишь въ одной Новгородской губ. за 1885 г. Этимъ единственно полнымъ матеріаломъ по цѣлой губерніи мы должны воспользоваться для того, чтобы представить возможно полную картину земскихъ финансовъ уѣздныхъ земствъ. Эта картина можетъ служить для характеристики денежнаго хозяйства всѣхъ уѣздныхъ земствъ вообще, такъ какъ Новгородская губ. не представляетъ собой ничего выдающагося изъ ряда вонъ среди другихъ земскихъ губерній.

Приводимъ таблицу, которая даетъ достаточно точную характеристику положенія денежныхъ средствъ всѣхъ уѣздныхъ земствъ Новгородской губерніи.

*) По свѣдѣніямъ за 1888 г., окладъ уѣздныхъ сборовъ 32 милл. рублей, окладъ губернскихъ сборовъ 7 милл. рублей.

	Новгородскіи.	Старорусскіи.	Крестецскіи.	Демьянскіи.	Валажскіи.	Боровичскіи.	Тихвинскіи.	Устюжскіи.	Череповскіи.	Курдюковскіи.	Вязьмскіи.	Итого.	% отложеніе.
1. Долги уездныхъ земствъ къ 1886 году:													
1 Кредиторамъ по уезднымъ повинностямъ	8.158	22.541	5.348	5.168	15.260	9.990	31.246	29.822	22.885	12.580	12.119	175.117	21
2 Займы, поставщики и авансыныя полученія	27.560	2.755	3.823	5.412	1.633	7.019	8.941	6.755	20.038	2.770	21.741	108.447	13
3 Губернскому земству по сборамъ и займамъ	35.718	25.296	9.171	10.580	16.893	17.009	40.187	36.577	42.923	15.350	33.860	283.564	33
4 Капиталамъ продов. и спец. позамыслов.	70.308	69.937	5.118	10.018	40.426	69.890	45.161	34.323	55.521	8.522	28.342	476.866	58
	23.053	1.788	5.077	5.633	9.778	3.827	8.663	13.517	1.011	167	57	66.973	8
	93.361	68.149	10.495	55.651	50.204	73.717	53.824	47.840	54.510	8.689	28.399	544.839	66
Р. О.	129.079	93.445	19.666	66.231	67.097	90.726	94.011	84.417	97.433	24.039	62.259	828.403	100
0% отложенія долговъ:													
Кредиторамъ по уезднымъ по- вinnostямъ	8	23	7	9	24	11	37	35	24	16	17	19	
Займамъ, поставщ. и разн.	27	3	5	10	3	8	11	8	20	4	30	12	
	35	26	12	19	27	19	48	43	44	20	47	31	31
Губернскому земству къ годов. бюджету на губ. потребности	423	312	52	669	511	602	689	624	460	126	542	428	423
Общей суммѣ долговъ къ годов. бюджету уезд. земствъ на уездн. и губ. повинности	109	78	23	108	94	90	104	93	89	28	82	78	78

Въ этой таблицѣ особенно бросается въ глаза громадная сумма долговъ уѣздныхъ земствъ губернскому, образовавшихся, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недоплаты губернскаго земскаго сбора. Эти цифры невольно возбуждаютъ вопросъ, на какія средства существовало губернское земство, изъ какихъ источниковъ оно могло удовлетворять свои текущія потребности? Но дѣло объясняется очень просто. Въ каждомъ губернскомъ земствѣ имѣется значительное число специальныхъ капиталовъ, имѣющихъ свое прямое назначеніе, какъ, наприм., капиталъ запасный, страховой, продовольственный, народнаго образованія и проч. Не допуская ежегодно значительную часть оклада губернскаго земскаго сбора, губернское земство, тѣмъ не менѣе, очевидно, не могло приостановить текущихъ расходовъ и, имѣя въ своемъ распоряженіи свободныя суммы разныхъ капиталовъ, расходовало необходимыя средства изъ этихъ капиталовъ, что не представляло никакихъ затрудненій при единствѣ кассы, и позаймствованія изъ капиталовъ обнаруживались лишь въ концѣ года, при подведеніи баланса. Такъ какъ капиталы земства не представляются неистощимыми, то естественно, что, въ концѣ-концовъ, они были исчерпаны и положеніе денежныхъ средствъ губернскаго земства съ каждымъ годомъ дѣлается запутаннѣе и затруднителнѣе.

Изъ вышеприведенной таблицы видно, что задолженность уѣздныхъ земствъ въ среднемъ выводѣ по губерніи составитъ 31% ихъ годоваго бюджета. Если же къ долгамъ по уѣзднымъ повинностямъ присоединить долги губернскому земству и позаймствованіе изъ специальныхъ капиталовъ, то общая сумма долговъ уѣздныхъ земствъ будетъ простирается до 828 т. рублей или 78% по отношенію къ ихъ годовому бюджету (см. слѣд. стр.).

Въ результатъ оказывается, что, для покрытія долговъ въ суммѣ 828 т. руб., земства располагаютъ ничтожною наличностью въ размѣрѣ 48 т. руб. Изъ этой картинки, характеризующей финансовое положеніе уѣздныхъ земствъ одной губерніи, можно видѣть, въ какомъ безвыходномъ положеніи находятся денежные средства большинства уѣздныхъ земствъ. Очевидно, что при такомъ печальномъ положеніи земскихъ финансовъ къ земскимъ учрежденіямъ можно предъявлять лишь самыя скромныя требованія и остается только удивляться, какъ земство, поставленное въ такое критическое положеніе, ухитрилось оказывать существенныя услуги населенію и удовлетворить его насущныя нужды. Этотъ удивительный фактъ можно объяснить только силой принципа самоуправленія, при которомъ попеченіе о народныхъ нуждахъ ввѣряется лицамъ, близко знакомымъ съ жьстными потребностями и непосредственно заинтересованнымъ въ ихъ удовлетвореніи.

II.

Теперь мы должны перейти къ вопросу о причинахъ такого ненормальнаго явленія, какъ хроническій дефицитъ въ земскихъ бюджетахъ. Причины подобнаго явленія, по нашему мнѣнію, кроются въ цѣломъ рядѣ

Активъ и пассивъ уѣздныхъ земствъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Новгородскіе.	Старорусскіе.	Крестецкіе.	Демьянскіе.	Валдаискіе.	Боровичскіе.	Тихвинскіе.	Устюжскіе.	Череповецкіе.	Кирillowскіе.	Вязьмскіе.	Итого.	% отношеніе.
IV. Активъ и пассивъ уѣздныхъ земствъ.													
Земства имѣютъ:													
1 Въ недвижимыхъ и долгахъ за владельцами	166.696	123.156	72.510	70.061	95.746	139.738	97.121	89.006	207.784	39.105	66.178	1.167.101	96
2 Въ наличности на 1 января 1886 г.	7.976	4.979	6.523	3.556	2.689	3.502	2.027	5.787	6.172	2.805	2.926	48.342	4
	174.072	128.135	79.033	73.617	98.435	143.240	99.148	94.793	213.956	41.910	69.104	1.215.443	100
Земства должны:													
1 По уѣд. повн. и губер. земству	129.079	93.445	19.666	66.231	87.097	90.726	94.011	84.417	97.453	24.039	62.259	828.403	68
2 Остатокъ или такъ называемый запасный капиталъ, не имѣющій наличности	44.993	34.690	59.367	7.386	31.338	52.514	5.137	10.376	116.523	17.871	6.845	387.010	32
	174.072	128.135	79.033	73.617	98.435	143.240	99.148	94.793	213.956	41.910	69.104	1.215.443	100
% отношеніе остатка къ суммѣ долговъ . . .	34	37	302	11	47	57	5	23	119	74	11	46	—
% отношеніе наличности къ суммѣ долговъ	6	5	33	5	4	4	2	7	6	13	5	8	—

условій, которыми обставлено земское обложение и вниманіе земскихъ на-логовъ. Правительственная власть, очевидно, не могла оставить безъ внима-нія ежегодный значительный недоборъ земскихъ сборовъ и въ настоящее время при министерствѣ финансовъ работает особая коммиссія по пере-смотру узаконеній о земскомъ обложеніи. Докладъ 1-го отдѣла этой ком-миссіи содержитъ въ себѣ весьма обстоятельный матеріалъ для характе-ристики земскаго обложения, которымъ мы намѣрены воспользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Самое существенное вліяніе на неудовлетвори-тельное поступленіе земскихъ сборовъ, по нашему убѣжденію, оказываетъ дѣйствующая система взиманія прямыхъ налоговъ: Какъ извѣстно, въ на-стоящее время взиманіе прямыхъ налоговъ сосредоточено исключительно въ рукахъ полиціи. При этомъ дѣятельность чиновъ полиціи измѣряется, главнымъ образомъ, успѣшностью поступленій сборовъ, слѣдующихъ въ пользу государственнаго казначейства, и потому исключительное вниманіе полицейскихъ должностныхъ лицъ обращено на взысканіе именно этихъ сборовъ, часто даже въ ущербъ интересамъ населенія. Такъ, наприм., въ 1880 г., выдающемся по тяжелымъ экономическимъ условіямъ, когда со стороны многихъ земствъ представлялись ходатайства объ отсрочкѣ взы-сканія всѣхъ казенныхъ сборовъ, въ Новгородской губ. подушной подати взыскано съ крестьянъ болѣе противъ оклада на 189 т. руб. Въ то же время, недоимка земскаго сбора увеличилась на 100 т. руб.

Въ глазахъ полиціи взысканіе земскихъ сборовъ не играетъ важной роли уже по одному тому, что за успѣшное поступленіе этихъ сборовъ полицейскіе чины не ожидаютъ для себя ни наградъ, ни благодарности. Неудовлетворительное поступленіе земскаго сбора лишь въ рѣдкихъ слу-чаяхъ грозитъ немилостью начальства.

Даже болѣе того, намъ извѣстны случаи прямого противодѣйствія взносу земскихъ налоговъ. Исправникъ, встрѣчая старшину въ казначействѣ и узнавъ, что онъ намѣренъ вносить земскій сборъ, разрываетъ написанное объявленіе и приказываетъ вносить собранныя деньги въ уплату казен-ныхъ сборовъ. Мы, конечно, убѣждены, что подобный фактъ представляетъ собою рѣдкое исключеніе, отнюдь не характеризующее вообще дѣятельность полиціи. Но фактъ этотъ имѣетъ нѣкоторое значеніе для обрисовки отно-шенія чиновъ полиціи къ земскимъ сборамъ.

Невозможно ожидать отъ полицейскихъ чиновниковъ такого граждан-скаго мужества, которое заставило бы ихъ дѣйствовать во имя отвлечен-ныхъ общественныхъ интересовъ въ ущербъ собственной выгодѣ. Нагляд-ный примѣръ тѣсной зависимости поступленій земскихъ сборовъ отъ дѣя-тельности полицейской власти представляетъ собою финансовое положеніе временнаго управленія по земскимъ дѣламъ Череповскаго уѣзда, гдѣ, какъ извѣстно, временно приостановлена дѣятельность земскихъ учреждений. Че-реповское земство отличалось наибольшою запутанностью своихъ финансовъ среди другихъ уѣздныхъ земствъ Новгородской губерніи, какъ это видно изъ вышеприведенной таблицы. Хроническій дефицитъ увеличивался съ каждымъ

годомъ и казалось, что положеніе земскихъ финансовъ сдѣлалось безнадежнымъ. Но вотъ на сцену выступаютъ правительственные чиновники и со стороны высшей администраціи дается строгое предписаніе мѣстной полиціи обратить особенное вниманіе на земскіе сборы.

Результаты оказываются поистинѣ поразительныя. Въ два-три мѣсяца поступленіе земскихъ сборовъ настолько улучшается, что даетъ возможность уплатить до 40 т. р. разныхъ долговъ. Этотъ фактъ безспорно доказываетъ, что если бы со стороны полиціи обращалось надлежащее вниманіе на взысканіе земскихъ сборовъ, то количество недоимокъ значительно сократилось бы. Правда, строгая справедливость заставляетъ насъ сдѣлать дополненіе къ указанному факту въ томъ смыслѣ, что исправленіе финансовъ череповскаго земства явилось слѣдствіемъ не только болѣе внимательнаго отношенія полиціи къ земскимъ сборамъ, но, отчасти, причина этого кроется въ энергіи временнаго управленія, серьезно занявшагося распутываніемъ счетовъ съ земскими плательщиками, но, во всякомъ случаѣ, нужно замѣтить, что имѣются нѣсколько другихъ уѣздовъ, гдѣ счета земства съ плательщиками налоговъ находятся въ полной исправности и, тѣмъ не менѣе, поступленіе земскихъ сборовъ идетъ весьма неуспѣшно.

Сосредоточеніе въ рукахъ полиціи обязанностей по взиманію налоговъ имѣетъ еще другое, весьма вредное влияніе на ходъ крестьянскаго самоуправленія. Дисциплинарная власть надъ крестьянскими выборными лицами даетъ въ руки исправниковъ орудіе, посредствомъ котораго всѣ эти выборныя лица превращаются въ низшихъ полицейскихъ агентовъ, находящихся почти въ полномъ распоряженіи исправниковъ. Изъ этихъ соображеній ясно, что реформа нынѣ дѣйствующей системы взиманія прямыхъ налоговъ представляется крайне необходимой. Но реформа эта не должна ограничиваться одною перемѣной агентовъ взиманія налоговъ, она обязательно должна коснуться и системы распредѣленія ихъ между учрежденіями, въ пользу которыхъ они взимаются. Тѣ потребности, на удовлетвореніе которыхъ взимается земскій сборъ, настолько же важны, какъ и потребности общегосударственныя, и въ этомъ отношеніи нельзя дѣлать различія между сборами мѣстными и общегосударственными. Но дѣло въ томъ, что въ то время, когда въ распоряженіи государства имѣется множество ресурсовъ для пріобрѣтенія средствъ на покрытіе расходовъ, въ случаѣ неполнаго поступленія сборовъ, у мѣстныхъ органовъ никакихъ чрезвычайныхъ источниковъ не существуетъ и, въ случаѣ непоступленія текущихъ сборовъ, они могутъ быть поставлены въ безвыходное положеніе при полной невозможности удовлетворять текущія потребности, какъ это въ дѣйствительности весьма часто имѣетъ мѣсто. Государственная власть, въ случаѣ недостатка наличности для покрытія текущихъ платежей, можетъ получить необходимыя средства чрезъ посредство прямыхъ займовъ или выпуска кредитныхъ билетовъ, земскія же учрежденія, въ большинствѣ случаевъ, совершенно лишены возможности кредитоваться, а если, въ видѣ исклю-

ченія; и могутъ находить кредитъ, то на условіяхъ значительно болѣе обременительныхъ, нежели займы, заключаемые государствомъ.

Мы, конечно, хорошо понимаемъ важное значеніе центральныхъ органовъ управленія въ жизни страны. Мы сознаемъ, что законодательная дѣятельность государства оказываетъ самое рѣшительное вліяніе на всѣ отрасли какъ мѣстной, такъ и общегосударственной жизни, что заботы о внѣшней безопасности государства составляютъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ центральной власти, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны замѣтить, что не менѣе важную роль играютъ интересы нравственнаго, умственнаго и матеріальнаго развитія населенія.

Въ сущности, конечная цѣль всей государственной организаціи сводится къ тому, чтобы народъ былъ сытъ, здоровъ, образованъ и нравственно развитъ. А, между тѣмъ, именно на земскія учрежденія возложено попеченіе о народномъ продовольствіи, о народномъ здоровіи и народномъ образованіи. На основаніи этихъ соображеній, дѣлается вполне яснымъ, что центральная государственная власть должна принять самыя дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы мѣстныя учрежденія имѣли возможность выполнять важныя задачи, которыя возлагаются на нихъ правительственной властью, и чтобы необходимыя для этого денежные средства, сообразно платежнымъ силамъ населенія, распределялись въ справедливой пропорціи между государственнымъ казначействомъ и кассами мѣстныхъ учрежденій.

Съ этой точки зрѣнія вполне справедливо было бы восстановленіе первоначальной редакціи 90 ст. устава о земскихъ повинностяхъ, по которой «вносимую отъ плательщика суммой должны были сперва покрываться всѣ слѣдующіе съ него земскіе сборы, а потомъ уже остальные и особыя взысканія». Но такъ какъ на восстановленіе этой статьи въ ея первоначальной редакціи разсчитывать весьма трудно, въ виду чисто-фискальныхъ соображеній государственнаго казначейства, то наиболѣе справедливымъ исходомъ, по нашему мнѣнію, представляется установленіе слѣдующаго порядка взиманія и расходванія земскихъ сборовъ.

Земскія управы, послѣ утвержденія смѣты и раскладокъ земскими собраніями, должны сообщать мѣстнымъ казначействамъ цифру земскаго сбора, подлежащую въ слѣдующемъ году взысканію со всѣхъ предметовъ земскаго обложенія, а затѣмъ рассылаютъ всѣмъ плательщикамъ окладные листы и ведутъ съ ними счета по старымъ основаніямъ, какъ это практикуется и въ настоящее время. Но при вносѣ денегъ въ казначейства плательщиками или полиціей деньги эти, хотя имъ и ведется особый счетъ, не зачисляются немедленно въ земскіе депозиты, а остаются въ общей кассѣ государственнаго казначейства. Для покрытія всѣхъ земскихъ расходовъ мѣстныя казначейства открываютъ управамъ нѣчто вродѣ текущаго счета, въ предѣлахъ годоваго оклада земскаго сбора, внесеннаго въ раскладку. Въ предѣлахъ этой суммы казначейства должны оплачивать всѣ требованія, выдаваемыя земскими управами. Въ концѣ года подводится итогъ поступ-

лений всѣхъ земскихъ сборовъ и недоимокъ и если онъ окажется больше годового оклада, то излишекъ перечисляется въ депозитъ управъ.

Здѣсь нужно замѣтить, что, по нашему мнѣнiю, не представляется никакой необходимости дѣлать различiе между поступленiемъ текущаго оклада и недоимокъ. Если принимать въ расчетъ только поступленiе одного оклада, то это отразилось бы крайне невыгодно на средствахъ государственнаго казначейства. Къ тому же, земство обязано поступиться своими старыми долгами, получая взаимно кредитъ въ полномъ размѣрѣ своихъ текущихъ потребностей. И, наконецъ, въ случаѣ поступленiя всѣхъ или значительной части недоимокъ прежнихъ лѣтъ, приходъ земскихъ сборовъ долженъ неизбѣжно превысить ихъ годовую окладъ и вся излишняя полученная сумма будетъ перечислена въ земскiе депозиты.

Самый существенный вопросъ заключается въ томъ, какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда годового итога поступленiй всѣхъ земскихъ сборовъ будетъ ниже оклада. Здѣсь будетъ встать замѣтить, что если принимать въ расчетъ сумму поступленiй оклада и недоимокъ, то недоборъ оклада и въ настоящее время при дѣйствующей системѣ взысканiя сборовъ выражается въ сравнительно ничтожныхъ цифрахъ. Изъ вышеприведенныхъ данныхъ видно, что въ 1883 г., при годовомъ окладѣ въ 39 м. р., недоборъ выразился въ суммѣ $\frac{1}{2}$ м. р. Такимъ образомъ, оказывается, что затруднительное положенiе земства въ финансовомъ отношенiи, являясь результатомъ ежегодныхъ недоборовъ въ теченiе длиннаго промежутка времени, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ данный моментъ объясняется не столько ничтожною суммой недобора, сколько существованiемъ долговъ, накопившихся за старое время, и несвоевременнымъ поступленiемъ сборовъ. Хотя законъ устанавливаетъ 2 срока для взноса земскихъ повинностей, но въ дѣйствительности большая часть земскихъ сборовъ поступаетъ лишь въ концѣ года. Въ первый срокъ, 1 iюня, у большинства землевладѣльцевъ всѣ свободные ресурсы обращаются на полевые работы, а осенью изъ первыхъ поступленiй уплачиваются первоначально всѣ казенныя взысканiя.

Кромѣ того, въ нѣкоторые года, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и очень часто, сумма взысканныхъ земскихъ сборовъ превышаетъ ихъ годовую окладъ. Если же будетъ принятъ проектируемый нами способъ удовлетворенiя земскихъ расходовъ, и государственное казначейство будетъ непосредственно заинтересовано въ исправномъ поступленiи земскихъ сборовъ, то не представляется сомнѣнiя, что энергiя органовъ взиманiя налоговъ значительно возрастетъ, и съ большимъ вѣроятiемъ можно сказать, что недоборъ земскихъ сборовъ будетъ сведенъ почти къ нулю. Это небольшое отступленiе отъ поставленнаго выше вопроса позволяетъ намъ въ настоящее время дать весьма простой отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Въ случаѣ неполнаго поступленiя оклада, недополученная сумма записывается долгомъ за земствомъ и затѣмъ въ слѣдующемъ году вносится въ раскладку даннаго уѣзда на покрытiе оказавшагося недобора. Вообще, нужно замѣтить, что при относительной необременительности земскаго об-

ложенія, о чемъ будетъ сказано ниже, дѣйствительное поступленіе земскихъ сборовъ по отношенію къ окладу выражается почти въ одноиъ и томъ же процентномъ отношеніи, несмотря на колебанія годоваго бюджета. И это будетъ вполне понятно, если вспомнить, что увеличеніе или уменьшеніе суммы, вносимой въ раскладку, на нѣсколько тысячъ рублей отражается на окладѣ каждаго плательщика лишь въ размѣрѣ нѣсколькихъ копѣекъ или рублей. Такимъ образомъ, при внесеніи въ раскладку известной суммы на недоборъ, дѣйствительное поступленіе должно неминуемо возрасти и долгъ земства государственному казначейству обязательно долженъ постепенно покрываться.

Благоразумныя земства и въ настоящее время прибѣгаютъ къ этой единственно дѣйствительной мѣрѣ для улучшенія своего финансоваго положенія и получаютъ весьма удовлетворительные результаты. Такъ, мы можемъ сослаться на опытъ новгородскаго губернскаго земства, которое путемъ періодическихъ взносовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ свою раскладку известныхъ суммъ на покрытіе недоборовъ въ значительной степени поправило свои финансы. Выше мы уже указали, что недоборъ земскихъ сборовъ и въ настоящее время выражается въ сравнительно скромныхъ цифрахъ, и при новомъ порядкѣ вещей, когда они получаютъ въ глазахъ полиціи такое же значеніе, какъ и сборы государственные, можно ожидать, что дѣйствительное поступленіе оклада и недвижимыхъ прежнихъ лѣтъ превыситъ смѣтныя предположенія. Если же въ рѣдкихъ случаяхъ окажется недоборъ, то вполне справедливо, чтобы невыгодныя послѣдствія подобнаго явленія не отражались на земскомъ хозяйствѣ и чтобы государство открыло земству кредитъ въ размѣрѣ недополученной суммы, обладая само кредитомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ тѣхъ же исключительныхъ случаяхъ, когда, несмотря на всѣ принятія мѣры, будетъ оказываться систематическій недоборъ земскихъ сборовъ, это можетъ служить прямымъ доказательствомъ того, что тяжесть земскаго обложенія не соответствуетъ податнымъ силамъ населенія, и мѣстная губернская администрація должна принять мѣры къ сокращенію бюджета земскихъ расходовъ.

Насколько указанное положеніе дѣла вредно отражалось на отношеніи центральной власти къ мѣстнымъ учрежденіямъ, видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ силу положенія о земскихъ начальникахъ, всѣ ассигновки земства на содержаніе мировыхъ и крестьянскихъ учреждений признаются для земства расходомъ обязательнымъ и должны вноситься земскими управами въ доходъ государственнаго казначейства ежемѣсячно въ пособіе на содержаніе мѣстныхъ учреждений. Между тѣмъ, какъ мы видѣли, законъ устанавливаетъ два срока для уплаты земскихъ сборовъ, а въ дѣйствительности большая часть этихъ сборовъ поступаетъ въ земскую кассу въ концѣ года. Спрашивается, откуда земство можетъ получить необходимыя средства для ежемѣсячныхъ взносовъ обязательныхъ платежей, коль скоро законъ не даетъ ему права требовать уплаты налоговъ, составляющихъ единственный источникъ для покрытія всѣхъ расходовъ?

Еще болѣе разительный примѣръ представляетъ законъ объ уплатѣ въ опредѣленные сроки обязательныхъ для земства расходовъ на содержаніе учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. За неуплату этихъ суммъ въ указанные сроки земство обязано уплачивать опредѣленную пеню. Подобная понудительная мѣра для взноса срочныхъ платежей возбуждаетъ самыя серьезныя сомнѣнія въ ея рациональности, если принять во вниманіе, что вся процедура взиманія налоговъ находится исключительно въ рукахъ полиціи и что земство положительно лишено возможности оказывать какое-либо вліяніе на успѣшность поступленій земскихъ сборовъ. Выходитъ, что земство обязано платить пеню за бездѣятельность чиновъ полиціи.

Конечно, при проектируемомъ способѣ удовлетворенія земскихъ расходовъ нельзя ожидать немедленнаго исправленія земскихъ финансовъ, но, тѣмъ не менѣе, этимъ будетъ положенъ конецъ дальнѣйшему ухудшенію и можно надѣяться, что денежные средства земства будутъ постепенно приходить въ порядокъ, такъ какъ, кромѣ оклада, будетъ взыскиваться хотя часть недоимокъ, а вслѣдствіе этого земство получитъ возможность уплачивать свои старые долги.

Заканчивая настоящую статью, мы получили возможность познакомиться съ послѣднимъ проектомъ министерства финансовъ о земскомъ обложеніи. Та часть этого проекта, которая касается занимающаго насъ въ настоящее время вопроса о порядкѣ взиманія земскаго сбора, содержитъ въ себѣ почти буквальное осуществленіе предположеній новгородской губернской земской управы, высказанныхъ ею въ докладѣ собранію сессіи 1881 года. Сущность проектируемаго министерствомъ порядка заключается въ томъ, что всѣ земскіе и городскіе сборы съ недвижимыхъ имуществъ вносятся нераздѣльно съ государственными налогами, взимаемыми съ тѣхъ же предметовъ земскаго обложенія. Затѣмъ суммы, уплачиваемыя въ счетъ текущихъ окладовъ и недоимокъ, распределяются казначействами между государственными налогами и мѣстными сборами по долямъ, опредѣляемымъ ежегодно мѣстною казенною палатой, сообразно процентному отношенію земскихъ и городскихъ сборовъ къ окладамъ государственныхъ налоговъ по каждому уѣзду и городскому населенію отдѣльно: а) съ земель сельскихъ обществъ, б) съ земель прочихъ владѣльцевъ (кромѣ казны) и в) съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ. Уѣздныя управы должны сообщать казначействамъ окладныя книги съ означеніемъ всѣхъ подлежащихъ сбору владѣльцевъ и обществъ, а также слѣдующихъ съ нихъ окладовъ. Казначейства должны вести счетъ поступленій земскихъ сборовъ съ каждымъ сельскимъ обществомъ и плательщикомъ и сообщать мѣстной полиціи свѣдѣнія о недоимкахъ въ этихъ сборахъ.

Этотъ порядокъ взиманія земскихъ сборовъ, проектируемый министерствомъ финансовъ, представляетъ собою весьма важный шагъ впередъ въ вопросѣ объ улучшеніи земскихъ финансовъ, но весьма жаль, что министерство остановилось на половинѣ пути, на полумѣрѣ, и не рѣшилось,

признавая за земскими сборами общегосударственное значеніе, возложить на государство обязанность обезпечить исправное поступленіе всѣхъ земскихъ сборовъ въ размѣрѣ полного годоваго оклада. Какъ мы видѣли выше, одна изъ главныхъ причинъ запутанности земскихъ денежныхъ средствъ заключается въ несвоевременномъ поступленіи земскихъ сборовъ (по свѣдѣніямъ за пятилѣтіе съ 1884 по 1888 г. въ первые шесть мѣсяцевъ года поступаетъ отъ $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{4}$ оклада); вслѣдствіе чего земскія управы лишены возможности удовлетворять всѣ текущія потребности и вынуждены входить въ долги; этотъ недостатокъ дѣйствующей системы взиманія земскихъ сборовъ сохранится во всей своей силѣ при новомъ порядкѣ. А, между тѣмъ, съ точки зрѣнія интересовъ казны, она не только ничего не выиграетъ при новомъ способѣ взиманія налоговъ, но скорѣе даже проиграетъ. Какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ за 1883 г., принимая въ расчетъ поступленіе оклада и недоимокъ, ежегодный недоборъ оклада земскихъ сборовъ выражается въ суммѣ 500 тыс. р. При введеніи же проектируемаго министерствомъ порядка, по расчету, сдѣланному въ проектѣ за тотъ же 1883 г., платежи въ казну должны уменьшиться на 905,000 руб. Такимъ образомъ, оказывается, что чистый убытокъ отъ новаго порядка взиманія сборовъ выразится для казны въ суммѣ около 400 тыс. руб. сравнительно съ тѣмъ, что должна будетъ приплатить казна земству по проектируемому нами способу удовлетворенія земскихъ потребностей.

Независимо отъ этихъ принципиальныхъ возраженій, мы должны сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣчаній по поводу практическаго примѣненія проектируемаго порядка взиманія налоговъ. Насколько можно понять изъ буквальнаго текста новаго проекта, казначейства должны будутъ вести личные счета съ каждымъ предметомъ земскаго обложенія. А если принять во вниманіе, что отдѣльныхъ предметовъ обложенія въ каждомъ уѣздѣ числится отъ 3 до 5 тыс. и болѣе, то будетъ ясно, какой большой новый трудъ возлагается на казначейства, и нѣтъ сомнѣнія, что трудъ этотъ долженъ вызвать увеличеніе числа служащихъ, а, слѣдовательно, и расходовъ. А, между тѣмъ, нѣтъ ни малѣйшей необходимости въ параллельномъ веденіи однихъ и тѣхъ же счетовъ въ уѣздныхъ управахъ и въ казначействахъ. Дѣятельность казначействъ можетъ совершенно свободно ограничиться отчисленіемъ изъ каждаго поступленія опредѣленнаго процента въ депозиты земскихъ управъ, вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ управъ о томъ, съ какаго именно предмета обложенія поступили перечисленные сборы. Затѣмъ веденіе личныхъ счетовъ съ предметами обложенія должно, конечно, лежать на обязанности земскихъ управъ, которыя и должны сообщать полиціи недоимочные реестры. Вслѣдствіе этого, доставленіе окладныхъ книгъ въ казначейства *совершенно* излишне и положительно не имѣетъ смысла, коль скоро для полиціи и для плательщиковъ утрачивается всякое значеніе различіе между сборами различныхъ наименованій.

Далѣе, проектируемый порядокъ можетъ представить большія неудобства для плательщиковъ, лишая ихъ возможности слѣдить, въ случаѣ не-

полной уплаты всѣхъ сборовъ, какая именно часть какаго сбора ими уплачена и по какому сбору сколько числится недоимокъ.

Въ заключеніе мы должны высказать сожалѣніе, что проектъ совершенно упустилъ изъ вида способъ отчисленія уѣздами суммъ на покрытіе губернскаго земскаго сбора. Какъ извѣстно, губернский земскій сборъ почти повсемѣстно присоединяется къ суммамъ уѣздныхъ сборовъ и взимается совмѣстно съ ними по окладнымъ листамъ уѣздныхъ управъ. Такимъ образомъ, суммы губернскаго сбора поступаютъ въ полное распоряженіе уѣздныхъ управъ, которыя производятъ отчисленія въ депозитъ губернской управы по своему усмотрѣнію, и, притомъ, весьма неисправно, такъ какъ сами постоянно нуждаются въ деньгахъ и весьма рѣдко имѣютъ въ своемъ распоряженіи свободныя суммы. При такомъ способѣ взиманія сборовъ въ пользу губернскихъ земствъ, поступленіе ихъ идетъ еще гораздо хуже, чѣмъ поступленіе сборовъ уѣздныхъ, и если губернскія земства имѣютъ возможность удовлетворять текущія потребности, то исключительно только благодаря наличности специальныхъ капиталовъ. Въ этомъ отношеніи мы смѣло можемъ рекомендовать систему расчетовъ губернскаго земства съ уѣздными, практикуемую новгородскимъ земствомъ, примѣненіе которой отразилось самымъ благопріятнымъ образомъ на денежныхъ средствахъ новгородскаго губернскаго земства. Система эта совершенно совпадаетъ съ проектируемымъ министерствомъ финансовъ порядкомъ взиманія прямыхъ налоговъ и состоитъ въ томъ, что казначейства дѣлаютъ отчисленія изъ каждаго поступленія земскаго сбора въ депозитъ губернской управы сообразно проценту, выводимому губернской управой изъ отношенія между суммой оклада уѣзднаго сбора по каждому уѣзду и суммой губернскаго сбора, причитающейся съ даннаго уѣзда. Установленіе такого способа расчета между губернскими и уѣздными земствами безусловно необходимо для того, чтобы новый порядокъ взиманія налоговъ отразился и на хозяйствѣ губернскихъ земствъ, финансовое положеніе которыхъ, въ противномъ случаѣ, останется почти въ томъ же печальномъ положеніи, какъ и въ настоящее время.

III.

Другая, и, притомъ, самая важная, причина неудовлетворительнаго поступленія земскихъ сборовъ кроется въ несоотвѣтствіи между тяжестью налоговъ и платежными средствами населенія. Если мы примемъ во вниманіе всю совокупность прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, то непосильность ихъ для населенія будетъ ясна уже изъ одного факта ежегоднаго недобора всѣхъ казенныхъ и общественныхъ налоговъ. Бъ тому же, всѣ косвенные налоги, дающіе наибольшій доходъ, какъ, напримѣръ, акцизъ съ вина, всею тяжестью падаютъ на недостаточные классы населенія. Но, конечно, придерживаясь строго рамокъ настоящей статьи, мы не можемъ входить въ обсужденіе вопросовъ о развитіи производительныхъ силъ страны и улуч-

шеніи общаго экономическаго благосостояніи населеніи. Для нашей цѣли важно изслѣдованіе тяжести исключительно только земскихъ сборовъ и соотвѣтствіи ихъ съ податною способностью предметовъ земскаго обложенія.

Въ вышеупомянутомъ докладѣ комиссіи министерства финансовъ по пересмотру узаконеній о земскомъ обложеніи мы находимъ весьма цѣнный матеріалъ по этому вопросу, которымъ и воспользуемся для настоящей статьи. Главный предметъ земскаго обложенія въ большинствѣ губерній составляетъ земля, сборы съ которой покрываютъ большую часть земскихъ расходовъ (28 милл. изъ 38 милл. общей суммы земскихъ доходовъ). И при этомъ нужно замѣтить, что постоянно прогрессирующее возрастаніе земскихъ расходовъ и земскихъ сборовъ падаетъ, главнымъ образомъ, на земельныя имущества. Въ то время, какъ земскій сборъ съ торговли увеличился въ періодъ времени съ 1868 по 1885 г. въ два раза, сборъ съ фабрикъ и заводовъ нѣсколько болѣе—съ 1,128 тыс. р. до 2,993 тыс. р., сборъ съ земель возросъ болѣе, чѣмъ втрое (9,636 тыс. руб. до 28,165 тыс. руб.). Земля облагается земскимъ сборомъ въ среднемъ размѣрѣ по 12,4 к. съ десятины. Но по отдѣльнымъ уѣздамъ замѣчается громадныя отклоненія отъ этой средней нормы въ сторону повышенія и пониженія. Такъ, въ Устюжскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи, размѣръ обложенія десятины падаетъ до $\frac{1}{2}$ к., а въ Зеньковскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, повышается до 45 к. Вышеупомянутый докладъ комиссіи министерства финансовъ беретъ за общее мѣрило для опредѣленія средней доходности земель доходность, выведенную изъ 5% съ нормальной оцѣнки земли, установленной дворянскимъ банкомъ, а въ мѣстностяхъ, гдѣ допускается залогъ имѣній только по специальнымъ оцѣнкамъ,—съ оцѣнки, установленной высочайше утвержденною табелью для взиманія пошлинъ съ перехода земельной собственности. Само собою разумѣется, что этотъ приемъ далеко не даетъ представленія объ истинной цѣнности и доходности земель. Но, тѣмъ не менѣе, употребляя общее мѣрило для всѣхъ мѣстностей имперіи, можно получить болѣе или менѣе вѣрное представленіе объ относительномъ обремененіи земскимъ сборомъ земель въ разныхъ мѣстностяхъ и о той части чистой доходности, которую землевладѣльцы должны уплачивать въ видѣ земскихъ налоговъ, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что для болѣе части Россіи, какъ замѣчаетъ докладъ комиссіи, нормальныя оцѣнки далеко ниже дѣйствительныхъ цѣнъ.

Такъ какъ нормальныя оцѣнки установлены только для земель частнаго владѣнія, то для опредѣленія доходности крестьянскихъ земель и земель частновладѣльческихъ въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ губерніяхъ принята въ докладѣ уѣздная земская оцѣнка. Въ результатѣ оказывается, что въ черноземной полосѣ, гдѣ цѣнность земель высока, обложеніе земскимъ сборомъ никакъ нельзя назвать обременительнымъ: по 98 уѣздамъ земское обложеніе не превышаетъ $\frac{1}{15}$ доли нормальнаго дохода, спускаясь до $\frac{1}{20}$ и даже до $\frac{1}{30}$ доли. Въ 93 уѣздахъ земской сборъ взимается въ размѣрѣ отъ $\frac{1}{15}$ до $\frac{1}{11}$ доли дохода. Въ 72 уѣздахъ, преимущественно нечерноземной промышленной полосы, взим-

мается отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{7}$ доли нормальнаго дохода. Въ 22 уѣздахъ отчасти той же полосы и далѣе на сѣверъ земское обложеніе составляетъ отъ $\frac{1}{7}$ до $\frac{1}{5}$ доли дохода. Въ остальныхъ 61 уѣздахъ въ земскій сборъ взимается отъ $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ доли дохода. Такимъ образомъ, оказывается, что изъ 422 уѣздовъ въ 360 земское обложеніе не превышаетъ $\frac{1}{5}$ доли нормальнаго дохода, что никакъ нельзя признать непосильнымъ для облагаемыхъ имуществъ, особенно, если принять во вниманіе низкую оцѣнку земель, принятую для этого расчета. При этомъ необходимо еще замѣтить, что высокое обложеніе, имѣющее мѣсто въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, находитъ себѣ объясненіе болѣею частью въ ничтожности другихъ источниковъ земскаго дохода, кромѣ земли, а не въ количествѣ земскихъ расходовъ. Здѣсь встаетъ будетъ отмѣтить сравнительную тяжесть земскаго обложенія для земель крестьянскихъ и частновладѣльческихъ. Въ 143 уѣздахъ земскій сборъ съ тѣхъ и другихъ земель почти одинаковъ. Въ 30 уѣздахъ крестьянскія земли обложены ниже частновладѣльческихъ, причѣмъ только въ 13 уѣздахъ замѣчается значительная разница въ окладѣ. Наконецъ, въ 187 уѣздахъ крестьянскія земли обложены выше частновладѣльческихъ. Большинство этихъ уѣздовъ принадлежитъ къ нечерноземнымъ, лѣснымъ мѣстностямъ, гдѣ замѣчается весьма низкое обложеніе лѣсныхъ земель, не вошедшихъ въ надѣль крестьянъ, и болѣе высокое обложеніе прочихъ земель—усадебныхъ, пахотныхъ и сѣнокосныхъ, которыя входятъ въ составъ крестьянскаго надѣла. Это явленіе зависитъ частью отъ несовершенства земскихъ раскладовъ, о чемъ будетъ сказано ниже, а частью представляется неизбежнымъ и вполне естественнымъ въ виду особенностей облагаемыхъ угодій. При отсутствіи правильнаго лѣснаго хозяйства въ большинствѣ имѣній, лѣсныя пространства не даютъ опредѣленнаго ежегоднаго дохода, а взамѣнъ того являются крупныя единовременныя вырубки, доходъ отъ которыхъ не подлежитъ обложенію въ силу разъясненія правительствующаго сената. Земля изъ-подъ вырубленнаго лѣса въ большинствѣ мѣстностей сѣверныхъ губерній въ теченіе длиннаго промежутка времени не имѣетъ никакой цѣнности и потому не представляется основаній облагать ее земскимъ сборомъ въ одинаковомъ размѣрѣ съ прочими уѣздами. Вслѣдствіе этого, крестьянскія надѣльныя земли, состоящія болѣею частью изъ перворазрядныхъ земель съ опредѣленною ежегодною доходностью, по необходимости подлежатъ болѣе высокому земскому обложенію. Съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ взимается въ пользу земства 2,334 тыс. р. Въ средней сложности этотъ сборъ составляетъ около 6% съ доходности городскихъ имуществъ, исключенной изъ 6% съ ихъ цѣнности, между тѣмъ какъ съ земли взимается, въ среднемъ, около 8—9% дохода. Докладъ комиссіи министерства финансовъ объясняетъ сравнительно низкое обложеніе городскихъ имуществъ, во-первыхъ, тѣмъ, что въ большинствѣ губерній земскій сборъ взимается съ оцѣнокъ домовъ, выведенныхъ мѣстнымъ городскимъ управленіемъ для взиманія городского сбора, а оцѣнки эти почти вездѣ ниже дѣйствительной цѣны этихъ имуществъ, и, во-вторыхъ, нѣкоторыя

земства исключаютъ изъ обложенія городскія имущества съ доходомъ ниже опредѣленной нормы. «Кромѣ того, нѣкоторые земства понижаютъ обложеніе городскихъ имуществъ въ виду взимаемаго съ тѣхъ же имуществъ сбора на мѣстныя городскія нужды». Это послѣднее соображеніе, по нашему мнѣнію, представляется главною причиною сравнительно слабаго обложенія городскихъ имуществъ. Принимая во вниманіе малую доходность недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, въ особенности уѣздныхъ, и высокое обложеніе ихъ на мѣстныя городскія нужды, которыя удовлетворяются далеко не въ полномъ размѣрѣ, земство, очевидно, не рѣшается облагать ихъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ прочими предметами земскаго обложенія. Кромѣ того, оцѣнки городскихъ имуществъ произведены по самымъ разнообразнымъ основаніямъ и безъ всякой однообразной системы. При этихъ оцѣнкахъ преслѣдуется лишь одна цѣль выясненія относительной цѣнности имуществъ, почти безъ всякаго отношенія къ дѣйствительной ихъ цѣнности и доходности. Вслѣдствіе этого, изданіе общей инструкціи для оцѣнки городскихъ имуществъ на одинаковыхъ основаніяхъ для всѣхъ городовъ представляется настоятельно необходимымъ. При составленіи этой инструкціи правительство могло бы воспользоваться опытомъ нѣкоторыхъ губерскихъ земствъ, какъ, напримѣръ, черниговскаго, новгородскаго, харьковскаго, херсонскаго и казанскаго. Изданіе подобной инструкціи представляетъ особую важность для опредѣленія суммы налога съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, взимаемой въ пользу государственнаго казначейства и опредѣляемой въ настоящее время правительствомъ для каждой губерніи безъ достаточныхъ основаній.

Такимъ образомъ, оказывается въ результатѣ, что всѣ обвиненія земскихъ учрежденій въ раздуваніи смѣтъ, въ расточительности и въ недостаткѣ экономіи представляются совершенно неосновательными. Надо самому принимать активное участіе въ земскихъ собраніяхъ для того, чтобы понять, какъ настойчивыя требованія жизни сокрушаютъ самыя рѣшительныя стремленія къ экономіи и вынуждаютъ самыхъ скупыхъ гласныхъ производить увеличеніе смѣтныхъ назначеній. Въ теченіе своей четырнадцатилѣтней практической дѣятельности въ земствѣ, каждый годъ являясь въ собраніе, мы слышали, прежде всего, рѣчи о необходимости самой строгой экономіи и въ концѣ собранія являлось почти всегда нѣкоторое увеличеніе смѣты расходовъ. Такъ трудно бороться съ требованіями дѣйствительной жизни и логикой необходимости. Въ самомъ дѣлѣ, весьма трудно не отступать отъ строгой экономіи, когда видишь собственными глазами, что населеніе умираетъ отъ недостатка медицинской помощи, что большинство дѣтей остается безграмотными, что по дорогамъ нѣтъ проѣзда и т. д.

Поневолѣ приходится поступиться интересами плательщиковъ для того, чтобы по возможности удовлетворить самыя настоятельныя, самыя неотложныя нужды большинства населенія, которое, къ тому же, состоитъ почти сплошь изъ плательщиковъ земскихъ налоговъ.

Вышеприведенныя цифровыя данныя безспорно доказываютъ, что въ

громадномъ большинствѣ случаевъ земское обложеніе представляется необременительнымъ для частныхъ землевладѣльцевъ, которые, кромѣ земскихъ налоговъ, должны уплачивать только сравнительно ничтожный государственный поземельный сборъ, лица дворянскаго сословія—сборъ дворянскій. Что же касается крестьянъ, то у нихъ земскій сборъ играетъ почти ничтожную роль въ ряду другихъ видовъ обложенія. Такъ, за 1887 г. въ Новгородской губерніи на одну десятину крестьянской земли налоги различныхъ наименованій ложились въ слѣдующемъ размѣрѣ: выкупныхъ и государственнаго поземельнаго сбора—59 коп., земскихъ сборовъ—17 к., волостныхъ сборовъ—10 к. и мірскихъ—10 коп. Другими словами, земское обложеніе составляетъ лишь около 20% всѣхъ другихъ сборовъ, лежащихъ на крестьянской землѣ. Мы не можемъ входить въ обсужденіе вопроса объ обременительности обложенія крестьянскихъ земель, но считаемъ только долгомъ замѣтить, что земство, придерживаясь принципа равноправности всѣхъ сословій, не имѣетъ возможности сдѣлать существенныя облегченія для крестьянъ въ платежѣ земскихъ повинностей.

Если принять во вниманіе все вышеназванное, то установленіе известнаго максимум'a, известной нормы для процента земскаго обложенія, проектируемыхъ министерствомъ финансовъ, представляется совершенно излишнимъ и не вызываемымъ дѣйствительною необходимостью. Во-первыхъ, земскіе гласные, какъ представители мѣстнаго самоуправления, являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, и плательщиками земскихъ сборовъ и, вслѣдствіе этого, прямо заинтересованы въ томъ, чтобы земскіе налоги были необременительны, такъ какъ каждая ассигновка распредѣляется, между прочимъ, и на принадлежащее имъ имущество. Единственный случай, при которомъ гласные могутъ быть прямо заинтересованы въ увеличеніи смѣтныхъ ассигновокъ,—это окладъ содержанія, получаемого предсѣдателями и членами управъ. Но, просматривая оклады содержанія, получаемые управами во всѣхъ земскихъ губерніяхъ, мы находимъ, что повсѣмѣстно они вращаются около одной и той же нормы съ весьма незначительными колебаніями въ отдѣльныхъ случаяхъ. Къ тому же, весьма трудно ожидать, чтобы большинство гласныхъ было склонно поступиться своими интересами въ пользу представителей органовъ самоуправления.

Во-вторыхъ, главное возраженіе противъ установленія предѣльной нормы земскаго обложенія заключается въ томъ, что это представляется безусловно неосуществимымъ на практикѣ. Разъ опредѣленіе цѣнности и доходности предметовъ обложенія будетъ предоставлено вѣднѣю земскихъ учреждений, и отнять отъ нихъ это право, какъ мы увидимъ ниже, не представляется возможности, то земство всегда имѣетъ полную возможность обойти эту предѣльную норму, искусственно повышая оцѣнку предметовъ обложенія и ихъ нормальную доходность. Это сдѣлать тѣмъ легче, что земство, не имѣя возможности ввести болѣе или менѣе точный кадастръ, не можетъ имѣть въ виду опредѣленія дѣйствительной доходности. Самъ законъ обязываетъ земство дѣлать раскладки на основаніи нормаль-

ной или, точнѣе, средней, относительной доходности. А при опредѣленіи такой относительной доходности абсолютныя цифры не имѣютъ никакого значенія и могутъ быть произвольно повышаемы или понижаемы безъ всякаго вліянія на размѣръ налоговъ, взимаемыхъ съ каждаго предмета обложенія, лишь бы только не измѣнилась пропорція, установленная для различныхъ категорій имущества. Вслѣдствіе этого, земство можетъ совершенно свободно распоряжаться съ цифровымъ матеріаломъ, имѣющимся въ его распоряженіи, и, напримѣръ, уменьшая или увеличивая сумму расходовъ производства, имѣетъ возможность совершенно измѣнить цифры, выражающія относительную доходность имущества. На практикѣ ограниченіе права земскаго самообложенія можетъ вызвать только массу недоразумѣній и столкновеній въ прямой ущербъ земскому хозяйству и безъ всякой видимой необходимости.

Въ тѣсной связи съ установленіемъ предѣльной нормы для земскаго обложенія находится вопросъ объ учрежденіи общеземскаго, государственнаго фонда для пособія тѣмъ уѣздамъ, гдѣ окажутся такія неотложныя потребности, для удовлетворенія которыхъ будетъ недостаточно земскаго сбора въ предѣлахъ установленной нормы. Но мы считаемъ излишнимъ входить въ подробное обсужденіе этой части министерскаго проекта, такъ какъ она была подвергнута всестороннему обсужденію въ январской и февральской книжкахъ *Вѣстника Европы* за 1890 г. Поэтому мы позволимъ себѣ ограничиться замѣчаніемъ, что это предположеніе министерства, представляясь въ высшей степени симпатичнымъ по своей идѣе, безусловно неосуществимо на практикѣ и должно повлечь за собой массу недоразумѣній, такъ какъ, во-первыхъ, невозможно создать вѣрный критерій для оцѣнки необходимости извѣстнаго расхода въ уѣздѣ, а, во-вторыхъ, нельзя изобрѣсти такое учрежденіе, которое являлось бы компетентнымъ въ рѣшеніи этого вопроса.

Вслѣдствіе этого, можно съ большою вѣроятностью сказать, что успѣхъ земскихъ ходатайствъ о выдачѣ пособій изъ общеземскаго фонда будетъ во многомъ зависѣть отъ настойчивости и изворотливости представителей земства и отъ ихъ личныхъ знакомствъ въ губернскихъ и столичныхъ сферахъ. Кромѣ того, съ момента введенія въ дѣйствіе закона о предѣльномъ обложеніи, необходимо немедленно же производить выдачу пособія тѣмъ земствамъ, въ которыхъ сумма земскихъ сборовъ, по раскладкѣ, установленной согласно новому закону, будетъ ниже суммы, взимаемой въ настоящее время. Если населеніе вынуждено примириться съ неполнотой удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей, то весьма трудно будетъ примириться съ сокращеніемъ земской дѣятельности, направленной къ удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ, сравнительно съ тѣми размѣрами, къ которымъ привыкло и съ которыми вполне освоилось населеніе. Тамъ, гдѣ нѣтъ больницъ и школъ, населеніе можетъ, къ сожалѣнію, примириться съ этимъ пробѣломъ, но если закрыть существующія школы и больницы, то мѣст-

ное населеніе должно испытывать крайне тяжелыя лишенія при отсутствіи учреждений, сдѣлавшихся предметомъ первой необходимости.

Новый проектъ министерства финансовъ сохраняетъ всецѣло предположеніе о предѣльныхъ нормахъ земскаго обложенія, но взаимнѣ образованія общихъ земскихъ капиталовъ проектируетъ усиленіе государственнаго обложенія для выдачи пособія отъ казны тѣмъ губерніямъ, земскій сборъ въ которыхъ взимается по всѣмъ уѣздамъ въ высшемъ размѣрѣ. Выдачу же пособій тѣмъ отдѣльнымъ уѣздамъ, въ которыхъ земскіе сборы достигли установленнаго высшаго предѣла, въ случаѣ необходимости увеличить расходы для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, проектъ относить къ обязанности губернскихъ земствъ. При этомъ уѣзднымъ земствамъ предоставлено право апелляціи на постановленіе губернскаго собранія въ губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе. Какъ мы уже замѣтили выше, невозможно установить такіе видимые признаки, на основаніи которыхъ можно бы съ полною увѣренностью отвѣтить на вопросъ, необходимъ или нѣтъ извѣстный расходъ для данной мѣстности. Имѣя въ виду, что при настоящихъ размѣрахъ земскихъ расходовъ потребности мѣстнаго населенія удовлетворены лишь въ самомъ незначительномъ размѣрѣ, весьма легко путемъ обыденной логики доказать, что безусловно необходимо увеличить расходы во всѣхъ безъ исключенія земствахъ на нѣсколько сотъ процентовъ.

Вообще нужно замѣтить, что губернскія земства весьма неохотно оказываютъ исключительныя пособія уѣздамъ. Помощь губернскаго земства обыкновенно выражается въ формѣ признанія извѣстной повинности губернскою, при чемъ эта мѣра имѣетъ примѣненіе въ равной степени ко всѣмъ уѣздамъ. Помимо принципиальнаго несочувствія оказанію исключительной помощи отдѣльнымъ уѣздамъ, предложеніе въ этомъ смыслѣ имѣетъ всегда весьма мало шансовъ пройти въ губернскомъ собраніи, такъ какъ губернскіе гласные, какъ представители отдѣльныхъ уѣздовъ, прямо заинтересованы въ томъ, чтобы помощь со стороны губернскаго земства распредѣлялась между всѣми уѣздами возможно равномерно. Такимъ образомъ, нужно предполагать, что громадное большинство ходатайствъ уѣздныхъ земствъ о пособіи будетъ восходить до губернскихъ по земскимъ дѣламъ присутствій, которыя при разсмотрѣніи подобныхъ вопросовъ будутъ лишены всякой фактической почвы.

IV.

Третье мѣсто въ ряду условій, влияющихъ на неудовлетворительное положеніе земскихъ финансовъ, занимаетъ законъ 21 ноября 1866 г., установившій наивысшій предѣлъ земскаго обложенія съ патентовъ и торговыхъ свидѣтельствъ въ размѣрѣ отъ 10 до 25% съ пошлинъ, платимыхъ въ казну. Законъ этотъ крайне неблагоприятно отразился на земскомъ хозяйствѣ, изъявъ изъ общей системы земскихъ раскладокъ и поставивъ въ

исключительное положеніе имущество лицъ наиболѣе состоятельныхъ, съ наиболѣе вѣрными и постоянными доходами, вслѣдствіе чего та часть земскихъ налоговъ, которая причиталась бы съ этихъ имуществъ при равномерной раскладкѣ, за исключеніемъ той ничтожной части, которая съ нихъ взимается въ настоящее время, должна быть распределена на всѣ прочіе предметы земскаго обложенія, и, главнымъ образомъ, на земли.

То же самое значеніе имѣетъ этотъ законъ для фабрикъ и заводовъ, отнявъ отъ земства право обложенія ихъ по дѣйствительной доходности предприятий и замѣнивъ это право обложеніемъ по цѣнности фабричныхъ и заводскихъ помѣщеній и машинъ.

Очевидно, что принципъ, положенный закономъ 1866 г. въ основаніе обложенія торговыхъ свидѣтельствъ, не выдерживаетъ никакой критики. Онъ предоставляетъ земству право взиманія извѣстнаго % съ пошлинъ, уплачиваемыхъ въ казну при взятіи торговыхъ свидѣтельствъ, но размѣръ этихъ пошлинъ вовсе не находится въ соотвѣтствіи съ доходностью промышленныхъ предприятий. При выдачѣ торговыхъ свидѣтельствъ взимается извѣстная опредѣленная сумма, сообразно разряду выдаваемого свидѣтельства безъ всякаго отношенія къ обороту промышленнаго предприятия и, тѣмъ болѣе, къ чистой его доходности. Такимъ образомъ, обложеніе торговыхъ свидѣтельствъ совершенно противорѣчитъ основному правилу земскаго и, вообще, всякаго правильнаго налога, заключающагося въ томъ, что налогъ долженъ взиматься сообразно доходности каждаго предмета обложенія. То же самое несоотвѣтствіе заключается и въ обложеніи фабрикъ и заводовъ, которые земство имѣетъ право облагать на основаніи цѣнности фабричныхъ и заводскихъ зданій и находящихся въ нихъ машинъ. Подобныя основанія обложенія находятся въ прямомъ противорѣчій съ общими основаніями раскладки на прочіе предметы земскаго обложенія. Очевидно, что цѣнность фабричныхъ и заводскихъ зданій лишь въ рѣдкихъ случаяхъ находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ доходностью связанныхъ съ ними промышленныхъ предприятий. Часто заводы съ ничтожною стоимостью зданій и машинъ могутъ давать большой доходъ, какъ, напримѣръ, кирпичные заводы, и, наоборотъ, заводы съ весьма цѣнными сооружеиіями дѣлаютъ ничтожные обороты. Нагляднымъ доказательствомъ того, что законъ совершенно игнорируетъ дѣйствительную доходность промышленныхъ предприятий, служитъ то обстоятельство, что земству предоставлено право облагать сборомъ не дѣйствующіе фабрики и заводы.

Такимъ образомъ, благодаря закону 1866 г., самые состоятельные предметы земскаго обложенія оказались въ привилегированномъ положеніи и, вслѣдствіе этого, при ничтожномъ участіи въ земскихъ бюджетахъ промысловыхъ налоговъ, вся тяжесть земскаго обложенія пала на земли.

Со времени изданія закона 21 ноября 1866 г. послѣдовалъ цѣлый рядъ ходатайствъ со стороны земскихъ собраній объ отміяніи этого закона, на основаніи болѣе или менѣе всѣхъ соображеній. Для иллюстраціи этого вопроса мы приведемъ маленькую историческую справку. Новгород-

ское губернское земское собраніе въ 1866 г., сопоставляя максимальный %, установленный для обложенія торговыхъ свидѣтельствъ, съ нормальнымъ доходомъ, принятымъ за общее основаніе для раскладки, нашло, что этотъ высшій % соотвѣтствуетъ $3\frac{1}{2}\%$ съ нормальнаго дохода торговыхъ заведеній. Поэтому, соблюдая общій законъ равномѣрности, указанный въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, слѣдовало бы и всѣ прочія имущества обложить такимъ же процентомъ, т.-е. не болѣе $3\frac{1}{2}$ коп. съ рубля нормальнаго дохода, что составило бы съ земель перваго разряда 0,3 коп., вмѣсто $5\frac{1}{2}$ к., въ дѣйствительности взимаемыхъ. При такомъ расчетѣ весь земскій сборъ по губерніи составилъ бы 193 т. руб., между тѣмъ какъ однихъ обязательныхъ расходовъ предстояло къ выполненію на 1867 г.—412 т. руб. Соображенія, высказанныя собраніемъ въ 1866 г., получаютъ еще болѣе вѣское значеніе, если принять во вниманіе, что земскій бюджетъ по Новгородской губерніи возросъ съ 1866 г. по настоящее время съ 441 т. руб. до 950 т. руб., а, между тѣмъ, % обложенія торговыхъ свидѣтельствъ остался все тотъ же. Отсюда ясно, что неравномѣрность обложенія торговыхъ свидѣтельствъ, относительно другихъ предметовъ обложенія, возросла въ громадной степени.

Мы считаемъ возможнымъ ограничиться этими краткими соображеніями о необходимости расширить права земства по обложенію торговли и промышленности, такъ какъ по этому вопросу существуетъ значительная литература, вполне выяснившая полную несостоятельность указаннаго закона 21 ноября 1866 г.

Докладъ комиссіи по пересмотру узаконеній о земскомъ обложеніи признаетъ полную несостоятельность дѣйствующей системы по обложенію торговли и промышленности по внѣшнимъ признакамъ прибыльности предприятий и проектируетъ привлеченіе къ земскому обложенію торговли и промышленности на основаніи непосредственнаго опредѣленія ихъ доходности, какъ это дѣлается при взиманіи раскладочнаго и 3-хъ процентнаго сбора.

Доходность торговыхъ и промышленныхъ предприятий, за исключеніемъ выбирающихъ свидѣтельства промысловыя и на мелочной торговлѣ, а также свободныхъ по закону отъ платежа пошлинъ въ казну, опредѣляется на трехлѣтній срокъ уѣздными, городскими и губернскими податными присутствіями, при участіи двухъ членовъ, выбираемыхъ земскими собраніями. Причитающійся съ этой суммы доходовъ земскій сборъ распределяется ежегодно между отдѣльными предприятиями по исчисляемой податными присутствіями прибыли каждаго изъ нихъ за подлежащій годъ трехлѣтія. Процентъ обложенія земскимъ сборомъ торговыхъ и промышленныхъ предприятий проектируется одинаковый, какъ для всѣхъ прочихъ предметовъ земскаго обложенія. Съ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, содержащихъ по свидѣтельствамъ промысловымъ и на мелочной торговлѣ, земскій сборъ предполагается взимать на существующемъ нынѣ основаніи.

Послѣдній проектъ министерства финансовъ отказывается отъ мысли о привлеченіи торговли и промышленности къ земскому сбору на одинако-

выхъ основаніяхъ со всѣми прочими предметами обложенія и предполагаетъ сохранять существующій порядокъ обложенія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Для достиженія же большей уравнительности обложенія проектируется установить, сверхъ сборовъ съ торговыхъ документовъ и съ помѣщеній, занимаемыхъ торговлей и промышленностью, дополнительный сборъ по прибыльности торговыхъ и промышленныхъ предпріятій на тѣхъ же основаніяхъ, какъ эти прибыли облагаются въ пользу казны. Вслѣдствіе этого, добавочному земскому сбору подлежатъ только тѣ предпріятія, которыя привлекаются къ дополнительнымъ казеннымъ сборамъ. Общія суммы земскаго сбора съ прибылей отъ предпріятій, подлежащихъ казенному раскладочному сбору, устанавливаются для каждой губерніи въ законодательномъ порядкѣ. Точно также устанавливается тѣмъ же порядкомъ и размѣръ земскаго сбора съ прибылей отъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, подлежащихъ казенному трехпроцентному сбору. Распределеніе назначенныхъ на каждую губернію суммъ дополнительнаго раскладочнаго сбора между уѣздами и участками, образованными для взиманія казеннаго раскладочнаго сбора, производится губернскими податными присутствіями на одинаковыхъ основаніяхъ съ казенными сборами.

Основаніемъ для отказа отъ привлеченія торговли и промышленности къ земскимъ сборамъ чрезъ установленіе одного и того же процента для всѣхъ предметовъ обложенія послужили два главныхъ соображенія. Во-первыхъ, неоднородность самыхъ основаній обложенія, ибо недвижимыя имущества облагались бы по нормальной, а торговля и промышленность по дѣйствительной доходности. Но всѣ стремленія той части проекта, которая касается установленія порядка оцѣнки недвижимыхъ имуществъ, направлены именно къ тому, чтобы опредѣлить дѣйствительную доходность. И хотя это стремленіе не можетъ быть осуществлено во всей полнотѣ, но, тѣмъ не менѣе, при опредѣленіи доходности на основаніи точнаго статистическаго матеріала всегда будетъ опредѣлена если не дѣйствительная доходность каждаго предмета обложенія, то дѣйствительная нормальная доходность для каждой опредѣленной мѣстности. Что же касается доходности торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, опредѣляемой податными присутствіями, то нѣтъ сомнѣнія, что она также далека отъ истины. Поэтому не могло бы произойти большой неравномѣрности, если допустить обложеніе торговли и промысловъ на одинаковыхъ основаніяхъ со всѣми прочими предметами обложенія, такъ какъ нормальная доходность выражаетъ собою среднюю доходность имуществъ даннаго района и всѣ отклоненія отъ средней цифры въ ту или другую сторону скрадываются и уничтожаются въ среднемъ выводѣ.

Второе соображеніе представляется болѣе основательнымъ. Это соображеніе заключается въ указаніи на стремленіе податныхъ присутствій къ пониженію уровня торговыхъ и промышленныхъ прибылей и въ опасеніи, что это стремленіе должно еще болѣе увеличиться при введеніи земскаго сбора въ видѣ опредѣленнаго процента съ прибылей. Эти мо-

тивы нельзя не признать заслуживающими вниманія, такъ какъ трудно измѣнить составъ податныхъ присутствій введеніемъ въ нихъ элементовъ, чуждыхъ промышленности, ибо при этомъ нужно опасаться преувеличеннаго опредѣленія размѣровъ прибылей. Но хотя проектъ предлагаетъ установленіе въ законодательномъ порядкѣ размѣра дополнительнаго земскаго обложенія торговли и промысловъ, но, тѣмъ не менѣе, при опредѣленіи этого размѣра имѣется въ виду достиженіе извѣстнаго соотвѣтствія между обложеніемъ недвижимыхъ имуществъ и торговли и промышленности. Стремленіе къ подобному соотвѣтствію безусловно необходимо для того, чтобы не нарушить элементарныхъ правилъ уравнительности и справедливости. А, между тѣмъ, для установленія этого соотвѣтствія также безусловно необходимо на ряду съ данными о доходности недвижимыхъ имуществъ имѣть болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія о доходности торговли и промысловъ. Если же податныя присутствія будутъ знать, что опредѣляемые ими суммы прибылей послужатъ основаніемъ для опредѣленія размѣра дополнительнаго земскаго сбора, то основаніе для уменьшенія прибыльности предприятий останется во всей своей силѣ и министерство финансовъ будетъ лишено фактической почвы для установленія соразмѣрнаго обложенія торговли и промышленности сравнительно съ недвижимыми имуществами. Такимъ образомъ, или обложеніе торговли и промысловъ окажется въ привилегированномъ положеніи въ ущербъ обложенію недвижимыхъ имуществъ, или же министерство вынуждено будетъ искусственно увеличивать прибыли промышленныхъ и торговыхъ предприятий и размѣръ обложенія безъ всякихъ фактическихъ основаній.

Но, во всякомъ случаѣ, привлеченіе торговли и промышленности къ земскому обложенію даже въ той формѣ и въ томъ размѣрѣ, какъ это предполагается сдѣлать въ послѣднемъ проектѣ министерства финансовъ, представляетъ собою важный шагъ впередъ сравнительно съ дѣйствующею системою обложенія этихъ предметовъ, и надо надѣяться, что замѣчаемое нынѣ стремленіе министерства къ исправленію земскихъ финансовъ и практическій опытъ приведутъ къ достиженію полной уравнительности въ земскомъ обложеніи.

Въ виду невозможности достигнуть точнаго опредѣленія дѣйствительной доходности недвижимыхъ имуществъ, торговыхъ и промышленныхъ предприятий, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы подумать объ установленіи для той и другой категоріи облагаемыхъ имуществъ однихъ и тѣхъ же основаній обложенія, то - есть объ изысканіи способовъ для опредѣленія средней нормальной доходности торговли и промысловъ, подобно тому, какъ это дѣлается по отношенію недвижимыхъ имуществъ. Этотъ способъ рѣшенія вопроса не представляетъ собой ничего невозможнаго. Такъ, напримѣръ, для опредѣленія нормальной доходности фабрикъ и заводовъ можно на основаніи болѣе или менѣе вѣроятныхъ данныхъ опредѣлять среднюю доходность отъ каждой единицы производства и затѣмъ, при множеніи этой цифры на количество единицъ производства данной фабрики

или завода, получится нормальная доходность этихъ предметовъ обложения. При опредѣленіи средней доходности однородныхъ торговыхъ предпріятій можно руководствоваться самыми разнообразными факторами, вродѣ годового оборота, размѣровъ помѣщенія, числа прикащиковъ и т. п. Конечно, эта нормальная доходность не будетъ совпадать съ дѣйствительной, но она будетъ выражать собою возможную доходность при данныхъ условіяхъ, и если скоро этотъ приемъ обложения допускается относительно недвижимыхъ имуществъ, то вполне справедливо прижывать его къ обложению торговли и промысловъ. Мы не имѣемъ возможности представить детальную разработку этого вопроса и цѣль нашего замѣчанія заключается единственно въ желаніи обратить вниманіе на тотъ путь, который, какъ кажется, можетъ повести къ наиболѣе удобному и справедливому разрѣшенію вопроса объ уравнительности земскаго обложения, вопросу весьма важному какъ въ интересахъ земскаго хозяйства, такъ и въ интересахъ плательщиковъ земскихъ сборовъ.

Сборы съ прибыли торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, согласно предположенію послѣдняго проекта, обращаются на покрытие расходовъ по губернской земской смѣтѣ, а сборъ съ торговыхъ документовъ распределяется между губернскими и уѣздными земствами пропорціонально отношенію между суммами губернскихъ и уѣздныхъ сборовъ съ недвижимыхъ имуществъ въ уѣздахъ. Этотъ пунктъ проекта представляется вполне рациональнымъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о проектируемомъ способѣ распределенія между губерніями дополнительнаго земскаго налога къ казенному 3% сбору съ прибыли акціонерныхъ компаній, товариществъ на паяхъ и т. п. Проектъ совершенно основательно не признаетъ возможнымъ предоставить весь сборъ съ подобныхъ предпріятій въ пользу тѣхъ земствъ, гдѣ находятся правленія обществъ или товариществъ, подобно тому, какъ это проектируется относительно казеннаго 3% сбора, такъ какъ мѣсто нахождения правленія почти никогда не соответствуетъ тому мѣсту, гдѣ производятся дѣйствительные обороты даннаго предпріятія. Вслѣдствіе этого, проектъ рассматриваетъ сборъ съ такого рода предпріятій, какъ источникъ для уравниванія тяжести обложения недвижимыхъ имуществъ въ разныхъ губерніяхъ, и предполагаетъ установить распределеніе этого сбора между губерніями на основаніи сравнительной тяжести обложения въ нихъ земель. При этомъ, для достиженія возможно болѣе справедливаго распределенія суммы этого сбора на указанномъ выше основаніи, предположено установить это распределеніе на основаніи произведенія, получаемаго при помноженіи процента обложения земли земскимъ сборомъ на число облагаемой земли въ каждой губерніи. Не говоря уже о сложности подобной процедуры, такой приемъ не представляется достаточно основательнымъ еще по слѣдующему соображенію. Сравнить относительную тяжесть земскаго обложения въ разныхъ губерніяхъ было бы можно только тогда, когда опредѣленіе доходности дѣлалось бы одними и тѣми же лицами по всей имперіи, такъ какъ при собираніи статистическихъ

данныхъ и при выводахъ изъ нихъ представляется самый широкій просторъ для личнаго усмотрѣнія, которое владеть субъективный отпечатокъ на всѣ окончательные выводы, и потому величина процента обложенія не можетъ выражать дѣйствительную тяжесть обложенія. Но затѣмъ главное возраженіе противъ проектируемой системы распределенія заключается въ томъ, что коль скоро невозможно изобрѣсти справедливыхъ основаній для распределенія между отдѣльными мѣстностями дополнительнаго земскаго процентнаго сбора и если разсматривать этотъ сборъ, какъ предназначенный для уравненія тяжести земскаго обложенія въ разныхъ губерніяхъ, то нѣтъ никакихъ основаній пытаться разрѣшить неразрѣшимую задачу, а всего проще оставить этотъ сборъ въ распоряженіи министра финансовъ для выдачи пособій тѣмъ губерніямъ, гдѣ по всѣмъ увѣдамъ взимается земскій сборъ въ высшемъ размѣрѣ. При этомъ тотъ государственный сборъ, который предполагается установить съ недвижимыхъ имуществъ для выдачи этихъ пособій, долженъ уменьшиться на сумму дополнительнаго земскаго процентнаго сбора, поступающаго въ кассу государственнаго казначейства. Если же предположеніе о выдачѣ пособій земствамъ нѣкоторой губерніи будетъ отвергнуто, то увеличеніе 3% сбора, взимаемаго въ пользу государственнаго казначейства, дастъ! возможность понизить на соответствующую сумму государственное обложеніе недвижимыхъ имуществъ.

Изъ числа тѣхъ частей проекта, которыя имѣютъ въ виду измѣненіе дѣйствующей системы земскаго обложенія, обращаетъ на себя вниманіе предположеніе объ измѣненіи способа обложенія лѣсныхъ пространствъ. Проектъ устанавливаетъ раздѣленіе всѣхъ частновладѣльческихъ лѣсовъ на двѣ категоріи. Къ первой категоріи относятся лѣса, въ которыхъ установленъ въ дѣйствительности или можетъ быть установленъ по мѣстнымъ условіямъ, хозяйственный планъ ежегодной вырубки лѣса. Во вторую категорію входятъ лѣса, которыя не могутъ имѣть обезпеченнаго ежегоднаго сбыта въ размѣрѣ, соответствующемъ количеству спѣлаго лѣса или въ которыхъ лѣсъ, вслѣдствіе незначительнаго размѣра дачи, вырубается не въ опредѣленномъ количествѣ, а сплошь всею дачей. Лѣса, отнесенные къ первому разряду, облагаются земскимъ сборомъ по доходности лѣса въ каждой отдѣльной дачѣ, исчисляемой оцѣночными комиссіями. Лѣса второй категоріи облагаются подесятиннымъ сборомъ, въ размѣрѣ, опредѣляемомъ по соображенію съ доходами побочными отъ лѣсовладѣнія. Кроме того, съ лѣсовъ этой категоріи взимается въ пользу земства сборъ съ цѣнности лѣса, вырубимаго на продажу или на промышленныя предпріятія самого владѣльца. Установленіе сбора съ дѣйствительной доходности лѣсовъ мы привѣтствуемъ, какъ вполне цѣлесообразное и отвѣчающее интересамъ владѣльцевъ лѣса и интересамъ земскаго хозяйства. Во всѣхъ такъ называемыхъ лѣсныхъ губерніяхъ не существуетъ правильныхъ оборотовъ рубки и поэтому чрезъ весьма значительные промежутки времени вырубается или вся дача, или большая ея часть; вслѣдствіе этого, лѣсовладѣльцы извлекаютъ изъ своего имущества доходъ

весьма рѣдко, а во все остальное время должны уплачивать земскіе сборы за принадлежащіе имъ лѣса изъ другихъ источниковъ доходовъ. На этомъ основаніи предоставляемое земству право покрывать большую часть земскихъ сборовъ съ лѣсовъ изъ чистаго дохода отъ нихъ и въ моментъ полученія этого дохода владѣльцами представляется вполне справедливымъ, облегчая уплату налога, понижая обложеніе лѣсныхъ пространствъ, фактически не приносящихъ дохода, и открывая для земства безнедоимочный источникъ обложенія. Къ сожалѣнію, детали проекта, касающіяся способа взиманія налога съ лѣсовъ, не вполне соответствуютъ цѣли. Раздѣленіе лѣсовъ на двѣ указанные категоріи совершенно не вызывается дѣйствительною необходимостью. Можно съ увѣренностью сказать, что лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія можно встрѣтить лѣса обѣихъ категорій въ одной и той же губерніи, а тѣмъ болѣе въ одномъ и томъ же уѣздѣ. Вслѣдствіе этого, нѣтъ необходимости въ установленіи двухъ различныхъ способовъ обложенія лѣсовъ для однѣхъ и тѣхъ же мѣстностей. Допустивъ обложеніе лѣсовъ по двумъ способамъ, можно безъ всякаго риска предоставить избраніе того или другаго порядка усмотрѣнію уѣздныхъ земскихъ собраній. Такъ какъ въ лѣсныхъ губерніяхъ, для которыхъ только имѣетъ важное значеніе вопросъ о способѣ обложенія лѣсовъ, большинство гласныхъ являются лѣсовладѣльцами, то нѣтъ сомнѣнія, что они выберутъ тотъ способъ обложенія, который наиболѣе соответствуетъ интересамъ мѣстнаго лѣсовладѣнія. Для лѣсныхъ сѣверныхъ губерній, гдѣ, съ рѣдкими исключениями, всѣ лѣса принадлежатъ ко второй категоріи, конечно, будетъ примѣненъ способъ обложенія по дѣйствительной доходности вырубаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ, съ установленіемъ ничтожнаго подесятиннаго налога, сохраненіе котораго безусловно необходимо, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, многіе лѣса совершенно устранились бы отъ обложенія, а, между тѣмъ, и эти лѣса, въ которыхъ не производится вырубка съ промышленною цѣлью, представляютъ извѣстную цѣнность и приносятъ извѣстный доходъ владѣльцамъ, хотя бы въ видѣ топлива для самого имѣнія. При этомъ если въ мѣстностяхъ, гдѣ будетъ примѣненъ этотъ способъ обложенія, въ видѣ исключенія встрѣтятся лѣса первой категоріи, то примѣненіе къ нимъ подобнаго способа обложенія никакъ нельзя признать обременительнымъ или несправедливымъ, такъ какъ, взаимѣнъ сбора по дѣйствительной ежегодной доходности, эти лѣсные участки будутъ платить ежегодно извѣстный процентъ съ цѣнности вырубленнаго лѣса, и если опредѣленіе ежегодной доходности этихъ лѣсовъ будетъ сдѣлано правильно, то суммы платежей по обимъ способамъ обложенія должны быть совершенно тождественны, такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ облагается дѣйствительная доходность.

Для центральныхъ и южныхъ губерній, гдѣ лѣса представляютъ значительную цѣнность и гдѣ сбытъ лѣсныхъ произведеній обезпеченъ, необходимо установить обложеніе по средней доходности, какъ это проектируется для всѣхъ прочихъ земельныхъ угодій. Обложеніе лѣсовъ первой

категорій, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они представляются преобладающими, по дѣйствительной доходности каждой лѣсной дачи, безусловно неосуществимо на практикѣ. Начиная съ того, что при большомъ числѣ подобныхъ участковъ оцѣнка каждой отдѣльной дачи, требующая собиранія массы матеріаловъ, потребуетъ громаднаго количества времени, рабочихъ силъ и денегъ, такъ что большая часть налога, полученнаго съ лѣсовъ, пойдетъ на производство этихъ оцѣнокъ, и, притомъ, затрата труда и матеріальныхъ средствъ на это дѣло будетъ совершенно непроизводительной. Дѣло въ томъ, что если проектъ признаетъ невозможнымъ установить обложеніе всѣхъ земель по оцѣнкѣ дѣйствительной доходности каждаго отдѣльнаго владѣнія, вслѣдствіе чрезвычайныхъ трудностей, съ которыми неизбежно сопряжена подобная оцѣнка, и по причинѣ безусловной невозможности выяснитъ въ каждомъ данномъ случаѣ дѣйствительную доходность, то нѣтъ никакого основанія выдѣлять лѣса изъ общаго порядка и устанавливать для нихъ исключительный порядокъ обложенія. Тѣмъ болѣе, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ лѣса представляютъ значительную цѣнность и гдѣ поэтому будетъ принятъ этотъ послѣдній способъ обложенія, выработка средней доходности лѣсныхъ пространствъ гораздо легче, нежели опредѣленіе средней доходности для земель прочихъ категорій, такъ какъ существованіе лѣсныхъ участковъ, съ правильнымъ оборотомъ рубки, даетъ полную возможность сдѣлать самый точный учетъ ихъ доходности. Такимъ образомъ, наши заключительные выводы по этому вопросу состоятъ въ томъ, что необходимо предоставить усмотрѣнію земскихъ собраній установленіе обложенія лѣсовъ или на общихъ основаніяхъ со всѣми прочими земельными угодьями, или при посредствѣ сбора съ вырубаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ при возможно низкомъ подесятинномъ обложеніи.

Намъ остается сказать только нѣсколько словъ по поводу нѣкоторой неуравнительности въ обложеніи казенныхъ и частныхъ лѣсовъ, которая устанавливается проектомъ. При эксплуатаціи казенныхъ лѣсовъ преслѣдуются не однѣ только промышленныя цѣли, а имѣются въ виду общегосударственныя задачи сохраненія лѣсныхъ запасовъ въ климатическихъ и орографическихъ интересахъ. Вслѣдствіе этого, весьма часто сохраняются такіе лѣсные участки, которые могли бы быть проданы на срубъ съ выгодой и безъ нарушенія общаго плана лѣснаго ховяйства. Такимъ образомъ, чистый доходъ отъ эксплуатаціи казенныхъ лѣсовъ обыкновенно не выражаетъ собой *возможнаго* дохода при данныхъ условіяхъ, при правильной системѣ лѣсоводства; между тѣмъ какъ частное лѣсовладѣніе предполагаетъ обложить по его дѣйствительной доходности, которая, конечно, всегда совпадаетъ съ доходностью возможной. Поэтому, казалось бы, нѣтъ никакихъ основаній для исключенія казенныхъ и удѣльныхъ лѣсовъ изъ общей системы обложенія лѣсныхъ пространствъ, коль скоро эта система признается обезпечивающею равномѣрность земскихъ раскладокъ. Вообще нужно замѣтить, что указанія на обременительность земскаго обложенія казенныхъ и удѣльныхъ лѣсовъ представляются сильно преувеличенными, такъ какъ по-

всеобщно эти дѣла облагаются на одинаковыхъ основаніяхъ съ частно-владѣльческими.

Въ дополненіе разсматриваемаго вопроса объ ограниченіи права земства по обложенію торговли и промышленности мы должны сказать нѣсколько словъ о цѣломъ разрядѣ недвижимыхъ имуществъ, совершенно освобожденныхъ отъ земскаго обложенія. Мы имѣемъ при этомъ въ виду зданія, принадлежащія желѣзнымъ дорогамъ. Эти зданія по своему существу и назначенію вполне подходятъ подъ понятія торговыхъ и промышленныхъ помѣщеній, такъ какъ обезпечиваютъ прибыльность желѣзно-дорожныхъ предприятий и, вслѣдствіе этого, какъ недвижимыя имущества, приносящія извѣстный доходъ, по всей справедливости, должны подлежать обложенію земскимъ сборомъ. Главное возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано противъ этого обложенія, заключается въ томъ, что гораздо удобнѣе и справедливѣе обложить извѣстнымъ налогомъ общую валовую или частную доходность желѣзно-дорожныхъ предприятий, причемъ этотъ налогъ долженъ уплачиваться государственному казначейству или мѣстному общественному учрежденію непосредственно правленіями желѣзно-дорожныхъ обществъ. Но это возраженіе не выдерживаетъ строгой критики, ибо доходность желѣзно-дорожныхъ зданій, предназначенныхъ для квартиръ служащихъ, для буфетовъ или для мастерскихъ, не находится въ прямой связи съ общою доходностью желѣзно-дорожныхъ предприятий и при убыточности всего предприятия, тѣмъ не менѣе, можетъ приносить реальный доходъ обществу, который можетъ быть выраженъ въ болѣе или менѣе точныхъ цифрахъ на основаніи общихъ началъ для исчисленія доходности домовъ или промышленныхъ помѣщеній. Обложеніе общей доходности желѣзно-дорожныхъ предприятий можетъ быть признано справедливымъ только по отношенію къ налогамъ, взимаемымъ въ доходъ государственнаго казначейства, для котораго безразлично территориальное положеніе облагаемыхъ имуществъ. Что же касается обложенія въ пользу мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, то невозможно допустить, чтобы весь налогъ съ желѣзно-дорожныхъ предприятий шелъ въ пользу тѣхъ городовъ или земствъ, гдѣ помѣщаются правленія желѣзно-дорожныхъ обществъ. Пришлось бы, во имя справедливости, распределять общую сумму налога между всѣми уѣздами и губерніями, по которымъ проходитъ желѣзно-дорожный путь, сообразно числу верстъ или по какимъ-либо другимъ видимымъ признакамъ, выражающимъ собой прибыльность желѣзно-дорожной линіи въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Наконецъ, можетъ быть сдѣлано еще одно возраженіе въ томъ смыслѣ, что по тѣмъ желѣзнымъ дорогамъ, которыя выстроены съ правительственной гарантіей и доходность которыхъ не достигаетъ до гарантированной суммы, сборъ въ пользу земства должно будетъ уплачивать правительство. Но если казна признаетъ возможнымъ уплачивать земскій сборъ съ казенныхъ земель изъ средствъ, принадлежащихъ всему государству, то нѣтъ никакихъ основаній отказать отъ уплаты земскихъ налоговъ за такія же точно недвижимыя имущества, представляющія собой реальную цѣнность и

приносящія вполне опредѣленный доходъ, только по тому соображенію, что непосредственная доходность этихъ имуществъ, по какимъ-либо случайнымъ обстоятельствамъ, поглощается расходами по эксплуатаціи всего предпріятія. Въ тому же, если это возраженіе имѣетъ какое-либо значеніе по отношенію къ гарантированнымъ линіямъ, то относительно всѣхъ прочихъ желѣзныхъ дорогъ изъятіе отъ земскаго обложенія принадлежащихъ имъ зданий представляется лишеннымъ всякихъ основаній.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ о земскомъ обложеніи находится вопросъ о томъ, изъ какихъ источниковъ должны почерпаться земскія средства и какіе именно налоги должны быть предоставлены вѣдѣнію земскихъ учреждений для удовлетворенія всѣхъ потребностей мѣстнаго населенія, забота о которыхъ возложена на земство.

Разсматривая двѣ главныхъ категоріи налоговъ—прямые и косвенные, слѣдуетъ придти къ безусловному заключенію, что косвенные налоги по своему существу и по способу взиманія должны поступать въ государственные доходы, прямые же налоги должны идти на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей въ пользу мѣстныхъ учреждений.

Въ классической странѣ самоуправленія—Англіи—эта система распредѣленія налоговъ между центральными и мѣстными учреждениями издавна практиковалась въ самомъ чистомъ видѣ и только въ концѣ XVIII столѣтія были допущены два исключенія со введеніемъ поземельной подати (land-tax) и подоходнаго налога (income-tax). Впрочемъ, въ скоромъ времени поземельная подать фактически потеряла значеніе съ изданіемъ закона, разрешившаго капитализацію и выкупъ этой подати. Если въ Англіи правительство признало возможнымъ прямые налоги, почти всецѣло, предоставить въ распоряженіе мѣстныхъ общественныхъ учреждений, то тѣмъ больше основаній для примѣненія цѣликомъ этой системы у насъ, въ Россіи, при относительно ничтожной доходности земельныхъ имуществъ и при слабомъ развитіи промышленности. Несмотря на довольно значительный размѣръ земскаго обложенія, самыя насущныя потребности мѣстнаго населенія удовлетворяются въ самой слабой степени сравнительно съ западно-европейскими государствами.

Общегосударственные расходы относятся у насъ къ мѣстнымъ расходамъ, какъ 84 къ 14; въ Пруссіи, какъ 69 къ 31, и даже въ самой централизованной странѣ—Франціи, какъ 72 къ 28. Процентное отношеніе расходовъ на народное образованіе къ общей суммѣ расходовъ выражается въ Россіи въ цифрѣ 0,61%, въ Пруссіи—3,22%, въ Великобританіи—5,61%, во Франціи—6,12%.

А, между тѣмъ, именно въ Россіи необходимы усиленные ассигновки для выполненія важнѣйшихъ задачъ земскаго хозяйства: народнаго образованія, народнаго здравія и путей сообщенія и для того, чтобы удовлетворить самыя насущныя нужды большинства населенія, такъ какъ эти отрасли земской дѣятельности возникли только со времени введенія въ дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ и въ сравнительно ко-

роткій промежутокъ времени — 25 лѣтъ — не имѣли возможности достигнуть значительнаго развитія. Поэтому, казалось бы, что государство должно принять самыя рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы мѣстныя учрежденія имѣли въ своемъ распоряженіи достаточныя матеріальныя средства для выполненія государственныхъ задачъ первостепенной важности, возлагаемыхъ на нихъ положеніемъ. Только при этомъ условіи можно ожидать развитія экономическихъ силъ страны, безусловно необходимаго и для улучшенія государственныхъ финансовъ. При строгомъ раэграниченіи областей государственнаго и земскаго обложенія, центральныя и мѣстныя органы, имѣя въ своемъ распоряженіи вполне опредѣленные источники дохода, могли бы всегда заранѣе сообразовать съ ними размѣръ расходовъ, не мѣшая другъ другу излишнимъ обремененіемъ однихъ и тѣхъ же предметовъ обложенія. Рамки нашего труда не позволяютъ намъ входить въ детальную разработку настоящаго вопроса и поэтому мы ограничимся указаніемъ на необходимость имѣть его въ виду при разсмотрѣніи всѣхъ финансовыхъ законоположеній, касающихся интересовъ мѣстныхъ учреждений.

V.

Весьма существенное вліяніе на неудовлетворительное состояніе земскихъ финансовъ оказываетъ также несовершенство земскихъ раскладокъ.

Одно изъ самыхъ элементарныхъ положеній финансовой науки заключается въ томъ, что всякій налогъ по своей идее долженъ быть подходящимъ, т.-е. долженъ падать на всѣ предметы обложенія соотвѣтственно ихъ относительной доходности. Самый ничтожный налогъ можетъ сдѣлаться обременительнымъ, если взимается безъ всякаго соображенія съ дѣйствительною доходностью, и, наоборотъ, самый тяжелый утрачиваетъ значительную долю своей обременительности, если падаетъ на всѣ предметы обложенія строго-пропорціонально ихъ доходности.

Съ самаго начала своего существованія земство вынуждено было установить извѣстный налогъ на предметы, подлежащіе земскому обложенію, для того, чтобы имѣть возможность удовлетворить массу обязательныхъ и необязательныхъ повинностей, возложенныхъ на него закономъ. При этомъ, очевидно, земство на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности должно было столкнуться съ вопросомъ о приведеніи въ извѣстность всѣхъ предметовъ земскаго обложенія и объ опредѣленіи ихъ относительной цѣнности и доходности, такъ какъ цѣнность и доходность были признаны единственнымъ основаніемъ для земскихъ раскладокъ.

Въ этомъ смыслѣ были предприняты работы земствами почти всѣхъ губерній, но, къ сожалѣнію, этотъ трудъ оказался непосильнымъ земскимъ учрежденіямъ: начатыя изслѣдованія нигдѣ не были доведены до конца и въ результатъ нигдѣ не были выработаны точныя основанія для опредѣленія цѣнности и доходности различныхъ категорій земли въ разныхъ мѣстностяхъ, какъ главнаго предмета земскаго обложенія. Причины этого кро-

ются отчасти въ громаднѣхъ размѣрахъ труда, подлежавшаго выполнению, требовавшаго затраты весьма большихъ матеріальныхъ средствъ, большой выдержки, терпѣнія и опытности.

Рядъ другихъ затрудненій при рѣшеніи данного вопроса заключался въ неясности понятія о цѣнности и доходности, подлежащихъ обложенію. Возникалъ вопросъ: опредѣлять ли доходность по чистой рентѣ, или же принимать во вниманіе всѣ факторы производства, какъ капиталъ и личный трудъ. Конечно, по теоріи, доходъ сельскаго хозяина съ земли, не какъ съ промышленнаго предпріятія, опредѣляется исключительно размѣрами ренты, но, при строгомъ соблюденіи этого начала, земству на практикѣ, при опредѣленіи не дѣйствительной, а нормальной доходности, пришлось бы облагать одинаковымъ налогомъ воздѣланныя и невоздѣланныя земли, что въ результатѣ дало бы крайне неравномѣрное обложеніе.

Всѣ эти затрудненія въ итогѣ привели къ тому, что земство, испытавъ неудачу при первыхъ попыткахъ, на долгое время отказалось отъ задачи, казавшейся непосильною, и даже не довело до конца въ большинствѣ случаевъ болѣе легкой и выполнимый трудъ — приведеніе въ извѣстность земельнаго инвентаря. Такъ что и теперь во многихъ уѣздахъ оказывается разность между свѣдѣніями управъ о земляхъ и данными генеральнаго и спеціальнаго межеванія на нѣсколько десятковъ и даже сотенъ тысячъ десятинъ.

Въ виду вышензложеннаго, первыя земскія раскладки были построены на основаніи общихъ соображеній, имѣющихъ мало общаго съ дѣйствительностью. Такъ, самымъ распространеннымъ приемомъ было опредѣленіе цѣнности и доходности земель на основаніи данныхъ выкупной операціи бывшихъ помѣщичьихъ земель, причемъ доходность опредѣлялась изъ извѣстнаго процента съ капитальной суммы, выдаваемой казной помѣщикамъ за земли, отошедшія въ надѣлъ крестьянамъ. Къ сожалѣнію, этотъ грубый приемъ практикуется и въ настоящее время нѣкоторыми земствами.

Съ теченіемъ времени въ земствѣ все болѣе и болѣе пробуждалось сознаніе въ необходимости болѣе точныхъ приемовъ при опредѣленіи доходности земель и большинство земствъ значительно улучшило свои раскладки. Но большинство этихъ улучшеній далеко не удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ, такъ какъ они сдѣланы не на основаніи точныхъ статистическихъ данныхъ, а на основаніи апіористическихъ соображеній и личнаго знакомства гласныхъ съ разными мѣстностями уѣзда, или же руководствуясь матеріалами, собранными недостаточно компетентными агентами, вроде волостныхъ старшинъ или случайныхъ земскихъ комиссій. Въ началѣ 80-хъ гг. было впервые положено прочное основаніе для улучшенія земскихъ раскладокъ возникновеніемъ земской статистики.

Нѣтъ сомнѣнія, что статистическія изслѣдованія по экспедиціонному способу, при которомъ статистическія данныя собираются на мѣстахъ чрезъ спеціальныхъ агентовъ, одни только могутъ доставить вполне достовѣрный и пригодный матеріалъ какъ для приведенія въ извѣстность предме-

товъ земскаго обложенія, такъ и для опредѣленія ихъ цѣнности и доходности. Всѣ прочіе пріемы страдаютъ крайнею неточностью и неполнотою и поэтому задача правительственной власти, въ интересахъ равномернаго обложенія не только земскими, но и государственными налогами, заключается въ томъ, чтобы побудить земство къ скорѣйшему статистическому описанію всѣхъ земскихъ губерній.

Бъ сожалѣнію, министерство финансовъ въ своемъ проектѣ посмотрѣло на этотъ вопросъ нѣсколько иначе.

Относя, какъ надо думать, несовершенство земскихъ раскладокъ отчасти къ бездѣтельности управъ, отчасти къ недостатку безпристрастія въ земскихъ собраніяхъ, докладъ комиссіи по пересмотру узаконеній о земскомъ обложеніи проектируетъ почти совершенно изъять земскія раскладки изъ вѣдѣнія земскихъ учреждений и передать ихъ въ руки особыхъ комиссій, состоящихъ—подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя—изъ податнаго инспектора, непрѣннаго члена, трехъ членовъ по выбору земскаго собранія, по одному члену отъ городскихъ думъ и по одному члену отъ вѣдомства государственныхъ имуществъ и удѣловъ. Эта комиссія, по соображеніи существующей раскладки земскихъ сборовъ съ утвержденными правительствомъ оцѣнками имуществъ разнаго рода и по надлежащей разработкѣ собранныхъ ею хозяйственно-статистическихъ свѣдѣній по уѣзду (данныхъ объ урожаяхъ, объ арендныхъ и продажныхъ цѣнахъ и т. под.), составляетъ: 1) проектъ распредѣленія всѣхъ земель уѣзда по мѣстностямъ съ различною доходностью, при чемъ опредѣляетъ доходность каждаго рода угодій въ нихъ, и 2) проектъ оцѣнки городскихъ имуществъ и жилыхъ домовъ въ уѣздѣ, а также торговыхъ и промышленныхъ заведеній, не привлекаемыхъ къ платежу 3-хъ процентнаго и раскладочнаго сборовъ. Означенные проекты уѣздной комиссіи съ заключеніемъ уѣзднаго собранія передаются въ губернскую комиссію, которая по разсмотрѣніи и измѣненіи предположеній уѣздной комиссіи передаетъ установленную ею оцѣнку на заключеніе губернскаго земскаго собранія. Въ случаѣ несогласія губернатора съ мнѣніемъ губернскаго собранія, вопросъ переносится на окончательное рѣшеніе гг. министровъ.

Какъ мы уже замѣтили выше, исходная точка министерскаго проекта заключается въ недовѣріи къ земскимъ учреждениямъ, въ признаніи ихъ неспособными удовлетворительно разрѣшить возложенную на нихъ обязанность составленія раскладокъ земскаго сбора. Вслѣдствіе чего предполагается предоставить выполненіе этой задачи людямъ весьма мало въ ней заинтересованнымъ, а окончательное рѣшеніе спорныхъ вопросовъ вручить въ руки людей, совершенно незнакомыхъ съ мѣстными условіями. Отъ такой постановки дѣло можетъ только проиграть.

Если внимательно всмотрѣться въ исторію дѣятельности земства по улучшенію земскихъ раскладокъ, то неизбѣжно придетъ къ заключенію, что отсутствіе значительнаго прогресса въ этой области земской жизни объясняется исключительно выдающимися трудностью и сложностью этого

дѣла, и въ послѣднее время въ земствѣ все болѣе и болѣе пробуждается сознание неотложной необходимости построить свои расклады на основаніи точныхъ статистическихъ данныхъ, вслѣдствіе чего земскія учрежденія, хотя медленными, но вѣрными шагами приближаются къ намѣченной цѣли. Теперь посмотримъ, какого улучшенія въ данномъ вопросѣ можно ожидать отъ передачи его въ руки особыхъ комиссій. Въ составѣ этихъ комиссій нѣтъ ни одного лица, которое могло бы всецѣло посвятить свой трудъ собиранію и разработкѣ обширнаго матеріала, необходимаго для составленія земскихъ раскладокъ. Никакихъ суммъ на содержаніе уѣздныхъ комиссій отпущать не предполагается и, слѣдовательно, весь трудъ по собиранію и разработкѣ необходимыхъ данныхъ долженъ лежать на членахъ комиссій. Изъ числа этихъ членовъ предводитель, податной инспекторъ и представители казны и удѣла являются людьми настолько обремененными своими прямыми обязанностями, что не имѣютъ ни малѣйшей возможности посвятить достаточное количество времени для раскладочныхъ работъ. Затѣмъ остаются представители земства и города, которые, въ качествѣ землевладѣльцевъ или торговцевъ, настолько поглощены своимъ собственнымъ хозяйствомъ, что лишь въ исключительныхъ случаяхъ будутъ склонны жертвовать своимъ трудомъ и временемъ, и, притомъ, безвозмездно, ради интересовъ общественнаго дѣла. А, между тѣмъ, если земство, тратя весьма значительныя матеріальныя средства и обладая свободными силами, специально предназначенными заботиться объ улучшеніи земскихъ раскладокъ, не было въ состояніи окончательно рѣшить возложенную на него задачу, то какое же можетъ быть основаніе ожидать, что задача эта будетъ рѣшена комиссіями, не обладающими ни матеріальными средствами, ни рабочими руками и весьма мало заинтересованными въ успѣшномъ выполненіи даннаго труда?

Изъ всего вышесказаннаго надо заключить, что составители проекта были не достаточно знакомы съ техникой собиранія и разработки статистическаго матеріала, необходимаго для составленія болѣе или менѣе точныхъ выводовъ о цѣнности и доходности предметовъ обложенія. Какъ безспорно доказалъ опытъ многихъ земствъ, для полученія такого рода данныхъ необходимо, чтобы они собирались на мѣстахъ чрезъ специальныхъ, опытныхъ агентовъ, прошедшихъ цѣлую школу земской статистики. Если принять при этомъ въ соображеніе, что эти агенты должны побывать у каждаго владѣльца и собрать массу свѣдѣній, всесторонне характеризующихъ экономическое положеніе даннаго предмета обложенія, то будетъ ясно, какая масса труда должна быть потрачена на это дѣло.

Проектъ предусматриваетъ массу экономическихъ факторовъ, необходимыхъ для выясненія доходности земель въ разныхъ мѣстностяхъ, врождѣ урожая, арендныхъ цѣнъ и т. п., и совершенно упускаетъ изъ вида трудности, съ которыми сопряжено собираніе точныхъ свѣдѣній объ этихъ элементахъ сельско-хозяйственной промышленности. Далѣе нужно замѣтить, что разработка собраннаго матеріала также требуетъ массы труда, теоре-

тических и практических знаний, которыми лишь въ видѣ рѣдкихъ исключеній могутъ обладать члены уѣздныхъ комиссій. Изъ предвѣдущаго дѣлается вполне яснымъ, что уѣздныя комиссіи, имѣющія возможность посвящать этому дѣлу самое незначительное количество времени, — одно, много два засѣданія въ мѣсяцъ, — вынуждены будутъ отнестись къ возложенной на нихъ задачѣ совершенно формальнымъ образомъ, ограничиваясь либо свѣдѣніями, имѣющимися въ уѣздныхъ управахъ, либо свѣдѣніями, собранными чрезъ волостныхъ старшинъ и разработанными управскими писцами.

Последній проектъ министра финансовъ, какъ будто, предусмотрѣлъ нѣкоторыя изъ нашихъ возраженій и дѣлаетъ значительныя отступленія отъ первоначальныхъ предположеній, привлекая земскія управы къ дѣятельному участию по собиранію и разработкѣ оцѣночнаго матеріала. Вслѣдствіе этого, этотъ позднѣйшій проектъ представляется болѣе практичнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вноситъ во все раскладочное дѣло извѣстную двойственность, которая должна вредно отразиться на успѣхѣ оцѣночныхъ работъ. Весь трудъ по земскому обложенію дѣлится на двѣ части между уѣздными управами и уѣздными оцѣночными комиссіями. На уѣздныя управы возлагается обязанность вести инвентари недвижимыхъ имуществъ и исправлять ихъ сообразно измѣненіямъ фактическаго владѣнія, — собирать всѣ необходимыя оцѣночныя данныя для установленія среднихъ (нормальныхъ) оцѣнокъ и разрабатывать собранный матеріалъ. Къ обязанностямъ оцѣночныхъ комиссій относится установленіе окончательныхъ выводовъ изъ собраннаго и разработаннаго управами матеріала, какъ-то: дѣленіе земель уѣзда на мѣстности, угодья и разряды съ указаніемъ средней доходности десятины каждаго разряда; разцѣнка лѣса, опредѣленіе расходовъ по лѣсоохраненію и домовладѣнію и т. п. «По утвержденіи въ установленномъ порядкѣ основаній оцѣнки недвижимыхъ имуществъ, уѣздныя управы и оцѣночныя комиссіи, *по принадлежности*, опредѣляютъ доходность каждаго отдѣльнаго имущества».

Употребленное здѣсь выраженіе «*по принадлежности*» заставляетъ думать, что опредѣленіе доходности имуществъ въ разныхъ случаяхъ относится къ компетенціи управъ или комиссій.

Хотя затѣмъ въ проектѣ мы нигдѣ не находимъ прямыхъ указаній на то, опредѣленіе доходности какихъ именно имуществъ относится къ обязанностямъ комиссій; поскольку можно догадаться, это тѣ имущества, обложеніе которыхъ должно производиться не по среднимъ нормамъ, а по ихъ дѣйствительной доходности. Это такого рода случаи, когда признано будетъ нужнымъ произвести осмотръ имѣнія на мѣстѣ, въ случаѣ возраженій со стороны владѣльцевъ, для исправленія относительно этихъ имуществъ среднихъ оцѣночныхъ выводовъ. Сюда же относится оцѣнка лѣсныхъ участковъ, отнесенныхъ къ первому разряду. Нѣтъ сомнѣнія, что число такихъ случаевъ, когда потребуется оцѣнка дѣйствительной доходности отдѣльныхъ имуществъ, будетъ весьма значительно и они потребуютъ громаднаго количества времени и труда у оцѣночныхъ комиссій.

Если присоединить сюда трудъ, необходимый для того, чтобы установить среднюю доходность десятины каждой категоріи земельныхъ угодій и сдѣлать всѣ необходимые окончательные выводы изъ собраннаго управою матеріала, то окажется, что эта работа будетъ совершенно не по силамъ оцѣночнымъ комиссіямъ при ихъ коллегіальномъ составѣ изъ неопытныхъ и несвѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, не обладающихъ при этомъ достаточнымъ количествомъ свободнаго времени. Что же касается уѣздныхъ управъ, то успѣшное выполнение возложенныхъ на нихъ обязанностей по собиранію и разработкѣ оцѣночнаго матеріала также подвержено сильному сомнѣнію. Едва ли можно ожидать большаго усердія со стороны членовъ управъ при сознаніи, что рѣшающій голосъ во всемъ этомъ дѣлѣ принадлежитъ учрежденію, органически не связанному съ земствомъ. Исчезаетъ единственный побудительный стимулъ, существующій въ настоящее время въ видѣ ответственности управъ передъ земскими собраніями, такъ какъ эти послѣднія точно также утратятъ значительную долю интереса къ улучшенію земскихъ раскладокъ, коль скоро все это дѣло будетъ изъято изъ ихъ компетенціи и имъ предоставлена лишь консультативная роль. Лица, служащія по выборамъ, могутъ успѣшно выполнять извѣстный трудъ лишь будучи заинтересованы въ немъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ прямоначальства, которое могло бы приказывать. Поэтому, предоставляя земству лишь подготовительныя дѣйствія по раскладкамъ и отнимая отъ него право рѣшающаго голоса, проектъ тѣмъ самымъ уничтожаетъ надежду на успѣхъ подготовительныхъ работъ. Составители проекта, очевидно, хорошо понимали этотъ неизбежный результатъ новаго порядка составленія раскладокъ и поэтому центръ тяжести всего дѣла возлагаютъ на податныхъ инспекторовъ, которые будутъ, въ силу своего служебнаго положенія, единственными дѣйствительными работниками въ составѣ оцѣночныхъ комиссій. Податнымъ инспекторамъ проектъ даетъ самыя широкія полномочія въ дѣлѣ собиранія и разработки оцѣночнаго матеріала. Они имѣютъ доступъ ко всему дѣлопроизводству уѣздныхъ управъ по этимъ предметамъ и входятъ въ соглашеніе съ управой относительно всѣхъ деталей по собиранію и разработкѣ оцѣночныхъ данныхъ и по веденію инвентарей недвижимыхъ имуществъ. Наконецъ, податные инспектора могутъ принимать на себя все дѣлопроизводство оцѣночныхъ комиссій и руководство канцеляріей уѣздныхъ управъ по производству оцѣночныхъ работъ. Такая постановка дѣла грозитъ вызвать на практикѣ массу недоразумѣній и столкновеній между управами и инспекторами, какъ между органами совершенно самостоятельными и не имѣющими общей, высшей контролирующей инстанціи.

Спрашивается, какъ должны поступать податные инспектора, если у нихъ не состоится соглашенія съ уѣздными управами и если эти послѣднія будутъ практиковать систему собиранія и разработки оцѣночныхъ данныхъ не согласною, по мнѣнію податныхъ инспекторовъ, съ закономъ и съ инструкціями? Кто будетъ разрѣшать возникающія при этомъ пререка-

нія и какая власть может заставить управы, въ случаѣ солидарности ихъ съ земскими собраніями, подчиниться указаніямъ инспекторовъ?

Все это вопросы, которые грозятъ вызвать массу недоразумѣній въ прямой ущербъ дѣлу. Затѣмъ, въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ уѣзныя управы согласятся предоставить податнымъ инспекторамъ руководство канцеляріей по оцѣночнымъ работамъ, этотъ трудъ инспекторовъ плюсъ ихъ занятія въ оцѣночной комиссіи, гдѣ они являются единственными работниками, окажется настолько сложнымъ и обременительнымъ, что они едва ли будутъ въ состояніи съ нимъ справиться, даже совершенно отказавшись отъ своихъ прямыхъ обязанностей, также чрезвычайно сложныхъ и требующихъ постоянныхъ разъѣздовъ.

Всѣ расходы по дѣлопроизводству оцѣночной комиссіи и по оцѣнкѣ имущества послѣдній проектъ относить къ обязательнымъ земскимъ расходамъ. Но при этомъ не указывается та инстанція, которая должна опредѣлять размѣры расходовъ, необходимыхъ для успѣшнаго выполненія оцѣночныхъ работъ по каждому уѣзду. Предоставленіе этого права земскимъ собраніямъ рискованно, ибо они часто могутъ быть склонны дѣлать ассигновки въ размѣрѣ, не отвѣчающемъ дѣйствительной потребности изъ чисто-экономическихъ соображеній.

Уполномочіе оцѣночныхъ комиссій самимъ опредѣлять суммы необходимыхъ земскихъ ассигновокъ на этотъ предметъ также представляется совершенно неудобнымъ, въ виду того, что эти комиссіи мало заинтересованы въ экономномъ расходованіи земскихъ средствъ и могутъ весьма часто предъявлять преувеличенныя требованія.

Такимъ образомъ, придется предоставить это право какимъ-либо высшимъ инстанціямъ, которыя, въ случаѣ разногласія между мнѣніями земскихъ собраній и оцѣночныхъ комиссій относительно размѣровъ обязательныхъ ассигновокъ, будутъ поставлены въ крайне затруднительное положеніе при рѣшеніи этихъ вопросовъ.

Вообще нужно замѣтить, что, какъ показалъ опытъ земскихъ учреждений, комиссіональныя учрежденія по условіямъ своей дѣятельности совершенно не соотвѣтствуютъ той обстановкѣ, которая безусловно необходима для успѣшнаго хода оцѣночныхъ работъ. Организация и веденіе всего этого дѣла должны быть предоставлены всецѣло усмотрѣнію одного лица, въ распоряженіи котораго должны находиться всѣ низшіе агенты, обладающіе опытностью въ техникѣ производства оцѣночныхъ работъ. Роль коллегіальныхъ учреждений можетъ заключаться единственно въ контролѣ и направленіи дѣятельности главнаго руководителя этихъ работъ.

Мы отнюдь не отвергаемъ полезности учрежденія особыхъ оцѣночныхъ комиссій, но, по нашему мнѣнію, ихъ компетенція должна быть ограничена контролемъ надъ дѣятельностью земскихъ собраній по выработкѣ основаній раскладокъ. Боль скоро основанія земскихъ раскладокъ должны служить для распределенія государственныхъ налоговъ, то необхо-

димо, чтобы эти основанія выражали собой не относительную доходность имущества, а доходность, возможно болѣе приближающуюся къ дѣйствительности. Поэтому на оцѣночныя комиссіи слѣдовало бы возложить обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы постановленія земскихъ собраній относительно окончательныхъ выводовъ изъ оцѣночнаго матеріала покоились на дѣйствительныхъ цифровыхъ данныхъ и чтобы въ основаніе установленной нормальной доходности разныхъ категорій имущества были положены данныя безъискусственного пониженія или повышенія ихъ по усмотрѣнію земскихъ управъ и собраній. Провѣрка и контроль надъ окончательными выводами, сдѣланными изъ разработаннаго и систематизированнаго статистическаго матеріала, вполне посылны такимъ коллегіальнымъ учрежденіямъ, какъ оцѣночныя комиссіи, и въ этой сферѣ они могли бы принести значительную долю пользы, способствуя выясненію дѣйствительной доходности недвижимыхъ имущества.

Въ заключеніе мы должны отмѣтить одинъ существенный пробѣлъ въ проектѣ, заключающійся въ томъ, что въ немъ не имѣется указаній на порядокъ составленія раскладокъ губернскихъ земскихъ сборовъ.

Такимъ образомъ, въ результатъ можно съ полною увѣренностью сказать, что проектируемое министерствомъ финансовъ учрежденіе специальныхъ комиссій, на которыхъ предполагено возложить обязанность по выработкѣ основаній для земскихъ раскладокъ, не только не улучшитъ дѣла, но можетъ даже повредить ему, такъ какъ, зная, что существуетъ специальный институтъ для улучшенія раскладокъ, земство можетъ во многихъ случаяхъ потерять охоту къ работѣ и успокоиться на мысли, что существуетъ учрежденіе, обязанное выполнять часть земскихъ задачъ. Поэтому, въ виду безусловной необходимости такъ или иначе понудить земство къ скорѣйшему разрѣшенію вопроса объ улучшеніи земскихъ раскладокъ, слѣдуетъ подумать объ изысканіи иныхъ, болѣе дѣйствительныхъ способовъ къ исправленію земскихъ раскладокъ, при чемъ все это дѣло должно быть всецѣло предоставлено въ руки земства, какъ единственнаго учрежденія, прямо заинтересованнаго въ успѣшномъ разрѣшеніи даннаго вопроса и обладающаго необходимыми для этого средствами и силами.

Затѣмъ, принимая во вниманіе, что единственный вѣрный путь для улучшенія земскихъ раскладокъ заключается въ статистическомъ изслѣдованіи при посредствѣ экспедиціоннаго способа всѣхъ уѣздовъ, слѣдуетъ придти къ заключенію, что необходимо побудить такъ или иначе земство къ учрежденію статистическихъ бюро при губернской управѣ. Необходимость организациі статистики именно при губернской управѣ объясняется слѣдующими соображеніями: во-первыхъ, губернское земство обладаетъ большими денежными средствами; во-вторыхъ, однообразный способъ собиранія свѣдѣній однимъ и тѣмъ же учрежденіемъ по одной и той же системѣ во всѣхъ уѣздахъ даетъ возможность примѣнять эти матеріалы къ выработкѣ основаній для раскладки губернскаго сбора между уѣздами. И,

наконецъ, учрежденіе статистики при губернской управѣ должно имѣть въ результатъ значительное сокращеніе расходовъ, ибо при этомъ получается значительная экономія во времени, такъ какъ при производствѣ работы чрезъ однихъ и тѣхъ же агентовъ можно, закончивъ описаніе одного уѣзда, немедленно перейти въ другой, и, къ тому же, земство будетъ избавлено отъ необходимости прискивать особыхъ агентовъ для каждаго уѣзда и тратить время на ознакомленіе ихъ съ техникой производства работы.

По нашему мнѣнію, единственный способъ для достиженія этой цѣли заключается въ отнесеніи расхода по содержанію статистическаго отдѣленія при губернской управѣ къ числу расходовъ обязательныхъ для земства. При этомъ весьма желательно, чтобы была выработана минимальная программа статистическихъ изслѣдованій. Точно также необходимо опредѣлять мѣнѣйшій размѣръ суммы, который долженъ вноситься въ смѣту расходовъ. Если же въ какой-либо губерніи, несмотря на смѣтную ассигновку, земство не пожелало бы приступить къ собранію статистическихъ матеріаловъ о цѣнности и доходности недвижимыхъ имуществъ, то ассигнованная сумма должна поступать въ распоряженіе губернскаго статистическаго комитета, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязывается производить собраніе необходимаго оцѣночнаго матеріала. Конечно, такой пріемъ представляется не особенно симпатичнымъ, заключаая въ себѣ извѣстный элементъ насилія, но съ этимъ приходится мириться въ виду неотложной необходимости улучшенія земскихъ раскладокъ и, къ тому же, сознаніе этой необходимости все болѣе и болѣе получаетъ право гражданства въ земскихъ собраніяхъ, такъ что въ этомъ случаѣ правительственная власть пойдетъ на встрѣчу нарастающей земской потребности.

Нельзя ожидать, чтобы при такомъ способѣ рѣшенія вопроса было немедленно достигнуто вполне уравнительное земское обложеніе, основанное на точныхъ данныхъ о доходности имуществъ, подлежащихъ земскому обложенію, такъ какъ для этого потребуется значительный промежутокъ времени, но, во всякомъ случаѣ, такимъ путемъ будетъ положенъ прочный фундаментъ для упорядоченія земскихъ раскладокъ.

VI.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ по поводу тѣхъ недостатковъ правилъ о составленіи земскихъ смѣтъ и раскладокъ новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ, которыя должны оказать непосредственное вліяніе на состояніе земскихъ финансовъ. Пунктъ 6. ст. 5 этихъ правилъ заключаетъ въ себѣ слѣдующее постановленіе: «На покрытіе исчисленныхъ по смѣтѣ расходовъ обращаются непополненные до составленія новой смѣты недоимки по земскимъ сборамъ, начетамъ и взысканіямъ, признаваемыя благонадежными къ поступленію въ предстоящемъ смѣтномъ году». Содержаніе этого пункта почти повторяетъ текстъ нынѣ дѣйствующаго поло-

женія, за исключеніемъ словъ: «признаваемыхъ благонадежными къ поступленію».

Какъ мы указали уже выше, общее годовое поступленіе оклада выражается въ размѣрѣ около 70%. Поступленіе оклада вмѣстѣ съ недоимками составляетъ около 98% годового оклада. Изъ этого слѣдуетъ, что 28% всѣхъ годовыхъ поступленій получается за счетъ недоимокъ прежнихъ лѣтъ. Такимъ образомъ, если земство будетъ буквально выполнять требованіе закона, изложенное въ вышеупомянутой ст. 5 правилъ о земскихъ смѣтахъ и раскладкахъ, а губернаторъ имѣетъ полную возможность при содѣйствіи губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія настоять на точномъ выполненіи этого закона, то земскія собранія должны будутъ сократить свои расходныя смѣты почти на 30%, и, очевидно, что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого распоряженія долженъ явиться ежегодный недоборъ, по крайней мѣрѣ, въ размѣрѣ 30% оклада. Естественнымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей должно быть полное разстройство земскихъ финансовъ въ самый короткій промежутокъ времени и абсолютная невозможность выполнять какъ обязательныя, такъ и необязательныя расходы.

Надо полагать, что включеніе въ текстъ новаго положенія ст. 5, заключающей въ себѣ буквально повтореніе ст. 13 временныхъ правилъ о земскихъ смѣтахъ и раскладкахъ, объясняется просто механическою перепечаткой, причѣмъ составители новаго положенія не уяснили себѣ истиннаго смысла и значенія для земскихъ раскладокъ этого требованія закона, такъ какъ въ противномъ случаѣ появленіе ст. 3 представляется совершенно непонятнымъ и необъяснимымъ.

Ст. 13 временныхъ правилъ нынѣ дѣйствующаго положенія только потому не вызвала полного банкротства земства, что губернаторы не настаивали на ея буквальному выполненію и допускали на практикѣ ея обходъ земскими учрежденіями путемъ самыхъ разнообразныхъ приѣмовъ.

Тѣмъ не менѣе, 13 ст. причинила не мало хлопотъ земствамъ, сознающимъ абсолютную невозможность практическаго примѣненія этого закона и вынужденнымъ прибѣгать къ разнымъ ухищреніямъ для его обхода. Наибольше общепотребительный способъ для этого заключался въ слѣдующемъ. Въ приходѣ по земскимъ смѣтамъ вносились извѣстная сумма недоимокъ, ожидаемыхъ къ поступленію въ смѣтномъ году, и точно такая же сумма включалась въ смѣту расходовъ на образованіе запаснаго капитала. Такимъ образомъ, обѣ эти суммы балансировали и количество земскаго сбора, подлежащаго раскладкѣ, оставалось безъ измѣненія. Но при введеніи новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ обходъ закона сдѣлается гораздо затруднительнѣе и, во всякомъ случаѣ, немислимо существованіе такого закона, практическое примѣненіе котораго должно нанести существенный ущербъ дѣлу. Вслѣдствіе этого, скорѣйшая отмѣна п. 6 ст. 5 правилъ о земскихъ смѣтахъ и раскладкахъ представляется безусловно необходимою.

Даже мы должны отнѣтити пробѣлъ закона, пользуясь которымъ земскія собранія весьма часто, взаимнѣ прямыхъ ассигновокъ изъ земскаго сбора, дѣлають ассигнованія изъ запаснаго капитала, почти нигдѣ не существующаго, или открываютъ кредитъ для производства извѣстныхъ расходовъ, причеиъ израсходованныя суммы не возвращаются кассѣ по смѣтамъ послѣдующихъ лѣтъ. Такія дѣйствія земскихъ собраній, объясняемыя желаніемъ достигнуть возможнаго сокращенія суммы земскаго сбора, вносимой въ раскладку, оказываютъ самое пагубное вліяніе на земскіе финансы и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ведутъ къ ихъ полному разстройству. При неусловномъ сокращеніи размѣра обложенія, вмѣстѣ съ тѣмъ, на соответствующую сумму уменьшается сумма дѣйствительнаго поступленія и въ результатѣ земскія управы для удовлетворенія расходовъ, исчисленныхъ по смѣтѣ, вынуждены дѣлать долги или расходовать спеціальныя капиталы. Какъ то, такъ и другое въ одинаковой степени вредно отражается на положеніи денежныхъ средствъ земства.

Съ точки зрѣнія интересовъ земскихъ финансовъ, мы отъ души привѣтствуемъ ст. 3 правилъ о составленіи земскихъ смѣтъ и раскладокъ, которая гласитъ, что въ земскую смѣту обязательно вносятся: «сумма (запасная) на непредвидѣнныя издержки и недоборы въ доходахъ, назначаемая въ размѣрѣ не свыше 5% общаго итога расходовъ, а съ разрѣшенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ—свыше этого предѣла, и сумма въ размѣрѣ не менѣе 2% смѣтнаго итога окладныхъ земскихъ сборовъ, отчисляемая для образованія оборотнаго капитала до тѣхъ поръ, пока совокупность ежегодныхъ на этотъ предметъ отчисленій не достигнетъ полугодоваго оклада земскихъ сборовъ».

Это постановленіе новаго закона должно оказать самое благотворное вліяніе на положеніе земскихъ финансовъ, но для того, чтобы этотъ законъ не остался мертвою буквой и чтобы, примѣняя его на практикѣ, земство не имѣло возможности парализовать его дѣйствія, необходимо параллельно съ установленіемъ maximum'a суммы, вносимой на недоборъ и на непредвидѣнныя издержки, установить minimumъ этой суммы, ибо въ противномъ случаѣ можно ожидать, что нѣкоторыя земскія собранія будутъ вносить въ смѣту эти обязательныя суммы въ такомъ мизерномъ размѣрѣ, что фактически это не окажетъ ни малѣйшаго вліянія на увеличеніе земскихъ средствъ.

Заканчивая настоящую статью, мы должны сознаться, что наша попытка представить болѣе или менѣе полную картину] настоящаго положенія земскихъ финансовъ и причинъ ихъ разстройства [страдаетъ весьма многими существенными пробѣлами и недостатками. Но въ объясненіе неполноты нашего изслѣдованія мы можемъ сказать, что отнюдь не задавались цѣлью представить всесторонній и полный обзоръ такого сложнаго и важнаго вопроса, какъ вопросъ о финансахъ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій.

Наша цѣль была гораздо скромнѣе. Мы хотѣли только установить тѣсную связь между разнообразными вопросами финансовой политики земства и систематизировать всѣ задачи, подлежащія разрѣшенію въ этой обширной области дѣятельности мѣстныхъ учреждений. Поэтому мы будемъ вполне удовлетворены, если наша попытка систематическаго изслѣдованія даннаго предмета дастъ толчекъ къ дальнѣйшей разработкѣ этихъ вопросовъ, оказывающихъ самое существенное вліяніе на ходъ земскаго самоуправленія.

Возбужденіе общественнаго вниманія къ вопросамъ этой области общественнаго хозяйства особенно важно въ настоящее время, когда вводится новое положеніе о земскихъ учрежденіяхъ и министерство финансовъ занято пересмотромъ узаконеній о земскомъ обложеніи.

Н. Нечаевъ.

О повѣстяхъ Элизы Ожешковой.

(По поводу двадцатипятилѣтія ея литературной дѣятельности).

I.

Въ числѣ современныхъ польскихъ писателей-беллетристовъ почетное мѣсто занимаетъ г-жа Элиза Ожешкова. Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ ею написанъ длинный рядъ романовъ, повѣстей и рассказовъ. Въ этихъ произведеніяхъ, въ живыхъ и разнообразныхъ картинахъ развертывается жизнь высокодаровитого и родственнаго намъ народа. Историческія ошибки и столкновенія мѣшаютъ до настоящаго времени доброму и прочному миру между русскимъ и польскимъ народомъ; но лучшимъ средствомъ къ устраненію всякихъ поводовъ къ враждѣ есть взаимное ознакомленіе. Когда читаешь художественное произведеніе, въ которомъ отражаются обще-человѣческія думы и стремленія, неразрывно переплетенныя съ тѣмъ, что составляетъ особенность національнаго польскаго генія; когда слушаешь музыку Шопена или любишь картину Семирадскаго, то многое и многое изъ хаоса историческаго ослѣпленія, расчетовъ и злобы разсѣвается окончательно и замѣняется добрымъ, благожелательнымъ чувствомъ...

Подобное чувство растетъ въ душѣ, когда перечитываешь повѣсти Элизы Ожешковой: столько въ нихъ правды, любви къ людямъ, къ родному краю. Чѣмъ-то близкимъ и привлекательнымъ вѣетъ отъ этихъ старыхъ польскихъ усадебъ съ тѣнистыми садами, отъ этихъ лѣсистыхъ береговъ Нѣмана, отъ этихъ поэтическихъ народныхъ преданій. Ожешкова не поражаетъ воображеніе размахомъ кисти или яркостью колорита; но тихая вода глубока, — говоритъ англійская пословица. Столько горя и радости, столько смѣха и надеждъ встаетъ въ сочиненіяхъ симпатичной польской писательницы, что она должна пользоваться большимъ и благотворнымъ вліяніемъ въ своемъ обществѣ и вліяніе это должно отразиться и на обществѣ русскомъ.

Произведенія Ожешковой часто переводились на русскій языкъ. Они появлялись въ *Отечественныхъ Запискахъ* и въ другихъ нашихъ современныхъ изданіяхъ. *Русская Мысль* всегда внимательно слѣдила за польскою беллетристикой и много повѣстей знаменитой писательницы напеча-

тано въ нашемъ журналѣ. Подвергнуть всё эти произведенія подробному разбору не входитъ въ задачу этого небольшого очерка, написаннаго въ честь литературнаго юбилея г-жи Элизы Ожешковой. Я хочу отиѣтить только нѣсколько чертъ въ ея творчествѣ, коснуться только нѣкоторыхъ изъ характеровъ, достигающихъ у ней типическаго изображенія.

Остановимся, главнымъ образомъ, на женскихъ фигурахъ въ повѣстяхъ Ожешковой. Ихъ много, и нѣкоторыя изъ нихъ чрезвычайно интересны. Вотъ передъ нами пани Жиревичъ—*Сильфида* *). Она была тоненькая, нѣжная дѣвочка, очень легко танцевала и, по ея собственнымъ словамъ, никогда не могла принять твердаго рѣшенія: «сегодня понравится одно, завтра—другое, какъ обыкновенно у людей, которые счастливо живутъ...» Такою она и осталась. Головы пани Жиревичъ никогда не посѣщала ни одна серьезная мысль. Она вѣчно стремилась въ *салъ*, на дворянскіе балы и вечера, гдѣ порхали подобныя же сильфиды, плѣняясь блестящими кавалерами, вздыхая и мѣли подъ звуки мазурки.

Умеръ мужъ *Сильфиды*, и для нея съ дочерью настали тяжелыя времена. Дочь, Бригитта, сама стираетъ бѣлье, таскаетъ дрова, а Сильфида сантиментально и жеманно бесѣдуетъ съ племянникомъ Стасемъ, олицетвореніемъ того *салъ*, который вынуждена была покинуть пани Жиревичъ. Послѣдніе гроши тратитъ эта жалкая женщина на бантики и ленты, на пирожное для угощенія интереснаго посѣтителя въ то время, какъ Бригитта носить тяжелыя ведра съ водой.

Съ различными видоизмѣненіями этого типа Сильфиды мы встрѣтимся во многихъ произведеніяхъ Ожешковой. Однимъ изъ такихъ видоизмѣненій является въ томъ же разсказѣ старая дѣвушка Розалія Лопотницкая. Въ матери Розаліи къ характернымъ особенностямъ Сильфиды присоединяется болѣе серьезная и выдержанная фамиліная и сословная гордость. Стасъ и этой старухѣ приходится родственникомъ, и у нея занимаетъ деньги, которыя потомъ и пропадаютъ, конечно. Покачивая головою, Лопотницкая говоритъ пани Жиревичъ и своей дочери: «Да, падаетъ нашъ помѣщичій классъ, падаетъ! Слыханное ли дѣло, чтобы сынъ такой семьи похуѣлъ отъ заботы и неприятностей! Чернь беретъ верхъ, сударыня, чернь! А намъ приходится сидѣть вотъ въ такихъ трущобахъ и смотрѣть, какъ проходимцы пользуются нашимъ добромъ...» Когда дѣйствительный проходимецъ, Стасъ Жиревичъ, скрывается, растративъ маленькіе капиталы и Сильфиды, и Лопотницкой, послѣдняя обнаруживаетъ героическую преданность своимъ предразсудкамъ: «Мы теперь очень бѣдны,—говоритъ Лопотницкая дочери,—но Боже сохрани тебя жаловаться или говорить о *немъ* (о Стасѣ) дурно. Жаловаться, сокрушаться и плакать передъ людьми неприлично, говорить же о *немъ* дурно—грѣхъ. Каковъ бы онъ ни былъ, все же онъ *нашъ*... одного съ нами происхожденія. Не дадимъ же черни этого удовольствованія: она не должна видѣть, какъ мы другъ на друга жалуемся!»

*) *Сильфида* (Отч. Записки 1882 г., кн. VIII).

Какова гордость,—хоть бы и Монморанси подѣ-стать,—и какова, однако, сила характера! Обнаружила эту силу характера и Сильфида. За Бригитту, которая выросла—въ отца—сильною, трудолюбивою дѣвушкой, посватался Казиміръ Соснина, молодой, красивый человекъ, но... иѣщанинъ. Казиміръ горячо полюбилъ обѣдѣвшую панну. «Хорошая рука,—говоритъ онъ, удерживая руку Бригитты,—дорогая рука, не гнушающаяся труда! Если бы она была моя, если бы я могъ привести васъ къ моей старушкѣ и связать ей: «Я привезъ тебѣ невѣстку, какую ты желала... и внучата будутъ...»

Послѣ этого свиданія,—самого счастливаго, единственнаго счастливаго дня въ ея жизни,—Бригитта испытала, разумѣется, глубокое волненіе: «Ее уважали и любили. Она гордо подняла голову и на губахъ ея сверкнула улыбка».

Уважали и любили! Но на что сильфидамъ уваженіе? Да еще къ *трудоу*! И вотъ счастье хорошей, честной дѣвушки безжалостно, бессмысленно растоптано иѣжною, вѣчно воркующею пани Жиревичъ.

Бѣдная Бригитта уговариваетъ мать:

«— Матушка!—заговорила она печально,—это, можетъ быть, единственное счастье, которое встрѣчается въ моей жизни. Мнѣ двадцать семь лѣтъ... мнѣ хотѣлось бы жить, какъ живутъ другія женщины... имѣть друга до гроба, дѣтей...»

«— Бригитта! Вѣдь, ты—дѣвушка; какъ же ты можешь говорить о такихъ вещахъ?—съ ужасомъ восклицаетъ Сильфида.

Дѣйствительно, о *такихъ вещахъ* сильфиды пріобрѣтаютъ нѣкоторое понятіе лишь тогда, когда *такія вещи* появляются на свѣтъ Божій.

«— Что же въ этомъ предосудительнаго, матушка?—продолжаетъ несчастная жертва Сильфиды.—Отецъ говорилъ мнѣ всегда: я желалъ бы, чтобы ты современемъ стала хорошею матерью, женой и хозяйкой. Я тоже только этого и желаю. Чѣмъ же мнѣ быть? Я ничего другаго не умѣю. Я могу и хочу работать... и любить своихъ...»

Но ничего не можетъ быть жесточе сердца чувствительныхъ сильфидъ, голова которыхъ никогда не озарялась гуманною мыслью, иѣжныя ручки которыхъ никогда не исполнили ни одной разумной работы. Дочь и вдова чиновника, пани Жиревичъ, во имя чести рода (!) грозитъ проклятіемъ молившей ее на колѣняхъ дочери, проклинаетъ жениха Бригитты и даже «всѣхъ Соснянъ», которые у нихъ родятся, до четырнадцатаго колѣна...

Рыдая, выбѣжала Бригитта изъ комнаты.

«— Не согласилась,—говоритъ она Казиміру.—Хочетъ проклинать и тебя, и меня... уже начала.

«Онъ обнялъ ее, прижалъ къ груди и долго молчалъ. Потомъ сталъ говорить печально:

«— Проклятіе матери—Божіе наказаніе... Я не могу тебя взять безъ материнскаго благословенія. Какова бы она ни была, все же она мать, и, наконецъ...

«Тутъ онъ выпустилъ дѣвушку и гордо поднялъ голову.

«— Что же это, наконецъ? Воръ, бродяга, пьяница я, что ли, чтобы меня проклинать за то, что я полюбилъ дѣвушку и хочу жениться на ней?»

Сильфида настояла на своемъ. Стась растратилъ все ея деньги. Бригитта, чтобы содержать свою мать, поступила въ горничныя...

А вотъ другая равновидность сильфиды—Эмилиа Корчиньская въ романѣ *Надъ Ньманомъ* *). Въ комнатѣ пани Корчиньской «все было мягко, разукрашено и, въ противоположность другимъ частямъ дома, еще довольно ново. Обои, съ букетами полевыхъ цвѣтовъ на блѣдномъ фонѣ, носили нѣсколько сантиментальный характеръ; туалетъ, покрытый бѣлою кисеей, сверкалъ своими хрустальными и фарфоровыми бездѣлушками, на этажеркахъ лежали книги и стояли корзинки съ различными принадлежностями дамскихъ работъ. Пунцовая матерія, которою была обита мебель, на первый взглядъ производила впечатлѣніе роскоши». Въ комнатѣ было невыносимо душно отъ смѣшаннаго запаха духовъ и лѣкарствъ; пани Эмилиа вѣчно больна мигренью, нервами. «Несмотря на то, что ей на видъ около сорока лѣтъ, у ней не было ни одного сѣдого волоса, а физическая слабость и вѣчное недомоганіе не измѣнили очертанія ея караловыхъ губъ, напоминающихъ губы молоденькой дѣвушки. Ручки у нея были маленькія, тонкія, почти прозрачныя, съ холеными розовыми ногтями. Съ выраженіемъ немощи и покорности судьбѣ, она опускала ихъ на колѣни, а если осмѣливалась дѣлать какіе-нибудь жесты, то самыя незначительныя, изъ боязни передъ малѣйшимъ проявленіемъ энергіи души или тѣла».

Пани Эмилиа вышла за Бенедикта Корчиньскаго по любви. Въ молодости онъ отличался красотою, любезностью, отвагой. Протекали годы. Его братьевъ постигла трагическая судьба. Хозяйство шло довольно плохо, несмотря на все усилія, на всю энергію Корчиньскаго. Сильфида ничего этого не замѣчала и не понимала. Мужъ становился все озабоченнѣе и угрюмѣе, а пани Эмилиа скучала. И вотъ однажды она обращается къ Бенедикту Корчиньскому съ такимъ предложеніемъ,—дѣлалось это предложеніе, разумѣется, «тихимъ голосомъ, мягко, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ»: за ней было двадцать тысячъ приданаго, она желаетъ получать съ него отъ мужа проценты, хоть по восьми, хотя теперь даютъ по десяти и даже двѣнадцати,—и не сразу, а въ два или хоть въ три срока. Половина пойдетъ на общесемейныя потребности, а другая на ея личныя потребности. Сильфида желаетъ «сколько-нибудь скрасить томительное однообразіе жизни въ этой пустынѣ». Она любитъ читать и заниматься шитьемъ и вязаньемъ, ей нужны медикаменты, она украситъ свою келью...

«Когда она кончила, Бенедиктъ поклонился такъ вѣжливо, какъ будто передъ нимъ сидѣла не женщина, прожившая нѣсколько лѣтъ подъ одною съ нимъ кровлей, и съ такою же изысканною любезностью отвѣтилъ:

«— Твое требованіе я постараюсь исполнить съ величайшею аккуратностью... Если тебя не затруднитъ, назначь, пожалуйста, сроки платежей».

*) *Русская Мысль* 1898 г., кн. IV—XII.

Бенедиктъ Корчинскій не былъ героемъ. Обстоятельства оказались сильнѣе его характера и юношескія стремленія постепенно замирали въ его груди. Жилось ему тяжело, и отъ крушенія бывшихъ идеаловъ, отъ большихъ уступокъ практическимъ требованіямъ его могла спасти *хорошая рука, не мущающаяся труда*, рука любимой женщины. Нѣжныя руки пани Эмили не были способны совершить ничего подобнаго. «Я жажду впечатлѣній,—говорила она мужу,—моя натура не можетъ быть стоячею водой, она требуетъ молній, которыя озаряли бы ее».

Для *сильфиды* — молній! На что онѣ ей нужны? Ей нуженъ пустой и блестящій кавалеръ, съ нѣжною наглостью, съ громкими фразами, съ приторными любезностями. Эмилія Корчинская скучаетъ отъ прозы жизни. «Да, я скучаю,—восклицаетъ она.—Книги не могутъ удовлетворить всеѣмъ моимъ требованіямъ, а другимъ я заняться не могу, даже еслибъ и хотѣла, по слабости моего здоровья». Эта неспособность къ труду, эта жажда сильныхъ впечатлѣній—приключеній съ кавалерами, восхищенія, обожанія, шума свѣтскихъ сплетенъ—составляетъ характерную черту *сильфиды*. Соответственно той обстановкѣ, въ которой онѣ воспитываются, а потому живутъ, *сильфиды* принимаютъ разнообразныя отгѣнки, но сохраняютъ свои существенныя особенности. Мнѣ кажется, что къ этому же типу слѣдуетъ отнести Сюзанну въ романѣ *Неудачникъ* *). *Сильфиды* иной разъ гибнутъ, сталкиваясь съ различными *Стасями*, но чаще сами губятъ хорошихъ людей, съ которыми сводитъ ихъ судьба. Къ этой же группѣ женскихъ характеровъ можно, я думаю, отнести и героиню повѣсти *Хамъ*, переводъ которой напечатанъ въ *Русской Мысли* (1889 г., кн. IV—VII).

Франка выросла сиротой. Послѣ долгой скитальческой жизни, переходя горничною изъ дома въ домъ и часто мѣняя любовниковъ, Франка встрѣтилась съ честнымъ крестьяниномъ-рыбакомъ Павломъ Кобыцкимъ. Онъ женился на ней, надѣясь спасти грѣшную душу, перевоспитать несчастную женщину. Это оказывается невозможнымъ. «Съ своимъ тонкимъ и гибкимъ станомъ, съ мягкими движеніями, съ нездоровымъ цвѣтомъ помятаго лица, среди котораго ярко свѣтились распаленные страстными мечтаніями глаза, одѣтая въ обтрепанное городское платье, невѣста Павла казалась существомъ совершенно чуждымъ тому, что окружаетъ ее». Она увлеклась Павломъ, онъ поразилъ ее своею сдержанностью, серьезностью, нравственною силой. *Сильфидъ-горничной* тоже нужны *герои*, и ея натура требуетъ *молній*; но спокойная, трудовая жизнь не по душѣ, не по силамъ Франциски Хомцовой. Она находила, что Кобыцкій—приличный мужикъ, но, переодѣвшись въ крестьянское платье и заглянувши въ маленькое зеркальце, не могла удержаться отъ жалобныхъ восклицаній: «Вотъ я и мужичка! Конечно, похоронили меня, закопали меня на вѣки вѣчныя, и не будетъ уже для меня другаго житія, кромѣ мужичьяго». Жизнь Франки озаряется новою *молніей*, въ образѣ распомаженаго, умѣющаго танцовать лакея. Франка бѣжитъ съ

*) *Un raté (Неудачникъ)*. *Вѣстникъ Европы* 1881 г.

нимъ, черезъ три года—измученная, оборванная, съ ребенкомъ—робко возвращается къ мужу, снова измѣняетъ ему, дѣлаетъ попытку отравить Павла, наконецъ, вѣшается сама. Передъ смертью Францишка говорила, что Павелъ убилъ ее своею добротой, такъ запугалъ этою добротой, что ей страшно жить, не можетъ она больше жить.

Франка не лишена, конечно, и добрыхъ качествъ. Она сама говоритъ про себя, что «грѣховъ на ея душѣ много, но въ трехъ вещахъ ее упрекнуть никто не можетъ: она никогда не пьетъ, не воруетъ и не жметъ». Но, по словамъ автора, «палая жажда впечатлѣній, которую она вынесла изъ всѣхъ горестей и наслажденій своего прошлаго, влекла ее ко всякой новизнѣ, будь это новый, интересный человекъ, невиданная до сихъ поръ волна, туча, молнія». Франка томится житьемъ съ Павломъ, но вотъ онъ въ сильномъ гнѣвѣ грозно потребовалъ у ней отвѣта, и Франка почувствовала новый приливъ любви: «Онъ понравился ей, ужасно понравился въ новомъ видѣ. Она столкнулась съ чѣмъ-то новымъ для нея и очень интереснымъ,—съ силой, которая покорила ее, со страстью, которая зажигала страсть и въ ея жилахъ. Съ крикомъ любви, со слезами ласки на трепещущихъ губахъ упала она на грудь мужа. Онъ крѣпко сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ и немного погодя тихо спросилъ:

«— А грѣшныхъ мыслей въ головѣ у тебя нѣтъ? Алексѣя не полюбила, а?»

«— Да ну его къ чорту, этого мужика! Нуженъ онъ мнѣ, какъ лѣтошній свѣтъ! Тебя люблю, милый мой, дорогой, золотой, бриллиантовый!»

И Франка въ эту минуту не лгала. Это не помѣшало ей въ скоромъ времени убѣжать съ лакеемъ!

Припомните, что пани Эмилія Корчиньская также растаяла и почувствовала приступъ возвратной любви, когда панъ Бенедиктъ рыцарски-вѣжливо согласился выплачивать ей проценты съ приданого. Но панъ Бенедиктъ былъ горько пораженъ такимъ обращеніемъ жены и не пошелъ далѣе этой рыцарской вѣжливости, вслѣдствіе чего сальфида и не упала къ нему на грудь...

Въ повѣстяхъ Ожешковой мы нерѣдко встрѣчаемъ героинь столь любезной сердцу многихъ и многихъ *женственности*. Такова, напримѣръ, Елена Шарская въ романѣ *Сильвекъ* *). Маленькія дѣти этой госпожи въ грязи, бѣгаютъ по безобразнымъ притонамъ, напиваются пьяными, воруютъ; а пани Елена въ это время читаетъ, все читаетъ романы съ таинственными приключеніями, съ страстною любовью князей и маркизовъ. На послѣдніе гроши, когда голодаютъ дѣти, покупаетъ она пошлѣйшія произведенія переводной французской литературы. Пани сладостно вспоминаетъ о томъ, какъ она сама танцевала въ ярко освѣщенныхъ залахъ, съ прекрасными кавалерами, подъ громкіе и веселые звуки музыки. Она уносится воображеніемъ въ *область изящнаго*.

*) *Русская Мысль* 1884 г., т. I, II, IV, VI.

Любопытенъ въ *Сильскъ* и Маврицій Лирскій — злая, отвратительная разновидность *милорда*, о которомъ я скажу теперь нѣсколько словъ. Эти *милорды* соотвѣтствуютъ *сильфидамъ*. Передъ нами проходятъ фигуры Стася Жиревича, Зигмунта Борчинскаго и имъ подобныхъ героевъ, изувѣченныхъ воспитаніемъ, которое часто заглушаетъ въ нихъ добрые зачатки и стремленія, то скупающихъ, то самодовольно пошлыхъ. Печальнѣе всего, что виновницами такого воспитанія являются нерѣдко женщины, умныя, честныя, благородныя, для которыхъ любовь къ дѣтямъ становится роковою, которыя приносятъ великія жертвы, доходятъ до героическаго самоотверженія, чтобы дать своимъ любимцамъ разыгрывать такую роль, какую разыгрываютъ, напримѣръ, Раймундъ Дырко, прозванный милордомъ *).

«Вы,—говорилъ матери милорда ея старшій другъ, учитель Рембскій,—изъ сына сдѣлали себѣ кумирь, поставили его на алтарь и молитесь ему, какъ язычница!» Отецъ Раймунда былъ искусный гончарь, — это ремесло процвѣтало въ родѣ Дырко,—отличался дѣловитостью и предпримчивостью и нажилъ значительное состояніе. Старшіе сыновья его рано умерли, и передъ смертью Матвѣя Дырко печалили предчувствія.

«— Еслибъ старшіе мои молодцы еще жили,—говорилъ гончарь,—то я оставилъ бы трудовую копѣйку, собранную моими предками и мною, взрослымъ людямъ. Старшій, сударь ты мой, былъ уже гончаромъ на славу, а изъ младшаго вышелъ бы хорошій садовникъ. А что будетъ съ Райкомъ—не знаю. Больно онъ еще малъ...»

Вышелъ изъ него *милордъ*, человекъ, стремившійся играть блестящую свѣтскую роль, счета не знавшій деньгамъ и капризамъ, не способный къ серьезному дѣлу, не имѣвшій на одной задумѣнной мысли, никакого подобія идеала, добрый и неглупый отъ природы, но никуда негодный. И этого результата достигла дурно направленная материнская любовь. Вдова Матвѣя Дырко отличилась поразительною энергіей. Работа спорилась въ ея рукахъ, ея собственныя потребности не выходили за предѣлы необходимаго, а вотъ сына она захотѣла сдѣлать бариномъ. Аполлонія Дырко находила вполне естественнымъ, что ея блистательный сыночекъ рѣдко заглядываетъ къ старухѣ-матери, да и то лишь на нѣсколько минутъ, чтобы взять у нея денегъ, которымъ, казалось милорду, и конца не будетъ.

«Онъ вышелъ въ люди,—говорила вдова Матвѣя Дырко,—и съ ними долженъ жить. Онъ баринъ, а у господъ нѣтъ времени ѣздить къ старухамъ, такимъ, какъ я. Онъ дѣлаетъ визиты, бываетъ на званыхъ вечерахъ и самъ даетъ вечера. А барышни? Мало ли онѣ отнимаютъ времени у красивыхъ молодыхъ людей? Это не то, что наши дѣвушки. Тѣ рады-раदेशеньки, когда хозяйскій сынъ, проходя мимо, окликнетъ ихъ и пошутитъ. А за богатыми барышнями изъ хорошихъ фамилій надо долго, ой, какъ долго ухаживать, пока которая-нибудь изъ нихъ улыбнется».

Будущее представлялось Аполлоніи Дырко въ радужныхъ краскахъ: зо-

*) *Милордъ*. Отч. Записки 1881 г., кн. II.

лотая бабочка—ея сыновъ—будеть увиваться вокругъ женушки, нянчить дѣтей, иногда привозить ихъ, въ прекрасномъ экипажѣ, къ матери, чтобъ утѣшить старуху. «Но и тутъ,—прибавляетъ она,—только нрѣдка, потому что такимъ дѣтямъ не хорошо бывать въ старомъ домѣ, въ которомъ выросли и отецъ, и дѣдъ, но имъ расти не слѣдуетъ, нѣтъ... не слѣдуетъ!»

И посмотрите, на какой героизмъ способна эта неразумная мать! Она сокращаетъ всѣ свои расходы, не топить печей, не доѣдаетъ, все для того, чтобы скопить денегъ милорду. Это самоотверженіе доводитъ ее до смерти, но не спасаетъ, конечно, Раймунда Дырко отъ разоренія и отчаянія.

Въ подобную же ошибку впала вдова Андрея Корчиньскаго, которая съ изумленіемъ и безграничною горестью увидѣла въ своемъ Зигмундѣ пустаго эгоиста, изнѣженнаго воспитаніемъ, пресыщеннаго жизнью. Тяжелый ударъ, большое несчастье, хотя отчасти и заслуженное. Слѣдуетъ замѣтить, что Корчиньская *серьезно* раздѣляла демократическія убѣжденія своего покойнаго мужа, но, какъ говоритъ Ожешкова, не могла «хоть на минуту отречься отъ изящныхъ формъ жизни». Женою сына она желала видѣть «женщину вышшаго происхожденія, съ блестящими связями, со свѣтскимъ образованіемъ, однимъ словомъ, музу, которая генію, каковымъ былъ Зигмундъ въ глазахъ матери, помогла бы еще шире расправить крылья и взлетѣть еще выше».

Вопреки автору, думать надо, что у вдовы Андрея Корчиньскаго не было серьезныхъ демократическихъ убѣжденій, что она искренне считала ихъ своими лишь потому, что свято чтילה память любимаго человека. Инымъ вышелъ бы Зигмундъ при отцѣ, иною была бы и его мать. Тѣ хорошія женщины, которыя изображаются въ повѣстяхъ Ожешковой, страдаютъ именно отсутствіемъ яснаго и широкаго взгляда, того, что слѣдуетъ называть миропониманіемъ. Многія изъ нихъ выдаются умомъ, энергіей, трудолюбіемъ; но всѣ эти прекрасныя качества сосредоточиваются у домашняго очага и не мѣшаютъ подобнымъ женщинамъ мечтать о свѣтскихъ успѣхахъ для своихъ сыновей и дочерей. Плохо было бы то общество, въ которомъ жили бы и дѣйствовали только Корчиньскія и Бригитты. Польское общество не принадлежитъ къ этому числу. Въ немъ совершаются глубокія измѣненія, старая панская Польша съ ея блескомъ и чванствомъ, съ ея рыцарскими подвигами и холопскими чувствами отходитъ въ область прошедшаго, изъ народа поднимаются свѣжіе побѣги, такіе же побѣги дають и оживающіе верхніе общественные слои. Душа отдыхаетъ на такихъ образахъ, какъ Юстина Ожельская и Витольдъ Корчиньскій. Въ романѣ *Надъ Нѣманомъ* вѣетъ тотъ духъ, который отразился въ нашемъ народничествѣ, принималъ у насъ и на Западѣ Европы и другія, болѣе совершенныя формы. Горделивой и энергичной дѣвушкѣ тѣсно и постыло въ помѣщичьей обстановкѣ, ея не занимають ничтожныя, мнимо-возвышенныя интересы такихъ женщинъ, какъ Эмилиа Корчиньская, ей «давно уже опротивѣли ихъ наряды и забавы, ихъ поэзія и

ихъ любовь». Натура Юстины требуетъ не молній, чтобъ онѣ озаряли ее, а широкаго, разумнаго труда, такого дѣла, которое захватывало бы душу, такой любви, которая преисполнена была бы уваженія, такой поэзіи, которая подымала бы на подвигъ и давала бы отраду среди обыденной работы.

Юстина сближается съ крестьянами. Ансельмъ и въ особенности молодой Янъ Богатыровичъ являются для нея представителями новаго, желаннаго міра. Подъ вліяніемъ этихъ встрѣчъ въ головѣ Юстины «отрывки мыслей и наблюденій начинали складываться въ одно стройное цѣлое, умственный горизонтъ начиналъ проясняться и показывать обширныя перспективы». Сильно и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ работала мысль и Витольда Борчиньскаго. Горячій юноша обращается съ призывомъ и за разъясненіями къ такимъ нравственнымъ уродамъ, къ такимъ истасканнымъ людямъ, какъ панъ Ружицъ и его не менѣе достойные пріатели изъ того же круга. Онъ спрашиваетъ у этихъ богатыхъ и еще молодыхъ помещиковъ, какія улучшенія они имѣютъ въ виду. Витольдъ учится въ высшей сельско-хозяйственной школѣ. «Теперь,—говоритъ онъ Ружицу,—я окончилъ второй курсъ и уже составилъ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ должно идти дѣло... Какъ идетъ оно у насъ, я знаю... скверно, со всѣхъ точекъ зрѣнія скверно, и мнѣ кажется, что вы, господа, обязаны всецѣло отдать свои силы народу и землѣ, чтобы...»

Пылкаго Витольда Борчиньскаго перебиваетъ на этихъ словахъ пренебрежительнымъ замѣчаніемъ о теоріяхъ и формулахъ Зигмундъ Борчиньскій. Естественно, что эти господа никакими народными нуждами не интересуются вовсе. Но Витольдъ, повторяю, воспитывался при благопріятныхъ условіяхъ: его отецъ получилъ высшее образованіе, на складъ его ума и характера повліяла просвѣтительная традиція ихъ семейства, начиная съ дѣда, Станислава Борчиньскаго. Въ то же приблизительно время молодые люди,—способные, энергичные,—гибли отъ обстановки, созданной для нихъ семьею и тѣмъ общественнымъ кругомъ, къ которому семья эта принадлежала. Таковъ, на примѣръ, Романъ Калининъ въ романѣ *Погибшій* *). Отецъ охотился, мать выѣзжала, воспитаніе мальчика шло плохо, онъ началъ попадать въ разные вертены и девятнадцати лѣтъ совершилъ непредназначенное убійство, за которое, благодаря старому судопроизводству, попалъ въ каторгу на восемь лѣтъ, т. е., на самомъ дѣлѣ, погибъ. А юноша былъ даровитый, съ неопредѣленными, но великодушными стремленіями. Своему адвокату онъ рассказывалъ, какъ иногда находила на него тоска: «Мнѣ казалось,—говорилъ Калининъ,—что тамъ, далеко, за лѣсами и горами, есть какой-то міръ, широкій, свѣтлый, прекрасный, котораго я не знаю, но гдѣ людямъ живется лучше, чѣмъ мнѣ. Ядвися мнѣ какъ-то разъ прочла о томъ итальянскомъ генералѣ—знаете, о томъ знаменитомъ, ну, какъ его, бишь? Ну, о Гарибальди! Вотъ, когда Ядвися мнѣ о немъ.

*) Отч. Замѣски 1883 г., кн. X.

прочитала, то я два дня ходилъ точно шальной, и думать, что съ ума сойду...» Романъ Калининскій прибавилъ, что Гарибальди былъ счастливый человѣкъ—навѣрное, никогда не скучалъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, много горькихъ недостатковъ въ польскомъ обществѣ, видимъ въ повѣстяхъ Ожешковой и благодатные источники исцѣленія: знаніе, трудъ и широкіе общественные интересы. Въ разсказѣ *Чудахъ* бѣднякъ-чиновникъ Іоакимъ Чинскій говоритъ адвокату, отъ лица котораго ведется разсказъ:

«— Очень хотѣлось бы мнѣ знать, какъ вы объ этомъ думаете, потому что мнѣ кажется, что если... если бы люди больше знали, больше понимали... то они были бы гораздо лучше...»

«— Вы вполне правы,—отвѣтилъ адвокатъ.—Лучшее и, можетъ быть, единственное средство смягчить человѣческія сердца и искоренить въ нихъ чувство ненависти—это знаніе».

Въ *Милордѣ* учитель Андрей Рембскій,—одна изъ симпатичнѣйшихъ, хотя только слегка обрисованныхъ фигуръ въ произведеніяхъ Ожешковой,—въ молодости далъ обѣтъ посвятить себя воспитанію дѣтей и свято исполнилъ этотъ обѣтъ. Рембскій былъ дворянинъ и деньги у него водились. «Ай, баринъ, баринъ!—говоритъ ему старуха Дыркѡва,—вы либо святой, либо сумасшедшій...»

Рембскій засмѣялся, махнулъ рукой и отвѣтилъ:

«— Ни святой, ни сумасшедшій, а просто человѣкъ, и бродятъ во мнѣ человѣческія мысли, чувства и желанія. Когда я былъ молодъ, у меня были товарищи, такіе же, какъ я самъ. Всѣ мы были не бѣдны, ну, и образованіе кое-какое было. Вотъ когда намъ пришлось вступить въ жизнь, мы и спросили себя: что же мы будемъ дѣлать? Какая работа нужнѣе всего? И разбрелись мы, чтобъ исполнить нашъ долгъ. Таковъ былъ духъ времени, и въ этомъ заключалось честолюбіе тогдашней молодежи. Мы давали себѣ обѣтъ жить для страждущаго человѣчества и быть строгими къ самимъ себѣ. Одни сдержали свой обѣтъ до конца жизни, другіе нарушили его раньше или позже, но и тѣ, которые, по слабости характера, нарушили его, даже и тѣ были счастливы, ибо разъ, по крайней мѣрѣ, въ жизни имѣли Бога въ сердцѣ и хоть разъ предъ взоромъ ихъ сверкало во всемъ блескѣ солнце великой цѣли».

Другое лицо, изображенное Ожешковой, Шимонъ Кенпа *), также учитель, мечтательно проповѣдуетъ о справедливости и братствѣ. При помощи машинъ, «которыя будутъ придуманы сердцами, горящими любовью къ ближнимъ», земля совершенно преобразуется и надъ ней воцарится «вѣчное тепло, умѣряемое теплыми вѣтрами и живительною влагой чистыхъ, какъ кристаллъ, источниковъ, которые серебристою сѣтью опояшутъ нивы, цвѣтники и бѣлыя фермы—тихія пристанища любви, добродѣтели и покоя». Въ разныхъ уголкахъ польскаго общества, судя по изображеніямъ

*) Въ *Силескѣ*.

даровитой писательницы, теплится эта любовь къ ближнему, это страстное стремленіе къ справедливости. Сама Элиза Ожешкова является горячею защитницею всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что искренняя и неустанная проповѣдь гуманности, которая въ разныхъ формахъ, при разныхъ условіяхъ, ведется литературою, приноситъ благодѣтельные результаты. Но слѣдуетъ принять во вниманіе, что это лишь подготовительная, въ извѣстномъ смыслѣ, работа. Конечно, мудро вообразить, что людямъ когда-либо ничего добраго не скажетъ художественное произведеніе, что они достигнуть такого совершенства, что глубокія нравственно-общественныя задачи искусства совершенно упразднятся. За то всѣмъ извѣстно, что бывають эпохи, когда перерабатывается миропониманіе цѣлыхъ поколѣній, когда идетъ упорная борьба отживающаго зла съ возникающимъ добромъ. Представьте, что вы заняты тревожнымъ, очень важнымъ дѣломъ, что ваша мысль ищетъ отвѣта на неотложные вопросы, что вамъ нужна нравственная поддержка. Въ такое время, какъ вы посмотрите на пріятеля, если онъ принесетъ для вашего развлеченія картинку, которая изображаетъ купающуюся нимфу или дѣвочку, кормящую птичекъ? Такъ бываетъ и съ цѣлымъ обществомъ, и поэтому наивны и нелѣпы требованія, чтобы искусство не отвѣчало на глубокіе запросы жизни, чтобы критика не была и критикою публицистической.

Чѣмъ заниматься критикѣ? Красотою? Но красотою чего, — формъ чело-вѣческаго тѣла? Занятіе не особенно важное, но по отношенію къ роману совершенно непримѣнимое. Красотою душевною? Но въ такомъ случаѣ у васъ долженъ быть критерій, вы должны сравнивать и отдавать предпочтеніе однимъ душевнымъ качествамъ передъ другими, и вашъ эстетическій и психологическій анализъ перейдетъ въ нравственную оцѣнку и въ общественное сужденіе.

Въ повѣстяхъ г-жи Ожешковой мы видимъ галерею живыхъ людей, а это — доказательство ея таланта и многосторонности. Мы стараемся всмотрѣться въ эти лица, понять ихъ движенія и поступки, понять то общество, представителями котораго они передъ нами являются. Мы видимъ, что общество это переживаетъ разныя настроенія; но проповѣдь гуманности и справедливости не умолкаетъ въ немъ, а послѣ періодовъ упадка мысли и общественного равнодушія раздается съ возрастающею силой. Одной этой проповѣди, повторяю, недостаточно, одного добраго настроенія мало для того, чтобы выросъ и оvrѣпъ разумный и справедливый общественный строй. Гуманныя мысли и чувства вродѣ тѣхъ, которыми одушевленъ Шимонъ Кенпа, это — сѣкира, съ которою должно идти на работу въ дремучій лѣсъ; но для того, чтобы дерево было срублено, необходимо отточить сѣкиру; для того, чтобы наши благопожеланія перешли въ дѣло, слѣдуетъ придать имъ опредѣленную практическую формулу. Конечно, люди — братья, и любить ближняго намъ заповѣдано Христомъ. Для личнаго труда, для личнаго подвига, — кто на подвигъ способенъ, — этого достаточно; но для великаго общественнаго труда или подвига необходима

иная постановка дѣла. Напримѣръ: люди—братья, поэтому мало ихъ любить вообще, а должно освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Само собою разумѣется, что не дѣло романиста давать такого рода формулы; но критикѣ можно и слѣдуетъ, изучая повѣсти и рассказы писателя, въ которыхъ отражается современная жизнь, ставить и тѣ непосредственныя общественныя задачи, которыя вытекаютъ изъ этого изученія. Въ сожалѣнію, пишущій эти строки мало знакомъ съ отзывами о произведеніяхъ Элизы Ожешковой польскихъ критиковъ, а

Wer den Dichter will verstehen —
Muss in Dichter's Lande gehen *).

Сочиненія даровитой писательницы заключаютъ въ себѣ, однако, много общечеловѣческихъ идей, образовъ и чувствованій. Кромѣ того, дѣйствующія лица ея повѣстей намъ ближе и понятнѣе, чѣмъ дѣйствующія лица въ нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ или итальянскихъ романахъ. Вопреки неблагоприятнымъ историческимъ обстоятельствамъ, родственная связь польскаго и русскаго народа даетъ себя чувствовать и облегчаетъ сужденіе критика.

II.

Въ *симфидакъ*, нарисованныхъ г-жею Ожешковой, можно подмѣтить особенности польскихъ женщинъ этого типа, тѣ особенности, которыя выработались долгою *панскою* культурой и вліяніемъ римско-католической церкви. Вызывающая кокетливость, граціозная подвижность, жажда блеска и наслажденій, своеобразное отношеніе къ грѣху,—все это такія черты, которыми польскія женщины, въ значительной степени, отличаются отъ русскіхъ и сближаются съ француженками. Въ этомъ отношеніи поучительна повѣсть *Аскетка* **). Сестра Мехтильда была обманута любимымъ человѣкомъ и любимою подругой. До двадцати лѣтъ жизнь ея текла беззаботно и счастливо, и затѣмъ «понятіе о злѣ, которое срываетъ съ глазъ людей повязку и острымъ мечомъ поражаетъ сердце, открывалось передъ нею постепенно, какъ это чаще всего случается, а сразу, вдругъ, во всемъ своемъ ужасѣ. Она увидала вдругъ то, отъ чего со страхомъ и скорбью отворачиваются глаза людей, много видавшихъ на своемъ вѣку. То была война». Вѣрою въ одного только человѣка сохранялась для Мехтильды вѣра въ людскую доброту и въ возможность счастья, и этотъ человѣкъ полюбилъ другую. Мехтильда пошла въ монастырь, превратилась въ страстную подвижницу, начала съ желѣзною энергіей терзать свое тѣло постомъ, бессонными ночами, проводя ихъ въ восторженныхъ моленіяхъ. Это—исключительная, богато-одаренная натура. Двѣнадцать лѣтъ проводить она въ монастырѣ, и вотъ въ душѣ сестры Мехтильды совершается

*) Кто хочетъ понять поэта, тотъ долженъ идти въ его страну.

***) *Русская Мысль* 1891 г., кн. I.

новый переворотъ. Она была глуха къ голосамъ оставленнаго ею міра, она не допускала мысли о земныхъ радостяхъ, не прощала никакого признака ихъ въ монастырской жизни. Мать Ромуальда, благочестивая настоятельница обители, не одобряла такой аскетической нетерпимости, которая доводила сестру Мехтильду до столкновенія съ монастырскою властью. Но мать Ромуальда пошла въ монахини уже узнавши жизнь съ ея радостями, у ней не могло быть той ненависти, которая кипѣла въ душѣ Мехтильды и другою стороною которой была ея страстная религіозность. Мать Ромуальда любила залу новиціата, свѣтлую, съ широкимъ дворомъ за окнами, любила смотрѣть на неувядшія еще щеки молодыхъ послушницъ и обучала ихъ дѣлать искусственные цвѣты, а въ этомъ у нея почти не было соперницъ. Сестра Мехтильда ненавидѣла все это. Ея душевная жизнь текла глубокимъ и бурнымъ потокомъ по преднамѣренному суженому и замкнутому руслу. Въ этихъ двухъ женскихъ образахъ воплотились два теченія католицизма: одно—мрачное, фанатическое, то, которое создавало Лойолу и зажигало костры инквизиціи; другое—спокойное, сохраняющее жизнерадостность, отнюдь не враждебное *земль*. Мать Ромуальда указываетъ дѣтямъ, какъ весело щебечутъ птицы, и передаетъ при этомъ молитву святаго Франциска Ассизскаго, въ которой заключается гимнъ Богу за то, что онъ создалъ солнце и звѣзды, вѣтеръ и тучи, птицъ и цвѣты.

«— Суета суетъ и всяческая суета!—раздался въ отвѣтъ тихій, но твердый голосъ сестры Мехтильды. Великолѣпное солнце освѣщаетъ темную землю; дерево усыхаетъ и рассыпается въ прахъ; на ласточку нападаетъ ястребъ; чистоту воды оскверняетъ слюна пьющей ее змѣи. Только Тотъ, Кто обитаетъ на небесахъ, чистъ и вѣченъ».

Но въ эту минуту настоятельницу извѣщаютъ, что заболѣла пятнистымъ тифомъ отданная въ монастырь дѣвочка. Болѣзнь очень опасна и заразительна, надо изолировать Клару, необходимо, чтобъ одна изъ сестеръ самоотверженно заключилась съ больнымъ ребенкомъ. И на этотъ подвигъ, послѣ острой душевной борьбы, пошла сестра Мехтильда,—Мехтильда, которая пугала и преслѣдовала этого ребенка. Побѣдило доброе начало, то, чѣмъ красна человѣческая жизнь. Мехтильда молитъ настоятельницу позволить ей ухаживать за Klarой.

«— Я побѣждена, матушка,—тихо говорила она.—Страданія этого ребенка и опасность, какая угрожаетъ ему, побѣдили меня... Ахъ, какъ трудно забыть, что человѣкъ сотворенъ изъ земной персти... Можетъ быть, Господь не оставитъ меня, ибо я иду для того, чтобы хоть на одну каплю уменьшить безпредѣльное море горечи, отъ живаго существа отдалить смерть хоть на одну минуту... Я иду туда потому, что не могу... не могу забыть...»

«Она безшумно опустилась на колѣни, спрятала лицо въ складкахъ платья матери Ромуальды и съ глухимъ, глубокимъ рыданіемъ докончила:

«— Это *его* ребенокъ и той, которая отняла его у меня».

Францискъ Ассизскій побѣдилъ Игнатія Лойолу, но какая удивитель-

ная душевная сила и красота бесплодно истомились въ душной кельѣ монастыря! Сколько свѣта и тепла дала бы міру при другихъ условіяхъ эта подвижница, эта фанатическая сестра Мехтильда! И какъ вдвойнѣ жалки, ничтожны и отвратительны передъ этою женщиной, — воплощеніемъ глубокаго чувства и серьезной мысли, — всѣ сальфиды, всѣ представительницы слащавой женственности!

Аскетка написана съ удивительною силою психологическаго анализа и съ тонкимъ чувствомъ мѣры. По моему мнѣнію, эта повѣсть — одно изъ лучшихъ произведеній г-жи Ожешковой. На ряду съ нею можно поставить рассказъ *Сильный Самсонъ* *), проникнутый яркою гуманною мыслью и высокимъ идеализмомъ. *Сильный Самсонъ* — картинка изъ современной еврейской жизни, но я останавлиюсь на другомъ произведеніи талантливой писательницы изъ этого же быта, повѣсти *Мейеръ Езофовичъ* **).

«На высотѣ цивилизаціи, — такъ начинается свое произведеніе г-жа Ожешкова, — сближаются всѣ вѣтви великаго дерева человечества. Просвѣщеніе — лучший апостолъ всеобщаго братства: оно сглаживаетъ рѣзкость особенностей у народовъ и даетъ возможность племенамъ, различнымъ по происхожденію, исторіи, жить обокъ другъ друга, сохраняя взаимное уваженіе; при просвѣщеніи даже сама религія, очищенная отъ наростовъ времени и доведенная до чистоты и простоты выраженія, даетъ возможность народамъ сталкиваться безъ ненависти и бѣдствій». Иное творится, — говоритъ Ожешкова, — въ широкихъ и глубокихъ низинахъ, гдѣ не свѣтитъ солнце просвѣщенія. И едва ли не въ самомъ печальномъ состояніи находится, по мнѣнію автора, масса еврейскаго народа. *Мейеръ Езофовичъ* представляетъ яркую картину глубокаго невѣжества и неразлучнаго съ нимъ религіознаго фанатизма среди еврейскаго населенія нашихъ сѣверо-западныхъ губерній. Въ привлекательномъ образѣ Мейера Езофовича выставленъ одинъ изъ представителей добраго начала, честный и пламенный юноша, который вооружается противъ Кабалы, идетъ противъ мрачной нетерпимости и окрашенной религіознымъ характеромъ ненависти къ иновѣрцамъ съ ихъ наукою, съ ихъ искусствомъ, съ ихъ общественными порядками. Повѣсть не лишена недостатковъ, она нѣсколько растянута, изобилуетъ цитатами изъ Торы и Кабалы; но въ общемъ производитъ глубокое впечатлѣніе, — и печальное, и гуманное. Трагическая судьба Мейера Езофовича и полюбившей его дѣвушки-караимки, полной высокой преданности и идеальнаго самоотверженія, напоминаетъ вѣчную исторію мученичества за идею. Но самый фактъ появленія подобныхъ людей свидѣтельствуетъ о благотворныхъ силахъ, которыя заключаетъ въ себѣ еврейство, и о томъ, что злыя силы въ этомъ племени, какъ и повсюду, могутъ быть побѣждены лишь тепломъ и свѣтомъ гуманной европейской науки.

*) *Русская Мысль* 1886 г., кн. X.

***) *Мейеръ Езофовичъ*, повѣсть изъ быта жидовъ. М., 1881 г.

III.

Ограничусь сказаннымъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что въ повѣстяхъ г-жи Ожешковой мы имѣемъ возможность близко познакомиться съ современнымъ польскимъ обществомъ, и мы видимъ, что въ этомъ обществѣ много сходнаго съ явленiями русской жизни. Лучшiе представители новыхъ теченiй польской мысли напоминаютъ знакомыя намъ стремленiя нашихъ лучшихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей. Тѣ недостатки людей и общественныхъ порядковъ, которые рисуетъ Элиза Ожешкова, часто походятъ на недостатки русскихъ людей и порядковъ. И мы не можемъ не чувствовать глубокой благодарности къ писательницѣ, которая четверть вѣка съ любовью и неослабнымъ вниманiемъ изображаетъ явленiя польской жизни, всюду внося горячее участiе къ униженнымъ и оскорбленнымъ, всюду отстаивая честь и достоинство человѣческой личности. Гуманная мысль горитъ въ произведенiяхъ Ожешковой ровнымъ, тихимъ пламенемъ, но при этомъ чувствуется сдержанная сила, читатель понимаетъ, что художникъ-мыслитель сознательно избѣгаетъ нѣкоторыхъ болѣе или менѣе эффектныхъ внѣшнихъ приемовъ, а это качество особенно дорого въ наше время, когда сильныя убѣжденiя частенько замѣняются крѣпкими словами.

Въ предисловіи къ первому тому собранiя своихъ сочиненiй *) г-жа Ожешкова говоритъ, что первый ея рассказъ *Изъ голландскихъ мѣтъ* появился въ *Иллюстрированной Недѣлѣ (Tygodnik Ilustrowany)* въ 1866 г. «Передъ этимъ,—прибавляетъ г-жа Ожешкова,—я написала три романа, которые своими заглавiями свидѣтельствуютъ о тогдашнемъ настроенiи моего ума. Назывались они: *Решна, Люди и черви* и *Густавъ Ваза*. Кромѣ того, я писала, на основанiи прочитанныхъ книжекъ, длинную работу о Мирабо, въ котораго въ то время была влюблена формальнымъ образомъ (Hoppu soit qui mal у pense,—этотъ человѣкъ дѣйствовалъ и умеръ въ концѣ прошлаго вѣка). Эти четыре толстыхъ рукописи я сожгла, хотя онѣ стоили мнѣ двухъ лѣтъ слишкомъ, потому что я ревностно изучала исторiю Швеціи для Густава Вазы и исторiю французской революціи для великаго Мирабо».

Это признанiе показываетъ, какъ рано пробудились въ г-жѣ Ожешковой литературные и общественные интересы и съ какою добросовѣстностью всегда относилась она къ служенiю родной литературѣ. Своимъ образованiемъ даровитая писательница обязана себѣ самой. Познанiя, которыя общались ей въ раннемъ возрастѣ, не шли дальше кое-какихъ свѣдѣнiй объ египетскихъ фараонахъ или давали возможность, какъ она выражается, отличить канарейку у окна отъ воробья за окномъ. Вполнѣ сознательная жизнь началась для г-жи Ожешковой въ бурную и горестную эпоху. «Всякому будетъ понятно,—прибавляетъ авторъ *Аскетки*,—что при такихъ условiяхъ я — не гений, который творитъ изъ самого себя и ничего не

*) Это предисловіе написано въ январѣ 1884 г. Оно переведено для меня В. М. Давровымъ.

требуетъ извинѣ,—должна была писать совсѣмъ плохо. Если потомъ я сдѣлала въ сферѣ мысленія и творчества кое-какія пріобрѣтенія, то любопытенъ, а, можетъ быть, и полезенъ будетъ видъ тропинокъ, которыми я шла, и зарослей, черезъ которыя я пробиралась къ этимъ тропинкамъ».

Г-жа Ожешкова принадлежитъ къ числу наиболѣе искреннихъ писателей-беллетристовъ. «Нѣтъ ни одного слова,—говоритъ она,—которое не было бы согласно съ моимъ убѣжденіемъ, когда я писала это слово. Ничто на свѣтѣ не возбуждало и не возбуждаетъ во мнѣ такого отвращенія, какъ маска». Кончаетъ свое предисловіе г-жа Ожешкова такими скромными словами: «Солнце даетъ жизнь всему, что существуетъ на нашей землѣ; кто сравнить его со свѣчой? А, вѣдь, и свѣча также пригодится человѣку. Эскимосы,—тамъ, гдѣ солнце свѣтитъ мало, а топлива совсѣмъ нѣтъ,—и пищу себѣ готовятъ, и окоченныя руки свои отогрѣваютъ на слабомъ огнѣ ночника. Ничтожная въ присутствіи солнца моя лампа, моя свѣча—пусть теплится себѣ. Можетъ быть, кто-нибудь, въ годину голода и холода, отогрѣется у ея скуднаго огонька».

Такая оцѣнка черезъ-чуръ скромна. Въ произведеніяхъ г-жи Ожешковой свѣтитъ и грѣетъ, дѣйствительно, та искра, которая ведетъ свое начало отъ Прометеява огня. Много горькаго рассказываетъ даровитая польская писательница, много постыдныхъ недостатковъ современнаго общества изображаетъ она, много общечеловѣческихъ слабостей и пороковъ воплощено въ живыхъ образахъ въ повѣствованіяхъ Элизы Ожешковой; но «*bon espoire y git au fond*».

Викторъ Гольцевъ.

*) Въ глубинѣ лежитъ добрая надежда (Рабле).

Современный великорусъ въ его свадебныхъ обычаяхъ и семейной жизни *

Всякій, кому приходилось заниматься изученіемъ нашего народнаго быта за послѣднія 30 лѣтъ, не могъ, конечно, не замѣтить глубокаго переворота, происшедшаго за этотъ періодъ времени въ быту нашего крестьянства. Отмена крѣпостнаго права, введеніе новыхъ судовъ, развитіе крупной фабрично-заводской промышленности, проложеніе рельсовыхъ путей,—все это, отразясь очень сильно на экономическомъ быту сельскаго люда, внесло много новаго и въ сферу его нравовъ и обычаевъ. Не говоря о такихъ событіяхъ въ нашей государственной жизни, какъ уничтоженіе крѣпостнаго права и введеніе новыхъ судовъ, уже развитіе фабрично-заводской промышленности и проведеніе желѣзныхъ дорогъ оставили глубокіе слѣды въ жизни народной массы. Желѣзныя дороги сблизили разные глухіе закоулки, «медвѣжья углы» нашего отечества съ центрами городской, промышленной жизни и тѣмъ самымъ послужили проводниками въ деревенскую глушь фабрично-кабацкой и трактирно-мѣщанской «цивилизаци». Но при этомъ уровень истиннаго просвѣщенія въ деревнѣ возвысился очень мало. Того, что дѣлалось и дѣлается у насъ въ цѣляхъ распространенія народнаго образованія, слишкомъ недостаточно для разсѣянія густаго мрака, который продолжаетъ окутывать крестьянскіе умы.

Исслѣдователь современной народной жизни встрѣчается, такимъ образомъ, съ любопытными явленіями: рядомъ съ началами свободы, подъемомъ значенія личности (надо оговориться—личности преимущественно мужчины), внесенными эмансипаціей крестьянъ и новыми судами, онъ замѣчаетъ отрицательныя явленія фабрично-городской цивилизаци, наблюдаетъ картины стародавнихъ прадѣдовскихъ обычаевъ, деспотизма и крайне грубыхъ свѣрій, вродѣ сожженій колдуновъ и колдуній.

Вотъ почему каждый, кто сталъ бы судить о нравахъ и обычаяхъ современнаго великорусса по трудамъ Терещенка, Сахарова, Снегирева, по-

*) Настоящая статья представляетъ отрывокъ изъ приготовляемаго къ печати труда автора: *Современный великорусъ въ его нравахъ, обычаяхъ и домашней жизни.*

*Этнографическому сборнику 50-х годовъ, тотъ впасть бы въ большую ошибку. На это я уже имѣлъ случай указывать на страницахъ другого изданія *)*. Между тѣмъ, и теперь еще такой анахронизмъ практикуется сплошь и рядомъ, какъ только заходитъ рѣчь о нравахъ и обычаяхъ нашего народа. Пореформеннаго (если можно такъ выразиться) великорусса возможно изучать только по трудамъ, вышедшимъ въ свѣтъ въ послѣдніи 20—25 лѣтъ. Настоящая работа представляетъ попытку набросать общую картину свадебныхъ обычаевъ и семейной жизни великорусса на основаніи матеріаловъ ближайшаго къ намъ времени.

I.

Ослабленіе при заключеніи браковъ родительской власти. — Участіе въ настоящее время въ устроеніи брачной жизни самой молодежи. — Возрастъ жениха и невесты. — Значеніе при заключеніи браковъ родства кровнаго и духовнаго. — Сватовство. — Засылка свахи. — Осмотръ невестинной стороной женихова хозяйства. — Рукобитие и пропой. — Значеніе кладки. — Составъ приданаго. — Промежутки времени отъ пропой до вѣчанія. — Когда преимущественно совершается вѣчаніе? — Канунъ и день свадьбы. — „Ображеніе“ къ вѣнцу. — Выкупъ женихомъ доступа во дворъ и избу невесты. — Предосторожности противъ порчи. — Свадебный поѣздъ. — Церемонія послѣ вѣчанія. — Встрѣча молодыхъ. — Брачный пиръ. — Участіе на пирѣ священника и колдуна. — Послѣ пиря. —

Обряды, выражающіе зависимость молодой отъ мужа.

Въ брачныхъ церемоніяхъ великорусскаго крестьянскаго быта, какъ и во многихъ другихъ его обычаяхъ, еще до сихъ поръ уцѣлѣло множество характерныхъ остатковъ старины. Если въ чемъ сдѣлана уступка времени, такъ это почти исключительно въ степени участія самѣй молодежи въ рѣшеніи ея собственной судьбы, въ выборѣ женихомъ невесты и наоборотъ. Въ прежнее время единственнымъ значеніемъ въ этомъ дѣлѣ пользовался только голосъ самихъ родителей, которые по собственному усмотрѣнію избирали себѣ зятей и невестокъ, не спрашивая дочерей и сыновей, по нраву ли послѣднимъ избранныя лица. Нынѣ не то. Уничтоженіе крѣпостнаго права, внеся въ крестьянскую среду начала независимости, свободы отъ помѣщичьей власти, вмѣстѣ съ тѣмъ, повело и къ ослабленію власти родителей надъ дѣтьми. Послѣдующія измѣненія въ крестьянскомъ быту, чисто-экономическаго характера, также не остались безъ благопріятнаго въ смыслѣ эмансипаціи воздѣйствія на положеніе молодаго поколѣнія. Но вообще права жениха по выбору невесты гораздо шире. Въ отношеніи невесты еще до сихъ поръ чувствуется нѣкоторое давленіе домостроевскаго режима. Многія дѣвушки не смѣютъ и зайкнуться передъ родителями о своемъ сердечномъ выборѣ. Родительская воля тутъ еще сильна, и дѣвушки нерѣдко все еще приходится вступать въ замужство съ «немилымъ». Однако, «знаменіе времени» сказывается и въ отношеніи правъ невесты: бываетъ, что дѣвушка настаиваетъ на своемъ и выходитъ именно за того,

*) См. *Вѣстникъ Европы* 1881 г., июнь. *Этнографич. сборникъ 60-хъ годовъ* (выпуски V и VI), однако, принять во вниманіе въ настоящей работѣ.

кто ей нравится, но при этомъ не получаетъ никакого приданого, лишается даже заработанныхъ ею самою вещей. Какъ бы для нѣкотораго уравниванія правъ обѣихъ сторонъ, жениховой и невѣстиной, народный обычай выработалъ, между прочимъ, такой порядокъ, что, при разстройствѣ по какимъ-нибудь причинамъ брака уже послѣ сговора, отказъ невѣсты отъ жениха допускается гораздо легче и чаще, чѣмъ наоборотъ—отказъ жениха отъ невѣсты.

Для сближенія между собою деревенской молодежи представляется широкій просторъ на такъ называемыхъ «посидѣлкахъ»—вечернихъ сборищахъ, устраиваемыхъ въ осеннее и зимнее время въ особыхъ, снимаемыхъ для этой цѣли у бобылокъ избахъ. Такіе же случаи для знакомства даютъ лѣтнія гулянья—хороводы и т. п. Отношенія между молодежью завязываются часто очень интимныя. Въ Сарапульскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, по окончаніи хороводовъ, водимыхъ дѣвушками окрестныхъ деревень, онѣ расходятся попарно съ парнями *). Точно также въ Вологодской губерніи, если вѣрять г. Иванцову, дѣвки гуляютъ на-пропалую и цѣломудрію ихъ не придаетъ здѣсь строгаго значенія. «Есть мѣстности, гдѣ дѣвка, имѣвшая ребенка, скорѣе выйдетъ замужъ, чѣмъ цѣломудренная, такъ какъ она, значить, не будетъ неплодна (неплодность брака всегда почему-то приписывается женѣ). Не даромъ сложилась поговорка: «это не порокъ, что у дѣвушки паренекъ (т.-е. сынъ), а то порокъ, какъ у дѣвки да три дѣвки» **). Связи парней съ дѣвками здѣсь дѣло самое заурядное, причеиъ и вѣрности не придаетъ особаго значенія. Но почему-то и родители жениховъ, и сами женихи предпочитаютъ невѣсту изъ дальнихъ деревень ***). Не происходитъ ли это предпочтеніе изъ опасеній, что невѣста своей или ближней деревни, имѣвшая интимныя связи съ мѣстными парнями, будетъ продолжать ихъ и по выходѣ въ замужество? На сближеніе парней и дѣвушекъ смотрятъ особенно легко въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ народная нравственность пошатнулась подъ влияніемъ фабричной жизни, наприм., въ восточной части Владимирской губ. Подобное фабрикамъ влияніе оказываютъ и отхожіе промыслы. Относительно нѣкоторыхъ слободъ и селъ сложилась даже нецензурнаго свойства пѣсни и поговорки, обрисовывающія ихъ съ весьма нелицезной стороны.

На посидѣлки и гулянья собирается такая «зеленая» молодежь (обыкновенно въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ), что и собственный выборъ женихомъ невѣсты и невѣстою жениха едва ли можетъ служить надежною гарантіею прочности будущаго между ними союза на всю жизнь, залогомъ ихъ семейнаго счастья. При этомъ надо имѣть въ виду, что благосклонное вниманіе какъ между парнями, такъ и между дѣвушками привлекаютъ

*) П. М. Богаевскій: „Замѣтки о юридическомъ бытѣ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ.“ въ *Сборникъ статистическій для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи*. Вып. I, стр. 4.

**) См. Н. А. Иванчикова: „Материалы по этнографіи Вологодской губ.“, стр. 68.

***) Idem, стр. 68 и 78.

преимущественно тѣ личности, которыя обладают болѣе счастливою наружностью, бойкостью и т. п. качествами. Человѣкъ невзрачной наружности, но надѣленный высокими внутренними достоинствами, остается въ тѣни. Въ средѣ крестьянской молодежи такія явленія тѣмъ болѣе естественны, что и въ кругу людей интеллигентныхъ и солиднаго возраста выгодная наружность, краснорѣчивость и т. п. внѣшнія достоинства часто дѣлаютъ человѣка «душою дамскаго общества». Въ итогѣ получается, что одинъ какой-нибудь счастливый парень успѣваетъ заполнить сердца очень многихъ деревенскихъ красавицъ, а наиболѣе счастливая изъ послѣднихъ привлечь къ себѣ вниманіе большинства парней. Но такъ какъ выборъ приходится остановить на комъ-нибудь одномъ, то, скрѣпя сердце, таковой дѣлается между другими оставшимися, такъ сказать, за штатомъ участниками и участницами сборищъ. Тутъ, конечно, серьезная привязанность возможна только въ рѣдкихъ случаяхъ.

Прот. Гиляровский, говоря о порчѣ браковъ у крестьянъ, сообщаетъ, между прочимъ, о случаяхъ, когда одинъ и тотъ же женихъ даетъ слово десяти невѣстамъ, одной послѣ другой, вводитъ ихъ въ излишніе хозяйственные расходы и женится на одиннадцатой; то же бываетъ и со стороны невѣсть. Происходятъ явленія и еще болѣе возмутительныя: женихъ, давъ клятвенное обѣщаніе жениться, вступаетъ въ связь и, причинивъ невѣстѣ беременность и введя ея семейство въ расходы, женится совѣтъ на другой. Случается также, что женихъ даетъ обѣщаніе одной невѣстѣ, а родители высватываютъ за него другую, и онъ, чтобы не перечить родителямъ, женится на послѣдней. Подобная игра честнымъ словомъ, по словамъ о. Гиляровскаго, повторяется въ безчисленныхъ видахъ ежедневно *).

Посидѣлками сельской молодежи приходится пользоваться очень короткое время: погуляетъ парень двѣ-три зимы, глядишь—уже сдѣлался семейнымъ человѣкомъ. Обыкновенный возрастъ вступленія въ бракъ у крестьянъ 18—24 л.; невѣста бываетъ лѣтъ 16—18. Дѣвушка уже по достиженіи 15-ти лѣтняго возраста становится на линію невѣсть. Г. Звонковъ, описывая заключеніе браковъ у крестьянъ Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, говоритъ, что на каждые 5 браковъ обыкновенныхъ приходится 1 неразрѣшенный, когда невѣстѣ или жениху не хватаетъ полугода до установленнаго закономъ возраста. Въ прежнее время браки заключались еще раньше. Въ Мочалахъ и Питалинѣ, селеніяхъ Елатомскаго уѣзда, не такъ еще давно (лѣтъ 15—20) огручивали ребятъ 12—13 лѣтъ. При этомъ молодая сохраняла почти прежнюю связь со своею родною семьей: ей носили куклы, ублажали гостинцами, мать даже постоянно ночевала у дочки въ сватыномъ домѣ. Женихъ въ свою очередь сохранялъ старыя отношенія къ отцу; никакихъ новыхъ правъ съ женитьбою онъ не приобрѣ-

*) См. *О такъ называемой въ народѣ порчѣ браковъ вследствие суровости брачныхъ обычаевъ въ Запискахъ И. Р. Г. Об-ва по Отдѣленію Статистики*, т. V, стр. 138.

талъ: родители все также таскали его за уши, за крупные шалости полагивали и розгами. «Молодые» сначала дичились другъ друга, даже плакали первое время и жили въ страшной враждѣ. Потомъ они мало-по-малу сближались и, какъ дѣти, играли вмѣстѣ. Въ зажиточныхъ семействахъ къ нимъ приставлялась, въ качествѣ «дуэнья», какая-нибудь старушенція изъ родственницъ, обязанная неотлучно находиться при «молодыхъ», затѣвать для нихъ игры, рассказывать сказки, ширить въ случаяхъ ссоръ. Годъ-другой молодыхъ на ночь развединали, но потомъ постепенно начинали ослаблять контроль старшихъ: «дуэнья» чаще и чаще оставляла ихъ однихъ, родители становились къ нимъ снисходительнѣе и постепенно развязывали ихъ супружескія обязанности, стараясь отвлечь и отъ дѣтскихъ забавъ. Мать жениха наставляла уму-разуму сына, а мать невѣсты просвѣщала свою дочь...

При такихъ раннихъ бракахъ перевѣсъ въ возрастѣ нерѣдко оказывался на сторонѣ невѣсты. Г. Звонковъ говоритъ, что невѣста бывала и развитѣе, и старше жениха: за 13-ти лѣтняго мальчугана часто выходила 16—17-ти лѣтняя дѣвушка. До сихъ поръ сохранились шуточные рассказы о томъ, какъ молодая жена носила въ передникѣ своего супруга и отбивала отъ уличныхъ мальчишекъ. Не знаютъ только, что сказать объ этихъ отношеніяхъ: такъ же ли при этомъ слѣдили старшіе за скромностью молодыхъ, или сразу допускали между ними супружескія отношенія? По духу рассказовъ скорѣе можно склониться къ послѣднему *).

Интересно, что такія же явленія происходили совершенно въ другомъ краю—въ Приуральи. Въ Пермской губерніи сплошь и рядомъ, какъ сообщаетъ г. Пономаревъ, ему приходилось слышать отъ живыхъ еще свидѣтелей, что дѣвушки 25—30 л. отдавались за 12-ти лѣтнихъ парнишекъ. «Жены подъ вечеръ шли разыскивать своихъ мужей, заигравшихся съ ребятишками, и нерѣдко принашивали ихъ на рукахъ домой **).

Въ Саранульскомъ уѣздѣ, Вятской губ., равнымъ образомъ, въ прежнее время часто встрѣчались 14-ти лѣтніе мужья и 20-ти лѣтнія жены ***).

Въ Самарской краѣ у крестьянъ выходцевъ изъ Курской губерніи женихи точно также по большей части бывали моложе своихъ невѣстъ лѣтъ на 12.

Интересно, что наше вольное экономическое общество въ самомъ началѣ своей дѣятельности, именно въ 1768 г., обратило вниманіе на обычай вѣнчать парней съ дѣвушками, превышающими ихъ возрастомъ, и предложило на конкурсъ тему: *О вредѣ для населенія женить молодыхъ парней*

*) А. И. Звонковъ: „Современные бракъ и свадьба среди крестьянъ Тамбовской губ., Елатомскаго уѣзда“, въ *Сборникъ содѣланный для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи*, вып. I, стр. 82—83.

**) Пономаревъ-Уймомичъ: „Очерки народнаго быта“ въ *Сѣв. Вѣстникѣ* 1887 г., кн. II, стр. 52.

***) П. М. Бозаевскій: „Замѣтки о юридическомъ бытѣ крестьянъ Саранульскаго у., Вятской губ.“, въ *Сборникъ содѣланный о крестьянскомъ населеніи*, стр. 12.

на устарѣвшихъ дѣвкахъ. Хотя за разрѣшеніе этого вопроса назначена была золотая медаль въ 20 червонцевъ, отвѣта не послѣдовало *).

Выдача мальчугановъ за дѣвушекъ зрѣлаго и даже перезрѣлаго возраста объясняется важною ролью въ крестьянской семьѣ женской рабочей силы. Въ дѣвкахъ долго засиживались дочери потому, что отцы не хотѣли потерять въ лицѣ ихъ даровыхъ работницъ, въ невѣсты же побуждало ихъ избирать точно также стремленіе взять въ домъ такую работницу, не выжидая того болѣе или менѣе отдаленнаго времени, когда женихъ достигнетъ узаконеннаго возраста.

Однако, такое превышеніе возраста невѣстъ въ общемъ явленіе весьма рѣдкое. Его слѣдуетъ считать остаткомъ той старинны, когда въ установленіи брачныхъ союзовъ въ крестьянской средѣ имѣла исключительное, рѣшающее значеніе воля родителей. Теперь, когда молодежь уже создала свои силы, женить молодого парня на дѣвушкѣ гораздо старше его—дѣло мудреное.

На засидѣвшихся въ дѣвкахъ, или, какъ ихъ называютъ у крестьянъ, «перестаркахъ», женятся только парни, забракованные невѣстами, плохого рода, слабаго здоровья, зазорнаго поведенія, разорившихся семействъ и т. п. Такіе молодцы остаются сами холостыми иногда дѣтъ до 28—30. Наконецъ, «перестарокъ» берутъ за себя вдовцы, если только перестарки, съ своей стороны, не пренебрегаютъ женихами этого сорта. Г. Звонковъ объясняетъ нежеланіе перестарокъ выходить за вдовцовъ, помимо другихъ причинъ, нѣкоторыми предубѣжденіями и суевѣріями. Дѣло въ томъ, что люди, потерявшіе женъ въ молодые годы, находятся въ народѣ не совсѣмъ на хорошемъ счету. Случай смерти въ молодости среди крестьянъ болѣе тѣмъ рѣдки. Смерть мужикъ прывыкъ видѣть лишь въ старости: унести человѣка въ цвѣтущіе годы она можетъ только по особому божескому попущенію, вслѣдствіе вліянія какихъ-нибудь вредныхъ силъ. Силы эти дѣйствуютъ или непосредственно въ лицѣ разныхъ книгморъ, или при помощи злыхъ, подвластныхъ ей людей—колдуновъ. Когда умираетъ невѣста въ домѣ, родители оплакиваютъ двойное горе—потерю дочери и утрату стараго положенія въ обществѣ: на селѣ, навѣрное, пойдутъ всевозможные толки и предположенія на счетъ несчастнаго дома—розсказни о «порчѣ» покойной, «гнилости» рода, предрасположеннаго къ недугамъ, и т. под. Остались сестры и братья покойной,—можно быть увѣреннымъ, что ни одна сваха не заглянетъ къ нимъ. Если дѣвушка скончалась вскорѣ по выходѣ замужъ, простора для суевѣрныхъ предположеній еще болѣе. Чего только ни наплетутъ въ этомъ случаѣ досужіе бабьяязыки въ объясненіе такой быстрой смерти молодой! Одни говорятъ: «неко двору пришлась,—домовой задушилъ»; другія всю вину валяютъ на мужа: «мужъ-де не чистъ,—онъ свелъ въ могилу молодую». Изъ боязни поминать, однако, лихомъ покойницу, большинство склоняется на сторону

*) *Исторія Имп. Воин. Эконом. Общества.* Спб., 1865 г., стр. 369.

приписывающихъ ея смерть мужу, на котораго всё начинаютъ плести всякую-всячину: будто бы онъ по ночамъ страдалъ падучей, бѣсновался съ пѣной у рта, тиранилъ жену и т. д. Личность вдовца получаетъ, такимъ образомъ, отталкивающій характеръ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если дѣвушки всегда брезгаютъ подобными женихами: первую жену замучилъ, замучить и вторую. Вдовцы рѣдко и присватываются къ дѣвушкамъ, въ особенности, если отъ первой жены остались дѣти. По заведенному обычаю, они ищутъ себѣ невѣсть изъ вдовъ *).

Въ послѣдніе годы, какъ сообщаетъ г. Добротворскій, на возрастъ жениховъ сильно повліяла необходимость парнямъ, достигнувъ 20 лѣтъ, тянуть жребій по отбыванію воинской повинности. Бракъ обыкновенно отлагается до возвращенія изъ военной службы, въ особенности если у жениха нѣтъ никакой льготы по семейному положенію. Г. Добротворскій приводитъ небезынтересныя данныя о брачномъ возрастѣ жениховъ по одному приходу, за время съ 1868 по 1880 годъ. Оказывается, что въ періодъ 1868—74 годовъ средній ихъ возрастъ былъ 21 годъ, тогда какъ въ періодъ 1875—80 г. повысился до 24½ лѣтъ. На возрастъ невѣсть новыя условія не обнаружили никакого воздѣйствія **).

Г. Иванцидій, въ *Материалахъ* по этнографіи Вологодской губерніи, также сообщаетъ, что со времени введенія воинской повинности свадьба затѣвается только тогда, когда женихъ вышелъ изъ призывнаго возраста и по семейному положенію остался свободнымъ отъ воинской повинности, до призывнаго же возраста и до отбыванія повинности свадьбы устраиваются въ бѣдныхъ семьяхъ для того, чтобы имѣть даровую работницу ***).

Громадное значеніе въ дѣлѣ заключенія браковъ представляетъ кровное и духовное родство. Въ этомъ отношеніи взгляды великорусскихъ крестьянъ строги, хотя и не до такой степени, какъ церковныя законы. Такъ, напримѣръ, бракъ троюродныхъ брата и сестры, по крестьянскимъ понятіямъ, дѣло вполне естественное и обыкновенное; поэтому мужики очень удивляются, когда священникъ не рѣшается «крутить» такую свадьбу собственною властью, а заставляетъ подавать о томъ прошенія ко «владыкѣ». Но браковъ между двоюродными родственниками не допускается въ народѣ вовсе, потому что у него на этотъ счетъ существуетъ раздѣлимый, насколько извѣстно, и наукою взглядъ, что союзъ въ такой близкой степени родства ведетъ къ народженію болѣзненнаго потомства (слѣпыхъ, глухихъ, колченогихъ, безрукихъ и т. д.) ****).

Взгляды на значеніе близости родства при заключеніи браковъ, однако, по отдѣльнымъ мѣстностямъ довольно разнообразны (конечно, въ отношеніи частныхъ). Г. Звонковъ, напримѣръ, указываетъ, что въ мѣст-

*) Звонковъ: „Сборникъ свѣдѣній“, стр. 85—88.

**) Добротворскій: „Крестьянскіе юридич. обычаи въ восточной части Владимирской губ.“ въ *Юрид. Вѣстникѣ* 1888 г., №№ 6 и 7, стр. 324—325.

***) Иванцидій: „Материалы“, стр. 62.

****) *Юридич. Вѣстникѣ* 1888 г., №№ 6 и 7.

ностях, гдѣ населеніе утратило чистый видъ крестьянской общины и получило характеръ торгово-ремесленный, гдѣ, вслѣдствіе этого, старинные обычаи и нравственно-религіозные принципы ослабѣли, на браки въ болѣе близкихъ степеняхъ родства смотрять снисходительнѣе. Но интересно, что вездѣ въ описываемыхъ г. Звонковымъ мѣстностяхъ родство по мужской линіи считается болѣе близкимъ, чѣмъ по женской. Такъ, роднымъ сестрамъ скорѣе простительно выйти замужъ за двоюродныхъ братьевъ, чѣмъ роднымъ братьямъ жениться на двоюродныхъ сестрахъ *).

Но если въ народѣ строго соблюдается, чтобы между брачующимися не существовало близкихъ степеней родства, то на ряду съ этимъ въ отдаленныхъ степеняхъ послѣднихъ бракъ не только терпится, но даже нѣкоторымъ образомъ предпочитается всякому иному. А родствомъ у крестьянъ признается кругъ родныхъ до 8 колѣна, начиная отъ высшаго до самаго низшаго. Если родители хотять женить своего сына, то они въ выборѣ невѣсты предпочтутъ остановиться на той, которая «ихъ природы», т.-е. находится въ родствѣ къ ихъ двору въ 7 или 8 колѣнѣ. Отказываясь объяснить положительнымъ образомъ происхожденіе такого двойственнаго взгляда на родственную близость, г. Звонковъ, однако, предполагаетъ въ немъ остатки родового быта.

Духовное родство чтится народомъ очень сильно. Когда одинъ крестьянинъ, овдовѣвъ, захотѣлъ жениться вторично и присватался къ дочери своего односельца, то получилъ отказъ на томъ основаніи, что первая его жена приходилась этому односельцу крестницею; послѣдній, очевидно, признавалъ, что нельзя одному и тому же человѣку быть въ замужество послѣдовательно двухъ дочерей одного и того же отца—крестницу, духовную дочь, и затѣмъ родную. Не говоря уже о кумѣ съ кумою, и дѣти ихъ, а также крестные братъ и сестра, не могутъ ни въ какомъ случаѣ повѣнчаться другъ съ другомъ. Бракъ при кумовствѣ не признается грѣхомъ лишь въ томъ случаѣ, когда вдовецъ беретъ за себя, въ качествѣ второй жены, куму, бывшую воспріемницей его прежнихъ дѣтей. Здѣсь, по народнымъ понятіямъ, женщина становится двойнѣ матерью дѣтей своего мужа—и въ качествѣ крестной, и въ качествѣ мачихи. «Грѣха тутъ нѣтъ, что баба два раза въ матери къ нимъ была посвящена»,—говорять по этому поводу крестьяне. Но г. Добротворскій напрасно полагаетъ, что въ данномъ случаѣ народное воззрѣніе всегда сталкивается съ церковнымъ запретомъ: въ извѣстныхъ случаяхъ женитьба на кумѣ разрѣшается **).

*) Сборникъ свѣдѣній, стр. 90.

**) Юридич. Вѣстн. 1888 г., № 6 и 7, стр. 323. Въ 1870 г., по поводу прошенія нѣкоего мѣщанина Исаева вступить въ бракъ съ кумою, послѣдовало такое опредѣленіе св. синода, сообщенное ярославскому архіерею: „По соображеніи прошенія мѣщанина Исаева съ церковными правилами, оказывается: въ указѣ святѣйшаго синода 19 января—17 февраля 1810 года (Полн. собр. зак., № 24,091) постановлено: „воспріемника и воспріемницу дѣтей отъ св. крещенія разумѣть въ такомъ смыслѣ, какъ написано въ требникѣ, подъ правилами о св. крещеніи“. Въ объясненіи же требника предъ по-

Хотя при заключеніи браковъ въ настоящее время играетъ большую роль собственный выборъ брачующихся, тѣмъ не менѣе, формальная сторона дѣла, т. е. самое заключеніе браковъ, и теперь обыкновенно находится въ рукахъ родителей (разумѣется, когда бракъ совершается не самокруткой). Дѣло начинается сватовствомъ, которое бываетъ двухъ главныхъ видовъ, смотря по тому, кто ведетъ его: родители жениха или родители невесты, потому что хотя не особенно часто, но, все-таки, случается такъ, что родители невесты, нуждаясь въ мужской рабочей силѣ за отсутствіемъ сыновей, сами затѣваютъ сватовство, желая принять къ себѣ во дворъ зятя. Такіе зятя извѣстны подъ именемъ «власяней». Если у крестьянина нѣсколько дочерей, то «власяня» онъ принимаетъ обыкновенно къ младшей изъ нихъ, стараясь предварительно пристроить въ замужство, для избѣжанія излишнихъ неприятностей, и старшихъ *). Но самый обыкновенный, самый распространенный видъ, когда невеста идетъ въ домъ жениха. Въ томъ и другомъ случаѣ существенно мѣняется характеръ сватовства. Если женихъ идетъ «во дворъ», онъ безусловно получаетъ рѣшающій голосъ въ семьѣ, самъ почти и договаривается, за то невеста его теряетъ долю активной роли: «не въ чужіе люди отдають ее отецъ съ матерью: жить она будетъ, какъ и прежде,—такъ нечего ее и спрашивать». Беретъ женихъ невесту въ домъ отца—онъ уже не обладаетъ тѣмъ полномочіемъ, какъ въ первомъ случаѣ. Новый человекъ принимается въ семью: хорошъ ли онъ, плохъ ли,—это существенный вопросъ для всей жениховой семьи, въ которой самъ женихъ только одинъ изъ членовъ, въ которой есть родители, обязанные прежде всѣхъ блюсти общіе интересы **).

Когда бракъ начинается сватовствомъ съ жениховой стороны (а такъ онъ заключается въ крестьянствѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ), то онъ соединяется со многими церемоніями, которыя, почти всюду, имѣютъ болѣе или менѣе общій характеръ: нѣкоторыя отличія по мѣстностямъ касаются почти только различныхъ частныхъ.

Порѣшивъ между собою, что сына пора уже женить, родители, если онъ не избралъ еще невесты самъ, предлагаютъ ему на выборъ нѣсколькихъ примѣченныхъ ими дѣвушекъ. Такимъ образомъ, собственному выбору жениха здѣсь предоставляется большой просторъ. Дѣло родителей—благословить жениха, такъ сказать, санкціонировать выборъ.

слѣдованіемъ крещенія наложено: „единъ долѣетъ восприемникъ, аще мужскій полъ есть крещаемый; аще женскій, томо восприемница“. Руководствуясь точнымъ смысломъ сего объясненія, св. синодъ неоднократно признавалъ, что духовное сродство должно быть считаемо лишь между родителями крещаемого младенца и восприемлющими онаго лицами одинаковаго съ нимъ пола. На семъ основаніи святѣйшій синодъ предоставилъ преосвященному Иоаннаану, епископу ярославскому, разрѣшить бракъ мѣщанина Исаева съ дѣвцею Давидовою, которая воспринимала у Исаева при св. крещеніи сына, если для повѣчанія этихъ лицъ нѣтъ другихъ законныхъ препятствій“. (И. Вр. 1880 г., № 1504).

*) Юридич. Вѣстникъ 1889 г., №№ 6 и 7, стр. 272.

***) Сборникъ свѣдѣній, стр. 72 и 73.

Когда вопрос о выборѣ невѣсты порѣшится, засылаютъ въ домъ послѣдней свахи, болѣею частью старушку изъ родственницъ (чаще всего тетку жениха). Но бываютъ, такъ сказать, и свахи профессиональныя, занимающіяся этимъ дѣломъ, какъ ремесломъ. Одѣвшись, какъ подобаетъ, въ виду важности порученія, сваха отправляется къ родителямъ невѣсты и, чинно войдя въ избу и помолясь на иконы, начинаетъ обыкновенно рѣчь издалека, иносказательно, разными аллегоріями, смыслъ которыхъ, тѣмъ не менѣе, всегда совершенно ясенъ всѣмъ, «кому вѣдать надлежитъ». Сваха, напримѣръ, обращаясь къ родителямъ (точнѣе—къ матери невѣсты), говоритъ: «не было снѣга—не было слѣда; снѣгъ выпалъ и слѣдъ къ невѣстамъ выпалъ»; «изъ такого-то двора пропала лебедь бѣлая,—не къ вамъ ли на дворъ она сѣла?» Когда родители невѣстны не желаютъ выдавать свою дочь, они отвѣчаютъ на эту аллегорію, что «не знаемъ, моль, куда залетѣла ваша лебедь бѣлая,—къ намъ не прилетала», или что-нибудь въ такомъ родѣ. Тогда свахѣ остается одно—удалиться во свояси. Если же родителямъ невѣсты парень приходится по сердцу, вопросы свахи встрѣчаютъ болѣе или менѣе любезный отвѣтъ, и начинается уже настоящее сватовство. Со стороны свахи слѣдуетъ новый, уже болѣе прямой вопросъ: «не желаютъ ли породниться, сдѣлаться родичми?» Мать отвѣчаетъ, что «такую родней мы де не брезгуемъ».

Аллегорическіе приступы къ сватовству, практикуемые свахами, вѣроятно, для того, чтобы, въ случаѣ надобности, во-время остановиться въ дѣлѣ сватовства, чтобы «фіаско» не было слишкомъ очевидно, а потому огорчительно, не вездѣ, впрочемъ, соблюдаются. Въ Арзамасскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, по словамъ г. Пономарева, дѣло ведется напрямки и родителей невѣсты безъ всякихъ околичностей спрашиваютъ:

— Отдашна ли у васъ дочь?

— Отдашна.

Сообразно съ тѣмъ или другимъ отвѣтомъ получаетъ оборотъ и дѣло сватовства.

Сваха, конечно, всѣми силами старается разукрасить жениха, приписывая ему часто такія личныя достоинства и богатство, какими онъ вовсе и не обладаетъ. На эту обычную недобросовѣстность свахъ указываютъ и нѣкоторыя пѣсни. Въ одной, наприм., пѣснѣ говорится:

„Охъ смутница, взбаломутница,
Сходатая (?) сваха!
Ты смутила, взбаломутила
Свѣтъ-Марьюшку замужъ:
Ты сказала, что у Ивана
Семь коровъ доенныхъ...
Одна была коровенка—
И та телушенка“ *).

Когда свахино предложеніе встрѣчено сочувственно, она отправляется

*) *Ворон. Епарх. Вид.* 1885 г., с. Ксизово, стр. 721.

домой съ отчетомъ о благопріятныхъ результатахъ своего посольства. Родители невѣсты по ея удаленіи совѣщаются другъ съ другомъ; не забываютъ они спросить добраго совѣта и у своихъ отца и матери, буде тѣ еще живы, и уже послѣ того сообщаютъ о визитѣ свахи своей дочери, которая обыкновенно встрѣчаетъ извѣстіе слезами, хотя бы женихъ былъ ей и по праву. Если же женихъ не по сердцу, начинаются такіе вопли, что родителямъ, коли у нихъ не окончательно окаменѣло сердце, приходится волей-неволей отказаться отъ выдачи дочери въ замужство за человека, котораго предлагала сваха. Случаи насильственныхъ браковъ въ настоящее время, къ счастью, гораздо рѣже, чѣмъ прежде.

Во многихъ мѣстахъ, послѣ того, какъ такимъ образомъ положено начало сватовству, мать невѣстина вмѣстѣ съ какою-нибудь родственницей, а то и съ самою невѣстой, отправляется смотрѣть домъ и хозяйство жениха. Она безъ церемоніи обходитъ избу, клѣти, амбаръ, высматриваетъ, сколько запасаемо хлѣба. Обычай осмотра распространенъ по Великороссіи очень широко; онъ существуетъ въ Вологодской, Нижегородской, Владимирской, Курской, Ясковской губерніяхъ *). Въ Псковской губерніи такой осмотръ называется «дыжничаньей». Во Владимирской и Нижегородской губерніяхъ, какъ сообщаетъ г. Пономаревъ, обычай требуетъ, чтобы невѣста съѣздила къ жениху со всѣми родственниками и многочисленною свитой дѣвушекъ, т.-е. всенародно, поглядѣть у жениха «шестокъ». Всѣ идутъ къ шестку, открываютъ заслонку, заглядываютъ въ печку и трубу. Ухваты и кочерги на этотъ разъ обвязываются ленточками, а шестокъ накрываются скатертью. На немъ готовятъ подарокъ невѣстѣ—сенецъ на платье на поднось. Тутъ угощаютъ. Это, по мнѣнію г. Пономарева, несомнѣнно, прикосновеніе къ новому очагу; если припомнить, какую роль игралъ вотарину, какъ сѣдалище предковъ и престолъ, то станетъ понятенъ и этотъ обычай. Жаль, что г. Пономаревъ не указываетъ, къ какой стадіи брачныхъ церемоній относится обычай осмотра шестка. Надо полагать, что онъ, судя по подаркамъ невѣстѣ и по публичности, съ какою совершается, не соответствуетъ первоначальному ознакомленію съ хозяйствомъ жениха ближайшихъ родныхъ невѣсты.

Приготовляясь къ осмотру, женихъ старается показать свое хозяйство въ лучшемъ видѣ, для чего прибѣгаетъ подчасъ и къ подлогу. Въ Псковской губерніи бѣдный крестьянинъ показываетъ чужой хлѣбъ, чужой скотъ, а иногда даже чужую избу выдаетъ за свою собственную. То же практикуется и въ Владимирской и Нижегородской губерніяхъ **). При сильномъ желаніи осватать невѣсту, родные жениха стараются, кромѣ того, задобрить невѣстину мать обильнымъ угощеніемъ, зная очень хорошо, что отъ впечатлѣнія, вынесеннаго послѣднею изъ посѣщенія жени-

*) *Нижегород. сборникъ*, т. V, стр. 154. *Этнограф. сборникъ*, т. V, „Бытъ курскихъ крестьянъ“, стр. 24. *Юрид. Вѣстникъ* 1888 г., № 6 и 7, стр. 329. Н. А. Кошкинъ: „Материалы по этнографіи Вологодской губерніи“, стр. 75.

**) Ibid.

хова дома, зависить исходъ всего дѣла. Если мать невѣсты осталась всёму довольна, она приглашаетъ жениха съ его родней къ себѣ, если же нѣтъ — приглашенія съ ея стороны не дѣлается, и тогда сватовство разстраивается.

При благоприятномъ ходѣ сватовства, жениховы родители отправляются къ невѣстѣ сами, часто въ сопровожденіи жениха, а мѣстами и многочисленной свиты родныхъ. Въ Арзамасскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, когда невѣста «отдашна», присватавшійся паренъ идетъ къ ней съ оравой родственниковъ, человекъ въ 8—10. Невѣста выходитъ, кланяется пришедшимъ и останавливается у порога. Всѣ ее осматриваютъ.

— Люба ли тебѣ невѣста?—спрашиваютъ жениха тутъ же.

— Она-то мнѣ люба. Не знаю, я-то ей гождь ли.

— Богда молчить, значить, гождь.

Потомъ жениха оставляютъ съ невѣстою наединѣ. Тотъ ее пытается: «Ну-ка, пройди,—не хромая ли? Ну-ка, взгляни,—не слѣпая ли?» Невѣста въ свою очередь точно такимъ же манеромъ пытается жениха.

Въ Вологодской губерніи невѣстѣ устраивается настоящій экзаменъ. Богда пріѣдетъ въ невѣстинъ домъ женихова родня со сватомъ во главѣ, послѣдній говоритъ дѣвушкамъ: «Ну-ка, невѣста, попряди!» Невѣстѣ подають пряслице, и она прядетъ нитки; когда сдѣлаетъ на веретенѣ приѣма три, ее останавливаютъ словами: «дородно, довольно». Затѣмъ, по знаку жениха, свать говоритъ невѣстѣ: «Ну-ка, невѣста, пройди по полу, — не хромая ли?» Та проходитъ вдоль избы, подходитъ къ жениху и въ свою очередь просить: «Побезпокойтесь и вы пройти по полу, не хромы ли?» Тотъ исполняетъ. Далѣе свать ставитъ обоеихъ рядомъ: «Ну-те-ка, помяряться ростомъ». Женихъ становится плечомъ къ плечу, и всѣ зрители голосятъ: «ровня, ровня», или «пара, пара». Но кто изъ двухъ ростомъ не вышелъ, того поднимають на смѣхъ.

Эта процедура называется «смотринами», «смотрушками», «глядинами».

Одновременно съ ними происходитъ сговоръ, «лада», «рукобитье», «ряда» *). Въ этомъ актѣ какъ нельзя болѣе обнаруживается договорный характеръ брачнаго союза въ крестьянской средѣ, именно характеръ купли-продажи невѣсты, хотя договорная сторона брака проглядываетъ и въ нѣкоторыхъ другихъ касающихся его юридическихъ дѣйствіяхъ **). При сговорѣ

*) Но есть мѣстности, гдѣ рукобитье бываетъ въ самый дѣвичникъ. См. *Дерсона Дняская Гора*, этнографич. очеркъ В. Вильера де-Лиль-Адама въ *Запискахъ по Отдѣлу. Этнографія*, т. IV, стр. 290.

***) Каковы: 1) уплата неустойки, если о ней было условлено въ договорѣ; 2) возвращеніе подарковъ, залоговъ и кладки; 3) потеря залоговъ или подарковъ, которые играютъ роль залоговъ; 4) уплата расходовъ, сдѣланныхъ по поводу готовившейся свадьбы; 5) уплата такъ называемаго безчестья, т.-е. личнаго оскорбленія, за какое принимается отказъ отъ брачнаго договора; 6) уголовное наказаніе, если нарушеніе брачнаго договора осложнилось какими-нибудь обстоятельствами, увеличивающими, въ глазахъ суда, отвѣтственность подсудимаго. См. А. Ефименко: *Исследования народной жизни*, стр. 17 и 18. Замѣтимъ здѣсь кстати, что г. Сумцовъ въ послѣ-

родители жениха и невесты уговариваются, ладят между собою дѣло, рядятся, бьютъ по рукамъ и пропиваютъ невесту. Рядятся о такъ называемой кладкѣ (иначе клажа, выводъ, выкупъ), т.-е. о платѣ, которую долженъ внести за невесту ея роднѣ женихъ.

Пешель, разсматривая въ своемъ известномъ трудѣ заключеніе браковъ куплею, не говоритъ о существованіи этого способа у великоруссовъ. Если ему вѣрить, то этотъ способъ практикуется лишь у кафровъ, абияновъ и патагонцевъ и тамъ, гдѣ господствуетъ исламъ *). Въ дѣйствительности заключеніе брака куплею распространено гораздо шире. Такъ, въ Великороссіи обычай кладки существуетъ почти повсемѣстно. Его никакъ нельзя объяснить вліяніемъ финскаго племени, какъ полагають нѣкоторые изслѣдователи **).

Уговоры о кладкѣ принимаютъ обыкновенно характеръ настоящаго торга, потому что каждой сторонѣ хочется обладать дѣлою повыгоднѣе для себя.

«Ну, что же, сватьяшка, кончатъ, что ли, дѣло-то?» — спрашиваетъ жениховъ отецъ невестина. — «Кончайте, пожалуй, — отвѣчаетъ тотъ. — Много ли на столъ положите?» — «Рублей пятнадцать дадимъ». — «И, полно, какъ можно эдакую цѣну? Да мнѣ за старшую положили 20 дѣлговыхъ: тогда

дованіи *О свадебныхъ обрядахъ преимущественно русскихъ* (Харьковъ, 1881 г.) совершенно выдѣляетъ изъ договорнаго бракосочетанія куплю-продажу. Юристы обыкновенно къ числу договоровъ относятъ: мѣну, куплю-продажу, поставку, запродажу, заемъ и т. д., у г. же Сумцова купля-продажа — сама по себѣ, а договоръ самъ по себѣ. Къ свадебнымъ обрядамъ, въ которыхъ сказалась купля-продажа невесты, г. Сумцовъ причисляетъ: 1) сватовскую формулу: „у васъ — товаръ, у насъ — купецъ“, 2) пропой невесты, 3) продажу косы, 4) прикосновеніе къ челу невесты серебряной монетой, 5) осмотръ невесты, 6) выкупъ мѣста около невесты или ея сундука женихомъ, 7) рукобитие и 8) подмигъ невесты (*Сумцовъ*, стр. 26 — 27). Договорную сторону брака г. Сумцовъ усматриваетъ: 1) въ обрядовомъ спрашиваніи у жениха и невесты ихъ согласія на бракъ, 2) въ спросѣ сватовъ у невесты позволенія ввести жениха въ избу и т. д. (*Сумцовъ*, стр. 33). Въ виду ошибочнаго разъединенія купли-продажи и договора, все построенное на немъ перечисленіе свадебныхъ обрядовъ теряетъ свое значеніе.

*) Наприм., г. И. Тютрюмовъ (см. *Русск. Рѣчь* 1879 г., кн. II). Распространеніе кладки въ коренныхъ великорусскихъ губерніяхъ, гдѣ финновъ нѣтъ и въ поминѣ, въ достаточной степени говоритъ въ пользу того, что финны тутъ не причемъ. Неизвѣстно, на какомъ основаніи, г-жа Агренева-Славянская, въ своемъ *Описаніи русской крестьянской свадьбы*, утверждаетъ, что выкупъ за невесту платится только въ Олонецкой губерніи, отчасти въ Вологодской и въ нѣкоторыхъ старообрядческихъ деревняхъ Сибири, тогда какъ „въ нашей средней полосѣ Россіи, прежде всего, невестини родители платятъ жениховымъ отъ 15 до 50 руб. и даже больше, — словомъ, невеста покупаетъ себѣ жениха“ (*Описаніе*, ч. II, стр. 83—84). Покупка жениха невестой не только идетъ въ разрѣзъ со всѣми фактами, но просто противорѣчитъ смыслу.

**) *Völkerkunde*. Leipzig, 1881, S. 227. Впрочемъ, игнорированіемъ русскихъ брачныхъ обычаевъ страдаютъ и другіе иностранные труды по „фольклору“, даже специально посвященные вопросу о бракѣ, каково, наприм., замѣчательное изслѣдованіе Вилькена о первобытныхъ формахъ брака и происхожденіи семьи, гдѣ доказывается, что плата за невесту представляетъ собственно ценю, которою женихъ откупался отъ мести ему съ невестиной стороны, такъ какъ умиланіе невесты (примитивная форма брака) считалось обидою, которая должна была быть смыта кровью похитителя.

времена были другія. — «Ну, шубу суконную дадимъ». — «Да мнѣ что въ вашей шубѣ? У нея и своя есть; нѣтъ, и на то не поидемъ!»

Размѣръ кладки, разумѣется, опредѣляется, прежде всего, достаткомъ жениха, но въ общемъ онъ бываетъ довольно значителенъ для крестьянскаго парня. Въ Нижегородскомъ уѣздѣ богатый женихъ владеть невѣстѣ 50—100 р., бѣдный 25—50; въ Семеновскомъ уѣздѣ, той же Нижегородской губерніи, кладка, смотря по состоянію жениха, простирается отъ 10 до 70 руб. сер. *). Въ Елатомскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, женихъ обязанъ уплатить рублей 25 деньгами и сдѣлать полный костюмъ для невѣсты **).

Впрочемъ, утверждать, что бѣдность жениха обуславливаетъ пониженіе кладки всегда и вездѣ, было бы несоотвѣтственно фактамъ дѣйствительной жизни. Незавидная обстановка семьи парня, ея бѣдность, нерѣдко, наоборотъ, дѣйствуетъ неблагопріятно на невѣстину сторону, производитъ на нее невыгодное впечатлѣніе и вызываетъ, въ силу этого, требованіе родителями невѣсты болѣе высокой кладки. Бѣднякъ, при такихъ обстоятельствахъ, если не желаетъ остаться безъ жены, долженъ волей-неволей давать, что просять, и входить въ долги.

Кромѣ указанныхъ обстоятельствъ, на величину кладки вліяютъ также качества жениха и невѣсты; принимаются мѣстами при этомъ въ соображеніе и условія жизни въ будущей семьѣ. Физическіе недостатки парня, его поведеніе, злая, сварливая свекровь или неласковый свекоръ, — все это при рядѣ, какъ говорится, «ставится въ строку». Г. Чепурный, на основаніи рѣшеній волостныхъ судовъ, замѣчаетъ, что количество кладки зависитъ отъ красоты и здоровья невѣсты ***). Свящ. Гуляевъ, въ своей статьѣ *Финансовая сторона крестьянской свадьбы въ с. Васильевомъ Майданѣ*, говоритъ, между прочимъ, что въ томъ случаѣ, когда бракъ заключается между односельчанами, крайнія цифры кладки 5—15 рублей, но когда невѣста выходитъ въ сосѣднія селенія къ крестьянамъ-рогожникамъ, то цифра кладки поднимается до 40 р. Причиной возвышенія кладки служитъ здѣсь то обстоятельство, что крестьянинъ-мочальникъ, взявъ себѣ въ домъ сноху, «ставитъ ее къ мочаламъ», т.-е. заставляетъ участвовать въ мочальномъ промыслѣ. Кромѣ оцѣнки въ снохѣ обыкновенной рабочей силы, въ данномъ случаѣ принимается въ соображеніе невыгодное матеріальное положеніе ея въ семьѣ рогожника. Женщина-мочальница въ теченіе зимы рѣдко когда возмется за веретено; у нея въ сундукѣ бываетъ мало запасныхъ холстовъ: ей трудно бываетъ иногда одѣть свою семью, если мужъ не насинитъ ей пряжи и не дастъ изъ своихъ заработковъ денегъ на покупку бумаги ****). Можно допустить, что при возвы-

*) *Нижегор. сборн.*, III, стр. 216 и 148.*

***) *Звонковъ*, стр. 101.

****) *Къ вопросу о юридическомъ бытѣ: устройство и состояніе волостной юстиціи въ Тамбовской губ.* Отгискъ изъ *Кіевск. Унив. Извѣстій* 1879 г., стр. 29.

*****) *Нижегор. сборн.*, V, стр. 294.

шенія кладки за будущихъ рогожницъ принимается въ соображеніе и довольно вредное вліяніе промысла на здоровье.

Исследователь нашихъ юридическихъ обычаевъ, П. А. Матвѣевъ, утверждая, что кладка не есть покупка неvěсты, а выкупъ «коробы» (сундука съ приданымъ) и вознагражденіе семьи неvěсты за свадебныя издержки, въ доказательство своихъ словъ приводитъ, прежде всего, то обстоятельство, что размѣръ кладки будто бы опредѣляется не качествами неvěсты *). Приведенные нами факты какъ разъ показываютъ, что именно качества неvěсты играютъ большую роль въ кладкѣ.

Кладка обыкновенно идетъ на заготовленіе приданого самой же неvěстѣ, на покупку нарядовъ ей и жениху и даже родственникамъ послѣдняго и на устройство свадебнаго пира.

По словамъ г-жи Ефименко, кладка получаетъ большее и большее распространеніе во внутренней Россіи, и ее принимаютъ крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, которые, будто бы, вслѣдствіе особенностей своего положенія, не могли имѣть этого обычая раньше **). То же говорить и г. Назарьевъ, въ любопытной статьѣ *Современная мумія*, приписывая заимствованіе обычая кладки бывшими крѣпостными у «вольныхъ» крестьянъ послѣ 19 февраля. При неожиданной, словно съ неба свалившейся, свободѣ, наша крестьянка, ничего хорошенько не понимая, не соображая, какъ и почему это сдѣлалось, поспѣшила, по словамъ г. Назарьева, ею воспользоваться и, въ то же время, разогнувъ свой горбъ и заливаясь благимъ матомъ на весеннихъ хоровахъ, возмечтала о болѣе пріятномъ— о красныхъ сарафанахъ и турецкихъ платкахъ. Это-то естественное желаніе имѣть цвѣтные сарафаны и турецкіе платки, вмѣсто намозолившихъ глаза домотканыхъ, и вызвало, по словамъ г. Назарьева, кладку, размѣры которой, увеличиваясь все болѣе и болѣе, на первомъ же шагѣ подрываютъ согласіе молодой четы нескончаемыми упреками, ожидающими молодую,—упреками, нерѣдко оканчивающимися полнымъ разладомъ ***). Но мнѣнія г. Ефименко и г. Назарьева противорѣчатъ фактамъ, такъ какъ имѣются ясныя и опредѣленныя указанія на существованіе кладки у крѣпостныхъ крестьянъ уже до ихъ освобожденія ****).

Относительно вліянія на кладку освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости можно только сказать, что этотъ актъ повелъ къ увеличенію ея размѣровъ. Прежде, во время крѣпостнаго права, каждый бѣднякъ имѣлъ возможность за 50 или 70 к., а много за рублевку, получить въ жены, по барскому приказу, ту или другую дѣвицу. Нынѣ не то: дѣвица свободна; бурмистръ ее въ «холодную» не посадить, и женихъ безъ всякихъ съ своей стороны расходовъ взять за себя ее не можетъ *****).

*) *Извѣстія И. Р. Г. О-ва* 1877 г., отд. I, стр. 31.

***) *Изследования народной жизни*, стр. 14 и 15.

****) *Вѣстн. Евр.* 1872 г., № 2.

*****) *Этногр. сборн.*, выд. I (1853 г.), стр. 45.

*****) *Нижегор. сборн.*, V, стр. 295.

Что касается приданого, то составъ его, разумѣется, разнообразится въ зависимости отъ достатковъ невѣсты и другихъ причинъ. Оно можетъ состоять изъ вещей и изъ скота. По словамъ г. Добротворскаго, во Владимірской губ. у каждой выходящей замужъ дѣвушки должны быть слѣдующіе предметы: 1) бѣлье, одежда и холсты; 2) различные рабочіе инструменты, необходимые въ семьѣ каждой женщины, именно: гребень для пряжи льна, мочешникъ, пара челноковъ, бердо для тканья (станъ дается въ приданое лишь по особому соглашенію сторонъ), цѣвка для сканья нитокъ, скальница, сѣнныя грабли, цѣпь, серпъ и всякая хозяйственная мелочь, кончая наперсткомъ, нитками и иголками, и 3) постель, состоящая у бѣдныхъ изъ войлока и пары подушекъ, у болѣе же зажиточныхъ — изъ двуспальной перины и 2—3 подушекъ. Такой составъ приданого можно признать за норму. Поэтому при стговорѣ, когда заключается условіе о кладкѣ, свадьбѣ и т. п., относительно состава приданого, по словамъ г. Добротворскаго, почти никогда не бываетъ и рѣчи. Вторую и третью части приданого, т. е. постель и хозяйственные предметы, невѣста получаетъ обыкновенно отъ своихъ родителей, но наряды, холсты, бѣлье и принадлежности одѣянія дѣвушка должна запасти сама, и ради этого для нея, когда ей мнѣтъ лѣтъ 13—14, отводится участокъ земли подъ ленъ, который и идетъ въ ея пользу. Всѣ хозяйственные орудія, холсты и т. п. должны быть заготовлены невѣстою въ такомъ количествѣ, чтобы ей не приходилось обращаться за ними къ роднымъ мужа, если только она не желаетъ натолкнуться на непріятности. Свекровь и золовки не дадутъ ни ей, ни мужу не только полотенца, но даже простой тряпки, чтобы утереть лицо при умываньи. Бѣда, если еще при этомъ у молодыхъ появится ребенокъ, — тогда молодухѣ придется рвать свое и мужнино бѣлье.

Скотъ дается не всегда и не вездѣ. Прежде, когда у крестьянъ было сѣнокосовъ болѣе и скотоводство находилось въ лучшемъ положеніи, родители невѣсты давали ей и скотъ. Теперь же такой обычай уцѣлѣлъ только тамъ, гдѣ есть еще достаточно покосовъ.

Обыкновенно, когда рѣшенъ вопросъ о кладкѣ, совершается молитва и рукобитіе между родителями брачующихся. Рукобитіе дѣлается обвернутыми въ полы платья руками, чтобы молодые жили не голо. Существуетъ мѣстами обычай срѣзать при этомъ верхушку каравая въ знакъ того, что невѣста, выходя въ замужество, становится для своей родной семьи «отрѣзаннымъ ломтемъ» (*Звонокъ*, стр. 101). Вѣроятно, такое же значеніе имѣеть и обычай переламывать пирогъ, послѣ троекратнаго проведенія имъ чрезъ соединенныя руки родителей жениха и невѣсты (Пошехонск. уѣздъ, Яросл. губ.).

Такъ какъ рукобитіе соединяется обыкновенно съ выпивкою, то оно называется также пропоемъ невѣсты. О пропоѣ говорятъ народныя свадебныя пѣсни. Въ одной пѣснѣ (Новгор. губ.), наприимѣръ, невѣста жалуется на мать:

„Пропояла меня родимая матушка
Что за винную за чарочку“.

Въ другой (Тверской губ.) она плачется на отца:

„Пропой ты меня, родный батюшка,
За стаканъ пива пьянаго,
За рюмку вина зеленого...“

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проповь бываетъ цѣлыхъ два—малый и большой или коренной (*Помомаревъ*, стр. 50) *).

Рукобитье - пропой въ крестьянскомъ быту считается дѣломъ большой важности, и отказаться послѣ него отъ брака признается грѣхомъ. При пропой невѣста или ея мать подносятъ жениховой роднѣ подарки. Впрочемъ, подарки дѣлаются и въ другіе фазисы свадебныхъ церемоній.

Промежутокъ времени отъ акта пропоа до самой свадьбы бываетъ весьма различный — отъ недѣли и трехъ недѣль до полугода и даже болѣе. Довольно много времени проходитъ до свадьбы, наприм., у крестьянъ въ Елатомскомъ уѣздѣ, Тамбовской губ. Здѣсь женихъ нерѣдко послѣ стоговора уходитъ на заработки; посылаютъ его больше сами родители, чтобы онъ зашибъ лишнюю копѣйку на свадьбу; ходитъ онъ и по своей охотѣ, если нѣтъ отца и хозяйство въ разстройствѣ (*Звонковъ*, стр. 104). Но извѣстно, что отхожіе промыслы, особенно земледѣльческіе, въ виду шаткости «видовъ на урожай», представляютъ большой рискъ: часто рабочіе, надѣявшіеся на получение большихъ заработковъ, возвращаются домой съ пустыми руками, питааясь подаяніемъ **). Само собою разумѣется, что такіе результаты отхода должны отзываться крайне невыгодно на заключеніи браковъ, разстраивая въ конецъ всѣ финансовыя расчеты неудачниковъ.

Временемъ для вѣнчанія свадебъ избирается обыкновенно осенній мѣсяцъ, т. е. октябрь и ноябрь, до начала рождественскаго поста и промежутокъ времени отъ Новаго года до Четырнадцатницы. Такъ, на среднее число браковъ, заключенныхъ въ губерніяхъ Европейской Россіи за періодъ времени съ 1871 по 1880 годъ, въ 592,512 приходилось на октябрь 106,566, на ноябрь 87,382, на январь 146,810 и на февраль 74,960 ***); на всѣ прочіе мѣсяцы упадало, такимъ образомъ, бра-

*) Въ описаніяхъ свадебныхъ обычаевъ с. Оленина, Горбатовскаго у., и с. Борисовскаго, Нижегородскаго у., говорится о пропой, какъ объ актѣ особомъ отъ рукобитья и совершаемомъ значительно позже самаго рукобитья (*Нижег. сборн.*, вып. V, стр. 156 и 214). Такъ какъ рукобитье безъ угощенія и выпивки, во всякомъ случаѣ, не обходится и въ этихъ мѣстахъ, то не представляетъ ли упоминаемый въ названныхъ описаніяхъ пропой второго? Во Владимирской губ., Вельскомъ уѣздѣ Вологодской, Лужскомъ Петербургской, рукобитье происходитъ наканунѣ свадьбы (*Добротворскій*, Ю. В. 1888 г., № 6 и 7, стр. 381; *Этногр. сборникъ*, т. V; *Записки по Отд. Этнографіи*, т. IV, стр. 290).

**) См. нашу ст. *Значеніе отхожихъ промысловъ въ жизни русскаго крестьянства въ Дѣлѣ 1887 г.*, № 2.

***) Хотя данныя эти, заимствованныя изъ *Сборника свѣдѣній по Россіи*, издав. центр. стат. комитетомъ, обнимаютъ не одно православное крестьянское населеніе, тѣмъ не менѣе, въ виду подавляющей, громадной численности послѣдняго, онѣ могутъ служить для общихъ выводовъ.

ковъ 176,794 или только 29% общаго ихъ числа. Весна и лѣто представляютъ глухое время для заключенія браковъ, потому что сельско-хозяйственныя работы поглощаютъ тогда все вниманіе крестьянства; съ другой стороны, въ это время и экономическія причины не позволяютъ сельскому жителю думать о бракѣ: весной и лѣтомъ хлѣбные запасы у крестьянъ успѣваютъ уже истощиться, а надежды на будущій урожай тогда представляются еще крайне туманными и неопредѣленными. Существуют и нравственно-религіозные мотивы сокращенія браковъ въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы. Въ маѣ жениться нельзя на томъ основаніи, что кто женится въ маѣ, тотъ весь вѣкъ будетъ маяться. Въ іюнѣ бываетъ Петровъ постъ, въ августѣ половину мѣсяца занимаетъ постъ Успенскій. Только съ осени, преимущественно съ октября, когда сельскій людъ успѣетъ уже подвести итогъ полученному урожаю, начинается въ крестьянскомъ мірѣ оживленіе—наступаетъ настоящій сезонъ свадебъ. На увеличеніе браковъ съ октября мѣсяца вліяютъ и религіозные мотивы. Дѣло въ томъ, что 1 октября бываетъ праздникъ Покрова Пресв. Богородицы, а Покровъ считается покровителемъ свадебъ, и сельскія дѣвушки молятся тогда о скорѣйшемъ выходѣ въ замужство. Онѣ считаютъ своимъ непремѣннымъ долгомъ побывать въ этотъ праздникъ въ церкви; нѣкоторыя ставятъ свѣчи передъ иконою Покрова Богородицы и вообще стараются провести весь этотъ день весело, въ увѣренности, что «если Покровъ весело проведешь, дружка милаго найдешь». «Покровъ Пресвятая Богородица,—приговариваютъ онѣ,—покрой мою бѣдную головку жемчужнымъ кокошникомъ, золотымъ подватыльникомъ». «Мать Покровъ! покрой землю снѣжкомъ, меня молодую платкомъ». Такое вѣрованіе относительно праздника Покрова г. Калининскій объясняетъ тѣмъ, что у многихъ народовъ, въ частности у {славянъ,} какъ встарину, такъ и теперь, покрывало или фата считается очень важною свадебною принадлежностью и служитъ вообще признакомъ замужства. По нѣкоторому же сходству покрывала свадебнаго съ покровомъ или омофоромъ Пресв. Богородицы, съ которымъ она предстательствовала и молилась за людей, простой народъ усвоилъ празднику Покрова покровительство надъ бракомъ. Такимъ образомъ, увеличеніе заключенія браковъ послѣ Покрова надо приписать сколько экономическимъ, столько же и религіознымъ мотивамъ.

Послѣ затишья, вслѣдствіе Рождественскаго поста, въ январѣ начинается еще болѣе усиленное заключеніе браковъ. Намѣревающіеся жениться спѣшатъ воспользоваться мясоѣдомъ, чтобы не откладывать на довольно длинный срокъ до апрѣля, мая и даже (принимая въ соображеніе «опасность» для свадебъ мая мѣсяца и постный характеръ іюня) до самаго іюля. Въ зимнемъ сезонѣ заключенія браковъ очень рѣзко бросается въ глаза вліяніе на увеличеніе и уменьшеніе ихъ числа въ январѣ мѣсяцѣ близости Великаго поста. Вліяніе это лучше всего можно прослѣдить по слѣдующимъ даннымъ:

		Число браковъ:	
Сыропустъ.		Въ январѣ.	Въ февралѣ.
1870 г.	февраля 22	120,199	121,741
1872 »	» 27	119,309	129,761
1875 »	» 23	135,095	143,512
1878 »	» 26	104,264	112,913
1880 »	марта 2	127,552	152,717
<hr/>			
1871 г.	февраля 7	189,823	9,686
1874 »	» 10	180,181	13,917
1877 »	» 6	149,226 *)	10,670
1879 »	» 11	193,514	26,889

Изъ этихъ цифръ видно, что въ тѣ годы, когда начало Великаго поста приходилось на послѣднія числа февраля или первыя марта, т.-е. было позднее, число браковъ въ февралѣ превышало количество ихъ въ январѣ, когда же начало поста приходилось на первыя числа февраля, число февральскихъ браковъ упало до ничтожныхъ размѣровъ.

Невѣста задолго до вѣнчанія оставляетъ свойственное молодости веселое времяпровожденіе, отстаётъ отъ дѣвичьихъ игръ и пѣсенъ, на посидѣлки ходитъ рѣже, а если появляется на нихъ, то лишь чтобы «попить» съ подружками, подѣлиться съ ними своимъ горемъ.

Извѣстный изслѣдователь великорусской пѣсни, г. Вестфаль, указываетъ въ этихъ обычаяхъ отпечатокъ глубокой древности. Онъ говоритъ: «Русскій крестьянскій бытъ сохранилъ изъ первобытнаго арійскаго времени въ полной жизненной свѣжести и естественности тѣ черты, которыя у Катулла на первый взглядъ имѣютъ видъ чрезвычайно поэтической гиперболы, въ особенности этотъ страхъ жалобно плачущей невѣсты, съ ужасомъ думающей о томъ, какъ ее силой разлучатъ съ милыми родными и отдадутъ чужому человѣку какъ плѣнницу врагу:

Natam complexu avellere matris,
Complexu matris retinentem avellere natam,
Et juveni ardentі castam donare puellam; -
Quid faciunt hostes capta crudelius urbe?

«Тѣ же самыя черты древнеримскаго свадебнаго обряда вызвали сказаніе о похищеніи сабинянокъ и составляютъ въ индусскомъ законѣ Ману пятую форму вступленія въ бракъ, которая совершается похищеніемъ (уводомъ) и называется бракомъ *ракшаса*. Вотъ почему въ русской сельской свадьбѣ со дня обрученія подруги невѣсты, *innuptae virginis*, собираются каждый вечеръ какъ бы для охраны невѣсты, шьютъ на нее одежду и за шитьемъ поютъ жалобныя пѣсни, которыя невѣста сопровождаетъ то тихимъ плачемъ, то громкимъ рыданіемъ; подруги стараются ее успокоить; какъ и у Катулла, онѣ говорятъ: «flegere desine» **).

*) Уменьшеніе браковъ въ этомъ году объясняется войной 1877 г.

***) О русской народной пѣснѣ въ Русск. Вѣстн. 1879 г., № 9, стр. 125.

Невѣста начинаетъ обыкновенно жалобами на родителей: «Родимый ты мой батюшка! накинулся ты на винную чарочку, на ласковы слова, на низкіе поклоны! Родимая ты, моя матушка! накинулась ты на бражную чарочку, на ласковы слова, на низкіе поклоны». Подружки или утѣшаютъ невѣсту, или вторятъ ей, рисуя передъ нею мрачныя картины супружеской жизни: пьянаго мужа съ плеткой въ рукахъ, суроваго свекра, свекровь «подколотную», золовокъ «причудливыхъ». Но горе невѣсты и подружекъ подслащается гостинцами, которые приносятъ съ собою навѣщающій невѣсту женихъ. Во Владимірской губ., приходя къ невѣстѣ на вечеринки, женихъ долженъ приносить съ собою еще каждый разъ и подарки ей—то шаль, то ситцевый головной платочекъ и т. п. *)).

На сѣверѣ Россіи оплакиваніе невѣстой своей дѣвичьей жизни носить названіе «заплачекъ». Невѣста, какъ говоритъ протоіерей Гиляровский, каждый день, извѣстное время, съ родителями, крестными отцомъ и матерью, родственниками и друзьями, должна плакать цѣлый день, съ утра до вечера, и, притомъ, стоя подъ какимъ-нибудь покрываломъ (подъ шалью, фатою, а бѣдныя просто подъ простынею или скатертью). Заплачка, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, продолжается не менѣе трехъ дней, но при обстоятельствахъ болѣе церемоніальныхъ тянется до трехъ недѣль и даже болѣе. Ни въ чемъ невѣжество, прибавляетъ прот. Гиляровский, не отразилось съ такимъ безчеловѣчіемъ, какъ въ заплачкѣ. Честь и слава невѣстѣ по всему околodку, если она при заплачкѣ каждый день нѣсколько разъ падаетъ въ обморокъ, такъ что ее приходится отливать цѣлыми ведрами холодной воды. О. Гиляровскийъ приписываетъ заплачкамъ не малую долю вліянія въ порчѣ браковъ между крестьянами.

Въ домѣ жениха ближайшіе дни къ свадьбѣ, обыкновенно послѣдняя недѣля, удѣляются на пирушки, угощеніе подругъ невѣсты, знакомыхъ и родныхъ. Въ Горбатовскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, наприм., какъ бы ни были ограниченны средства жениха, невѣстины подружки не упустятъ случая попить и собираются у жениха человекъ по 10—20. Послѣ перваго подобнаго посѣщенія къ жениху являются золовки невѣсты, жены ея братьевъ или свахи со сватьями за рубашкой жениха. Главная цѣль всѣхъ этихъ посѣщеній—угощеніе, но, чтобы замаскировать ее, народный обычай ввелъ посѣщеніе родней жениха подъ различными предлогами. Такъ, ради того, чтобы взять рубашку, по которой невѣста должна наготовить новыхъ рубахи къ свадьбѣ, является 6—7 посѣтителей, которыхъ угощаютъ виномъ, пивомъ, обѣдомъ... Пройдетъ день, другой—къ жениху опять являются подружки невѣсты просить для нея мыла, и начинаются новые угощенія. Подобное угощеніе съ жениховой стороны существуетъ и въ Тамбовской губерніи, гдѣ гости, хотя приходятъ къ невѣстѣ, но «гулять» ихъ невѣста отсылаетъ въ домъ будущаго свекра.

*) *Нижег. сбор.*, V, стр. 215; *Юрид. Вѣстн.* 1888 г., №№ 6 и 7, стр. 330; *Записки по Отд. Этнографіи*, т. IV, стр. 283.

Ко дню свадьбы какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты избираются свадебные «чины». Главную, наиболѣе дѣятельную роль между ними, несомнѣнно, играетъ выбираемый съ жениховой стороны дружокъ. Какъ главный распорядитель свадебнаго церемоніала, онъ долженъ обладать опытностью и разносторонними способностями. На немъ лежитъ обязанность не только угощать и развлекать гостей, посвящать молодого въ тонкости супружескаго дѣла, но и даже отвращать отъ новобрачныхъ порчу. Поэтому онъ, вѣроятно, и носитъ названіе дружка, друга, и выбирается изъ женатыхъ, пожившихъ на бѣломъ свѣтѣ, знающихъ людей, не лезащихъ въ карманъ за словомъ и знакомыхъ даже съ причитами и заговорами *). Немудрено, что при трудности задачъ, возлагаемыхъ на дружковъ, въ помощь имъ назначается иногда еще подружье. Дружокъ бываетъ и шаферомъ, но это не обязательно. Довольно видная роль принадлежитъ въ свадебныхъ церемоніяхъ и свахамъ. На хорошей, заправской свадьбѣ для обряда бываетъ не менѣе трехъ свахъ: жениховой (устроившей самый бракъ) и двухъ невѣстиныхъ—поздней или повивальной, убирающей невѣстѣ голову по-замужнему, и постельной, обязанной приготовить брачное ложе.

Наканунѣ дня свадьбы, обыкновенно въ субботу, у невѣсты устраивается дѣвичникъ. Г. Звонковъ относительно свадебныхъ обычаевъ елатомскихъ крестьянъ сообщаетъ, что дѣвушки собираются къ невѣстѣ на дѣвичникъ въ пятницу, но, посидѣвъ у нея часъ-другой, уходятъ къ жениху, въ субботу же приходятъ къ невѣстѣ на блины, а «гулять» снова отправляются къ жениху. Г. Пономаревъ, описывая свадебныя церемоніи у крестьянъ Арзамаскаго уѣзда, съ своей стороны, сообщаетъ, что дѣвичникъ празднуется у жениха. Отсюда видно, что въ Елатомскомъ и Арзамаскомъ уѣздахъ справленіе дѣвичника представляетъ особенности, потому что дѣвичникъ обыкновенно устраивается у невѣсты и, притомъ, не ранѣе кануна свадьбы.

Г. Вестфаль говоритъ про дѣвичникъ, что этотъ актъ представляетъ особенно высокій интересъ: «Это тотъ самый актъ свадебной драмы, который у Россбаха происходитъ въ родительскомъ домѣ невѣсты и на который указываетъ Катулла въ ст. 31—75 своей 61 пѣсни. И вторая свадебная пѣсня Катулла, вращающаяся въ кругу греческаго міросозерцанія, представляетъ намъ много параллельныхъ мѣстъ, чего мы и вправѣ были ожидать при тождественности брачнаго обряда у арійскихъ народовъ. Дѣвичникъ,—продолжаетъ г. Вестфаль,—какъ извѣстно, послѣдній вечеръ, проводимый невѣстой въ родительскомъ домѣ. Ея товарки, подруги, называемыя Катуллою *integrae virgines*, собиравшіяся у нея каждый вечеръ со дня обрученія, отпускаютъ ее изъ своего круга для передачи жениху, *novus maritus*» **).

*) Мѣстами въ дружки выбираютъ даже прямо волдуновъ и знахарей. См. *Свадебные обычаи въ Ржевскомъ уѣздѣ, въ Этнографическомъ сборникѣ*, вып. V, стр. 59.

***) О русской народной пѣснѣ, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1879 г., № 9, стр. 125.

Въ дѣвичникѣ обыкновенно невѣста ходитъ со своими подругами мыться въ баню. Церемонія эта продѣлывается мѣстами весьма торжественно: мыло берутъ у жениха, вѣнчикъ украшаютъ лентами, надѣваютъ на длинный шестъ и несутъ съ пѣснями *). Въ банѣ на каменку поддаютъ пивомъ, чтобы по запаху угадать—резвый будетъ мужъ или пьяница.

Дѣвичники бываютъ очень многолюдны, потому что на нихъ собираются не только всѣ знакомые дѣвушки и парни, но и вся родня брачующихся. Молодежь проводитъ на нихъ время въ пѣсняхъ и играхъ, старое поколѣнiе прохаживается по части выпивки, невѣста же съ женихомъ обыкновенно сидитъ молча за столомъ. Пѣсни, которыя поютъ дѣвушки, назначаются по адресу какъ жениха и невѣсты, какъ и всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ въ брачной церемоніи лицъ; т.-е. друзей, свахъ и даже поѣзжанъ. Это называется «величаніемъ», которое существуетъ обычай оплачивать деньгами. Если кто поскупится и не внесетъ контрибуціи, на долю того выпадаетъ охаиванье. Попадаетъ и герою дня—жениху, про котораго, между прочимъ, поютъ:

„У него шея коломъ,
Голова копыломъ,
Глаза луговицей,
Носъ-отъ луговицей...“

Или:

„На какова ты прельстилася?
На дурнова, нехорошава,
На сутулова, горбатова,
На косастова, глаастова.
На горбу-то птици гвѣзда вьютъ,
На носу-то грибы выросли,
И на саму-то горько пьяницу“.

Днемъ вѣнчанія избирается обыкновенно воскресенье. Въ этотъ день и въ домѣ жениха, и въ домѣ невѣсты пекутся съ разными церемоніями свадебные короваи **). Придавая акту вѣнчанія чрезвычайно важное значеніе, крестьянинъ называетъ его «судомъ Божиимъ» ***). Онъ сознаетъ, что вступленіемъ въ бракъ рѣшается его семейная участь. Приготовленія къ этому торжественному акту, какъ въ домѣ жениха, такъ и въ домѣ невѣсты, начинаются съ ранняго утра. Въ Тамбовской губерніи невѣста, поднявшись раньше всѣхъ, начинаетъ будить своихъ подругъ:

„Вставайте, мои подруженьки!
Вставайте, мои любезныя!
Бѣлая зоря занимается,—
Мои сулустаты поднимаются“.

*) *Нижегородскій сборникъ*, V, стр. 215.

**) Впрочемъ, печенье коровай въ день свадьбы бываетъ не вездѣ: мѣстами оно производится и назапущѣ.

***) *Сборникъ сельскій о крестьянскомъ населеніи Россіи*, I, стр. 113. *Этнографическое Обзорніе*, II, стр. 217.

В Нижегородской губ., поднимая подругъ, невѣста жалуется имъ, что ей не спалось всю темну ночь и пригрезился «нехорошій сонъ»: будто коса у нея распелась на двое (т.-е. какъ носить замужня). Въ послѣднемъ оплакиваніи невѣстою своей дѣвичьей жизни и жалобахъ на будущую судьбу много трогательнаго.

Въ Рыбинскомъ уѣздѣ есть среди невѣстъ обычай оплакивать въ день свадьбы такъ называемую «дѣвичью красоту», которую изображаетъ маленькая, въ аршинъ высоты, елочка, убранная лентами, цвѣтными лоскутками и бумажными цвѣтами, съ налѣпленными на сучья нѣсколькими восковыми огарками. Невѣста ставитъ передъ собою на столъ «дѣвичью красоту» и начинаетъ передъ нею причитать: «Не долго мнѣ,—плачется она,—осталось красоваться, въ красныхъ дѣвушкахъ величаться, только остатные часть-минуточку». Она прощается съ «дѣвьемъ красотой» и говоритъ, что снесетъ ее во «темны лѣса» и повѣситъ «на бѣлую березоньку», а подруженьки, когда настанетъ весна-красна, пойдутъ въ лѣсъ «за шелковымъ за вѣничкомъ», подрубятъ бѣлую березоньку и опустятъ «дѣвью красоту» на шелковую травушку. Родной же батюшка и соколки братцы браные будутъ косить травушку и подрѣжутъ «дѣвью красоту» и т. д. Подобный обычай устраивать елку существуетъ и въ брачныхъ церемоніяхъ крестьянъ Рязанской губерніи.

Въ Вольскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи, практикуется особый обрядъ «сдачи дѣвичьей красоты»: красота «сдается» всегда сестрѣ или ближайшей родственницѣ, причемъ самый процессъ сдачи состоитъ въ причитахъ, съ выраженіемъ разныхъ пожеланій тому, кому производится сдача, а мѣстами и съ раздачею всѣмъ дѣвицамъ лентъ и пряниковъ *).

Вскорѣ начинается «обряженіе» невѣсты въ вѣнцу, причемъ это дѣло совершается торжественно—съ крестомъ и молитвою. Въ нѣкоторыхъ селахъ Тамбовской губерніи удѣлялъ любопытный обычай послѣдней дѣвичьей пляски невѣсты. Какъ только кончится «обряженіе», невѣста съ дѣланною веселостью вскакиваетъ на лавку, гикаетъ, сначетъ и пляшетъ на ней, приговаривая какія-то слова. Послѣ обряженія всѣ подрѣзываются обѣдомъ.

У жениха, между тѣмъ, идутъ свои приготовленія къ вѣнцу. Послѣ обѣда родители благословляютъ его хлѣбомъ и солью.

Во многихъ мѣстахъ въ благословенію родныхъ отца и матери присоединяется еще благословеніе крестныхъ, называемыхъ въ такихъ случаяхъ «посажеными». Крестный отецъ послѣ роднаго — первое лицо въ свадебныхъ церемоніяхъ. Когда у жениха или невѣсты нѣтъ въ живыхъ не только родныхъ, но и крестныхъ родителей, въ посаженные избирается обыкновенно кто-нибудь изъ родственниковъ. Такіе «родители» чествуются лишь во время свадьбы, а потому въ семейной жизни новобрачныхъ ихъ значеніе сводится къ нулю.

*1) *Этнографическое Обзоріе*, II, стр. 217; *Этнографическій сборникъ*, т. V; *Извѣстій*, стр. 89. Роль «дѣвичьей красоты» играетъ «дѣвильце». См. Сумцова.

Послѣ благословенія женихъ, напутствуемый пожеланіями родныхъ, отправляется поѣздомъ въ домъ невѣсты.

До сихъ поръ во многихъ мѣстахъ сохранился еще обычай преграждать жениху доступъ въ домъ невѣсты. Обычай этотъ уназываетъ на практиковавшійся въ древности насильственный увозъ невѣсты. Съ цѣлью прегражденія жениху доступа, передъ его поѣздомъ запраютъ ворота или сѣни, и, чтобы попасть въ избу къ невѣстѣ, женихъ долженъ платить выкупъ или давать на водку *). «Отоприте, люди хорошіе съ добромъ пріѣхали», — просятъ поѣзжане, прибывшіе съ женихомъ. — «Полведра водки поставь, такъ отопремъ», — отвѣчаютъ со двора. Поѣзжане предлагаютъ по стакану на брата, потомъ полштофъ на всѣхъ, сходятся обыкновенно на штофъ. Тогда ворота открываются и женихъ входитъ съ родными въ избу **). Проникнувъ въ избу, женихъ долженъ откупить еще мѣсто возлѣ невѣсты — на лавкѣ, подъ иконами ***).

Послѣ торжественнаго благословенія обоихъ, женихъ и невѣста готовятся къ отъѣзду въ церковь, причемъ невѣстѣ во многихъ мѣстахъ, вѣроятно, отъ «сглаза», лицо закрываютъ платкомъ ****). Главная забота родныхъ заключается теперь именно въ томъ, чтобъ отвратить отъ брачующихся порчу. Случаи порчи при крестьянскихъ бракахъ, какъ то выяснилъ протоіерей Гиларовскій, весьма часты и происходятъ отъ естественныхъ причинъ — совершеннаго непониманія крестьянами вредности для здоровья многихъ брачныхъ церемоній. Самъ народъ этого не сознаетъ, но, видя часто воочію разстройство здоровья молодыхъ, приписываетъ такое явленіе ничему иному, какъ злой силѣ, сглазу, наговорамъ и т. п. И вотъ, чтобы оградить брачующихся отъ подобныхъ напастей, онъ прибѣгаетъ какъ къ молитвѣ, такъ и къ задабриванію злыхъ, нечистыхъ силъ. Съ этою цѣлью, при отправкѣ свадебнаго поѣзда въ церковь принято обносить его трижды иконою, часто Михаила Архангела, этого грознаго воителя противъ сатаны *****). Мѣстами существуетъ обычай власть жениху и невѣстѣ за пазуху *Богородицынъ сонъ*, почитаемый народомъ какъ талисманъ, на томъ основаніи, что въ самомъ снѣ говорится: «Аще кто сей святыи сонъ сплшетъ и станетъ носить на себѣ или въ дому своемъ держать будетъ и — дому благодать, духъ лукавый, духъ золь не прикинется...» *****). Въ нѣкоторыхъ

*) *Сборникъ седмій*, стр. 114; *Этнографическій сборникъ*, т. V; *Бытъ курскихъ-крестлянъ*, стр. 60; *Нижегородскій сборникъ*, V, стр. 157.

**) *Юридическій Вѣстникъ* 1888 г., №№ 6 и 7, стр. 892.

***) *Ibid.* Интересно, что аналогичный обычай существуетъ у папуасовъ сѣверо-западнаго берега Новой Гвинее. Здѣсь, когда явится въ домъ невѣсты женихъ, его сначала не пускаютъ, и только послѣ многократныхъ и усиленныхъ просьбъ сдаются; тогда онъ входитъ и садится радомъ съ невѣстой передъ домашнимъ идоломъ. См. *Поиски клитера „Измурудъ“ за Н. Н. Миклухой-Маклаемъ*, въ *Вѣстникъ Европы* 1874 г., май, стр. 105.

****) *Нижегор. сборн.*, V, стр. 157; *Сборн. сѣв.*, стр. 16; *Юрид. Вѣстн.* 1888 г., №№ 6 и 7, стр. 892—893.

*****) *Нижегор. сборн.*, V, стр. 158; *Сборн. сѣв.*, стр. 116.

*****) *Нижегор. сборн.*, V, стр. 220.

мѣстахъ Нижегородской губерніи, для предотвращенія порчи новобрачныхъ, практикуется, между прочимъ, такой способъ: весь полъ въ избѣ жениха, гдѣ долженъ происходить свадебный пиръ, покрывается соломой или сѣномъ, которое тотчасъ по уходѣ гостей выбрасывается далеко отъ двора. Дѣло въ томъ, что наговоръ, произнесенный надъ предметами, которые могутъ быть выкинуты или выметены, не можетъ, по народнымъ понятіямъ, имѣть дѣйствія,—онъ какъ бы выметается вмѣстѣ съ этими предметами. Чтобы «перебить порчу», которую насылаютъ на жениха и невѣсту злые люди, часто обращаются къ помощи другихъ колдуновъ. Въ 1884 г. въ с. Никольскомъ, около Петербурга, произошелъ такого рода случай. У одного крестьянина О. затѣялась свадьба; онъ задумалъ женить сына. Зная, что въ селѣ есть «нечистая баба», З., и опасаясь, чтобы она не испортила молодыхъ, О. прибѣгнувъ къ охраненію послѣднихъ отъ порчи, пригласивъ на свадьбу пастуха, по слухамъ, также «вѣдуна», чтобы онъ «перебилъ порчу». Тѣмъ не менѣе, дѣйствія колдуньи уже начинали сказываться. Такъ, въ тотъ самый моментъ, какъ свадебный поѣздъ готовился двинуться въ церковь, черезъ дорогу перешелъ *родственникъ* ея, Т. Замѣтивъ это, зрители и участники свадебнаго поѣзда рѣшили про себя, что «быть худу»; но такъ какъ лошади почему-то, несмотря на всѣ понуканія, стали, то поѣзджане уже прямо обратились къ Т. съ просьбой «пустить лошадей». Тотъ сперва отказался, но, получивъ 3 рубля, взявъ первую лошадь подъ уздцы, и весь поѣздъ тронулся. Пиръ свадебный и первые дни послѣ вѣнчанія прошли благополучно, но затѣмъ у крестьянина О. заболѣла дочь, а за нею и «молодуха», которую стало бить и корчить. Та же исторія приключилась и съ молодымъ. «Корчи были такъ сильны, что съ одержимыми ею не могли справиться 6 здоровыхъ мужиковъ» *).

Отправляя невѣсту къ вѣнцу, принято снабжать ее какими-нибудь предметами, долженствующими знаменовать будущую безбѣдную ея жизнь. Въ однихъ мѣстахъ ей кладутъ за пазуху коровыи **), въ другихъ (въ Слобод. у., Вятской губ.) или кладутъ туда шерсть, или облекаютъ невѣсту въ овчинный тулупъ, чтобы лучше водились овцы; для того, чтобы лучше родился лень, кладутъ за пазуху волокна этого растенія ***).

*) *Новое Время* 1884 г., № 2,920.

**) *Звонко*, стр. 111.

***) *Труды кустарн. комм.*, т. XI, отд. II, стр. 282. Суевѣрія при заключеніи браковъ упорно держатся и въ несравненно болѣе цивилизованной и застрахованной отъ разныхъ „порчъ“ купеческой средѣ. Въ *Новостяхъ*, наприм., разсказанъ былъ такой фактъ: „Одинъ богатый и извѣстный петербургскій оптовый торговецъ Х. выдавалъ свою дочь замужъ за инженера. День свадьбы былъ уже назначенъ; по приглашенію друга, на свадьбу съѣхались родные невѣсты, друзья и кліенты ея отца изъ всѣхъ концовъ Россіи. Свадьба предполагалась роскошная, въ одной изъ модныхъ гостиницъ, и для свадьбы все было приготовлено. Случилось, однако, что въ ту минуту, когда невѣста садилась въ карету, чтобы ѣхать къ вѣнцу, какъ разъ передъ ея ногами пробѣжала неизвѣстно откуда взявшаяся черная кошка. Ни невѣста, ни родные ея не обратили на это никакого вниманія. Но отецъ невѣсты, узнавъ о кошкѣ, велѣлъ при-

При отправкѣ въ церковь впереди слѣдуетъ женихъ, а свати него невѣста. Дорогой женихъ и невѣста должны кланяться встрѣчающимся. Въ юго-западной части Томской губ., по словамъ г. Потанина, дружки упрашиваютъ снимать шляпу *каждому* встрѣчному *естякъ* поѣзжанъ, — Богъ вѣсть, что за человекъ попадется *). Отѣхавъ на нѣкоторое разстояніе отъ дома, свадебный поѣздъ, или, точнѣе, женихъ, останавливается, пропускаетъ невѣсту впередъ, но затѣмъ сзади ударяетъ ее три раза кнутомъ, приговаривая:

„Покинь волю батюшину,
Отставай отъ нѣги матушкиной:
Привыкай къ обычаю мужнину;
Забудь красоту свою дѣвчьию!“

Такъ дѣлается въ Блатомскомъ уѣздѣ, Тамбовской губ., а въ Рязанской подобную процедуру продѣлываетъ надъ невѣстою подружье и, пригомъ, еще передъ отѣздомъ въ вѣнцу, послѣ обычнаго благословенія образомъ, на дворѣ, сопровождая стеганье плетной словами: «Бросай дѣвчьи привычки, привыкай къ бабьимъ» **).

Довольно широко распространенъ другой обычай: съ пути въ церковь женихъ или дружки возвращаются обратно въ домъ невѣсты и, пригласивъ на брачный пиръ будущихъ тестя и тещу, продолжаютъ уже путь до самаго храма. Въ с. Вагачевѣ, Владимирскаго уѣзда, Владимирской губерніи, существуетъ еще болѣе оригинальный обычай: тамъ всѣ поѣзжане (но не женихъ и невѣста), взявъ съ собою на дорогу ложки, возвращаются со середины пути назадъ «лапшу дохлебывать». Похлѣбавъ немного лапши, отправляются въ путь снова, и на этотъ разъ уже добываютъ до погоста ***).

Держится во многихъ мѣстахъ обычай преграждать путь свадебному поѣзду. Во Владимирской губерніи молодежь въ каждой деревнѣ, черезъ которую проѣзжаетъ поѣздъ, устраиваетъ на околицѣ «заваль» — настоящія

остановить убѣжавшую уже карету и, считая появленіе черной кошки «дурнымъ предзнаменованіемъ», категорически заявили, что «свадьбѣ этой не быть». Не помогли ни уговоры, ни споры невѣсты, — суевѣрный купецъ рѣшилъ, что свадьбѣ не быть, и съѣхавшимся уже въ церковь гостямъ было заявлено, что свадьба отиѣнена. Оначала думали, что свадьба только отложена, но купецъ, въ виду появленія черной кошки, категорически заявили, что «не выдстъ замужъ дочери за инженера, такъ какъ кошка указала, что бракъ будетъ несчастный». И, вѣроятно, несчастная купеческая дочь никогда не вышла бы замужъ, если бы не нашелся новый человекъ, котораго, основываясь на разнѣхъ московскихъ «оракулахъ», доказавъ купцу, что слѣдуетъ лишь взять эту же черную кошку и заставить ее пробѣжать обратно тотъ путь, который она съѣхала въ первый разъ; этимъ все ожидаемое «несчаствіе» будетъ-де устроено. Купецъ поддался этимъ словамъ. Назначили опять свадьбу и, передъ тѣмъ какъ невѣста сѣла въ карету, погнавъ черную кошку по «обратному направленію». Послѣ этой церемоніи купецъ набожно перекрестился и свадьба состоялась безпрепятственно» (Новости 1890 г., № 110).

*) *Этнограф. сборн.*, т. VI, стр. 144.

**) *Сборн. свѣд.*, стр. 116; *Этнограф. Обзорніе*, кн. II, стр. 217.

***) *Сборн. свѣд.*, стр. 116; *Этнограф. Обзорніе*, кн. II, стр. 217; *Дижесор. сборн.*, т. V, стр. 221; *Извѣстія Импер. Р. Г. Общества* 1878 г.: «Мелкія извѣстія», стр. 470.

баррикады изъ бревенъ, хворосту и соломѣ. Подъѣхавъ къ такому завалу, поѣздъ, разужвется, останавливается. На встрѣчу ему выходятъ шарки и пропускаютъ только тогда, когда выторгуютъ четверть ведра или штофъ водки *).

Въ то время, какъ невѣста и женихъ ѣдутъ въ церковь, въ жениховъ домъ отправляется невѣстина «коробля», т.-е. сундукъ съ приданымъ.

Въ храмѣ каждый изъ брачующихся старается первый занять мѣсто на «подножникѣ», въ увѣренности, что тогда ему будетъ принадлежать главенство въ домѣ **). Немалое значеніе имѣетъ также то обстоятельство, у кого изъ нихъ больше сторитъ свѣчи: это служитъ указаніемъ, кто—мужъ или жена—переживетъ. Послѣ вѣнчанія, иногда въ самой церкви, а иногда уже по возвращеніи домой, голову невѣсты убираютъ по-замужнему. Въ Лужскомъ уѣздѣ, Петербургской губерніи, процедуру эту еще недавно продолжала надъ молодой пенадья. Послѣ вѣнца молодая шла къ женѣ священника, и та расплетала ей косу на двѣ и надѣвала на ея голову повойникъ, а затѣмъ молодая виѣстѣ съ мужемъ кланялась по три раза въ ноги самому священнику, его женѣ и даже родственникамъ. Въ Елатомскомъ у., послѣ обриванія молодой по-замужнему, новобрачные осыпаются хлѣбемъ. Въ с. Косьяковѣ, Свяжскаго уѣзда, Казанской губ., при бракосочетаніи вдовца, когда онъ выходитъ послѣ вѣнчанія изъ церкви, мальчишки и парни начинаютъ бросать въ новобрачнаго гнилые лапти. При этомъ нѣкоторые удавцы, связавъ по три лапта виѣстѣ концами веревокъ, помогаютъ повѣсить новобрачному вдовцу связку лаптей прямо на шею, и, притомъ, такъ, чтобы два лапта свѣсились на его грудь, а третій болтался за спиной. Бросаніемъ лаптей встрѣчаютъ затѣмъ новобрачнаго мальчишки и парни у полевыхъ воротъ въ его деревнѣ. Дерзость мальчишекъ и парней доходитъ при этомъ до того, что нѣкоторые изъ нихъ врываются съ грязными лаптями въ самые дома новобрачныхъ вдовцовъ, а иные входятъ съ ними въ церковь и трясуть лапти передъ самымъ носомъ вдовца, предупреждая его о приготовленной для него встрѣчѣ при выходѣ изъ церкви. Мальчишекъ и парней каждый разъ подстрекаютъ сами родители ихъ, въ наивномъ убѣжденіи, что если обрядъ съ лаптями не будетъ выполненъ, то бракъ вдовца выдетъ несчастливъ. Такъ какъ лапти подчасъ причиняютъ весьма чувствительные удары, то зажиточные вдовцы-женихи напередъ уговариваются съ приходскимъ священникомъ проводить ихъ послѣ брака изъ церкви до полевыхъ воротъ съ иконой. Но такая предосторожность избавляетъ ихъ отъ нападенія мальчишекъ и парней только на половину: въ такомъ случаѣ выбѣгаютъ за полевые ворота и набрасываются на новобрачныхъ еще съ ббльшею яростью ***).

*) Юридич. Вѣстн. 1888 г., №№ 6 и 7, стр. 383.

***) Въ Гадавскомъ приходѣ (Слободскаго у., Вятской губ.) подножники употребляются потомъ охотниками на лнжи, ибо зарядъ съ такимъ инжомъ не даетъ промаха (см. Труды кустарной комиссіи, т. XI, отд. II, стр. 232).

***) Волжскій Вѣстн. 1888 г., № 61. Интересно, что въ Англіи существуетъ сход-

При возвращеніи отъ вѣнца домой не менѣе заботъ и хлопотъ о предотвращеніи порчи, чѣмъ и при отправкѣ. Мѣстами въ Нижегородской губерніи молодые отправляются домой изъ церкви не иначе, какъ въ сопровожденіи священника съ причтомъ. Въ Обоянскомъ уѣздѣ, Бурской губерніи, отецъ и мать жениха, въ ожиданіи новобрачныхъ, для устраненія всякой порчи, раскладываютъ у воротъ огонь. Наконецъ, ради того, чтобъ между новобрачными не поселилась злая сила, они, возвращаясь изъ церкви, ѣдутъ уже не на разныхъ лошадяхъ, а вмѣстѣ, плотно прижимаясь другъ къ другу.

Дорогою поѣзжане обыкновенно веселятся, поютъ пѣсни, играютъ на гармоникахъ, обгоняясь другъ съ другомъ.

Въ домъ родителей жениха, куда должны вступить новобрачные, входятъ на крыльцо устилаютъ широкимъ бѣлымъ холстомъ, дабы какъ холстъ была ровна и хороша жизнь новобрачныхъ. Кладутъ также на порогъ запертый замокъ—это для того, чтобы молодые жили между собою въ вѣрность, неразрывномъ союзѣ. Встрѣчаютъ новобрачныхъ при входѣ въ домъ родители жениха или его крестные. Они бывають одѣты въ вывороченные наизнанку тулупы. Существованіе обычая устраивать встрѣчу въ вывернутыхъ тулупахъ въ разныхъ, удаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, наприкладъ, въ Вологодской и Бурской губ., свидѣтельствуетъ о томъ, что обычай этотъ распространенъ на Руси довольно широко. Но въ Елатомскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, послѣ торжественнаго приѣма молодыхъ со стороны родителей, въ вывороченномъ тулупѣ встрѣчаетъ ихъ уже кака-нибудь родственница новобрачнаго. Вооруженная кочергой, съ закрытымъ лицомъ, она стучитъ, замахивается на молодую, произнося при этомъ безсвязную, но строгую рѣчь. Она олицетворяетъ собою лютую свекровь—прямую противоположность родимой матушкѣ.

Встрѣчая обвинянныхъ хлѣбомъ-солью, родители благословляютъ ихъ и обсыпаютъ хлѣбемъ, чтобы жилось весело, и житомъ, чтобы были богаты.

Когда всѣ соберутся, садятся за обѣденный столъ, причемъ для огражденія отъ порчи во многихъ мѣстахъ къ обѣду приглашается священникъ, который читаетъ молитву. Но,—любопытная черта нравовъ,—дѣло часто не обходится и безъ колдуна. Колдуна приглашаютъ съ цѣлью задобрить враждебныя силы: на свадьбахъ его особенно ублажаютъ, чувствуя и угощая предпочтительно передъ всѣми *). При разсмотрѣніи въ 1880 г. самарскимъ окружнымъ судомъ дѣла объ убійствѣ одного колдуна, священникъ о. Бубаревъ далъ слѣдующее любопытное показаніе: «У меня въ домѣ была разъ свадьба. Сказали, что на свадьбу пришелъ незванный колдунъ, грозить и требуетъ, чтобъ его посадили на переднее мѣсто. Я подошелъ; онъ

ный обычай бросанія въ карету новобрачныхъ туфель и метель. См. *Фонреаль*: „Англія и Лондонъ“, стр. 144.

*) О присутствіи священника и колдуна на свадьбѣ см. у Звонкова, стр. 119—123; въ *Нижегор. сборн.*, т. V, стр. 296; у Добротворскаго въ *Юридич. Вѣстникѣ* 1888 г., № 6 в 7, стр. 833—834.

ругался и похвалялся. Я взялъ его за руку и вывелъ. Всѣ пришли въ смущеніе и даже говорили: «Зачѣмъ вывели такого человѣка? хорошо ли отъ этого будетъ?» Отсюда видно, что за колдуномъ признается иногда такая сила, что противоодѣйствіе ему священника вызываетъ протестъ изъ опасенія дурныхъ послѣдствій.

При обнесеніи гостей виномъ, каждый гость, отпивая понемногу, кричить: «горько», и молодые должны цѣловаться. Сами молодые не участвуютъ въ ѣдѣ, уходя для этого потомъ «въ горницу» или даже къ сосѣдямъ *).

Вечеромъ для новобрачныхъ устраивается постель въ клѣти **), что дѣлается болѣе или менѣе торжественнымъ образомъ. Въ Елатомскомъ уѣздѣ постель стелеть обыкновенно сваха съ замужнею сестрой молодого. Мѣстами при этомъ присутствуетъ еще и подружье. Присутствіе этихъ лицъ необходимо для контроля, какъ бы не явилась попытка скрыть отсутствіе левинности молодой: случаи эти бываютъ. Самое ложе иногда «обогрѣвается». Для этого кладутъ на постель новобрачныхъ чету супруговъ, живущихъ согласно, въ любви другъ съ другомъ. Отводъ молодыхъ въ клѣть также носитъ характеръ торжественности: ихъ ведутъ туда дружно и сваха. Въ Вельскомъ уѣздѣ, Вологодской губ., молодые не такъ давно отводились въ клѣть священникомъ.

Интересно, что до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ уцѣлѣлъ древній обычай разуванія, въ знакъ покорности, молодоухой ногъ своему мужу передъ тѣмъ какъ спать. На распространенность этого обычая указываетъ уже то обстоятельство, что онъ практикуется и въ сѣверныхъ губерніяхъ, и въ черноземной полосѣ. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, Курской губ., когда новобрачные удаляются спать, молодая снимаетъ у своего супруга правый сапогъ, откуда выпадаетъ плеть; взявъ эту плеть, мужъ слегка ударяетъ ею три раза жену и потомъ цѣлуетъ послѣднюю. Такое обыкновеніе служитъ хорошимъ выраженіемъ народной поговорки: «Люби жену, какъ душу, и тряси, какъ грушу». Въ Саранульскомъ уѣздѣ, Вятской губ., обычай разуванія носитъ нѣсколько иной характеръ: послѣ того, какъ жена сниметъ сапогъ, мужъ кладетъ въ него деньги, которыя утромъ вынимаются ею и идутъ въ ея пользу. Въ Вельскомъ у., Вологодской губ., точно также молодая, снявъ сапогъ мужу, получаетъ серебряную или мѣдную монету ***).

*) *Нижнегор. сборн.*, т. V, стр. 222; *Звонковъ*, стр. 128.

***) А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ клѣву. *Зам. по Отд. Этн.*, т. V, стр. 811.

***) Рабская зависимость жены отъ мужа выражается въ брачныхъ церемоніяхъ и въ другихъ болѣе грубыхъ формахъ. Въ Рыбинскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, подъ конецъ свадебнаго обѣда подается жареная почка, которая съѣдается при такого рода процедурѣ. Дружно, взявъ въ одну руку кусокъ почки, а въ другую ставанъ водки, вынимаетъ изъ-за стола свою жену и заставляетъ ее показать примѣръ покорности. Жена падаетъ въ ноги и лежитъ, пока ея благоволеніемъ не вытанетъ всю водку и не съѣстъ почку, а тотъ нарочно дѣлаетъ дѣло не спѣша, сопровождая выпивку и ѣду похлѣвостями, съ какими будто бы препятствіями вѣхалъ брачныя похлѣвосты. Ту же самую проце-

Супружескія отношенія между молодыми наступаютъ не всегда тотчасъ же, — мѣстами до нихъ проходятъ три дня: только спустя этотъ срокъ новобрачные вступаютъ уже вполне въ свои супружескія права.

Невинность молодой нерѣдко удостоверяется публичнымъ образомъ. Не только у крестьянъ, но и у обывателей нѣкоторыхъ захолустныхъ городовъ практикуется дикій обычай послѣ ргіае постіа битъ горшки и носить по улицамъ бѣлье новобрачной въ сопровожденіи молодыхъ и родственниковъ *). Однако, на утрату невинности до брака крестьяне многихъ мѣстностяхъ, какъ намъ уже извѣстно, смотрять болѣе чѣмъ снисходительно. Среди нашего крестьянства болѣе всего цѣнятся, повидному, рабочая и производительная способность женщины **).

На другой или на третій день молодыхъ часто водятъ въ баню. Въ Слободскомъ уѣздѣ, Витской губерніи, баня, устраиваемая на третій день, предназначается не только для молодыхъ, но и для всѣхъ гостей, которыхъ водятъ въ нее попарно, причѣмъ если кто окажется безъ жены или холостымъ, того ведутъ съ другими женщинами ***).

Свадебныя празднества длятся у нашихъ крестьянъ обыкновенно цѣлую недѣлю и вводятъ ихъ зачастую въ неоплатные долги.

Л. Весинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

дуру продѣлывать поочередно всѣ гости. Многие изъ мужиковъ въ издѣвательствѣ надъ женами доходятъ до того, что заставляютъ ихъ показывать при всей честной компаніи, „какъ плавать рыба“, „какъ ходить медвѣжата“, и вотъ жена то ложится животомъ на полъ, фаложивъ руки за спину — это якобы рыба, то ползаетъ на четверенькахъ — это медвѣжонокъ и т. д. Доходить очередь и до молодой — и та валится въ ноги. Однако, этотъ обычай возрѣтившіеся на родину питевцы начинаютъ выводить: они уже стѣсняются продѣлывать такіе издѣвательства надъ своими молодыми женами. (Исторія *) Недѣля 1896 г., стр. 264.)

**) Взгляды крестьянъ на этотъ цезотливный вопросъ могутъ хорошо характеризовать не только вышеприведенные случаи добрачнаго сближенія между собою молодежи, но и слѣдующій любопытный фактъ, сообщенный Орловскимъ Вѣстникомъ. Въ 1889 г. къ одному орловцу, прогуливавшемуся въ лѣсу около Вѣлобержскаго монастыря (Брянскаго уѣзда), подошла крестьянка съ женою и конфузливо объяснила, что они живутъ въ супружествѣ уже нѣсколько лѣтъ, а дѣтей у нихъ все нѣтъ. Можетъ быть, намъ Богъ „пошлетъ что-нибудь“, — закончилъ свою просьбу крестьянка... Орловецъ былъ пораженъ талантъ приглашеніемъ, но, размысливъ, не стѣлъ нужнымъ отказаться... Пріѣхавъ лѣтомъ 1890 г. въ Вѣлно-Вереха, онъ поблбонитствовалъ зайти къ знакомому крестьянину и былъ встреченъ, какъ самый желанный гость, мужемъ и женою, у которыхъ былъ уже здоровый краснощекий мальчуганъ. *Новое Время*, № 6203.

***) *Труды кустарн. комм.*, т. XI, отд. II, стр. 282 и 283. *Нижнегородскій сборникъ*, т. V, стр. 222.

Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ.

(20 сентября 1791 г. — 20 сентября 1891 г.).

Для большинства читающей публики Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ есть авторъ *Семейной хроники*, составляющей неотъемлемую часть дѣтскихъ воспоминаній каждаго изъ насъ, отецъ знаменитыхъ славянофиловъ и, наконецъ, горячій поклонникъ Гоголя. Тѣ, кто не позабылъ еще своего учебника литературы, могутъ прибавить къ этому, пожалуй, что Аксаковъ имѣлъ какой-то длинный доисторическій періодъ, когда онъ былъ плохимъ стихоплетомъ и записнымъ театраломъ, и что только на шестомъ десяткѣ, подъ влияніемъ Гоголя и собственныхъ сыновей, онъ вдругъ сдѣлался классическимъ писателемъ, перескочивъ сразу изъ ложно-классицизма прошлаго вѣка къ художественному реализму гоголевскаго періода.

Историкъ русскаго общественнаго развитія взглянетъ на С. Т. Аксакова съ нѣскольکو другой точки зрѣнія. Для него Аксаковъ — не классическій беллетристъ, а мемуаристъ, драгоценный и единственный въ своемъ родѣ; и самая писательская дѣятельность послѣднихъ двухъ десятилѣтій его жизни имѣетъ значеніе постольку, поскольку свидѣтельствуетъ о прожитомъ и пережитомъ за тѣхъ прежній «доисторическій періодъ». Во всемъ дѣйствующимъ лицамъ воспоминаній и къ самому автору ихъ можно приложить эти слова, заканчивающія *Семейную хронику*: «вы не великіе герои, не громадныя личности, въ чинахъ и безвѣстности прошли вы свое земное поприще, и давно, очень давно его оставили; но вы были люди и ваша внѣшняя и внутренняя жизнь такъ же любопытна и поучительна для насъ, какъ мы и наша жизнь въ свою очередь будутъ любопытна и поучительна для потомковъ. Вы были такіе же дѣйствующія лица великаго всемірнаго зрѣлища, съ незапамятныхъ временъ представляемаго человѣчествомъ, также добросовѣстно разыгрывали свои роли, какъ и всѣ люди, и также отѣте воспоминанія».

Какъ художникъ, С. Т. Аксаковъ вызывалъ и будетъ вызывать критику и возраженія; слава его въ этомъ отношеніи сильно поубавилась еще раньше окончанія его литературной дѣятельности. Какъ «человѣческій документъ» нашего прошлаго, онъ будетъ только возвышаться въ цѣнѣ по мѣрѣ уда-

ленія отъ насъ этого прошлаго. Тѣ же самыя свойства,—недостатокъ самостоятельнаго творчества и полная зависимость отъ личныхъ впечатлѣній, которыя помѣшали ему сдѣлаться художникомъ,—увеличиваютъ его значеніе, какъ мемуариста. Для мемуариста С. Т. Аксаковъ представляетъ удивительно счастливое сочетаніе душевныхъ свойствъ. Съ большою силою впечатлительности соединяется у него замѣчательная отчетливость памяти: наканунѣ смерти онъ вполне ясно помнитъ, не только какихъ онъ наловилъ бабочекъ полвѣка назадъ и какъ опредѣлилъ каждую по Блюменбаху, но и при какой обстановкѣ пойманы были особенно интересные экземпляры. Еще удивительнѣе, чѣмъ память на внѣшнія событія, его память на собственные впечатлѣнія, движенія чувства. Обыкновенно, мемуары, написанные много времени спустя послѣ событій, страдаютъ невѣрностью освѣщенія, происходящей отъ перемѣны точки зрѣнія самихъ авторовъ на описываемыя событія; у Аксакова этого почти нѣтъ: прочувствовавъ и переживъ разъ свои впечатлѣнія, онъ уже остается во власти ихъ даже тогда, какъ самъ не помнитъ ихъ причины и источника. Въ значительной степени содѣйствовало этому, конечно, то, что нашъ «человѣческій документъ» тонко наблюдалъ, сильно чувствовалъ, но не размышлялъ и не теоретизировалъ. Различныя, иногда прямо противоположныя наслоенія впечатлѣній такъ и ложились и препарировались рядомъ въ огромномъ запасѣ его памяти; и когда шестидесятилѣтній старикъ развернулъ передъ нами свой гербарій, зрители не могли не удивиться полной сохранности коллекцій, яркости цвѣтовъ и красокъ и нѣкоторой пестротѣ ихъ также; а старикъ выкладывалъ одинъ за другимъ свои рѣдкіе экземпляры съ такою легкостью, съ такимъ отсутствіемъ усилія и искусственности, что ему и въ голову не приходило приписать свѣжесть впечатлѣнія собственному умѣнью. «Могучею силой *письма и печати* познано теперь съ вами (героями *Семейной хроники*) ваше потомство»: такими наивными словами кончаетъ онъ лучшее изъ своихъ произведеній.

Мы, конечно, хорошо знаемъ, что могучая сила, выведшая на сцену семью Багровыхъ, заключалась не въ гусиномъ перѣ и не въ типографскихъ чернилахъ. И, тѣмъ не менѣе, личность автора, дѣйствительно, совершенно ступевалась въ содержаніи его разсказа,—настолько ступевалась, что критики противоположныхъ направленій должны были дѣлать усилія, чтобы опѣнить *форму* изложенія саму по себѣ. Критикъ *Русской Бесѣды* находилъ, что стиль автора «дѣловой», что, точнѣе, его стиль незамѣтенъ въ процессѣ чтенія: «выражаемая мысль какъ бы сама становится передъ вами, не давая чувствовать своей словесной оболочки». Добролюбовъ заявлялъ, что онъ «слишкомъ уважаетъ фактическую правду мемуаровъ Аксакова, чтобы силиться отыскивать въ нихъ еще правду художественную»; кто-то изъ публики замѣчалъ, что Аксаковъ пишетъ такъ, какъ будто бы онъ никогда не читалъ никакихъ книгъ. Дѣйствительно, между пережитыми впечатлѣніями старины и ихъ литературнымъ выраженіемъ какъ будто не было ничего промежуточнаго, кромѣ «*письма и печати*». Ничего не при-

бавляя къ содержанію, не думая о формѣ, человекъ просто выложилъ, что помнилъ, а въ результатъ получилась неожиданно свѣжая, животрепещущая тема, художественно-обработанная первокласснымъ стилистомъ. «Успѣхъ моей книги удивилъ меня,—писалъ самъ авторъ, и, принимаясь объяснять этотъ успѣхъ, добавлялъ:—я прожилъ жизнь, сохранилъ теплоту и живость воображенія, и вотъ отчего обыкновенный талантъ производитъ необыкновенное дѣйствіе». Дѣйствительно, секрета успѣха нельзя искать исключительно въ талантѣ автора. Что тема оказалась свѣжѣе и животрепещущѣе, это было свойствомъ времени, когда появилась *Семейная хроника* (1856 г.); стиль Аксакова мѣнялся изъ десятилѣтія въ десятилѣтія, совершенствуясь вмѣстѣ съ развитіемъ литературы; что прежній погонщикъ высокаго «штиля» могъ такъ писать, когда литература освободилась отъ классическихъ и романтическихъ условностей,—это почти экспериментъ въ нашей литературѣ, и, конечно, это не личная заслуга Аксакова, хотя и безспорное доказательство его отзывчивости. Наконецъ, то, что вызываетъ впечатлѣніе художественности,—это, несомнѣнно, объективность и чувство мѣры, обнаруженное Аксаковымъ въ *Семейной хроникѣ* и не обнаруженное въ воспоминаніяхъ о позднѣйшихъ временахъ; и для этихъ свойствъ И. С. Аксаковъ находилъ объясненіе, независимое отъ художественнаго таланта отца; по его словамъ, «не разъ говаривалъ С. Т., что если бы онъ вздумалъ писать *Семейную хронику* дѣтъ сорока или сорока пяти, а не шестидесяти, то она вышла бы несравненно хуже: краски были бы слишкомъ ярки». Краски эти поблѣднѣли по мѣрѣ отдаленія времени и по мѣрѣ наступленія возраста, когда «умъ переходитъ въ мудрость», «когда годы и болѣзни умѣрили пылъ и обуздали страсти».

Понимая такимъ образомъ причины неожиданнаго литературнаго успѣха шестидесятилѣтняго С. Т. Аксакова, мы можемъ обойтись безъ того искусственнаго дѣленія его жизни на двѣ части, которое часто употребляется нашими историками литературы. Талантливость Аксакова была налицо, конечно, не въ меньшей степени, когда онъ въ теченіе полулѣтня дѣлалъ свои наблюденія, чѣмъ когда онъ въ концѣ жизни началъ ихъ излагать; съ другой стороны, и въ концѣ жизни онъ не обнаружилъ ничего большаго сравнительно съ сдѣланнымъ ранѣе запасомъ. Если только въ 1850-хъ годахъ Аксаковъ сдѣлался классическимъ писателемъ, то и вина, и заслуга этого принадлежатъ времени, а не автору; нѣтъ, следовательно, нужды предполагать какой-то переворотъ въ талантѣ Аксакова и, съ одной стороны, объяснять его поздній разцвѣтъ какою-то искусственною задержкой въ его литературномъ развитіи, съ другой стороны—преувеличивать вліяніе на развитіе его таланта Гоголя и собственныхъ сыновей. И прежде, и послѣ этого предполагаемаго переворота, оказывающагося, при ближайшемъ разсмотрѣніи, простою ошибкой исторической перспективы, С. Т. Аксаковъ оставался однимъ и тѣмъ же человекомъ, живымъ и впечатлительнымъ, совершенно индифферентнымъ къ общественнымъ движеніямъ и партіямъ, чуждымъ теоретической мысли и отзывчивымъ на самые

тонкіе отгѣнки чувства. Въ его подвижной натурѣ не было какъ разьтѣхъ элементовъ, которые даютъ силу и содержаніе общественной дѣятельности чловѣка въ данный моментъ и дѣлаютъ его непригоднымъ для всѣхъ другихъ моментовъ: у него не было ни философскаго міровоззрѣнія, ни практической общественной программы, ничего, что могло бы устарѣть или кристаллизоваться,—ничего, кромѣ вѣчно-юной любви къ вѣчно-юной природѣ, свѣтлаго взгляда на жизнь и ея радости и очень широкаго,—потому что безформеннаго, безыдейнаго,—сочувствія ко всему прекрасному. Этому какъ будто противорѣчить «русское направленіе» С. Т. Аксакова; но какъ скоро увидимъ, и оно у Аксакова не есть теорія, а только настроеніе, не только не вызывавшее его на бой, какъ его сыновей, но, напротивъ, побуждавшее его оставаться въ сторонѣ отъ дѣйствительнаго теченія жизни. Въ извѣстномъ стихотвореніи Алексѣя Толстаго кievскій богатырь просыпается отъ вѣковой спячки въ разные моменты русской исторіи и сталкивается довольно неприятнымъ для себя образомъ съ дѣйствительностью этихъ моментовъ, которой онъ не можетъ ни понять, ни одобрить. С. Т. Аксаковъ есть такой же Потокъ-богатырь нашей литературы: и онъ стоитъ въ сторонѣ отъ главнаго русла ея, промываемаго борьбой общественныхъ страстей и интересовъ; сила этихъ страстей и смѣна различныхъ сочетаній остаются для него непонятны: изъ своего узкаго угла онъ рискуетъ иногда выходить на свѣтъ Божій, но его путеводители, которыхъ онъ подбираетъ по своему вкусу, перетолковываютъ ему эту дѣйствительность не хуже, чѣмъ Ал. Толстой своему герою; и онъ снова спѣшатъ уйти въ свой семейный и дружескій уголокъ. Впрочемъ, въ концѣ-концовъ, онъ оказывается счастливѣе толстовскаго героя: въ одинъ изъ такихъ выходовъ его настроеніе какъ будто совпадаетъ на минуту съ настроеніемъ окружающей толпы; польщенный вниманіемъ, онъ принимается разсказывать о томъ, какъ жила встарину дѣды въ привольныхъ степяхъ, только не днѣпровскихъ, а оренбургскихъ; молодежь слушаетъ охотно про чудеса стараго времени; бранятъ его героевъ, но хвалятъ расказчика; а старику и любо: перебравъ дѣдовскую старину, онъ переходитъ къ временамъ, которыя помнятъ и внуки, и помнятъ не такъ, какъ разсказываетъ дѣдушка. Все, попрежнему, льется плавная и изобразительная рѣчь, и не видитъ расхолодившійся старикъ, какъ начинаетъ, вѣвать его оживленная аудиторія, какъ расходится понемногу, оставляя, наконецъ, его одного продолжать свои безконечные разказы.

Смерть прервала эти разказы, диктовавшіеся Аксаковымъ не въ хронологическомъ порядкѣ, но, въ общемъ, доведенные до знакомства съ Гоголемъ, разказъ о которомъ остался недоконченнымъ. Поставленные въ хронологическій порядокъ и дополненные другъ другомъ, эти статьи составляютъ почти полную автобіографію писателя и исторію тѣхъ кружковъ, среди которыхъ онъ жилъ *). На нихъ мы и остановимся теперь, не имѣя,

*) Всѣ эти статьи занимаютъ I—IV томы *Полнаго собранія сочиненій С. Т. Аксакова*, изд. въ шести томахъ въ 1886 г.

конечно, въ виду повторять много разъ пересказанную біографію С. Т. Аксакова, а желая только отчасти напомнить главные черты ея, отчасти же подчеркнуть тѣ стороны, которыя недостаточно отмѣчены до сихъ поръ біографами.

Мы не будемъ, конечно, останавливаться на изображеніи той помѣщичьей среды, изъ которой вышелъ С. Т. Аксаковъ. Изъ *Семейной хроники* видно, что авторъ въ общемъ относился къ этой средѣ сочувственно, хотя не скрываетъ и темныхъ сторонъ ея. Очевидно, онъ былъ доволенъ *порядкомъ* и смотрѣлъ на послѣднія, какъ на *исключенія*, не стоящія въ причинной связи съ порядкомъ. Такимъ образомъ, даже семейный деспотизмъ дѣдушки Багрова, взятый въ связи со всею обстановкой, находилъ рациональное объясненіе и являлся естественнымъ коррективомъ данныхъ семейныхъ нравовъ и отношеній. По отношенію къ его матери этотъ деспотизмъ сослужилъ, дѣйствительно, хорошую службу, защитивъ ее отъ золовокъ; но надо сказать, что и недоброжелательство золовокъ вызвано было всего болѣе борьбой за вліяніе на строгаго дѣдушку. Какъ бы то ни было, *эта* среда не могла создать С. Т. Аксакова, и если бы ему пришлось вырасти въ семьѣ дѣда, изъ него, по всей вѣроятности, вышла бы такая же безличность, какъ его отецъ, съ которымъ у него много общаго по мягкости характера. Лучомъ свѣта, ворвавшимся въ это темное царство, была мать Аксакова, дочь товарища уфимскаго намѣстника Зубова, красавица уфимскаго бомонда, нашедшая въ губернскомъ обществѣ множество поклонниковъ и обожателей, но ни одного жениха, который бы рѣшился ввести въ семью черезчуръ эмансипированную по тому времени дѣвушку. С. Т. Аксаковъ изобразилъ трогательную исторію препятствій, которыя пришлось преодолѣть влюбленному безъ памяти сыну дѣдушки Аксакова, чтобы вынудить согласіе послѣдняго на эту свадьбу и жениться на Зубовой, принявшей, въ силу домашнихъ обстоятельствъ, это единственное предложеніе и успѣвшей на половину разочароваться въ женихѣ еще до замужства. Разочаровавшись окончательно въ мужѣ, она перенесла всю любовь на сына и употребила всѣ усилія, чтобы изолировать его отъ ненавистной ей деревенской обстановки и воспитать по-своему. Она не могла преодолѣть только его любви къ природѣ и сдѣлала тутъ уступки; но сношенія съ деревенскимъ населеніемъ были прекращены разъ навсегда; оборонительное положеніе, занятое матерью по отношенію къ деревнѣ, было перенесено и на сына: изъ окошекъ барской усадьбы мальчикъ долженъ былъ любоваться зимними увеселеніями крестьянскихъ дѣтей и, немного подросши, потихоньку отъ матери бѣгалъ слушать народныя пѣсни. Еще строже былъ изолированъ мальчикъ отъ соприкосновенія съ дворней и отъ дурнаго вліянія дѣвичьей. Внукъ Степана Михайловича только разъ видѣлъ и смутно помнилъ пароксизмъ дѣдовскаго гнѣва; въ его собственной семьѣ нравы были до такой степени непохожи на дѣдовскіе, что онъ былъ пораженъ и оскорбленъ до глубины души, когда случайно увидѣлъ, какъ бабушка бьетъ свою дворовую дѣвку или учитель сѣчетъ дѣтей въ народной школѣ: эти и по-

добные случаи запечатлѣвались въ его памяти какъ нѣчто рѣзко-исключительное. Только позже, и больше изъ рассказовъ, чѣмъ изъ собственныхъ наблюдѣній, познакомился онъ съ темною стороной помѣщичьей жизни, и этому слѣдуетъ въ немалой степени приписать его оптимизмъ по отношенію къ ней.

Въ помѣщичьемъ хозяйствѣ мать также по принципу не принимала участія и сынъ былъ воспитанъ въ томъ же духѣ. Позднѣе, женившись, онъ пробовалъ сдѣлаться хозяиномъ, но пришелъ только къ убѣжденію «въ собственномъ безсиліи быть полезнымъ» и окончательно расстался съ деревней.

Таковы были первыя отношенія къ практической жизни. Конечно, эти только условія сдѣлали возможнымъ нравственное воспитаніе Аксакова, но тѣ же условія, можно думать, положили начало тому индифферентизму къ общественной жизни, какимъ всю жизнь отличался Сергѣй Тимофеевичъ по признанію собственнаго сына (Ив. Серг.). Въ искусственной атмосферѣ его дѣтской развивалась усиленно только его чувствительность, подъ вліяніемъ страстныхъ изліяній матери, ревниво искавшей дѣтской взаимности; тамъ же положено было начало его любви къ чтенію. Руководителемъ перваго чтенія мальчика былъ старый либераль екатерининскаго времени, депутатъ екатерининской комиссіи Аничковъ. Выборъ книгъ обусловливался наличнымъ составомъ его библіотеки. Послѣ нѣсколькихъ христоматическихъ сборниковъ для дѣтскаго чтенія, Аксаковъ получилъ отъ него (пяти лѣтъ) Сумарокова и Хераскова и упражнялся въ декламированіи *Россіады*, черезъ годъ прочиталъ многотомную *Жизнь англійскаго философа Клеветанда*, увлекавшую нашихъ предковъ всю вторую половину XVIII в.; еще черезъ годъ познакомился съ *1001 ночью*, съ стихотворными сборниками Карамзина и даже—потихоньку отъ матери—съ Ричардсономъ. Одинъ этотъ выборъ чтенія показываетъ, что для своихъ 7—8 лѣтъ Аксаковъ былъ развитъ не по возрасту и что это развитіе было развитіемъ чувства и сердца, а не мысли.

Далѣе слѣдуютъ учебные годы Аксакова (1800—1807), проведенные въ казанской гимназій и только что учрежденномъ университетѣ, какъ извѣстно, тѣсно слитомъ въ первые годы своего существованія съ тою же гимназіей. «Я оставилъ университетъ,—писалъ позднѣе С. Т. Аксаковъ,—въ такихъ годахъ, въ которыхъ надлежало бы поступить въ него, слѣдовательно, вынесъ очень мало знаній». «Во всю мою жизнь,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—чувствовалъ я недостаточность этихъ научныхъ свѣдѣній, особенно положительныхъ знаній»; и сынъ его, И. С., точно также подтверждаетъ, что отецъ «не былъ не только ученымъ, но и не обладалъ достаточною образованностью». Однако же, гимназическая и университетская жизнь далеко не прошла безслѣдно для развитія личности С. Т. Аксакова. Во-первыхъ, она развила въ немъ чувство товарищества и отвлеченный идеализмъ молодости. «Тамъ царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, ко всѣмъ своекорыстнымъ расчетамъ и выгодамъ,

ко всей житейской мудрости—и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя бы и безразсудному. Память такихъ годовъ неразлучно живетъ съ человѣкомъ и, непримѣтно для него, освѣщаетъ и направляетъ его шаги въ продолженіе цѣлой жизни, и куда бы его ни затащили обстоятельства, какъ бы ни втоптали въ грязь и тину, она выводитъ его на честную прямую дорогу. Я, по крайней мѣрѣ, за все, что сохранилось во мнѣ добраго, считаю себя обязаннымъ гимназій, университету, общественному ученію и тому живому началу, которое вынесъ я оттуда. Я убѣжденъ, что у того, кто не воспитывался въ публичномъ учебномъ заведеніи, остается пробѣлъ въ жизни, что ему недостаетъ нѣкоторыхъ испытанныхъ въ юности ощущеній, что жизнь его неполна»... Такими прочувствованными словами кончаетъ онъ свои школьные воспоминанія.

Кромѣ развитія чувства общественности, школьные годы прибавили нѣсколько чертъ и къ умственной физіономіи Аксакова. Въ этомъ отношеніи, прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить вліяніе его воспитателя, тогдашняго учителя и профессора, а впослѣдствіе виднаго дѣятеля по воссоединенію униатова и попечителя бѣлорусскаго учебнаго округа, Гр. Ив. Карташевскаго. Къ особенностямъ характера Аксакова принадлежало то его свойство, что, очень легко поддаваясь вліянію людей съ сильною волей, онъ, повидимому, самъ не замѣчалъ своего подчиненія. Такъ, онъ самъ, а вслѣдъ за нимъ и его біографы, считали проявленіемъ ранней оригинальности его гимназическую оппозицію Карамзину. Всмотриваясь пристальнѣе, нельзя не заключить, что эта оппозиція, а вмѣстѣ и все то «русское направленіе», съ которымъ вышелъ Аксаковъ изъ университета, есть дѣло рукъ Карташевскаго. Взявъ въ свои руки воспитаніе Аксакова, Карташевскій, прежде всего, произвелъ строгій выборъ книгъ для его чтенія. Все сантиментально-фривольное, и прежде всего повѣсти Карамзина, было устранено; изъ Державина тоже допущены были только небольшіе отрывки; только безукоризненно нравственный Дмитріевъ былъ разрѣшенъ весь. Мальчикъ безусловно слушался наставника и всѣ его совѣты и мнѣнія принималъ какъ святую истину. Въ результатѣ и получилось очень курьезное сочетаніе впечатлѣній, прошедшихъ и не прошедшихъ черезъ цензуру наставника. Мальчикъ зачитывался потихоньку сантиментальными романами и, въ то же время, добросовѣстно громилъ сантиментализмъ; «бралъ прозу Карамзина и былъ въ восторгѣ отъ его плохихъ стиховъ, отъ прощанія Гектора съ Андромахой и отъ «Опытной соломоновой мудрости». Аксаковъ справедливо заключалъ изъ этого: «понятія мои путались»; но онъ потерялъ ключъ къ объясненію этой путаницы, который не трудно найти: стихи Карамзина онъ зналъ раньше, чѣмъ началось воспитательство Карташевскаго, и не могъ передѣлать своего перваго впечатлѣнія, хотя оно и вызвало порицаніе воспитателя, а прозу узналъ уже подъ его угломъ зрѣнія.

Оппозиція противъ сантиментализма поставила Аксакова уже въ университетѣ въ то положеніе къ большинству товарищей, въ которомъ онъ

навсегда потомъ остался по отношенію къ русскому обществу. Но мы расскажем это словами самого Аксакова: «Я терпѣлъ жестокаго гоненія отъ товарищей, которые всё были безусловными поклонниками и обожателями Карамзина. Въ одно прекрасное утро, передъ началомъ лекціи входилъ я въ спальныя комнаты казенныхъ студентовъ. Вдругъ поднялся шумъ и крикъ: «вотъ онъ, вотъ онъ!»—и толпа студентовъ окружила меня. Всѣ въ одинъ голосъ осыпали меня поздравленіями, что «нашелся еще такой же уродъ, какъ я и проф. Городчаниновъ, лишенный отъ природы вкуса и чувства къ прекрасному, который ненавидитъ Карамзина и ругаетъ эпоху, произведенную имъ въ литературѣ; завоспѣтый славянофилъ, старовѣръ и гасильникъ, который осмѣлился напечатать свои старозавѣтныя остроты и насмѣшки...» Народъ былъ молодой, горячій и почти каждый выше и старше меня: одинъ обвинялъ, другой упрекалъ, третій возражалъ, какъ будто, на мои слова, прибавляя: «а, ты теперь думаешь, что ужъ твоя взяла?» или: «а, ты теперь, пожалуй, скажешь: вотъ вамъ доказательство!» и проч. и проч. Изумленный и даже почти испуганный, я не говорилъ ни слова, и, несмотря на то, чуть-чуть не побилъ меня за дерзкія рѣчи». Скоро дѣло объяснилось: одинъ изъ студентовъ получалъ знаменитое *Разсужденіе о старомъ и новомъ словѣ* Ал. Сем. Шишова, изданное за два года передъ тѣмъ: эта-то литературная новость вызвала такую бурю въ спальняхъ казенныхъ студентовъ. Конечно, Аксаковъ не замедлилъ достать книгу. «Я увѣровалъ,—говоритъ онъ,—въ каждое слово его книги, какъ въ святую! Русское мое направленіе и враждебность ко всему иностранному упрочилась сознательно и темное чувство національности выросло до исключительности. Я не смѣлъ обнаруживать ихъ вполне, встрѣчая во всѣхъ товарищахъ упорное противодѣйствіе, и долженъ былъ хранить мои убѣжденія въ глубинѣ души, отчего они, въ тишинѣ и покоѣ, достигли огромныхъ и неправильныхъ размѣровъ». Такъ развился замоченный Карташевскимъ зародышъ въ страстной душѣ Аксакова.

За то, съ другой стороны, развитіе литературныхъ вкусовъ Аксакова было несомнѣнно самостоятелно: это его старое увлеченіе дамшашей, превратившееся въ университетѣ, уже помимо воли воспитателя и отчасти даже вопреки его волѣ, въ увлеченіе театромъ. Въ этомъ увлеченіи, въ сущности, не было уже ничего случайнаго: гораздо тѣснѣе, чѣмъ «русское направленіе», стояло оно въ связи съ индивидуальностью Аксакова, съ его подвижною, впечатлительною натурой, недостаточно сильно одаренной для самостоятельнаго творчества, но находившей удовлетвореніе въ воспроизведеніи, въ лицедѣйствѣ, и—при успѣхѣ въ этомъ родѣ дѣятельности—подстрекаемой самолюбіемъ и честолюбіемъ. Съ другой стороны, уже съ середины XVIII в. театръ сдѣлался потребностью средней публики столицъ, а къ концу вѣка ввусъ къ театру развился и въ провинціальныя центры; конечно, это была наиболѣе доступная—даже болѣе доступная, чѣмъ чтеніе—форма, въ которой могли возбуждаться и удовлетворяться умственныя и нравственныя интересы этой публики. Раньше,

чѣмъ періодическая пресса, театръ сдѣлался у насъ выразителемъ «всего честнаго и высокаго»; «авторъ драматическій,—по словамъ Аксакова (1828 г.),—долженъ быть наставникомъ (публики)... двигать впередъ образованіе словесности... управлять (волною)»; потому что, «кому возможнѣе ея править, какъ не писателю драматическому, въ единое мгновеніе потрясающему тысячи душъ и умовъ?»

Этими же мыслями одушевленъ былъ, конечно, студентъ Аксаковъ, когда сдѣлался дѣятельнѣйшимъ членомъ и даже режиссеромъ студенческихъ спектаклей; но нужно сказать, что уже и тогда театръ, какъ *средство* въ достиженію «всего честнаго и высокаго», заслонился для Аксакова театромъ, какъ *целью* самой по себѣ: тогда уже онъ началъ интересоваться не столько тѣмъ, что игралось, сколько тѣмъ, какъ игралось, и погружался во всѣ тонкости техники актерскаго искусства. Конечно, этому способствовалъ и самый репертуаръ, бывшій у казанскихъ студентовъ не хуже, но и не лучше репертуара казенной сцены (и частнаго казанскаго театра): играли больше всего «коцебятину», мѣщанскую драму, наводнявшую тогда нашу сцену вопреки протестамъ поклонниковъ ложно-классической трагедіи и комедіи; рядомъ съ ней продолжали давать иногда и старика Сумарокова, и новаго, тогда блиставшаго представителя ложно-классической трагедіи—Озерова. Товарищи Аксакова «пламенно желали» также сыграть *Разбойниковъ* Шиллера; «я,—говоритъ Аксаковъ,—не слишкомъ горячо хлопоталъ объ этомъ спектаклѣ, потому что... у насъ не было хорошихъ актеровъ для первыхъ ролей»; въ послѣдній моментъ этотъ спектакль, впрочемъ, былъ запрещенъ начальствомъ.

«Русское направленіе» и театральныя увлеченія надолго остаются единственнымъ содержаніемъ умственныхъ интересовъ Аксакова. Приѣхавъ послѣ университета въ Петербургъ и устроившись тамъ на службу (переводчикомъ въ комиссіи составленія законовъ), Аксаковъ «жилъ въ Петербургѣ уединенно, также мало встрѣчая сочувствія къ своимъ убѣжденіямъ и обнаруживая ихъ еще менѣе». Но скоро онъ нашелъ друзей по своему вкусу. Черезъ общаго знакомаго онъ получаетъ доступъ къ актеру Шушерину, начинаетъ проводить у него всѣ вечера и проходить «настоящую театральную школу»: за два съ половиной года Шушеринъ, по его расчету, прошелъ съ нимъ «болѣе двадцати значительныхъ ролей, кромѣ мелкихъ». Остатокъ дня между службой и вечерами употреблялся на подучиваніе ролей,—и такъ проходило все время Аксакова. Впрочемъ, скоро сосѣдъ по канцеляріи, Казначеевъ, оказавшійся племянникомъ Шишкова, познакомилъ Аксакова съ послѣднимъ; быстро сойдясь съ семьей и поправившись старику, Аксаковъ три раза въ недѣлю обѣдалъ у Шишкова и добросовѣстно и благоговѣнно выслушивалъ послѣ обѣда его длинныя и не всегда убѣдительныя даже для Аксакова разсужденія.

Любопытно остановиться на этихъ личныхъ сношеніяхъ отца позднѣйшихъ славянофиловъ съ старымъ «славянофиломъ» («тогда это слово было уже въ употребленіи»,—замѣчаетъ Аксаковъ) александровскаго времени.

Опредѣляя содержаніе тогдашняго «русскаго направленія», Аксаковъ говоритъ, что оно «заключалось въ восстаніи противъ введенія нашими писателями иностранныхъ или, лучше, французскихъ словъ и оборотовъ рѣчи, противъ предпочтенія всего чужаго своему, противъ подражанія французскимъ модамъ и обычаямъ и противъ всеобщаго употребленія въ общественныхъ разговорахъ французскаго языка». Определеніе это интересно тѣмъ, что оно характеризуетъ не самое направленіе Шишкова, а то, что усвоилъ изъ него С. Т. Аксаковъ. Оно невѣрно не тѣмъ, что въ немъ сказано, а тѣмъ, что въ немъ умолчано. Умолчана именно политическая и общественная подкладка пропаганды Шишкова, безъ которой вся пропаганда и для него самого, и для его противниковъ теряла большую часть своего смысла. Подражаніе французамъ въ литературѣ и жизни ненавистно Шишкову, какъ источникъ «вольнодумнаго и якобинскаго яда», который онъ, по собственнымъ словамъ, уже съ 1804 г. преслѣдовалъ въ русскомъ обществѣ; словомъ, литературная полемика противъ карамзинскаго слога была орудіемъ борьбы противъ «либералистовъ» того времени; это очень хорошо понимала и противная сторона; хорошо понималъ и Карамзинъ, молчаливо перешедшій на сторону своихъ литературныхъ противниковъ и политическихъ единомышленниковъ. Но Аксаковъ въ ту пору не узнавалъ, повидимому, въ Карамзинѣ сторонника того же «русскаго направленія»; съ нѣскольکو кощичною гордостью онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что бывалъ у Карамзина не какъ у литератора, а какъ у сосѣда по имѣнію. Этимъ, конечно, опредѣляется и отношеніе Аксакова ко всему, что было лѣвѣе Карамзина.

И такъ, славянофильство Шишкова повліяло на Аксакова лишь постольку, поскольку согласовалось съ благодушнымъ характеромъ послѣднаго и съ его политическимъ безразличіемъ; «чуждый гражданскихъ интересовъ», онъ не сдѣлался воинствующимъ патриотомъ даже въ рукахъ такого фанатика, какимъ былъ Шишковъ, даже въ такое время, какъ войны 1805—1812 гг.

Въ 1850-хъ годахъ онъ находилъ противъ славянофильства Шишкова и нѣкоторыя возраженія, которыя не менѣе характерны, чѣмъ пониманіе имъ этого славянофильства. Дѣло въ томъ, что «Шишковъ и его послѣдователи возставали противъ нововведеній *тогдашняю* времени, а все введенное прежде, отъ реформы Петра I до появленія Карамзина, признавали русскимъ и себя самихъ считали русскими»; такимъ образомъ, это славянофильство отрицало только культуру XIX в., тогда какъ слѣдовало отрицать и культуру XVIII в., т.-е. весь петербургскій періодъ. Эти замѣчанія даютъ намъ почувствовать, въ какомъ направленіи развилось «русское направленіе» Аксакова въ послѣдующее время. Оно осложнилось *культулою Москвы*, усвоеннымъ уже во время московской жизни, подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, С. Н. Глинки и Загоскина. Такимъ образомъ, не усвоивъ *поллицейской* тенденціи «славянофильства» Шишкова, Аксаковъ придалъ ему отъ себя тенденцію *археологическую*.

Въ 1811 г. Аксаковъ уѣхалъ изъ С.-Петербурга въ деревню. Лѣтомъ 1812 г. онъ былъ въ Москвѣ и завелъ первыя знакомства съ московскими литераторами, и между ними съ другимъ знаменитымъ дѣятелемъ патріотической литературы 1805 — 1812 гг., С. Н. Глинкой. Съ своимъ благодушемъ, съ своимъ легкимъ пафосомъ этотъ большой ребенокъ, Глинна, гораздо ближе подходилъ къ темпераменту Аксакова, чѣмъ узкій и сухой доктринёръ Шишковъ. И его патріотическая теорія, не остановившаяся на критикѣ иноземныхъ нововведеній и впервые, кажется, заговорившая о допетровской Руси, какъ нѣкоторомъ положительномъ національномъ идеалѣ, была какъ разъ тѣмъ шагомъ къ позднѣйшему славянофильству, который мы только что отмѣтили у Аксакова. Но увлеченіе Глинки *обязывало* къ соотвѣтствующей патріотической дѣятельности или, лучше сказать, переходило въ эту дѣятельность само собою; зная уже Аксакова, мы легко догадаемся, что здѣсь и былъ предѣлъ вліянія, которое могло оказать на него знакомство съ Глинкой. Въ то время, какъ Москва была полна толпами о наступленіи Наполеона и Глинна съ жаромъ предсказывалъ, что Москва будетъ взята, Аксаковъ «всего менѣе думалъ о Наполеонѣ; мы (съ! Шушеринимъ) думали о будущемъ его бенефисѣ и о томъ, какъ бы мнѣ въ то время пріѣхать въ Москву». Пріѣхать въ Москву Сергѣю Тимофеевичу удалось, однако, уже много спустя послѣ московскаго пожара, въ 1815 г. Патріотическое настроеніе публики послѣ 1812 года, конечно, еще болѣе усилилось. «Нетерпимость общественнаго мнѣнія, — пишетъ г-жа Свѣчина въ 1813 г., — теперь сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было: горе тому, кто молчитъ, горе тому, кто говорить, горе тому, кто не бранится, горе тому, кто не славословить». Годы освободительной войны, реставраціи и конгрессовъ не ослабили этого настроенія, но они дали ему нѣсколько другое направленіе, расширивъ политическій горизонтъ русской интеллигенціи и довершивъ политическое воспитаніе тогдашняго молодого поколѣнія. Въ воспоминаніяхъ Аксакова эти годы являются почти полнымъ пробѣломъ; и это молчаніе въ данномъ случаѣ такъ же краснорѣчиво, какъ подробное повѣствованіе о предъидущемъ и послѣдующемъ времени. Аксакову, очевидно, нечѣмъ было помнить эти годы. Были, конечно, для этого и личныя причины. Въ 1814 г. Аксаковъ женился и рѣшилъ десять лѣтъ употребить на устройство своего матеріальнаго положенія. Первую половину этого промежутка времени онъ прожилъ въ домѣ родителей, представлявшемъ теперь совсѣмъ другую картину, чѣмъ во время дѣтства Сергѣя Тимофеевича: «Нѣкогда блистательная, страстная Марья Николаевна (мать С. Т.) превратилась въ старую, болѣзненную, мнительную и ревнивую женщину, до конца жизни мужичиному сознаниемъ ничтожества своего супруга и, въ то же время, ревновашую, ибо она чувствовала, что онъ только ея боится, но что она утратила его сердце. Страстно любимый Сережа былъ разлюбленъ ею, какъ скоро онъ женился. Оба старика чувствовали, что Сереженька вышелъ изъ ихъ среды». Изъ этой характеристики, сдѣланной И. С. Аксаковымъ, видны и

причины того, почему второе пятилѣтіе Аксаковъ жаль уже отдѣльно въ выдѣленномъ ему селѣ Надежинѣ (Парашинѣ *Семейной хроники*). Въ это пятилѣтіе онъ занятъ былъ, кромѣ хозяйства, охоты и карты, также и начальнымъ воспитаніемъ сына Константина, котораго держалъ на литературѣ собственнаго дѣтства: Херасковѣ, Внѣжвинѣ, Ломоносовѣ, И. И. Дмитріевѣ.

Въ Москвѣ Аксаковъ былъ въ началѣ, въ срединѣ и окончательно поселился въ концѣ этого десятилѣтія. Въ 1815 — 16 гг. онъ только продолжаетъ завязавшіяся ранѣе отношенія; спѣшить возобновить литературные и театральные разговоры, прерванные нашествіемъ Наполеона, и водить знакомство съ «великими» Николевыми, «великими» Ильиными и пречю литературною мелюзгой. Въ этомъ обществѣ, смѣшныя стороны котораго онъ очень хорошо видѣлъ и запомнилъ, Аксаковъ, конечно, не могъ подвинуться въ своемъ развитіи, но въ одномъ отношеніи оно имѣло для него важное значеніе. Въ Петербургѣ передъ Шишковымъ и въ 1814 г., передъ Державинимъ онъ только благоговѣлъ и проходилъ свое послушничество; въ Москвѣ, поощряемый пріятелями, онъ самъ сталъ литераторомъ: именно, за недостаткомъ собственнаго творчества, онъ сталъ переводить для сцены. Черезъ пять лѣтъ, зимой 1820 — 1821 г., Аксаковъ является въ Москву съ тѣми же интересами; всю зиму онъ проводитъ въ разыгрываніи любительскихъ спектаклей. «Сколько дѣтскаго и, пожалуй, смѣшнаго было въ этомъ увлеченіи,—пишетъ онъ въ 1858 г.,—какъ оно живо выражаетъ отсутствіе серьезныхъ интересовъ!... Въ тридцать шесть лѣтъ постарѣли не мы одни, не наши только личности,—постарѣло или, правильнѣе сказать, возмужало общество, и подобное увлеченіе теперь невозможно между самыми молодыми людьми». Эти строки очень любопытны для характеристики конца пятидесятихъ годовъ, но двадцатые годы характеризовать тогдашнимъ настроеніемъ Аксакова или даже московскихъ кружковъ, въ которыхъ онъ вращался, было бы не совѣтъ правильно. Увлеченіе благороднымъ театромъ, конечно, свидѣтельствуетъ объ отсутствіи серьезныхъ интересовъ; но это только у Аксакова и его друзей, а не у двадцатыхъ годовъ вообще эти интересы отсутствовали.

Прошло еще пять лѣтъ. «Все было тихо и спокойно въ нашей пустынной глуши. Ничто не предвѣщало грядущихъ событій»,—пишетъ С. Т. Аксаковъ. Въ декабрѣ 1825 г. рядъ чрезвычайныхъ происшествій встряхнулъ провинцію. Одно за другимъ получены были извѣстія о кончинѣ императора Александра I, о присягѣ Константину, о 14 декабря, о присягѣ императору Николаю. Уѣздная интеллигенція присягнула вторично безъ всякаго «смущенія»; потолковали раскольники на заводахъ, какъ «сказывалъ» Сергѣю Тимошеевичу мѣстный исправникъ, и тѣмъ все кончилось. Осенью слѣдующаго года, побуждаемый хозяйственными неудачами, необходимою учать дѣтей и «искать должности», Сергѣй Тимошеевичъ переехалъ въ Москву навсегда. За пять лѣтъ и здѣсь тоже произошли нѣкоторыя событія, не столь, конечно, шумныя, какъ въ Петербургѣ, и еще менѣе извѣстныя Сергѣю Тимошеевичу. Подростало новое университетское поколѣніе, воспи-

тывавшееся на новыхъ книжкахъ и на новыхъ теоріяхъ совѣтъ свѣжаго, иностраннаго привоза. Явилось нѣсколько новыхъ профессоровъ, популяризовавшихъ новые взгляды, и нѣсколько старыхъ знаменитостей кафедры стали казаться студентамъ устарѣлыми. Появился, наконецъ, новый журналъ, задорная критика и живое содержаніе котораго находилось въ рѣзкой противоположности съ академическою скукой *Вѣстника Европы* Каченовскаго. Но С. Т. Аксаковъ съ этою новою интеллигентною Москвою могъ познакомиться только изъ своего стараго театральнаго кружка. На другой день по пріѣздѣ онъ очутился съ Кокоскинымъ и Загоскинымъ на репетиціи, а вернувшись домой, засталъ у себя своего друга водевиллиста Писарева, который съ раздражительностью большаго излиялъ передъ нимъ свои жалобы на обиды и жестокую критику неизвѣстнаго Аксакову издателя *Московскаго Телеграфа*. Такъ старыя отношенія сами собою опредѣляли и новыя; другъ Писарева сдѣлался литературнымъ врагомъ Полеваго, въ дерзость, наглость и безнравственность котораго безусловно увѣривалъ; и наоборотъ, другъ Кокоскина и Загоскина далъ себя убѣдить въ честности и добродушіи кн. Шаховскаго, котораго всегда считалъ дурнымъ человѣкомъ. Кромѣ театра, карточная игра и «русское направленіе» силовывали маленькую компанію: кружокъ довлѣлъ самъ себѣ и, конечно, его интересы не представляли благопріятной почвы для сближенія съ молодою московскою интеллигенціей.

Мы видѣли, что, переѣзжая въ Москву, Аксаковъ имѣлъ въ виду «искать должность» и службой поправить денежные дѣла. Въ Москвѣ онъ встрѣтилъ Шишкова, тогда уже министра народнаго просвѣщенія, пріѣзжавшаго на коронацію. «Рассказывая откровенно Шишкову мои обстоятельства, я говорилъ ему, что мнѣ нужно мѣсто въ Москвѣ съ порядочнымъ жалованьемъ. Я говорилъ, въ то же время, о новомъ особомъ цензурномъ комитетѣ въ Москвѣ, о хорошемъ цензурномъ жалованьи и спрашивалъ, кого онъ имѣетъ въ виду для занятія этихъ мѣстъ? Недогадливость Шишкова осталась прежняя. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что охотниковъ и просьбъ отъ нихъ много, но самъ онъ еще не выбралъ никого; такъ мы и разстались. Дѣлать было нечего. Дня черезъ два я опять пріѣхалъ къ нему и спросилъ его прямо: не могу ли я занять мѣсто цензора?» Тогда Шишковъ согласился.

Эпическое спокойствіе и наивность, съ которою рассказанъ этотъ маленький обращеніе житейской опытности С. Т. Аксакова, обезоруживаетъ читателя. Воздержимся отъ сужденій по существу: другое время, другіе нравы. Но одного вывода изъ цитированнаго отрывка нельзя не сдѣлать: Аксаковъ смотрѣлъ на свои цензорскія обязанности какъ на службу. А служилъ онъ, по его словамъ, даже черезъ-чуръ усердно. «Пріятели посмѣивались надо мной, и я теперь охотно сознаюсь, что въ самомъ дѣлѣ было нѣчто комическое въ моемъ излишнемъ увлеченіи, усердіи и уваженіи къ моему должностному; но таково было ужъ мое свойство». «Нѣчто комическое», дѣйствительно, было въ цензурствѣ Аксакова и, кто знаетъ, можетъ быть,

это комическое и было причиной, почему недогадливый старик Шишковъ никакъ не могъ соединить представленія о цензорѣ съ представленіемъ о своемъ милостѣ декламаторѣ и театралѣ. Во всякомъ случаѣ, оно было не тамъ, гдѣ указываетъ Аксаковъ. Ксенофонтъ Полевой, братъ журналиста, находилъ также, что, кромѣ комическаго, было нѣчто и трагическое; но Ксенофонтъ Полевой не совсѣмъ надежный свидѣтель и мы должны воздержаться отъ общаго сужденія о цензорствѣ Аксакова, пока не узнаемъ о немъ больше, чѣмъ знаемъ теперь.

Цензорство сдѣлало то, чего не могъ сдѣлать кружокъ: оно свело Аксакова съ многими представителями молодой московской интеллигенціи. Но выборъ между ними былъ уже сдѣланъ: Аксаковъ объявилъ Полевому, что «можетъ имѣть съ нимъ сношенія, только какъ цензоръ», и «очень скоро сблизился» съ самымъ старообразнымъ изъ молодыхъ дѣятелей, Погодинымъ, и его сотрудникомъ по *Московскому Вѣстнику* Шевыревымъ; съ этого же времени онъ начинаетъ участвовать и самъ въ журналѣ Погодина. Послѣ изслѣдованія Барсукова мы теперь знаемъ, почему кончилось неудачей это журнальное предпріятіе, задуманное университетскою молодежью и получившее вначалѣ протекцію самого Пушкина. Погодинъ со всѣми разошелся или, точнѣе, всѣ разошлись съ Погодинымъ изъ-за несимпатичныхъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ его натуры.

Такимъ образомъ, молодая Москва очень медленно и слабо оказывала свое дѣйствіе на С. Т. Аксакова. Это и немудрено, такъ какъ въ 1832 году Аксакову исполнилось уже сорокъ лѣтъ. Но здѣсь мы подходимъ къ послѣднему и наиболѣе интересному вопросу біографіи Аксакова. Въ томъ же 1832 г. случились два событія, которымъ біографы приписываютъ рѣшительное вліяніе на личность Аксакова. Во-первыхъ, сынъ его Константинъ поступилъ въ университетъ (15 лѣтъ) и столкнулся тамъ съ молодежью, по отношенію къ которой упоминавшаяся до сихъ поръ «молодая интеллигенція» была уже старшимъ поколѣніемъ, поколѣніемъ учителей. Во-вторыхъ, Погодинъ привелъ къ Аксакову Гоголя, извѣстнаго уже семьѣ Аксаковыхъ автора *Вечеровъ на хуторѣ*.

Чтобъ оцѣнить значеніе обоихъ фактовъ въ біографіи Сергѣя Тимофеевича, мы должны войти въ нѣкоторыя подробности. Константинъ Аксаковъ, дѣйствительно, въ университетѣ скоро сошелся и подружился съ студенческимъ кружкомъ Станкевича. Но въ этотъ кружокъ онъ принесъ свою крѣпкую семейную традицію, скоро поставившую его въ противорѣчіе съ воззрѣніями кружка, какъ ни скромны были вначалѣ самыя эти воззрѣнія. «Я былъ пораженъ направленіемъ кружка и мнѣ оно часто было больно,—говорить онъ самъ впоследствии,—но, видя постоянный умственный интересъ въ этомъ обществѣ, слыша постоянныя рѣчи о нравственныхъ вопросахъ, я, разъ познакомившись, не могъ оторваться отъ этого кружка и рѣшительно каждый вечеръ проводилъ тамъ». Какъ видно изъ воспоминаній Панаева, семья косо смотрѣла на новыя знакомства сына, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Бѣлинскій, «нѣкогда довольно короткій въ домѣ

Аксаковыхъ», въ концѣ 30-хъ годовъ «заходилъ только къ Константину Аксакову въ мезонинъ», замѣтивъ, что мать Константина его «не жалуетъ». Сергій Тимофеевичъ, вѣроятно, еще молчалъ, но друзья не скрывали своего неудовольствія и говорили вслухъ то, что отецъ думалъ про себя. «Тебя, Константинъ, я люблю,—говаривалъ Загоскинъ,—за то, что ты привязанъ къ матушкѣ святой Руси. Эта привязанность вкоренилась въ тебя потому, что ты воспитывался въ честномъ, хорошемъ, русскомъ дворянскомъ семействѣ,—ну, а ужъ твои пріатели... этихъ бы господъ я...»—и Загоскинъ энергически сжималъ кулаки. Противупоставляя Константину его пріателей, Загоскинъ былъ не совсѣмъ правъ въ одномъ отношеніи: и изъ нихъ многіе «воспитывались въ хорошихъ русскихъ дворянскихъ семействахъ» и исходили отъ простой вѣры въ семейныя традиціи; очутившись передъ противорѣчіемъ этихъ вѣрованій съ новыми философскими ученіями, и они вынесли жестокую внутреннюю борьбу; только результатъ борьбы былъ различенъ: одни отказались отъ старыхъ вѣрованій, другіе, съ болѣе крѣпкою традиціей, отказались отъ новыхъ философскихъ ученій или попытались примѣнить ихъ къ старымъ вѣрованіямъ: въ числѣ послѣднихъ былъ и Константинъ Аксаковъ.

И такъ, не только университетскія знакомства К. Аксакова не внесли свѣжихъ идей въ его семью, но, напротивъ, идеи семьи парализовали вліяніе университетскихъ пріателей. Но, можетъ быть, съ другой стороны, со стороны товарищей по славянофильству, проникали въ семью новыя вліянія? Какъ ни странно, но приходится и на этотъ вопросъ отвѣчать почти отрицательно. Главные основатели теоретическаго славянофильства, Хомяковъ и И. Кирѣевскій, были значительно старше Константина Аксакова; они обдумывали основы будущей системы въ то самое время, когда К. Аксаковъ еще дружилъ съ своими будущими противниками; а когда онъ, пройдя вмѣстѣ съ кружкомъ Станкевича два первые фазиса его развитія, прекраснодушіе и правое гегеліанство, разошелся съ нимъ,—онъ воспринялъ теоретическія основы ученія уже готовыми. Руководимый и здѣсь семейными традиціями, извѣстнымъ намъ культамъ Москвы и отрицаніемъ петербургскаго періода, онъ сдѣлался русскимъ историкомъ школы и развилъ славянофильскую схему въ приложеніи къ русской исторіи. Не можетъ быть сомнѣнія, что отецъ Аксакова увѣровалъ въ систему, придуманную сыномъ; но нельзя сомнѣваться и въ томъ, что система эта не измѣнила ни на іоту его стараго представленія о содержаніи «русскаго направленія»: она только дала для него теоретическое обоснованіе, въ которомъ, впрочемъ, по свойству своего характера, онъ врядъ ли и нуждался.

Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи отецъ болѣе сзудилъ идеи сына, чѣмъ сынъ расширилъ идеи отца. Благодаря отцовскому вліянію, ни у кого изъ серьезныхъ славянофиловъ философія націонализма не стояла въ такой тѣсной связи съ конкретными формами стариннаго быта, какъ у Константина Аксакова. Благодаря сыновнему вліянію, отецъ только значительно поднялъ тонъ своего «русскаго направленія», а содержаніе осталось

старое. На частномъ примѣрѣ можно наглядно показать характеръ этого взаимодействия. Отецъ воспиталъ сына въ убѣжденіи, что «наружность составляетъ тонъ жизни»; что «освобожденіе отъ западной моды, поэтому, было бы если не полнымъ, то весьма значительнымъ освобожденіемъ отъ вліянія западнаго зла». Отецъ твердилъ это давно, еще со временъ Шишкова, но, по замѣчанію Ив. Аксакова, у него «не было ни малѣйшаго пополюзованія къ пропагандѣ». Выросъ болѣе импульсивный Константинъ—и вывелъ изъ этого ученія ближайшій практическій выводъ: одѣлъ отца въ русское платье. Надо прочесть въ семейной перепискѣ Аксаковыхъ письма, написанныя по поводу правительственнаго циркуляра 1849 г., запретившаго носить бороды. Въ семейномъ переполохѣ отецъ горячится совершенно тономъ сына, а сынъ воспроизводитъ разсужденія отца (въ только что цитированныхъ выраженіяхъ). «И такъ, конецъ кратковременному возстановленію русскаго платья, хотя не на многихъ плечахъ! *Конецъ надежды на обращеніе къ русскому направленію!* Все это было предательство. Опасались тронуть, думая, что насъ много, что общество намъ сочувствуетъ; но, увѣрившись въ противномъ, сейчасъ рѣшили задавить наше направленіе. Мнѣ это ничего, я уже прожилъ мой вѣкъ, но тяжело мнѣ смотрѣть на Константина, у котораго *отнята всякая общественная дѣятельность*, даже хоть своимъ наружнымъ видомъ. Мы рѣшаемся закупориться въ деревнѣ навсегда». Это говоритъ смиренный, индифферентный Аксаковъ. Мало того, онъ рѣшается писать къ начальнику полиціи, къ министру, къ государю; въ официальномъ письмѣ къ первому онъ заявляетъ: «путемъ цѣлой жизни дойдя до убѣжденія, что неслужащему русскому человѣку нужно ходить въ русскомъ платьѣ и съ бородой,—вдругъ торжественно отъ него отказаться, обречься и переодѣться—тяжелѣе, чѣмъ доживать свой вѣкъ въ деревенскомъ уединеніи». Въ письмѣ же къ графу Орлову онъ даже пускается въ казуистику, подсказанную Константиномъ, и пробуетъ различить запрещающую циркуляромъ «бороду западную (при нѣмецкомъ платьѣ)» отъ «русской бороды» при русскомъ костюмѣ. Такъ сочетается политическая и теоретическая ограниченность отца съ фанатизмомъ сына, давая результатъ еще худшій, чѣмъ оба составные элементы этой смѣси.

Намъ остается оцѣнить вліяніе Гоголя на С. Т. Аксакова. Въ этомъ случаѣ, прежде всего, необходимо отлѣчить литературное вліяніе отъ личнаго. Первое несомнѣнно, поскольку дѣло касается художественнаго реализма Гоголя, и весьма вѣроятно, поскольку дѣло касается стиля, хотя и трудно отдѣлать здѣсь, что принадлежитъ въ измѣненіи стиля Аксакова именно Гоголю. Что касается личныхъ отношеній, въ этомъ случаѣ дѣло рѣшаетъ напечатанная вполне только въ прошломъ году (въ *Русскомъ Архивѣ*) *Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*. Читая эту любопытную, хотя, къ сожалѣнію, не законченную *Исторію*, нельзя не вынести нѣсколько двойственнаго впечатлѣнія. Съ одной стороны, рассказъ Аксакова проникнутъ глубокимъ уваженіемъ и любовью къ великому другу. Съ дру-

гой, набросанная этимъ знатокомъ человѣческаго сердца картина будничныхъ отношеній жестоко развѣнчиваетъ писателя. Аксаковъ, конечно, не можетъ не замѣтить этой двойственности, но онъ не можетъ и выйти изъ нея, такъ какъ она является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ внутренняго противорѣчія, проходящаго красною нитью черезъ все знакомство. Аксаковъ и его семья внесли въ эти отношенія много экспансивности, много готовности любить и предаваться сердечнымъ изліяніямъ. Гоголь принялъ это какъ должную дань генію и снисходительно позволялъ, а потомъ и требовалъ уваженія и услугъ себѣ отъ своихъ пріятелей. На своемъ почтительномъ языкѣ Аксаковъ называлъ исторію этого знакомства «долговременною и тяжелою исторіей неполнаго пониманія Гоголя людьми самыми ему близкими». На дѣлѣ, это была долговременная и тяжелая борьба между добрыми чувствами Аксаковыхъ и постоянными оскорбленіями, наносимыми этимъ чувствамъ поведеніемъ Гоголя. Скрѣпя сердце и отказываясь понимать самые осязательные факты, они упорно поддерживали фикцію искреннихъ и сердечныхъ отношеній до тѣхъ поръ, пока и этой фикции не разрушили ихъ откровенные отзывы о послѣднемъ направленіи Гоголя; сплетни А. О. Смирновой подбавили масла въ огонь, и Гоголь имѣлъ жестокость написать С. Т. Аксакову, что онъ всегда «удивлялся излишеству» любви къ нему Аксаковыхъ, что онъ «никогда не былъ особенно откровененъ (съ ними) и почти ни о чемъ томъ, что было близко душѣ (его), не говорилъ съ (ними), такъ что (они) скорѣе могли узнать (его) только какъ писателя, а не какъ человѣка». Правда, послѣ этого эпизода отношенія возобновились, и, пожалуй, стали даже болѣе простыми, но вотъ что писалъ С. Т. Аксаковъ два дня спустя послѣ смерти Гоголя въ запискѣ, предназначенной для «однихъ сыновей»: «Я не знаю, любилъ ли кто-нибудь Гоголя исключительно какъ человѣка. Я думаю, нѣтъ; да это и невозможно... Всякому было очевидно, что Гоголю ни до кого нѣтъ никакого дѣла; конечно, бывали исключительныя мгновенія, но весьма рѣдкія и весьма для немногихъ... Вотъ до какой степени Гоголь для меня не человѣкъ, что я, который въ молодости ужасно боялся мертвецовъ, я, постоянно боявшійся до сихъ поръ нѣсколько ночей послѣ смерти каждаго знакомаго человѣка, не могъ произвести въ себѣ этого чувства!»

И такъ, мы полагаемъ, что и вліяніе молодаго поколѣнія, и вліяніе сношеній съ Гоголемъ было сильно преувеличиваемо. Личность Аксакова вполне сложилась къ сорокалѣтнему возрасту. Главнѣйшія измѣненія, произошедшія въ немъ за послѣднія двадцать лѣтъ, сдѣлали годы и болѣзни. Старость уравновѣсила страсти; «слѣпота и деревня» удалили дѣятельнаго и любившаго жизнь старика отъ житейской суеты; воспоминанія о пережитомъ представляли какъ бы нѣкоторую замѣну привычныхъ ощущеній. Болѣзнь сдѣлала то, чего не могли сдѣлать ни совѣты Гоголя, ни ростъ литературы: старикъ принялся за литературную дѣятельность въ единственно для него возможной формѣ воспоминаній. Конечно, эти воспоминанія стоили ему меньше труда, чѣмъ когда-то переводъ Филоктета или сатиры Буало; онъ диктовалъ

ихъ, повинувась внутренней потребности, желая поддержать въ себѣ полноту жизни. Литературная слава пришла для него черезъ-чуръ поздно и столько же удивила, сколько обрадовала. Талантъ, который впервые открыла въ немъ публика, онъ въ себѣ «всегда зналъ», по его собственному выраженію; но размѣровъ своего таланта онъ не думалъ преувеличивать и послѣ неожиданнаго успѣха, и это дѣлаетъ величайшую честь его нравственному характеру и его здравому смыслу. Не много найдется писателей, которые до такой степени оставались бы самими собой и въ жизни, и въ литературной дѣятельности, какъ С. Т. Аксаковъ. Выше мы перечислили тѣ качества, которыя дѣлаютъ его сочиненія драгоценнымъ памятникомъ прошедшей жизни; къ этимъ качествамъ надо прибавить еще одно и самое главное: правдивость, которая всегда была кореннымъ догматомъ нравственнаго кодекса Аксакова. Благодаря этому свойству, отъ воспоминаній Аксакова вѣетъ подлинною жизнью и самъ онъ, какъ живой, рисуется въ этихъ воспоминаніяхъ. И въ немъ также, какъ въ его герояхъ, есть и темныя, и свѣтлыя стороны, и однѣ неразрывно связаны съ другими; и онъ—«не великій герой, не громкая личность», но гораздо болѣе, чѣмъ они, онъ «жилъ», жадно впитывалъ въ себя впечатлѣнія жизни и широко подѣлился ими съ потомствомъ; правда, не только во «всемирномъ зрѣлищѣ», но и на болѣе ограниченной сценѣ родной исторіи судьба отвела ему сравнительно скромную роль; о достоинствѣ этой роли можно быть разнаго мнѣнія; но нельзя забыть о ней, не рискуя потерять нѣсколькихъ звеньевъ изъ сложнаго процесса нашего общественнаго развитія.

П. Милуновъ.

По поводу шестисотлѣтія швейцарской конфедераціи.

Нынѣшнимъ лѣтомъ швейцарскій народъ торжественно праздновалъ шестисотлѣтнюю годовщину своей государственной жизни. Исторія Швейцаріи въ эти шестьсотъ лѣтъ весьма поучительна. Краеугольнымъ камнемъ швейцарской конфедераціи можно считать союзъ, заключенный впервые на вѣчныя времена тремя лѣсными кантонами—Швицемъ, Ури и Нижнимъ-Унтервальденомъ въ 1291 г. Цѣли его сводились къ защитѣ отъ произвола внѣшнихъ враговъ и къ охранѣ внутренняго порядка вещей. Законнымъ судьей этимъ договоромъ признавался только тотъ, кто принадлежалъ къ мѣстному населенію и не приобрѣлъ своей должности куплею. Несогласія между конфедератами разрѣшались третейскимъ судомъ, состоявшимъ изъ уважаемыхъ гражданъ, причемъ требовалось безусловное подчиненіе сторонъ постановленію суда. Убіиство наказывалось смертною казнью, если было совершено не съ цѣлью самозащиты. Поджогъ лишалъ преступника правъ гражданства. Таковы въ общихъ чертахъ положенія договора 1291 г. «Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ»—вотъ девизъ вѣчнаго союза. Государства, входящія въ составъ конфедераціи, пользовались извѣстными льготами еще при Гогенштауфенахъ. Сынъ Фридриха II, Генрихъ Гогенштауфенъ, объявилъ въ 1231 г. долину Ури имперскою землей, неотчуждаемой и свободной отъ всякой зависимости въ отношеніи Габсбурговъ. Самъ Фридрихъ II даровалъ Швицу въ 1240 г. *Хартію свободы*, по которой онъ пользовался такими же привилегіями, какъ и Ури. Нѣкоторые историки (Чуди, Мюллеръ и Блунчли) полагаютъ, что подобная хартія была дарована и Унтервальдену, но это остается подъ сомнѣніемъ, такъ какъ Унтервальденъ не составлялъ еще тогда политическаго цѣлаго, а былъ раздробленъ на отдѣльныя коммуны, которыя соединились только въ 1304 г. подъ общимъ названіемъ Унтервальдена.

Генрихъ VII Люксембургскій подтвердилъ въ 1308 г. льготы, данныя его предшественниками, и даровалъ конфедераціи привилегію *de non evocandum*, благодаря которой жители вошедшихъ въ союзъ кантоновъ не могли быть выселены изъ своихъ границъ никакою властью, кромѣ коро-

левскаго суда. Послѣ смерти Генриха Люксембургскаго на германскій престолъ явились два претендента: Фридрихъ Австрійскій и Людовикъ Баварскій. Тагъ какъ австрійскіе герцоги обладали значительными владѣніями въ предѣлахъ конфедераціи, то союзники, опасаясь за свою свободу въ случаѣ торжества австрійскаго дома, предложили услуги Людовику Баварскому; онъ обѣщалъ взаимно оказать имъ защиту отъ притязаній австрійскихъ герцоговъ. Борьба между противниками кончилась побѣдой конфедератовъ при Моргартенѣ (1315 г.) и торжествомъ Людовика. Послѣ побѣды союзъ 1291 г. былъ возобновленъ конфедератами въ Брунненѣ (1315 г.) вторичнымъ договоромъ, запечатлѣннымъ кровью павшихъ въ борьбѣ за общее дѣло. Здѣсь мы уже видимъ кое-какія добавленія къ предъидущему договору. Ни одна изъ лѣсныхъ странъ не имѣетъ права признать кого-либо своимъ главою (или императорскимъ намѣстникомъ) безъ предварительнаго соглашенія съ союзниками. Обязательства относительно сеньора признаются священными только въ томъ случаѣ, когда онъ не во враждебныхъ отношеніяхъ съ которою-нибудь изъ союзныхъ странъ. Новый договоръ запрещаетъ всякіе союзы и даже торговлю съ чужеземными владѣтелями безъ вѣдома и согласія конфедераціи. Всякій, кто явится измѣнникомъ по отношенію къ которой-нибудь изъ конфедеративныхъ странъ или преступитъ постановленія союза, считается клятвопреступникомъ, лишается жизни и имущества. Вотъ основныя положенія договора 1315 г. Льготы, обѣщанныя Людвигомъ Баварскимъ, были даны конфедераціи въ 1316 г. На собраніи въ Нюренбергѣ онъ объявилъ Австрію лишенной всѣхъ правъ и владѣній не только въ лѣсныхъ кантонахъ, но и въ сосѣднихъ съ ними странахъ, сдѣлалъ ихъ собственностью имперіи и угрожалъ монаршему немилостью тѣмъ, которые вздумаютъ противиться его предписанію.

Въ 1332 году къ конфедераціи трехъ кантоновъ присоединился городъ Люцернъ. Въ виду своихъ преимуществъ передъ другими союзными странами, онъ вскорѣ сдѣлался главнымъ центромъ лиги. Но союзъ Люцерна съ конфедератами возбудилъ сильное недовольство австрійскихъ герцоговъ; когда же этотъ городъ отказался принять герцогскую монету, вспыхнула война, кончившаяся пораженіемъ Люцерна въ 1336 г. Онъ былъ вынужденъ признать себя вассаломъ герцоговъ, принять ихъ монету и отказаться отъ всякихъ союзовъ. Нѣсколько лѣтъ жители Люцерна находились въ зависимости отъ Австріи. Результатомъ австрійскаго господства явились городскія волненія, кончившіяся изгнаніемъ главныхъ приверженцевъ Австріи; тогда совершился окончательный и неразрывный союзъ Люцерна съ конфедераціей въ 1343 г. Управление люцерна, вошедшаго опять въ составъ лиги, подверглось значительному измѣненію. На ряду со старымъ совѣтомъ и новымъ совѣтомъ двѣнадцати былъ учрежденъ совѣтъ трехсотъ, уступившій впослѣдствіи мѣсто собранію въ сто членовъ. Глава исполнительной власти (avoüer) и члены совѣта избирались только на полгода. Въ то время, когда Люцернъ освобождался мало-по-малу изъ-подъ власти

австрійскихъ герцоговъ, Унтервальденъ распался на двѣ части, причеъ каждая изъ нихъ имѣла свое отдѣльное правительство.

Къ этому же періоду слѣдуетъ отнести постепенное возростаніе силы и богатства Берна. Пользуясь исключительной привилегіей, дарованной ему Фридрихомъ II, благодаря которой авоуег города былъ снабженъ правами императорскаго намѣстника, Бернъ подчинялся только главѣ государства. Подъ управленіемъ своихъ авоуегс, которые избирались изъ мѣстной аристократіи или богатыхъ гражданъ, совѣта двадцати четырехъ и двухсотъ городъ процвѣталъ. Но вмѣстѣ съ благосостояніемъ Берна росла и зависть окружающей феодальной аристократіи. Она въ особенности возставала противъ того, чтобы Бернъ раздавалъ права гражданства ея подданнымъ, такъ какъ они оставляли земли своихъ господъ и переселялись въ городъ. Недоставало какого-нибудь незначительнаго повода, чтобы началась война. Когда Бернъ присвоилъ себѣ городокъ Лаупенъ (по-французски Louyes), на который Фрейбургъ имѣлъ извѣстныя права, дарованныя ему Людовикомъ Баварскимъ, всѣ враги Берна стали на сторону Фрейбурга и война вспыхнула въ 1339 г. Послѣ перемирія въ Кенигсфельденѣ онъ принужденъ былъ отказаться отъ привилегіи давать права гражданства подданнымъ герцоговъ. Въ 1348 г. Бернъ получилъ отъ Карла Люксембургскаго подтвержденіе всѣхъ привилегій, дарованныхъ его предшественниками. Цюрихъ, вольный имперскій городъ, за три года до начала войны изъ-за Лаупена сдѣлался театромъ революціи, результатомъ которой явилось демократическое управленіе и присоединеніе къ конфедераціи. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой революціи былъ совѣтникъ Рудольфъ Брунъ. Руководимый не столько своими политическими убѣжденіями, сколько личными счетами съ цюрихскимъ правительствомъ, онъ произвелъ государственный переворотъ и заставилъ принять новую конституцію (1336 г.). Она представляла смѣсь аристократіи съ демократіей. Въ совѣтъ двадцати шести, которые были избираемы обыкновенно изъ аристократіи, онъ далъ доступъ представителямъ отъ тринадцати цеховыхъ обществъ мелкой буржуазіи. На ряду съ этою властью, смѣняемой каждыя полгода, была учреждена новая должность съ титуломъ пожизненнаго бургомистра. Конституція Бруна получила санкцію Людовика Баварскаго (1337 г.), а также была признана прежними владыками Цюриха. Но поступокъ Бруна не прошелъ ему даромъ. Изгнанное правительство обратилось за помощью къ Австріи и, когда помощь была оказана, вспыхнула война. Она кончилась торжествомъ Цюриха. Съ побѣжденными Брунъ поступилъ жестоко. Негодованіе и ужасъ наполнили сердца австрійскихъ герцоговъ; они заговорили угрожающимъ языкомъ по адресу Цюриха. Оставалось только два выхода: отказаться отъ своей свободы и сдѣлаться подданнымъ Австріи, или примкнуть къ конфедераціи. Послѣ нѣкотораго колебанія Брунъ согласился на послѣднее. Его предложеніе было принято съ радостью и союзъ пяти государствъ былъ заключенъ въ 1351 г. Но Брунъ поста-

рался оставить за Цюрихомъ право заключать частные союзы, которые запрещались договоромъ въ Брунненѣ.

Однако, австрійскіе герцоги не могли примириться съ Цюрихомъ вслѣдствіе союза его съ конфедераціей. Такъ какъ цюрихчане не соглашались принять условія герцога Альберта II, то вспыхнула война, кончившаяся побѣдой Цюриха. Въ эту же войну была занята конфедератами долина Гларуса, а вслѣдъ за тѣмъ въ 1352 г. совершилось присоединеніе Гларуса къ конфедераціи; въ этомъ же году примкнулъ къ ней и Цугъ. При заключеніи условій съ Гларусомъ, какъ страной побѣжденной, конфедерація оставляла за собою право помогать ему оружіемъ только въ томъ случаѣ, если причины, вызвавшія его сопротивленіе, будутъ признаны ею достаточно уважительными. Условія, сдѣланныя Цугу, гораздо выгоднѣе, такъ какъ этотъ укрѣпленный городъ пользовался уже значительною муниципальною свободой подъ властью австрійскихъ герцоговъ.

Видя возрастающую силу конфедераціи и солидарность ея членовъ, Бернъ присоединился къ ней въ 1353 г. Условія, заключенныя при союзѣ съ Берномъ, нѣсколько разнятся отъ условій съ другими конфедеративными странами. Въмѣсто обязательства браться за оружіе при первомъ требованіи лиги, онъ имѣлъ право обсуждать каждый частный случай въ отдельности.

Кромѣ военныхъ подвиговъ и территоріальнаго роста конфедераціи, мы замѣчаемъ въ XIV в. первую попытку конфедеративнаго правительства урегулировать отношенія между церковью и государствомъ. Депутатами отъ шести кантоновъ (Швица, Ури, Унтервальдена, Цуга, Люцерна и Цюриха) былъ изданъ въ Цюрихѣ въ 1370 г. законъ, извѣстный подъ названіемъ Pfaffenbrief.

Этотъ законъ былъ направленъ къ обузданію произвола духовныхъ лицъ, которые пользовались различными привилегіями, не подлежа гражданскому правосудію. Pfaffenbrief легъ въ основаніе той части швейцарскаго государственнаго права, которая касается отношеній между церковью и государствомъ. Главныя положенія этого закона сводятся къ слѣдующему: за исключеніемъ церковныхъ дѣлъ, ни одинъ священникъ не имѣетъ права привлекать котораго-нибудь изъ конфедератовъ къ суду передъ иноземными трибуналами; въ противномъ случаѣ онъ лишается жизненныхъ припасовъ, убѣжища и правосудія во всѣхъ шести кантонахъ, поименованныхъ выше. Дороги должны быть безопасны какъ для туземцевъ, такъ и иностранцевъ; если же кто-нибудь пострадаетъ въ этомъ отношеніи, конфедерація окажетъ ему защиту. Запрещены также всякія нападки на личности и вымогательства. Кто бы ни позволилъ себѣ подобныя дѣйствія, онъ будетъ вынужденъ понести убытки. Права цюрихской игуменьи и констанцскаго епископа сохранены въ цѣлости. Поводомъ къ изданію этого закона послужилъ погубъ іерея цюрихской коллегіальной церкви Бруно. Онъ позволилъ себѣ однажды въ обществѣ своихъ друзей произвести насилие надъ личностью люцернскаго адвоката по дорогѣ между Люцерномъ и Цюрихомъ.

Люцернъ потребовалъ возвращенія своего авоуег и удовлетворенія у цюрихскаго правительства. Последнее постаралось замѣть дѣло; тогда начались волненія среди гражданъ Цюриха, и Бруно съ соумышленниками былъ изгнанъ изъ страны постановленіемъ общаго собранія, въ которомъ принимали участіе всѣ цюрихскіе граждане не моложе шестнадцати лѣтъ.

Рядъ войнъ съ австрійскими герцогами, слѣдовавшихъ за этими событіями, способствовалъ болѣе сильнѣ конфедераціи и освобожденію Гларуса отъ австрійскаго господства. По договору 1389 г., заключенному съ конфедератами, австрійскіе герцоги признали дѣйствительными союзы своихъ подчиненныхъ съ конфедераціей и уступили ей всѣ завоеванныя земли; такимъ образомъ была обезпечена независимость отъ Австріи Люцерна, Цуга и Гларуса, хотя названіе этой долины и не упоминалось въ договорѣ.

Послѣ этихъ послѣднихъ войнъ выступаетъ впервые на сцену названіе конфедераціи Швейцаріи. Раньше подъ именемъ швейцарцевъ были извѣстны только жители Швица и ихъ первые союзники; въ концѣ же XIV вѣка названіе швейцарцевъ дѣлается общимъ для всей конфедераціи.

Швейцарія XIV в. еще полна невѣжества и суевѣрія, но ея народъ и въ эту эпоху выказываетъ уже присущій ему здравый смыслъ, пониманіе своихъ правъ и мужественную защиту ихъ. Трудолюбивый и религіозный, онъ привыкъ съ дѣтства связывать понятіе о свободѣ съ религіей своихъ отцовъ; Богъ и отечество—девизъ первыхъ конфедератовъ. Тѣмъ же духомъ проникнуты и произведенія швейцарскихъ писателей этой эпохи. Литература того времени въ Швейцаріи, какъ и вездѣ, была еще на низкой ступени развитія и состояла преимущественно изъ хроникъ, пѣсенъ и краткихъ поученій. Земледѣліе находилось въ первобытномъ состояніи, тогда какъ промышленность и торговля начинали уже развиваться. Военное искусство совершенствовалось благодари изобрѣтенію пороха. О правѣ и политикѣ, какъ наукахъ, не было и рѣчи. Государства, входяція въ составъ конфедераціи, присоединились къ ней на различныхъ основаніяхъ и имѣли непосредственную связь только съ лѣсными кантонами, но не другъ съ другомъ. Сеймы носили характеръ совѣщаній между депутатами отъ восьми государствъ. Они собирались въ Бернѣ, а чаще всего въ Люцернѣ и Цюрихѣ. Мало-по-малу Цюрихъ сдѣлался руководящимъ центромъ конфедераціи.

Роль сеймовъ въ эту эпоху еще мало опредѣлена; обсужденію ихъ, главнымъ образомъ, подвергались вопросы войны, мира, союзовъ, сношеній съ имперіей и сосѣдними государствами. Таково въ общихъ чертахъ положеніе Швейцаріи XIV вѣка.

Начало XV в. въ исторіи Швейцаріи ознаменовано революціей въ Цугѣ. Цугскій кантонъ состоялъ изъ города Цуга и трехъ деревенскихъ общинъ. По конституціи страны, постановленія общинъ считались обязательными для города; городъ же, въ свою очередь, сообщая съ какою-нибудь изъ коммунъ, издавалъ законы для остальной части страны. Когда въ 1404 году было даровано германскимъ императоромъ *droit de glaive* только одному

Цугу, общины потребовали у города раздѣленія съ ними кантональной власти. Граждане отказались подчиниться ихъ требованію и предложили рѣшить дѣло третейскимъ судомъ. Не желая вмѣшиваться конфедерацію въ свои личные счета, они обратились къ Швицу, который въ 1364 г. представлялъ собою нѣчто вродѣ протектората надъ цугскимъ кантономъ и пользовался правомъ избирать ему старѣйшину (Ammann). Швицъ въ свою очередь обратился за рѣшеніемъ къ федеральному совѣту. Въ Люцернѣ былъ созванъ сеймъ, а Швицу и Цугу предписано ждать постановленій сейма. Но швицакая молодежь, подстрекаемая нѣкоторыми членами швицакаго правительства, не подчинилась этому предписанію и сдѣлала ночью нападеніе на городъ Цугъ съ оружіемъ въ рукахъ. Тогда Цюрихъ, Люцернъ, Ури и Унтервальденъ подняли на ноги войско и заняли всю страну. Вслѣдъ за тѣмъ были созваны сеймы въ Беггенриедѣ, а потомъ въ Цугѣ, и депутатами отъ всѣхъ государствъ, за исключеніемъ Цуга и Швица, было постановлено слѣдующее рѣшеніе: Швицъ и цугскія общины обязывались уплатить убытки, понесенные Цугомъ и конфедераціей, причемъ Швицъ лишался своихъ правъ надъ Цугскимъ кантономъ. Печать, знамя и архивы—символы кантональной власти—оставлены за Цугомъ; общины же пользуются правомъ избирать изъ среды гражданъ *banneget*, второе должностное лицо государства (1404 г.). Вотъ чѣмъ окончились распри Цуга съ общинами, грозившія вовлечь всю конфедерацію въ междоусобную войну.

Еще болѣе серьезныя событія потрясли Швейцарію въ половинѣ XV в.: она сдѣлалась театромъ первой гражданской войны. Поводомъ къ ней послужили споры между Цюрихомъ и Швицомъ изъ-за наслѣдства графа Тоггенбурга. Вмѣшательство нейтральныхъ государствъ въ дѣла Швица и Цюриха не привело ни къ какимъ результатамъ. Когда сеймы, созванные въ Люцернѣ и другихъ городахъ (1437 г.), постановили рѣшеніе въ пользу Швица, Цюрихъ взялся за оружіе. Тогда противъ Цюриха поднялась вся конфедерація и цюрихчане принуждены были сдаться. Заключеніе мира сопровождалось уступкой части цюрихскихъ владѣній въ пользу побѣдителей. Слѣдствіемъ такой политики явился союзъ Цюриха съ Австріей и война вспыхнула еще съ большимъ ожесточеніемъ (1443 г.). Эта война, длившаяся долго, охватила всю Швейцарію, истощила и утомила народъ; ощущалась потребность мира. Тогда только удалось привести къ соглашенію враждующія стороны и спорный вопросъ былъ рѣшенъ третейскимъ судомъ въ Линдау (1447 г.). Судъ подтвердилъ постановленіе люцернскаго сейма, требуя уваженія къ правамъ конфедераціи. Цюрихъ порвалъ союзъ съ Австріей въ 1450 г. и взамѣнъ получилъ обратно всѣ свои земли, потеряныя во время войны, за исключеніемъ маленькой страны, которая была взята конфедератами въ первую войну. Возстановленіе мира наполнило радостью всѣ сердца.

Вторая половина XV в. отмѣчена не менѣе грустными событіями въ жизни Швейцаріи. Войны съ Бургундіей въ союзѣ съ Людовикомъ XI противъ Карла Смѣлаго хотя и доставили конфедератамъ новыя завоеванія, но поро-

дли несогласія въ ихъ собственной средѣ по поводу неравномѣрнаго распределенія добычи. Образовались двѣ враждующія партіи: 1) области (Laender), къ которымъ причислялись Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Цугъ, Гларусъ, и 2) города: Бернъ, Люцернъ и Цюрихъ. Послѣдніе требовали, чтобы большая часть завоеванныхъ земель была предоставлена имъ, такъ какъ они располагали болѣе большимъ количествомъ войска; сельскіе кантоны не согласились на такія условія. Вопросъ о принятіи Фрейбурга и Солотурна въ члены конфедераціи еще болѣе усложнялъ раздоры партій. Laender не согласились на присоединеніе ихъ къ лигѣ, боясь увеличить число городовъ. Люцернъ, Цюрихъ и Бернъ въ свою очередь заключили союзъ съ Фрейбургомъ и Солотурномъ на вѣчныя времена (1477 г.). Тогда дѣльные кантоны (Waldstaetten) потребовали, чтобы Люцернъ отказался отъ этого союза и перешелъ на ихъ сторону. Люцернъ не удовлетворилъ ихъ требованія и раздоры начались. Никакая сила не могла привести къ соглашенію враждующихъ партій, постановленія сеймовъ не привели ни къ какимъ результатамъ. Послѣднее собраніе въ Станцѣ должно было имѣть рѣшающее значеніе; засѣданіе открылось въ 1481 г. Но и въ этомъ собраніи начались несогласія; дѣло, вѣроятно, осталось бы въ прежнемъ положеніи, если бы не патріотическая рѣчь знаменитаго отшельника Николая Флюкъ, который явился на сеймъ, узнавъ о раздорахъ своихъ соотечественниковъ (такъ, по крайней мѣрѣ, гласить преданіе). «Ваша сила, — говорилъ онъ, — заключается въ вашемъ союзѣ, а вы хотите порвать его изъ-за какой-то ничтожной причины. Города, откажитесь отъ правъ, которыя оскорбляютъ старыхъ конфедератовъ! Деревни, согласитесь принять въ вашъ союзъ Фрейбургъ и Солотурнъ, — вѣдь, они оказывали вамъ поддержку въ вашихъ войнахъ! Конфедераты, опасайтесь всякихъ разногласій! Не стремитесь къ чрезмѣрному расширенію вашего союза, не вмѣшивайтесь въ чужія распри, не продавайте за деньги своего отечества!» Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣніе на окружающихъ и привела ихъ къ соглашенію. Частный союзъ городовъ былъ нарушенъ, Фрейбургъ и Солотурнъ допущены въ члены лиги. На этомъ же сеймѣ были сдѣланы постановленія, касающіяся отношеній кантоновъ другъ къ другу и къ кантональнымъ властямъ.

Согласно договору въ Станцѣ, ни одно изъ государствъ лиги не имѣло права вмѣшиваться въ дѣла другихъ кантоновъ; наоборотъ, каждое изъ нихъ должно было наказывать своихъ подданныхъ, если они осмѣлятся поднять мятежъ на территоріи сосѣдняго кантона. Всѣ члены конфедераціи обязывались дѣйствовать сообща противъ того, кто нарушитъ эти правила. Эти постановленія сдѣлались въ послѣдствіи однимъ изъ главныхъ основаній федеральнаго государственнаго права.

Союзъ съ Фрейбургомъ и Солотурномъ не былъ еще рѣшенъ на сеймѣ въ Станцѣ и состоялся въ другой разъ по особенному договору. На постановленія въ Станцѣ имѣлъ огромное вліяніе цюрихскій бургомистръ Гансъ Вальдмонъ. Это одна изъ самыхъ выдающихся личностей въ исторіи Швейцаріи XV в. Сдѣлавшись главой Цюрихскаго государства, Вальд-

монъ явился главнымъ руководителемъ сеймовъ и внѣшней политики конфедерации. Къ нему обращались князья и посланники иностранныхъ державъ, когда дѣло касалось заключенія мира или союзовъ и т. п. Благодаря распространенному обычаю среди швейцарскихъ правительственныхъ лицъ, цюрихскій бургомистръ получалъ ежегодную пенсію отъ всѣхъ державъ. Политическіе и административные взгляды Вальдмона отличались широтою. При помощи политическаго клуба, состоявшаго изъ вліятельныхъ гражданъ Цюриха, ему удалось провести нѣсколько реформъ. Такъ, полиціи предписано заботиться о народномъ здравіи и общественной безопасности. Находя несовмѣстимымъ земледѣліе съ ремеслами, Вальдмонъ обязалъ деревенскихъ ремесленниковъ переселиться въ городъ, а крестьянъ снабжать припасами городскіе рынки. Соляная монополія была предоставлена горожанамъ. Въ деревняхъ же поощрялось земледѣліе и запрещалась *la vaine pature*. Такъ какъ въ Цюрихѣ не было арсенала и другихъ общественныхъ зданій, для постройки которыхъ необходимы были деньги, Вальдмонъ ввелъ значительный налогъ на поземельную собственность, обложилъ подушною податью въ три шиллинга цюрихскій народъ и установилъ пошлину на ввозъ винъ. Отношенія между государствомъ и церковью также привлекли его вниманіе. Духовенству запрещалось пріобрѣтать недвижимое имущество и получать завѣщанныя имѣнія безъ согласія наследниковъ. Положеніе, принятое Цюрихомъ относительно духовенства, было обезпечено конкордатомъ Иннокентія VIII, къ которому обратился Вальдмонъ. Кантональное устройство подверглось также измѣненію. Доступъ старыхъ аристократическихъ родовъ (*constables*) въ малый совѣтъ былъ сведенъ съ тринадцати на шесть человекъ; въ то же время Вальдмонъ исключалъ ихъ изъ состава судей и сдѣлалъ послѣднихъ несмѣняемыми.

Реформы, произведенныя Вальдмономъ, вызвали вражду аристократіи и духовенства, но онъ еще держался прочно и шелъ неуклонно впередъ. Сила Вальдмона пошатнулась только тогда, когда онъ постановилъ, чтобы различныя увеселенія въ деревенскихъ приходяхъ были запрещены и всѣ собаки, охранявшія фермы крестьянъ, убиты. Въ деревняхъ начались волненія, но ихъ удалось подавить. Распоряженія Вальдмона были приведены въ исполненіе повсюду, за исключеніемъ округа Кюнау. Страшный мятежъ вспыхнулъ на берегу озера; онъ былъ прекращенъ только послѣ уступки со стороны Вальдмона. Уладивши дѣла въ Цюрихѣ, Вальдмонъ отправился въ Баденъ. Тогда равнесья слухъ въ городѣ, распускаемый противниками бургомистра, что Вальдмонъ намѣренъ предать городъ императору, послѣ предварительнаго избіенія самыхъ преданныхъ конфедерации гражданъ, которые держали сторону мятежниковъ. Поднялись страшныя волненія среди цюриханъ; Вальдмонъ, вернувшійся изъ Бадена, былъ схваченъ и казненъ временнымъ правительствомъ въ 1489 г.

Однако, Цюрихъ, такъ жестоко расправившійся со своимъ бургомист-

ромъ, былъ обязанъ исключительно ему тѣмъ, что занялъ послѣ бургундскихъ войнъ прежнее положеніе центра конфедераціи.

Швейцарская лига, пользовавшаяся уже при Люксембургахъ различными привилегіями, освобождалась все больше и больше изъ - подъ власти Германской имперіи. Война съ Швабіей и побѣды конфедератовъ имѣли значительное вліяніе на отношенія Швейцаріи къ имперіи. Со дня базельскаго мира (1499 г.) она стала независимой отъ Германіи, по крайней мѣрѣ, фактически; юридически это совершилось гораздо позже, а именно въ 1648 г. послѣ Вестфальскаго конгресса. До тѣхъ поръ Швейцарія сохраняетъ извѣстную форму отношеній къ имперіи, т.-е. называетъ себя ея членомъ и обращается къ императорамъ за признаніемъ своихъ привилегій.

Другимъ результатомъ войны со Швабіей явилось присоединеніе Базеля и Шафгаузена къ швейцарской лигѣ въ 1501 г. Такъ какъ Базель представлялъ собою укрѣпленный городъ, торговый и интеллектуальный центръ, онъ получилъ при заключеніи союза почти такія же права, какъ первыя государства лиги. Но имъ обоемъ, какъ Базелю, такъ и Шафгаузену, было предписано соблюдать полный нейтралитетъ въ случаѣ междоусобныхъ войнъ другихъ государствъ лиги.

Не успѣла кончиться война со Швабіей, какъ подъ знамена иностранныхъ владыкъ стали сбѣгаться наемники со всѣхъ концовъ Швейцаріи. Этотъ пагубный обычай развивался все сильнѣе и сильнѣе. Кто лучше платилъ, тотъ могъ рассчитывать на большее количество приверженцевъ. Такъ какъ Людовикъ XII щедро награждалъ наемниковъ, большая часть ихъ шла подъ его знамена. То же мы видимъ и въ началѣ итальянскихъ войнъ. Людовикъ отказался уплатить за услуги конфедератовъ обѣщанныя деньги и этимъ вызвалъ противъ себя сильное раздраженіе. Этимъ настроеніемъ воспользовался императоръ Максимилианъ и другой врагъ французовъ — папа Юлій II. Желая во что бы то ни стало удалить французовъ съ полуострова, папа рѣшилъ сдѣлать швейцарцевъ орудіемъ своей политики. Онъ нашелъ отголосокъ своимъ стремленіямъ въ сіонскомъ епископѣ Шиннерѣ. Послѣдній устроилъ союзъ Валиса съ двѣнадцатью кнотонами, собралъ войско и повелъ его въ Ломбардію. Двѣ первыя экспедиціи не привели ни къ какимъ существеннымъ результатамъ. Между тѣмъ, противъ Франціи образовалась лига изъ императора, Испаніи, Венеціи, папы, Швейцаріи. Была предпринята третья экспедиція (1512 г.). Конфедераты подъ предводительствомъ Шиннера заняли всю Ломбардію; имъ былъ дарованъ напою титулъ освободителей Италіи и «защитниковъ церкви». Герцогъ Миланскій отказался въ пользу конфедераціи отъ Белликоны, Лугано, Локорно и другихъ округовъ, которые составляютъ въ настоящее время итальянскую Швейцарію. Но французы не могли успокоиться; въ союзъ съ венеціанцами они желали вернуть Ломбардію. Имъ была дана вторичная битва при Наварѣ, гдѣ они потерпѣли новое пораженіе въ 1513 г.

Бровь погубившихъ еще дымила на поляхъ Навары, когда между приверженцами Людовика XII въ Швейцаріи начались волненія. Сынъ бернскаго

banneret Гетцеля, несмотря на увѣщанія отца и постановленія сеймовъ, повелъ отрядъ войска къ французскому королю. Это событіе послужило сигналомъ къ народному возстанію въ нѣсколькихъ кантонахъ заразъ. Раздраженные массы были успокоены только тогда, когда правительства обѣщали отказаться отъ пенсій, выдаваемыхъ иностранными державами, раздѣлить уже полученные деньги съ общинами и соблюдать ихъ права.

Въ этомъ же (1513) году совершилось присоединеніе Аппенцеля къ лигѣ конфедератовъ. Условія, поставленные ему, запрещали всякія войны и союзы безъ согласія конфедерации. Въ случаѣ междоусобныхъ войнъ, Аппенцель, такъ же какъ Базель и Шафгаузенъ, долженъ былъ соблюдать полнѣйшій нейтралитетъ. Присоединеніе Аппенцеля къ двѣнадцати конфедеративнымъ государствамъ замыкаетъ собою кругъ тринадцати кантоновъ швейцарской лиги, который будетъ расширенъ только послѣ 1789 года.

Пятнадцатый вѣкъ, — вѣкъ возрожденія и общаго подъема человѣческаго духа, — былъ и для швейцарской конфедерации вѣкомъ прогресса, могущества и блеска. Послѣ бургундскихъ войнъ началась европейская роль Швейцаріи; она достигла своего апогея послѣ битвы при Наварѣ.

Съ развитіемъ дипломатическихъ сношеній съ иностранными государствами швейцарскіе сеймы носятъ характеръ европейскихъ конгрессовъ, на которыхъ посланники великихъ державъ обсуждаютъ на ряду съ представителями кантональныхъ властей судьбы Италіи или Бургундіи и другіе важные вопросы внѣшней политики. Какъ и въ предыдущемъ вѣкѣ, мѣсто собранія сеймовъ еще не опредѣлено. Депутаты отъ всѣхъ кантоновъ, собравшіеся въ томъ или другомъ городѣ, вотируютъ по очереди вопросъ, согласно предписаніямъ ихъ правительства. Подача голосовъ не поголовная, а по кантонамъ. Маленькіе кантоны, какъ и большіе, пользуются одинаковыми правами; каждый изъ нихъ можетъ созвать сеймъ. Политика государственныхъ лицъ этой эпохи сводилась, главнымъ образомъ, къ расширенію границъ государства. Но другую тенденцію мы замѣчаемъ у Вальдмона: онъ стремился къ внутренней организаціи Швейцаріи и своего кантона, преслѣдуя всюду единство и централизацію. Это черта общая всѣмъ европейскимъ государствамъ конца XV вѣка. Можно отмѣтить еще одно явленіе въ исторіи Швейцаріи этого вѣка, а именно: попользованіе нѣкоторыхъ кантоновъ сосредоточить общественныя дѣла въ совѣтѣ и удалить отъ участія въ нихъ коммуны. Подъ вліяніемъ службы при дворахъ иностранныхъ владыкъ и возрастающей продажности, республиканскій и демократическій духъ швейцарскаго народа меркнудъ, смѣняясь новою аристократическою системою, достигшею полнаго развитія въ XVII в. Верховную власть въ сельскихъ кантонахъ (Швицъ, Ури, Нидвальдъ, Обвальдъ, Гларусъ, два Аппенцеля и отчасти Цугъ) сохранило народное собраніе, состоящее изъ всѣхъ членовъ, начиная съ 16-ти или даже 14-ти лѣтняго возраста. Ему подлежить избраніе должностныхъ лицъ. Только одинъ старшина (Landamann) имѣетъ право председательствовать въ народномъ собраніи и въ совѣтѣ изъ 60 членовъ. Роль Landamann'a въ городахъ съ аристо-

жратическимъ образомъ правленія (Бернъ, Фрейбургъ, Люцернъ и Салотурнъ) играетъ аюуге, а въ городахъ промышленныхъ съ демократическими тенденціями (Цюрихъ, Базель, Шафгаузенъ и С. Галль) бургомистръ. Законодательство, въ особенности гражданское, сдѣлало значительный шагъ впередъ въ XV в. Законы и постановленія стали издаваться на нѣмецкомъ языкѣ, а не на латинскомъ, какъ прежде, а также явились попытки, болѣе или менѣе удачныя, собрать ихъ въ одинъ кодексъ. Уголовное законодательство носило еще варварскій характеръ: пытки практиковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но и тогда уже лучшіе люди сознавали необходимость замяти новымъ уголовнымъ кодексомъ эти жестокіе обычаи страны. Рабство хотя и уменьшилось, однако, еще не исчезло совсѣмъ. Но главное вниманіе швейцарцевъ этой эпохи было обращено на внѣшнія завоеванія. Своими военными подвигами они исключительно обязаны дисциплинѣ, которая царяла среди ихъ войска. Учрежденіе особенныхъ празднествъ (*tirs*) способствовало поддержкѣ военнаго духа націи. Конечно, они не были еще тогда такъ правильно организованы, какъ теперь. Торговля и промышленность достигли высшей степени развитія въ первой половинѣ XV в.; ни одна эпоха не была такъ богата торговыми сношеніями съ Германіей и Италіей, какъ эта. Самымъ промышленнымъ центромъ Швейцаріи могъ считаться Фрейбургъ. Но и торговлѣ и промышленности былъ нанесенъ жестокой ударъ изгнаніемъ евреевъ въ 1490 г. (въ то же время, когда изгоняли изъ Испаніи) и развивавшимся все больше и больше у швейцарцевъ обычаемъ оставлять свою родину и уходить на службу къ иностраннымъ владыкамъ. Благодаря этому, страдало также и земледѣліе. Умственное движеніе въ Европѣ въ концѣ XV в., извѣстное подъ названіемъ эпохи возрожденія, не могло не отразиться и на Швейцаріи. Швейцарская литература приняла нѣсколько иное направленіе, чѣмъ въ предъидущемъ вѣкѣ. Появились историческіе рассказы, поэмы, воспѣвающія военные подвиги героевъ, сатиры и ученые работы на нѣмецкомъ или латинскомъ языкѣ. Самымъ выдающимся поэтомъ этой эпохи былъ Генрихъ Лорити (1488—1563). Его панегирикъ XIII кантонамъ Гельвеціи: *Descriptio Helvetica nec non Panegyricon* доставилъ ему большую извѣстность и заучивался въ школахъ. Открытіе университета въ Базелѣ (1460 г.), по образцу Болонскаго, имѣло громадное вліяніе на развитіе наукъ и литературы въ Швейцаріи. Между профессорами Базельскаго университета, кромѣ иностранныхъ, слѣдуетъ отмѣтить Гейлера, проповѣдника и писателя въ юмористическомъ духѣ; Людовика Бера, профессора теологіи, глубоко уважаемаго Эразмомъ Роттердамскимъ, и проповѣдника Жана Штейна. Но самымъ блестящимъ представителемъ Базельскаго университета, съ 1521 г., должно считать автора сатиры *Похвалы глупости*, Эразма Роттердамскаго, благосклонности котораго добивались папы, короли и ученые всѣхъ странъ. Открытіе типографій въ Швейцаріи не мало способствовало распространенію произведеній лучшихъ писателей. Но не только въ Базелѣ сосредоточивались всѣ таланты швейцарской націи,—въ Цюрихѣ блисталъ въ это время

другъ Шиннера и Эразма, Цвингли, не только какъ духовный ораторъ, но и какъ историческій писатель и поэтъ, въ Бернѣ Вольфланъ и друг. Швейцарское правительство поощряло выдающихся писателей и награждало ихъ различными способами. Въ пользу студентовъ были устроены стипендіи, даже при заключеніи договоровъ съ иностранными державами, швейцарское правительство имѣло въ виду интересы своей молодежи и требовало на вспомошествованіе ей извѣстную сумму денегъ.

Въ области искусствъ XV в. видѣнъ тотъ же прогрессъ: архитектура и скульптура процвѣтали; храмы, общественныя зданія, статуи, мосты создавались одни за другими. Къ этой эпохѣ относится соборъ св. Винченца въ Бернѣ и колокольня св. Николая въ Фрейбургѣ. Скульптура, украшавшая зданія XV в., изобиловала аллегорическими фигурами или сценами въ сатирическомъ духѣ. Между живописцами главное мѣсто занимаетъ Гансъ Гольбейнъ. Но военная слава и пробудившійся промышленный духъ влекли за собою тяжелыя послѣдствія: нравы Швейцаріи теряли свою прежнюю чистоту и строгость, смѣняясь страстью къ наживѣ, роскоши и наслажденіямъ.

И. К—а.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Письма о литературѣ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

„Есть ли въ семь полѣ живъ человѣкъ?“
Изъ русскихъ сказокъ.

I.

Говорить о литературѣ — значитъ говорить объ обществѣ. Извѣстное положеніе, что «литература есть отраженіе общества», давно стало общимъ мѣстомъ, относительно котораго уже не можетъ быть разногласія.

Нѣкоторую оговорку, однако, необходимо сдѣлать, и оговорку довольно существенную. Только та литература можетъ отражать общественную жизнь во всей ея полнотѣ, въ которой всѣ наличные элементы и силы находятся въ равновѣсіи и пользуются одинаковымъ признаніемъ. Если есть вопросы или явленія, которые, существуя въ жизни, не находятъ себѣ мѣста въ литературѣ, то это значитъ, конечно, что литература уже и бѣднѣе дѣйствительности, что судить на основаніи ея данныхъ объ обществѣ можно только въ условномъ и относительномъ смыслѣ. Литература наша развивалась и развивается параллельно съ обществомъ, но, все-таки, исторія нашей литературы далеко не совпадаетъ съ исторіей нашей общественности. За примѣрами не далеко ходить. Сороковые годы текущаго столѣтія ознаменованы пышнымъ разцвѣтомъ литературы, необыкновеннымъ подъемомъ теоретической мысли, и эти же годы были вполнѣ «мертвымъ» періодомъ въ государственно-практическомъ отношеніи. Наоборотъ, семидесятые годы очень мало замѣчательны съ чисто-литературной точки зрѣнія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, преисполнены глубокаго значенія въ общественно-историческомъ смыслѣ. Въ то время, какъ въ обществѣ господствовала тишь да гладь, да вѣрнопостная благодать, литература наша дышала страстью, пламенѣла энтузіазмомъ, открывала новые и широкіе умственные горизонты. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ этого поэтъ сказалъ о текущемъ моментѣ: «бывали хуже времена, но не было подлѣй», и эта характеристика была столько же вѣрна по отношенію къ тогдашней литературѣ, сколько невѣрна по отношенію къ передовой части нашего общества, которое, въ сторонѣ отъ литературы и помимо всякаго ея вліянія, дѣйствовало какъ

могло въ интересахъ прогресса. Ясно, такимъ образомъ, что положеніе: «литература есть выраженіе и отраженіе общества», вѣрное въ отвлеченномъ смыслѣ, подвергается въ нашей практикѣ нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ и ограниченіямъ, которыя обостряются иногда до того, что литература существуетъ какъ бы сама по себѣ, а общество само по себѣ.

Салтыковъ, конечно, характеризовалъ самого себя, когда говорилъ про одного своего героя: «Крамольниковъ былъ коренной пошехонскій литераторъ, у котораго не было никакой иной привязанности, кромѣ читателя, никакой иной радости, кромѣ общенія съ читателемъ». Въ другомъ мѣстѣ Салтыковъ выражаетъ ту же мысль въ патетическомъ восклицаніи: «Читатель! русскій читатель! защити!» Если одинъ изъ самыхъ популярныхъ писателей нашихъ оказался вынужденнымъ обратиться къ читателю за нравственною поддержкой, то уже одного этого факта достаточно, чтобъ уразумѣть, какое огромное значеніе имѣетъ для литературы ея связь съ жизнью, а для писателя—его увѣренность въ своемъ читателѣ. Въ чемъ же и какъ выражается эта связь? И на чемъ можетъ основываться эта увѣренность? Вѣдь, если писателю трудно, и если писателя иногда жалко, то почему же можно думать, что легко читателю? Какъ быть въ томъ, очень вѣроятномъ случаѣ, если на вопль писателя: «защити!» читатель отвѣтитъ такимъ же воплемъ: «писатель! русскій писатель! защити!» Я нахожу, что бѣлая часть права и правды была бы въ этомъ случаѣ на сторонѣ читателя, а не писателя. Дѣло общественнаго служенія (а литература есть именно такое дѣло) требуетъ нѣкоторыхъ жертвъ, имѣетъ нѣкоторыя спеціальныя терніи, къ которымъ надо готовиться заранѣе. Писатель обязанъ помогать читателю всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами, но читатель нисколько не обязанъ дарить писателя своимъ сочувствіемъ и своею поддержкой. Это сочувствіе отнюдь не привилегія писателя, не право его, о которомъ нужно только напомнить, это—награда, которую нужно заслужить.

На этой именно почвѣ и создается живая связь между литературой и жизнью или, что одно и то же, между читателемъ и писателемъ. Если литература служить истиннымъ потребностямъ жизни и если писатель умѣетъ затрогивать въ своемъ читателѣ его идеальныя стороны и свойства, то это почти все, чего можно требовать, а остальное все приложится само собою. А истинныя потребности суть, прежде всего, *серьезныя* потребности, т. е. такія, которыя обуславливаются не случайными настроеніями, а коренными свойствами человѣческаго духа. Служить, наприм., любопытству читателя, его потребности развлеченія—это одна задача; служить любознательности читателя—это совсѣмъ другая задача. Достаточно быть клоуномъ, чтобы успѣшно рѣшить первую задачу, и надо быть, говоря выраженіемъ Берне, «рыцаремъ духа», чтобы хорошо исполнить вторую. Никакой нравственной связи не можетъ быть между такимъ читателемъ, который ищетъ въ литературѣ не дѣла, а отдыха отъ дѣла, и такимъ писателемъ, который смотритъ на литературу какъ на биржу, на свои произ-

веденія — какъ на товаръ и на своего читателя — какъ на покупателя и потребителя. Съ другой стороны, нѣтъ связи болѣе крѣпкой, какъ умственная и нравственная солидарность, та духовная интимность, которая вырабатывается съ теченіемъ времени между людьми, привыкшими жить одинаковыми интересами. Писателю, умѣющему уважать и любить своего читателя, нѣтъ надобности ни при какихъ обстоятельствахъ взывать къ нему: «защити!» Нравственное сочувствіе читателя, эта иногда единственная защита, которую онъ можетъ оказать писателю, обезпечена для того, кто обращался къ чистымъ чувствамъ, а не къ темнымъ инстинктамъ, дѣйствовалъ на человѣческія, а не на животныя свойства своей аудиторіи. Въ это сочувствіе надо вѣрить даже тогда, когда оно не выражается во внѣшнихъ формахъ, — потому *надо*, что безъ этой вѣры исчезаетъ главный импульсъ къ дѣятельности, и еще потому, что не имѣть этой вѣры — значитъ не имѣть вѣры въ свои собственные силы и не питать уваженія къ своей собственной дѣятельности. «Гласъ вопіющаго въ пустынѣ» — это не болѣе, какъ красивая поэтическая метафора.

Для того, чтобы поставить себя въ такія отношенія къ читателю, писателю совсѣмъ не необходимо обладать непременно первостепеннымъ литературнымъ талантомъ. Какъ всѣ большія дѣла на свѣтѣ, литература создается не единицами, а массами, не литературными генералами, а литературными солдатами, и было бы въ высшей степени несправедливо и пагубно, если бы вліять на читателя могли только писатели, имѣющіе въ своемъ распоряженіи всѣ ресурсы человѣческаго слова. Къ чести читателей и къ счастью для писателей, дѣло никогда не находилось въ такомъ положеніи. «Страсть», дающая «силу и власть» слову писателя, зависитъ не отъ таланта, не отъ технической способности быстро находить нужные образы и подходящіе термины, а отъ степени убѣжденности писателя, которая въ свою очередь беретъ свое начало въ коренныхъ свойствахъ его нравственной личности. Чтобы говорить красиво и вразумительно, нуженъ талантъ; чтобы говорить увлекательно — необходимо убѣжденіе. Никто не въ правѣ требовать отъ писателя безукоризненной виртуозности, первостепеннаго мастерства, но всякій человѣкъ, взявшійся за перо, обязанъ не только во имя своего писательскаго, но и своего человѣческаго достоинства имѣть какую-нибудь религію, обладать опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, которое стоило бы труда защищать и распространять. И это вовсе не трудно, по крайней мѣрѣ, это вовсе не привилегія избранныхъ натуръ и первостепенныхъ талантовъ: въ массахъ — скептиковъ и индифферентистовъ гораздо меньше, нежели людей, такъ или иначе и въ то или другое вѣрующихъ. Пусть ваши чисто-литературныя способности слабы, вы, все-таки, настоящій писатель, если для васъ литература не средство, а цѣль, не карьера, а служеніе, не гешефтъ, а подвигъ. Забудьте свое «я», подавите въ себѣ мелкія побужденія тщеславія, самолюбія и честолюбія, оставьте всякія хлопоты о личномъ успѣхѣ и заботьтесь лишь о торжествѣ вашей главной, основной идеи, — вотъ образъ дѣйствій, единственно

достойный *настоящая* писателя. И знаете ли? Этотъ единственно *достойный* путь есть, въ то же время, и единственно *цѣлесообразный* путь даже съ точки зрѣнія вашихъ личныхъ успѣховъ. У судьбы есть справедливость и на землѣ правда не вовсе стинула. Если вы пришли въ литературу за деньгами, за аплодисментами, за вѣнками, за похвалами, вы тѣмъ самымъ приготовляете себѣ очень печальную будущность: устраивая свою карьеру, вы разстроите свою жизнь. Во-первыхъ, аппетиты этого рода не знаютъ удовлетворенія или удовлетворяются только на одну минуту: въ этомъ отношеніи тщеславіе даже хуже корыстолюбія. Во-вторыхъ,—и въ этомъ преимущественно выражается торжество справедливости,—работникъ умственного труда, преслѣдующій не идейныя, а личныя цѣли, почти всегда плохой или только-только посредственный работникъ. Не въ томъ дѣло, что личными цѣлями задаются обыкновенно люди не съ творческими, а съ техническими, ремесленными способностями, дѣло въ томъ, что проклятіе безсилія постигаетъ даже истинно-талантливыхъ людей, лишь только они измѣняютъ своему настоящему призванію. Это фактъ, который можно съ особеннымъ удобствомъ наблюдать въ лицѣ разныхъ ренегатовъ, отступившихъ отъ прежнихъ своихъ идеаловъ не въ силу искренняго убѣжденія, а ради страха іудейска. А развѣ писательская *служба* вмѣсто писательскаго *служенія* не измѣна своего рода? И вотъ, литературному карьеристу, разучившемуся (или никогда не умѣвшему) видѣть свой успѣхъ въ торжествѣ живой истины, приходится становиться на ходули, чтобы напомнить о своей драгоценной особѣ. Такъ какъ ему нужно и важно вовсе не торжество или поражение такихъ-то общихъ идей, а только то, чтобы его, какъ Хлестакова, «почитали и любили», а, главное, хвалили, то мало-по-малу онъ всю свою дѣятельность превращаетъ въ рекламу самому себѣ. Онъ самъ себѣ аплодируетъ, самъ себя на пьедесталъ возводитъ, самъ себѣ на главу вѣнокъ возлагаетъ. Одураченный собственнымъ эмиагомъ, онъ перестаетъ допускать возможность свободнаго критическаго къ себѣ отношенія. Онъ признаетъ только одинъ родъ критики—панегрики, и если вы осмѣлитесь отнести къ нему равнодушно или даже съ прямымъ порицаніемъ, онъ ухитрится и самое это порицаніе обратить себѣ на пользу, т.-е. на самовосхваленіе. Онъ скажетъ, что ваши критики—«клеветы холодная змѣя», и что если вы называете его «безумцемъ», то его *безумье въ томъ, что тайну вѣчности и неземной печали Богъ написалъ ему въ сердце пылающимъ перстомъ*. Вотъ какой, съ Божьею помощью, оборотъ! Вы его назвали «безумцемъ», а онъ себя въ пророки по этому случаю произвелъ! Вы скажете, что такія-то его теоріи плохо обоснованы, такія-то его мысли невразумительны и т. д., а онъ, точно ошпаренный горячею водой, завизжитъ и въ теченіе цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ будетъ визжать, что его «обидѣли», что ему «прискорбно», что онъ—невинная жертва.

Пока довольно объ этомъ типѣ; въ слѣдующихъ письмахъ я буду имѣть поводы не разъ говорить о немъ. Характеризуя теперь его, я имѣлъ въ

виду только ярче подчеркнуть различіе между формальнымъ, чиновническимъ, ремесленнымъ воззрѣніемъ на литературу со стороны самихъ писателей и тѣмъ, если угодно, нѣскольکو архаическимъ взглядомъ, по которому талантъ есть обязанность, писательство—служеніе и проповѣдничество, литература—нѣкоторый храмъ или, по крайней мѣрѣ, умственная сокровищница. Все сказанное мною на предъидущихъ страницахъ резюмируется въ этихъ энергическихъ стихахъ:

„...Ты, поэтъ, избравникъ неба,
 Глашатай истинъ вѣковыхъ,
 Не вѣрь, что немущій хлѣба
 Не стоить вѣщихъ струнъ твоихъ!
 Не вѣрь, что вовсе пали люди:
 Не умеръ Богъ въ душѣ людей,
 И вошь изъ вѣрующей груди
 Всегда доступенъ будетъ ей!
 И если ты богатъ дарами,
 Ихъ выставляя не хлопочи:
 Въ твою трудъ заблещутъ сами
 Ихъ животворные лучи“.

II.

Почти любой изъ современныхъ литераторовъ нашихъ, прочтя первую главу этого письма, можетъ отвѣтить стихами же, если только захочетъ быть откровеннымъ:

„Ты кончалъ? чуть я не уснулъ.
 Куда намъ до такихъ воззрѣній!
 Ты слишкомъ далеко шагнулъ.
 Учить другихъ—потребенъ геній,
 Потребна сильная душа,
 А мы съ своей душой лѣнивой,
 Самолюбивой и пугливой,
 Не стоимъ мѣднаго гроша.
 Слѣша извѣстности добиться,
 Боимся мы съ дороги сбиться,
 И тропкой торною идемъ;
 А если въ сторону свернемъ—
 Пропали, хоть бѣги со свѣта!“

Откровенно говоря, такой отвѣтъ былъ бы даже пріятенъ, потому что свидѣтельствовалъ бы о нѣкоторомъ самосознаніи. Къ несчастію, на это мало надежды. Не стоимъ мы мѣднаго гроша или стоимъ—этого щекотливаго вопроса я не буду касаться, но несомнѣнный фактъ состоитъ въ томъ, что цѣну мы себѣ назначаемъ не малую и вообще преисполнены самодовольства. Это ничего, что мы при каждомъ случаѣ «скорбимъ» объ упадкѣ идеаловъ, о пониженіи нравственнаго уровня, объ оскудѣніи литературы талантами и проч., и проч.,—все это только manière de parler и все это говорится только на чужой счетъ или «вообще». Самая конструк-

ція и тонъ этихъ шаблонныхъ изобличеній инсинуируетъ читателю мысль, что самъ изобличитель совсѣмъ не таковъ, какъ иные прочіе, а такъ какъ изобличаютъ всѣ и, въ то же время, всѣ поставляютъ себя въ исключеніе изъ общаго правила, то и оказывается, въ концѣ-концовъ, что «оскудѣла» какая-то отвлеченная «литература», а конкретные поэты и прозаики наши красуются талантами и блещутъ высотой помысловъ. Въ общемъ, получается картина, къ которой, вмѣсто подписи, можно было бы поставить Добролюбовское четверостишіе:

„Слава намъ! Въ поганой лужѣ
Мы давно стоимъ,
И чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже
Мы себя грязнимъ“.

Какъ видите, тутъ и самоизобличеніе, тутъ и самодовольствіе. «Лужа» наша «поганая», но, тѣмъ не менѣе, «слава намъ!» Это—не иронія, это—преискреннее и пресерьезное любованье собою: мы «безумны», но наше безуміе лучше всякаго ума, это—неземная печаль, вписанная въ наше сердце пылающимъ перстомъ Бога; мы—«лиллипуты», но исторія нашей литературы отнюдь не исторія лиллипутовъ, а исторія, можно сказать, богатырей, одинъ другаго краше и могучѣе; мы—«оскудѣли», но въ какомъ смыслѣ? Въ томъ, что мы пишемъ, по увѣренію одного изъ обличителей, или «умно, благородно, но не талантливо», или «талантливо, умно, но не благородно». Въ сущности, какое же, значить, оскудѣніе? Наша текущая литература, оказывается, богата и умами, и талантами, и благородствомъ, и если эти качества не всегда соединяются въ одномъ лицѣ, то развѣ такое соединеніе вообще не составляетъ рѣдкаго исключенія? Никто и ничто не мѣшаетъ намъ заимствоваться отъ писателя или отъ литературнаго органа тѣми его свойствами, которыя составляютъ его силу. Въ *Гражданинѣ*, наприм., пишутъ вообще «умно, благородно, но не талантливо»—мы позаимствуемся отъ князя Мещерскаго умомъ; въ *Недѣльн* пишутъ «талантливо, благородно, но не умно»—мы поучимся у г. Гайдебурова благородству; въ *Новомъ Времени* пишутъ «умно, талантливо, но не благородно»—мы будемъ стараться подражать талантливости гг. Суворина и Буренина. Ясно, что мы во всякомъ случаѣ въ выигрышѣ и намъ нѣтъ никакого основанія печалиться за литературу.

„Неправо мыслятъ тѣ, Шуваловъ,
Которые стекло чтуть ниже минераловъ“.

За всѣмъ тѣмъ, горькія слова великаго сатирика о томъ, что «писателю не хочется писать, читателю противно читать», продолжаютъ сохранять свой грустно-правдивый смыслъ. Писателю «не хочется писать»—не въ томъ отношеніи, что ему жаль своей поясницы, —чѣмъ другимъ, а усидчивостью и прилежаніемъ современные писатели наши справедливо могутъ похвалиться,—а въ томъ, что ему «не хочется» вводить читателя въ свой внутренній, давно опустошенный міръ. «Читателю противно читать»—не потому, что онъ одичалъ и отсталъ отъ культурныхъ привычекъ, а потому,

что онъ, по традиціи, ищетъ въ литературѣ поученія, отвѣта на свои запросы, ищетъ и не находитъ. Нравственная связь между литературой и жизнью почти совсѣмъ исчезла. Писатель, говоря другимъ выраженіемъ Салтыкова, «пописываетъ» и читатель «почитывается», не заботясь другъ о другѣ, не интересуясь другъ другомъ. Откуда это? Что случилось съ литературой и съ самимъ обществомъ, чѣмъ объясняется этотъ фактъ ихъ взаимнаго отчужденія и равнодушія, — фактъ, который было бы напрасно опровергать указаніемъ на расширеніе круга читателей? «Почитывающихъ» читателей много, но гдѣ читатель читающій?

Отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ мы найдемъ, анализируя главные типическія свойства текущей литературы нашей. Для уясненія одного изъ этихъ свойствъ, я, съ позволенія читателя, приведу здѣсь небольшую притчу, рассказанную знаменитымъ Франклиномъ. «Когда я, — рассказываетъ Франклинъ, — былъ еще ученикомъ въ типографіи, одинъ изъ моихъ друзей, задумавшій устроить шляпное заведеніе, пригласилъ своихъ знакомыхъ на совѣтъ по дѣлу для него великой важности — о редакціи вывѣски. Самъ шляпникъ придумалъ такую: вверху онъ предполагалъ нарисовать шляпу, а подъ нею сдѣлать надпись: *Джонъ Томсонъ, шляпникъ, изготавляетъ и продаетъ шляпы за наличныя*. Первый, съ кѣмъ Томсонъ посовѣтовался, замѣтилъ, что слово *шляпникъ* совершенно лишнее, потому что дальше говорится *изготавляетъ и продаетъ шляпы*. Томсонъ нашелъ замѣчаніе правильнымъ и вычеркнулъ слово *шляпникъ*. Второй знакомый нашелъ, что совершенно излишне писать *за наличныя*, во-первыхъ, потому, что шляпы вообще не продаютъ на другомъ условіи; а, во-вторыхъ, могутъ явиться случаи, когда выгодно продать ихъ въ кредитъ. Томсонъ вычеркнулъ *за наличныя*. Третій сказалъ, что если кто покупаетъ шляпу, то мало заботится о томъ, кто ее дѣлалъ; слово *изготавляетъ* было затѣмъ вычеркнуто. Наконецъ, четвертый знакомый, которому вывѣска была представлена въ слѣдующемъ видѣ: *Джонъ Томсонъ продаетъ шляпы*, воскликнулъ: «Кой чортъ! неужели вы полагаете, что кто-нибудь подумаетъ, что вы ихъ дарите?» Послѣ такого вполне справедливаго замѣчанія были вычеркнуты слова: *продаетъ шляпы*, и осталось только *Джонъ Томсонъ*, а наверху изображеніе шляпы». Читатель понимаетъ смыслъ этой притчи и догадывается, конечно, зачѣмъ мы привели ее. Да, современная литература *) наша въ такой же степени бѣдна идеями, въ какой богата словами. Творцовъ мысли у насъ очень мало, но творцовъ формы — болѣе чѣмъ нужно, и это рѣшительно во всѣхъ литературныхъ областяхъ — въ беллетристикѣ, въ поэзіи, въ публицистикѣ и критикѣ. Огромное большинство между нами пишетъ очень хорошо и огромному большинству между нами, очевидно, сказать не-

*) Какъ, вѣроятно, замѣтилъ читатель, я употребляю слово „литература“ въ самомъ широкомъ смыслѣ, включая въ него и журналистику, вплоть до всевозможныхъ петербургскихъ и московскихъ „листокъ“. Въ теоретическомъ и даже этимологическомъ отношеніи такое соединеніе неправильно, но оно удобно въ виду тѣхъ чисто-практическихъ литературныхъ цѣлей, которыхъ я предполагаю достигнуть своими *Письмами*.

чего, писать не о чемъ. Приходится писать какъ шляпникъ Томсонъ, т.-е. длинно, обстоятельно, кудревато и совершенно безсодержательно. Но Томсона безъ труда урезонили его друзья и онъ, не имѣя авторскаго самолюбія, остановился на такой редакціи своей вывѣски, которая лаконически и ясно выражала всю суть дѣла. Попробуйте урезонить, наприм., нашихъ беллетристовъ, у которыхъ среднимъ числомъ на десять страницъ восемь совсѣмъ ненужныхъ, попробуйте убѣдить нашихъ публицистовъ, что размазывать идею не значитъ развивать идею, попробуйте пригласить нашихъ критиковъ поменьше топтаться на одномъ мѣстѣ, не вдаваться въ отступленія, которыя превращаютъ ихъ писанія въ болтовню о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, они даже не поймутъ вашихъ требованій. Беллетристы скажутъ, что они заботятся о художественномъ развитіи темы, публицисты—что они хлопочутъ о популярности изложенія, критики—что они имѣютъ въ виду злобы дня. А къ поэтамъ, въ особенности новѣйшей формаціи, лучше и не пытаться обращаться: они высококомѣрно отвѣтятъ, что яйца курицу не учатъ (я не преувеличиваю: такой именно отвѣтъ послѣдовалъ *въ печати* отъ одного изъ нашихъ поэтовъ), что если они пишутъ длинно, блѣдно и вообще скверно, то не потому, что не могутъ, а потому, что *не хотятъ* писать лучше, а не хотятъ потому, что уже слишкомъ презираютъ насъ, читающую публику (и это опять не фантазія моя, былъ *въ печати же* и такой отвѣтъ). Возраженіемъ, повидимому, сильнымъ противъ этихъ замѣчаній нашихъ могло бы явиться указаніе на тотъ безспорный фактъ, что именно въ современной беллетристикѣ (а отчасти и въ поэзіи) процвѣтаетъ жанръ нравственной миниатюры, крошечныхъ рассказовъ въ нѣсколько печатныхъ страницъ. Можетъ ли художественная лаконичность идти дальше? Правда; но мнѣ припоминается здѣсь остроумный отзывъ, который далъ одинъ французскій критикъ какому-то вельможѣ, представившему на его судъ сочиненное имъ двустышіе; ваше двустышіе,—сказалъ критикъ,—было бы прекрасно, если бы только его немножко сократить. Вотъ именно: произведенія нашихъ литературныхъ миниатюристовъ были бы прекрасны, если бы были еще покороче. Можно опасаться, конечно, что тогда отъ нихъ ничего не осталось бы, кромѣ эффектнаго приступа въ такомъ, наприм., родѣ: «Онъ спалъ. Но не грезилъ. Его блѣдное лицо было спокойно. Луна съ любовью освѣщала его своими холодными лучами» и проч. Большой бѣды, однако, я тутъ не вижу.

Беллетристика, конечно, не математика, въ которой чѣмъ проще и короче доказывается извѣстная формула или теорема, тѣмъ лучше. Однако, и эстетика учитъ, что между формой и содержаніемъ должно быть соотвѣтствіе, пропорціальность, и не даромъ *чувство меры* всегда признавалось существеннымъ элементомъ истиннаго художественнаго дарованія. Вотъ этой-то пропорціальности и не замѣчается въ огромномъ большинствѣ всякаго рода произведеній современной литературы. Мы богаты количествомъ и бѣдны качествомъ.

Если бы это явленіе происходило отъ случайныхъ причинъ, отъ вре-

женнаго неурожая на таланты, съ нимъ было бы легко примириться: во-первыхъ, на нѣтъ и суда нѣтъ; во-вторыхъ, нѣтъ флотовъ—передъ флотами, какъ говоритъ Погодинъ. Настоящее значеніе этого явленія есть значеніе симптома, указывающаго на состояніе самой жизни. Пояснимъ дѣло сравненіемъ. Въ эпоху общественнаго и литературнаго оживленія, проявившагося послѣ крымской кампаніи, каждая пустая статейка, каждая обличительная корреспонденція начиналась горделивою и пышною фразой: «въ настоящее время, когда...» и т. д. Фраза эта, какъ выраженіе наивной радости и еще болѣе наивной вѣры, была осмѣяна скептиками съ Добролюбовымъ во главѣ, но въ ней былъ глубокой смыслъ. Она свидѣтельствовала, что въ жизни возникли такіе факты, такіе общіе вопросы, съ которыми координировались всѣ личные взгляды и личныя мнѣнія. Полуграмотный корреспондентъ какого-нибудь захолустья зналъ и отчетливо формулировалъ основныя задачи и потребности «настоящаго времени», текущаго историческаго момента. Эти задачи могли каждымъ рѣшаться на свой ладъ, этимъ потребностямъ можно было сочувствовать или не сочувствовать, но рѣчь всегда и неизмѣнно шла объ *этихъ* задачахъ и объ *этихъ* потребностяхъ. Сама жизнь давала литературѣ темы для анализа и уклоняться отъ этихъ темъ значило заранѣе осуждать свою дѣятельность на бесплодіе.

Совершенно инымъ характеромъ отличается переживаемая нами эпоха. Посмотрите попристальнѣе на современную литературу и васъ поразитъ удивительная произвольность и случайность темъ, которыхъ она касается. Разнаго рода вопросы и вопросы возникаютъ въ ней точно пузыри въ лужѣ, неизвѣстно почему, и исчезаютъ, неизвѣстно куда. По слову Салтыкова, намъ хочется не то реформъ, не то севрюжины. Одинъ трактуетъ о переутомленіи гимназистовъ, другой о благотворительности, третій о непротивленіи злу, четвертый объ организаціи переселеній, пятый о тенденціозности въ искусствѣ, шестой о французскомъ натурализмѣ, седьмой о принципѣ національности, о теоріи Дарвина, о земскихъ начальникахъ, о средневѣковой монархіи, о Гёте, объ адвокатурѣ и т. д., и т. д. «Сколько ихъ, куда ихъ гонять, что такъ жалобно поютъ?» Можетъ ли любой изъ этихъ авторовъ съ увѣренностью сказать, что трактующая имъ тема дѣйствительно настоятельна и неотложна, что жизнь нетерпѣливо ждетъ рѣшенія разбираемыхъ имъ вопросовъ? Ничуть не бывало, конечно! Мы именно «пописываемъ», потому что подвернулась подъ перо подходящая тема, а читатели именно «почитываютъ», потому что — отчего же не послушать неглупаго человѣка, который говорить... о чемъ, бишь? Все равно, о чемъ-нибудь, лишь бы не навелъ тоски.

Въ *такомъ* положеніи вещей виновата не литература, а сама жизнь, если только жизнь можетъ быть въ чемъ-нибудь виновата. Литература, въ сущности, бьется какъ рыба объ ледъ, усердно разъясняя куда-то запропавшіе идеалы, растекается мыслью по древу, рыщетъ сѣрымъ волкомъ, паритъ орломъ сизымъ, выдумываетъ «новыя слова» и додумалась даже до «новыхъ мозговыхъ линий», — чего ужъ, кажется, лучше? «А только возъ

и нынѣ тамъ». И онъ пребываетъ и еще долго пребудетъ «тамъ» отнюдь не вслѣдствіе нашихъ разногласій, не потому, что ракъ пятится назадъ, лебедь рвется въ облака, а щука тянетъ въ воду, но потому, что никто изъ насъ не запряженъ какъ слѣдуетъ и даже не знаетъ, гдѣ находится возъ. «Гдѣ онъ?—онъ тамъ. Гдѣ тамъ?—не знаемъ. Мы только плачемъ и взываемъ: о, горе намъ, рожденнымъ въ смутную, переходную, подготовительную эпоху!»

Оставляя шутки въ сторонѣ, можно сказать на этотъ счетъ и нѣсколько серьезныхъ словъ. Мы не знаемъ даже приблизительно таинственныхъ законовъ, управляющихъ жизнью человѣческихъ обществъ. Но можно догадываться, что мы живемъ наканунѣ великихъ событій, великихъ не съ національной только точки зрѣнія, но и съ общечеловѣческой.

III.

Однако, изъ любопытныхъ особенностей современной литературы нашей является чрезвычайное изобиліе въ ней литературной критики. Каждый журналъ и даже почти каждая газета считаютъ нынѣ какъ бы необходимою имѣть своего «собственного» критика, какъ есть «собственные» корреспонденты. За послѣдніе три года вышелъ цѣлый рядъ критическихъ сборниковъ и критическихъ сочиненій—гг. Арсеньева, Спасовича, Скабичевского, Михайловскаго, Андреевскаго, Гаршина, Дистерло, Громеки и др. Интересъ къ литературной критикѣ возросъ, повидимому, до того, что издатели не задумываются извлекать изъ литературнаго архива произведенія давно забытыхъ критиковъ, какъ Валерьянъ Майковъ, и, надо думать, не ошибаются въ расчетѣ. Чистокровные публицисты нерѣдко оставляютъ свою сферу политическихъ и социологическихъ вопросовъ для временныхъ экскурсій въ заманчивую сферу литературной критики. Наконецъ, сколько извѣстно, сочиненія такихъ специалистовъ критики, какъ Бѣлинскій, Добролюбовъ и Писаревъ, продолжаютъ пользоваться въ средѣ читателей огромнымъ вліяніемъ и прежнимъ успѣхомъ. Очевидно, какъ ни изобильно предположеніе, оно только что отвѣчаетъ огромному спросу.

Этотъ спросъ отнюдь не вызванъ положеніемъ современной литературы нашей: критиковать, въ сущности, теперь нечего и некого. Ни въ современной беллетристикѣ, ни въ современной поэзій нѣтъ ни одного крупнаго таланта, который еще нуждался бы въ критическихъ разъясненіяхъ и комментаріяхъ. Съ другой стороны, нѣтъ, кажется, такого литературнаго двугривеннаго, которому бы наша снисходительная и старательная критика не отвела помѣщенія въ общей литературной сокровищницѣ. Если наши беллетристы и поэты зачастую жалуются на невнимательность къ нимъ критики, то это или недоразумѣніе, или самая черная неблагодарность: едва ли не о каждомъ изъ нихъ сказано критикой гораздо больше и гораздо теплѣе, нежели они того заслуживаютъ.

Мнѣ кажется, въ этомъ предпочтеніи чисто литературныхъ темъ на-

шими писателями-теоретиками выражается нѣчто гораздо болѣе серьезное и высокое, нежели простое желаніе удовлетворить «спросу» книжнаго и журнальнаго рынка. Самый этотъ «спросъ» есть прямой результатъ нравственной общественной потребности, которой въ свою очередь не могутъ не чувствовать и писатели, живущіе въ тѣхъ же условіяхъ, въ которыхъ живетъ и все общество. Если, какъ я указывалъ выше, въ сферѣ современной государственной и общественной практики нѣтъ такого центрального вопроса, около котораго могли бы группироваться всѣ частныя задачи, то, конечно, то же самое нужно сказать и о современной морали, въ которой болѣзненно чувствуется отсутствіе высшаго регулирующаго принципа. Я хочу этимъ вотъ что сказать. Мораль, какъ идеаль, какъ свѣточъ жизни, безотносительна и вѣчна. Но задачи морали, какъ фактора личной и общественной жизни, относительны, условны и измѣнчивы. Въ шестидесятыхъ годахъ такою задачей явилась реабилитация личности, протестъ противъ чрезмѣрно-преувеличеннаго значенія авторитета, и эта идея заняла фундаментальное положеніе въ тогдашней критикѣ. Лучшія статьи Добролюбова—*Темное царство*—построены пѣбликомъ на этой плодотворной идеѣ. Вотъ подобной-то идеи и не имѣется въ виду въ настоящее время и всѣ современные общественно-моральные ученія, начиная съ проповѣди о непротивленіи злу и кончая благодушнымъ приглашеніемъ примириться съ дѣйствительностью, потому что въ ней, все-таки, найдется пара-другая «свѣтлыхъ явленій»,—всѣ эти ученія доказываютъ только то, что мы «потеряли ниточку», какъ выразился однажды Шелгуновъ.

Вотъ эту-то потерянную «ниточку» и разыскиваетъ наша критика. Дѣлаетъ она хорошее дѣло, но дѣлаетъ его хорошо ли? Скажемъ опять-таки: на нѣтъ и суда нѣтъ. Не будемъ претендовать на то, что среди современныхъ критиковъ нѣтъ дѣятелей съ такою широтой и смѣлостью мысли, какъ у Вѣлинскаго, съ такимъ страстнымъ общественнымъ чувствомъ, какъ у Добролюбова, съ такою красотой слова и силой диалектики, какъ у Писарева. Дѣло не въ этомъ, не въ отсутствіи первоклассныхъ талантовъ, а въ томъ, что наши критики, по всѣмъ видимостямъ, не имѣютъ достаточно яснаго сознанія относительно своей задачи. Вотъ длинный рядъ критическихъ статей, между которыми есть умныя и неумныя, основательныя и неосновательныя, ученныя и элементарно-невѣжественныя. Въ литературномъ отношеніи между ними зачастую лежитъ «дистанція огромнаго размѣра», но есть одно свойство, присущее имъ всѣмъ почти въ одинаковой степени: всѣ онѣ какъ бы не отъ міра сего, всѣ онѣ ходятъ кругомъ да около, послѣ прочтенія любой изъ нихъ такъ и хочется спросить: ну, такъ что же? Зачѣмъ была выдвинута вся эта тяжелая артиллерія эстетическихъ, психологическихъ, историческихъ и всякихъ другихъ аргументовъ? Неужели затѣмъ, чтобы выяснить, что талантъ такого-то писателя отличается такими-то свойствами и что по своимъ размѣрамъ онъ на вершокъ побольше таланта знаменитаго А. и на вершокъ поменьше таланта великаго В.? Разъясните ради Бога, зачѣмъ и кому это нужно?... Развѣ кри-

тика существуетъ для учителей словесности и для составителей хрестоматій?

Для литературы и ея специальныхъ интересовъ забывается жизнь и ея насущныя надобности. Читателю не безъизвѣстенъ, конечно, старый упрекъ, который аматёры чистой литературщины дѣлали и до сихъ поръ дѣлаютъ такъ называемой публицистической или общественной критикѣ: она, эта зловредная критика, говоритъ не столько о писателѣ и его произведеніяхъ, сколько *по поводу* ихъ. Упрекъ этотъ былъ бы совершенно основателенъ, если бы нашелся такой странный критикъ, который *по поводу* произведеній, наприм., Толстаго распространился бы объ англійской палатѣ общинъ или *по поводу* сатиръ Салтыкова изложилъ бы теорію туманныхъ пятенъ. Нѣчто подобное дѣйствительно можно встрѣтить, но не въ публицистической, а въ такъ называемой исторической критикѣ, которая, собравшись говорить, наприм., объ Островскомъ, предварительно истомитъ читателя разсужденіями о Грибоѣдовѣ, о Фонъ-Визинѣ и даже о Кантемірѣ. Говорить объ *идеяхъ* писателя, о его *міросозерцаніи*, какъ это дѣлаетъ критика публицистическая, значитъ гораздо ближе подойти къ писателю, нежели критика эстетическая, разсуждающая лишь о сильныхъ и слабыхъ сторонахъ литературнаго таланта писателя. Не въ формѣ, не въ родѣ произведеній и не въ манерѣ изложенія сказывается, главнымъ образомъ, индивидуальность писателя, а именно въ его воззрѣніяхъ, оспаривая или защищая которыя, публицистическая критика *тѣмъ самымъ* опредѣляетъ его литературную и общественную роль. Но понятно, что защищать или оспаривать можно только посредствомъ аргументовъ, которые критикъ набираетъ изъ *своего* арсенала, потому что иначе и быть не можетъ, и вотъ это-то аргументированіе, это вниманіе не столько къ образамъ и символамъ писателя, сколько къ идеямъ, выраженнымъ въ этихъ образахъ,—это именно и порождаетъ упрекъ, о которомъ мы говоримъ. Странный, курьезный упрекъ! Говорить о *красотѣ* художественнаго образа—это хорошо, законно, это значитъ говорить о самомъ образѣ по его существу; говорить объ *идейномъ содержаніи* образа—это нехорошо, не законно, это значитъ говорить только *по поводу*. Логика изумительная и непостижимая!

Все это, т.-е. и упреки такого рода, и стремленіе нашихъ критиковъ держаться чисто-литературной почвы (т.-е. почвы эстетическихъ, историческихъ, психологическихъ, морально-дидактическихъ соображеній), свидѣтельствуется если не о мыслелюбви, то о какой-то странной и печальной жизнелюбви. Не литературными монографіями, не историческими обзорами, не эстетическими характеристиками, не біографическими разсказами можетъ быть двинуто впередъ дѣло общественнаго самосознанія. *Потерянная ниточка* Шелгунова—это утраченный идеаль, это—неувѣренность въ путяхъ, это—незнаніе какъ жить, чѣмъ дышать, что дѣлать. Съумѣйте разсѣять *этотъ* туманъ, отвѣтите на *эти* вопросы и васъ будутъ не «почитывать», а читать, и сами вы будете не «пописывать», а жечь глаголомъ сердца. А

для этого, оставляя въ сторонѣ вопросъ о литературномъ талантѣ, надо умѣть вѣрить и не уставать искать. Ищите и найдете, стучите и отворится, просите и дастся вамъ...

IV.

„Тогда считать мы стали ранн,
Товарищей считать...“

Попробуемъ и мы въ заключеніе этого письма подсчитать наличныя силы нашей журналистики,—не всей, конечно, а только той ея части, которая находится въ авангардѣ и на долю которой, естественно, пришлось наибольшее количество «ранъ» и всякаго рода утратъ. Три поколѣнія дѣйствуютъ въ настоящее время въ литературѣ: поколѣніе шестидесятыхъ годовъ, т.-е. люди въ возрастѣ приблизительно отъ 45 до 55 лѣтъ; поколѣніе семидесятыхъ годовъ, т.-е. люди въ возрастѣ отъ 35 до 45 лѣтъ; поколѣніе восьмидесятыхъ годовъ, т.-е. люди отъ 25 до 35 лѣтъ.

Представители въ литературѣ шестидесятниковъ въ настоящій моментъ слѣдующіе: Глѣбъ Успенскій (беллетристъ), Н. Златовратскій (беллетристъ), В. Лесевичъ (философъ), Н. Михайловскій (публицистъ), А. Скабичевскій (критикъ), Б. Станюковичъ (беллетристъ), Н. Бажинъ (беллетристъ), Ф. Нефедовъ (беллетристъ), Н. Наумовъ (беллетристъ), Д. Михаловскій (поэтъ), г-жа Цебрикова (критикъ).

Это поколѣніе можетъ гордиться тѣмъ, что между ними нѣтъ отступниковъ. Есть поколебавшіеся (ничтожнѣйшій процентъ), но вовсе упавшихъ нѣтъ. Къ сожалѣнію, великъ процентъ утомившихся.

Литературное поколѣніе семидесятыхъ годовъ: В. В. (публицистъ-экономистъ), С. Южакъ (публицистъ), В. Короленко (беллетристъ), П. Засодимскій (беллетристъ), Маминъ-Сибирякъ (беллетристъ), А. Эртель (беллетристъ), И. Потапенко (беллетристъ), Баронинъ (беллетристъ), М. Альбовъ (беллетристъ), К. Баранцевичъ (беллетристъ), Г. Мачтетъ (беллетристъ), А. Введенскій (критикъ), С. Кривенко (публицистъ), І. Ясинскій (беллетристъ), Минскій (поэтъ), В. Гольцевъ (публицистъ), М. Протопоповъ (критикъ), г-жа Смирнова (беллетристка).

Есть устоявшіе, есть уставшіе, есть поколебавшіеся, есть измѣнившіе...

Поколѣніе восьмидесятыхъ годовъ: А. Чеховъ (беллетристъ), Я. Абрамовъ (публицистъ), Дистерло (критикъ), Е. Гаршинъ (критикъ), А. Вольнскій (публицистъ), Д. Мережковскій (поэтъ), Фофановъ (поэтъ), Фругъ (поэтъ), г-жа Шапиръ (беллетристка).

Если я поставлю это литературное поколѣніе тоже въ «авангардъ», то исключительно вслѣдствіе, такъ сказать, метрическихъ соображеній: какъ исключить молодежь изъ числа прогрессивныхъ элементовъ? Между тѣмъ,—и это одинъ изъ печальнѣйшихъ и даже трагичнѣйшихъ фактовъ современной литературы,—по тенденціямъ, по направленію, по «трезвости» возрѣвній, большинству этихъ молодыхъ людей не менѣе семидесяти лѣтъ отъ роду.

И такъ, вотъ небольшой поименный списокъ дѣйствующихъ силъ нашего прогрессивнаго литературнаго лагера. Я составлялъ этотъ списокъ на память и, главное, экспромтомъ, такъ что не мало именъ мною, навѣрное, пропущено. Припомнились имена, наприм., гг. Боборыкина, Шеллера-Михайлова, Терпигорева, Немировича-Данченко, Луговаго, которыя по разнымъ соображеніямъ я затруднился включить въ одну изъ поставленныхъ категорій. Этотъ списокъ, сколько бы его ни дополнить, однако, не исчерпываются прогрессивные элементы нашей журналистики. Такъ, въ лицѣ *Вѣстника Европы* мы имѣемъ журналъ, въ который несутъ свои работы люди очень несходныхъ воззрѣній, постоянные сотрудники котораго принадлежатъ къ различнымъ поколѣніямъ, но который, тѣмъ не мене, очень строго и послѣдовательно проводитъ свою основную идею, идею, несомнѣнно, прогрессивную. Далѣе, въ лицѣ Льва Толстаго мы имѣемъ литературнаго дѣятеля, который стоитъ внѣ всякихъ партій, дѣйствуетъ на свой страхъ и проводитъ свои собственные, исключительно-личные воззрѣнія. Отрицаніе благотѣльности прогресса, науки, просвѣщенія, цивилизаціи занимаетъ въ этихъ воззрѣніяхъ центральное мѣсто, но, конечно, никто изъ современныхъ дѣйствующихъ прогрессистовъ нашихъ не послужилъ такъ много и плодотворно дѣлу прогресса, какъ нашъ неумолимый отрицатель прогресса. Привилегія всякаго крупнаго таланта состоитъ, прежде всего, въ томъ, что онъ «сердца волнуетъ, мучитъ, какъ своеправный чародѣй», приобщаетъ къ умственной дѣятельности даже лѣнныя умы, возбуждаетъ интересъ даже въ равнодушныхъ. Цѣль прогресса не въ этомъ, но путь прогресса именно здѣсь. Пусть люди думаютъ не по-нашему, лишь бы они думали; пусть ихъ мнѣнія будутъ ошибочны, лишь бы это были дѣйствительныя мнѣнія, допускающія критику, а не тупые предрасудки, не неподвижныя привычки. Хорошо сказанный парадоксъ зачастую приноситъ больше пользы, нежели апатичное пережевыванье самыхъ несомнѣнныхъ истинъ. Прогрессъ есть законъ, цивилизація—благо, наука—вмѣстительница истины, все это можно твердить изъ года въ годъ и съ утра до вечера, безъ малѣйшей пользы для прогресса, для цивилизаціи, для науки. Но приходитъ человѣкъ, разбиваетъ властною рукою настоящаго таланта ваши авторитеты и ваши идеалы, и вы вынуждены обороняться, видите себя въ необходимости шодвергнуть провѣркъ и очистить свои позалежавшіяся и позапылившіяся взгляды. Отъ такихъ критическихъ провѣрокъ истина, какъ золото отъ кислоты, является въ обновленномъ блескѣ, и какъ же не назвать прогрессистомъ человѣка, оказавшаго прогрессу такую существенную услугу? А по своему положительному содержанію ученія Толстаго не представляютъ никакой серьезной опасности. Если въ жизни обрѣтется нѣсколько десятковъ или сотенъ убѣжденных послѣдователей Толстаго, за то въ литературѣ такихъ послѣдователей нѣтъ вовсе. Въ лицѣ писателей и органовъ печати, воскуривающихъ удушливый оміамъ «великому писателю земли Русской», Толстой имѣетъ не послѣдователей своихъ идей, а всего только прихвостней своей великой

славы и популярности. Руководить этими писателями и органами не убѣжденіе, а именно, какъ говорилъ Шелгуновъ, «тонкое лукавство»: лишь бы побыть на виду, лишь бы сдѣлать себѣ рекламу, лишь бы пройтись подъ ручку съ знаменитостью,—будетъ ли то Толстой, или Салтыковъ, или Достоевскій. До идей же и ученій не только толстовскихъ, но и какихъ бы то ни было, имъ столько же дѣла, сколько до прошлогодняго снѣга. Такии пустяками могутъ озабочиваться только «насвистанные синигири», по остроумному выраженію *Недѣли*, да глупые, пошлые, невѣжественные и наглые «бурсаки», по выраженію умнаго, ученаго и скромнаго *Новаго Времени*.

Да, «фатализмъ историческаго прогресса» есть фактъ, который можно на досугѣ сколько угодно оспаривать, но нельзя устранить, потому что онъ лежитъ внѣ предѣловъ человѣческой воли. Я говорю о фатализмѣ именно *прогресса*, какъ процесса нашего приближенія къ идеалу добра и справедливости, а не *эволюціи*, какъ простаго видоизмѣненія и перемѣщенія общественныхъ элементовъ и силъ. Въ концѣ-концовъ, все служить прогрессу, даже его враги и порицатели. Въ этомъ общемъ и отвлеченномъ смыслѣ вся наша литература и вся наша журналистика, со включеніемъ *Московскихъ Вѣдомостей* и даже самого *Гражданина*, служатъ дѣлу прогресса, потому что служатъ дѣлу умственнаго развитія своихъ читателей. Каковы бы ни были «мысли», выражаемыя журнальными органами этой категоріи, все-таки, это *мысли*, а не жернова, не опилки, не глиняные черепки. А, сверхъ того, разсуждая о *русской* литературѣ, не нужно упускать изъ вида, что она всегда представляется намъ далеко ниже своего настоящаго роста, что идеи и взгляды, циркулирующіе въ ней, далеко не исчерпываютъ всѣхъ умственныхъ богатствъ общества. Знаете ли, какое самое живое и умное литературное произведеніе послѣдняго времени? Это *Дневникъ* умершаго профессора, цензора, академика и чиновника Никитенко, печатающійся нынѣ въ *Русской Старинѣ*, но самимъ авторомъ, кажется, не предназначавшійся для печати. Сколько мѣткихъ сужденій, сколько свѣтлыхъ мыслей, сколько удачныхъ выраженій! Это не историческій документъ, имѣющій только автобіографическое или археологическое значеніе, это—живая журнальная статья, трактующая о тѣхъ самыхъ злобахъ дня, которыя волнуютъ насъ теперь. Вы заняты теперь обсужденіемъ тенденцій *Крейцеровой сонаты*? Вы придете къ вѣрнымъ результатамъ, если положите въ основу своего анализа мысль Никитенко, что «любовь есть такое великое счастье, котораго надо сдѣлаться достойнымъ и которое надо умѣть заслужить». Васъ печалитъ или удивляетъ странная легкость, съ какой появляются въ нашей литературѣ разнаго рода «новыя слова»? Послушайте Никитенко: «поверхностное знаніе какъ бы покровительствуетъ полузнанію и возбуждаетъ умственное высокомеріе, которое, благодаря кое-какимъ свѣдѣніямъ, приобретеннымъ легко, безъ настоячиваго труда, мечтаетъ, что оно уже обладаетъ глубиною премудрости. Въ этомъ заключается объясненіе и многихъ глупостей, которыя надѣланы и

нашимъ молодымъ поколѣніемъ. Только то знаніе прочно, которое добыто трудомъ собственной мысли и которое состоитъ не изъ однихъ результатовъ, но и изъ генетическаго его движенія». Васъ поражаетъ горестное изобиліе измѣнъ и паденій, характеризующихъ современный періодъ русской литературы? И на это есть у Никитенка отвѣтъ, хотя не полный, и утѣшеніе, хотя не достаточное: «Удивительно странно нашъ русскій умъ! Онъ съ чрезвычайною легкостью усваиваетъ себѣ летучія идеи времени и часто умѣетъ высказывать ихъ такъ ловко, съ видомъ такого убѣжденія, какъ будто онѣ были его собственными. Эта восприимчивость, соединенная съ большою живостью его натуры, мѣшаетъ ему углубиться въ то, что онъ сторяча принимаетъ за непреложную истину, — мѣшаетъ ему быть самостоятельнымъ и твердымъ. Въ немъ все какъ-то легко, ненадежно, не прочно; чувствуешь, что то, чтѣ онъ сегодня принимаетъ и отстаиваетъ съ жаромъ, скоро перестанетъ занимать его, что оно не пустило въ его сознаніи глубокихъ корней и что онъ такъ же скоро охладѣетъ къ принятому, какъ скоро привязался къ нему». Слышите вы «трезвенныя» разсужденія о бесполезности общихъ идей, о необходимости «дѣловитаго» изученія жизни, — Никитенко и въ этомъ случаѣ дастъ вамъ путеводную нить: «собирать, копить факты хорошо; но слѣдуетъ ли изъ этого, что надо отказаться отъ права и способности разсуждать?» Я сдѣлалъ эти выборы только изъ незначительной, по объему, части *Дневника*, напечатанной въ послѣдней (сентябрьской) книжкѣ *Русской Старины*, а, вѣдь, *Дневникъ* ежемѣсячно печатается въ журналѣ уже второй годъ! Никитенко былъ безспорно умный и ученый, но нисколько не необыкновенный человекъ, а, между тѣмъ, сколько назидательнаго для *современной* жизни онъ преподаетъ намъ въ своемъ *Дневникѣ*, который онъ писалъ про себя и для себя! Его печатныя сочиненія не имѣютъ и десятой доли интереса его *Дневника*, и это у насъ явленіе общее: литература наша думаетъ лучше, нежели говорить.

М. Протопоповъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Послѣдствія запрещенія вывоза ржи.—Новыя мѣры помощи неурожайнымъ губерніямъ.—Выпускъ 25 милл. р. кредитныхъ билетовъ.—Экзамены въ высшихъ специальныхъ училищахъ.—Электро-технической институтъ.—Наша система технического образованія.—Нижегородская армарна.—Уссурийская желѣзная дорога.

Послѣдствіемъ воспрещенія вывоза ржи явилось въ прошломъ мѣсяцѣ быстрое возвышеніе цѣнъ не только на рожь, но и на другіе хлѣба, и лихорадочная спекуляція по скупу и вывозу ржи до назначеннаго срока — 15 августа. Запретить вывозъ безусловно, то-есть безъ назначенія извѣстнаго срока, было невозможно, въ виду множества обязательствъ на поставку къ вывозу, заключенныхъ раньше опубликованія этой мѣры. Она была дополнена уже въ августѣ запрещеніемъ вывоза и иныхъ хлѣбовъ, въ случаѣ, если они содержатъ болѣе 3% примѣси ржи (а для пшеницы болѣе 8% примѣси ржи), вслѣдствіе извѣстій съ юга, что евреи отправляютъ въ южныя порты смѣсь ржи съ пшеницей подъ названіемъ пшеницы. Распространился было слухъ, что и пшеница будетъ запрещена къ вывозу, что было затѣмъ полуофициально опровергнуто *Съвернымъ Телеграфнымъ Агентствомъ* и *Journal de St.-Petersbourg*. Что касается ржи, то въ упомянутомъ дополнительномъ распоряженіи финансоваго вѣдомства предписывалось еще таможникамъ, въ случаяхъ открытія въ транспортахъ хлѣба ржи и ржаныхъ отрубей съ незначительною примѣсью иныхъ хлѣбовъ, примѣнять къ такимъ партіямъ хлѣба постановленія о тайномъ вывозѣ запрещенныхъ къ отпуску товаровъ.

Немедленно вслѣдъ за объявленіемъ о воспрещеніи вывоза ржи послѣ 15 августа (срокомъ была назначена полночь съ 14 на 15 число) полетѣли изъ всѣхъ портовъ телеграммы агентамъ о закупкѣ всего количества ржи, какое было возможно достать. У кого рожь была свезена съ полей, тѣ стали молотить ее до ночи, причемъ не было уже времени на сушку и немало сыраго зерна испортилось до сдачи покупателямъ. Тамъ же, гдѣ продолжительные дожди (какъ въ Смоленской и Ковенской губерніяхъ) не позволяли своевременно убрать хлѣбъ, нельзя было и воспользоваться льготнымъ временемъ. Цѣна на рожь росла по днямъ: въ теченіе

8 дней она поднялась въ Петербургѣ съ 11 до 15 р. за четверть, что зави-
сѣло отъ возвышенія цѣны въ Берлинѣ съ 215 до 270 марокъ за тонну.
Возвышеніе цѣны на рожь, какъ уже замѣчено, повлекло за собой вздо-
рожаніе и другихъ хлѣбовъ. Лихорадочность, съ какой производилась за-
купка ржи, чтобы поспѣть къ сроку, объясняется прямо неожиданностью
принятой мѣры. Такъ, корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* сообщалъ
изъ Одессы отъ 2 августа, что тамъ, когда узнали о запрещеніи, было
наличной ржи всего до 1½ тыс. четвертей; немудрено, что въ одинъ день
цѣна ея поднялась на 15 коп. въ пудѣ и достигла 1 р. 42 коп., между
тѣмъ какъ пшеница въ тотъ же день продавалась по 1 р. 26 к. Ни въ
Петербургѣ, ни въ Одессѣ, ни въ Таганрогѣ не имѣлось достаточнаго числа
пароходовъ для нагрузки. Фрахты сильно поднялись и цѣлыя флотиліи
иностранныхъ пароходовъ направились въ наши порты.

Къ спѣшной закупкѣ хлѣба многочисленными агентами, которые разсѣ-
лялись даже по мѣстностямъ, обыкновенно не входящимъ въ районъ вы-
воза, какъ, наприм., Смоленская губернія, надо еще прибавить разныя
препятствія и недоразумѣнія, усилившія горячку. Такъ, прежде всего, же-
лѣзные дороги были не въ силахъ доставить къ сроку все сданное имъ
количество ржи и въ настоящее время нѣкоторые экспортеры, заключав-
шіе обязательства съ неустойками, предъявляютъ искъ къ желѣзнымъ до-
рогамъ. Затѣмъ представлялись недоразумѣнія относительно полученія та-
моженныхъ свидѣтельствъ на хлѣбъ, нагруженный на каботажныя суда, или
исключительно на хлѣбъ, уже перегруженный на суда иностранныя, затруд-
ненія въ присканіи достаточнаго числа перегрузочныхъ судовъ, противные
вѣтры. Въ Одессѣ неизвѣстно кѣмъ было сдѣлано распоряженіе, чтобы
иностранныя суда, принявшія грузъ ржи, вышли изъ порта 14 числа или,
въ противномъ случаѣ, чтобы они разгружались, и только вслѣдствіе хо-
датайства англійскаго консула это столь обычное для всякой нашей мѣст-
ной администраціи «усугубленіе» предписаній изъ Петербурга было отмѣ-
нено. Въ Таганрогѣ купцы, платившіе 13 р. 50 к. за четверть, лишь бы
только погрузить хлѣбъ на легкія суда, были внезапно застигнуты теле-
графическимъ распоряженіемъ изъ Петербурга относительно выдачи выпуск-
ныхъ свидѣтельствъ до полуночи на 15 число только для транспортовъ,
уже погруженныхъ на суда иностранныя, и подверглись убытку въ рубль
на четверть, такъ какъ объ исполненіи перегрузки въ одинъ день, при
50-ти верстномъ разстояніи рейда отъ города, нельзя было и думать, а
цѣна на рожь, вслѣдствіе той телеграммы, сразу упала съ 13 р. 50 к.
на 12 р. 50 к. Но сообщали также и о примѣрахъ быстрого обогащенія:
десятки тысячъ рублей наживались въ нѣсколько дней, а одна фирма, по
газетному извѣстію, заработала въ этотъ короткий срокъ 3¼ милл. р. (?)

Въ губерніяхъ сѣверо-западныхъ «ржаная лихорадка», въ сожалѣнію,
не ограничилась случайными наживами и потерями спекулянтовъ. Вслѣд-
ствіе дождей, мѣшавшихъ уборкѣ хлѣба, цѣна на рожь и на печеный ржа-
ной хлѣбъ возвышалась уже и сама по себѣ. Такъ, наприм., въ Шавляхъ

(Ковенской губ.) печеный хлѣбъ продавался уже по 4 коп. фунтъ, вмѣсто 3 коп. передъ объявленіемъ запрещенія вывозить рожь послѣ 15 августа. Когда мѣра эта была опубликована, то евреи бросились скупать всѣ наличные запасы по небывалымъ тамъ цѣнамъ и все, сколько было запасовъ ржи, пошло въ продажу на вывозъ. Въ Лидѣ (Виленской губ.) былъ такой день, когда ржи совсѣмъ нельзя было купить на рынкѣ: ея не осталось. Естественно, что населеніе встревожилось такимъ исчезновеніемъ зерна, которое составляетъ основное его питаніе. Въ столицахъ удивлялись, почему «ржаные беспорядки» произошли именно въ Сѣверозападномъ краѣ, гдѣ урожай считался среднимъ. Но это объясняется очень просто. Рожь родилась удовлетворительно и уже въ половинѣ іюля была бѣльшею частью сжата и собрана въ копны. Но затѣмъ наступило такое сплошное дождливое время, что, по отзыву одного корреспондента, во всю остальную часть іюля выдался только одинъ день сухой, которымъ крестьяне и пользовались для свозки хлѣба, работая даже ночью, а на другой день опять пошелъ дождь.

Между тѣмъ, все, что было вымолочено, скупалось по высокимъ цѣнамъ и факторы ухитрялись открыть и пустить въ оборотъ такіе запасы ржи, о которыхъ не знали и сосѣди. Тогда, видя вздорожаніе печенаго хлѣба, скупъ всего хлѣба вымолоченнаго и возможность порчи того, какой оставался на поляхъ, населеніе поддалось вполне естественному страху. Затѣмъ произошли сцены весьма схожія въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ Шавляхъ (корресп. *Русск. Вѣдом.*), «въ виду такихъ обстоятельствъ, среди бѣднѣйшаго населенія началось броженіе, выразившееся 4 августа въ томъ, что горожане, толпою въ нѣсколько сотъ человекъ, окружили квартиру исправника и умоляли его принять мѣры противъ вздорожанія хлѣба; вмѣстѣ съ тѣмъ, они стали препятствовать торговцамъ вывозить хлѣбъ изъ города, главнымъ образомъ, на вокзалъ». Толпа народа, включая сюда и евреевъ, стала зорко слѣдить за возами, нагруженными хлѣбомъ, останавливала ихъ и возвращала къ городской заставѣ, гдѣ выгружала его. Ночью сторожили добровольцы, учреждены были особые караулы и т. д. На другой день вышла отъ администраціи такса и въ дѣйствительности понизила цѣну на хлѣбъ.

Цѣны на рожь, — пишетъ корреспондентъ *Недѣли* изъ Вильны, — возросли до 1 р. 50 к. за пудъ безъ доставки. Прежде всего, конечно, пошли прошлогодніе запасы, затѣмъ землевладѣльцы постарались собрать и вымолотить еще не вполне высохшую рожь нынѣшняго года. Между тѣмъ, жадность и рвеніе хлѣботорговцевъ возросли до того, что многія мѣстечки и деревни остались буквально безъ хлѣба. Такъ, въ мѣстечкѣ Вилейкѣ 7 августа оказалось два пуда муки на 1,500 жителей. Агенты торговцевъ перенимали на дорогѣ всѣхъ мужиковъ, везущихъ хлѣбъ на базаръ, и мѣщанамъ пришлось голодать... «Повсюду видѣлись толпы мужчинъ и женщинъ, сторожація сваленные въ кучи мѣшки. О насиліяхъ надъ людьми еще не слышно; замѣчательно, что между протестующими есть много и

евреевъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чтобы воспрепятствовать нагрузкѣ, бабы порѣзали мѣшки; повсюду полиція, жандармы и даже солдаты охраняли станціи. Изъ Волочиска корреспондентъ той же газеты сообщалъ, что за перевозъ куля ржи за границу купцы платили 1 рубль, когда обыкновенная цѣна бываетъ 10 коп., такъ что, положивъ на возъ 20 кулей, можно было заработать въ день 20 рублей.

Волненія въ Динабургѣ, Витебскѣ и Полоцкѣ имѣли болѣе острый характеръ. «На станціяхъ,—писалъ корреспондентъ *Русск. Вѣдомостей*,—собрались массы городского населенія, причѣмъ женщины и дѣти осматривали всѣ поѣзды, и тѣ изъ нихъ, въ которыхъ находилась рожь, опустошали, т. е. высыпали зерно прямо на полотно дороги... Населеніе мотивировало свои дѣйствія воспрещеніемъ вывозить за границу хлѣбъ, который въ Витебскѣ поднялся до 1 р. 80 к. за пудъ».

Для предоставленія населенію нуждающихся губерній разныхъ облегченій, независимо отъ хлѣбныхъ ссудъ и пособій, въ минувшемъ мѣсяцѣ были приняты нѣсколько новыхъ мѣръ. Главная изъ нихъ представлялась циркулярами по министерствамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, предписывавшими губернскимъ властямъ соблюдать осторожность при взиманіи выкупныхъ платежей и другихъ государственныхъ сборовъ съ населенія въ настоящемъ году и воздерживаться до жатвы будущаго года отъ обычныхъ понудительныхъ мѣръ по взысканію недоимокъ. Понятно, что, при бѣдственномъ положеніи народа въ неурожайныхъ губерніяхъ, понудительныя мѣры не могли бы отвратить накопленіе недоимокъ, а только способствовали бы полному разстройству крестьянскаго хозяйства и на будущее время. Въ нѣкоторыхъ изъ губерній, пораженныхъ нынѣ неурожаемъ, оказались значительныя недоимки по сборамъ и въ прошломъ году, а именно въ губерніяхъ Самарской, Оренбургской и Казанской недоборъ за прошлый годъ превышалъ половину оклада, а въ Уфимской, Нижегородской, Симбирской составилъ болѣе трети оклада, что свидѣтельствуетъ о болѣе значительномъ недородѣ хлѣба и въ прошломъ году, чѣмъ вообще полагали.

Другою существенною помощію населенію является послѣдовавшее въ августѣ распоряженіе министерства финансовъ объ удешевленіи проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ изъ нуждающихся мѣстностей и обратно для лицъ, отправляющихся на отысканіе заработковъ. Размѣръ пассажирскаго тарифа для нихъ пониженъ до одной четверти нормальной платы, со скидкой, сверхъ того, казеннаго сбора съ такихъ билетовъ, что въ общемъ составляетъ скидку съ обыкновенной цѣны примѣрно въ $\frac{1}{4}$. Для полученія такихъ билетовъ крестьяне въ губерніяхъ, гдѣ введены земскіе начальники, должны брать свидѣтельства отъ этихъ должностныхъ лицъ, въ другихъ земскихъ губерніяхъ — отъ земскихъ управъ, а въ губерніи Оренбургской и сопредѣльныхъ уѣздахъ губерніи Тобольской — отъ мѣстнаго начальства. Эта мѣра касается 22 губерній, причѣмъ двухъ изъ нихъ только въ прижненіи къ нѣкоторымъ уѣздамъ.

Упомянемъ еще объ особомъ распоряженіи по министерству государственныхъ имуществъ—о разрѣшеніи въ предстоящія осень (съ 1 сентября) и зиму крестьянамъ 20 нуждающихся губерній заготовлять себѣ дрова изъ валежнаго лѣса и собирать хворостъ въ казенныхъ лѣсахъ. Съ этою цѣлью предписывается назначить опредѣленные дни, не менѣе 2 въ недѣлю, и выпускать крестьянъ постепенно въ одинъ лѣсной участокъ послѣ другаго, причѣмъ ставится условіемъ, чтобы крестьяне собирали валежникъ только для своей нужды, но не на продажу. При этомъ въ числѣ 20 губерній названы нѣкоторыя не вошедшія въ списокъ по удешевленію проѣздной платы, именно: Тверская и Черниговская, но за то опущены нѣкоторыя другія, какъ Полтавская, вѣроятно, за неимѣніемъ въ ней значительныхъ казенныхъ дачъ, Уфимская и Тобольская. Страшно подумать о положеніи такихъ мѣстностей, гдѣ казеннаго валежника окажется недостаточно, а крестьянскаго лѣса нѣтъ, нѣтъ и денегъ на покупку отопления. Новый законъ объ охранѣ лѣсовъ воспрепятствуетъ и многимъ частнымъ землевладѣльцамъ оказать помощь крестьянамъ дровами.

Въ числу новыхъ правительственныхъ мѣръ, направленныхъ къ оказанію помощи нуждающимъ мѣстностямъ, слѣдуетъ отнести и распоряженіе св. синода относительно сбора пожертвованій. Съ этою цѣлью предлагается учредить въ епархіальныхъ городахъ особые комитеты подѣ председательствомъ епископовъ, изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, а также и уѣздные комитеты. Собираемыя комитетами приношенія будутъ употребляемы въ нуждающихся мѣстностяхъ на пособія лицамъ, коихъ крайняя бѣдность будетъ, по возможности, удостовѣрена приходскими причтами. Предполагается еще: чтобы «лавы и наиболѣе обезпеченные монастыри и церкви удѣляли изъ своихъ средствъ денежные пособія въ пользу нуждающихся и не переставали питать нищихъ»; устраивать бесплатныя столовыя при архіерейскихъ домахъ, монастыряхъ и церквахъ и обносить при каждомъ богослуженіи въ церквахъ особую кружку для подаваній.

Сборъ частныхъ пожертвованій въ пользу голодающихъ долженъ бы производиться также во всѣхъ тѣхъ свѣтскихъ учрежденіяхъ, которыя могутъ публиковать о поступающихъ суммахъ и о полученіи ихъ на мѣстахъ назначенія земскими и другими органами, завѣдующими продовольственнымъ дѣломъ. Не слѣдуетъ никому оставаться равнодушнымъ подѣ тѣмъ предло- томъ, что малое пожертваніе ничего не значить въ сравненіи съ многими милліонами, которые нужны для оказанія помощи тѣмъ, кого постигло бѣдствіе недорода. Достаточно сказать себѣ, что на каждый данный рубль можно спасти человѣка отъ голода въ теченіе цѣлаго мѣсяца.

Болѣе всѣхъ, несомнѣнно, могутъ сдѣлать землевладѣльцы, если захотятъ остаться на мѣстахъ и заняться дѣломъ помощи. Въ *Новомъ Времени* прекрасно сказано, что «обычный зимній абсентеизмъ могъ и долженъ былъ бы смѣниться рѣшимостью провести всю зиму и весну, до будущаго урожая, съ нуждающимися, непосредственно принося и распре-

дѣлая имъ помощь, которую оказываютъ имъ правительство, земство, общество и населеніе мѣстностей, не страдающихъ отъ голодовки».

Мы уже говорили въ предшествующемъ обзорѣ объ удешевленіи провоза хлѣбныхъ грузовъ въ нуждающіяся губерніи по желѣзнымъ дорогамъ, а также объ ассигнованіи 15 милл. р. на постройку и ремонтъ почтовыхъ и подъѣздныхъ путей. Какъ извѣстно, разныя земства усиленно ходатайствовали о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Мы высказывали только сомнѣніе, чтобы изысканія и разрѣшенія въ этомъ дѣлѣ послѣди ко времени, когда еще можно производить земляныя работы. Но оказывается, что при дальнѣйшемъ обсужденіи сами земства разочаровались въ постройкѣ дорогъ, какъ средствѣ для помощи голодающимъ. Въ отношеніи къ желѣзнымъ дорогамъ слышались такія соображенія, что большая часть строительнаго капитала пойдетъ вовсе не въ руки рабочихъ, а и самихъ рабочихъ придется выписывать изъ бѣлорусскихъ губерній, гдѣ нѣтъ урожая.

Пусть еще это позднѣйшее соображеніе примѣнимо къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ въ пользу рабочихъ остается дѣйствительно лишь малая часть расхода, тотъ, который идетъ на земляныя работы. Но возраженія были предъявлены и противъ практичности сооруженія шоссе-ныхъ дорогъ въ видахъ мѣстной помощи. Такъ, въ чрезвычайномъ земскомъ собраніи Нижегородской губерніи большинство склонилось къ такому взгляду, что такъ какъ въ той губерніи нѣтъ ни булыжнаго камня, ни рабочихъ рукъ, специально подготовленныхъ для этого рода работы, то изъ 1.100,000 р., опредѣленныхъ изысканіями на эти сооружения, «больше 85% достанется на долю другихъ губерній, отсюда придется выписывать камень и рабочихъ-специалистовъ»; а голодающему населенію Нижегородской губерніи осталось бы изъ упомянутой суммы всего нѣсколько болѣе 150 т. руб., ради которыхъ не стѣитъ земству обязываться миллионною ссудой. По этимъ соображеніямъ, большинство гласныхъ признало проведеніе шоссе отъ Нижняго до Арзамаса несоотвѣтствующимъ мѣстнымъ потребностямъ и постановило рѣшеніе въ пользу улучшенія дорогъ грунтовыхъ, заработокъ по которымъ остается на мѣстѣ, причемъ положено просить на это правительственной ссуды въ 600 т. р.

Признаться, мы находимъ болѣе убѣдительнымъ мнѣніе, высказанное меньшинствомъ нижегородскаго собранія, именно, что «капитальное улучшеніе грунтовыхъ дорогъ есть ничто иное, какъ бесплодное перекладываніе земли съ мѣста на мѣсто, и что если строить дорогу, то строить прочную, т.-е. шоссе. Пусть въ Нижегородской губерніи можетъ быть констатировано отсутствіе «булыжнаго камня», если дѣлать сравненіе съ Финляндіей, гдѣ находятся неисчерпаемыя массы готовыхъ кругляковъ. Но, вѣдь, для постройки шоссе и эти кругляки еще приходится бить молотами, и мы отказываемся понять, какія «спеціальныя» знанія, предполагаемыя только у прилежныхъ каменщиковъ, необходимы для того, чтобы разбивать въ щебенъ валуны съ полей въ Нижегородской губерніи, засыпать дорогу опро-

кидываньемъ тачекъ со щепнемъ и утрамбовывать полотно чугунными вальками.

Совершенно иначе представляется другое разочарованіе земствъ, то, какое они испытали въ виду послѣдовавшаго сокращенія опредѣленныхъ ими, на основаніи точныхъ изслѣдованій, размѣровъ ссудъ, ожидаемыхъ отъ государства. Такъ, нижегородское собраніе ходатайствовало 9 іюля о ссудѣ въ 8.229,000 р. на сѣмена для озимыхъ полей и для продовольствія населенія, а, вмѣсто того, министерство внутреннихъ дѣлъ признало совершенно достаточнымъ отпустить 2.000,000 руб. и, дѣйствительно, отпустило эту сумму губернской управѣ. Изъ этихъ 2 м. р., какъ сообщаютъ *Русскія Вѣдомости*, уже израсходовано около 1½ м. р., на которые земствомъ куплено 889 т. пуд. ржи, что составляетъ примѣрно ¾ потребности на обмененіе, и извѣстное количество муки, такъ что на прокормленіе населенія на цѣлый годъ остаются всего около ½ милл. р. Замѣтимъ, что рожь обошлась земству по 1 р. 30 к. пудъ, а мука по 1 р. 20 к. А, между тѣмъ, недородъ въ губерніи оказался еще значительнѣе, чѣмъ предполагалось, когда земство исчислило необходимую ссуду въ 8.229,000 рублей: и рожь, и яровые родились хуже. По исчисленію продовольственной комиссіи, на прокормленіе населенія нельзя израсходовать менѣе 3 м. 800 т. р. Поэтому чрезвычайное собраніе постановило возобновить ходатайство о ссудѣ въ полномъ, просимомъ первоначальномъ размѣрѣ.

Несоответствіе между цифрами ссудъ, какія признала возможными выдать администрація, и тѣми, о какихъ ходатайствовало земство, обнаружилось не по одной Нижегородской губерніи, но по всѣмъ, которыя подверглись неурожаю. Не располагая наличными средствами, достаточными для полного удовлетворенія ходатайствъ, министерство внутреннихъ дѣлъ склоняло земства къ пониженію требованій. Въ концѣ іюля объѣзжалъ неурожайныя губерніи директоръ хозяйственнаго департамента этого министерства, т. с. Вишняковъ, и имѣлъ частыя совѣщанія съ представителями земства. Саратовскимъ земскимъ собраніемъ минимумъ ссуды былъ опредѣленъ въ 1½ м. р. на обмененіе полей и въ 8 м. р. на продовольствіе населенія. Но, по словамъ другаго корреспондента названной газеты, т. с. Вишняковъ высказалъ, что, кромѣ отпущенныхъ уже саратовскому земству 1½ м. р., министерство не можетъ выдать земству болѣе 1 м. р., «такъ какъ министерство располагаетъ самыми ограниченными средствами для удовлетворенія ходатайствъ о продовольственныхъ ссудахъ, а ходатайствъ этихъ представлено очень много». Это заявленіе директора департамента было обсуждено въ частномъ совѣщаніи, которое затѣмъ признало, что первоначальное ходатайство о ссудѣ было основано на документальныхъ данныхъ, что въ немъ нужда населенія была опредѣлена вѣрно и точно и что поэтому признается невозможнымъ сократить размѣры просимаго у правительства аванса; записка въ этомъ смыслѣ была подана совѣщаніемъ г. Вишнякову.

Что собственныя средства министерства внутреннихъ дѣлъ не позво-

ляютъ удовлетворить земскія ходатайства въ полномъ размѣрѣ, это не удивительно, но можно надѣяться, что будутъ ассигнованы дополнительныя средства изъ чрезвычайныхъ ресурсовъ. Выдача 2½ м. р. на ссуды въ такой губерніи, гдѣ нужда опредѣлилась въ 9½ м. руб., очевидно, не можетъ быть послѣднимъ словомъ. Сомнѣваться же въ правильности исчисленія размѣровъ нужды земствами, которыя получаютъ и раздаютъ ссуды подъ своею отвѣтственностью, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Даже столь чедоброжелательный земству органъ, какъ *Гражданинъ*, обмолвился по этому поводу вѣрнымъ замѣчаніемъ, что разъ веденіе операціи продовольственныхъ ссудъ предоставлено земству, нелогично было бы не полагаться на его свидѣтельства о дѣйствительной потребности.

Огромный размѣръ недорода въ нынѣшнемъ году, отсутствіе запасовъ и вытекающая отсюда необходимость весьма большихъ затратъ на обмененіе и продовольствіе удостовѣряются, впрочемъ, и общими статистическими данными. *Вѣстникъ Финансовъ* исчисляетъ максимумъ нынѣшняго сбора ржи въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи въ 736 милл. пудовъ. Принимая населеніе этихъ губерній въ 90 милл. душъ и среднюю цифру потребленія ржи въ 8 пуд. 25 ф. на душу, журналъ приходитъ къ выводу, что годовая потребность продовольствія составляетъ 776 милл. пуд., да на обмененіе 218 милл., итого 994 милл. пуд. А такъ какъ собрано не болѣе 736 милл. пуд., то недостатокъ ржи опредѣляется въ 258 милл. пуд. Далѣе *Вѣстникъ* приводитъ цифры, доказывающія, что нынѣ уже вывезено ржи за границу гораздо болѣе, чѣмъ могло ея оставаться отъ прошлаго года, такъ что на запасы разсчитывать нельзя.

Если мы примемъ ту цѣну ржи, по какой ее заготовляетъ нижегородское земство, то-есть 1 р. 30 к. за пудъ, то потеря отъ недорода ржи выразится въ суммѣ 335,4 милл. рублей. При разсчетѣ годового потребленія ржи на 1 душу въ 8½ пудовъ, принимается въ день менѣе фунта, такъ какъ и въ нормальное время населеніе питается не одною рожью. Если возьмемъ списокъ 20 нуждающихся цѣльныхъ губерній, упомянутыхъ въ распоряженіи министерства финансовъ объ удешевленіи пассажирской платы по свидѣтельствамъ, то найдемъ, что населеніе въ тѣхъ губерніяхъ, за исключеніемъ городского, составляетъ около 36 милл. душъ. Такъ какъ рожь составляетъ, все-таки, главный предметъ потребленія въ большинствѣ тѣхъ губерній, то при нынѣшнихъ размѣрахъ недорода можно допустить, что половину всего населенія придется кормить на государственныя средства, отпущенныя въ видѣ ли ссудъ, или безвозвратныхъ пособій. По разсчету 1 фунта въ день на 1 душу, т.-е. 9,1 пудовъ въ годъ, требовалось бы, по цѣнѣ 1 р. 30 к. за пудъ, примѣрно 213 м. р. Это составляло бы на все число населенія тѣхъ губерній по 5 р. 92 к. на 1 душу, а, стало быть, недалеко отъ разсчета нижегородскаго земства, которое просило 8¼ милл. р. на 1½ милл. населеніе, т.-е. по 5 р. 50 к. на душу.

Изъ исчисленной суммы 213 м. р., положимъ, около 20 м. р. покрылись бы изъ совокупности имперскаго и губернскихъ продовольственныхъ капи-

таловъ. Затѣмъ оставалась бы необходимость въ чрезвычайныхъ ресурсахъ на около 190 м. р.

Цифра эта лишь гадательная, но цѣль нашего исчисленія заключается не въ прихвальному уясненію, что размѣры нужды могутъ быть весьма велики и, сверхъ того, что даже при высокомъ опредѣленіи ихъ средства на вполне дѣйствительную помощь, все-таки, могутъ быть найдены. Мы склонны даже думать, что приведенная выше примѣрная цифра ссудъ и пособій обезпечивала бы не только продовольствіе, но и обсѣменение. Нѣкоторую провѣрку этого предположенія мы можемъ сдѣлать на основаніи выведенной *Вѣстникомъ Финансовъ* общей цифры недобора ржи—258 милл. пудовъ. Допустивъ, что треть этого недобора, т.-е. 86 м. пуд., приходится на обсѣменение, и, стало быть, должны быть добыты въ полной суммѣ, если остальную часть недобора 172 м. п. возьмемъ въ половинной долѣ (т.-е. предполагая, что продовольствіе должно быть добыто для цѣлой половины населенія неурожайныхъ губерній), то въ совокупности получимъ равную же цифру 172 м. пуд., которые надо купить. А это, по цѣнѣ 1 р. 30 к., требовало бы 223 м. р., между тѣмъ какъ мы исчисляли 213 м. р. и въ этой суммѣ включалась бы рожь и потребность на обсѣменение. Но добыть чрезвычайные ресурсы въ такомъ размѣрѣ путемъ займа не представляло бы затрудненія. Такой заемъ, навѣрное, легко было бы реализовать во Франціи и, быть можетъ, не дороже, чѣмъ изъ 3-хъ процентовъ интереса. Для французскихъ капиталистовъ это обычный размѣръ ренты и неуспѣхъ недавняго 3% займа ничего не доказывалъ бы противъ возможности успѣха для этого.

Въ прошломъ мѣсяцѣ былъ обнародованъ указъ на имя министра финансовъ относительно временныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ подъ залогъ золота. Указъ этотъ, состоявшійся 28 іюля, опубликованъ вмѣстѣ съ рапортомъ министра финансовъ сенату отъ 10 августа, о сдѣланномъ уже министромъ распоряженіи относительно временнаго выпуска кредитныхъ билетовъ на 25 милл. рублей.

Какъ извѣстно, временные выпуски кредитныхъ билетовъ, подъ залогъ золота, принадлежащаго государственному банку или казначейству, уже практиковались при нынѣшнемъ финансовомъ управленіи, на основаніи указа 1888 г. Выпуславшіеся вновь кредитные билеты, дѣйствительно, были погашаемы, при накопленіи въ банкѣ достаточной наличности въ кредитныхъ рубляхъ, и обезпечивавшее тѣ выпуски золото возвращалось по принадлежности. Такимъ образомъ, упомянутая мѣра являлась просто какъ воспособленіе банку для производства учетныхъ, то-есть торговыхъ, операцій во время усиленныхъ торговыхъ оборотовъ, то-есть, главнымъ образомъ, въ моменты усиленнаго спроса на деньги для покупки хлѣба на вывозъ. Конечно, и въ то время,—какъ и тогда указывалось въ печати,—банкъ могъ бы обходиться безъ обращенія къ выпуску, хотя бы временному, бумажныхъ денегъ и даже безъ возвышенія процента учета, если

не хотѣлъ стѣснять усиленныхъ торговыхъ оборотовъ. Для этого проще было продавать часть металлическаго запаса, принадлежавшаго самому банку или государственному казначейству, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, послѣ совершенія расчетовъ по хлѣбной операціи, купить вновь равное количество металла, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ залoгу банкомъ у себя же принадлежащаго ему золота и выпуску, подъ такой неощутительный ни для кого залoгъ, лишняго количества кредитныхъ билетовъ, которое ощутительно для всѣхъ, потому что отражается на курсѣ.

Но, какъ бы то ни было, повторяемъ: въ то время представлялось совершенно яснымъ, что потребность въ усиленіи денежнаго обращенія вызывалась именно нуждами торговли. Такъ и въ самомъ указѣ 1888 года упомянутая потребность предусматривалась «при оживленіи торговыхъ оборотовъ». Въ настоящее время значеніе такой же мѣры представляется уже менѣе яснымъ. При неурожаѣ въ 20 губерніяхъ, при воспрещеніи вывоза ржи и при вѣроятности весьма умѣренныхъ сдѣлокъ на Макарьевской ярмаркѣ трудно предвидѣть оживленіе торговыхъ оборотовъ. Правда, фактъ весьма значительнаго уменьшенія кредитной наличности въ государственномъ банкѣ былъ налицо, но этотъ фактъ скорѣе могъ быть объясненъ истребованіемъ изъ банка суммъ, состоявшихъ на счетѣ казначейства, въ виду мѣръ, принятыхъ вслѣдствіе неурожая и обнаружившагося уменьшенія въ поступленіи прямыхъ сборовъ, чѣмъ оживленіемъ торговыхъ оборотовъ, которое, впрочемъ, и не могло сказаться въ половинѣ іюля, когда дѣлалось представленіе объ упомянутой мѣрѣ. Является поэтому возможность догадки, что на этотъ разъ она вызвана интересами фискальными, чѣмъ коммерческими. И въ самомъ дѣлѣ, въ указѣ 28 іюля о видахъ на оживленіе торговыхъ оборотовъ вовсе не упомянуто. Нынѣшняя мѣра мотивирована въ указѣ такъ: «предусматривая, что потребность въ усиленіи денежнаго обращенія вообще можетъ вызвать необходимость въ подкрѣпленіи кассы государственнаго банка кредитными билетами» и т. д.

Упомянувъ о возможномъ иномъ значеніи этой мѣры нынѣ, въ сравненіи съ 1888 годомъ, т.-е. именно съ годомъ колоссальнаго вывоза хлѣба изъ Россіи, отмѣтимъ еще различіе между обоими указами въ смыслѣ законодательномъ. Оба они совершенно согласны въ тѣхъ условіяхъ, какими обставляются выпуски кредитныхъ билетовъ: выпуски эти должны быть только временные, должны быть обезличиваемы равнымъ количествомъ металла по нарицательной цѣнѣ, должны быть погашены, по минованіи въ нихъ надобности, съ освобожденіемъ металлическаго залoга не ранѣе погашенія временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ. Но въ то время, какъ указъ 1888 года обуславливалъ каждый отдѣльный выпускъ кредитныхъ билетовъ особымъ соизволеніемъ верховной власти, указъ 28 прошлаго іюля уполномочиваетъ министра финансовъ «примѣнять мѣру временныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по состоянію кассы государственнаго банка вами то признано будетъ необходимымъ». И такъ, новѣйшій указъ устраняетъ необходимость испроше-

ніа на выпускъ кредитныхъ билетовъ, каждый разъ, особаго разрѣшенія верховной власти, хотя удерживаетъ въ силѣ всѣ прочія гарантіи и ограниченія этой операціи.

Намъ казался бы именно теперь предпочтительнѣе какой-либо иной способъ подкрѣпленія кассы банка; продажа золота, вмѣсто перемѣщенія его изъ одного отдѣленія банка въ другое, возвышеніе процента учета векселей, выпускъ временныхъ срочныхъ обязательствъ казначейства, такъ какъ дѣло сводится въ дѣйствительности къ интересу его наличности, а не наличности банка для удовлетворенія потребностей торговли, и, наконецъ, заемъ. Высказывая это, мы имѣли преимущественно въ виду состоявшееся уже пониженіе цѣны кредитнаго рубля до 63 коп. мет. Это едва ли удобное время для перваго выпуска кредитныхъ билетовъ на 25 милл. руб. и, быть можетъ, выпусковъ послѣдующихъ. Правда, нынѣшній курсъ не представилъ бы выгоды при продажѣ золота, но, вѣроятно, не далъ бы и убытка, такъ какъ металлическій запасъ накоплялся, примѣрно, при томъ же курсѣ. Было бы естественнѣе продать часть золота, скупая тѣ кредитные билеты, которые тяготѣютъ надъ нашимъ курсомъ за границую.

Противъ этого, правда, является возраженіе со стороны тѣхъ, кто вѣритъ, что всѣ мѣры нынѣшняго финансоваго управленія клонились къ накопленію достаточнаго металлическаго запаса для возстановленія размѣна по рублю металломъ за рубль кредитный. Понятно, что въ такомъ случаѣ представлялось бы нежелательнымъ уменьшеніе металлическаго запаса. Но мы не совсѣмъ раздѣляемъ мнѣніе, будто министерство финансовъ рѣшительно шло къ возстановленію размѣна. Размѣнъ при существующихъ у насъ условіяхъ едва ли можетъ удержаться прочно. Тутъ дѣло вовсе не въ размѣрахъ металлическаго запаса, который можетъ быть исчерпанъ очень скоро, несмотря на значительное его накопленіе, какъ показалъ примѣръ 1863 года.

Августъ мѣсяцъ рѣшаетъ судьбу множества дѣтей, держащихъ приѣмные экзамены въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и значительнаго числа молодыхъ людей, подвергающихся конкурснымъ испытаніямъ на приемы въ высшія спеціальныя училища. Прошеній о допущеніи къ экзамену въ среднія училища подается 10½ тысячъ (цифра 1888 года) и изъ этого числа не удовлетворяются—по невыдержанію экзамена или по недостатку мѣста—около 3 тысячъ. Еще болѣе не благоприятною представляется пропорція кандидатовъ на поступленіе въ высшія спеціальныя училища. Общая годовая цифра этихъ молодыхъ людей намъ неизвѣстна; но въ каждомъ году повторяется тотъ фактъ, что кандидатовъ въ каждое изъ этихъ училищъ является въ 5 и даже въ 10 разъ больше, чѣмъ имѣется вакансій. Такъ, въ настоящее время въ институтъ путей сообщенія были допущены къ приѣмному повѣрочному испытанію 213 человекъ, между тѣмъ какъ вакансій имѣлось всего 21; въ институтъ гражданскихъ инженеровъ было подано 250 прошеній на 40 имѣющихся вакансій; только въ технологи-

чешкомъ институтѣ условія были болѣе благопріятны: болѣе 200 прошеній на 116 вакансій. Во вновь учрежденномъ электро-техническомъ институтѣ прошеній было 150 на 33 имѣвшихся вакансіи.

Мы сдѣлаемъ здѣсь небольшое отступленіе отъ занимающаго насъ общаго явленія и остановимся на минуту на только что названномъ заведеніи—электро-техническомъ институтѣ. Громадные успѣхи электро-техники въ новѣйшее время обратили эту ученую специальность въ сложную отрасль знанія. Въ прежнее время у насъ довольствовались для устройства телеграфной части правительственной и желѣзно-дорожной, для проведенія подводныхъ кабелей, для дѣла телефоновъ и электрическаго освѣщенія—выпискою ученыхъ специалистовъ изъ-за границы. Такимъ специалистамъ назначались высокіе оклады, и это было понятно въ смыслѣ мѣры временной. Но, очевидно, слѣдовало, наконецъ, поставить электро-техническую часть въ Россіи самостоятельно, какъ въ отношеніи снабженія телеграфнаго управленія исполнѣ подготовленными русскими техниками, такъ и въ смыслѣ самостоятельной, научной разработки у насъ быстро прогрессирующаго электро-техническаго дѣла.

Съ этою цѣлью было основано, лѣтъ пять тому назадъ, въ Петербургѣ техническое училище почтово-телеграфнаго вѣдомства, съ довольно высокимъ уровнемъ курса, но съ правомъ второразряднаго учебнаго заведенія. При такой постановкѣ, училище это требовало отъ поступающихъ въ него свидѣтельствъ объ окончаніи курса гимназій или реальныхъ училищъ, подвергало ихъ еще повѣрочному испытанію и, въ результатѣ сжатаго въ 3-хъ-лѣтній срокъ и потому труднаго высшаго курса преподаванія, оставляло ихъ при правахъ воспитанниковъ заведенія второразряднаго. Это было очевидною аномаліей, которая не замедлила отозваться на качествахъ самаго состава поступившихъ въ училище молодыхъ людей. Все, что было болѣе способнаго, шло въ новыя спеціальныя заведенія, снабженныя высшими правами, а въ училище, о которомъ мы теперь говоримъ, поступали только не успѣвшіе опредѣлиться въ институты путей сообщенія, технологическій и т. д.

Явленіе это было довольно характерно само по себѣ въ общемъ смыслѣ значенія «правъ», приобретаемыхъ съ дипломами высшихъ учебныхъ заведеній, къ чему мы еще возвратимся. Но оно было весьма неудобно для названнаго училища, какъ, впрочемъ, представлялась неудобною и обратковременность курса, при его сложности. И вотъ, минувшею весной былъ утвержденъ новый уставъ, въ силу котораго училище преобразовано въ электро-техническій институтъ, съ 4-хъ лѣтнимъ курсомъ. Это дало возможность распредѣлить болѣе правильно преподаваніе научныхъ предметовъ и практическія работы, а тѣмъ самымъ облегчить прохожденіе курса, хотя надо замѣтить, что при этомъ случаѣ введены были и нѣкоторые новые предметы. Въ настоящее время институтъ фактически поставленъ совершенно наряду съ остальными высшими училищами и преподавателямъ его присвоено званіе профессоровъ. Это преобразование тот-

часъ же повліяло на составъ кандидатовъ къ поступленію въ это заведеніе: въ числѣ ихъ нынѣ уже оказалось нѣсколько молодыхъ людей съ университетскимъ образованіемъ. Но еще спрашивается, останутся ли они въ электро-техническомъ институтѣ и повторится ли въ будущемъ году появленіе такихъ кандидатовъ къ поступленію въ это учебное заведеніе?

Дѣло въ томъ, что, при обсужденіи проекта устава въ одномъ изъ высшихъ учреждений, была исключена статья, которая выражала прямо, что электро-технической институтъ есть училище перворазрядное, хотя въ уставѣ осталось, что цѣль его—давать высшее специальное образованіе въ примѣненіи къ электро-техническимъ знаніямъ. Такимъ образомъ, новый институтъ очутился въ положеніи неопредѣленномъ, подобномъ тому, въ какомъ находится Александровскій институтъ сельскаго хозяйства и нѣкоторые ветеринарные институты. Остается надѣяться, что, подавая нынѣ просьбы о приѣмѣ въ преобразованное заведеніе, молодые люди не впали въ недоразумѣніе, полагая его вполне равноправнымъ съ другими высшими специальными училищами.

Этотъ примѣръ, а также повтореніе обычнаго осенняго явленія, что многія сотни молодыхъ людей прѣзжаютъ въ Петербургъ для поступленія въ высшія специальные училища и въ огромномъ большинствѣ (по меньшей мѣрѣ $\frac{4}{5}$) цѣли не достигаютъ и затѣмъ «не знаютъ что съ собою дѣлать», послужитъ намъ поводомъ къ тому, чтобы коснуться вопроса о постановкѣ въ Россіи технического образованія вообще, а вмѣстѣ и такъ называемаго вопроса «о перепроизводствѣ интеллигенціи»,—вопроса, который именно осенью обыкновенно ставится на очередь нашею печатью. Скажемъ съ самаго начала, что изъ этихъ двухъ вопросовъ только первый представляетъ серьезное значеніе и можетъ быть удовлетворительно рѣшенъ на практикѣ.

Что ежегодно многія сотни молодыхъ людей, будучи приготовлены къ слушанію высшихъ специальныхъ курсовъ, не получаютъ къ нимъ доступа и затѣмъ оказываются въ положеніи затруднительномъ, а отчасти и безвыходномъ, это—фактъ несомнѣнно печальный. Въ лучшемъ случаѣ, эти молодые люди представляются потерявшими много времени, трудовъ и денегъ для того, чтобы остановиться на полпути, безъ законченнаго теоретическаго знанія и безъ практической подготовки, которая давала бы возможность обратиться къ ремеслу. Въ худшемъ же случаѣ, это, вдобавокъ, бѣдники, которые рискнули послѣдними своими средствами или тяжелыми пожертвованіями семьи въ расчетѣ на поступленіе въ высшее заведеніе и затѣмъ, дѣйствительно, не знаютъ, что дѣлать. Доказательствомъ, что молодыхъ людей, которые попадаютъ при этомъ въ положеніе крайне затруднительное, не малое число, служитъ соблюдаемое въ Петербургѣ правило, по которому высшія училища непріятнымъ кандидатамъ на поступленіе возвращаютъ ихъ документы не лично, но чрезъ полицію, дабы предупредить накопленіе людей, лишенныхъ средствъ и не имѣющихъ занятія.

Въ огромномъ большинствѣ, эти молодые люди—воспитанники реальныхъ училищъ. Учебная реформа 1871 и 1872 годовъ раздѣлила наши среднія училища на двѣ категоріи: на гимназій, которыхъ абитуриенты поступаютъ въ высшія училища, не имѣющія (какъ общее правило) опредѣленнаго комплекта слушателей, т. е. въ университеты, и на реальные училища, которыхъ воспитанники, по окончаніи средне-научнаго курса, могутъ разсчитывать на нѣсколько высшихъ специальныхъ заведеній, стѣсненныхъ опредѣленнымъ комплектомъ слушателей. Такое стѣсненіе въ высшихъ училищахъ специальныхъ обусловливается практическими работами, къ которымъ въ каждомъ заведеніи, по размѣрамъ помѣщеній, количеству инструментовъ и машинъ, наконецъ, по самому штату руководителей, не можетъ быть допущаемо неопредѣленное число участниковъ.

И такъ, представляется слѣдующая аномалія: всѣ абитуриенты гимназій и реальныхъ училищъ получаютъ право на поступленіе безъ дальнѣйшаго экзамена въ высшія училища, почти всѣ они желаютъ воспользоваться этимъ правомъ, и изъ нихъ всѣ, получившіе право на поступленіе въ университетъ, дѣйствительно, поступаютъ въ университеты, на основаніи одного своего аттестата зрѣлости. Между тѣмъ, воспитанники реальныхъ училищъ и воспитанники гимназій, приобрѣтя свидѣтельства, дающія имъ равное право на поступленіе въ высшія специальные училища, встрѣчаютъ въ дверяхъ этихъ институтовъ такое фактическое препятствіе которое на дѣлѣ лишаетъ значенія и самое право этихъ молодыхъ людей на приемъ въ высшія специальные училища. Въ виду огромнаго наплыва желающихъ, изъ коихъ институты могутъ принять лишь малую часть, эти специальные заведенія естественно хотятъ выбрать кандидатовъ лучше приготовленныхъ, да и не могутъ дѣлать справедливаго выбора никакимъ инымъ путемъ, кромѣ какъ подвергая кандидатовъ «конкурсному повѣрочному испытанію».

Такимъ образомъ, право на поступленіе въ высшія специальные училища, предоставляемое абитуриентамъ реальныхъ училищъ и гимназій уставами этихъ заведеній, въ силу правилъ, установленныхъ въ специальныхъ институтахъ, обращается лишь въ пензъ, устрояющій отъ доступа въ высшія училища людей, не имѣющихъ свидѣтельствъ отъ среднеобразовательныхъ заведеній, но для имѣющихъ такое свидѣтельство упомянутое право является только правомъ на участіе въ конкурсѣ и, такъ сказать, «пятою частью права» на приемъ въ институты.

Положимъ, гимназисты, не попавъ въ институтъ, могутъ еще въ теченіе года поступить въ университетъ. Но что же дѣлать реалистамъ? Правда, представляется еще одинъ шансъ тѣмъ изъ нихъ, которые, запасшись засвидѣтельствованными копіями своихъ документовъ, подали въ одинъ институтъ одну часть подлинныхъ документовъ и копій, а другую часть тѣхъ же бумагъ—въ другой и, не выдержавъ экзамена блестящимъ образомъ въ одномъ заведеніи, выдержали его, въ числѣ первыхъ, въ другомъ. Но этотъ шансъ численно не великъ; да еще находятся такіа

начальства, которыя обижаются этимъ, считаютъ такое одновременное обращеніе въ два заведенія—поступкомъ неделикатнымъ.

Изъ такого положенія нѣтъ выхода. Приспособить вмѣстимость лабораторій и мастерскихъ специальныхъ институтовъ къ числу реалистовъ, ежегодно оканчивающихъ курсъ, такъ, чтобы можно было принимать ихъ всѣхъ, безъ экзамена, какъ гимназистовъ принимаютъ университеты, то есть увеличить, положимъ, впятеро число инженеровъ путей сообщенія, горныхъ, технологовъ и архитекторовъ, представляется невозможнымъ, такъ какъ ни одна изъ этихъ отраслей дѣятельности пока еще не нуждается въ сильномъ увеличеніи числа дѣятелей, ищущихъ мѣсть. И такъ, получается одинъ несомнѣнный выводъ, именно, что реальныя училища готовятъ слишкомъ много кандидатовъ для поступленія въ спеціальныя институты, гораздо болѣе, чѣмъ намъ въ дѣйствительности нужно специалистовъ ученыхъ. Отсюда слѣдуетъ, что реальныя училища, снабжающія своихъ абитуриентовъ правомъ, которое оказывается недействительнымъ, устроены неправильно. И въ самомъ дѣлѣ, реальныя училища, поставленныя въ видѣ особой категоріи школъ общеобразовательныхъ, но не открывающія доступа въ университеты, представляютъ нѣчто ненормальное. А что училища эти имѣютъ именно характеръ общеобразовательный,— это явствуетъ изъ самой продолжительности, многосторонности и практической незаконченности ихъ курса, побуждающей ихъ учениковъ, почти всѣхъ, наравнѣ съ учениками гимназій, стремиться къ высшему образованию.

Между тѣмъ, у насъ замѣчается положительный недостатокъ во второстепенныхъ техникахъ, въ практическихъ руководителяхъ фабричныхъ и заводскихъ работъ, сельско-хозяйственныхъ экономахъ, въ ремесленныхъ мастерахъ, знакомыхъ съ усовершенствованными техническими приемами. Съ другой стороны, наши высшіе спеціальныя институты страдаютъ именно недостаткомъ спеціализаціи. Есть предметы общіе для всѣхъ ученыхъ техникумовъ: математика, физика, химія, механика и др., которые въ каждомъ изъ нашихъ институтовъ преподаются отдѣльно, особыми профессорами, съ не всегда достаточными учебными пособиями. Если бы въ Петербургѣ и Москвѣ существовали школы политехническія, по образцу парижской, то всѣ спеціальныя институты могли бы быть приведены къ двумъ, много къ тремъ курсамъ исключительно спеціального преподаванія.

Въ общемъ выводѣ, реформа технического образованія въ Россіи могла бы заключаться въ слѣдующемъ: 1) въ упраздненіи реальныхъ училищъ въ смыслѣ школъ общеобразовательныхъ особаго типа; 2) съ преобразованиемъ ихъ частью въ гимназій, частью въ практическо-техническія заведенія съ законченнымъ курсомъ и безъ права на поступленіе въ высшія заведенія; 3) въ устройствѣ по меньшей мѣрѣ двухъ школъ политехническихъ и 4) въ тѣсной спеціализаціи преподаванія въ институтахъ горно-заводскомъ, желѣзнодорожно-гидравлическомъ, архитектурномъ, электротехническомъ и агрономическомъ. Тогда ученики школъ техническихъ низ-

шихъ совѣтъ не претендовали бы на высшее образованіе, а единственными разсадниками кандидатовъ въ высшія спеціальныя училища являлись бы только политехникумы, въ которыхъ было бы сосредоточено всеобщее научное техническое образованіе; наконецъ, спеціальныя институты, состоя всего изъ двухъ, а наиболѣе изъ трехъ исключительно профессиональныхъ курсовъ, стоили бы дешевле, чѣмъ нынѣ, и обновляли бы свой составъ слушателей чаще, такъ что и шансовъ приѣма въ нихъ было бы больше нынѣшняго.

Перейдемъ теперь къ общему вопросу о стремленіи къ высшему образованію и о такъ называемомъ «перепроизводствѣ интеллигенціи». Вопросъ о положеніи высшего образованія вообще находится въ тѣсной связи съ устройствомъ образованія средняго. Напрасно удивляться, что огромное большинство молодыхъ людей, окончивающихъ среднія школы, стремится къ поступленію въ школы высшія, когда средняя школа поставлена такъ, что, ограничиваясь приобрѣтеннымъ въ ней знаніемъ, нельзя приняться за практическую дѣятельность. Покойный Катковъ, дѣйствительный авторъ нынѣшней нашей системы средняго образованія, называлъ гимназію—среднею «ученою» школой. Уже въ самомъ сопоставленіи этихъ наименованій представляется взаимное противорѣчіе, которое должно приводить къ признанію такой школы недостаточною и къ необходимости дополненія ея поступленіемъ на курсы высшіе.

По официальнымъ даннымъ за 1890 годъ, изъ общаго числа выдержавшихъ въ томъ году испытаніе зрѣлости, въ 175 учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ—въ 163 правительственныхъ гимназіяхъ—2,903 чел., изъявили желаніе поступить въ университетъ или равныя имъ учебныя заведенія 2,850 чел., т.-е. 91,1 процентъ. Это отношеніе, приблизительно повторяющееся изъ года въ годъ, даетъ право сказать, что гимназіи существуютъ собственно для того, чтобы снабжать слушателями университетовъ, точно такъ, какъ параллельныя гимназіямъ общеобразовательныя реальныя училища оказываются приноровленными къ тому, чтобы обременять высшія спеціальныя училища наплывомъ кандидатовъ къ поступленію въ нихъ. Дополнительными кандидатами въ эти послѣднія являются еще и нѣкоторое число получившихъ аттестаты зрѣлости въ гимназіяхъ; такъ, въ 1890 г. 206 чел., т.-е. 6,8% общаго числа получившихъ аттестаты зрѣлости, также направились къ соисканію приѣма въ высшихъ спеціальныхъ училищахъ.

Между тѣмъ, «на попріице практической дѣятельности» изъ 2,903 молодыхъ людей, успѣшно окончившихъ гимназическій курсъ, выразили желаніе вступить всего 70 чел., или 0,3%. И это, повторяемъ, цифры случайныя; такъ, въ предшествовавшемъ 1889 году, изъ всего числа выдержавшихъ испытаніе зрѣлости направились въ университеты и высшія училища 91,8%, а изъявили намѣреніе заняться практическою дѣятельностью, то-есть удовольствоваться гимназическимъ курсомъ, 2,8%. Если

для молодыхъ людей этой послѣдней категоріи возьмемъ процентъ средній за два года, то получимъ, что только 1,3% всего числа получающихъ аттестаты зрѣлости довольствуются гимназическимъ курсомъ.

И такъ, когда мы говоримъ о преобразованіи въ системѣ обученія реальнаго, которое могло бы уменьшить наплывъ кандидатовъ въ спеціальныя институты, то имѣемъ въ виду только устраненіе такого устройства, при которомъ $\frac{4}{5}$ учащихся въ реальныхъ школахъ, съ цѣлью поступить въ институты, не находятъ тамъ мѣста, но вовсе не уменьшеніе вообще доступа къ высшему образованію. Пусть почти всѣ гимназисты идутъ въ университеты, такъ какъ университеты не отказываютъ имъ въ приѣмѣ.

Совсѣмъ иначе рассуждаютъ тѣ, кого заботитъ мнимое «перепроизводство интеллигенціи». Они хотѣли бы вообще затруднить доступъ къ высшему образованію, для того, какъ они говорятъ, чтобы не размножался «умственный пролетаріатъ» и, въ особенности, чтобы «кухаркинъ сынъ» (выраженіе, недавно употребленное *Новымъ Временемъ*), не стремился въ университетъ съ цѣлью сдѣлаться «господиномъ». Сами господа, рассуждающіе такимъ образомъ, не всегда принадлежатъ къ родовой аристократіи, чему можно было бы привести крупныя примѣры. Но, взобравшись наверхъ, они, по выраженію одного французскаго юмориста, хотѣли бы втащить за собой ту лѣстницу, по которой сами вѣзли. Они требуютъ отъѣны вслѣдствіе поощреній молодымъ людямъ, ищущимъ высшаго образованія, какъ-то стипендій и служебныхъ преимуществъ. Объ отъѣнѣ стипендій писалъ еще покойный Батковъ, объ отъѣнѣ же чиновъ, предоставляемыхъ дипломами, пишетъ теперь, въ томъ же направленіи, *Новое Время*. Въ основѣ такихъ взглядовъ лежитъ или боязнь «чрезмѣрнаго» распространенія въ странѣ высшаго образованія, или родовой предрасудокъ, который глушь самъ по себѣ, а вдобавокъ еще смѣшонъ въ устахъ «плебеевъ».

Ни въ самыхъ требованіяхъ этихъ господъ, ни въ тѣхъ аргументахъ, какіе ими предъявляются, нѣтъ ничего новаго. Въ 1850 году, подъ вліяніемъ опасеній, возбужденныхъ европейскими событіями 1848 и 1849 гг., была принята мѣра болѣе рѣшительная, чѣмъ отъѣна стипендій или чиновъ, связанныхъ съ дипломами: опредѣленъ былъ въ каждомъ университетѣ комплектъ слушателей въ 300 человекъ. Но представимъ себѣ, что въ результатъ примѣненія въ настоящее время этой мѣры или другихъ мѣръ, предлагаемыхъ съ тою же цѣлью, въ университетахъ оказалось бы въ среднемъ по 300 слушателей. Не считая финляндскаго, мы имѣемъ 9 университетовъ съ общимъ числомъ студентовъ 12,328 чел. Считая число ежегодно оканчивающихъ курсъ въ 2,340 чел., получимъ, что ежегодный выпускъ изъ университетовъ составляетъ примѣрно нѣсколько болѣе $\frac{1}{3}$ части всего числа студентовъ. При среднемъ числѣ 300 слушателей въ 9 университетахъ, оканчивающихъ курсъ, оказывалось бы, примѣрно, 540 чел. А такъ какъ собственно казна издерживаетъ на упомянутые университеты ежегодно около 3 м. 200 т. рублей, то образованіе каждаго студента обходилось бы казнѣ приблизительно въ 6,000 руб.

Но если бы окончившій университетскій курсъ обходился въ среднемъ государству такъ дорого, то вполне понятно было бы затѣмъ и предоставленіе ему особыхъ преимуществъ на службѣ.

Если нужно для Россіи существованіе университетовъ, то необходимо, чтобы доступъ въ университеты оставался въ нынѣшнихъ размѣрахъ. Въ Московскомъ университетѣ состоитъ около 3,300 чел., въ Кіевскомъ—болѣе 2 тыс. чел., въ Петербургскомъ и Дерптскомъ — до 1 $\frac{3}{4}$ т. чел. въ каждомъ. Эти цифры только приближаются къ числамъ слушателей въ университетахъ заграничныхъ, и тѣ, кто требовалъ бы значительнаго ихъ сокращенія, наприм., въ 4 или 5 разъ, тѣмъ самымъ желалъ бы просто закрытія университетовъ или обращенія ихъ въ питомники для малаго числа привилегированныхъ юношей, которыхъ воспитаніе слишкомъ дорого обходилось бы государству.

Какъ непрактична цѣль тѣхъ «публицистовъ», которые видятъ идеалъ въ потерѣ университетскимъ образованіемъ всякаго обаянія, вслѣдствіе отиѣны правъ, такъ безсодержательны, въ сущности, и предъявляемые тѣми же публицистами аргументы. Главные изъ нихъ—«перепроизводство интеллигенціи» и отсутствіе у большинства поступающихъ въ высшія заведенія идеальныхъ, безкорыстныхъ стремленій, священнаго огня, какой бы представлялся въ чистой любви къ наукѣ, безъ спекулированія на приобрѣтаемыя при ея помощи преимущества въ обществѣ и высшіе заработки. Исканіе молодежью высшаго образованія выставляется при этомъ какъ стремленіе пристроиться къ «общественному пирогу», къ «готовымъ окладамъ».

Да, несомнѣнно, большинство молодыхъ людей, стремящихся въ университеты и другія высшія училища, имѣютъ въ виду не только науку, но и «хлѣбный вопросъ», вопросъ о приобрѣтеніи высшихъ заработковъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ самыя цифры распредѣленія слушателей по факультетамъ. По официальному отчету объ экзаменахъ въ гимназіяхъ за 1890 г., 34,6% всего числа абитуриентовъ гимназій заявляли желаніе поступить на факультетъ медицинскій, а 25,9%—на факультетъ юридическій, между тѣмъ какъ на чисто-научные факультеты желали поступить: на филологическій только 5,7% и даже на физико-математическій (отырывающій доступъ въ нѣкоторые спеціальныя институты) только 22,1%. И такъ, желаніе пристроиться къ «общественному пирогу», къ «готовымъ окладамъ» несомнѣнно. Мы можемъ удостовѣриться въ томъ и по дѣйствительному распредѣленію числа студентовъ по факультетамъ. Изъ общаго числа студентовъ въ 10 университетахъ (включая финляндскій) именно изъ 14,031 чел. состояли: на факультетѣ историко-филологическомъ 1,278 чел., на физико-математическомъ 2,773 чел., между тѣмъ какъ на юридическомъ было 4,580 чел., а на медицинскомъ 4,832 чел.

Но что же изъ этого слѣдуетъ? Во-первыхъ, какъ карьера юридическая, такъ и медицинская только на половину рассчитаны на мѣста казенныя, т. е. на «общественный пирогъ» и «готовые оклады», на другую

же половину являются положительно зависящими отъ личной инициативы молодыхъ людей, избравшихъ эти профессіи. А, во-вторыхъ, нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что большинство молодыхъ людей стремится къ высшему образованію не изъ одной любви къ наукѣ, но и для пріобрѣтенія правъ по службѣ и вообще высшихъ заработковъ. Любопытно было бы узнать, съ какою цѣлью учились тѣ литераторы, которые нынѣ облачаютъ молодежь въ стремленія къ «пирогу», и видятъ ли они сами въ своемъ трудѣ исключительно только идеальное исполненіе долга? Въ сожалѣнію, нѣкоторые выдающіеся примѣры до такой степени пріучили нынѣшнюю публику къ натяжкамъ въ защитѣ разныхъ дѣлъ, очевидно, неправыхъ, что въ ней отчасти притупилась способность различать между значеніемъ словъ, которыхъ подборъ зависитъ отъ произвола писателя, и вѣсомъ самаго существа дѣла, которое не поддается никакой фальсификаціи. Такъ, если бы какая-нибудь статья осуждала молодыхъ людей за то, что они учатся для обезпеченія себѣ «куска хлѣба», то это всякому читателю показалось бы страннымъ. Но стоить только сочинителю поставить, вмѣсто этихъ простыхъ словъ, выраженіе «прістроиться къ пирогу», и это на нѣкоторыхъ читателей уже дѣйствуетъ.

Въ дѣйствительности же, если подъ словомъ «пирогъ» разумѣть не заработокъ врача и чиновника, но особо-крупныя пріобрѣтенія или оклады, то развѣ же университетскіе дипломы обезпечивали полученіе концессій и казенныхъ подрядовъ или хотя бы окладовъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей? Говорить о «перепроизводствѣ интеллигенціи» въ Россіи, гдѣ на 25 милліоновъ душъ взрослого мужскаго населенія приходится ежегодно оканчивающихъ университетскій курсъ $2\frac{1}{4}$ тыс. чел., т.-е. 1 чел. на 10 тыс., еще по меньшей мѣрѣ слишкомъ рано.

Нижегородская ярмарка въ нынѣшнемъ году запоздала и официальное закрытіе ея 25 августа произошло всего нѣсколько дней послѣ прибытія послѣднихъ каравановъ, застрявшихъ на перекатахъ, такъ что сдѣлки съ нѣкоторыми товарами должны были продолжаться до первыхъ чиселъ сентября. Небывалое еще въ такой степени, какъ нынѣ, мелководіе Волги было главною причиною запозданія оборотовъ на ярмаркѣ и вялости ихъ почти до половины августа. Другое, еще болѣе значительное неблагоприятное вліяніе оказалъ на ярмарку неурожай. Рельефнѣе, чѣмъ когда-либо, выступилъ фактъ зависимости промышленности и торговли отъ состоянія земледѣлія. Поволжье, обыкновенно являющееся большою покупною силой, нынѣ предъявило лишь слабый спросъ: особенно тѣ роды товаровъ, которые покупаются специально крестьянами, шли плохо. Между тѣмъ, Кавказъ, жѣвший хорошиій урожай, покупалъ на ярмаркѣ въ общемъ на третью больше, чѣмъ въ прошломъ году.

По отношенію къ хлопчато-бумажнымъ товарамъ, эта перспектива была предвѣщена еще раннимъ лѣтомъ—ослабленіемъ спроса на московскомъ рынкѣ и нѣкоторымъ пониженіемъ цѣнъ. Вслѣдствіе паденія спроса въ

Москвѣ, ситцевъ навезено было на ярмарку больше, чѣмъ въ прошломъ году, а цѣны на нихъ понизились примѣрно на 6% или на полкопѣйки въ аршинѣ. Но окончательный результатъ вышелъ еще неблагоприятнѣе: во время наибольшаго оживленія ярмарки, въ періодъ наиболѣе крупныхъ сдѣлокъ, ситцы шли уже на 10% ниже прошлогодней цѣны. Если бы не усиленное требованіе на Кавказъ, въ Среднюю Азію и Персію, то дѣла съ ситцами были бы еще хуже. Но возросшія сдѣлки съ названными странами происходили, все-таки, по пониженнымъ цѣнамъ, а отчасти—со Среднею Азіей—потому и возросли, что, въ виду положенія рынка, продавцы расширили условія кредита. Совсѣмъ худо торговали кумачомъ—предметомъ чисто-народнаго потребленія. Въ числѣ другихъ жалобъ мануфактуристовъ, заявлялись сѣтованія на контрафакцію мелкими фабриками ситцевыхъ рисунковъ, которыхъ выработка обходится не дешево крупнымъ фабрикамъ. Въ министерствѣ финансовъ нынѣ, какъ сообщаютъ, поручено особой комиссіей изысканіе новыхъ мѣръ для превращенія возрастающей поддѣлки фабричныхъ этикетовъ и клеймъ; эта комиссія могла бы обратить вниманіе и на поддѣлку фабричныхъ рисунковъ, хотя, конечно, только самое близкое подражаніе готовому рисунку могло бы признаваться поддѣлкой подъ него. Говоря о хлопчато-бумажномъ товарѣ, слѣдуетъ упомянуть тутъ же, что азіатскій хлопокъ сбывался на нынѣшней ярмаркѣ недурно.

Товары полотняные, при началѣ ярмарки, находились еще въ худшемъ положеніи. Въ этихъ товарахъ главная роль по величинѣ оборота принадлежитъ холстамъ, идущимъ на мѣшки и парусы. Неурожай въ приволжскихъ губерніяхъ и въ Херсонской отразился на сокращеніи сбыта мѣшечнаго товара на Волгу и Одессу, а парусный упалъ въ цѣнѣ вслѣдствіе паденія фрахтовъ на Каспійскомъ морѣ. Ожидали пониженія цѣнъ до 20%; но къ концу ярмарки положеніе полотнянаго рынка нѣсколько улучшилось, подъ вліяніемъ хорошаго спроса на Кавказъ, въ Ростовъ-на-Дону и въ Таганрогъ и нѣкотораго возвышенія фрахтовъ на Каспійскомъ морѣ; цѣны, однако, вообще упали на 10 и до 15%, противъ прошлогоднихъ.

Торговля желѣзомъ на нынѣшней ярмаркѣ также не была особенно удовлетворительна. Количество желѣзныхъ товаровъ было такое же, какъ въ прошломъ году. Настроеніе держалось твердое вслѣдствіе возвышенія таможеннаго тарифа, исключающаго всякую иностранную конкуренцію. Одна изъ крупнѣйшихъ фирмъ, а именно Алопаевскихъ заводовъ, даже попыталась воспользоваться этимъ для повышенія цѣны листового желѣза на 10 коп. въ пудѣ, но покупатели воздерживались и такъ какъ прочія крупныя фирмы не поддержали этой попытки повышенія, а объявили цѣны прошлогоднія, то онѣ и удержались. Но самыя покупки значительно сократились, а сортовое желѣзо пошло даже нѣсколько ниже прошлогоднихъ цѣнъ. Особенно упалъ спросъ на простѣйшія желѣзныя издѣлія кустарнаго промысла, требующіяся въ крестьянскомъ быту. На нихъ сильно повлияли оба неблагоприятные факторы нынѣшняго макарьевского торга—неурожай и мелководье. Малый спросъ, вслѣдствіе неурожая, во-первыхъ

понизилъ цѣну мелкаго желѣзнаго товара на цѣлую четверть, и, во-вторыхъ, обременилъ рынокъ нераспроданнымъ товаромъ, то-есть стѣснилъ работу на будущее время. А, между тѣмъ, плата за эту работу, вслѣдствіе неурожаея же, упала, примѣрно, въ томъ же размѣрѣ. Кустарямъ придется теперь очень плохо. Отъ мелководья этотъ мелкій желѣзный товаръ (гвозди, подковы, лемеха, вилы, ведра и т. п.) пострадалъ вдвойнѣ. Во-первыхъ, подвозъ его запаздывалъ вслѣдствіе остановокъ на перекатахъ, а, во-вторыхъ, покупщиковъ сдерживала трудность отправки купленного, такъ какъ пересылки по желѣзнымъ дорогамъ этотъ товаръ не выносить, а вода была низка. Несмотря на полноправіе желѣзно-дорожнаго департамента въ регулированіи тарифовъ на частныхъ дорогахъ, въ тарифѣ этомъ продолжаютъ существовать нѣкоторыя явныя «несоотвѣтствія», какъ, наприм., сравненіе съ фаянсовыми издѣліями—кирпича, потому что онъ также готовится изъ глины. И вотъ, гвозди и подковы перевозятся по тарифу перваго класса. Скупщики кустарныхъ издѣлій этого рода собирались ходатайствовать въ министерствѣ объ отнесеніи ихъ по тарифу къ четвертому разряду.

Дѣла съ простыми сукнами, составляющими главную часть оборота въ этой торговой отрасли, были далеко не блестящи. Цѣны понизились, и спросъ былъ только съ Кавказа, изъ юго-западнаго края и изъ Варшавы. Поволжье совсѣмъ не требовало этого товара, только высшіе сорта суконъ удержались въ прежнихъ цѣнахъ. За то весьма значительное повышеніе цѣнъ на ярмаркѣ оказалось на товарахъ персидскихъ. Соотвѣтственно тому, и закупки мануфактурнаго товара въ Персію были, сравнительно, высоки. Фруктовъ персидскихъ было привезено гораздо менѣе обыкновеннаго, вслѣдствіе неурожаея ихъ въ Персію, и это было причиною сильнаго ихъ вздорожанія. Не однихъ только фруктовъ, но и вообще персидскихъ товаровъ: мерлушки, каракуля, сабзы и проч.—было привезено менѣе обыкновеннаго и то, что везлось, пришло поздно, по причинѣ мелководья, и въ результатѣ явилось сильное возвышеніе цѣнъ. Добавочною причиною представился значительный спросъ на мерлушку и каракуль въ Австрію. Эти мѣха на нынѣшней ярмаркѣ вздорожали на 20% противъ прошлогодней цѣны.

Вошло въ обычай, что ни одна ярмарка въ Нижнемъ не обходится безъ ходатайствъ «всероссійскаго купечества», то-есть собственно фабрикантовъ, о какомъ-либо огражденіи для крупно-фабричной монополіи или вообще о снабженіи ея привилегіями. Такъ и теперь, нельзя было не воспользоваться неурожаемъ для испрашенія новыхъ льготъ. Нижегородскій ярмарочный комитетъ обратился съ весьма характернымъ ходатайствомъ въ министерство финансовъ. «Результаты оборотовъ нынѣшней нижегородской ярмарки по мануфактурнымъ товарамъ,—пишетъ онъ,—въ настоящее время нетрудно предвидѣть. Можно съ увѣренностью сказать, что неблагоприятная развязка, нынѣ уже очевидная, повлечетъ за собой неминуемо сокращеніе въ ходъ работъ въ теченіе зимы и будущаго лѣта. Такимъ образомъ, промышленныя предпріятія должны будутъ оставить безъ заработковъ десятки тысячъ

рабочихъ. Ихъ семействамъ предстоитъ перебиваться чѣмъ Богъ пошлетъ въ теченіе зимы при нынѣшней дороговизнѣ хлѣба». Объясняя затѣмъ, что, такимъ образомъ, бѣдствіе, охватившее большую часть хлѣбородныхъ губерній Россіи, распространится и на губерніи промышленныя, и что покушная способность внутреннихъ рынковъ, «благодаря» неурожаю, сильно сокращена, ходатайство это указываетъ на необходимость поддержанія мануфактурной промышленности въ нынѣшнихъ размѣрахъ для того, чтобы она могла «прокормить рабочія семьи». Такая специальная цѣль существованія крупной мануфактуры, во всякомъ случаѣ, не всегда стояла на первомъ планѣ, какъ о томъ свидѣтельствовало, наприм., известное судебное дѣло о безпорядкахъ на Никольской мануфактурѣ вслѣдствіе штрафовъ, систематически налагавшихся съ цѣлью пониженія расхода на заработную плату.

Но въ настоящее время мануфактуристы просятъ пособія единственно для прокормленія рабочихъ семей, и пособіе, требуемое ими, представляется въ видѣ вывозной преміи на хлопчато-бумажныя издѣлія. «Если вывозная премія на хлопчато-бумажныя издѣлія,—пишутъ они въ Петербургъ,—будетъ назначена въ нынѣшнемъ году, она не только окажется благотворной, какъ общегосударственная мѣра для развитія и поддержанія русской промышленности вообще, но избавитъ отъ всѣхъ бѣдствій безработицы многія тысячи фабричныхъ семействъ».

Что такое вывозная премія? Это есть налогъ на населеніе, который могъ бы оправдываться лишь въ случаѣ дѣйствительнаго критическаго положенія важной отрасли промышленности. Между тѣмъ, никакъ нельзя сказать, чтобы нынѣшнее положеніе вещей, обрисовавшееся на Макарьевской ярмаркѣ, ставило крупныхъ нашихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикантовъ уже въ критическое положеніе. А что касается вывоза ихъ издѣлій въ Среднюю Азію и Персію, то онъ нынѣ былъ болѣе значителенъ, чѣмъ въ предшествовавшемъ году. Притомъ же, какъ уже упомянуто выше, самый успѣхъ въ этомъ отношеніи былъ достигнутъ пониженіемъ цѣнъ и представленіемъ покупателямъ широкихъ размѣровъ кредита. Эти обстоятельства даютъ прямое свидѣтельство, что развитіе мануфактурнаго отпуска на Востокъ находится въ рукахъ самихъ мануфактуристовъ. Во-первыхъ, не слѣдуетъ подражать прежнимъ примѣрамъ, когда на восточные рынки отпускалась масса товара положительно негоднаго; во-вторыхъ, надо понизить ходячія въ нашемъ коммерческомъ мірѣ представленія о наименьшемъ барышѣ,—при высокихъ барышахъ не завоевываются новые рынки.

Наконецъ, что касается интереса рабочихъ въ данномъ случаѣ, то сомнительно, чтобы установленіе вывозной пошлины отвратило временное сокращеніе работъ на фабрикахъ. Понятно, что такая пошлина могла бы быть установлена лишь на время, такъ какъ немислимо же устраивать постоянный сбытъ русскихъ товаровъ за границей по болѣе дешевымъ цѣнамъ, чѣмъ они продаются въ Россіи, для облегченія конкуренціи съ товаромъ иностраннымъ. Временною же мѣрой фабриканты воспользовались бы для того, чтобы вывезти не только товаръ, оставшійся у нихъ на ру-

какъ въ нынѣшнемъ году, но еще и все, что залежалось отъ прежнихъ лѣтъ, и до тѣхъ поръ, пока не освободились бы отъ этихъ запасовъ, на которые получили бы премію, все таки, сократили бы производство новаго, болѣе «ходкаго» товара, въ виду положенія внутренняго рынка. Невѣроятное сокращеніе работъ въ нынѣшнемъ году, съ одной стороны, а съ другой—усиленное предложеніе труда вслѣдствіе наплыва рабочихъ изъ неурожайныхъ губерній, то-есть бѣдняковъ, которые будутъ согласны работать за всякую цѣну и хотя бы за одно прокормленіе, создадутъ полную возможность пониженія заработной платы. Нельзя же предоставлять фабрикантамъ вывозную премію будто бы въ интересъ рабочихъ, если фабриканты понизятъ имъ плату и тѣмъ самымъ получатъ барышъ насчетъ рабочихъ. И такъ, установить временно вывозную премію было бы возможно равнѣ при заключеніи формальнаго договора съ фабрикантами, что пока будетъ существовать эта премія, никто изъ нихъ не уменьшитъ ни платы рабочимъ, ни самыхъ размѣровъ работъ. А такого рода соглашеніе невозможно, такъ какъ, кромѣ общаго состоянія рынка, бываютъ еще причины частныя, вліяющія на размѣръ производства каждой фабрики, наконецъ, всѣ наиболѣе обширныя отрасли фабричной промышленности принуждены будутъ, вслѣдствіе неурожая, нѣсколько сократить работы.

Оборотъ съ рыбнымъ товаромъ на Нижегородской ярмаркѣ постепенно уменьшается и независимо отъ случайныхъ неурожаевъ. Съ каждымъ годомъ развивается закупка рыбы оптовыми торговцами прямо на промыслахъ и въ Царицынѣ, откуда товаръ и отправляется непосредственно по желѣзнымъ дорогамъ. Такія закупки помимо ярмарки сами по себѣ выгоднѣе, но развитію ихъ несомнѣнно способствуетъ и возрастающее мелководье Волги. Рыбный товаръ нынѣ сильно задерживался на перекатахъ и сдѣлки съ нимъ шли вяло до тѣхъ поръ, пока вода не стала выше и купленный товаръ могъ быть отправляемъ по рѣкамъ. Цѣны на рыбу на ярмаркѣ состоялись значительно ниже прошлогоднихъ, и, притомъ, на всѣ сорта рыбы: на сельди, на сухой товаръ и на красную рыбу, на 15—20%, а специально на красную рыбу—даже на 25%. Оборотъ съ кожевенными товарами упалъ на цѣлую треть, а доставлено его было на ярмарку больше, чѣмъ въ прошломъ году. Кожевенный товаръ также сильно задержался мелководьемъ, особенно сырье, цѣны же вслѣдствіе неурожая упали для готовой обуви на 15%, на выдѣланныя кожи и на сырье—въ размѣрѣ 25%.

Мелководье, столь сильно проявившееся въ нынѣшнемъ году и, вдобавокъ къ неурожаю, нанесшее ярмаркѣ огромные убытки, побудило ярмарочное купечество ходатайствовать о мѣрахъ къ урегулированію Волги. «Благодаря мелководью, постигшему Волгу въ нынѣшнемъ году,—говорится въ запискѣ по этому предмету,—убытки парходчиковъ громадны, но, конечно, несравненно больше тѣ убытки, которые несетъ всероссійское купечество». Сверхъ этихъ миллионныхъ убытковъ, указывается на необходимость, въ вакую недоставленіе товаровъ въ-время ставить нѣкоторыхъ

торговцевъ, рассрочивать платежи и даже объявлять себя несостоятельными. Грузъ, недоставленный на ярмарку, исчисляется въ запискѣ въ десяткахъ миллионовъ. Ссылаясь на фактъ, что обмелѣніе Волги представляеть явленіе хроническое, записка предвидитъ отъ него «неминуемый упадокъ великаго русскаго торжища» и ходатайствуетъ о мѣрахъ къ урегулированію Волги, «такъ, чтобы русская торговля не стояла въ зависимости отъ такого рода обстоятельствъ, какъ, напримѣръ, выпадетъ ли дождь, поднимется ли вода на нѣсколько четвертей, могутъ ли быть посланы землечерпательныя машины на извѣстный перекать, или нѣтъ».

И такъ, ходъ дѣла на Макарьевской ярмаркѣ въ нынѣшнемъ году былъ гораздо хуже прошлогодняго. Неурожай сократилъ спросъ на большинство товаровъ и понизилъ цѣны, на нѣкоторые предметы весьма значительно, а добавочные расходы по перегрузкѣ лишили барыша и тѣхъ торговцевъ, которые безъ этого обстоятельства могли бы имѣть выгодный оборотъ. Запозданіе товаровъ и самаго спроса на предметы болѣе дешевые, не выдерживающіе перевозки по желѣзнымъ дорогамъ и потому вало-спрашиваемые до прибыли воды въ рѣкахъ, вызвало среди купечества предположеніе о продленіи срока ярмарки до 1 сентября, вмѣсто 25 августа, когда она оканчивается официально, между тѣмъ какъ обороты и расчеты продолжаются еще нѣкоторое время. Надо, однако, замѣтить, что большинство торговавшихъ стали разъязжаться тотчасъ послѣ официального закрытія, и для запаздывающихъ по столь важной причинѣ, какъ задержка товаровъ низкимъ уровнемъ воды, шестидневная отсрочка едва ли была бы достаточной.

Мы оставили для заключенія этого обзора ярмарки еще одно ходатайство тѣхъ же мануфактуристовъ, которые испрашиваютъ назначеніе вывозной преміи, такъ какъ это ходатайство имѣетъ связь съ предметомъ, къ которому мы перейдемъ затѣмъ. Мануфактуристы просятъ еще объ упраздненіи, въ ихъ интересѣ, существующаго въ Владивостокѣ порто-франко. «Нашъ далекій Востокъ у побережья Великаго океана, Уссурійскій край и берега Амура,—говорится въ ходатайствѣ по этому поводу,—представляютъ донинѣ ничтожный рынокъ для русскихъ произведеній». Называя по именамъ главныхъ торговцевъ во Владивостокѣ, записка поставляетъ на видъ, что они—иностранцы и что «вообще положеніе таково, что вся торговля почти исключительно находится въ рукахъ иностранцевъ, ввозящихъ иностранные товары». Просители утверждаютъ, что чрезъ Владивостокъ иностранные товары проникаютъ въ глубь Сибири до самаго Нерчинска и во внутрь Китая, гдѣ и конкурируютъ съ товарами русскими.

Базалось бы, огромное разстояніе отъ Владивостока до Нерчинска составляетъ достаточное огражденіе противъ конкуренціи иностранныхъ продуктовъ съ русскими. Но составители записки указываютъ на открывающуюся новую неблагоприятную для нихъ перспективу—въ постройкѣ уссурийской желѣзной дороги. Съ постройкою этой дороги, какъ поясняется далѣе, русской торговлѣ придется не только окончательно потерять неболь-

шой уссурійскій рынокъ, но постепенно отступать и далѣе, а по мѣрѣ сооруженія всей сибирской линіи—потерять и кяхтинскій рынокъ, и среднюю Сибирь, которые наполнятся иностранными товарами, идущими изъ Владивостока.

Уссурійскій рынокъ дѣйствительно, какъ говорится въ запискѣ, ничтоженъ, такъ какъ самое заселеніе этого края изъ Россіи началось только съ 80-хъ годовъ, и о повальной силѣ туземцевъ можно судить уже по одному тому факту, что стоявшія тамъ военныя команды прежде должны были продовольствоваться хлѣбомъ, привозимымъ изъ Одессы и изъ Бронштадта. Только послѣ того, какъ туда переселилось нѣсколько тысячъ душъ изъ Россіи, военныя части стали продовольствоваться мѣстнымъ хлѣбомъ. Лишить область, лежащую на берегу Японскаго моря возможности получать нужные ей продукты этимъ путемъ, для того, чтобы доставить нашимъ фабрикантамъ незначительный сбытъ, едва ли удобно. Владивостокъ имѣетъ 13 т. жителей, а вся Приморская область—около 100 т.

Другое дѣло — предполагаемый наплывъ иностранныхъ товаровъ въ среднюю Сибирь, по мѣрѣ постройки великаго сибирскаго пути, котораго уссурійская дорога служить началомъ. Въ какой мѣрѣ товары, пройдя кругосвѣтный путь изъ Англии во Владивостокъ, отстоящій отъ Москвы на 9,318 верстъ, будутъ въ состояніи конкурировать примѣрно на половинѣ этого сухопутнаго разстоянія съ нашими произведеніями, объ этомъ пока нельзя судить, а, стало быть, преждевременно и беспокоиться такою возможностью. Но даже и въ то время, когда она уже бы представилась, все-таки, можно было бы сохранить безошпинный привозъ товаровъ собственно во Владивостокъ, въ интересахъ развитія этого военнаго порта, который долженъ приобрести современемъ большое значеніе. Разстояніе Одессы отъ Москвы всего 1,400 верстъ, а, между тѣмъ, существовалъ же въ Одессѣ порто-франко, пока это признавалось нужнымъ для развитія города.

Перейдемъ теперь къ самой уссурійской желѣзной дорогѣ, которой закладка, какъ извѣстно, совершилась въ минувшемъ маѣ. Въ работахъ на ней, какъ сообщаютъ газетны, дѣйствительно, уже приступлено. На земляныхъ работахъ находятся около 5½ тысячъ рабочихъ, изъ которыхъ только 400 прибывшихъ изъ Европейской Россіи, 2½ т. солдатъ, а остальные—ссылно-каторжные и корейцы, а отчасти китайцы. Въ первые мѣсяцы лѣта дожди мѣшали работамъ, однако, по 1 іюля земляныхъ работъ было произведено на 20 тыс. куб. саж. Каменные работы, на которыхъ состоятъ 120 русскихъ и 300 китайцевъ, также уже производятся. Какъ извѣстно, уссурійская дорога пойдетъ отъ Владивостока къ пристани Графской на рѣкѣ Усури. Ближайшая цѣль ея постройки—облегчить сообщенія Приамурскаго края съ побережьемъ Тихаго океана. Портъ Владивостока остается открытымъ для плаванія 9 мѣсяцевъ въ году. Длина дороги съ малыми подъѣздными вѣтвями—392 версты. Общая стоимость уссурійской

дороги по первоначальнымъ изысканіямъ опредѣлялась въ 23½ милл. р., что составляетъ около 60 т. р. на версту. Собственно исходнымъ пунктомъ этой дороги будетъ станція въ самомъ портѣ, получающая названіе «Муравьевъ-Амурскій», и при этой станціи будетъ устроено желѣзно-дорожное техническое училище; городская станція будетъ уже второю и меньшею.

Какъ уже упомянуто, на дорогѣ работаютъ, доселѣ главнымъ образомъ солдаты. Въ одной изъ статей, помѣщавшихся въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ*, изъ которыхъ мы заимствуемъ приведенныя цифры, авторъ, упоминая объ отправленіи на эти работы партии ссыльно-каторжныхъ изъ Россіи, высказывается противъ производительности подневольнаго труда и выражаетъ мысль, что постройкою дороги слѣдовало бы воспользоваться для привлеченія въ Уссурійскій край свободныхъ переселенцевъ изъ Россіи, и отдастъ при этомъ преимущество крестьянамъ бѣлорусскимъ, какъ болѣе опытнымъ въ производствѣ земляныхъ работъ. По его словамъ, существуетъ распоряженіе, въ силу котораго переселенцы въ Уссурійскій край принимаются на суда добровольнаго флота въ Одессѣ только въ томъ случаѣ, если они обеспечены денежными средствами, т. е. могутъ не только внести плату за переѣздъ, но и показать деньги достаточныя для перваго обустройства на мѣстѣ. Онъ предлагаетъ допустить облегченія для тѣхъ, которые изъявляютъ желаніе работать на постройкѣ уссурійской дороги. Люди привычныя къ землянымъ работамъ могли бы немедленно опредѣляться на постройку и покрыть работою какъ издержку на перевозъ ихъ съ семьями, такъ и казенную ссуду на первое обустройство. Сосредоточеніе свободныхъ поселенцевъ на линіи не мѣшало бы земледѣльской колонизаціи, такъ какъ линія, по большей части, проходитъ именно по тѣмъ мѣстамъ, которыя наиболѣе удобны для колонизаціи и должны быть заселены прежде другихъ. Явившіяся сюда переселенческія семьи выдѣлили бы изъ себя рабочія руки для дороги и, въ то же время, такіе желѣзно-дорожные рабочіе, которые находились бы недалеко отъ своихъ семей, съ одной стороны, не прервали бы своей связи съ трудомъ земледѣльческимъ, а съ другой — были бы благонадежныѣ всякихъ иныхъ.

Ссыльно-каторжныхъ, какъ мы узнаемъ изъ другихъ газетъ, на работахъ при уссурійской дорогѣ находится уже около 900 чел. и весьма вѣроятно, что имѣется въ виду дальнѣйшая ихъ присылка изъ внутреннихъ губерній. Съ возраженіями противъ принудительнаго труда нельзя не согласиться по сравнительной его невыгодности, несмотря на то, что онъ считается даровымъ.

Предлагаемая авторомъ статей въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ* г. Д. Г. мысль о соединеніи постройки начальной линіи сибирскаго желѣзнаго пути съ облегченіями для свободныхъ переселенцевъ изъ Россіи въ Уссурійскій край, заслуживаетъ вниманія. Земледѣльческія поселенія въ томъ краѣ по тому же отзыву, могутъ рассчитывать на успѣхъ. «Сплошь и рядомъ, — говоритъ онъ, — переселенцы въ Уссурійскомъ краѣ, даже прибывшіе безъ всякихъ средствъ, черезъ два-три года обзаводятся хозяй-

ствомъ и начинаютъ благоденствовать. Во вновь образованныхъ поселеніяхъ, уже на третій годъ ихъ существованія, начинаютъ возникать школы и строятся церкви... Краю этому предстоитъ счастливое и обеспеченное будущее, по мѣрѣ его заселенія и созданія удобныхъ сообщеній съ отдаленными областями Сибири». Области эти сблизить между собой желѣзный путь, можно сказать, почтиже «соберетъ» всю Сибирь и придвинетъ ее къ Россіи.

Въ редакцію *Русской Мысли* доставлено въ пользу голодающихъ 101 рубль (собрано на обѣдѣ ученыхъ и литераторовъ 8 сентября).

ПОПРАВКА. „*Внутр. обозрѣн.*“, августъ, стр. 194, строка 3 и 4 сверху: *напечатано*—12 тысячъ, *слѣдуетъ*—3¹/₂ тысячъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Торжественныя встрѣчи французскихъ моряковъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Портсмутѣ ярко засвидѣтельствовали міру о великой нравственной побѣдѣ, одержанной Французскою республикой. Двадцать одинъ годъ неустаннаго и просвѣщеннаго труда вернули Франціи подобающее ей мѣсто среди европейскихъ государствъ. Вторая имперія довела французскій народъ до крайней опасности, до такого матеріальнаго и нравственнаго истощенія, отъ котораго, казалось, несчастная страна никогда не въ состояніи будетъ вполне оправиться. Но тягостные удары судьбы воспитали и укрѣпили общественное мнѣніе, высоко подняли уровень политическихъ интересовъ и степень участія общества въ государственныхъ и международныхъ вопросахъ. Спокойная, миролюбивая, но твердая внѣшняя политика Французской республики вызвала знаменательныя дружественныя заявленія Императора Александра III. Французскій народъ имѣетъ основаніе радоваться: его гражданскіе успѣхи привѣтствуются не только правительствами такихъ державъ, какъ Россія и Великобританія, но за этими привѣтствіями послышалось и глубокое, сознательное политическое сочувствіе русскаго народа.

4 сентября н. ст. исполнился двадцать одинъ годъ существованія Французской республики. Въ передовой статьѣ *Русскія Вѣдомости* по поводу этой годовщины справедливо указывается на то, что третья республика пустила глубокіе корни въ странѣ. «Въ двадцать второй годъ своего существованія, — говоритъ газета, — республика вступаетъ при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ какъ съ точки зрѣнія международнаго положенія, такъ и со стороны ея внутреннихъ условій, которыя, — какъ надо надѣяться, — помогутъ ей съ еще большею энергіей идти по пути дальнѣйшаго плодотворнаго развитія духовныхъ и матеріальныхъ силъ населенія страны» *).

Императорскій русскій посолъ въ Парижѣ на банкетѣ, устроенномъ въ честь Россіи въ Котре, отвѣчая на привѣтствія префекта департамента Верхнихъ Пиренеевъ, провозгласилъ тостъ за французскую націю, за пре-

*) *Русскія Вѣдомости*, № 287.

зидента и правительство республики,—мудрое и просвѣщенное правительство, прибавилъ посолъ, которое нынѣ столь удачно, сильною и мирною рукой, твердо, но примирительно руководить судьбами великой страны. «Да будетъ ему дано,—такъ кончилъ свою рѣчь представитель императорскаго правительства,—еще долгое время исполнять его благородную задачу съ тѣмъ же успѣхомъ, съ каждымъ днемъ все болѣе благотворнымъ, блестящимъ и все болѣе цѣннымъ во весь миръ».

Спокойною увѣренностью въ силѣ и яснымъ пониманіемъ необходимости глубокихъ общественныхъ реформъ дышатъ рѣчи французскихъ политическихъ дѣателей и статьи французскихъ газетъ, посвященные приему французской эскадры въ Россіи и въ Англии и двадцать первой годовщинѣ существованія республики. *Justice* предостерегаетъ своихъ согражданъ отъ возврата шовинизма. Война, говоритъ газета, питаетъ деспотизмъ, а миръ—свободу. *Paris*, въ статьѣ, озаглавленной *Вознагражденныя усилія*, вспоминаетъ безумія и преступленія второй имперіи, обозрѣваетъ путь, пройденный французскимъ обществомъ съ паденія Наполеона III, и находитъ въ громадныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ республикою, великое утѣшеніе и ободреніе. Одинъ изъ сотрудниковъ этой газеты, г. Пишонъ, выбранъ докладчикомъ парламентской финансовой комиссіи по бюджету министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ кончаетъ свой докладъ такими словами: «Намъ доволительно констатировать превосходное положеніе, занимаемое Франціей въ Европѣ, которое съ блескомъ подтверждено величественными демонстраціями. Мы можемъ разсматривать будущее не только безъ тревоги, но съ твердою увѣренностью въ томъ, что оно будетъ менѣе мрачно, чѣмъ прошлое. Мы не имѣемъ основанія никого бояться и мы приобрѣли нашу мудростью друзей, которые дѣлаютъ непоколебимымъ наше довѣріе къ восстанавливающей справедливости. Съ сердцемъ, полнымъ радости, мы приветствуемъ зарю, которая восходитъ надъ нашими ближайшими судьбами. И тѣ, которые не воздадутъ должной похвалы правительству республики, будутъ или слѣпцами, или очень неблагодарными людьми» *).

Paris отвѣчаетъ, что даже монархическое большинство нѣкоторыхъ генеральныхъ совѣтовъ обратилось съ почтительнымъ привѣтствіемъ къ президенту республики и съ удовольствіемъ указываетъ на рѣчь русскаго посла, о которой мы упоминали выше. Откуда произошла такая перемена и во внутреннемъ состояніи, и въ международномъ положеніи Франціи? спрашиваетъ *Paris* и отвѣчаетъ, что французскій народъ пожинаетъ теперь плоды двадцатилѣтнихъ усилій, твердой воли, постоянства цѣли. При свободныхъ учрежденіяхъ всѣ нравственныя и умственныя силы націи получаютъ могучее развитіе, творятъ помстившій чудеса.

Другое изданіе, *La Correspondence Internationale* **), напечатало по поводу посѣщенія Кронштадта французскою эскадрой двѣ статьи, обра-

*) *Paris*, 4 septembre.

**) *La Correspondence Internationale*, 31 aout.

ценныя къ русской печати. Великолѣпный кронштадтскій приѣмъ, — говоритъ Валарэ, — пробудилъ во Франціи общій восторгъ, немного перешедшій мѣру. Необходимо, — говоритъ французскій публицистъ, — чтобы лиризмъ остановился, чтобы онъ не довелъ французскій народъ до какой-нибудь глупости. Соглашеніе между Франціей и Россіей, по мнѣнію *Международной Корреспонденции*, явилось неизбѣжнымъ результатомъ силы вещей, къ которой присоединилась обоюдная симпатія французскаго и русскаго народовъ. Это соглашеніе носитъ искренне-мирный характеръ и составляетъ необходимый противовѣсъ тройственному союзу. Валарэ справедливо полагаетъ, что посѣщеніе французскимъ флотомъ Портсмута на обратномъ пути изъ Бронштадта было актомъ мудрой, полной достоинства политики. Только бѣсноватые шовинисты, вроде Кассаньяка, въ самыхъ грубыхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ возставали противъ остановки эскадры адмирала Жервэ въ англійскомъ портѣ по любезному приглашенію королевы Викторіи. Кассаньякъ же продолжаетъ увѣрять, что соединяетъ Россію и Францію только одинаковая ненависть къ Германіи. Но мнѣнія редактора *Autorité* и другихъ вождей бонапартистовъ и буланжистовъ не имѣютъ серьезнаго значенія при нынѣшнемъ настроеніи республиканскаго большинства и кабинета Фрейсина-Рибо-Вонстана. Давно уже правительство не отличалось во Франціи такою устойчивостью и нравственнымъ авторитетомъ, какъ въ настоящее время, и этимъ страна въ немалой мѣрѣ обязана нынѣшнему президенту республики г. Карно. Съ благодарнымъ воспоминаніемъ проводила Франція въ могилу предшественника г. Карно, Жюля Гриви, который тихо, въ очень преклонномъ возрастѣ, скончался въ началѣ сентября въ своемъ помѣстьи въ Монъ-су-Водре. Бывшій президентъ республики принадлежалъ къ числу особенно энергичныхъ и уважаемыхъ бойцовъ за политическую свободу. При Наполеонѣ III онъ былъ заключенъ въ тюрьму, но затѣмъ получилъ возможность возвратиться къ политической дѣятельности и неустанно нападалъ на императорское правительство, стѣснявшее свободу и просвѣщеніе французскаго народа и доведшее государство до седанской катастрофы. Послѣ паденія имперіи Жюль Гриви выступилъ депутатомъ, былъ избираемъ въ президенты палаты депутатовъ и, наконецъ, въ президенты республики. На этомъ высокомъ посту положеніе Гриви было скомпрометировано финансовыми и другими продѣлками его зятя, и престарѣлый президентъ, уступая давленію возмущеннаго общественнаго мнѣнія, подалъ въ отставку. Заслуживающую осужденія слабость, обнаруженную президентомъ республики по отношенію къ своему зятю, страна забыла, вспоминая долгое, безукоризненно-честное политическое поприще Жюля Гриви, много потрудившагося для упроченія республики.

Если во Франціи мы замѣчаемъ умиротвореніе, торжество новаго государственнаго строя, то въ одной изъ державъ тройственнаго союза, въ Австро-Венгріи, множатся признаки тревожнаго для нея свойства. Младочехи, отвергнувшіе выработанное Ригеромъ и его ближайшими единомыш-

денниками соглашеніе съ богемскими дѣльцами, не думаютъ идти въ свою очередь на уступки. Нѣкоторые изъ вліятельныхъ вождей этой партіи, какъ, напримѣръ, депутатъ въ парламентѣ Вашатый, не стѣсняются рѣзко выступать противъ союза съ Германіей; другіе болѣе осторожные политическіе дѣятели младо-чеховъ, стремясь къ такимъ же цѣлямъ, считаютъ необходимымъ придавать своимъ желаніямъ и требованіямъ менѣе рѣзкую форму; но въ основѣ своей господствующее теперь настроеніе чешскаго народа рѣшительно враждебно австро-нѣмецкимъ централистамъ. Императоръ Францъ-Іосифъ недоволенъ, разумѣется, неудачею графа Таафе и Ригера. О младо-чешской партіи онъ однажды отозвался,—мы своевременно упоминали объ этомъ,—въ весьма неблагоклонныхъ выраженіяхъ. По этому-то императоръ до сихъ поръ не посѣтилъ еще чешскую національную выставку. Газеты сообщаютъ, что посѣщеніе это, наконецъ, состоится. Нужно замѣтить, что ему будетъ теперь предшествовать свиданіе Франца-Іосифа съ императоромъ Вильгельмомъ II, продолжительныя собесѣдованія канцлеровъ обѣихъ имперій и торжественныя императорскіе тосты въ честь союза и дружбы между Германіей и Австро-Венгріей и за братство ихъ армій. Иными словами: Францъ-Іосифъ явится въ Прагу къ старо-чехамъ и нѣмцамъ съ новымъ подтвержденіемъ той политической программы, которая осуществляется внутри Цислейтаніи кабинетомъ графа Таафе, а въ международномъ отношеніи—графомъ Бальноки. Монархическимъ чувствамъ чешскаго народа предстоитъ, такимъ образомъ, нелегкое испытаніе.

Грегръ въ недавней рѣчи выразилъ надежду на превращеніе Габсбургской монархіи изъ двудельнаго государства въ федерацію, которая дастъ возможность всѣмъ народамъ имперіи жить мирно и спокойно. Сомнительно, чтобъ эта надежда нашла какое-либо подкрѣпленіе въ будущихъ заявленіяхъ императора Франца-Іосифа и цислейтанскаго правительства.

Неспокойно и на югѣ Австро-Венгріи. Выставка въ Загребѣ послужила поводомъ для внушительныхъ манифестацій въ пользу соединенія Хорватіи съ Славоніей и Далматіей. Эта идея не нова, но на пути ея осуществленія лежатъ значительныя практическія затрудненія. Нужно замѣтить, что Хорватія входитъ въ составъ мадьярской, а Славонія и Далматія — нѣмецкой половины Австро-Венгріи. Такъ какъ объединеніе предполагается съ хорватскимъ баномъ во главѣ, то двѣ послѣднія провинціи должны бы быть потеряны для Цислейтаніи. Естественно, что австрійскихъ нѣмцевъ отнюдь не прельщаетъ такое сокращеніе ихъ государственнаго значенія и соответственное увеличеніе мадьярской территоріи и вліянія. Съ точки зрѣнія славянскихъ интересовъ, перевѣсъ въ ту или другую сторону былъ бы, вѣроятно, не особенно значителенъ, и опасность заключается совсѣмъ въ иномъ: велико-хорватскія стремленія могутъ столкнуться съ велико-сербскими, и тогда Австро-Венгрія приобрѣтетъ на Балканскомъ полуостровѣ нѣсколько новыхъ шансовъ успѣха. Славянская рознь и тутъ можетъ сыграть недобрую роль. Содѣйствуя автономіи и областному объединенію хорватовъ, мадьяры (или нѣмцы) могутъ возбудить непріязнь, соперниче-

ство и печальныя столкновения между сербами и хорватами, потому что невозможно рѣшить, гдѣ оканчивается первый и начинается второй. Не безъ основанія говорятъ *Славянскія Извѣстія*, что вопросъ о Босніи и Герцеговинѣ можетъ сдѣлаться предметомъ раздора между Сербіей и Хорватіей: «Въ 1879 году хорватскій клубъ далматинскаго сейма издалъ воззваніе ко всему хорватскому народу, въ которомъ открыто говорить о соединеніи Босніи и Герцеговины съ Хорватіей, на основаніи хорватскаго державнаго права. Сербы пришли къ убѣжденію, что имъ немислимо поддерживать хорватовъ и что ихъ стремленія наносятъ вредъ сербамъ. Пока вопросъ о соединеніи, возродившійся среди далматинскихъ сербовъ, разрабатывался общими сербско-хорватскими силами и когда при обсужденіи его принимались во вниманіе права обѣихъ народностей, всѣ вѣрили въ осуществленіе завѣтнаго желанія какъ сербовъ, такъ и хорватовъ. Но когда хорваты забыли о сербахъ и начали игнорировать желанія сербскаго населенія, съ тѣхъ поръ многіе усомнились въ успѣхѣхъ начатаго дѣла. Австро-мадьярское правительство достигло своей цѣли: оно раздѣлило силы, и вопросъ, утравившій когда-то австрійскихъ и мадьярскихъ государственныхъ мужей, потерялъ свою прежнюю обаятельную силу и считается въ настоящее время «невинною мечтой хорватскихъ патріотовъ». Сколь ни желательнымъ является соединеніе Далматіи съ Хорватіей и Славоніей, по оно можетъ быть рѣшено только при взаимномъ въ немъ участіи сербовъ и хорватовъ и тогда, когда хорватскіе патріоты примутъ во вниманіе стремленія и историческія права единокровныхъ ихъ братьевъ-сербовъ. Въ противномъ случаѣ, такъ горячо проповѣдуемый нынѣ вопросъ о соединеніи трехъ славянскихъ провинцій останется и дальше, по выраженію нѣмецкихъ и мадьярскихъ газетъ, невинною и неосуществимою мечтой» *).

Любопытныя извѣстія о движеніи въ Крайнѣ сообщаетъ люблянская (Лайбахъ) корреспонденція *Варшавскаго Дневника*. Нынѣшній католическій епископъ этой области рѣшительно возстаетъ противъ словенскихъ стремленій, называетъ словенскій языкъ цыганскимъ и заявляетъ, что никого не боится, что доведетъ дѣло *хоть до кровопролитія* **). Со стороны служителя церкви Христовой, со стороны одного изъ іерарховъ римско-католической церкви, такое заявленіе пріобрѣтаетъ особую поучительность. Подчиненное епископу Миссія духовенство дѣйствуетъ, само собою разумѣется, по его предписаніямъ. Особенно достается народнымъ учителямъ. «На основаніи давнихъ положеній,—говоритъ корреспондентъ *Варшавскаго Дневника*,—многіе учителя пользуются общею квартирой и общими столами съ остальнымъ причтомъ. Если, положимъ, вдругъ учитель окажется человекомъ съ національнымъ убѣжденіемъ, читаетъ, наприимѣръ, газету *Slovensky Narod* или посѣщаетъ *читальницу*, то настоятель гонитъ его съ квартиры зимой съ семействомъ, лишаетъ его стола или кормитъ

*) *Славянскія Извѣстія*, № 34.

**) *Варшавскій Дневникъ*, № 191.

хуже собаки». Это, конечно, возмутительно и лишній разъ доказываетъ, что школа должна принадлежать народу, государству и самоуправленію, что ее не слѣдуетъ ставить въ подчиненное по отношенію къ церкви положеніе, чтобы не давать повода къ вопіющимъ злоупотребленіямъ и къ искаженію всего хода народнаго образованія. За то другая жалоба люблянскаго корреспондента представляется намъ совершенно неосновательною. Основали патріоты,—говоритъ этотъ корреспондентъ,—газету *Slovensky Narod*, епископъ сейчасъ же начинаетъ на свой счетъ издавать газету *Slovenec*; основали патріоты политическое общество *Словенское дружество*, а епископъ учредилъ другое общество—*Католическое дружество*, и т. д. Но чего же хочетъ корреспондентъ *Варшавскаго Дневника*? Чтобы австрійское правительство—нѣмецкое и католическое—запретило епископу Миссиа поддерживать нѣмцевъ и католицизмъ путемъ печати, путемъ образованія политическихъ обществъ? Что сказалъ бы корреспондентъ, еслибъ австрійское правительство закрыло *Словенское дружество*, запретило газету *Словенскій Народъ*? Онъ возопіялъ бы о насиліи, о деспотизмѣ, а самъ осуждаетъ противника за то, что тотъ ведетъ борьбу на духовной почвѣ, равнымъ оружіемъ, свободнымъ убѣжденіемъ, пропагандой. Мы понимаемъ, какъ трудно защищать свое дѣло, свое національное возрожденіе, немногочисленной словенской интеллигенціи: противъ нихъ централистическое правительство, противъ нихъ глава мѣстнаго духовенства и почти все это духовенство, по описанію корреспондента варшавской газеты. Но правое дѣло не погибнетъ, когда защищать его можно въ независимой печати, когда австрійское законодательство допускаетъ основаніе разнообразныхъ политическихъ обществъ, цѣли которыхъ отнюдь не одобряются самимъ правительствомъ. Вотъ указанные выше факты (обращеніе съ учителями)—другое дѣло. Въ нихъ мы видимъ прямое и грубое насиліе, недостойное европейскаго государства.

Национальныя распри и религіозная нетерпимость, которыя ярко обнаруживаются по временамъ въ Австро-Венгріи, сильно затрудняютъ ростъ просвѣщенія, благосостоянія и хорошихъ учрежденій въ этой многоплеменной странѣ. Слѣдуетъ прибавить къ этому страшную тяжесть милитаризма, которая дѣйствуетъ уже прямо разрушительнымъ образомъ. На маневрахъ въ Шварценау императоръ Вильгельмъ II поздравлялъ императора Франца-Иосифа съ блестящими успѣхами его арміи; но эти блестящіе успѣхи дорогою цѣной достаются трудящемуся населенію Габсбургской монархіи.

Сторонники военнаго могущества государства недовольны, однако, теперешнимъ состояніемъ австрійской арміи и флота и требуютъ новыхъ и новыхъ средствъ для *улучшеній* въ орудіяхъ и системѣ истребленія людей массами, для болѣе успѣшнаго *коллективнаго убійства*, называемаго войною. Но у германскихъ сосѣдей Австро-Венгріи, все-таки, возникаютъ опасенія относительно боевой доброкачественности австрійскаго войска: муд-

рено предположить, чтобы чехи или хорваты съ энтузиазмомъ сражались за нѣмцевъ и мадьяръ. Въ Дрезденѣ вышла недавно брошюра, пользующаяся значительнымъ успѣхомъ (у насъ въ рукахъ десятое изданіе), написанная пруссакомъ и направленная противъ Австро-Венгріи *). Авторъ брошюры заявляетъ, что князь Бисмаркъ выступить въ рейхстагѣ съ рѣчью при обсужденіи парламентомъ торговаго договора съ Австріей. Свокорыстная австрійская дипломатія,—говоритъ *пруссакъ*,—хочетъ подчинить интересы германскаго сельскаго хозяйства интересамъ венгерскихъ магнатовъ, тогда какъ національная политика бывшаго имперскаго канцлера съ особенною заботливостью относилась именно къ нуждамъ сельскаго хозяйства въ Германіи. Изъ приведеннаго уже видно, что неизвѣстный авторъ брошюры принадлежитъ къ числу страстныхъ и безусловныхъ почитателей князя Бисмарка. Такихъ какъ подобныхъ почитателей въ Гогенцоллерн-ской монархіи не мало и такъ какъ общественное мнѣніе — въ печати и въ парламентѣ—приобрѣтаетъ въ Германіи все большую и большую силу, то къ этимъ голосамъ полезно прислушиваться и русскимъ читателямъ.

Въ самомъ началѣ своей дипломатической карьеры,—говоритъ брошюра,—Бисмаркъ изъ прямаго источника убѣдился, что нѣтъ въ мірѣ дипломатіи, которая въ большей степени заслуживала бы насмѣшки, презрѣнія и ненависти, чѣмъ дипломатія австрійская, *со стороны честнаго северогерманскаго дворянина* **). Дальше въ брошюрѣ слѣдуетъ длинный рядъ рѣзкихъ выходовъ противъ ближайшей союзницы Германіи въ тройственной лигѣ. Само собою разумѣется, что эти выходы, которымъ приводятся и посланные мотивы, мы опускаемъ и упоминаемъ о нихъ только потому, что подобный тонъ является довольно характернымъ признакомъ настроенія болѣе или менѣе значительной части германскаго или, по крайней мѣрѣ, прусскаго общественнаго мнѣнія.

Брошюра грозитъ Австріи новымъ сближеніемъ Германіи съ нашимъ отечествомъ. Съ цинизмомъ, свойственнымъ бисмарковской школѣ, она говоритъ, что европейское положеніе Германской имперіи можетъ улучшиться, если русскій волюкъ поживится на счетъ Австро-Венгріи. Главными опредѣляющими факторами международныхъ отношеній въ Европѣ являются, по опредѣленію *пруссака*, ненависть Франціи къ Германіи, стремленіе Россіи къ Константинополю и Италіи къ Триесту. Отсюда возможна такая комбинація: Германія, Россія и Италія противъ Франціи и Австро-Венгріи. «Будетъ ли Триестъ австрійскимъ или итальянскимъ, для Бисмарка это ничего не значитъ въ сравненіи съ благосостояніемъ или упадкомъ поморанскаго сельскаго хозяйства». Открывши Россіи путь въ Константинополь, бисмарковская политика нанесла бы, въ то же время, смертельный ударъ

*) *Der Untergang Oesterreichs*, von einem Preussen.

***) „Bismarck hat in den Frankfurter Zeiten ganz wider seine Absicht und sein Erwarten an der Quelle lernen müssen, dass es in der Welt keine Diplomatie giebt, die mehr den Spott, den Hass und die Verachtung eines ehrlichen norddeutschen Edelmannes verdient, als die oesterreichische“.

Франціи, конечно, не дипломатическимъ путемъ. Нѣмецкая политика, — откровенно заявляетъ брошюра, — до тѣхъ поръ только должна быть миролюбивою, покуда разгромъ Франціи не будетъ обеспеченъ, и поэтому «хотя Германія достаточно сильна, чтобы не опасаться никакихъ мыслимыхъ европейскихъ затрудненій, однако, русско-французскій союзъ является для нея самою непріятною изъ случайностей».

Держитесь за Россію, — напоминаетъ брошюра завѣтъ умирающаго Вильгельма I и прибавляетъ: — теперь царствуетъ внукъ этого императора, и, со дня отставки князя Бисмарка, онъ ни разу въ своихъ многочисленныхъ публичныхъ рѣчахъ не упомянулъ имени дѣда, котораго прежде Вильгельмъ II ставилъ себѣ въ образецъ. Но бѣда въ томъ, что для новаго сближенія съ Россіей надо знать русское правительство и русскую дипломатію, а такимъ знаніемъ обладаетъ только князь Бисмаркъ.

Дѣйствительно, какъ мы уже много разъ замѣчали, князю Бисмарку удавалось своевременными уступками, обѣщаніями, ловкостью, тѣмъ своимъ *знаменіемъ*, о которомъ говоритъ брошюра, сбивать русскую политику съ мирнаго пути, возбуждать въ нашей дипломатіи честолюбивые замыслы, осуществленіе которыхъ было бы выгодно для Германіи, поставило бы насъ по отношенію къ ней въ зависимое положеніе. Съ точки зрѣнія *реалистической* бисмарковской политики, отчего не пригласить Россію взять Константинополь, а въ это время разгромить Францію? Пока мы брали бы Царьградъ (непрежѣнно *Царьградъ*, отнюдь не Константинополь), на это ушло бы не мало времени (о врови и средствахъ въ дипломатическихъ бесѣдахъ не упоминается), Германія справилась бы съ Франціей, при помощи Италіи, пожалуй, и продиктовала бы намъ условія мира послѣ побѣдоносной, въ высшей степени изнурительной войны. Къ счастью, императоръ Вильгельмъ II, взявшій бразды правленія въ свои руки, успѣлъ, по всей вѣроятности, навсегда разрушить возможность такой комбинаціи, а самая непріятная изъ случайностей легко можетъ теперь превратиться въ предохраняющую нѣмецкихъ шовинистовъ фактъ.

Если всмотрѣться, такимъ образомъ, въ тѣ цѣли, которыя многими и многими ставятся въ германской политикѣ, то нельзя не ужаснуться и безчеловѣчія этихъ цѣлей, и жестокости средствъ, при помощи которыхъ онѣ могутъ быть осуществлены. Конечно, далеко не все германское общество стоитъ за такую политику; но, къ сожалѣнію, общественное мнѣніе не имѣетъ еще въ Германіи рѣшающаго значенія, какъ въ Англіи и во Франціи, и опасность какихъ-либо враждебныхъ европейскому миру посягательствъ Гогенцоллернской имперіи далеко не исключена. Лучшею гарантіей противъ нея является именно *самая непріятная изъ случайностей*.

В. Г.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ *).

Современныя задачи біологіи.

Въ своихъ статьяхъ я уже нѣсколько разъ затрогивалъ общіе вопросы біологіи, стараясь разъяснить значеніе Дарвиновой теоріи и показать, что и сама теорія, и слѣдствія, къ которымъ она привела, были логическимъ требованіемъ научнаго развитія, особенно успѣшнаго за послѣднее пятидесятилѣтіе. Мнѣ кажется, что теперь настало время пойти далѣе. Противники современнаго научнаго метода и господствующихъ научныхъ воззрѣній, безъ сомнѣнія, еще не разъ выступятъ на арену съ своими стремленіями доказать несостоятельность перваго и нелогичность вторыхъ, но я думаю, что, въ большинствѣ случаевъ, мы можемъ даже не возражать имъ болѣе. Эти возраженія, имѣютъ ли они форму спокойной научной критики, или носятъ на себѣ характеръ не совсѣмъ спокойной полемики, мало приносятъ пользы дѣлу. Въ сущности, и эволюціонисты, и ихъ противники, и дарвинисты, и антидарвинисты давно сказали все, что могли сказать. Если антидарвинисты еще существуютъ, это нисколько не доказываетъ того, что аргументація, съ которой мы выступили противъ нихъ, была слаба. Мы съ ними расходились кореннымъ образомъ во взглядѣ на міръ и міровое развитіе. Тамъ, гдѣ мы видимъ роковую необходимость постояннаго развитія въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, гдѣ передъ нами рисуется великая гармонія вселенной, они довольствуются отрывочными фактами, объясненіе съ помощью чудеснаго предпочитаютъ объясненію научному. Изыскивать постоянно новыя доказательства справедливости Дарвиновой теоріи для біолога такъ же бесполезно и даже вредно, какъ астроному вступать въ полемику изъ-за теоріи Лапласа. Пускай наши противники высказываютъ свои соображенія о несостоятельности принципа подбора въ дѣлѣ объясненія развитія міра организмовъ, мы можемъ идти впередъ, если къ этому у насъ

*) Въ нынѣшнемъ году мнѣ надлежало представить обзоръ успѣховъ біологическихъ наукъ. Такъ какъ фактически свѣдѣнія, добытыя наукой за послѣдніе два-три года, отличаются по преимуществу частнымъ характеромъ, то я, по соглашенію съ редакціей, помѣщаю настоящую статью, которая содержитъ въ себѣ обсужденіе общихъ задачъ современной біологіи. *М. Мензбиръ.*

есть данныя. Дарвинизмъ плодотворенъ не только тѣмъ, что далъ отвѣты на многіе вопросы, но особенно тѣмъ, что далъ общій методъ біологическихъ изслѣдованій. Воспользуемся же имъ, чтобы, опираясь на вновь собранные факты, пойти далѣе, чѣмъ могъ это сдѣлать основатель эволюціонизма. Послѣ тридцатилѣтней борьбы изъ-за истины, посмотримъ, подвинулась ли впередъ біологія, перерабатываетъ ли она только задачи, оставленныя Дарвиномъ, или же она ушла впередъ и выставила новыя. И если новыя задачи дѣйствительно стоятъ передъ нами, если уже хоть нѣкоторые отвѣты могутъ быть даны на нихъ въ настоящее время, если, иными словами, мы сумѣли выяснитъ еще хоть небольшое изъ тайнъ природы, это послужитъ лучшимъ отвѣтомъ нашимъ противникамъ на взводимыя ими на насъ обвиненія въ несостоятельности принятыхъ нами теорій. До тѣхъ поръ, пока міръ существуетъ, несомнѣнно истинными будутъ почитаться тѣ взгляды и тѣ ученія, которые помогаютъ человѣку расширить свой умственный кругозоръ и путемъ сопоставленій, критики, допущеній и изученія фактовъ постепенно глубже проникать въ міровой строй, подмѣчать законы явленій, которые на первый взглядъ кажутся необъяснимыми, но которые, становясь все болѣе и болѣе изученными, складываются въ одно стройное и неразрывное цѣлое.

На слѣдующихъ страницахъ я не полемизирую съ антидарвинистами, не защищаю дарвинизмъ; я просто пытаюсь сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ, не будучи стѣсненъ никакими предезятыми мнѣніями. Оставаясь дарвинистомъ, я беру на себя смѣлость сказать, что мнѣ мало дѣла до тѣхъ, кто считаетъ мои воззрѣнія ложными; я вижу, что въ біологіи подъ влияніемъ дарвинизма назрѣли новыя задачи и, не надѣясь вполне разрѣшить ихъ, по крайней мѣрѣ, надѣюсь выяснитъ ихъ значеніе. Только во второй главѣ, по характеру ея содержанія, мнѣ не удалось избѣжать разясненій нѣкоторыхъ общихъ выводовъ дарвинизма, изъ боязни быть недостаточно яснымъ.

I.

О возникновеніи личныхъ особенностей.

Я, вѣроятно, не ошибусь, сказавши, что громадное большинство натуралистовъ признаютъ одною изъ важнѣйшихъ, если не самую важную задачей современной біологіи разрѣшеніе вопроса, откуда берутся личные особенности? Въ окружающемъ насъ мірѣ организмовъ мы не найдемъ двухъ особей одного и того же вида, которыя бы совершенно походили другъ на друга. Какъ бы мелки ни были личные различія, они, тѣмъ не менѣе, существуютъ, и если закономъ наслѣдственности мы объясняемъ передачу однѣхъ и тѣхъ же особенностей отъ одной особи къ другой, до сихъ поръ нѣтъ ничего, чтобы можно было противопоставить этому закону, какъ объясненіе личныхъ особенностей. Наслѣдственность, если можно такъ выразиться, даетъ общій тонъ, выражающійся въ сходствѣ основныхъ чертъ

особей одной какой либо группы. Напримѣръ, въ типѣ позвоночныхъ наслѣдственностью мы можемъ объяснить присущее всѣмъ позвоночнымъ дѣленіе головного мозга на три первичныя пузыря, существованіе не болѣе двухъ паръ конечностей, превращеніе поверхностныхъ слоевъ общихъ покрововъ въ роговыя образованія, существованіе въ томъ или другомъ видѣ, въ тотъ или другой періодъ жизни жабрь. Но чѣмъ обусловливается дѣленіе головного мозга на три первичныя пузыря, въ силу чего образовались конечности у позвоночныхъ, чѣмъ объяснить развитіе роговыхъ образованій, появленіе жабернаго аппарата,—все это совершенно иные вопросы. Надо обратить вниманіе еще на то, что личныя особенности по своему значенію совершенно различны. Однѣ изъ нихъ, развиваясь и упрочиваясь, являются особенностями либо вида, либо рода, либо семейства. Такъ, у многихъ птицъ, живущихъ на островахъ Тихаго океана, личныя особенности окраски, извѣстныя отмѣтины, закрѣпившись помощью подбора, стали видовыми. Или, напримѣръ, у многихъ американскихъ птицъ личныя пластическія особенности, выражающіяся въ толщинѣ и формѣ клюва, длинѣ и формѣ крыла и т. д., развившись и упрочившись опять-таки въ силу подбора, стали тоже видовыми. Но, помимо этого, другія особенности, которыя тоже были личными, приобрѣли громадное значеніе и распространились на цѣлый типъ. Таково, напримѣръ, превращеніе у членистоногихъ нѣсколькихъ переднихъ паръ членистыхъ придатковъ въ части рта. Тѣмъ не менѣе, личныя особенности, какъ таковыя, въ первоначальномъ своемъ видѣ могли имѣть только одно значеніе — нѣкоторое отличіе одной особи отъ другой, чѣмъ бы появленіе этого отличія ни обусловливалось. Такимъ образомъ, въ рѣшеніи вопроса о томъ, откуда берутся личныя особенности, мы должны брать появленіе не сложныхъ отличій, а наиболѣе простыхъ, слѣдовательно, прежде чѣмъ рѣшить задачу, должны привести ее въ наивозможно простой видъ. При такой же постановкѣ вопроса, я убѣжденъ, что отвѣтъ на него возможенъ въ столь многихъ частныхъ случаяхъ, что нѣтъ никакого основанія считать отвѣтъ невозможнымъ по существу. Несомнѣнно, что появленіе нѣкоторыхъ личныхъ особенностей мы сейчасъ не можемъ объяснить. Несомнѣнно дагѣе, что однѣ личныя особенности являются слѣдствіемъ простыхъ причинъ, другія—слѣдствіемъ суммы причинъ. Намъ важно дать фактическое доказательство возможности рѣшенія задачи хотя бы въ нѣсколькихъ частныхъ случаяхъ. Изложеніе нѣкотораго количества фактическаго матеріала лучше выяснитъ сущность дѣла. На первомъ мѣстѣ для насъ поучительно сравненіе въ данномъ случаѣ двухъ группъ организмовъ: одноклѣточныхъ и многоклѣточныхъ. Первые состоятъ только изъ одной клѣтки: части клѣтки играютъ ту или другую физиологическую роль; одни изъ этихъ организмовъ лишены твердыхъ частей, другіе выдѣляютъ такъ называемый скелеть; всѣ они размножаются либо почкованіемъ, либо дѣленіемъ, т.-е. безполымъ путемъ. Вторые представляютъ собою комплексы клѣтокъ; группы клѣтокъ образуютъ въ нихъ простѣйшіе органы или ткани, играющія опредѣленную

роль въ жизни организма; нѣкоторые изъ нихъ способны размножаться бесполомъ путемъ, т.-е. почкованіемъ и дѣленіемъ, но нѣтъ ни одного многокѣлочнаго организма, который размножался бы только бесполомъ путемъ, и, напротивъ, громадное большинство многокѣлочныхъ организмовъ размножаются только половымъ путемъ. При такомъ размноженіи, основой всякой новой особи является яйцо, которое представляетъ собою кѣтку такъ называемаго эмбриональнаго характера, т.-е. кѣтку, не пріобрѣтшую еще никакихъ спеціальныхъ функций. Такая кѣтка способна размножиться и превратиться въ комплексъ кѣтокъ, т.-е. многокѣлочный организмъ либо безъ предварительнаго соединенія съ другимъ видоизмѣненіемъ кѣтки, такъ называемымъ живчикомъ или сперматозоидомъ, т.-е. безъ оплодотворенія, партеногенетически, либо послѣ соединенія съ сперматозоидомъ, т.-е. послѣ оплодотворенія. Первый случай представляетъ замѣчательное сходство съ размноженіемъ почкованіемъ: яйцо, т.-е. кѣтка, или отдѣляется отъ комплекса кѣтокъ многокѣлочной особи, или развивается въ таковую. Второй случай представляетъ осложненіе и осложненіе существенное—соединеніе и слитіе двухъ кѣтокъ, прежде нежели начнется развитіе одной изъ нихъ. Сказаннаго достаточно, чтобы понять, что однокѣлочные и многокѣлочные организмы, будучи сравниваемы относительно размноженія, существенно различаются только тѣмъ, что у однокѣлочныхъ нѣтъ полового размноженія, характеризующаго собою вторыхъ; и эта разница была бы очень велика, если бы не сглаживалась существованіемъ бесполого размноженія многокѣлочныхъ организмовъ. Это заключеніе, которое мы еще разберемъ далѣе, для насъ въ высшей степени важно.

Остановимся теперь на мірѣ однокѣлочныхъ организмовъ: каждая особь этой группы представляетъ собою кѣтку, слѣдовательно, необходимое для насъ упрощеніе задачи дано намъ здѣсь само собою. Многіе изъ этихъ организмовъ состоятъ только изъ комочка плазмы и если мы станемъ изучать ихъ индивидуальныя измѣненія, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ станутъ понятны и по своему происхожденію. Наблюдая двухъ амѣбъ, изъ которыхъ одна взята откуда-нибудь съ крыши, гдѣ она послѣдовательно подвергалась то дѣйствию дождя, то дѣйствию солнца, другая изъ лужи, мы безъ труда видимъ, что поверхностный слой плазмы первой довольно рѣзко отдѣляется отъ внутренней массы, тогда какъ плазма второй амѣбы совершенно однородна во всѣхъ своихъ частяхъ. Беря далѣе для изученія и сравненія амѣбъ съ крыши, но съ разныхъ ея сторонъ, мы безъ труда убѣждаемся, что толщина вѣшняго слоя ихъ плазмы прямо пропорциональна продолжительности дѣйствія солнечныхъ лучей. Такимъ образомъ, личныя особенности амѣбъ являются прямымъ слѣдствіемъ вліянія среды, окружающей ихъ, и какъ ни маловажны сами по себѣ, тѣмъ не менѣе, обуславливаютъ собою и наружный видъ, и характеръ движенія амѣбъ. При дальнѣйшемъ обособленіи поверхностнаго слоя плазмы амѣба какъ бы отдѣляется органическою оболочкой, но степень обособленности поверхностнаго слоя колеблется въ такихъ громадныхъ предѣлахъ, что можно сказать, что

ни особь, то и встрѣчается индивидуальная черта. Само собою разумѣется, говорить объ опредѣленныхъ группахъ амёбъ при такомъ положеніи дѣла нѣтъ возможности, дѣленіе является здѣсь совершенно искусственнымъ, можно установить и десятки видовъ и всѣхъ амёбъ признать за одинъ видъ съ громадными личными колебаніями. Нечего и говорить, что дѣленіе амёбъ на родовыя группы, какъ это дѣлаютъ современные систематики, лишено всякаго значенія, въ виду непостоянства признаковъ. Различная степень отвердѣванія поверхностныхъ слоевъ плазмы, представляющая собою, въ сущности, только разныя степени отмиранія плазмы, конечно, можетъ быть объяснена прямымъ дѣйствіемъ на плазму физическихъ и химическихъ агентовъ. Но есть и другая причина различнаго состава и строенія плазмы, именно ея питаніе. Наблюдая самую обыкновенную амёбу, мы легко можемъ замѣтить, что ея плазма то совершенно прозрачна, когда животное голодно, то, напротивъ, темнѣетъ, становится богатою крупинками и пигментными скопленіями, когда животное сыто. У другихъ амёбъ зерна пигмента не пропадаютъ никогда и отъ времени до времени скопляются въ такомъ громадномъ количествѣ, что за ними совсѣмъ не видно плазмы. Окраска амёбъ бываетъ весьма различна, окраска одной и той же особи измѣняется въ зависимости отъ рода пищи и степени насыщенности. Видѣть въ окраскѣ нѣчто большее, чѣмъ личную особенность, обусловливаемую питаніемъ, неосновательно, а, между тѣмъ, установлены виды амёбъ, характеристику которыхъ составляетъ окраска.

Но еще нелогичнѣе выдѣленіе въ особую группу амёбъ, живущихъ на днѣ океановъ и имѣющихъ раковину изъ постороннихъ частицъ. Въ сущности, тутъ нельзя говорить даже о личныхъ особенностяхъ: амёба съ тѣломъ изъ вязкой плазмы одѣвается оболочкой изъ тѣхъ частицъ, которыми покрыто дно моря, просто потому, что эти постороннія частвцы пристають къ поверхностному слою вязкой плазмы. Возьмете вы такую амёбу со дна моря, омывающаго собою океанической островъ, и найдете, что ея раковинка образована изъ кусочковъ вулканическаго пепла; возьмете ее со дна открытаго океана, ея раковинка окажется слѣпленной изъ песчинокъ; не удивляйтесь, что иногда матеріаломъ для такой раковинки служатъ полуразрушенныя раковинки другихъ организмовъ. Но и въ томъ случаѣ, когда мы беремъ амёбъ съ раковинкой не такого случайнаго характера, а съ раковинкой выдѣленной, мы безъ труда можемъ сказать, что она есть результатъ дѣятельности плазмы, т.-е. питанія и измѣненія плазмы.

Громадному большинству даже неспеціалистовъ извѣстно, что существуетъ обширная группа *фораминиферъ*, амёбъ, одѣтыхъ известковою раковинкой, которыя живутъ въ морѣ на различныхъ глубинахъ, начиная отъ его поверхности. Эти подчасъ микроскопически малые организмы играли громадную роль въ жизни земнаго шара; они образовали толщи мѣла, такъ называемыя нуммулитовыя отложенія и пр. Ихъ изучаютъ съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣли микроскопъ. Ихъ обиліе привело къ тому, что ихъ выдѣляли въ особую таксономическую группу, которую подраздѣляли на

отряды, семейства, роды, виды. Можно ожидать поэтому, что у фораминиферъ мы встрѣчаемся съ постоянными признаками, которые не могутъ быть объяснены особенностями питанія плазмы и вообще не могутъ быть объяснены, которые передаются изъ поколѣннй въ поколѣннйе. Ничуть не бывало. Всѣ эти дѣленія фораминиферъ хороши только до тѣхъ поръ, пока въ нашихъ рукахъ находится ограниченный матеріалъ. Вотъ одна изъ этихъ такъ называемыхъ корненожекъ, одѣтая известковою раковинкой, не подраздѣленной на отдѣлы или камеры; вотъ другая, помѣщающаяся въ раковинѣ многокамерной. Здѣсь камеры расположены безпорядочно другъ около друга, тамъ онѣ вытянуты по одной прямой или расположены по спирали вокругъ одной центральной камеры. Вотъ, наконецъ, еще раковина, гдѣ кругомъ центральной камеры лежатъ остальные камеры, образуя концентрическія кольца. Присмотритесь къ тому, какъ корненожка выходитъ изъ этихъ раковинъ: изъ однѣхъ она выставляется безчисленными нитевидными отростками, проходящими черезъ безчисленныя поры въ раковинѣ, изъ другихъ—однимъ большимъ выростомъ, проходящимъ черезъ одно большое отверстіе. Всѣ эти отличія пока легко схватываются, но всмотримся въ нихъ глубже и мы увидимъ, что ихъ значеніе гораздо меньше, чѣмъ кажется на первый взглядъ, что всѣ они, въ сущности, ничего больше, какъ легко объяснимыя съ точки зрѣнія ихъ происхожденія личныя особенности. Начнемъ съ строенія раковины. У продыравленныхъ корненожекъ раковина состоитъ изъ безчисленнаго множества продыравленныхъ призмочекъ. Такимъ образомъ, каждая призмочка образуется какъ известковый чехликъ при основаніи нитевиднаго отростка плазматическаго тѣла. Каждый молодой чехликъ въ свою очередь есть ничто иное, какъ результатъ жизни плазмы, ея питанія, потому что онъ состоитъ изъ органическаго вещества, представляющаго собою видоизмѣненіе плазмы, и известковыхъ солей, отлагаемыхъ плазмой. Но сказанное безъ затрудненія выясняетъ намъ значеніе плазмы, какъ вещества, выдѣляющаго раковину, и значеніе раковины, какъ чехла плазмы. Каковъ бы ни былъ видъ раковины, ея строеніе и форма опредѣляются жизнью и дѣятельностью плазмы. Измѣните питаніе самага тѣла корненожки и вы получите или организмъ совсѣмъ безъ раковины, въ томъ случаѣ, если, наприм., лишите корненожку известковыхъ образований, или корненожку, заключенную въ раковину, не подраздѣленную на камеры, если корненожка растетъ постоянно до извѣстнаго предѣла, или корненожку въ раковинѣ многокамерной, если ростъ корненожки идетъ неперіодично: въ теченіе періода роста,—иными словами, въ теченіе усиленнаго питанія,—корненожка только растетъ, но потомъ за этимъ періодомъ наступаетъ періодъ менѣе энергичнаго питанія, тѣло корненожки не растетъ и вмѣстѣ съ этимъ періодомъ покоя наступаетъ образованіе оболочки, т. е. образованіе новой камеры. Представимъ себѣ, что равномерное разрастаніе плазмы смѣняется неравномернымъ,—корненожка при ростѣ станетъ закручиваться спиралью и раковина изъ прямолинейной станетъ спиральной и т. д. Такимъ образомъ, продыравленные раковины корненожекъ,—а, скажемъ,

кетати, то же самое можно повторить и о раковинахъ, имѣющихъ лишь одно большое отверстіе съ выходящею черезъ него плазмой, какъ бы постоянными ни казались на первый взглядъ, оказываются всецѣло зависящими въ своемъ строеніи и формѣ отъ плазматическаго тѣла животнаго; всѣ ихъ крайніе типы связываются безконечными переходами, — иными словами типы мы можемъ выбирать по произволу, слѣдовательно, и видовъ у корненожекъ нѣтъ возможности установить. Раковина корненожки есть грубое выраженіе ея индивидуальныхъ особенностей, послѣднія — результатъ условій питанія плазмы. У другихъ одноклѣточныхъ организмовъ плазма выдѣляетъ не известковые твердые покровы, а кремневые въ разной формѣ, у третьихъ — только органическія оболочки; сущность дѣла, конечно, не измѣняется, — и у этихъ организмовъ признаки группъ создаются наблюдателями совершенно искусственно изъ личныхъ особенностей, личные же особенности объясняются сравнительно просто: питаніемъ плазмы и ея отношеніемъ къ окружающимъ условіямъ.

Въ высшей степени поучительно сравненіе съ амѣбами и корненожками инфузорій. Имѣя передъ собою тѣло инфузоріи, покрытое мѣстами мерцательными рѣсничками, мѣстами болѣе замѣтными волосами и даже шипами или крючками, видя въ немъ скопленіе пигментныхъ образований, такъ называемые сократимые пузырьки и пр., мы можемъ невольно задаться вопросомъ: откуда взялись эти особенности? Оказывается, что и на это имѣется отвѣтъ. Мерцательные волоски ничего болѣе, какъ очень тонкіе и короткіе выросты плазмы, которые совершенно также проходятъ черезъ оболочку инфузоріи, какъ отростки тѣла корненожки проходятъ черезъ раковину, — это болѣе толстые волоски, крючки и шипики, просто слившіеся въ одну группу тѣхъ же мерцательныхъ волосковъ. Такъ называемое ротовое отверстіе инфузорій легко объяснить, если обратить вниманіе на то, что тѣло инфузоріи покрыто оболочкой на всемъ протяженіи, кромѣ того мѣста, гдѣ въ него поступаетъ пища, — здѣсь оболочка какъ бы не успѣваетъ развиться. Присутствіе бьющихся пузырьковъ объясняется упругостью плазмы, которая окружаетъ полость съ скопившеюся въ ней жидкостью, выдѣленною тою же плазмой. Такимъ образомъ, однѣ особенности инфузорій являются видоизмѣненіемъ особенностей извѣстныхъ намъ по близкимъ организмамъ, другія, новыя, объясняются функциями плазмы и тѣмъ, что функціи постепенно сосредоточиваются въ томъ или другомъ мѣстѣ, а не являются беспорядочно разбросанными во всѣхъ мѣстахъ плазмы. У корненожки пища могла поступать въ тѣло на любомъ мѣстѣ, у инфузоріи только въ одномъ, и это мѣсто становится ртомъ; у корненожки сокращалась вся плазма, у инфузоріи по преимуществу сокращается поверхностный слой; у корненожки все тѣло безразлично относилось къ свѣту, у инфузоріи присутствіе пигментныхъ скопленій, являющихся результатомъ питанія, заставляетъ различныя мѣста поверхности тѣла относиться различно къ свѣту. Видоизмѣненіе однѣхъ особенностей и появленіе другихъ у одноклѣточныхъ организмовъ прямо обуславливается осложненіемъ функций. Но изъ такихъ

же клетокъ состоитъ и въ организмы. Почему же объясненіе, годное въ одномъ случаѣ, не годно въ другомъ? Почему, находя сравнительно простое объясненіе возникновенію личныхъ особенностей у одноклеточныхъ организмовъ, мы боязливо уходимъ отъ того же объясненія по отношенію къ организмамъ многоклеточнымъ? Это—одна изъ часто повторяющихся ошибокъ, ничего больше. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы укажемъ еще на нѣкоторые примѣры, доказывающіе возможность объяснить уже знакомымъ намъ путемъ возникновеніе личныхъ особенностей и у высшихъ организмовъ. Возвратимся, однако, къ одноклеточнымъ. Послѣ сказаннаго не трудно видѣть, что въ этомъ обширномъ утолщѣ организмовъ чрезвычайно трудно разграничить болѣе мелкія группы. У каждой особи являются благопріобрѣтенныя особенности, и если трудно доказать, что такія особенности наследственно передаются у высшихъ организмовъ, то очевидно, что у одноклеточныхъ эти благопріобрѣтенныя особенности не могутъ не передаваться,—какая-нибудь инфузорія дѣлится надвѣ особи и, естественно, всѣ особенности материнскаго организма становятся достояніемъ и дочернихъ. При почкованіи повторяется то же,—меньшая отдѣляющаяся часть состоитъ изъ тѣхъ же частей, что и большая, отдѣляющая отъ себя. Въ этомъ-то простомъ способѣ размноженія, въ этой легко прослѣживаемой зависимости клетки отъ окружающихъ условій и лежитъ, конечно, объясненіе того, что, несмотря на обиліе одноклеточныхъ организмовъ, несмотря на ихъ кажущееся разнообразіе, мы можемъ очень легко связать ихъ въ одно цѣлое. Нигдѣ особь съ ея индивидуальными особенностями не выступаетъ съ такою силой. Изучая простѣйшіе организмы, мы сами собою приходимъ къ заключенію, что въ природѣ существуютъ только особи, что всѣ таксономическія группы, какъ-то: родъ, семейство, отрядъ и т. д., и даже таксономическая единица, видъ—только отвлеченные образы существующихъ въ природѣ особей.

У болѣе сложныхъ одноклеточныхъ организмовъ существуютъ, однако, нѣкоторые осложненія въ развитіи, которыя заслуживаютъ быть упомянутыми здѣсь. У такъ называемыхъ солнечныхъ животныхъ, прозванныхъ такъ за правильное лучистое расположеніе нитевидныхъ отростковъ ихъ тѣла, размноженіе хотя и совершается путемъ дѣленія, но дѣлящееся материнское тѣло предварительно одѣвается утолщеною оболочкой—цистой, и каждое тѣлце, образовавшееся путемъ дѣленія, въ свою очередь одѣвается цистой. У радиолярій, которыя являются морскими представителями прѣсноводныхъ солнечныхъ животныхъ, результаты дѣленія материнскаго тѣла, заключенные въ общую цисту, принимаютъ каждый форму овальнаго тѣльца съ двумя жгутами; эти тѣльца при помощи своихъ жгутовъ движутся, а потому называются движущимися спорами или зооспорами. Но каждая зооспора, въ сущности, ничѣмъ не отличается отъ амѣбы, у которой отростки вытянулись въ жгутовидные придатки. Наконецъ, у инфузорій размноженіе дѣленіемъ часто сопровождается временнымъ или постояннымъ слитіемъ двухъ особей въ одну, которая или которая послѣ того энергично растетъ и еще энергичнѣе начинаетъ вновь размножаться дѣленіемъ. Не должно увле-

ваться кажущимся сходствомъ слитія двухъ особей у инфузорій съ половымъ размноженіемъ у другихъ животныхъ: это слитіе, повидимому, представляетъ собою то же, что и образование материнской и дочернихъ цистъ у другихъ простѣйшихъ животныхъ, гдѣ это является прямою приспособляемостью къ неблагоприятнымъ внѣшнимъ условіямъ среды. Такимъ образомъ, уже у одноклѣточныхъ организмовъ мы видимъ слѣдующее: осложненіе организма можетъ быть морфологическое, выражающееся въ осложненіи строенія особи, и осложненіе можетъ быть физиологическое, выражающееся въ осложненіи отправления организма. Бдва ли можно допустить, что между тѣмъ и другимъ ходомъ осложненій нѣтъ соответствія. Естественно, что морфологическая сложность организма влечетъ за собою физиологическую и обратно. Трудно себѣ представить простую машину съ сложнымъ дѣйствіемъ и сложную машину съ простымъ дѣйствіемъ.

Я не стану болѣе говорить объ одноклѣточныхъ организмахъ, — боюсь, что и такъ утомила нѣкоторыми подробностями, — но обойтись безъ нихъ въ данномъ случаѣ нѣтъ возможности. Одноклѣточные организмы по своему отношенію къ средѣ представляютъ исходную точку для обсуждения того же вопроса въ примѣненіи къ сложнымъ организмамъ. Приведенными примѣрами я хотѣлъ показать, что *личныя особенности одноклѣточныхъ организмовъ могутъ быть разсматриваемы какъ прямое вліяніе среды*. Я хотѣлъ показать также, что подчасъ то, что мы называемъ личною особенностью и что мы обычно считаемъ для организма чѣмъ-то новымъ, въ сущности, представляетъ собою только видоизмѣненіе другой особенности, у другихъ организмовъ существующей въ болѣе простой и потому легче объяснимой формѣ. Не должно думать, что сейчасъ сформулированный выводъ я склоненъ распространять на сложные организмы. *Я думаю, что по столько, по сколько сложные организмы состоятъ изъ клетокъ, они не изъяты отъ прямого воздѣйствія среды; но не могу отрицать, что превращеніе клетокъ, образованіе изъ ихъ комплексовъ тканей, въ значительной мѣрѣ умалляетъ значеніе упомянутого воздѣйствія*. Мнѣ кажется, можно сказать, что чѣмъ полнѣе превращеніе группы клетокъ сложнаго организма въ ткань, тѣмъ совершеннѣе потеря элементарными составными частями организма или клетками ихъ индивидуальности, тѣмъ менѣе прямая зависимость сложнаго организма отъ среды. Такимъ образомъ, я готовъ сказать, что среди животныхъ беспорошищевыя находятся въ болѣе прямой подчиненности отъ внѣшнихъ условій, чѣмъ иглокожія; что низшіе черви, такъ называемые рѣснитчатые черви, болѣе зависятъ отъ прямого воздѣйствія на нихъ среды, чѣмъ высшіе черви. Я готовъ далѣе сказать, что въ предѣлахъ одного сложнаго организма та ткань и болѣе зависитъ отъ прямого воздѣйствія окружающихъ ее условій, которая болѣе сохраняетъ свой клѣточный характеръ. Такимъ образомъ, на первомъ мѣстѣ по этой зависимости должна стоять эпителиальная ткань, на второмъ — нервная, на третьемъ — мышечная и уже потомъ обширная категория остовныхъ или скелетныхъ тканей. И, насколько я знаю, фак-

ты только подтверждаютъ это заключеніе. Но я думаю, что это все равно, что сказать, что чѣмъ полнѣе въ организмѣ слитіе кѣлокъ и образованіе ими тканей, тѣмъ менѣе приложимы въ объясненію возникновенія личныхъ особенностей особи *агенты биологическіе*, т.-е. прямое воздѣйствіе среды, и тѣмъ болѣе приложимы *агенты физиологическіе*, т.-е. сумма явленій, совершающихся въ организмѣ и съ организмомъ, неразрывно связанныхъ съ питаніемъ организма.

Каждый разъ, когда намъ приходится слышать, что мы безсильны въ объясненіи появленія личныхъ особенностей, намъ приходится убѣждаться, что самый вопросъ объ этомъ ставится въ высшей степени неосновательно. Берутся особенности крупныя, такъ сказать, бьющія въ глаза особенности, далеко ушедшія отъ своей первоначальной формы и прошедшія длинный путь замѣненій. При такой постановкѣ вопроса нечего и думать дать на него отвѣтъ. Вопросъ долженъ быть задаваемъ не о сложномъ явленіи, а о простомъ, и тогда отвѣтъ возможенъ, даже въ болѣе опредѣленной формѣ, чѣмъ можно бы ожидать. Идя такимъ путемъ, мнѣ кажется, появленіе личныхъ особенностей сложныхъ организмовъ можно объяснить въ настоящее время слѣдующимъ образомъ: 1) онѣ появляются какъ слѣдствіе прямого вліянія среды, 2) какъ результатъ измѣненія особенностей уже существующихъ, 3) какъ результатъ соотношенія органовъ и вообще отправления организма и, наконецъ, 4) какъ слѣдствіе дифференцировки половъ и размноженія половымъ путемъ. Подтвердимъ это фактами.

Наблюденія Шманкевича надъ ракообразными показали, что измѣненіе концентраціи солянаго раствора вызываетъ послѣдовательно появленіе такихъ личныхъ особенностей въ рядѣ поколѣній живущихъ въ морской водѣ ракообразныхъ, что систематики считаютъ эти особенности достаточными даже для родовыхъ характеристикъ. Есть два рачка, одинъ прѣсноводный, называемый *бранхипусомъ*, другой—житель исключительно соленыхъ озеръ Америки, Европы и Африки, называемый *артеміей*. Что касается *артеміи*, то въ предѣлахъ только этого рода насчитываютъ нѣсколько видовъ и между ними два различающіеся чрезвычайно рѣдко. Но вотъ что дали по этому предмету изслѣдованія Шманкевича. Увеличивая концентрацію солянаго раствора съ 4° до 25°, можно изъ одного вида *артеміи*, отличающагося сильно раздвоеннымъ хвостомъ и другими признаками, получить рядомъ послѣдовательно измѣняющихся поволеній другую крайнюю форму. Шманкевичъ наблюдалъ такой переходъ и въ естественныхъ условіяхъ. Прорвалась плотина между двумя рядомъ лежащими озерами, содержаніе соли въ одномъ изъ которыхъ было до того 25°, а потомъ, послѣ прорыва плотины, стало только 8°. Одновременно съ этимъ въ озерѣ размножаются массы *артеміи* съ раздвоеннымъ хвостомъ. Тѣмъ временемъ плотина была починена и потому, вслѣдствіе испаренія воды, процентное содержаніе соли въ водѣ начинаетъ увеличиваться. Въ 1872 г. оно достигло 14°, въ 1873 г.—18° и въ концѣ сентября 1874 г. было до 25°. Вмѣстѣ

съ этимъ артеміи съ раздвоеннымъ хвостомъ постепенно всею массой превратились въ другую крайнюю форму. Не довольствуясь этимъ, Шманневичъ началъ изслѣдованія въ другомъ направленіи: вмѣсто того, чтобы увеличивать концентрацію солянаго раствора, онъ началъ постепенно разжижать его и довелъ, наконецъ, до состава чисто-прѣсной воды: артеміи благоденствовали, но въ рядѣ поколѣній измѣнились въ бранхипусовъ. Такимъ образомъ, большее или меньшее процентное содержаніе соли въ растворѣ не только вызываетъ появленіе новыхъ личныхъ особенностей, но въ рядѣ поколѣній усиливаетъ эти особенности.

Другимъ хорошимъ примѣромъ въ томъ же направленіи можетъ служить измѣненіе строенія желудка въ зависимости отъ измѣненія рода пищи. Англійскій анатомъ Гѣнтеръ произвелъ въ этомъ направленіи въ высшей степени интересныя наблюденія надъ нѣкоторыми птицами и несомнѣнно доказалъ, что желудокъ нѣкоторыхъ мясоядныхъ птицъ можетъ принять строеніе желудка зерноядныхъ, если такихъ мясоядныхъ птицъ кормить зернами. Разница между двумя родами птичьихъ желудковъ очень велика: желудокъ птицы, питающейся мясомъ, выстланъ съ своей внутренней поверхности мягкой кожей и содержитъ въ своихъ стѣнкахъ только очень небольшое количество мышечныхъ волоконъ; желудокъ птицы, питающейся зернами, напротивъ, выстланъ съ своей внутренней поверхности очень твердой оболочкой и содержитъ въ своихъ стѣнкахъ массу мышечныхъ волоконъ. Гѣнтеръ бралъ такъ называемую трехпалую чайку, которая нормально питается рыбой и имѣетъ желудокъ мясоядной птицы, и въ теченіе цѣлаго года кормилъ ее зернами; въ результатѣ тонкостѣнный желудокъ чайки сталъ толкостѣннымъ и одѣлся на своей внутренней сторонѣ твердой оболочкой, какава, наприм., есть въ желудкѣ голубя. Докторъ Эдмонстонъ говоритъ, что совершенно то же бываетъ ежегодно съ этою птицей въ ея нормальныхъ условіяхъ существованія: у трехпалой чайки Шотландскихъ острововъ ежегодно два раза измѣняется строеніе желудка, въ зависимости отъ измѣненія рода пищи: лѣтомъ эта чайка питается зернами и имѣетъ тогда желудокъ зерноядной птицы, зимой—рыбой и имѣетъ тогда желудокъ мясояднаго хищника. На такой же переходъ желудка мясоядной птицы въ желудокъ зерноядной указываетъ д-ръ Эдмонстонъ для ворона, Менетриѣ—для одной совы, а Гольмгренъ произвелъ опыты, доказывающіе, что такое измѣненіе строенія желудка птицъ можетъ идти и въ обратномъ направленіи, т.-е. у нормально зерноядной птицы при кормленіи ея мясною пищей желудокъ можетъ сдѣлаться желудкомъ мясояднымъ.

Какъ послѣдній примѣръ въ этомъ направленіи, я возьму появленіе тѣхъ характерныхъ тоновъ окраски, которыми отличаются животныя пустыни. Сѣровато-бурые тона въ самой различной степени и въ самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ развиты у громаднаго большинства животныхъ пустыни и не разъ обращали на себя вниманіе. Какимъ-же образомъ они появляются? Для отвѣта на этотъ вопросъ возьмемъ млекопитающихъ и птицъ. У первыхъ тѣло покрыто шерстью, у вторыхъ перьями, но какъ

въ волосахъ, такъ и въ перьяхъ заключается особое красящее вещество, пигментъ, который придаетъ имъ опредѣленную окраску. Этотъ пигментъ, независимо отъ своей первоначальной окраски, подъ вліяніемъ извѣстныхъ благопріятныхъ условій развитія тѣхъ образованій, въ которыхъ заключенъ, остается неизмѣнимымъ; но если эти условія неблагопріятны, онъ можетъ измѣниться въ большей или меньшей степени и, разрушившись, разложившись, превратится въ тѣло грязнобурой окраски. Если мы возьмемъ теперь, на примѣръ, пустынного жаворонка и посмотримъ на развитіе у него перьевъ, мы увидимъ, что отмираніе пера совершается чрезвычайно быстро подъ вліяніемъ сухости континентальнаго климата Сахары или Гоби. Еще перо только выходитъ изъ чехлика, еще бородки его не разошлись какъ слѣдуетъ, а пигментъ, проникающій въ перо, уже разрушается. Бородки пера въ свою очередь сосыхаются, трескаются и обламываются и въ результатѣ сухость и зной пустыни приводятъ къ тому, что выростающій птенецъ или взрослая птица послѣ линьки одѣваются уже засушенными, спаленными перьями. То же самое происходитъ при развитіи волоса. Еще легче разрушается пигментъ, приобретаемая буроватую окраску, у гадовъ, которые, ползая по землѣ, тѣмъ болѣе подвергаются непосредственному вліянію сухости нагрѣтаго воздуха и накаленной почвы.

Вообще, степень влажности и нагрѣтости воздуха оказываетъ огромное прямое вліяніе на усиленіе интенсивности окраски. Если мы возьмемъ измѣненія животныхъ, на примѣръ, птицъ, огромной палеарктической области, охватывающей собою всю Европу, сѣверное побережье Африки, сѣверную и среднюю Азію, то мы увидимъ, что наиболѣе темною окраской отличаются особи, живущія во влажномъ морскомъ климатѣ Британскихъ острововъ. Уже въ центральной Европѣ окраска становится нѣсколько свѣтлѣе; съ переходомъ въ Россію окраска не только свѣтлѣетъ, но становится чище; въ Сибири отложеніе пигмента въ перьяхъ вообще гораздо менѣе развито, нежели у европейскихъ птицъ, и потому въ окраскѣ начинаютъ либо выступать бѣлыя пятна, либо, если эти пятна уже есть у европейскихъ особей, они достигаютъ большаго развитія. Въ томъ, что эти личныя особенности окраски являются какъ слѣдствіе климатическихъ причинъ, насъ достаточно убѣждаетъ, съ одной стороны, ихъ широкое распространеніе у птицъ разныхъ группъ, съ другой—безконечное разнообразіе въ степени развитія этихъ особенностей, хотя для каждой мѣстности существуютъ предѣлы для подобныхъ колебаній. Впрочемъ, насколько окраска зависитъ отъ прямаго вліянія среды, въ достаточной мѣрѣ выясняется наблюденіемъ надъ животными въ неволѣ: нѣкоторые пигменты при этомъ совершенно разрушаются и перестаютъ выдѣляться (на примѣръ, желтый), другіе только ослабѣваютъ (красный), третьи, напротивъ, усиливаются.

Приведенныхъ примѣровъ, намъ кажется, достаточно для подкрѣпленія того, что нѣкоторыя личныя особенности могутъ явиться какъ слѣдствіе прямаго вліянія на организмъ окружающей среды, если даже взять слож-

ные, высшіе организмы. Съ теченіемъ времени количество особенностей этой категоріи, конечно, увеличится. Опыты съ гусеницами бабочекъ показываютъ, что перекраска, на примѣръ, подчасъ совершается съ такою быстротой и въ такихъ размѣрахъ, точно животное фотографируетъ окружающую его среду, и уже одного этого факта достаточно, чтобы изслѣдованія въ этомъ направленіи считать въ высшей степени плодотворными. Но еще богаче примѣрами та группа явленій, которая разсматриваетъ появленіе извѣстныхъ личныхъ особенностей путемъ измѣненія особенностей уже существующихъ. При этомъ необходимо призвать на помощь измѣненіе-отправленій измѣняющагося морфологическаго органа.

Обширная группа членистоногихъ животныхъ характеризуется, между прочимъ, частями рта, построенными по извѣстной схемѣ. У насекомыхъ эти части рта представляютъ собою три видоизмѣненія: у однихъ такъ называемыя жующія части рта, отличительнымъ признакомъ которыхъ служитъ присутствіе пары мощныхъ челюстей или жвалъ, тогда какъ другая пара челюстей и лежащая позади рта нижняя губа имѣютъ болѣе или мѣнѣе пластинчатое строеніе и служатъ только для поддержанія пищи; у другихъ такъ называемыя сосущія части рта, состояція изъ почти или совсѣмъ неразвитыхъ верхнихъ челюстей и хоботка, образованнаго или нижними челюстями, или нижней губой, и, наконецъ, у третьихъ части рта полужующія, полусосущія,—у нихъ верхнія челюсти развиты и нижняя губа съ нижними челюстями образуетъ хоботокъ. Какимъ образомъ появились эти части рта, сначала какъ личная особенность, потомъ какъ особенность типа? Къ отвѣту на это мы приходимъ совершенно постепенно, слѣдя за измѣненіями названныхъ органовъ. У насекомыхъ они очень сложны и представляютъ слишкомъ много видоизмѣненій. Сравнивая насекомыхъ съ ракообразными, мы убѣждаемся, что части рта ракообразныхъ представляютъ собою исходную точку развитія частей рта насекомыхъ. Мало этого, у ракообразныхъ позади настоящихъ челюстей мы видимъ нѣсколько паръ органовъ, по строенію похожихъ и на челюсти, и на ножки; анатомы и зовутъ ихъ ногочелюстями и сравнительное изученіе всѣхъ этихъ органовъ безъ труда приводитъ къ заключенію, что части рта членистоногихъ только сильно видоизмѣненные ножки этихъ животныхъ. Собственно говоря, мы въ данномъ случаѣ можемъ и ограничиться этимъ отвѣтомъ, но насъ могутъ упрекнуть, что мы не доводимъ вопроса до конца, что мы должны указать, что вызвало развитіе ножекъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, конечно, гораздо труднѣе, но, имѣя въ виду, что на сегментахъ, составляющихъ тѣло кольчатыхъ червей, которые служили прародителями членистоногихъ, въ большомъ количествѣ появляются боковые выросты, являющіеся мѣстнымъ выпячиваніемъ стѣнокъ тѣла, можетъ быть, вслѣдствіе утоньченія въ этихъ мѣстахъ общихъ покрововъ,—мы можемъ утверждать, что ножки развились изъ симметричныхъ боковыхъ выростовъ сегментовъ тѣла.

Другой примѣръ мы возьмемъ, опять-таки, изъ организаціи также на-

сѣвкомыхъ. Роскошно окрашенные крылья тропическихъ бабочекъ, прозрачныя крылышки стрекозъ, металлическія надкрылья жуковъ и т. д. невозможно заставляють задаться вопросомъ: какъ возникли эти столь развитые придатки? И въ этомъ случаѣ сравненіе крыльевъ разныхъ насѣкомыхъ, сравненіе ихъ съ выростами груднаго отдѣла ракообразныхъ и послѣднихъ съ боковыми выростами, отходящими отъ сегментовъ тѣла кольчатыхъ червей, опять приводитъ насъ къ отвѣту, что подобно тому, какъ одни простые выросты служатъ исходною точкой для развитія частей рта, такъ другіе для развитія крыльевъ. Еще убѣдительнѣе и въ томъ, и въ другомъ случаѣ данныя, представляемыя исторіей развитія: слѣдя за развитіемъ частей рта насѣкомыхъ, мы видимъ, что онѣ появляются въ видѣ выростовъ, какъ и остальные ножки, и только позднѣе мѣняютъ свою форму; слѣдя за развитіемъ крыльевъ насѣкомыхъ, мы видимъ, что первоначально это просто выросты стѣнокъ тѣла,—выросты, въ полость которыхъ заходятъ дыхательныя трубочки и нервы, выросты, ничѣмъ существенно не отличающіеся отъ тѣхъ выростовъ, которые спускаются по бокамъ тѣла рака, образуя боковыя части его головогруднаго щита.

У позвоночныхъ челюсти въ свою очередь имѣютъ значеніе органа, участвующаго въ характеристикѣ типа, и если мы относительно ихъ спросимъ, развились ли они какъ своеобразный органъ или видоизмѣненіемъ другаго органа уже существующаго, то отвѣтъ будетъ въ послѣднемъ смыслѣ. У млекопитающихъ, птицъ и гадювъ это рѣшается не особенно легко, но у рыбъ, особенно акулъ и скатовъ, въ высшей степени легко убѣдиться, что челюстной аппаратъ представляетъ собою видоизмѣненіе передней жаберной дужки, точно также какъ подъязычный аппаратъ представляетъ собою видоизмѣненіе второй жаберной дужки. Еще поучительнѣе въ этомъ направленіи развитіе у млекопитающихъ слуховыхъ косточекъ. Эти косточки существуютъ въ числѣ трехъ, называются молоточкомъ, наковальней и стремени и помѣщаются въ такъ называемой барабанной полости. Ничего подобнаго имъ нѣтъ, на первый взглядъ, у остальныхъ позвоночныхъ, и совершенно естественно задаться вопросомъ: откуда онѣ взялись, что дало толчокъ возникновенію такой особенности, которая изъ личной стала особенностью типа? Тщательное изученіе ихъ и ихъ развитія убѣждаетъ насъ, однако, въ томъ, что двѣ изъ нихъ ничего болѣе, какъ части челюстной дуги, измѣнившія и свое положеніе въ черепѣ, и свою функцію, и только третья—стремя—есть новообразование въ истинномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ она развивается только у млекопитающихъ кругомъ одной артеріи, проходящей въ области органа слуха. На вопросъ, чѣмъ вызвано появленіе этого кольца, до извѣстной степени отвѣтить можно, что отложеніемъ извести въ стѣнкахъ кровеносныхъ сосудовъ, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что именно такое известковое кольцо послужило исходною точкой для развитія стремени.

Объяснить появленіе такого сложнаго органа, каковъ, наприм., глазъ, конечно, немислимо, не выяснивъ сущности задачи. Глазъ представляетъ

массу послѣдовательныхъ измѣненій и осложненій въ предѣлахъ типа позвоночныхъ; у безпозвоночныхъ, даже высшихъ, каковы головоногіе слизни и наѣвномыя, глазъ также чрезвычайно сложенъ, хотя и представляетъ упрощеніе сравнительно съ глазомъ позвоночныхъ; у низшихъ безпозвоночныхъ, наприм., медузъ, глазъ уже очень просто построенъ, но, все-таки, и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ у медузъ, онъ не могъ возникнуть первоначально. Простѣйшую форму органа зрѣнія мы находимъ у рѣснитчатыхъ червей, гдѣ глазъ является скопленіемъ пигментныхъ кѣловокъ, находящихся въ соединеніи съ нервной системой. Такой глазъ, съ помощью заключеннаго въ немъ пигмента, собираетъ въ большемъ количествѣ свѣтовые лучи, нежели это дѣлаютъ окружающія кѣлки, и раздраженіе, вызываемое этимъ, передается нервной системѣ помощью нервного волокна, быть можетъ, совершенно случайно соприкасающагося съ пигментными кѣлками. Возникновеніе такого органа, какъ извѣстной личной особенности, уже поддается объясненію. Пигменты вообще очень распространены въ тѣлѣ низшихъ безпозвоночныхъ, и у рѣснитчатыхъ червей тоже самое; отлагаются они и въ поверхностныхъ эпителиальныхъ кѣлкахъ, слѣдовательно, скопленіе довольно большаго количества пигмента въ одной или въ группѣ кѣлокъ всегда возможно. Нервные волокна пронизываютъ паренхиматозную массу рѣснитчатого червя также обильно и соединеніе ихъ съ эпителиальными кѣлками несомнѣнный фактъ; все дѣло въ томъ, что отъ соединенія съ простою эпителиальною кѣлкой нервная система ничего не выигрываетъ, отъ соединенія же съ пигментной приобретаетъ ощущеніе свѣта. Даже у однокѣлочныхъ организмовъ, такъ называемые глазки, т.-е. скопленія или кучки обыкновенно краснаго пигмента, вызываютъ то, что особь, обладающая ими, относится къ свѣту вовсе не безразлично. А подобныя скопленія пигмента возникаютъ съ чрезвычайно легкостью. Такимъ образомъ, глазъ, органъ сложный, представляетъ собою видоизмѣненіе содержащей пигментъ эпителиальной кѣлки, органа простаго.

Имѣя передъ собою такія образованія, какъ волосъ или игла млекопитающаго, перо птицы, чешуя какой-нибудь ящерицы, конечно, прямо не можешь отвѣтить, какъ возникли эти сложныя образованія; но, сравнивая ихъ и изучая ихъ развитіе, мы, во-первыхъ, убѣждаемся въ томъ, что волосъ и перо—видоизмѣненія чешуи, слѣдовательно, рѣшеніе вопроса сводится, въ сущности, къ выясненію, какъ могла появиться чешуя; во-вторыхъ, чтобы отвѣтить даже на такой вопросъ, его нужно упростить: мы должны найти простѣйшій видъ чешуи или даже ея зачатокъ. Зачаткомъ же чешуи, мы знаемъ, служитъ бугорокъ, представляющій собою кучку эпителиальныхъ кѣлокъ. Откуда взялись эти бугорки? Чтобы дать вѣроятное объясненіе ихъ развитію, мы должны обратить вниманіе на то обстоятельство, что у амфибій, живущихъ въ водѣ, кожа гладкая, что шероховатость кожи и мѣстныя утолщенія ея впервые появляются у лягувъ, которыя живутъ и на сушѣ, и въ водѣ, что сильное развитіе бугорчатости

появляется только у чешуйчатыхъ гадовъ, которые не только ведутъ сухопутный образъ жизни, но по преимуществу населяютъ страны жаркія. Неравномерное треніе поверхности кожи о почву, валяющіеся на послѣдней камни и т. п. вызываютъ и неравномерный притокъ крови къ поверхности тѣла; въ связи съ этимъ могутъ развиваться мѣстныя скопленія эпителиальныхъ клѣтокъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходитъ болѣе усиленный притокъ крови; сухость воздуха и жара обуславливаютъ быстрое ороговѣніе поверхностныхъ слоевъ эпителия и въ результатъ роговые бугорки образовались. Приспособляемость и подборъ объясняютъ ихъ дальнѣйшую судьбу.

Такимъ образомъ, у сложныхъ организмовъ то, что принимается за широко распространенныя оригинальныя личныя особенности, зачастую представляетъ только видоизмѣненіе другихъ особенностей, которыя и нуждаются въ объясненіи. Какъ и въ первомъ разобранномъ нами случаѣ возникновенія личныхъ особенностей подъ прямымъ влияніемъ окружающей организмъ среды, и эти особенности второй категоріи должны быть сведены къ ихъ простѣйшему виду, послѣ чего только и возможно объяснить ихъ появленіе и возникновеніе.

Теперь намъ предстоитъ разобрать появленіе личныхъ особенностей, какъ слѣдствіе соотношенія органовъ и вообще отправления организма. Здѣсь намъ, безъ сомнѣнія, предстоитъ обширное поле для исследований, хотя задача исключительно трудна по существу.

Я позволю себѣ начать обзоръ относящихся сюда фактовъ съ одного примѣра, добытаго мною изъ анатомическаго изученія позвоночныхъ животныхъ. Въ группѣ рыбъ позвоночный столбъ представленъ либо такъ называемою спинною струною (миноги), либо хрящевыми образованіями, развивающимися вокругъ послѣдней и представляющими собою простѣйшій видъ позвонковъ (акулы, скаты), либо настоящими костными позвонками (костистыя рыбы). Въ чрезвычайно интересной группѣ двойнодышащихъ рыбъ, которыя въ настоящее время представлены лишь тремя видами, относимыми къ тремъ различнымъ родамъ и живущими въ трехъ различныхъ странахъ свѣта (цератода въ Австраліи, лепидозирень въ Южной Америкѣ, протоптеръ въ Африкѣ), позвоночный столбъ состоитъ у цератода изъ спинной струны съ зачатками позвонковъ, у двухъ другихъ — изъ костяныхъ позвонковъ. Всѣ рыбы дышатъ жабрами, представляющими собою весьма сложный аппаратъ, скелетъ котораго образованъ у однихъ хрящами, у другихъ — костями, залегающими въ стѣнкахъ глотки, связанными между собою и прочно соединенными спереди съ подъязычнымъ аппаратомъ, сзади съ затылочной областью черепа, — областью, пограничной между черепомъ и позвоночнымъ столбомъ и съ переднимъ концомъ позвоночника. Только у двойнодышащихъ рыбъ помимо жабернаго аппарата существуютъ зачаточныя легкія, функционирующія въ то время, когда животное оставляетъ воду и живетъ въ вѣ. Хотя у нѣкоторыхъ рыбъ и развивается сочлененіе черепа съ позвоночнымъ столбомъ помощью двухъ затылочныхъ бугровъ, тѣмъ не менѣе, настоящаго подвижнаго сочлененія черепа съ позвоночникомъ нѣтъ,

потому что, во-первыхъ, нѣтъ атласа, т.-е. кольцевиднаго перваго шейнаго позвонка, на которомъ собственно и вращается черепъ; во-вторыхъ, существованіе жабернаго аппарата и его прикрѣпленіе однимъ концомъ къ подъязычному аппарату, другимъ въ указанныхъ точкахъ препятствуетъ сколько-нибудь большой подвижности черепа на позвоночникѣ. Что касается атласа, то его развитіе, безъ сомнѣнія, идетъ рука объ руку съ развитіемъ подвижности черепа, слѣдовательно, не оно обуславливаетъ собою подвижность черепа,—оно только неразрывно связано съ нею. Не такова роль жабернаго аппарата: онъ прямо препятствуетъ развитію подвижности и, пока онъ существуетъ, о полномъ подвижномъ сочлененіи черепа съ позвоночнымъ столбомъ не можетъ быть рѣчи. Но этотъ аппаратъ существуетъ въ своемъ полномъ развитіи у всѣхъ тѣхъ формъ, у которыхъ функционируетъ,—другими словами, у всѣхъ животныхъ, живущихъ въ водѣ, то-есть рыбъ. У амфибій или голыхъ гадювъ мы имѣемъ и такія формы, которыя живутъ въ теченіе всей жизни въ водѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ теченіе всей жизни сохраняютъ жабры, хотя имѣютъ и легкія, и такія, которыя только первый періодъ жизни проводятъ въ водѣ, а потомъ дѣлаются по преимуществу наземными; у послѣднихъ жаберный аппаратъ съ окончаніемъ личиночной жизни атрофируется, т.-е. большая его часть разрушается, остающіяся же части срастаются съ подъязычнымъ аппаратомъ. Въ послѣднемъ видѣ жаберный аппаратъ уже совершенно не препятствуетъ подвижному соединенію черепа съ позвоночнымъ столбомъ, и мы дѣйствительно видимъ у амфибій развитіе этого сочлененія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, появленіе атласа. Особенности всего склада амфибій, особенно легкія, правда, ограничиваютъ эту подвижность, тѣмъ не менѣе, мы можемъ опредѣленно утверждать, что элементы подвижнаго сочлененія черепа съ позвоночнымъ столбомъ появляются у амфибій вмѣстѣ съ постепенною атрофіей жабернаго аппарата. Что же касается послѣдняго обстоятельства, то оно стоитъ въ очевидной связи съ полнымъ развитіемъ легкіихъ, т.-е. со смѣной воднаго образа жизни на наземный. Такимъ образомъ складывается на нашихъ глазахъ длинная цѣпь взаимныхъ соотношеній между органами и ихъ отправленіями. Легкія замѣняютъ собою жабры, которыя атрофируются; животное перестаетъ оставаться исключительно въ водѣ, переходитъ на сушу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приобретаетъ способность боковаго вращенія головой. Эта способность въ свою очередь не можетъ остаться безъ вліянія на развитіе глазъ и т. д. Коротко говоря, измѣненія органовъ, повидному, не стоящихъ между собою рѣшительно ни въ какой связи, на самомъ дѣлѣ оказываются такъ тѣсно связанными въ одну непрерывную цѣпь, что окончательно нельзя допустить, что измѣненія, совершающіяся въ одной части организма, могутъ пройти безслѣдно для другихъ. Если сказать, что развитіе легкіихъ обуславливаетъ собою развитіе подвижнаго сочлененія черепа съ позвоночнымъ столбомъ, это можетъ вызвать улыбку на губахъ слушателя, а, между тѣмъ, факты не позволяютъ даже иначе формулировать то, что мы дѣйствительно подмѣчаемъ.

Идемъ далѣе. Давно извѣстно, что самцы многихъ птицъ въ теченіе брачнаго періода надѣваются различныя украшенія, какъ-то: или ярко окрашенныя перья, или пучки чрезвычайно развитыхъ и красивыхъ перьевъ, но до послѣдняго времени мы рѣшительно не могли опредѣлить, что служитъ причиною появленія этихъ образований. Наконецъ, изслѣдованія Тейлора выяснили, въ чемъ тутъ дѣло. Наблюденія Тейлора собственно произведены надъ развитіемъ и распредѣленіемъ пятенъ и полосъ на тѣлѣ высшихъ животныхъ. Такъ, у млекопитающихъ наиболѣе постоянны: полоса вдоль хребта, затѣмъ отмѣтины на ногахъ и, наконецъ, пятна или полосы по ребрамъ или между ребрами, въ области лопатокъ, на головѣ. У пятнистыхъ животныхъ наибольшая длина пятенъ совпадаетъ съ направлениемъ наибольшаго развитія скелета. То же самое постоянство въ развитіи украшеній наблюдается у насекомыхъ и птицъ. Тейлоръ предполагаетъ, что исходная форма цвѣтныхъ отмѣтинъ представлена расположенными въ извѣстномъ порядкѣ пятнами, которыя, сливаясь, образуютъ либо полосы, либо большія цвѣтныя бляхи, либо, наконецъ, окрашиваютъ въ однообразный цвѣтъ большіе или меньшіе участки на поверхности тѣла. Такъ, львица и тигрята покрыты пятнами; поросята яванскаго кабана полосаты, за исключеніемъ пятенъ на лопаткахъ, сливающихся въ полосы лишь нѣсколько позднѣе. При дальнѣйшемъ ростѣ животнаго, наконецъ, всѣ полосы сливаются между собою и животное становится однообразнаго темнѣ-бураго цвѣта. Если, независимо отъ этихъ возрастныхъ измѣненій, мы обратимъ вниманіе на то, что разныя болѣзни нервовъ сопровождаются появленіемъ бѣлыхъ пятенъ или полосъ (т.-е. мѣстнымъ разрушеніемъ пигмента) въ направленіи слѣдованія нерва, то это даетъ намъ объясненіе указаннаго выше развитія и расположенія пятенъ и полосъ: нервы слѣдуютъ всюду за мышцами, прикрѣпляющимися къ разнымъ костямъ, и потому совершенно понятно совпаденіе направленія пятенъ и полосъ съ направлениемъ разныхъ частей скелета, при основной зависимости развитія пигмента отъ направленія слѣдованія нервовъ и мышцъ. Коротко говоря, усиленное отложеніе пигмента и развитіе эпидермическихъ образований вызывается усиленнымъ развитіемъ, — иными словами, усиленнымъ питаніемъ лежащихъ здѣсь мышцъ, къ которымъ кровь притекаетъ въ количествѣ пропорціональномъ развитію мышцы, слѣдуя по сосудамъ, сопровождающимъ нервы. Такимъ образомъ, причина появленія пятенъ и чрезвычайнаго развитія роговыхъ образований есть чисто-физиологическая, — усиленное развитіе одного органа вызываетъ усиленное развитіе и другаго.

Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ доказательствъ соотношенія между органами представляетъ намъ соотношеніе, существующее между развитіемъ роговъ и половой системой. Самцы многихъ копытныхъ вооружены рогами, которые представляютъ собою образованія, развивающіяся изъ первоначально мягкихъ выростовъ соединительной ткани, потомъ окостенѣвающихъ. Таковъ, наприм., обыкновенный олень съ его развиллистыми рогами самцовъ, тогда какъ самки лишены этихъ образований. Но и самцы

родятся безрогими и только съ достиженіемъ половой зрѣлости у нихъ появляются рога, сначала небольшіе, потомъ ежегодно спадающіе и замѣняющіеся все болѣшими и болѣшими. Напротивъ, самки, нормально остающіяся безрогими, пріобрѣтаютъ зачаточные рога, если вслѣдствіе старости или болѣзни утрачиваютъ способность дѣторожденія. Иногда эти рожки бываютъ даже довольно значительны.

Совершенно аналогичный примѣръ представляютъ намъ птицы. Среди нихъ существуетъ множество видовъ, характеризующихся тѣмъ, что помы окрашены различно. Наприм., у обыкновеннаго тетерева и у глухаря самцы несутъ болѣе или менѣе замѣтную одежду, тогда какъ самки окрашены очень незамѣтно и не имѣютъ оригинальныхъ по развитію перьевъ. Но существуютъ особи среди самцовъ, которыя не имѣютъ характерныхъ перьевъ самца и окрашены, какъ окрашена нормально самка, и существуютъ самки съ болѣе или менѣе развитыми перьями украшеніями самца и его окраской. Исслѣдованіе половой системы такихъ ненормальныхъ особей всегда указываетъ на большія или меньшія ея аномаліи. Чаще всего самки тогда надѣваютъ нарядъ самца, когда утрачиваютъ способность нести яйца. Вообще говоря, у птицъ всякая аномалія полового аппарата вызываетъ и большее или меньшее уклоненіе въ окраскѣ. Такъ, у птицъ, вообще характеризующихся существованіемъ одного яичника, въ видѣ исключенія, у хищныхъ, бываетъ два яичника. И всегда у такихъ особей безъ труда можетъ быть отмѣчена болѣе или менѣе выдающаяся особенность въ окраскѣ. Если же мы примемъ во вниманіе, что ни на какую другую систему органовъ не вліяютъ такъ легко внѣшнія условія, какъ на половую систему, намъ станетъ понятно, какое обиліе личныхъ особенностей можетъ быть вызвано этимъ обстоятельствомъ.

Съ точки зрѣнія теоріи наследственности, предложенной Вейсманномъ, половой процессъ мы должны признать главнымъ, если не единственнымъ факторомъ въ развитіи личныхъ особенностей многочисленныхъ организмовъ. Зародышевая плазма передается изъ одного поколѣнія въ другое неизмѣнно, согласно съ этою теоріей, и, слѣдовательно, въ яйцѣ можетъ наступить какое-либо измѣненіе лишь послѣ его слиянія съ сперматозоидомъ, лишь послѣ оплодотворенія. Если это вѣрно, въ такомъ случаѣ, мы въ правѣ ожидать, что въ предѣлахъ вида у тѣхъ животныхъ, у которыхъ существуетъ не только размноженіе съ оплодотвореніемъ, но и размноженіе партеногенетическое, въ первомъ случаѣ будутъ появляться особи съ сильно выраженными личными особенностями, во второмъ—почти или совсемъ безъ нихъ. Травяныя тли могли бы дать для этой цѣли хорошій матеріалъ для наблюденія, но той легкости, съ которой происходитъ ихъ размноженіе, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы не имѣемъ объ этомъ никакихъ точныхъ свѣдѣній.

Что же касается вообще результатовъ скрещиванія, въ смыслѣ появленія личныхъ особенностей, то въ этомъ отношеніи наши свѣдѣнія довольно обширны, хотя пока и не могутъ быть строго систематизированы. Од-

нако, для правильной оцѣнки относящихся сюда фактовъ, лучше раздѣлить ихъ на нѣсколько категорій. При этомъ мы должны имѣть въ виду скрещиваніе различныхъ особей одного и того же вида, скрещиваніе особей близкихъ видовъ и скрещиваніе особей разныхъ родовъ. Разсмотримъ эти случаи въ порядкѣ, обратномъ перечисленному.

Рожденіе отъ родителей, принадлежащихъ различнымъ родамъ, случай нерѣдкій въ животномъ царствѣ. Конечно, очень много значить объемъ рода; то, что большинствомъ современныхъ систематиковъ признается за родъ, меньшинствомъ иногда считается только за подродъ. Но, несмотря на это, примѣры этой категоріи подобрать можно. Насъ теперь не интересуетъ вопросъ о томъ, плодущи или нѣтъ помѣси, происшедшія такимъ образомъ, — намъ важно только опредѣлить, какія личныя особенности являются присущими этимъ помѣсямъ. Примѣръ помѣси тетерева съ рябчикомъ можетъ быть въ этомъ случаѣ весьма поучителенъ. Съ одной стороны, трудно оспаривать принадлежность этихъ птицъ къ различнымъ родамъ, съ другой — окраска и складъ ихъ различны въ такихъ направленіяхъ, что легко опредѣлить, какіе признаки принадлежатъ тому или другому изъ двухъ производителей. Названная помѣсь величиною почти съ тетереку. Ноги оперены до пальцевъ, какъ у тетерева; клювъ болѣе тетеревиный; хвостъ относительно длиннѣе, чѣмъ у рябчика, но сильно вырѣзанный, съ наружными рулевыми въ формѣ тетеревиныхъ косицъ. Двѣ среднія рулевья рябчиковой окраски, сѣрыя съ черными зигзагами; остальные черныя съ сѣрыми пестринами на основной части; у всѣхъ узкая бѣлая конечная кайма. Вся верхняя сторона, отъ головы до кроющихъ перьевъ хвоста, темно-сѣрая (темнѣе рябчика), съ многочисленными черными волнистыми линиями. Кроющія перья крыла такой же окраски, но съ примѣсью бурога оттѣнка и съ бѣлыми наствольными чертами, расширяющимися къ концу пера въ пятно. Перья на головѣ удлинены, какъ у рябчика. Основаніе клюва и горло черное, матовое; это пятно окружено бѣлымъ полукольцомъ, концы котораго подходятъ къ угламъ. Позади глаза бѣлое пятно. Вся нижняя сторона рябчиковой окраски, но бурый цвѣтъ замѣненъ чернымъ и буровато-чернымъ. Бока туловища окрашены какъ спина и не имѣютъ рябчиковой окраски. Нижнія кроющія хвоста бѣлыя, съ черными пятнами у основанія. Это краткое, но точное описаніе, заимствованное мною изъ труда покойнаго М. Н. Богданова, позволяетъ каждому безъ труда придти къ тому заключенію, что окраска описываемой помѣси имѣетъ вполне рябчиковый типъ, но цвѣта темнѣе: бурый замѣненъ чернымъ, сѣрый — темнѣе, рыжаго почти нѣтъ. Но пластическіе признаки сохранили ясно тетеревиный характеръ. Такимъ образомъ, помѣсь, являющаяся результатомъ скрещиванія представителей двухъ родовъ, имѣетъ очень большія личныя особенности сравнительно съ каждымъ изъ родителей.

Помѣсь гявки съ чиркомъ принадлежитъ къ той же категоріи личныхъ особенностей, равно какъ и помѣсь тетерева съ фазаномъ и многія дру-

тія. Но если мы возьмемъ помѣси между болѣе близкими формами, наприм., между глухаремъ и косачемъ, въ такомъ случаѣ мы увидимъ, съ одной стороны, что слитіе признаковъ двухъ скрещивающихся особей разныхъ видовъ одного рода болѣе полно, нежели при скрещиваніи особей разныхъ родовъ; съ другой стороны, у уближдковъ появляются большія или меньшія особенности, не свойственныя ни одному изъ родителей. Такъ, у тетерева межника зеленѣй металлическій отливъ перьевъ глухаря и синій косача замѣненъ фіолетовымъ; помѣсь сѣрой вороны съ черной имѣетъ пятнистую окраску; у помѣси двухъ видовъ канаду появилась окраска, чуждая обоимъ родителямъ, и т. д. Идя въ томъ же направленіи, мы можемъ предполагать, что личныя особенности еще многочисленнѣе, хотя и мельче, у особей, происходящихъ отъ скрещиванія самцовъ и самокъ одного и того же вида, т.-е. при совершенно нормальныхъ условіяхъ размноженія. И, дѣйствительно, факты подтверждаютъ это. Возьмемъ ли мы животныхъ, живущихъ большими обществами, или, напротивъ, живущихъ отдѣльными семьями, у всѣхъ мы встрѣчаемъ громадное количество личныхъ особенностей. Конечно, весьма возможно, что многія изъ нихъ объясняются причинами, приведенными выше, но многія, вѣроятно, являются слѣдствіемъ полового размноженія. Это можетъ даже объяснить намъ, почему вліяніе скрещиванія, которое должно бы выразиться, если можно такъ сказать, въ уравниваніи признаковъ вида, вовсе не можетъ быть опредѣлено: крупныя личныя особенности родителей въ особи-потомкѣ отчасти перемѣшиваются, отчасти ведутъ къ образованію новыхъ особенностей. Сколько бы поколѣній мы ни взяли, нѣтъ никакого основанія предполагать, что личныя особенности не только исчезнутъ, но даже ослабнутъ; напротивъ, чѣмъ большее количество особей скрещивается, тѣмъ больше должны развиться и личныя особенности.

Этимъ я нахожу возможнымъ закончить первую главу своего очерка. Раамѣры и цѣли общедоступной журнальной статьи не позволяютъ мнѣ остановиться на большемъ количествѣ фактовъ, подтверждающихъ положеніе о возможности объяснить многія личныя особенности. Вліяніе текучихъ и стоячихъ водъ, состава воды, свѣта, почвы и пр. могло бы доставить еще много въ высшей степени любопытныхъ данныхъ. Прошу обратить вниманіе также на то, что приведенные мною примѣры заимствованы только изъ животнаго царства, тогда какъ царство растений въ свою очередь могло бы дать цѣлый рядъ аналогичныхъ фактовъ, особенно въ объясненіи развитія личныхъ особенностей, какъ слѣдствія полового размноженія. Думаю, во всякомъ случаѣ, что если сказанное мною не убѣдитъ предубѣжденныхъ скептиковъ въ томъ, что происхожденіе личныхъ особенностей можетъ быть объяснено, то, по крайней мѣрѣ, поколеблетъ ихъ убѣжденіе въ этомъ. На нашъ взглядъ, труднѣе допустить существованіе тождественныхъ особей, нежели особей съ большими или меньшими личными особенностями. Особь не есть нѣчто неизмѣнное; отъ рожденія и до смерти она измѣняется то подъ вліяніемъ среды, то въ связи съ совершающимся въ

ней физиологическими процессами. Какъ же могутъ выразиться эти измѣненія, если не въ личныхъ особенностяхъ? Размѣры этихъ личныхъ особенностей различны. Начиная отъ крупныхъ, можно дойти до такихъ, которыя даже трудно уловимы, но сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣняется,—всѣ личные особенности являются логическимъ слѣдствіемъ условій развитія и жизни особи. Такимъ образомъ, мы не можемъ не признать существованія личныхъ особенностей; есть онѣ—мы не можемъ не признать принципа борьбы за существованіе, а, слѣдовательно, и подбора; какъ конечное слѣдствіе этого, является вымираніе однѣхъ и образованіе другихъ формъ.

М. Мензбиръ.

ПОПРАВКА. Въ *Научномъ обзорѣ* въ VIII книгѣ *Русской Мысли* на стр. 210 и 214 учебное поле Херсонскаго училища ошибочно названо очитнымъ; кромѣ того, на стр. 214 ошибочно приписан г. Тархову очиты, которые производились Н. В. Утѣхинимъ.

Французская выставка въ Москвѣ.

Художественный отдѣлъ.

Произведенія искусства на Французской выставкѣ: картины, писанныя масляными красками, акварелью и пастелью, о-форты, эмали, миниатюры на кости, скульптуры и медали — занимаютъ шестнадцать залъ и, по приложенію къ *Официальному каталогу выставки*, значатся въ количествѣ 689 нумеровъ. При этомъ нѣкоторыя мелкія произведенія, какъ миниатюры, эмали и медали, зарегистрированы не по-одиночкѣ, а цѣлыми рамами, по нѣскольку экземпляровъ, принадлежащихъ одному художнику. Весьма преобладающее мѣсто по числу занимаютъ картины масляными красками. Такого количества художественныхъ произведеній было бы достаточно для того, чтобы интересующіеся дѣломъ посѣтители выставки могли получить если не совсѣмъ полное, то все же приблизительное понятіе о теперешнемъ состояніи представленныхъ отраслей искусства во Франціи. Въ дѣйствительности же, несмотря на большое число картинъ, при самомъ внимательномъ осмотрѣ ихъ, у зрителя не складывается никакого опредѣленнаго представленія о томъ, чѣмъ живетъ, чѣмъ вдохновляется нынѣ искусство во Франціи, какія направленія въ немъ преобладаютъ или выступаютъ въ отдѣльныхъ, наиболѣе выдающихся произведеніяхъ. Вся выставка произведеній искусства имѣетъ характеръ чисто-случайнаго собранія картинъ, статуй и проч., какой-то очень большой коллекціи, весьма разнообразной, но составленной не знатокомъ, даже не любителемъ, а просто-торговцемъ, выставившимъ свой товаръ на продажу. Мы не знаемъ, былъ ли сдѣланъ во Франціи отборъ произведеній искусства, предназначавшихся для московской выставки, и если былъ сдѣланъ, то гдѣ именно, устроителями выставки или достаточно компетентною комиссіей, какъ это установлено для парижскихъ выставокъ — «Салоновъ». Надо полагать, что такого отбора не было сдѣлано, или же порученъ таковой былъ лицамъ, непонявшимъ сущности возложенной на нихъ задачи. То же самое мы можемъ сказать и о посѣщенной нами недавно «Международной художественной выставкѣ» въ Берлинѣ. Повидимому, тамъ, какъ и на Французской выставкѣ въ Москвѣ, принималось все, что доставляли художники, безъ вы-

бора и критики, слѣдую совѣмъ непригодному въ данномъ случаѣ правилу, что «даровому коню въ зубы не смотрять». Въ Берлинѣ это и понятно, впрочемъ: тамъ захотѣли во что бы то ни стало устроить *международную* выставку, и выказывать большую разборчивость представлялось не безопаснымъ для устроителей, рисковавшихъ черезъ это остаться совѣмъ безъ иностранныхъ картинъ или при самомъ ничтожномъ ихъ числѣ: гостей мудро браковать. И надо отдать справедливость берлинцамъ: пригласивши гостей, они приняли ихъ радушно, не поскупились на мѣста и, по мѣрѣ возможности, поставили картины удовлетворительно, въ надлежащемъ освѣщеніи. И уже не вина прусаковъ въ томъ, что, по числу выставленныхъ произведеній, подавляюще-огромное мѣсто занимаютъ произведенія нѣмціи. Совершенно въ иномъ положеніи находились французы. Въ Москвѣ, какъ и въ Парижѣ, они — хозяйева выставки, здѣсь, какъ и тамъ, они — у себя дома, а, слѣдовательно, отъ нихъ самихъ, и только отъ нихъ, зависѣло познакомить Россію въ возможной полнотѣ съ современнымъ состояніемъ искусства во Франціи. Они ничѣмъ не были стѣснены ни въ выборѣ, ни въ размѣщеніи выставленныхъ предметовъ. А, между тѣмъ, размѣщеніе ихъ на выставкѣ представляется намъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ того неудовлетворительнаго впечатлѣнія, какое производитъ художественный отдѣлъ выставки. По размѣщенію выставленныхъ предметовъ, нельзя понять, какою мыслию руководились завѣдывавшіе этимъ дѣломъ, какою цѣль они преслѣдовали, чего хотѣли достигнуть. Тутъ мы не видимъ даже необходимой заботливости о томъ, чтобы поставить картину въ наиболѣе выгодномъ или хотя бы только въ подходящемъ для нея освѣщеніи. Отъ постановки картинъ прямо противъ свѣта многія изъ нихъ совершенно теряются, исчезаютъ въ отблескахъ, мѣшающихъ разсмотрѣть изображенное на нихъ, а уже тѣмъ паче судить о ихъ достоинствахъ. Какъ на примѣръ, наиболѣе выдающійся въ этомъ отношеніи, мы укажемъ на картину Риксена *Домъ Жуанъ въ аду* (вторая зала), и такихъ примѣровъ мы могли бы привести десятки. Этимъ наносится очень существенный ущербъ произведеніямъ. Но неизмѣримо важнѣе и, притомъ, для всей выставки ущербъ, причиняемый ей отсутствіемъ какой бы то ни было системы въ размѣщеніи картинъ, эмалей, статуй и медалей. Посѣтитель, интересующійся преимущественно одною изъ этихъ отраслей искусства, вынужденъ обойти всѣ шестнадцать залъ и въ каждой залѣ подойти къ двумъ противоположнымъ стѣнамъ для того, чтобы ознакомиться съ небольшимъ сравнительно числомъ эмалей или миниатюръ, пастелей и акварелей, и съ еще меньшимъ числомъ образцовъ медальернаго дѣла. Не лучше ли и не дѣлесообразнѣе ли было собрать эмали въ одно мѣсто, медали — въ другое, какъ это дѣлается въ музеяхъ, миниатюрамъ отвести одну стѣну, акварели выставить въ одномъ залѣ, пастели — въ другомъ, о-форты повѣсить особнякомъ?... Кроме того, осмотръ художественнаго отдѣла выставки былъ очень долгое время затрудненъ отсутствіемъ каталога, составленнаго надлежащимъ образомъ. Въ *Общемъ официальномъ каталогѣ* (*Catalogue Général officiel*) на первыхъ страницахъ

помѣщенъ алфавитный списокъ именъ художниковъ, выставившихъ свои произведенія. За именемъ артиста слѣдуетъ указаніе, гдѣ онъ родился, въ такомъ родѣ: «Adelsward (Gustave, baron de) né à Lyon, boulevard de Courcelles, 65», безъ обозначенія времени рожденія, что было бы много интереснѣе, чѣмъ точный адресъ дома, никому и ни на что не нужный. Далѣе слѣдуетъ обозначеніе выставленныхъ произведеній этого художника, съ удивительнѣйшимъ переводомъ на русскій языкъ. Такъ мы узнаемъ, что баронъ Г. Адельсвардъ выставилъ картину: *Алжиръ, превосходный видъ Мустафы*, акварель. Это должно означать: «Alger, vue de Mustapha supérieur», т.-е. видъ квартала города Алжира, называемаго «верхній Мустафа». Такими и еще большими перевираніями переполненъ *Официальный каталогъ*; въ немъ искажены даже нѣкоторыя имена, наприм.: *Пьеня, съ Мейсоны*, это вмѣсто Мейсонье; или: «принадлежитъ Шаротоненко», вмѣсто Харитоненко. Ни номера картины, ни номера залы, въ которой она помѣщена, въ этомъ указателѣ не имѣется, и что-либо разыскать по немъ нѣтъ возможности. Почти три мѣсяца съ открытія выставки ея художественный отдѣлъ оставался, такимъ образомъ, безъ указателя. Только въ недавнее время дирекція выставки подглядела къ этому каталогу нѣсколько страничекъ желтой бумаги со спискомъ, сдѣланнымъ по заламъ и номерамъ произведеній. При этомъ, однако же, перевранные переводы остались не исправленными, несмотря на указанія въ печати ихъ негодности, остался «превосходный видъ Мустафы» и «дровяной дворъ въ Монмаррѣ» (*Un chantier à Montmartre*),—картина изображаетъ обдѣлку камня при Монмартрскихъ каменоломняхъ; «La fille aux agnures», значитъ по русски: «дѣвушка въ доспѣхахъ», а «доспѣхи-то» лежать на полу; «Conjuration chez les courtoisannes» переведено: «заговоръ куртизанокъ». И уже превосходить всякое вѣроятіе обозначеніе картины Фуаса за № 278: на картинѣ изображенъ кухонный столъ, на немъ ветчина, убитый заяцъ, зеленъ, горшокъ для варки супа,—по-французски картина носить заглавіе: *A l'office*,—«office» значитъ—кладовая, чуланъ, такъ и въ лексиконѣ Маларова напечатано. Но на бѣду переводчика, пользовавшагося этимъ словаремъ, выше, чѣмъ «кладовая» и «чуланъ», приведено иное значеніе слова «office», а именно: «служба, литургія». Переводчикъ такъ и записалъ «A l'office—литургія...» Далѣе этого идти, кажется, уже некуда.

Выставленные картины, несмотря на большое ихъ число, не даютъ почти никакого понятія о жизни французскаго общества, хотя бы въ той мѣрѣ, въ какой это дѣлается жанровыми картинами и сценами изъ повседневной жизни. Тѣ же, очень немногія картины этого рода, которыя мы видимъ, мало понятны, а нѣкоторыя и совсѣмъ непонятны безъ особенныхъ комментаріевъ. Такъ, напримѣръ, въ 16 залѣ картина Daugan-Bouvetet (№ 662) называется *La nocce*—«свадьба»; изображены невѣста въ вѣнчальномъ нарядѣ и женихъ стоящими на колѣняхъ передъ какимъ-то старикомъ съ большою церковною свѣчей въ рукахъ; сцена происходитъ въ комнатѣ, въ которой накрытъ большой обѣденный столъ. Браки

заканчиваются въ церкви и въ мэриі, и мы никогда не слыхивали, чтобы свадебные обряды совершались въ столовой. Что же это за свадьба или какой это моментъ въ ряду свадебныхъ обрядовъ? Да и кромѣ современно-житейскихъ сценъ, очень многія картины, даже изъ лучшихъ на выставкѣ, много теряютъ отъ того, что смыслъ ихъ непонятенъ зрителямъ; такова картина Moreau de Tours, озаглавленная: *Une extatique au XVIII siècle*; русскій переводъ въ катологѣ только еще больше затемняетъ дѣло, какъ это слишкомъ часто повторяется, — напечатано: «Истукленная (кликунья) XVIII вѣка». На картинѣ мы видимъ женщину, распятую на крестѣ, лежащемъ на двухъ скамейкахъ. Вкругомъ толпа людей въ свѣтскихъ костюмахъ и въ пудренныхъ парикахъ. Одинъ изъ этихъ господъ показываетъ распятой женщинѣ развернутую книгу съ изображеніемъ распятаго Христа. Въ глубинѣ навѣя-то три фигуры, похожія на монаховъ, что то поютъ по книгѣ. Въ чемъ тутъ дѣло — публикѣ неизвѣстно. Само собою разумѣется, художникъ не виноватъ въ томъ, что мы не знакомы съ подробностями «экстатическихъ» явленій прошлаго столѣтія. Но на устроителяхъ выставки лежала обязанность снабдить такія картины объяснительными надписями. Иное дѣло такія картины, какъ широко и хорошо исполненная, но неудачно задуманная картина Риксена: *Донъ-Жуанъ въ адѣ*. Харонъ везетъ знаменитаго обольстителя женщинъ въ своей лодкѣ, въ которую художникъ нашелъ нужнымъ собрать статую командора, держащую Донъ-Жуана за плечо, донну-Анну, стоящую на когѣняхъ и обнимающую соблазнителя, Лепорелло, развалившагося и поспивающагося въ углу лодки, и, наконецъ, самого старенькаго командора. Всѣ эти фигуры написаны превосходно, всѣ очень выразительны, только зачѣмъ же всѣ онѣ тутъ, въ одной лодкѣ? Зачѣмъ отправляютъ въ адъ не только командора, но и его надгробную статую? Изъ глубины картины, изъ темнаго ущелья, ведущаго къ Стиксу, вырывается множество голыхъ женщинъ, устремляющихся слѣдомъ за лодкой. Это, конечно, жертвы донъ-жуановскихъ побѣдъ; понадобились же онѣ художнику лишь зачѣмъ, чтобы написать цѣлый каскадъ женскаго тѣла. Еще менѣе понятна такая картина, какъ *La maison de la verge* (*Домъ дѣвы*, по катологу), Дюбюффа. Съ бѣлой лѣстницы благаго дома, въ слабо-голубоватомъ освѣщеніи, сходятъ вся прозрачная, какъ бы воздушная, женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Вотъ и все содержаніе картины. Можно догадываться, что это Богоматерь. Но при чемъ же тутъ «домъ дѣвы» и какой «дѣвѣ» принадлежитъ этотъ домъ? Вообще, изображенія Богоматери не удалось художникамъ, выставившимъ свои произведенія въ Москвѣ. Таковыхъ, кромѣ упомянутаго выше, четыре, если намъ не измѣняетъ память. Мальера—*La madonne des flots*, чтимая моряками, г-жи Форнье—*Марія изъ Назарета* и Бромто—*Le rêve de Marie* (*Сонъ Богородицы*). Въ нашъ реалистическій вѣкъ, повидимому, художникамъ очень трудно, если не совсѣмъ невозможно, подняться до вдохновенія дивнымъ и божественнымъ. Тутъ не поможетъ никакая усовершенствованная техника, дающая возможность писать прозрачными и воздушными то-

нами, такъ какъ существо дѣла совсѣмъ не въ однихъ тонахъ, а въ томъ, что одухотворяетъ произведение. А этого-то, именно, и нѣтъ въ выставленныхъ картинахъ на духовные мотивы. Всего опредѣленнѣе и ярче это сказывается въ картинѣ Ферье (Férier) *Амель-хранитель*. Надъ довольно небрежно написаннымъ ребенкомъ склонилась красивая женщина въ нарядномъ утреннемъ костюмѣ. Эту особу можно признать за все, что угодно, только уже ни въ какомъ случаѣ не за ангела, и крылья, придѣланные къ расфранченной дамѣ, вызываютъ лишь улыбку, — такъ они тутъ неумѣстны. Если бы художникъ принялъ эти крылья, вышла бы красавица-мамаша, по всей вѣроятности, «une mondaine», забѣжавшая на минуту въ дѣтскую передъ спектаклемъ или баломъ. Еще менѣе смысла имѣеть, — вѣрнѣе же, не имѣеть ровно никакого, — маленькая картина Жирарда съ длиннымъ названіемъ: *Bienheureux ceux qui meurent dans le Seigneur* («Счастливы умирающіе въ вѣрѣ Господней», — какъ переведено въ каталогѣ). На картинѣ блѣдными тонами написано нѣсколько мертвыхъ головъ, плавающихъ въ какомъ-то болотѣ. Не справившись въ каталогѣ, ихъ можно принять за утопленниковъ, а никакъ не за «блаженныхъ, почившихъ о Господѣ».

Не лучше удались французскимъ художникамъ и картины съ аллегорическими сюжетами, каковы поражающія своимъ безобразіемъ: *Тщеславіе*, г. Агаша, и, въ особенности, Маньяновская — *Рожденіе жемчужины*. Тотъ же г. Маньянъ выставилъ огромную картину: *Les voix du tocsin* (№ 666), оригинальную по замыслу и навѣянную, кажется, стихотвореніемъ Виктора Гюго. Мастерской и смѣлый рисунокъ, съ удивительными ракурсами, не выкупаетъ, однако же, той путаницы, которая является преобладающею въ этой картинѣ. Чтобы покончить съ произведеніями, неудачными или непонятными русской публикѣ, мы отмѣтимъ большую картину Эвариста Люмине — *Les énérvés de Jumiège*, названную по-русски въ двухъ «официальныхъ» каталогахъ различно: въ одномъ *Жюмьерскіе мученики*, въ другомъ — *Нервно-больные въ Жюльежѣ*. На картинѣ мы видимъ лодку, плывшую по теченію рѣки безъ гребцовъ и рулевого; на помостѣ лодки лежатъ какихъ-то два страдальца, въ ногахъ у нихъ поставлена зажженная восковая свѣча. Написано все очень хорошо, но смысла для насъ не имѣетъ никакого. Посѣтители выставки только плечами пожимаютъ въ полномъ недоумѣніи, гдѣ и когда путешествовали такъ «нервно-больные», что это за мученики, какого вѣка? Въ какой странѣ находится *Жюльежѣ*, или *Жюмьеръ*, или *Жюльежѣ*? И хорошая картина совершенно пропадаетъ, къ ущербу художника, положившаго на нее не мало труда, мастерства и таланта. Дѣло же очень простое и можетъ быть объяснено въ нѣсколькихъ словахъ: существуетъ легенда о томъ, что король франковъ Кловисъ II, онъ же Хлодовикъ II или Людовикъ II, женатый на Батильдѣ (первая половина VII вѣка), приказалъ двумъ возставшимъ противъ него роднымъ сыновьямъ, захваченнымъ имъ въ плѣнъ, перерѣзать мускулы на рукахъ и на ногахъ и изувѣченныхъ такимъ образомъ моло-

дыхъ людей пустить въ лодкѣ по теченію р. Сены. Монахи аббатства Жюмьежъ пріютили у себя несчастныхъ. Въ развалинахъ монастыря, въ 25 верст. отъ Руана, до сихъ поръ уцѣлѣли фрески, на которыхъ изображено это событіе; тѣмъ не менѣе, рассказъ о немъ почитается легендою апокрифическою и существуетъ нѣсколько вариантовъ легенды, въ которыхъ событіе переносится въ другія времена и передаются иныя имена несчастныхъ «*épaveés*». Такимъ образомъ, произведеніе Э. Люмине имѣетъ характеръ исторической картины, а не бессмыслицы, какою она представляется посѣтителемъ выставки. Мы думаемъ, что и нѣкоторыя другія картины явились бы въ совершенно иномъ освѣщеніи для насъ, если бы смыслъ ихъ былъ объясненъ въ надписи или въ катологѣ.

Перечислять всѣ картины или хотя бы наиболѣе выдающіяся въ томъ или иномъ отношеніи мы находимъ невозможнымъ, — о нихъ пришлось бы написать цѣлую книгу. Общее же впечатлѣніе выставка даетъ такое, что въ техническомъ отношеніи французскіе художники, т.-е. большинство ихъ, достигли высокой степени мастерства и стоятъ на одномъ уровнѣ съ художниками итальянскими. Въ этомъ насъ убѣждаетъ сравненіе московской выставки съ обще-итальянскою художественною выставкою современныхъ картинъ, которую мы видѣли нынѣшнимъ лѣтомъ въ Миланѣ, въ палаццо Брера. Въ изображеніи цвѣтовъ, плодовъ и всякой «*nature morte*» французы, какъ намъ кажется, превосходятъ даже итальянцевъ. Къ наиболѣе выдающимся на московской выставкѣ принадлежатъ: *Envoi de province fruits et gibier*, «фрукты и дичь», Пьера Бугронъ, его же *Roses d'été*, «лѣтнія розы», *Хризантемы* — Виллебесъ, *Хризантемы* (пастель)—Эд. Ш. Іонъ, *Макъ*—Розье-Ванлинденъ, *Хризантемы и гранаты*,—въ особенности, гранаты,—Поля Жансъ, *Виноградъ*—Э. Клодья, и мн. др. Превосходны у французовъ нѣкоторыя «*марины*», какъ, на примѣръ: *Мертвый итиль*, Бертелонъ, *Сумерки*, М. Куранъ,—вода написана поразительно,—*Le fou de la grève*—А. Морлонъ, *Жена рыбака*—Ж. Драмаръ, *Утро въ заливѣ*—Е. Дофенъ. Но все же, по нашему мнѣнію, французы въ «*маринахъ*» уступаютъ итальянцамъ, но послѣ нихъ занимаютъ, кажется, первое мѣсто. На выставкѣ есть очень хорошіе пейзажи, исполненные масляными красками и акварелью. Между ними мы, однако, затрудняемся указать на такіе, которые заслуживали бы особеннаго, исключительнаго вниманія. Въ жизни и развитіи искусства спросъ играетъ такую большую, почти рѣшающую роль, что отсутствіе замѣчательныхъ пейзажей на выставкѣ вызываетъ предположеніе, что публика во Франціи не высоко ставитъ этотъ родъ живописи и, если увлекается пейзажемъ, то преимущественно «экзотическимъ»,—алжирскимъ, египетскимъ, среднеазиатскимъ, причемъ пейзажъ является фономъ для сценъ, изображающихъ караваны и кочевья. Такихъ картинъ, мастерски написанныхъ, можно отмѣтить не мало. Не беремся перечислить ихъ всѣ, ни назвать ихъ въ точной послѣдовательности ихъ достоинства, а укажемъ лишь на *Караванъ въ Уздѣ*—Поля Лерца, *Караванъ въ пути*—В. Гюге,

и затѣмъ: *Самаркандъ*, акварель Альберта Пепенъ и *Рожа въ Фонте-небло*—Дефо. Сцены изъ африканской жизни мы находимъ на картинахъ: *Улица въ Каиръ*—Бершеръ, *Судъ кади въ Алжиръ*—Ландель, *Улица портняжъ въ Тунисъ*—Фриана, *Прибытіе пловцовъ въ Марокко*—Бретенъе.

По части историческаго жанра французы большіе мастера, умѣющіе соединять превосходнѣйшую отдѣлку деталей и всякихъ мелочей съ полною непринужденностью письма, съ отличною вѣрностью въ воспроизведеніи взятой эпохи, какъ въ обстановкѣ и костюмахъ, такъ и въ общемъ тонѣ, дающемъ полное представленіе о характерахъ и взаимныхъ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Къ лучшимъ мы относимъ три картины Фишеля: *Военный советъ*, *Планъ военныхъ дѣйствій* и *Пѣсня солдата*. Очень хороша, по выразительности фигуръ и лицъ, картина Фраппа *Возвращеніе миссіонера*. Жизнь католическихъ монастырей сложилась, впрочемъ, въ такія опредѣленныя и неизмѣнныя формы, что сюжетъ этой картины можетъ быть отнесенъ и къ XV вѣку, и къ XVIII, и, пожалуй, даже къ нашему времени. Обстановка та же, тѣ же костюмы и лица тѣ же. Иное дѣло *Концертъ* Фр. Фламенга,—тутъ передъ нами несомнѣнно XVIII вѣкъ съ пудрой, фижмами и его жеманными манерами.

Изъ картинъ чисто-историческихъ первое мѣсто, по размѣрамъ, по смѣлости рисунка и по колоритности, занимаетъ огромное полотно Ферд. Ройбе *Карлъ смѣлый въ Несль*. Фигуры въ натуральную величину, сюжетъ взятъ изъ исторіи войны знаменитаго бургундскаго герцога съ королемъ Франціи Людовикомъ XI. Карлъ взялъ городъ Несль и въѣзжаетъ верхомъ въ соборъ, гдѣ укрылись толпы гражданъ, мужчинъ и женщинъ. По приказанію герцога, его воины начали рѣзню побѣжденныхъ, не разбирая ни пола, ни возраста. Въ натуральную же величину написана прекрасная картина Баріаса *Заговоръ у куртизанокъ* въ Венеціи въ 1530 г. На первомъ планѣ одна изъ этихъ дамъ наклонилась къ сидящему за столомъ мужинѣ и говоритъ привѣтливныя рѣчи, а изъ-за приподнятой драпировки получаетъ въ руку кошелекъ съ золотомъ отъ члена Совѣта Десяти, подслушивающаго заговорщиковъ и записывающаго ихъ имена. Вотъ этотъ-то кошелекъ кажется намъ лишнимъ и ненужнымъ: дѣло ясно и безъ него, и, во всякомъ случаѣ, въ дѣйствительности, предательница должна была получить деньги раньше или позднѣе. Того же художника и того же размѣра картина *Смерть Шопена* принадлежитъ къ лучшимъ картинамъ выставки и производитъ глубокое впечатлѣніе. Умирающій композиторъ, готовый отойти въ иной міръ, напрягаетъ послѣднія силы и вслушивается въ звуки псалма, который поетъ, стоя у піанино, графиня Потоцкая. У постели умирающаго молится на колѣняхъ монахиня, дальше видна плачущая молодая женщина. Изъ историческихъ картинъ мы упомянемъ еще: *Смерть Пишгрю*, генерала первой республики, организовавшаго въ 1804 году заговоръ противъ Наполеона I, арестованнаго и найденнаго мертвымъ въ тюрьмѣ. Дознаніемъ удостовѣрено, что онъ задушился галстукомъ. На картинѣ представленъ, именно, моментъ дознанія. Памяти Наполеона I по-

священы три небольшія картины: Арманъ-Дюмарескъ—*Наполеонъ въ жизни*, его же—*Кампанія 1814 г.* и Бернъ-дю-Белькура—*Отреченіе Наполеона I.* Кроме того, слѣдуетъ отмѣтить картину Блоха *Генералъ Шаретъ въ сраженіи при Гюйонсери*, эпизодъ изъ Вандейской войны.

Переходя къ батальной живописи, нельзя не обратить вниманія на большее число картинъ этого рода и на ихъ «смирный», такъ сказать, характеръ. Это совсѣмъ уже не то, что бывало въ старыя годы и что мы видимъ теперь у нѣмцевъ, переполнившихъ свои галлерей побѣдоносными битвами, атаками и всякими воинскими триумфами, занимающими цѣлыя стѣны. Но оттого, что французскія картины не велики и, по содержанію, незадорны, непобѣдительны, онѣ только выигрываютъ и получаютъ тотъ смыслъ, который, по нашему мнѣнію, должны бы имѣть всѣ воспроизведенія боевыхъ сценъ. Войны существуютъ и будутъ, вѣроятно, существовать еще долго. Какъ все существующее, онѣ могутъ и должны быть воспроизводимы художниками во всѣхъ отрасляхъ искусства. Только воспроизводить-то слѣдуетъ настоящую дѣйствительность въ той ея реальности, какая допустима законами художественности. А реальная правда войны заключается не въ побѣдоносныхъ шествіяхъ, не въ атакахъ массами, которыя и видѣть-то почти невозможно въ дѣйствительности. Правда, главнымъ образомъ, въ отдѣльныхъ эпизодахъ, пожалуй, и въ геройскихъ подвигахъ, подобныхъ подвигу Шарета, чуть не въ одиночку защищавшаго входъ въ ворота противъ цѣлаго отряда враговъ. Правду, и притомъ превосходно переданную, мы видимъ въ картинѣ Г. Неймарка *Разрушеніе желѣзной дороги* взрывами динамита—или *Брешъ*—Бернъ-Беллекура, или еще *Бой въ улицѣ*—Бутиньи. Все это эпизоды изъ войны 1870 г. Тутъ будетъ кстати упомянуть о мало замѣтной, но заслуживающей большаго вниманія и лучшаго мѣста картинѣ того же Бернъ-Беллекура *1 января 1870 г. (l'année terrible)*. Въ ней уже совсѣмъ нѣтъ ничего баталическаго; изображенъ просто старикъ, перебирающійся съ своими малыми пожитками куда-нибудь подалеже отъ мѣста славныхъ, боевыхъ подвиговъ. Это мирный обыватель, несчастная жертва ужасовъ войны. Просто все такъ, буднично, ничтожно и за душу хватаетъ. Вотъ она правда-то! Въ томъ-то и дѣло, что художники, изображая сцены изъ эпохи войны, все свое вниманіе обращаютъ только на мундирный персоналъ, забывая другихъ дѣйствующихъ лицъ страшной трагедіи,—огромную массу мирнаго люда, страдающаго больше, чѣмъ военные. Ужасы войны—не въ битвахъ, не въ томъ только, что людей убиваютъ и увѣчатъ въ дракахъ, называемыхъ эффектомъ ради «сраженіями». Тамъ изступленные люди сами не сознаютъ что дѣлаютъ. Для военныхъ настоящіе ужасы начинаются на перекресткахъ пунятахъ и въ лазаретахъ; для всего населенія они наступаютъ съ момента отправления на войну солдатъ, т.-е. дѣтей, мужей и отцовъ, и продолжаютъ непрерывно для мѣстностей, захваченныхъ военными дѣйствіями, въ видѣ пожаровъ, грабежей и всяческаго разоренія и надругательства надъ попавшими подъ власть непріятеля. Хорошо бы сдѣ-

лали художники, если бы въ картинахъ изобразили эту сторону баталическихъ сюжетовъ. До сихъ поръ въ этомъ смыслѣ мы знаемъ лишь нѣкоторыя попытки нашего соотечественника В. В. Верещагина. На выставкѣ лучшая картина изъ военного быта написана Эд. Детайлемъ, по заказу Государя Императора. На ней изображена козацкая сотня, возвращающаяся съ ученья съ музыкой и пѣснями. Лица, фигуры, лошади—какъ живые; это настоящіе русскіе козаки—лихіе наѣздники и удалые, добродушные молодцы.

Французы большіе мастера писать тѣло. Преобладающее мѣсто на выставкѣ занимаютъ, по обыкновенію, картины съ изображеніями женскаго тѣла во всевозможныхъ видахъ и положеніяхъ. Ихъ такъ много, что перечислить мы не беремся. Мужское тѣло мы видимъ только на пяти или шести картинахъ; изъ нихъ лучшія: *Молодость Ванха*—Бугеро, *У источника*, античная пастораль Герля, и *Амуръ и Психея*—Тиріона. О другихъ хорошихъ, посредственныхъ и совсѣмъ плохихъ,—есть и такія,—мы говорить не будемъ, но считаемъ не лишнимъ остановиться на двухъ небольшихъ картинахъ. Первая изъ нихъ пріобрѣтена Е. И. В. Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ; она озаглавлена: *Продажа работъ* (въ древнемъ Римѣ), написана Ж. Л. Жеромомъ. Вторая—Э. Дантана—*Un moulage sur nature*, изображаетъ скульптурную мастерскую, въ которой простыя рабочіе снимаютъ гипсовыя формы съ обнаженной женщины. Это фабричное производство гипсовыхъ статуй. Ни формовщики, ни женщина-модель не сознаютъ, просто не видятъ «наготы» тѣла; всѣ трое—просто рабочіе и углубились въ свое дѣло такъ же точно, какъ если бы они снимали слѣпки съ какого-нибудь древняго мрамора. Въ этихъ пяти картинахъ и, въ особенности, въ двухъ послѣднихъ обнаженныя фигуры не лѣзутъ въ глаза, не въ нихъ сила; онѣ—необходимы, безъ нихъ не было бы картины, а потому эти картины должны быть названы произведеніями чистаго и «трезваго» искусства, тогда какъ изображеніе тѣла ради того лишь, чтобы показать голую женщину, какъ мы это видимъ на многихъ выставленныхъ картинахъ, допустимо только въ видѣ этюдовъ и не всегда умѣстно на выставкахъ. Мы говоримъ это не изъ пуританства, не изъ ложной «pruderie», а просто потому, что картины вродѣ *Victrix* (Побѣдительница) Бенжамена-Констана относимъ къ одной категоріи съ картиной Сухоровскаго *Нана*. Только Бенжаменъ-Констанъ, какъ мастеръ своего дѣла, стоитъ много выше г. Сухоровскаго.

Изъ картинъ, занятыхъ каждая одною женскою фигурой, одѣтою, конечно, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить, какъ лучшія, по нашему мнѣнію, носящую названіе: *Pensée douloureuse* (Горькая дума)—Ж. Валадонъ, *Дочь бракомъера*—Коненъ и очень интересную картину г-жи Китти Форнь *Сфинксъ*,—простую женскую фигуру безъ какихъ-либо египетскихъ и миеологическихъ атрибутовъ, но необыкновенно характерную выраженіемъ лица, отъ котораго становится жутко. И, наоборотъ, тихимъ весельемъ и миромъ вѣетъ отъ прекрасной акварели г-жи Гепъ Гюйонъ *Послѣ мѣт-*

млю *полудня*, представляющей дѣвушку-барышню, пріотившуюся въ тѣни сноповъ, составленныхъ въ видѣ шалаша. По колоритности и композиціи, полной жизни, движенія, суеты большой толпы, обращаетъ на себя вниманіе картина Ж. Фирмена *Набережная* и еще въ той же залѣ оригинально и мастерски написанная блѣдными тонами картина Бери *Дѣтскій Балъ*.

По части портретной живописи превосходны: поясной портретъ герцога Омальскаго—Бовна, и того же художника большой портретъ кардинала Лавижери, портретъ мальчика (сына художника)—Авіа, портретъ дамы (м-ше D.)—Дюэза, портретъ Гамбетты—Лефоре, Жюля Верна—Де-Боненга, инженера Яблочкова—Жардона; превосходны также нѣкоторые портреты, сдѣланные пастелью.

Художественный отдѣлъ выставки даетъ очень высокое понятіе о всѣхъ родахъ живописи во Франціи. Мы видимъ тутъ много превосходнѣйшихъ произведеній, хорошихъ—положительно большинство, и нѣсколько неудачныхъ, слабыхъ или плохихъ картинъ не могутъ повредить общему благоприятному впечатлѣнію. Большинство выставленныхъ произведеній свидѣтельствуетъ о блестящемъ развитіи техники, что въ свою очередь доказываетъ превосходное состояніе училищъ живописи и ваянія во Франціи. Каково бы ни было содержаніе картины, каковы бы ни были ея размѣры и даже степень таланта написавшаго ее художника, почти во всѣхъ, за весьма малыми исключеніями, видно отличное знаніе дѣла, настоящее «мастерство» въ правильности и чистотѣ рисунка, въ перспективѣ, въ умѣннѣ владѣть красками, и, сверхъ того, видѣнъ развитой вкусъ, пониманіе изящнаго и прекраснаго. И съ этой стороны художественный отдѣлъ Французской выставки представляетъ очень много поучительнаго для нашихъ художниковъ и является тяжелымъ укоромъ нашимъ училищамъ и академіи.

ПОПРАВКА. По поводу статьи г. Джаншіева: *Роль тверскаго дворянства въ крестьянской реформѣ*, напечатанной въ № 5 *Русской Мысли*, г. А. М. Унковскій, въ письмѣ своемъ отъ 31 мая, проситъ насъ напечатать слѣдующую поправку: „Всѣ письменныя работы, какія только были въ Твери по дѣлу освобожденія крестьянъ,—пишетъ г. Унковскій,—производились мною *потомамъ* (курсивъ подлинника) съ бывшимъ тогда членомъ комитета г. корчевскимъ уѣзднымъ предводителемъ Алексѣемъ Адриановичемъ Головачевымъ. Окончательная редакція была моя, но писали мы двое и обсуждали все вмѣстѣ. А. А. Головачевъ,—пишетъ далѣе г. Унковскій,—изъ всѣхъ наиболѣе расположенныхъ къ дѣлу моихъ сотоварищей былъ въ полномъ смыслѣ слова *единственнымъ* (курсивъ подлинника) лицомъ, способнымъ къ работѣ письменной. Притомъ, большую часть письменной работы въ то горячее время приходилось производить враскоря, иногда по ночамъ, и мнѣ бы одному, безъ А. А. Головачева, не справиться“.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевский переулок, 21) принимает объявления, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Расчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы между собой или вброшюровываться въ журналъ.

4) Объявленія помѣщаются въ журналъ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг., цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 г. за 1 экз. по 6 руб.; 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные года вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Сентябрь.

1891 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика.—Исторія литературы и біографія.—Антропология и этнографія.—Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Техническія книги.—Медицина.—Учебники и пособія. II. Периодическія изданія: „Вѣстникъ Европы“, августъ.—„Вѣстникъ Воспитанія“, кн. I—V.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Осенью“. А. Н. Баранова.—„Море и моряки“. А. Н. Чермаго.—„Умныя рѣчи, красныя слова великихъ и невеликихъ людей“. Изд. П. К. Мортъянова.—„Цвѣтъ нашей интеллигенціи“. Его же.—„Пѣсни сердца“. Его же.—„Пѣсни жизни, слезъ и смѣха“. Его же.—„Характеръ или нравъ этого вѣка“. Жана де-Лабрюйера.

Осенью. Разказы и сказки А. Н. Баранова. Изданіе Н. А. Ильяшенко. Казань, 1891 г. Сочинители мелкихъ разказовъ,—мелкихъ по размѣру и по содержанію,—очень любятъ изображать печальныя стороны жизни, и разъ принявшись писать въ такомъ направленіи, уже не даютъ никакой пощады читателю,—изображаютъ сплошь только горе и отчаяніе. Правда, въ дѣйствительной жизни нужды, бѣды и печали больше, чѣмъ довольства и радости. Правда и то, что „сытые“ и довольные часто „не разумѣютъ голодныхъ“, и никогда не мѣшаютъ напомнить „сытымъ“ о томъ, что рядомъ съ ними нужда губитъ добрыхъ людей такъ же точно, впрочемъ, какъ и недобрыхъ, не разбирая, кто добръ, кто золь, кто хорошъ, кто плохъ. Но въ романѣ ли, въ повѣсти, или въ мелкихъ разказахъ надлежало бы жизнь описывать такою, какова она на самомъ дѣлѣ, и не вдаваться въ сплошное нытье, въ непрерывное причитаніе объ участи „униженныхъ и оскорбленныхъ“, „пролетаріевъ“ и „неудачниковъ“. Не можетъ быть, чтобы г. Баранову и многимъ другимъ писателямъ мелкихъ разказовъ жизнь представлялась лишь въ видѣ безграничной юдоли печали и стenanій. Не можетъ этого быть для г. Баранова потому, что въ *Разказахъ и сказкахъ* авторъ доказалъ, что у него нѣтъ недостатка въ наблюдательности, въ пониманіи проходящихъ передъ нимъ явленій жизни. потому еще, что онъ одаренъ въ достаточной мѣрѣ чуткостью и отзывчивостью къ добру. Есть, конечно, люди, которые такъ уже на свѣтъ рождены „нытиками“ и „тужиками“, страдающими органическимъ порокомъ, своего рода умственнымъ дальтонизмомъ, пренатствующимъ видѣть свѣтлыя цвѣта. Едва ли, однако, къ числу такихъ принадлежитъ г. Барановъ. По многимъ признакамъ, мы полагаемъ, что видитъ онъ все ясно и правильно, а только предпочитаетъ изображать мрач-

ное. Намъ это представляется уже не „дальтонизмомъ“ писателя, а его „направленіемъ“. Если это такъ, то мы считаемъ „направленіе“, принятое г. Барановымъ, не совсемъ правильнымъ и не ведущимъ къ той цѣли, которую ставятъ себѣ искренніе писатели, задающіеся изображеніемъ исключительно нужды, горя и иныхъ мрачныхъ сторонъ жизни. Цѣль такихъ писателей, несомнѣнно, хорошая, симпатичная и гуманная—будить въ довольныхъ и сытыхъ чувства состраданія и благожелательства къ несчастнымъ, обдѣленнымъ судьбою, забытымъ обстоятельствами, или же „униженнымъ и оскорбленнымъ“ людскимъ безсердечіемъ. Но дѣло въ томъ, что такіе писатели, при самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ, бьютъ куда-то мимо цѣли и все въ одну сторону, когда дѣляютъ общество на двѣ половины и на одной ставятъ безсердечныхъ „довольныхъ“, на другую—добрыхъ „голодныхъ“. Отъ правды это недалеко, но это не настоящая правда; а настоящая правда никогда не дастъ хорошихъ результатовъ. Въ дѣйствительности жизнь складывается, все-таки, не такъ, и изображение получается одностороннее и невѣрное. Очень часто „довольные“ страдают не менѣе голодныхъ и обдѣленные и обиженные имѣютъ свои радости, недоступны иногда сытымъ. Г. Барановъ это знаетъ и передать умѣетъ очень хорошо, какъ мы это видимъ въ рассказѣ *Пролетарій*, а именно въ той сценѣ, гдѣ „голодный“ пролетарій, у котораго на рукахъ умирающая отъ голода семья, уступаетъ рабому такой же, какъ онъ, несчастной дѣвушкѣ. Онъ не подѣлился съ нею, онъ просто отдалъ ей все, отдалъ возможность накормить своихъ голодныхъ дѣтей и жену. Это лучший рассказъ г. Баранова; но и онъ испорченъ концомъ, который, по нашему мнѣнію, ни на что не былъ нуженъ и не находится ни въ какой связи со всѣмъ предшествовавшимъ. Конецъ таковъ: пошелъ „пролетарій“ на улицу освѣжиться, и тамъ его задавилъ мчащійся на рысакѣ бывший его товарищъ,—разумѣется, „сытый“. Мы думаемъ, что такое усиленіе мрачныхъ красокъ совершенно излишне, автору не было логической необходимости давать „пролетарія“; это уже—произвольное сочинителя. За то совершенно логичны и хороши тѣ сцены, въ которыхъ опасивается, какъ нужда озлобляетъ людей, глубоко любящихъ другъ друга,—„пролетарія“ и его жену. Съ голода и холода на обоихъ, добрыхъ и честныхъ, нападаетъ какое-то озвѣрѣніе, доводящее ихъ до неистовыхъ словъ и поступковъ. Вообще, авторъ хорошо знаетъ все то, что описываетъ; но иногда описываетъ слишкомъ подробно, воспроизводитъ слишкомъ точно, можно сказать—стенографически, длинные разговоры, наводящіе не малую скуку, какъ, напримѣръ, въ рассказѣ *Въ гаотическомъ состояніи*, гдѣ пьяная компанія болтаетъ всякій вздоръ на десяткѣ страницъ. Тѣми же добрыми и гуманными чувствами навѣяны *Сказки* г. Баранова. Но намъ онѣ менѣе нравятся, чѣмъ его *Рассказы*. Въ *Сказкахъ* много дѣланности и натанутости и мало фантастичности, за которую, повидимому, авторъ гнался усердно. Не его это „родъ“ писать сказки, для этого онъ слишкомъ реалистъ,—человѣкъ дѣйствительной жизни, а не міра фантазіи. Нѣкоторыя его *Сказки* (*Глухые лебеди*, *Въ клеткѣ*, *На своемъ посту*) не лишены мысли и содержательны, но это не сказки, а аллегоріи, или, вѣрнѣе, таже притча, немножко длинная и потому скучная. Все сказанное выше не помѣшаетъ намъ признать въ авторѣ *Рассказовъ* и *сказокъ* несомнѣнное дарованіе, быть можетъ, талантъ, который способенъ развиваться до замѣтной величины, при одномъ, впрочемъ, условіи, если г. Барановъ сознательно откажется отъ принятаго имъ „печального“ направленія.

Море и моряки. (Морскіе очерки). А. Н. Чермнаго. Изданіе А. С. Суворина. Спб., 1891 г. Цѣна 1 руб. Эти очерки имѣютъ два очень существенныхъ достоинства — правдивость и оригинальность. Судя по содержанію рассказовъ, самъ авторъ ихъ не совсѣмъ заурядный человѣкъ. Сочинять и выдумывать такъ нельзя, это не подъ силу никакому таланту; а если нельзя такъ выдумать, то надо все это видѣть своими глазами, слышать самолично и испытать на себѣ. Изъ рассказовъ же явствуетъ, что г. Чермный не путешественникъ, не туристъ, не посторонній наблюдатель, не сочинитель и даже не писатель. Между тѣмъ, онъ съ необыкновенною точностью рассказываетъ о самыхъ отдаленныхъ моряхъ, о переходѣ черезъ экваторъ, о Саргасскомъ морѣ, о Рио-Жанейро, Нью-Йоркѣ, Гвинейскомъ заливѣ, о жизни на китобойныхъ судахъ и въ такихъ захолустныхъ портахъ, которыхъ не найдешь и на картѣ. Очевидно, г. Чермный тамъ бывалъ и жилъ тою жизнью бродячаго морскаго люда, которую онъ описываетъ очень подробно, иногда слишкомъ подробно, вполне искренно, не мудрствуя лукаво, безъ погонн за эффектами, ни даже за слогомъ. Онъ пишетъ, напримѣръ: „Я не думаю, чтобы причиною такого попустительства была ея собственная красота; скорѣе это можно было объяснить ея юнымъ возрастомъ, которому едва минуло восемь лѣтъ“. Или: „Я мнилъ тайную надежду, что компанія придетъ въ себя“... Едва ли мы ошибаемся, предполагая, что авторъ *Морскихъ очерковъ* былъ какимъ-нибудь жизненнымъ теченіемъ или какимъ-нибудь житейскимъ шваломъ сбить съ обычнаго пути и попадалъ туда, куда несли его всѣ случайности быта бродячаго матроса, ищущаго только куска хлѣба, не разбирая ни флага, ни назначенія корабля, на который онъ нанимается. Море и моряки очень мало знакомы русской публикѣ. Если мы назовемъ романъ Марлинскаго *Капитанъ Блѣвозоръ*, *Фрегатъ Палладу* Гончарова, *Очерки перомъ и карандашомъ* Вышеславцева и морскіе рассказы Станюковича, то этимъ и исчерпывается вся наша литература о жизни на морѣ. Но изъ этихъ немногихъ произведеній мы узнаемъ только жизнь на военныхъ судахъ русскаго флота. Съ тѣмъ же, какъ живутъ люди и что дѣлается на торговыхъ и промысловыхъ судахъ, мы знакомимся впервые по книжкѣ г. Чермнаго и, притомъ, какъ мы уже сказали, знакомимся въ повѣствованіяхъ совершенно правдивыхъ, безыскусственныхъ, ничѣмъ неприкрашенныхъ. Вотъ этимъ-то и обусловливается привлекательность *Морскихъ очерковъ* г. Чермнаго, и это заставляетъ забывать и нѣкоторую странность слога, и обиліе морскихъ терминовъ, намъ непонятныхъ, вродѣ: „Бомъ-брамсели на гитовы! Пошелъ крѣпить!“—„Отдать фокъ и гротъ! Штормъ-бизань долой!...“ Слишкомъ часто встрѣчаются: „шванцы“, „шкафутъ“, „картушки“, „сбуктованныя снасти“, „квивера“, „брасы“, „трасели“ и всякая мореплавательная тарабарщина. Все это не помѣшаетъ, однако же, читателю заинтересоваться такими рассказами, какъ *Самосудъ на китобой*, *Человѣкъ безъ выхода*, *Отдыхъ на берегу*, *Ночь на рейдѣ*. Впрочемъ, и во всѣхъ своихъ *Очеркахъ* авторъ выводитъ цѣлый рядъ совершенно новыхъ для насъ фигуръ того человѣческаго „международнаго отребья“, которымъ кишатъ приморскіе порты всѣхъ странъ и, въ особенности, американскіе порты. Вездѣ г. Чермный передаетъ самыя заурядныя и повседневныя событія, поразительныя для насъ своею необычайностью, дикостью и звѣрствомъ, составляющими преобладающую характерную черту бездомнаго и голоднаго люда. И къ этому народу всѣ и вездѣ относятся такъ же точно, какъ относятся къ едва

прирученнымъ звѣрямъ: ихъ бьютъ нещадно и чѣмъ попало, ихъ держатъ по двое сутокъ безъ ѣды въ темныхъ карцерахъ, ихъ убиваютъ, какъ опасныхъ животныхъ, и вѣшаютъ ради устрашенія другихъ, имъ подобныхъ, безъ суда и разбора, по волѣ или по прихоти капитана корабля. Всѣ эти люди такъ или иначе, волей или неволей, утрачиваютъ всякій образъ и подобіе человѣка и не могутъ его не утратить, какъ это видно изъ очерка *Человѣкъ безъ выхода*. О такихъ людяхъ,—говоритъ авторъ,—гуманный береговой житель девятнадцатаго столѣтія и понятія не имѣетъ. Это люди, которымъ *рѣшительно все равно*“. За большинствомъ изъ нихъ стоитъ такое прошлое, которое заставляетъ ихъ „избѣгать берега“, и знаютъ они только каторжную работу на корабляхъ подъ угрозой жесточайшихъ истязаній и подъ дуломъ капитанскаго револьвера. Ихъ короткій отдыхъ на берегу проходитъ въ ужасающемъ пьянствѣ, доводящемъ ихъ до полного безумія, образцы котораго намъ даетъ авторъ въ разсказѣ *Ночь на рейдѣ*. Въ очеркѣ *Отдыхъ на берегу* г. Черный знакомитъ насъ съ отношеніями къ такому народу береговыхъ властей, не задумывающихся закабалить, отдать въ рабство капитану перваго встрѣчнаго, показавшагося по чему-либо заподозрѣннымъ въ бѣгствѣ съ корабля. Все это ново, а потому и прочитывается съ большимъ интересомъ.

Умныя рѣчи, красныя слова великихъ и невеликихъ людей, собраны, записаны и изданы П. К. Мартыновымъ. Изданіе второе. Спб., 1891 г. Ц. 3 р. О первомъ изданіи этого труда г. Мартынова мы ничего не сказали потому, что за всякою издающеюся на Руси безмыслицей не угоняться ни одному библиографу: „на всякое чиханіе не на здравствуйешься“. Къ тому же, въ свѣтъ выходитъ не мало книгъ, никому ненужныхъ, нисколько не интересныхъ, которыхъ никто не покупаетъ, кромѣ старьевщиковъ, торговцевъ макулатурой. Мы такъ и предполагали, что *Умныя рѣчи* и другіе сборники пустяковны, изданные г. Мартыновымъ,—о нихъ мы скажемъ ниже,—пойдутъ сполна на бумажное крошево для укладки стеклянной посуды. Теперь же оказывается, что книги эти выходятъ вторымъ изданіемъ, а одна изъ нихъ—даже четвертымъ. Мы рѣшительно понять не можемъ, кому могли понадобиться и для чего *Умныя рѣчи, красныя слова великихъ и невеликихъ людей, собранныя и записанныя* П. К. Мартыновымъ,—вѣрнѣе было бы сказать: надерганныя и выписанныя изъ старыхъ газетъ и журналовъ. Не издавши этой книги, трудно себѣ представить, какая несурзкая куча мусора вышла изъ работы г. Мартынова. Тутъ рядышкомъ на одной страницѣ собраны фразы Сократа, В. Г. Бѣлинскаго, И. Ф. Василевскаго, А. Я. Дьякова, А. С. Суворина, В. П. Вуренина и Балзака (стр. 271) въ той, именно, послѣдовательности, въ какой выписаны нами имена этихъ „великихъ и невеликихъ людей“. Въ другомъ мѣстѣ (на стр. 208) „великіе и невеликіе люди“ расположены г. Мартыновымъ въ такомъ порядкѣ: Бокль, Д. Д. Минаевъ, Н. П. Ланинъ, де-Местръ, А. С. Пушкинъ, Клемансо, кн. Бисмаркъ... То-то, должно быть, польщенъ „железный канцлеръ“! Впрочемъ, ему и по-дѣломъ,—не слѣдуй правилу, преподаванному на этой страницѣ г. Ланинымъ, изъ „умныхъ рѣчей“ котораго издатель выбралъ слѣдующее: „Въ полемикѣ все допускается“. А изъ „красныхъ словъ“ кн. Бисмарка онъ выписалъ: „Золотой вѣкъ парламентарнаго образа правленія миновалъ даже и для Англій“. Въ полемикѣ, очевидно, допускается и такой вздоръ. И кого-кого только ни пригнулъ къ отвѣту въ своей книгѣ г. Мартыновъ! Въ оглавленіи мы

видимъ такія имена: Абдуль-Гамидъ, султанъ, Августъ-Октавій, императоръ, Аверкіевъ, Александръ Македонскій, Аракчеевъ, Архимедъ, Ахшарумовъ... Байронъ, Баталинъ, Беккариа, Бурдалу, Буренинъ, Бэконъ... Вахтанъ, царь грузинскій, Вигель, Вольтеръ, Гайдебуровъ... Ермакъ Тимофеевичъ, Казимулла, Катковъ, Конфуцій, Кругловъ... Ланниъ, Лейбницъ, Лейкинъ, Лютеръ (Мартинъ)... Цитовичъ, Цицеронъ, Чуйко, Шекспиръ (Вильямъ)... Янъ Собѣскій, Ясинскій, Теоокритъ, Теофоровъ, Фукидидъ!... Разобраться въ этой окрошкѣ „умныхъ рѣчей“ и всякихъ глупостей, „красныхъ словъ“ и пустопорожныхъ фразъ нѣтъ никакой возможности. Въ старыя годы такъ составлялся репертуаръ конфетныхъ билетиковъ, тогда излюбленныхъ мелкими привазами, военными писарями и ихъ дамами. Въ отдѣльныхъ на такихъ билетикахъ попадались стихи Пушкина и Лермонтова и никому невѣдомыхъ стихоплетовъ; вмѣстѣ же составлялся такой же необычайный литературный винегретъ, какой преподноситъ публикѣ г. Мартяновъ. Нѣтъ тутъ ни мысли руководящей, ни толка, ни смысла... Нѣтъ даже ничего забавнаго, кромѣ оглавленія.

Цвѣтъ нашей интеллигенціи. Словарь-альбомъ русскихъ дѣятелей XIX вѣка въ силуэтахъ, краткихъ характеристикахъ, надписяхъ къ портретамъ и эпитафіяхъ. П. К. Мартянова (Эзоп-Кактусъ). Изданіе второе. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к. Эзопъ-Кактусъ—псевдонимъ г. Мартянова, подъ которымъ онъ остроумствовалъ въ нашихъ якобы сатирическихъ изданіяхъ. Плоды этого остроумничанія въ стихотворной формѣ собраны авторомъ въ книгѣ съ выписаннымъ выше длиннѣйшимъ заглавіемъ и выпущены также, какъ и *Умныя рѣчи*, вторымъ изданіемъ. Стало быть, и на такой литературный товаръ есть охотники-покупатели. Въ предисловіи авторъ скромно говоритъ: „Въ исполненіи предпринятой нами на себя задачи мы руководились образцами, завѣщанными намъ А. С. Пушкинымъ, М. Ю. Лермонтовымъ, кн. П. А. Вяземскимъ... и другими мастерами мысли и слова. Насколько успѣли мы, идя по ихъ стопамъ... судить не намъ“... И вотъ, воображая, что онъ „идетъ по стопамъ“ Пушкина, Лермонтова и Вяземскаго, г. Мартяновъ принялся „мастерить“ совершенно своеобразную „юмористику“ на кого попало и на всѣхъ безъ разбора, на людей извѣстныхъ, мало извѣстныхъ и совсѣмъ никому невѣдомыхъ. Въ оглавленіи книги значится 1,445 именъ „русскихъ дѣятелей XIX вѣка“, удостоившихся конфетнаго билетика отъ музы Эзоп-Кактуса—г. Мартянова. Вотъ образцы „мастерства мысли и слова“ г. Мартянова:

„А. В. Аверкіевъ.—Извѣстный нашъ писатель-драмодѣль
И критикъ бичъ—за штатомъ не удѣль“.

Точка, съ г. Аверкіевымъ покончено.

„Алексѣевъ, Н. А.—Москвы энергичный лордъ-мэръ,
Всѣмъ мэрамъ русскійскимъ—примѣръ,
Онъ русскому дѣлу правдиво,
Съ достоинствомъ служить ревниво“.

„Гейтенъ, Л. Н.—Балерина огневая,
Чудная Калипсо,
Жаль, въ танцевъ—не живая,
А какъ бы изъ гипса“.

„Грибоѣдовъ, А. С.—Довниъ *Горе отъ ума*
Его насъ сводитъ всѣхъ съ ума“.

Ну, посудите сами: чѣмъ не конфетные билетики? А вотъ эта штука едва ли и на „билетикъ“ годится:

„Милютинъ, И. А.—Городской голова Череповскій (?)
Школы, фермы заводилъ,
Но имѣлъ характеръ Треповскій—
Никому не угодилъ“.

Въ заключеніе выписываемъ „эпитафію“ М. Н. Каткову:

„Три Михаила Русь спасали отъ враговъ:
Въ дни междоусобицъ—Скопцевъ въ челѣ полковъ,
Во дни безбожнаго нашествія французовъ—
Съ дружинами земли и арміей Кутузовъ,
И во дни восстанья польскаго—съ Москвой Катковъ“.

Пѣсни сердца, прѣстыя, безхитростныя пѣсни „Поэта-солдата“
П. К. Мартянова. Изданіе четвертое. Спб., 1890 г. Цѣна 1 руб.
50 коп. Вирши эти, дѣйствительно, „безхитростны“: объ этомъ можно
судить по слѣдующему образцу:

„Лѣкарство отъ всѣхъ золъ.
Есть лѣкарство отъ всѣхъ золъ:
По Шекспиру—это ссыла,
По Гюго—нашъ разумъ вошь,
По Каткову—внучъ и кошь,
А по-моему—кошляка“.

Шекспиръ, Гюго, одинъ изъ „Михайловъ“, спасавшихъ Россію, и
г. Мартяновъ! Исполать „поэту-солдату“, ставшему „Езопомъ-Как-
тусомъ“!

Пѣсни жизни, слезъ и смѣха. П. К. Мартянова (Езопа-Как-
туса). Изданіе второе. Спб., 1891 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. Это опять
сборникъ виршей, часть которыхъ посвящена картинамъ, бывшимъ на
разныхъ нашихъ выставкахъ. Вотъ какъ, напримѣръ, остроумничаетъ
„Езопъ-Кактусъ“ по поводу извѣстной картины В. И. Сурикова *Бо-
ярня Морозова*:

„Старуха на дровняхъ, какъ гаеръ балаганнй,
Народъ вокругъ себя собрала и смѣшить,
И страстный жестъ ея, лукавый и обманнй,
Какъ сальный жестъ шута, коробить и мутить“.

На картинѣ изображена боярыня Морозова, знаменитая поборница
„старой вѣры“. Боярню, закованную въ цѣпи, послѣ пытокъ везутъ
въ заточеніе. Но никакія страданія не могутъ поколебать ея вѣры, и
исповѣдница старообрядчества, несмотря на всѣ ужасы, ея испытанные
и ожидающіе ее впереди, поднимаетъ вверху руку съ стародавнимъ сло-
женіемъ пальцевъ для крестнаго знаменія, съ тѣмъ сложеніемъ пер-
стовъ, которое православная церковь допускаетъ для старообрядцевъ,
возсоединившихся въ „единовѣрія“... И эта-то боярыня Морозова для
„Езопа“—„гаеръ балаганнй“, и ея-то жестъ онъ осмѣливается при-
равнивать къ „сальному жесту шута“!... Такой-то „Езопъ“ смѣется за-
являть, что онъ идетъ по стопамъ Пушкина, Лермонтова, Вяземскаго!
Вотъ отъ его-то книженокъ такъ поистинѣ „коробить и мутить“.

Характеры или нравы этого вѣка. Жана де-Лабрюйера. Съ
предисловіями Прево-Пародоля и Сентъ-Бѣва. Переводъ П. Д.
Первова. Изданіе журнала „Пантеонъ Литературы“. Спб., 1890 г.
Жанъ де-Лабрюйеръ, жившій въ самый разгаръ французскаго абсо-
лютизма, не могъ, какъ мыслитель, подняться на такую высоту, съ
которой ему было бы видно, на какихъ несправедливыхъ и потому
шаткихъ основахъ покоился старинный режимъ во Франціи. „Онъ
былъ слишкомъ далекъ отъ революціи,—говоритъ Прево-Пародоль,—
чтобы предчувствовать ее; онъ былъ слишкомъ прилежанъ къ своему
мѣсту въ общественной іерархіи, чтобы думать, что ее нѣкогда можно

будеть передѣлать сверху до низу; онъ слишкомъ близко видѣлъ прочность того монархическаго и аристократическаго монумента, который внушалъ тогда уваженіе всей Европѣ и которому не грозила еще никакая опасность, чтобы желать или предвидѣть, и, притомъ, издалека, разрушеніе или потрасеніе этого величественнаго сооруженія". Но хотя Лабрюйеръ не догадывался, что французскій колоссъ стоитъ на глиняныхъ ногахъ, тѣмъ не менѣе онъ прекрасно понималъ своихъ современниковъ: горожанъ, ученыхъ, адвокатовъ и этихъ наглыхъ вельможъ, которые „входятъ не иначе, какъ производя давку“, а во время королевской мессы образуютъ обширный кругъ у подножія алтаря „и, повернувши лицо къ государю, молятся, кажется, на него, а не на Бога“. Его портреты придворныхъ превосходны, описаніе двора блещетъ остроуміемъ и вдумчивою наблюдательностью. Къ сожалѣнію, Лабрюйеръ не былъ художникомъ и потому не могъ придать своимъ выводамъ и наблюдениямъ форму органическаго цѣлаго, всѣ части котораго были бы спаяны общою идеей, выраженной въ отдѣльныхъ образахъ. Въ его *Характерахъ* вы встрѣтите портреты, а не типы, созданные присутствіемъ поэтическаго генія и вдохновеннаго творчества. Возьмите, на примѣръ, его Онуфрія и вы увидите, какъ справедливо замѣчаетъ Прево-Пародоль, что этотъ лицемѣръ правдоподобнѣе и ближе къ дѣйствительности, чѣмъ Тартюфъ Мольера. Онуфрій ближе къ дѣйствительности, потому что онъ блѣднѣе Тартюфа и лишенъ тѣхъ яркихъ красокъ, благодаря которымъ комедія Мольера производить на насъ потрясающее впечатлѣніе. Въ этомъ же сгущеніи красокъ, отмѣченномъ печатноу творчества, лежитъ причина того, что объ Онуфріи знаютъ только специалисты въ исторіи литературы, между тѣмъ какъ Тартюфа читалъ каждый образованный человѣкъ. На этомъ примѣрѣ мы еще разъ убѣждаемся въ справедливости того положенія, что натурализмъ, кропотливая вѣрность, съ которой снимаются самыя мелкія черты, не могутъ замѣнить истиннаго творчества и только поэтическое вдохновеніе обезпечиваетъ себѣ полное безсмертіе.

Не будучи поэтомъ, Лабрюйеръ былъ, какъ мы сказали сейчасъ, превосходнымъ наблюдателемъ. Въ немъ моралистъ чередуется съ психологомъ, который безстрастно заглядываетъ въ тайники нашей души и до тонкости постигъ женское сердце. Онъ полонъ остроумныхъ идей, которыми пользовались слѣдовавшіе за нимъ писатели. Тѣ главы изъ его замѣчательнаго труда, гдѣ онъ говоритъ о королѣ, о вельможахъ, о придворныхъ нравахъ, играютъ роль предисловія къ знаменитымъ *Персидскимъ письмамъ* Монтескье. Точно также его любовь къ природѣ и навѣянная этою любовью смѣлая мысль, впервые отданная на судъ французовъ XVII вѣка, „что люди зависятъ отъ мѣстности въ отношеніи своего ума, расположенія духа, страсти, вкуса и чувствъ“, заставляютъ видѣть въ немъ предшественника Руссо. Лабрюйеръ умеръ въ 1696 г., но по своему міросозерцанію онъ стоитъ ближе къ слѣдующему вѣку, чѣмъ къ своимъ современникамъ. Сентъ-Бёвъ утверждаетъ, что его *Характеры* взобилуютъ блестящими зернами, давшими пышные всходы въ XVIII столѣтіи.

Тотъ же Сентъ-Бёвъ съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что писатели XVIII вѣка относились съ обиднымъ равнодушіемъ къ памяти Лабрюйера, потому что онъ „казался недостаточно дѣятельнымъ и недостаточно специализированнымъ союзникомъ этого вѣка, полнаго враждебности и страсти“. Теперь эта несправедливость заглажена и Лабрюйеръ занялъ по праву принадлежащее ему мѣсто во французской литературѣ. Это

мѣсто признается всѣми почетнымъ, такъ какъ онъ оставилъ въ наслѣдіе потомству цѣлый рядъ идей, сохранившихъ свою силу и для нашего времени. Дѣйствительно, въ *Характерахъ* есть глава „О сердцѣ“, въ которой какъ бы мимоходомъ бросаются замѣчанія настолько цѣнныя, что они служатъ точками отправленія для современныхъ романистовъ-психологовъ. „Прекращеніе любви,—пишетъ Лабрюйеръ,—есть чувствительное доказательство того, что человѣкъ ограниченъ и что сердце имѣетъ свои предѣлы“. Развѣ эта мысль не дожила въ основу позднѣйшихъ произведеній, которые защищали свободу чувства и доказывали, что всякая связь между мужчиной и женщиной, легальная или нелегальная, преступна съ нравственной точки зрѣнія, если не освящена чувствомъ? „Иные,—продолжаетъ Лабрюйеръ,—долго еще видятся по привычкѣ и толкуютъ на словахъ о взаимной любви, между тѣмъ, ихъ манеры давно уже говорятъ, что они не любятъ другъ друга“. Это замѣчаніе можетъ послужить исходнымъ пунктомъ для многихъ повѣстей, гдѣ выводится на сцену потухающая любовь и предвидится возможность наступленія новаго чувства. „Любовь—слабость, но и лечится отъ нея—часто тоже слабость“—вотъ, наконецъ, изреченіе, о которомъ не мѣшаетъ иной разъ вспомнить поклонникамъ *Крейцеровой сонаты*.

Переводъ Лабрюйера можетъ считаться цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу, встаетъ сказать, очень бѣдную переводами классическихъ сочиненій.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И БИОГРАФІИ.

„Die Litteratur des neunzehnten Jahrhunderts in ihren Hauptströmungen“, von Georg Brandes.—,Филологъ Васильевичъ Рудаковъ, педагогъ-дѣлатель въ Восточной и Западной Сибирѣ“.

Die Litteratur des neunzehnten Jahrhunderts in ihren Hauptströmungen, von Georg Brandes. VI Band. Das junge Deutschland. Leipzig, 1891. Личность Георга Брандеса достаточно известна русской публикѣ. Талантливый историкъ литературы, который въ началѣ своей дѣятельности не только не былъ признанъ въ своемъ отечествѣ, но даже подвергся въ немъ гоненію за свободомысліе, долженъ быть благодаренъ своимъ гонителямъ. Они принудили его на время переселиться въ Германію, войти въ сношенія съ широкимъ кругомъ нѣмецкой интеллигенціи, говорить къ европейской публикѣ, вмѣсто того, чтобы прозябать въ тѣсной обстановкѣ своего отечества. Въ результатъ выработался и хороший писатель, и даже талантливый лекторъ, который, не стѣсняясь недостатками нѣмецкаго или французскаго произношенія, умѣлъ заинтересовать слушателей въ Германіи и Россіи оригинальностью своихъ взглядовъ и живостью изложенія. И общее сочиненіе Брандеса по литературѣ XIX вѣка, и его отрывочныя статьи *Moderne Geister* рекомендовать нечего. Публика сама слѣдитъ за выходомъ отдѣльныхъ томовъ и слѣшитъ приобрѣтать и прочитывать ихъ. Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью высказать сужденіе о главной работѣ датскаго историка по поводу выхода ея шестаго тома.

Впечатлѣніе, которое получается отъ внимательнаго чтенія этой работы, до известной степени опредѣлится, если сказать, что она представляетъ рядъ лекцій и журнальныхъ статей, а не ученое изслѣдованіе и не систематическій разборъ предмета. Это, прежде всего, очерки,

эскизы, довольно неравномерно выполненные, не особенно тѣсно связанные между собою, стремящіеся къ тому, чтобы провести ярко нѣсколько главныхъ мыслей, и преднамѣренно опускающіе частности, способны запутать основные контуры. Притомъ, очерки эти набросаны хотя и легкою, но съвѣрною кистью: изображеніе выигрываетъ отъ вѣрности избранныхъ мотивовъ, отъ новизны сопоставленій болѣе, чѣмъ отъ заботливой отдѣлки. Брандесъ не „дѣлаетъ стиля“, не *fait pas du stile*, хотя пишетъ ясно и образно; его очерки не представляютъ тонкой, изворотливой, красивой формы, которая заставляетъ наслаждаться каждой *Causerie du Lundi* Сентъ Бѣва, почти независимо отъ ея содержанія. Датчанинъ, подобно англичанину, нѣмцу или русскому, прежде всего, идетъ къ сути дѣла, хотя и выбираетъ обыкновенно привлекательную дорогу.

Современная исторія литературы развивается въ трехъ главныхъ направленіяхъ и при оцѣнкѣ всякаго выдающагося въ ней произведенія приходится имѣть въ виду, насколько выражена въ немъ та или другая изъ трехъ точекъ зрѣнія. Можно сказать, что литературная критика, которая лежитъ въ основѣ этой исторіи, направляется или на оцѣнку эстетическаго достоинства произведеній, приѣмовъ, служащихъ для достиженія извѣстнаго впечатлѣнія, характера даннаго поэтическаго творчества по сравненію съ другими его проявленіями и т. п., или же критика задается философскими задачами и рассматриваетъ литературный періодъ съ его произведеніями съ точки зрѣнія общихъ идей, высказывающихся въ немъ, причѣмъ собственно формальная оцѣнка отходитъ на задній планъ, а выдвигается философское содержаніе, болѣе или менѣе заключающееся во всякой литературѣ. Наконецъ, интересъ наблюдателя можетъ направиться на выясненіе связи между общимъ историческимъ движеніемъ и литературой, какъ однимъ изъ его признаковъ, на отношеніи между обстановкой, условіями и потребностями времени, съ одной стороны, и ихъ „словеснымъ“ выраженіемъ— съ другой. Нечего говорить, что Брандесъ никакъ не можетъ быть причисленъ къ тѣмъ педантамъ эстетики, которые пригоняли явленія поэзіи и изящной прозы къ рѣзко установленнымъ шаблонамъ той или другой теоріи прекраснаго. Число этихъ систематиковъ во вкусѣ Готшеда или Ульрици быстро уменьшается. Но напрасно было бы также дѣлать изъ датскаго критика типическаго представителя философскаго или историческаго направленія.

Въ томъ, который лежитъ передъ нами, онъ несомнѣнно слѣдитъ за отраженіями теоретическихъ міросозерцаній, за борьбою экзальтированной романтики съ ясностью и непосредственностью пробуждающаго реализма. Гейне и Фейербахъ особенно привлекаютъ его вниманіе, какъ выразители могущественныхъ идей, волновавшихъ умы и въ отвлеченной, и въ поэтической формѣ. Съ другой стороны, много мѣста отведено чисто-исторической оцѣнкѣ: авторъ останавливается на политическихъ интересахъ эпохи, намѣчаетъ ихъ вліяніе на корифеевъ словесности, подчеркиваетъ для читателей необходимость сойти съ обычныхъ точекъ зрѣнія современности, чтобы судить о Бернѣ, Гудековѣ, Иммерманѣ, довольно подробно излагаетъ біографію и личную психологію такихъ людей, какъ Штиглицъ, Рахиль Фарнгагенъ или Беттина фонъ-Арнимъ, потому что въ этихъ личныхъ подробностяхъ сказываются общія теченія времени. Но, повторяемъ, нельзя приписать Брандеса исключительно или главнымъ образомъ къ одному изъ трехъ направлений критики: въ своей выгодѣ и невыгодѣ онъ не специализируется

на одномъ изъ нихъ, а пользуется всѣми тремя. Выгода ясна сама собою: очерки нашего писателя отличаются разнообразіемъ, отсутствіемъ предвзятыхъ взглядовъ, наблюдательностью, которую не стѣсняетъ и не урѣзываетъ односторонняя доктрина. Какъ любопытны, напримѣръ, сравнительные этюды о манерѣ Гёте и Гейне въ ихъ лирическихъ произведеніяхъ! Они сдѣлали бы честь вкусу любого французскаго эссеиста и даютъ поводъ къ самымъ оригинальнымъ замѣчаніямъ во всей книгѣ. А, между тѣмъ, эти главы относятся къ области критики эстетической. Чувствуются, однако, и нѣкоторые неудобства всесторонности. Она граничитъ иногда съ поверхностнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Признано, что Гегель даетъ увлеченную поделку для движенія молодой Германіи, а, между тѣмъ, глава о Гегелѣ совсѣмъ слаба: рассказы о внѣшнихъ приемахъ его преподаванія, о томъ, какъ онъ тягостно излагалъ свою философію съ кафедры, выяснены какъ будто для того, чтобы замаскировать недостаточность характеристики по содержанію. Да и Фейербахъ, которымъ такъ увлекается Брандесъ, является весьма блѣднымъ образомъ въ его изложеніи. Очерки политическаго положенія намѣчены также очень общими чертами. Однимъ словомъ, напрасно было бы прилагать къ Брандесу мѣрило требованій, какія прилагаются къ спеціалистамъ по философіи или политической исторіи. Вообще его работа не отличается тѣмъ исчерпывающимъ характеромъ, который носятъ, наприм., книги Гайма. Даже Геттнеръ даетъ обыкновенно болѣе обстоятельную картину. И, тѣмъ не менѣе, существенныя черты собственно литературной жизни и ея отношенія къ общей исторіи мысли и къ политическому развитію выставлены рѣзко и талантливо. Самая краткость и отрывочность очерковъ содѣйствуютъ тому, что главное врѣзывается въ памяти читателя. Подобныя книги особенно сильно возбуждаютъ интересъ къ предмету и побуждаютъ обращаться къ самымъ литературнымъ источникамъ.

Филологъ Васильевичъ Рудаковъ, педагогъ-дѣятель въ Восточной и Западной Сибири. Авторъ названной книги подробно знакомъ намъ съ всѣми болѣе или менѣе выдающимися событіями изъ 35-ти лѣтней службы покойнаго педагога по министерству народнаго просвѣщенія. Онъ рассказываетъ намъ о первыхъ шагахъ Рудакова на педагогическомъ поприщѣ, о его преподавательской дѣятельности въ томской гимназій, о затрудненіяхъ и неприятностяхъ по службѣ, которыя пришлось испытать покойному въ бытность свою директоромъ училищъ Тобольской губерніи, о назначеніи его на постъ главнаго инспектора Восточной Сибири, о послѣдовавшихъ вскорѣ за этимъ назначеніемъ тяжелыхъ столкновеній главнаго инспектора съ своимъ непосредственнымъ начальникомъ, генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, г. Анучинымъ, и заканчиваетъ свою книгу выдержками изъ недоконченнаго труда Рудакова: *Тяжелое время на Руси*. Биографъ хватается за всѣ какъ крупныя, такъ и мелкіе факты, которые говорятъ въ пользу Рудакова и характеризуютъ его какъ неутомимаго труженика и честнаго исполнителя служебныхъ обязанностей. Если бы авторъ не держался этой системы изложенія, мы, конечно, не узнали бы, что всѣ начальствующія лица въ Западной Сибири посящали Березовъ не болѣе одного раза, между тѣмъ какъ умершій педагогъ три раза произвелъ ревизію въ этомъ отдаленномъ пунктѣ, что во время своего недолголѣтнаго пребыванія въ Восточной Сибири неутомимый инспекторъ сдѣлалъ 12,057 верстъ, что, пріѣхавъ въ Иркутскъ, только что пострадавшій отъ пожара въ 1879 г., онъ,

несмотря на чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, „съ трудомъ нашелъ для себя, одинокаго, жидое помѣщеніе“ и т. д. Какъ бы тамъ ни было, однако, но, прочитавъ біографію Рудакова, получаешь впечатлѣніе, что это былъ добросовѣстный чиновникъ, честный труженикъ, безъ остатка тратившій свои силы на просвѣщеніе далекихъ окраинъ Россіи. Жаль только, что авторъ не соблюдаетъ объективной мѣрки и силится поставить Рудакова на пьедесталъ исторической личности, величая его „знаменитымъ человѣкомъ“ и съ пафосомъ восклицая въ предисловіи къ своему сочиненію: „Онъ (т.-е. Рудаковъ) не стоитъ того (конструкція довольно странная), чтобы родная Сибирь позабыла его и чтобы не познакомилась съ его личностью не менѣе дорогая его сердцу святая Русь“. До титула исторической личности Рудакову такъ же далеко, какъ до звѣзды небесной, и авторскія восклицанія вродѣ сейчасъ приведеннаго плохо убѣждаютъ читателя. Прежде всего, знаменитые мужи выдѣляются изъ толпы современниковъ стойкостью своего міросозерцанія и ясностью своихъ политическихъ взглядовъ. Ни тѣмъ, ни другимъ не могъ похвастаться почтенный дѣятель. Въ его посмертныхъ запискахъ стоитъ, между прочимъ, слѣдующій важный вопросъ: отчего хорошая подготовка въ гимназій не даетъ воспитанникамъ силы и средствъ противустоять напору ложныхъ идей въ университетѣ? На этотъ вопросъ сибирскій педагогъ отвѣчаетъ туманными разсужденіями, тоже выраженными въ вопросительной формѣ: „Или зло и добро въ высшихъ проявленіяхъ одинаково завлекательны? Или здѣсь повтореніе того же, что можемъ выводить изъ библейскаго разсказа о паденіи нашихъ прародителей: не скажи имъ Господь Богъ: „смертью умрете“, они, вѣроятно, исполнили бы его заповѣди; или не будь ихъ натура настолько совершенна, насколько она должна была быть таковою, выйдя непосредственно изъ рукъ Творца,—и они, вѣроятно, устояли бы противъ заразы искушенія, подобно тому, какъ нѣкоторыя заразные болѣзни прививаются предпочтительно къ совершенно здоровымъ организмамъ и весьма слабо дѣйствуютъ на организмы уже страдающіе, хилые и истощенные?“ (стр. 175). Такимъ образомъ, все зло происходитъ отъ того, что слишкомъ хорошо учатъ и воспитываютъ въ нашихъ гимназіяхъ. Нельзя также сказать, чтобы Рудаковъ отличался смѣлостью въ своихъ поступкахъ, непреклонною энергіей въ достиженіи разъ намѣченной цѣли, столь характерными для историческихъ дѣятелей. Въ бытность свою директоромъ тобольской гимназій онъ ввелъ открытые педагогическіе совѣты, на которыхъ могли присутствовать мѣстные обыватели; когда же высшее начальство признало неудобнымъ для себя допущеніе стороннихъ лицъ въ залу педагогическихъ засѣданій, то онъ первый откестился отъ своихъ новшествъ и назвалъ ихъ публично въ актовомъ рѣчи „ошибками“ (стр. 32). Не рекомендуютъ также Рудакова и его колебанія по такому существенному вопросу, какъ сѣчь или не сѣчь нашихъ гимназистовъ. Біографъ увѣряетъ насъ, что онъ выступилъ на педагогическое поприще горячимъ противникомъ розги, „но въ концѣ своей многолѣтней дѣятельности нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на нее“ (стр. 175). Благодаря этой перемѣнѣ во взглядахъ на спасительность березовой каши, Рудаковъ находилъ исполнѣ справедливыми разсужденія одной дамы, которая полагала, что у насъ не было бы социалистовъ, если бы ихъ публично драли на площадяхъ и затѣмъ отпускали на волю „до слѣдующаго раза, если угодно, но ужъ болѣе рѣшительнаго вида“ (?) (стр. 178).

АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ.

„Дневникъ антропологическаго отдѣла“. — „Опытъ изученія малорусскихъ думъ“. Лисовскаго.

Дневникъ антропологическаго отдѣла (общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи). 1890 г. Годъ первый. Подъ ред. А. Н. Харузина. Десять выпусковъ новаго изд. общества, составляющіе вмѣстѣ томъ въ 436 страницъ, свидѣтельствуютъ объ оживленной дѣятельности антропологическаго отдѣла. Изъ помѣщенныхъ въ этихъ выпускахъ статей къ антропологии русскаго населенія относятся сообщенія Н. А. Янчука (*Къ вопросу объ антропологическомъ типѣ белоруссовъ*), К. Н. Икова (*Замѣтки по кефалометріи белоруссовъ, сравнительно съ велико-и малоруссами*), Н. Ю. Зографа (*Распространеніе высококаго роста среди великорусскаго населенія губерній Владимірской, Костромской и Ярославской*); по антропологии инородцевъ отмѣтимъ весьма поучительныя статьи: П. С. Назарова (*Предварительный отчетъ о поѣздкѣ въ Башкирію и къ антропологии башкиръ*), А. Н. Харузина (о крымскихъ татарахъ, объ осетивахъ, также измѣренія индѣйцевъ племени Сиу); рядъ небольшихъ замѣтокъ относится къ изслѣдованію череповъ изъ раскопокъ и, наконецъ, съ VI выпуска идетъ печатаніе болѣе обширной работы А. В. Елисеѣва: *Антропологическія замѣтки объ обитателяхъ Малой Азіи*.

Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Лисовскаго. Полтава, 1890 г. Трудъ г. Лисовскаго, посвященный очень любопытному, но мало изслѣдованному вопросу о генезисѣ малорусскихъ думъ, подкупаетъ читателя своею искренностью, горячимъ увлеченіемъ трактуемымъ предметомъ, но не можетъ имѣть никакого научнаго значенія. Авторъ подошелъ къ своей темѣ съ очень скудными знаніями, сводящимися, собственно, къ любому учебнику „теоріи словесности“ и сборнику гг. Антоновича и Драгоманова. Скудная литература по думамъ, сводящаяся къ нѣсколькимъ замѣткамъ и статьямъ Костомарова, Ор. Миллера, гг. Драгоманова, Максимовича, нѣсколькимъ страницамъ въ книгахъ акад. Веселовскаго, гг. Житецкаго, Халанскаго и друг., — осталась совершенно неизвѣстной г. Лисовскому, какъ и историческія свидѣтельства о думамъ (наприм., Сарницкаго).

Брошюра г. Лисовскаго напомнила намъ то доброе старое время, когда можно было писать очень много и очень краснорѣчиво объ историко-литературныхъ вопросахъ, пускаться въ это безбрежное море „безъ руля и безъ вѣтриль“, т.-е. безъ знанія научнаго метода разработки и кропотливаго изученія фактовъ. Вмѣсто того, чтобы выяснить отношенія между старо-киевскимъ эпосомъ и думами, изучать наличныя думы посредствомъ сравнительно-историческаго метода и, такимъ образомъ, подготавливать почву для рѣшенія вопроса о генезисѣ думъ, нашъ авторъ пускается въ привлекательную, но мало плодотворную область апіорныхъ соображеній, „сферическихъ и линейныхъ группировокъ“, сравненій философіи думъ съ философіей (*horribile dictu!*) Руссо и проч. Намъ кажется, что изъ г. Лисовскаго выработался бы хорошій знатокъ и изслѣдователь думъ, но для этого ему нужно основательно познакомиться съ вопросомъ о развитіи поэтическихъ формъ вообще, исторіей русскаго народной поэзіи и путями, которыми шло до сихъ поръ изслѣдованіе думъ, въ частности; несмотря на самыя благія намѣренія, кажется намъ, знаніе не можетъ быть замѣнено пылкою фантазіей въ краснорѣчіемъ, даже вызваннымъ искреннимъ увлеченіемъ дѣломъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„Между Востокомъ и Западомъ“.—„Исторія политической экономіи“. Дос. Имрема.— „Памятная книжка Воронежской губ. на 1891 г.“.—„Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ.“.—„Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Тверской губ.“.— „Историческій очеркъ развитія херсонской земской сельско-хозяйственной статистики“.—„Материалы для оцѣнки земель Херсонской губ.“.—„Хозяйственно-статистическій обзоръ Херсонской губ. за 1889 г.“.

Между Востокомъ и Западомъ. 1890 г. Анонимный авторъ говоритъ во введеніи, что 20 лѣтъ тому назадъ онъ напечаталъ брошюру *Молодая Россія*, въ которой предлагалъ, между прочимъ, слѣдующія мѣры: изслѣдовать состояніе сельскаго хозяйства, обложить подающею купоны процентныхъ бумагъ, взимать таможенные пошлины золотомъ, назначить мировыхъ судей отъ правительства, считать показанія лѣсныхъ сторожей за доказательство порубокъ и пр. Такъ какъ все это приведено въ исполненіе, то авторъ надѣется, что будутъ полезны и настоящія его предположенія. Вся бѣда, по мнѣнію автора, состоитъ въ томъ, что Россія подражаетъ иностранцамъ, но подражаетъ безтолково. Слѣдуетъ заимствовать у каждаго народа то, что достигло у него извѣстнаго совершенства. Китай—вотъ страна, которая во многихъ отношеніяхъ достойна подражанія. Восхваляя трудолюбіе китайцевъ, высокое совершенство ихъ сельскаго хозяйства, заботы общественной власти о земледѣліи, отсутствіе семейныхъ раздѣловъ въ деревняхъ, авторъ заключаетъ, что если бы русскій мужикъ хозяйничалъ такъ, какъ китаецъ, то „не было бы толковъ о малоземельи и переселеніи“ (стр. 2). Воздавъ должную дань уваженію и трудолюбію индусовъ, авторъ посвящаетъ большую главу Соединеннымъ Штатамъ. По его мнѣнію, одною изъ важныхъ причинъ высокаго процвѣтанія американцевъ служитъ система наръзки земель правильными четырехугольниками и поселеніе хуторами: „жизнь въ отдѣльныхъ хуторахъ даетъ людямъ ту энергію, самодѣтельность и трудолюбіе, которыя отличаютъ американскихъ пионеровъ отъ жителей Европы. Зная, что они могутъ разсчитывать только на свой умъ и на свои силы, чтобы пробиться въ жизни, они не имѣютъ того стаднаго чувства, которое замѣтно въ большихъ деревняхъ“ (стр. 28). Еслибы это было вѣрно, то населеніе народовъ, гдѣ человѣку всего меньше нужно разсчитывать только на собственныя силы, отличалось бы наименьшею энергіей и трудолюбіемъ, что, какъ извѣстно, не имѣетъ мѣста. Чтобы еще полнѣе доказать, что благосостояніе народа меньше зависитъ отъ условій внѣшней природы, нежели отъ трудолюбія населенія, дѣлаются ссылки на Швецію, Канаду и пр. Авторъ подаетъ такіе совѣты относительно мѣропріятій, необходимыхъ для нашего отечества: 1) Изъятіе изъ вѣдѣнія земства заботъ о народномъ здравіи и народномъ образованіи, для чего земство некомпетентно; 2) введеніе тѣлеснаго наказанія для простыхъ людей, дабы приучить ихъ работать; 3) отмена табели о рангахъ, дабы не было чрезмѣрнаго напыльва въ чиновники; 4) ввести обязательную мѣстную службу, дабы землевладѣльцы не уѣзжали изъ своихъ имѣній; 5) отменить общинное землевладѣніе, ибо, благодаря ему, „разгульная и пьяная часть населенія разоряетъ разумныхъ и трудолюбивыхъ людей“ (стр. 129) и проч. въ томъ же родѣ. Въ наше время, когда есть большой запросъ на... развязность—и такой сумбуръ можетъ найти читателей. Намъ особенно непріятно встрѣтить у автора одну непослѣдовательность: почему онъ, считая розгу вѣрнымъ средствомъ сдѣлать мужиковъ трудолюбивыми, не

хочетъ примѣнить его къ землевладѣльцамъ, которые подаютъ своимъ рабочимъ дурной примѣръ? Вотъ слова анонимнаго автора: „привычка засиживаться за картами цѣлыя ночи составляетъ одну изъ причинъ малодоходности имѣній, которыми распоряжаются сами владѣльцы. Поутру баринъ спитъ, прикащики и прислуга спятъ; слѣдуя ихъ примѣру, рабочіе поздно принимаются за дѣло“ (стр. 97). Не лучше ли было бы ввести повальную всероссійскую порку?

Исторія политической экономіи Джона Ингрэма. Перев. съ англ. подъ редакц. И. И. Янжула. 1891 г. Небольшая книжка Ингрэма не лишена достоинствъ: предлагая читателямъ трудъ, по преимуществу, компилятивнаго характера, авторъ умѣло воспользовался своимъ матеріаломъ, ноложивъ его сжато и ясно. Что говоритъ авторъ о политической экономіи въ древнее время, средніе вѣка и новой Европы до Адама Смита, то уже издавна принято излагать во всѣхъ изслѣдованіяхъ по исторіи политической экономіи. Свѣдѣнія, которыя Ингрэмъ сообщаетъ о новомъ направленіи въ экономической наукѣ, объ исторической школѣ и проч., носятъ характеръ перечня экономистовъ и главныхъ написанныхъ ими трудовъ, иногда съ бѣглыми замѣчаніями о томъ или другомъ писателѣ. Довольно было пробѣжать нѣкоторыя главы въ обширномъ курсѣ Шёнберга, чтобы написать такой очеркъ. Большое мѣсто отведено писателямъ 30—50-хъ гг. въ Англіи, Франціи и Германіи (Джонсу, сениору Сэю, Сисмонди, Листу), но центральными точками изслѣдованія служатъ великіе англійскіе экономисты—Смитъ, Мальтусъ, Рикардо и ихъ главные продолжатели—Дж. Ст. Милль и Кэрса.

Воззрѣнія автора, высказанныя имъ еще 12 лѣтъ тому назадъ въ засѣданіи лондонскаго статистическаго общества, такъ формулированы на заключительныхъ страницахъ его книги: „Экономическія изслѣдованія находились до настоящаго времени преимущественно въ рукахъ юристовъ и публицистовъ, а не въ рукахъ, какъ бы следовало, истинно-ученаго класса“ (стр. 313). Мы подчеркнули эти курьезныя слова, когда вспомнили, что главными двигателями политической экономіи были до сихъ поръ такіе люди, какъ Тюрго, Юмъ, А. Смитъ, Сисмонди, Дж. Милль, Дж. Ст. Милль. „По своимъ идеямъ,—продолжаетъ авторъ,—политическая экономія стараго типа вполне походить на школьную логику, на абстрактную, не историческую юриспруденцію, на априорное государственное и нравственное учение и на другіе, столь же устарѣлые типы мышленія... вотъ почему истинные (?) люди науки смотрятъ на политическую экономію съ нескрываемымъ презрѣніемъ... Самый радикальный порокъ политической экономіи стараго типа, придавшій ей ненаучный характеръ, заключается въ томъ, что экономическія явленія изучаются ею съ слишкомъ индивидуалистической и субъективной точки зрѣнія... Наука должна быть освобождена отъ всѣхъ теолого-метафизическихъ элементовъ и тенденцій... Мы не имѣемъ права ставить какія-то универсальныя положенія и изъ нихъ дедуктивно выводить экономическія истины... Законы богатства должны получиться изъ наблюденія фактовъ богатства, а не изъ предполагаемой основной посылки о „человѣческомъ эгоизмѣ“ (стр. 315). Далѣе Ингрэмъ испытываетъ острогу своего копья на критикѣ принципа *laissez faire*. Отрицая полезность дедукцій, исходящихъ отъ гипотетическихъ положеній, авторъ признаетъ пригодною только индуктивный методъ и возводитъ экономистовъ на Парнасъ или развѣнчиваетъ согласно съ тѣмъ, насколько они пользовались предпочтительно дедукціей или индукціей. Адама

Смита авторъ ставитъ очень высоко. „Что касается самого Смита, то дедуктивное направление вовсе не было преобладающимъ и характернымъ для его ума... Въ книгѣ Смита насъ, прежде всего, поражаетъ умѣнье ясно и пронизательно наблюдать общественныя явленія... Въ великомъ трудѣ Смита мы найдемъ выраженіе обоихъ изъ этихъ методовъ изслѣдованія: здѣсь, съ одной стороны, и индуктивное изслѣдованіе, съ другой стороны, и априорныя утвержденія, основанныя на гипотезѣ и естественномъ порядкѣ“ (стр. 118). Восхваляя Смита и вкратцѣ излагая его ученіе безъ всякихъ критическихъ замѣчаній, Ингрэмъ относится къ Мальтусу съ замѣтнымъ недоброжелательствомъ. По словамъ автора, его трудъ не представляетъ „солиднаго вклада въ науку“ и не позволяетъ „вывести какія-либо практическія правила“ (стр. 147). Но такое утвержденіе дѣлаетъ для автора обязательнымъ болѣе подробно остановиться на Мальтусѣ уже потому, что его ученіе вызвало обширную и весьма разнообразную литературу. Слѣдовало бы рассмотреть, насколько ученіе Мальтуса имѣетъ всеобщее значеніе, насколько оно имѣетъ значеніе при господствѣ опредѣленнаго общественного строя, каково достоинство нравственнаго воздержанія съ точки зрѣнія общества и отдѣльнаго лица и проч. Ингрэмъ не дѣлаетъ этого и ограничивается немногими бѣглыми замѣчаніями по поводу законовъ о бѣдныхъ и ранняго заключенія брака. Не придавая Мальтусу большаго значенія, авторъ въ другомъ мѣстѣ противорѣчитъ самому себѣ. „Заслугой Мальтуса,—говоритъ онъ,—слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, признать то, что онъ своею рѣзкою и производящею впечатлѣніе манерой разсуждать привлечь общественное вниманіе къ вопросу, который ни теоретически, ни практически не былъ подвергнутъ надлежащему разсмотрѣнію“ (стр. 151). Рикардо,—говоритъ Ингрэмъ,—вовсе не такая крупная величина, какъ принято называть его. Нельзя отрицать значенія нѣкоторыхъ изъ его изслѣдованій. Но главныя его теоремы имѣютъ несравненно меньшую важность, чѣмъ принято думать; теорія цѣнности не полна, ибо Рикардо, ставя дѣйствительную цѣну вещи въ зависимость отъ того, сколько труда и капитала затрачено на ея производство, оставляетъ капиталъ безъ вниманія при дальнѣйшемъ изложеніи предмета; теорія ренты правильна только по отношенію къ странамъ съ развитою промышленною жизнью; теорія стремленія прибыли и заработной платы по опредѣленному уровню истина только при наличности многихъ условий, которыя болѣею частью отсутствуютъ, и проч. А вотъ и характеристика, которую даетъ Ингрэмъ личности Рикардо: „Рикардо, при всѣхъ своихъ замѣчательныхъ талантахъ, не обладалъ такими способностями, которыя необходимы для соціологическихъ изслѣдованій. Природа предназначила его скорѣе быть математикомъ втораго ранга, чѣмъ общественнымъ философомъ... Вообще у него не хватало широты взгляда, разумной точки зрѣнія на человѣческую природу и жизнь и сильныхъ соціальныхъ симпатій“ (стр. 173). Можетъ быть, все это и вѣрно, но читатель долженъ вѣрить Ингрэму на слово, такъ какъ все, что Ингрэмъ говоритъ объ ученіи Рикардо, не идетъ дальше общихъ мѣстъ. Дж. Ст. Милль также не удовлетворяетъ автора: шаткость, неопредѣленность, незаконченность—вотъ отличительныя свойства этого мыслителя (стр. 192 и слѣд.). Оканчивая на этомъ нашу замѣтку, мы скажемъ, что главнымъ источникомъ нападокъ Ингрэма на этихъ писателей и другихъ представителей дедуктивнаго мышленія экономистовъ служитъ *неясненіе* самимъ авторомъ основныхъ вопросовъ методологій. Мы сказали бы— „игнорированіе“ этихъ вопросовъ, если бы Ингрэмъ не употреблялъ слово

„метод“ весьма часто. Насколько поверхностно относится авторъ къ вопросамъ методологіи, видно, наприм., изъ того, что, останавливаясь довольно подробно на сочиненіяхъ Кэрнса, онъ посвящаетъ немного словъ главному труду этого писателя: *О логической методъ политической экономіи*. Или, наприм., говоря о новѣйшей экономической литературѣ въ Германіи, онъ только называетъ Менгера и ничего не говоритъ о его превосходной книгѣ по методологіи, которая составляетъ эпоху въ экономической литературѣ. Неясненіе Ингрэмомъ главныхъ вопросовъ методологіи служить причиною и того, что онъ пересчиталъ много бабочекъ, букашекъ, но не *замытилъ слона*. А именно, говоря о заслугахъ нѣмцевъ предъ экономической литературой, онъ упустилъ изъ вида, что *главные вклады изъ въ науку сдѣланы съ помощью дедуктивнаго метода*: очень цѣнные изслѣдованія Вагнера о бумажныхъ деньгахъ, банкахъ, налогахъ, страхованіи, книга—о деньгахъ и кредитѣ, Мангольда—о прибыли и рентѣ, Шеффле—объ условіяхъ сбыта, рентѣ, полтигии, налоговъ и другія созданы съ помощью дедуктивной методы. Авторъ придаетъ значеніе этимъ писателямъ, называетъ ихъ сочиненія, но упускаетъ изъ вида, что именно эти труды, плоды дедуктивнаго мышленія, и создаютъ прочную репутацію для этихъ экономистовъ. Такова книжка Ингрэма. Этотъ поверхностный, но складно изложенный историко-литературный очеркъ переведенъ на русскій языкъ удовлетворительно и дополненъ нѣкоторыми указаніями относительно русской экономической литературы.

Памятная книжка Воронежской губ. на 1891 г. Изд. ворожскаго губернскаго статистическаго комитета. Выпускъ первый. 1891 г. Какъ извѣстно, на губернскіе статистическіе комитеты законъ возлагаетъ чрезвычайно важныя обязанности по выполненію ими различныхъ статистическихъ операцій, а, между тѣмъ, средства комитетовъ весьма ограничены; нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ условіяхъ комитеты не могутъ выполнить своего назначенія и рѣдко даютъ сколько-нибудь цѣнные изданія, характеризующія жизнь мѣстнаго населенія. Тѣмъ пріятнѣе встрѣтить уклоненіе отъ этого общаго печальнаго правила; такое исключеніе представляетъ собой и *Памятная книжка Воронежской губ. на 1891 г.*; въ ней, помимо обычныхъ въ такого рода изданіяхъ справочныхъ свѣдѣній, опубликованы довольно полныя и разностороннія статистическія данныя о различныхъ сторонахъ мѣстной жизни. Хотя всѣ эти матеріалы, опубликованные въ III отдѣлѣ книжки, и состоятъ исключительно изъ таблицъ, не снабженныхъ текстовыми обзорами, тѣмъ не менѣе, эти таблицы такъ обдуманно составлены, сообщаютъ по каждому изъ намѣченныхъ вопросовъ настолько полныя и исчерпывающія данныя, что уже и по нимъ можно составить довольно опредѣленное представленіе о главнѣйшихъ сторонахъ жизни Воронежской губерніи. Мы узнаемъ, наприм., кромѣ пространства и населенія каждаго изъ уѣздовъ губерніи, кромѣ относительнаго распредѣленія угодій, состава населенія по поламъ и вѣроисповѣданіямъ, метеорологическихъ наблюденій,—узнаемъ также и о хозяйственной жизни губерніи, объ итогахъ земской и городской дѣятельности, о дѣятельности дворянскаго и крестьянскаго земельныхъ банковъ, о городскихъ и сельскихъ учебныхъ заведеніяхъ, о всѣхъ бібліотекахъ Воронежской губ. и проч.

Отмѣтимъ здѣсь хотя бы тотъ фактъ что изъ 5.865,000 десят. земли губерніи $\frac{2}{3}$ принадлежатъ крестьянамъ, $\frac{2}{10}$ —частнымъ владѣльцамъ и только $3\frac{3}{10}\%$ земель казенныхъ и удѣльныхъ. Земледѣльческая

и черноземная по преимуществу, Воронежская губернія заключаетъ въ себѣ до 70% пашни и менѣе 9% лѣса. Небезынтересно также упомянуть, что съ помощью крестьянскаго банка воронежскіе крестьяне приобрѣли по 1 января 1890 г. болѣе 18,000 дес. земли; продавцами ея явились, главнымъ образомъ, дворяне и чиновники, сдававшіе землю въ аренду и уже ранѣе заложившіе ее въ земельныхъ банкахъ и у частныхъ лицъ.

Разбираемое изданіе составлено — подъ общимъ руководствомъ помощника предсѣдателя мѣстнаго статистическаго комитета Ф. Щербины (онъ же и мѣстный земскій статистикъ) — служащимъ въ комитетѣ г. Двигаревымъ. Во второмъ выпускѣ *Памятной книжки* будутъ даны списки населенныхъ мѣстъ, статистическія свѣдѣнія по нѣкоторымъ специальнымъ вопросамъ и литературный отдѣлъ, куда, между прочимъ, войдетъ поэма А. Серебрянскаго, друга поэта Кольцова.

Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерніи. Томъ X. Переяславскій уѣздъ. Полтава, 1890 г. Цѣна 2 руб. Материалы по изслѣдованію Переяславскаго уѣзда собраны были еще въ 1887 году подъ руководствомъ покойнаго Н. А. Терешкевича, а разработаны подъ наблюдениемъ новаго завѣдующаго полтавскимъ бюро Н. Г. Кулябко-Корецкаго. Сборникъ даетъ общія свѣдѣнія объ уѣздѣ, очеркъ крестьянскаго хозяйства, очеркъ помѣщичьяго хозяйства, материалы для оцѣнки земель, съ многочисленными приложениями, и обширныя табличныя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ селеніяхъ и имѣніяхъ.

Крестьянская семья въ Переяславскомъ уѣздѣ не богата числомъ душъ: въ средней семьѣ 5,3 человѣка обоаго пола. Мужчины преобладаютъ надъ женщинами; въ рабочему возрасту относится менѣе половины (47,4%) мужскаго населенія. Двѣ трети (66,3%) общаго числа хозяйствъ имѣютъ только по одному мужчинѣ-работнику; 6,3% совершенно не имѣютъ мужчинъ-работниковъ. Къ найму батраковъ прибѣгаетъ только одно изъ сорока (2,3%) крестьянскихъ хозяйствъ. Въ мужскомъ населеніи грамотные составляютъ 6,3%, въ женскомъ только 0,1%. Три четверти крестьянскихъ земель (74,5%) находятся подъ пашнею; усадьбами занята сравнительно большая доля, а именно 7,3%. Совершенно безземельныхъ хозяйствъ немного — только 1,1%, но около 46% общаго числа хозяйствъ надѣлены землею въ столь маломъ размѣрѣ, что не могутъ продовольствоваться исключительно собственнымъ хлѣбомъ. Среднимъ числомъ на одно крестьянское хозяйство приходится 6,6 десятинъ земли и 3,1 головы скота въ переводѣ на крупный. Четвертая часть хозяйствъ (25,3%) не имѣетъ собственнаго рабочаго скота. Процентъ безхозяйныхъ крестьянъ въ Переяславскомъ уѣздѣ достигаетъ значительной величины — 19,1%. Преобладающимъ на поляхъ растеніемъ является рожь, за нею слѣдуетъ гречиха, а потомъ овесъ. Изъ общаго числа хозяйствъ 13,4% нанимаются на жнитво со снопа. 14% мужскаго рабочаго населенія занимаются ремеслами, 4,4% служатъ въ батракахъ.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Тверской губерніи. Томъ III. Вышневолоцкій уѣздъ. Ц. 2 руб. Томъ IV. Старицкій уѣздъ. Ц. 2 руб. Томъ V. Калязинскій уѣздъ. Ц. 2 руб. Тверь, 1890 г. Текстъ статистическаго сборника по Вышневолоцкому уѣзду написанъ Д. И. Рихтеромъ. Въ главѣ о населеніи приведены, между прочимъ, слѣдующія интересныя указанія: въ крестьянскихъ жилыхъ избахъ на одного человѣка приходится среднимъ числомъ 71 кубическій аршинъ вмѣстимости; въ составѣ крестьянскаго населенія 20% даютъ корелы;

на 10,000 человекъ населенія насчитано 28,8% кривыхъ, 29,1% слѣпыхъ, 27,6% хромыхъ, 18,7% душевно-больныхъ и эпилептиковъ; средней естественный приростъ населенія въ промежутокъ съ 1787 по 1830 годъ былъ 0,87%, съ 1830 по 1860 г.—1,02%, съ 1860 по 1886 только 0,58% въ годъ; смертность въ уѣздѣ небольшая—30,3 при рождаемости 42,3 на 1,000 человекъ. Въ послѣдніе годы Вышневолоцкій уѣздъ привлекаетъ къ себѣ эстонцевъ-колонистовъ. По размѣрамъ надѣла (12,6 десятины) уѣздъ не можетъ быть названъ малоземельнымъ, но почти половина уѣзда обладаетъ почвами, при нынѣшнихъ условіяхъ, мало пригодными для земледѣлія. Особый очеркъ посвященъ мѣстному частновладѣльческому хозяйству.

Въ составленіи текста по Старицкому уѣзду принимали участіе В. И. Покровский, Б. Б. Костылевъ и В. Л. Гурвичъ. Интересны весьма рѣдко публикуемыя въ Россіи свѣдѣнія о семейномъ составѣ населенія. Изъ мужскаго населенія старше 18 лѣтъ холостые въ Старицкомъ уѣздѣ составляютъ 21,9%, женатые 73,3%, вдовцы только 4,3%; изъ женскаго населенія старше 16 лѣтъ дѣвицы—20,9%, замужнія—62,4%, вдовы—16,7%. Средній ростъ новобранцевъ въ Старицкомъ уѣздѣ оказался совершенно такимъ же, какъ и въ Вышневолоцкомъ, а именно 2 аршина 4,9 вершка. Изъ 332 частновладѣльческихъ хозяйствъ Старицкаго уѣзда 45 ввели у себя многопольный сѣвооборотъ.

Калезинскій сборникъ не даетъ пока таблицъ и текста по частнымъ хозяйствамъ. Текстъ калезинскаго сборника написанъ преимущественно С. М. Блелловымъ (при участіи А. П. Розанова и Н. Н. Алексѣева). Въ учаченіи семейныхъ раздѣловъ составитель текста видитъ признакъ увеличившейся самостоятельности женщинъ. На одинъ крестьянскій дворъ въ Калезинскомъ уѣздѣ приходится 9,7 десят. надѣльной земли. Наиболее распространенною формою разверстки надѣльной земли является разверстка по работникамъ (36,3%); за нею слѣдуютъ ревизская (28%), переходная отъ ревизской (19,3%) и разверстка „по силѣ“ (13,1%). Больше половины всего числа перелѣловъ, о которыхъ получены свѣдѣнія, совершены были въ пятилѣтіе 1858—63 гг.; къ послѣднему пятилѣтію относится около 8% общаго числа перелѣловъ за 30 лѣтъ.

Къ сожалѣнію, мы совершенно лишены возможности въ предѣлахъ краткой замѣтки перечислить хотя бы самые выдающіеся факты народной жизни, зарегистрированные и отчасти объясненные въ трехъ новыхъ томахъ превосходнаго земскаго изслѣдованія по Тверской губерніи.

Историческій очеркъ развитія Херсонской земской сельско-хозяйственной статистики.—Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской губ. Т. VI. Херсонскій уѣздъ.—Хозяйственно-статистическій обзоръ Херсонской губ. за 1889 г. Три названныхъ изданія херсонскаго губернскаго земства, какъ это можно предполагать уже по ихъ названію, представляютъ нѣчто цѣльное, и читатель, ознакомившись съ ними, составитъ довольно полное понятіе о томъ, что такое представляетъ изъ себя херсонская земская статистика. Первая книжка рассказываетъ исторію попытокъ херсонскаго земства систематическаго ознакомленія съ экономическимъ бытомъ края, послѣднимъ моментомъ которой была организація изслѣдованія въ томъ видѣ, въ какомъ она практикуется въ настоящее время. Двѣ другія книги являются плодомъ этого изслѣдованія и служатъ образцами двоякаго рода изданій херсонскаго земскаго статистическаго бюро. Одно изъ этихъ изданій является результатомъ единовременнаго подробнаго изслѣдованія хозяйства губерніи; такое изслѣдованіе можетъ быть названо основнымъ, такъ какъ цѣлью

его служить возможное выясненіе условій самаго процесса и результатов хозяйства населенія края, хотя и схваченныхъ въ одинъ опредѣленный моментъ, но изучаемыхъ въ отношеніяхъ болѣе или менѣе постоянныхъ, вѣрнѣе говоря—измѣняющихся медленно и потому характерныхъ для извѣстнаго историческаго момента въ развитіи мѣстной жизни. Другое изданіе задается цѣлью отмѣчать ежегодныя измѣненія въ ходѣ хозяйственной дѣятельности края, измѣненія тѣхъ самыхъ условій, факторовъ и результатовъ этой дѣятельности, которые были подробно изучены одновременно изслѣдованіемъ края. Указанный двойной характеръ работъ существуетъ и въ нѣкоторыхъ другихъ земско-статистическихъ бюро, на ряду съ основнымъ изслѣдованіемъ принимавшихъ регистрацію текущихъ явленій хозяйственной дѣятельности населенія, но труды херсонскаго бюро въ значительной степени отличаются отъ аналогичныхъ работъ другихъ земствъ. Такъ, основныя изслѣдованія этихъ послѣднихъ обыкновенно имѣютъ статистическій характеръ въ томъ смыслѣ, что количественный учетъ изучаемыхъ явленій служитъ базисомъ изслѣдованія и разработка добытыхъ цифръ составляетъ главное содержаніе текста соотвѣтствующихъ изданій. Труды херсонскаго бюро имѣютъ иной характеръ. Изъ программы, опредѣляющей объемъ и характеръ изслѣдованія, исключена подворная перепись, хотя таковая была бы весьма полезна даже для той узкой цѣли, какую имѣло земство, принимая изслѣдованія, опредѣленія цѣнности и доходности земли въ видахъ правильнаго обложенія въ налогахъ. Такъ какъ для выполненія этой задачи признано было необходимымъ всестороннее изученіе сельскохозяйственной дѣятельности населенія, то отсутствіе данныхъ подворной переписи, какъ матеріала при этомъ изученіи, было причиной, что послѣднее приняло по преимуществу описательный характеръ, а въ границахъ изслѣдованія, очерченныхъ такимъ образомъ, труды херсонскаго земско-статистическаго бюро даютъ гораздо больше, нежели работа другихъ аналогичныхъ учреждений, имѣющихъ въ свою очередь то преимущество, что ими констатируются количественныя отношенія въ сферахъ изучаемыхъ явленій, ускользящія отъ вниманія херсонскихъ изслѣдователей, по крайней мѣрѣ, по тѣмъ тремъ уѣздамъ, которые были изучены исключительно на средства губернскаго земства, безъ производства подворной переписи, принятой въ остальныхъ трехъ уѣздахъ на средства уѣздныхъ земствъ. Къ числу этихъ первыхъ трехъ уѣздовъ принадлежатъ и Херсонскій, которому посвященъ указанный въ заголовкѣ рецензій VI томъ *Матеріаловъ для оцѣнки земель Херсонской губернии*. При производствѣ подворной переписи въ тѣхъ трехъ уѣздахъ, которые были изслѣдованы на соединенныя средства губернской и уѣздной земскихъ управъ, херсонское бюро отступило отъ программъ другихъ подобныхъ учреждений въ томъ отношеніи, что его перепись обнимала не одно только коренное наличное крестьянское населеніе и юридически постороннее, но имѣющее постоянное мѣстопробываніе въ описываемыхъ деревняхъ, а все наличное населеніе данной мѣстности, безъ различія сословій и занятій, приближаясь потомъ къ тѣмъ переписямъ, которыя практикуются на Западѣ и въ нѣкоторыхъ большихъ русскихъ городахъ. Насколько этотъ приемъ рационаленъ, въ краткой замѣткѣ говорить неумѣстно, но, во всякомъ случаѣ, этимъ приемомъ всеобщаго одновременнаго изученія района труды херсонскаго бюро отличаются по большей части отъ другихъ аналогичныхъ учреждений, въ которыхъ изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства производится отдѣльно отъ помѣщичьяго, причемъ къ послѣднему многія бюро даже не приступали, описаніе

же городовъ вовсе не входило въ ихъ программу. Третье изъ указанныхъ въ заголовкѣ изданій херсонскаго земства относится къ такъ называемой текущей статистикѣ, имѣющей своимъ назначеніемъ слѣдить за ежегодными колебаніями въ извѣстной сферѣ явленій мѣстной жизни. Первоначально такіе ежегодные обзоры, издаваемые нѣкоторыми земско-статистическими бюро, имѣли исключительно сельско-хозяйственный характеръ; затѣмъ, они постепенно расширялись и теперь лучшіе изъ нихъ заключаютъ въ себѣ данныя о положеніи дѣлъ въ сферѣ земледѣлія, промышленности (преимущественно кустарной) и земскаго хозяйства. Сообразно такому расширенію программы изданія, измѣнились и источники свѣдѣній о состояніи изучаемыхъ явленій. Первоначально эти свѣдѣнія получались только отъ добровольныхъ корреспондентовъ бюро, но впослѣдствіи къ нимъ присоединились данныя, сосредоточиваемыя въ земскихъ управахъ; наконецъ, съ установленіемъ института земскихъ агрономовъ, техниковъ и т. п., явился контингентъ лицъ, на обязанности которыхъ лежало, между прочимъ, собраніе лично на мѣстахъ свѣдѣній объ измѣненіи въ положеніи различныхъ отраслей народнаго хозяйства.

Ежегодный обзоръ херсонскаго бюро значительно отличается отъ другихъ обзоровъ какъ по своему характеру, такъ и по источникамъ приобрѣтенія данныхъ. По характеру этотъ обзоръ составляетъ полную противоположность основному изслѣдованію Херсонской губерніи, такъ какъ онъ является по преимуществу статистическою работою, гораздо болѣе статистическою, нежели обзоры другихъ земствъ. Это вытекаетъ изъ самаго дѣла постановки организаціи текущей статистики въ Херсонской губерніи. Тогда какъ центр тяжести этой статистики въ другихъ мѣстностяхъ лежитъ въ свѣдѣніяхъ, собираемыхъ добровольными корреспондентами земства, въ Херсонской губерніи основнымъ матеріаломъ служатъ данныя, собираемыя волостными правленіями для всеподданнѣйшаго отчета. Земство задалось цѣлью возможнаго улучшенія достоинства этихъ свѣдѣній, въ виду каковой цѣли былъ образованъ институтъ уѣздныхъ земскихъ статистиковъ, находящихся въ постоянныхъ живыхъ сношеніяхъ какъ съ мѣстными жителями вообще, такъ и съ волостными писарями въ особенности. Подъ ихъ руководствомъ послѣдніе наполняютъ цифрами графы десятковъ двухъ вѣдомостей; кромѣ того, уѣздные статистики и сами собираютъ различныя свѣдѣнія, равно какъ и подбираютъ на мѣста лицъ, способныхъ быть имъ сотрудниками и по предмету доставленія свѣдѣній по преимуществу сельско-хозяйственнаго характера. Благодаря описанной организаціи собранія свѣдѣній по текущей статистикѣ, годовые обзоры херсонскаго земства отличаются, какъ мы сказали, по преимуществу статистическимъ характеромъ. Не довольствуясь сообщеніемъ, по примѣру изданій другихъ земствъ, свѣдѣній лишь по тѣмъ сферамъ и въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это является возможнымъ по наличному состоянію органовъ собранія данныхъ, херсонское земство стремится обнять всё проявленія мѣстной жизни, начиная съ населенія, его полового, религіознаго, сословнаго состава и представить полный учетъ каждаго явленія, массовое выраженіе количества, нигдѣмъ не подвергавшагося измѣренію, вмѣсто приведенія данныхъ для тѣхъ отдѣльныхъ случаевъ, которые были болѣе или менѣе точно зарегистрированы корреспондентами, статистиками и т. п. и которые, при достаточномъ матеріалѣ, могутъ служить для характеристики сравнительнаго состоянія извѣстной отрасли хозяйства въ данномъ году, не претендуя, въ то же время, на полное выраженіе

извѣстнаго явленія. Поэтому въ обзорѣ херсонскаго земства вы имѣете свѣдѣнія не только о томъ, сколько въ данномъ году собиралось хлѣба, сѣна съ десятины земли, но и сколько собрано всего хлѣба и сѣна въ каждомъ уѣздѣ, сколько въ немъ было лошадей, коровъ и пр., фабрикъ, заводовъ и т. д. При этомъ производится сравненіе величинъ, различающихся на 1—1½%, хотя данныя, подлежащія сравненію, можетъ быть, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности на 10—20%. Затративъ много времени и мѣста на приведеніе массовыхъ свѣдѣній и расчетовъ, на нихъ основанныхъ, херсонское бюро оказывается стѣсненнымъ въ дѣлѣ констатированія тѣхъ мелкихъ измѣненій въ хозяйственной дѣятельности населенія, которые совершаются изъ года въ годъ и служатъ признакомъ прогрессивной или регрессивной метаморфозы въ сферѣ изучаемыхъ явленій и констатированіе которыхъ придаетъ такой жизненный интересъ ежегоднымъ обзорамъ нѣкоторыхъ земско-статистическихъ бюро.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Законъ и бытъ“. П. Н. Обнинскаго. — „Теорія и практика желѣзно-дорожнаго права по перевозкѣ грузовъ, багажа и пассажировъ“. И. М. Рабиновича.

Законъ и бытъ. П. Н. Обнинскаго. Выпускъ первый. 1891 г. Ц. 1 р. Настоящій выпускъ очерковъ и изслѣдованій въ области нашего права почтенный авторъ, извѣстный судебный дѣятель и публицистъ, посвятилъ нѣсколькимъ животрепещущимъ вопросамъ, а именно: 1) сферѣ изслѣдованія въ предварительномъ и судебномъ слѣдствіи, ея значенію въ вердиктѣ и границамъ, 2) недостаткамъ нашей слѣдственной части и средствамъ ихъ устраненія, 3) задачѣ и предмету судебныхъ преній, 4) судебной рѣчи, 5) адвокатурѣ, 6) вопросу о разлученіи супруговъ, 7) авторскому праву и 8) „изгоняемымъ бѣсамъ“, гдѣ говорится о народныхъ вѣрованіяхъ, какъ факторѣ преступленія, вѣрности такихъ дѣяній, о розгѣ за недоимки, о нуждахъ сельскаго обывателя и о земскихъ начальникахъ. Очерки эти появлялись въ разное время на страницахъ періодической печати и теперь лишь собраны авторомъ въ одну книгу. Всѣ они написаны такъ живо, съ такимъ желаніемъ улучшеній въ нашей юридической практикѣ, съ такимъ знаніемъ жизни, что представляются очень и очень полезными, особенно въ наше время, когда въ законы постоянно вносятся новыя и новыя измѣненія и дополненія. Отмѣтимъ нѣкоторые изъ взглядовъ автора. Опредѣляя предметъ судебного изслѣдованія и указывая недостатки нашихъ слѣдствій, П. Н. Обнинскій, между прочимъ, особенно подчеркиваетъ необходимость во многихъ случаяхъ самой тщательной разработки событія преступления со стороны биографической, нравственной и бытовой, ибо часто выясненіе только этихъ сторонъ и даетъ возможность опредѣлить силу и значеніе участвующихъ обстоятельствъ. Оставляя безъ обсужденія вопросъ о правильности дѣйствій того слѣдователя, который и далъ автору поводъ (своимъ отношеніемъ къ дѣлу) написать первый очеркъ, мы вполне согласны, что наши слѣдователи слишкомъ формально относятся къ производящимся у нихъ дѣламъ и, пренебрегая изысканіями въ указанныхъ направленіяхъ, часто лишаютъ судъ возможности произнести справедливый приговоръ, такъ какъ личность подсудимаго и обстановка, среди которой онъ дѣйствовалъ, нѣрѣдко оказываются совершенно не изученными, а при такихъ условіяхъ трудно,

конечно, судить о силѣ доказательствъ и еще труднѣе о степени вины совершившаго данный поступокъ.

Прекрасно, далѣе, обрисовано у почтеннаго автора значеніе судебныхъ рѣчей и вѣрно набросанъ тотъ идеаль, къ которому долженъ стремиться каждый судебный ораторъ: послѣдній обязанъ помнить, что иногда, выигравши дѣло, можно потерять правду, не достигъ раскрытія уголовно-судебной истины, каковую—и только ее—онъ и долженъ всегда имѣть въ виду, какъ общественный служитель. Не упущены П. Н. Обнинскимъ и всѣ отступленія отъ идеала, всѣ тѣ шаблонныя приемы судебныхъ ораторовъ, къ которымъ они прибѣгаютъ для выигрыша процесса.

Касаясь, затѣмъ, вопроса объ адвокатурѣ, авторъ приходитъ къ заключенію, что независимость, самоуправленіе и самоконтроль—единственная гарантія успѣшнаго служенія этого сословія его высокой и трудной задачѣ.

Въ шестомъ очеркѣ, какъ мы уже сказали, П. Н. Обнинскій останавливается на вопросѣ о разлученіи супруговъ. Здѣсь онъ ратуетъ съ присущею ему горячностью за предоставленіе суду свѣтскому, а не духовному или администраціи, какъ теперь, права на такое разлученіе. Что разлученіе, какъ право всѣхъ, нуждающихся въ немъ, а не какъ привилегія, дающаѣя лишь имѣющимъ случай въ административныхъ сферахъ, должно существовать—это безспорно; но почему авторъ не обратилъ вниманія на другую сторону вопроса? Вѣдь, разлученный супругъ, въ большинствѣ случаевъ, обреченъ доживать свои дни въ самомъ ложномъ положеніи и его (или разлученной жены—безразлично) естественное желаніе, избавившись отъ домашняго ада, при возможности къ тому, основать новый семейный очагъ, имѣть личную жизнь, построенную не на грубомъ эгоизмѣ, а на заботахъ о близкихъ существахъ, должно вылиться въ противузаконную связь. Не стоитъ ли, такимъ образомъ, вопросъ о разлученіи въ неразрывной связи съ вопросомъ объ облегченіи и увеличеніи причинъ къ разводу? По нашему крайнему разумѣнію, да, и рѣшить *вполнѣ* удовлетворительно вопросъ „о спасеніи“ супруговъ, стремящихся вовсе не къ „обновленію чувственнаго аскетита“, а только къ тому, чтобы „вырваться изъ непрерывной цѣпи душевныхъ и физическихъ мукъ, заживить свои, то и дѣло бередимыя раны, вздохнуть спокойнѣе“,—нельзя, не затрогивая втораго вопроса.

На этомъ можно и кончить по поводу различныхъ взглядовъ автора. Укажемъ лишь еще, что онъ вполнѣ справедливо жалуется на отсутствіе для новѣйшихъ нашихъ судебныхъ мѣстъ (земск. началн. и т. п.) одной кассационной инстанціи и на смѣшеніе въ нихъ административныхъ и судебныхъ властей.

Наша бѣглая замѣтка вполнѣ достигнетъ своей цѣли, если убѣдитъ еще незнакомыхъ со статьями П. Н. Обнинскаго—прочестъ его книгу: очерки говорятъ сами за себя, въ нихъ много житейской правды, много вѣрныхъ, хорошихъ мыслей и хорошо, горячо онѣ сказаны.

Теорія и практика желѣзно-дорожнаго права по перевозкѣ грузовъ, багажа и пассажировъ. И. М. Рабиновича. Спб., 1891 г. Цѣна 3 р. 50 к. Несмотря на громадное значеніе, которое имѣетъ для Россіи сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, въ литературѣ нашей вопросъ этотъ весьма мало разработанъ. Если мы можемъ указать еще нѣсколько сочиненій, затрогивающихъ экономическую сторону вопроса, каковы: классическій трудъ проф. А. И. Чупрова (*Жельзно-дорожное хозяйство. Его экономическія особенности и его отношенія къ интересамъ страны*, 2 тома), работы гг. Витте, Головачова и нѣкоторыхъ

друг., то мы не можемъ назвать ни одного сочиненія, охватывающаго цѣликомъ и во всѣхъ подробностяхъ какой-нибудь отдѣлъ желѣзно-дорожнаго права; вся наша литература въ этой области ограничивается небольшими работами гг. Гордона, Деларова и нѣкоторыхъ друг., касающимися почти исключительно одного только вопроса—объ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ за ущербъ, причиненный при эксплуатаціи. Поэтому появленіе книги г. Рабиновича, трактующей о важнѣйшемъ отдѣлѣ желѣзно-дорожнаго права—о юридическихъ отношеніяхъ, возникающихъ при перевозкѣ грузовъ, багажа и пассажировъ—представляется весьма своевременнымъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени ожидается окончательное принятіе международной Бернской конвенціи о перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ. „Этотъ фактъ,— по словамъ автора,— оживляетъ интересъ къ транспортному желѣзно-дорожному праву, къ разъясненію тѣхъ началъ этого права, которыя въ будущемъ должны лечь въ основаніе единообразнаго общеевропейскаго законодательства о желѣзно-дорожной перевозкѣ“.

Цѣль сочиненія г. Рабиновича—систематизація, критика и юридическое разъясненіе условій перевозки и тарифныхъ правилъ, дѣйствующихъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Трудъ свой авторъ раздѣляетъ на три отдѣла: *первый* отдѣлъ, и самый важный, посвященъ юридическимъ отношеніямъ, возникающимъ изъ *договора о перевозкѣ груза по желѣзнымъ дорогамъ*. Этотъ отдѣлъ, занимающій почти $\frac{3}{4}$ книги, разработавъ у автора наиболѣе подробно и обстоятельно; здѣсь излагаются правила о порядкѣ совершенія договора перевозки, о доказательной силѣ документовъ, о юридической природѣ договора и о послѣдствіяхъ участія въ немъ *трехъ* лицъ (отправителя, получателя и возчика); далѣе, въ этомъ отдѣлѣ авторъ останавливается на отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ по перевозкѣ грузовъ и на порядкѣ *исчисления и взысканія* слѣдующихъ желѣзнымъ дорогамъ платежей. Эта часть разработана авторомъ особенно хорошо; она представляетъ большой интересъ еще потому, что, не имѣя подѣ руками иностранныхъ образцовъ юридической обработки этого матеріала, авторъ приводитъ въ нѣкоторую систему тотъ сырой матеріалъ, который содержится въ тарифныхъ правилахъ для нашихъ дорогъ. Въ послѣдней (шестой) главѣ перваго отдѣла авторъ рассматриваетъ особые виды договора перевозки, которые, представляя собою осложненіе обыкновеннаго договора, нормируются, кромѣ общихъ правилъ, еще особыми правилами; къ числу этихъ договоровъ авторъ относитъ: прямое сообщеніе, таможенные и другія обрядности, наложенный платежъ, ссуду подѣ грузъ и „особыя условія“, установленныя для перевозки нѣкоторыхъ грузовъ. *Второй* отдѣлъ посвященъ разбору юридическихъ отношеній, возникающихъ при перевозкѣ пассажировъ, багажа и ручной клади. Наконецъ, въ *третьемъ* отдѣлѣ излагаются процессуальныя правила и правила о давности, а также нѣсколько общихъ началъ желѣзно-дорожнаго права, одинаково относящихся къ перевозкѣ грузовъ, багажа и пассажировъ и входящихъ въ область *публичнаго*, а не гражданскаго права (за исключеніемъ лишь правила о безусловной отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ за своихъ служащихъ, которое, по крайней мѣрѣ, отчасти вытекаетъ изъ существа самаго договора перевозки). Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель, по которому легко можно найти всякій предметъ, о которомъ говорится въ книгѣ.

Изъ этого краткаго обзора содержанія сочиненія г. Рабиновича можно видѣть, что оно носитъ чисто-юридическій характеръ и пред-

ставляет собой прекрасно разработанную догму современного желѣзнодорожнаго права, въ которой читатель найдетъ отвѣты почти на всѣ *юридическіе* вопросы, возникающіе при перевозкѣ грузовъ, багажа и пассажировъ.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ“. А. А. Прессъ.—
„Руководство къ химическому анализу питательныхъ и вкусовыхъ веществъ“.
И. И. Капонникова.—„Технологія нефти“. К. И. Тумскаго.

Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Составилъ инженеръ-технологъ А. А. Прессъ. Цѣна 2 руб. Мы много говоримъ объ ужасахъ войны и мало думаемъ объ ужасахъ современной промышленности. Между тѣмъ, фабричный рабочій, заключенный въ узкомъ пространствѣ среди пущенныхъ въ ходъ машинъ, напоминаетъ собою часоваго въ военное время, поставленнаго на опасной позиціи и обязаннаго пробыть извѣстное время на своемъ посту. Малѣйшій неосторожный шагъ тяжело отзывается на оплошавшемъ работникѣ и влечетъ за собою непоправимое несчастье. Смерть и увѣчые слѣдуютъ за неосторожнымъ приближеніемъ къ маховику, къ зубчатымъ колесамъ, за взрывомъ пароваго котла, при чисткѣ приводовъ, при смазываніи подшипниковъ, при надѣваніи ремня на шкивъ и при массѣ другихъ манипуляцій, перечислять которыя было бы утомительно для читателя. Авторъ вѣрно замѣчаетъ, „что каждый станокъ представляетъ собою вѣчто вродѣ хищнаго звѣря въ клѣткѣ, способнаго калѣчить всякаго, кто только неосторожно приближается къ нему“ (стр. 3); быть же вѣчно на-сторожѣ, поступать каждую минуту съ полнымъ сознаніемъ опасности и съ необходимою осмотрительностью немислимо для рабочаго. „При той обстановкѣ, при которой работаетъ большинство рабочихъ, при утомительномъ физическомъ трудѣ, продолжающемся 10—12 часовъ, въ испорченномъ воздухѣ, при томъ однообразномъ стукѣ и шумѣ, которые имѣютъ мѣсто во всѣхъ мастерскихъ, и при поштучной работѣ, заставляющей рабочаго обращать главное вниманіе на продуктивность станка, нельзя, ни въ какомъ случаѣ, требовать со стороны рабочаго такого необыкновеннаго напряженія вниманія, чтобы онъ, находясь въ тѣсномъ пространствѣ, среди разныхъ опасныхъ, быстро двигающихся ножей, пилъ, кардъ и колесъ, могъ ежеминутно слѣдить за каждымъ своимъ движеніемъ. Ежедневныя несчастія даже съ наиболѣе ловкими рабочими самымъ нагляднымъ образомъ подтверждаютъ это. Только при закрытіи и огражденіи опасныхъ частей машины, при принятіи всѣхъ рекомендуемыхъ мѣръ предосторожности и при введеніи испытанныхъ предохранительныхъ приборовъ, можно быть увѣреннымъ, что зло, о которомъ идетъ рѣчь, дѣйствительно понизится до минимальной величины“ (стр. 3).

За границей давно признана польза отъ предохранительныхъ механизмовъ; остается только пожелать, чтобы они получили право гражданства на русскихъ фабрикахъ. Безъ сомнѣнія, наши коммерсанты, какъ только правительство потребуетъ обязательнаго введенія предохранительныхъ приборовъ на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ, сдѣлаютъ все отъ себя зависящее, чтобы представить государственную защиту жизни и здоровья рабочихъ въ невыгодномъ свѣтѣ для интересовъ промышленности. Между прочимъ, они станутъ утверждать, что предохра-

нительные механизмы понижаютъ продуктивность машинъ-орудій. Но это мнѣніе не выдерживаетъ критики и опровергается на опытъ. Опытъ говоритъ намъ, что „большинство мѣръ, необходимыхъ для защиты здоровья и жизни рабочихъ, такого свойства, что, при ихъ введеніи и соблюденіи, продуктивность машинъ и качество работы значительно улучшаются“ (стр. 4). Такъ, напримѣръ, удаленіе накипи въ паровыхъ котлахъ, предупреждающее печальныя послѣдствія взрывовъ, способствуетъ экономіи топлива; правильное направленіе, данное ленточной пилѣ, дѣлаетъ ее безопасной для рабочихъ и, въ то же время, уменьшаетъ расходы на заготовку новыхъ пилъ; огражденіе маховиковъ увеличиваетъ до 3% коэффициентъ полезнаго дѣйствія машины и т. д.

Вопросъ о введеніи предохранительныхъ приборовъ приобретаетъ въ настоящее время особую важность. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, въ государственный совѣтъ вносится проектъ учрежденія государственной кассы страхованія рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ отъ несчастныхъ случаевъ. обстоятельно составленная книга г. Пресса является поэтому какъ нельзя болѣе кстати и заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны читающей публики.

Руководство къ химическому изслѣдованію питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. И. И. Канонникова, ординарнаго профессора технической химіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Съ 67 рисунками въ текстѣ. Спб. Цѣна 3 руб. При довольно широко распространеннейся и распространяющейя у насъ фальсификаціи питательныхъ и вкусовыхъ веществъ, весьма желательно было изданіе такого *Руководства*, въ которомъ были бы изложены методы изслѣдованія главнѣйшихъ пищевыхъ веществъ, а, между тѣмъ, въ русской литературѣ до сихъ поръ не было подобнаго *Руководства*. Профессоръ Канонниковъ, издавъ свое *Руководство*, дополнилъ этотъ пробѣлъ.

Изслѣдованіе питательныхъ веществъ принадлежитъ къ однимъ изъ самыхъ трудныхъ аналитическихъ работъ, и поэтому методы изслѣдованія въ нѣкоторыхъ случаяхъ являются сложными, и, кромѣ того, существуетъ нѣсколько методовъ для изслѣдованія одного и того же вещества. Излагать всевозможные методы въ *Руководствѣ* нельзя, и поэтому автору пришлось изъ всевозможныхъ методовъ выбрать только тѣ, которые дѣйствительно ведутъ къ цѣли, достаточно просты, точны и удобны. Въ выборѣ методовъ авторъ руководился тѣмъ, что почти всѣ методы, изложенные въ *Руководствѣ*, были испробованы на дѣлѣ, при практическихъ занятіяхъ со студентами при преподаваніи авторомъ курса технической химіи въ Казанскомъ университетѣ. Изъ приведеннаго въ концѣ книги списка источниковъ видно, что авторъ пользовался при составленіи своего руководства довольно обширною—какъ русскою, такъ и иностранною—литературой предмета. Такимъ образомъ, руководство профессора И. И. Канонникова является весьма цѣннымъ пособіемъ при изслѣдованіи питательныхъ веществъ: въ немъ не только описаны методы изслѣдованія, но и приведены многочисленныя таблицы, показывающія составъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Таблицы эти по большей части заимствованы изъ обширнаго нѣмецкаго руководства д-ра Кэнига, но, кромѣ того, при составленіи ихъ онъ пользовался и русскими монографіями, наприм., относительно состава печеннаго хлѣба, сыра, грибовъ и т. п.

Все сочиненіе состоитъ изъ 20 главъ. Прежде чѣмъ описывать методы изслѣдованія, авторъ знакомитъ читателя въ первой главѣ съ

свойствами важнѣйшихъ составныхъ частей питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Въ этой главѣ описаны такія вещества, какъ клѣтчатка, крахмалъ, сахаръ, бѣлки растительнаго и животнаго происхожденія, глюкозиды и т. под. тѣла. Сдѣлавъ во второй главѣ общій обзоръ анализа растительныхъ веществъ, авторъ въ слѣдующихъ главахъ подробно излагаетъ методы изслѣдованія различныхъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ, причемъ наиболѣе мѣста удѣлено хлѣбнымъ растеніямъ (пшеницѣ, ржѣ, ячменю и т. под.), печеному хлѣбу, квасу и пиву, спирту, вину и спиртнымъ напиткамъ, тростниковому сахару и другимъ сахарнымъ веществамъ, молоку, мясу, растительному и животнымъ жирамъ и масламъ. Кромѣ того, описаны и такіе продукты, какъ уксусъ, овощи и грибы, плоды и ягоды, приности (перець, горчица, корица и т. под.), чай, кофе и шоколатъ, причемъ указаны тѣ вещества, которыми ихъ фальсифицируютъ, и приведены способы открытія этихъ веществъ. Описаніе во многихъ мѣстахъ поясняется хорошо сдѣланными рисунками.

Технологія нефти. Выпускъ I. Нефть. Съ 4 таблицами чертежей, 3 картами, 18 рисунками и 34 таблицами въ текстѣ. К. И. Тумскаго. Москва, 1891 г. Цѣна 8 руб. Нефть, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ минеральныхъ богатствъ Россіи, въ которой за послѣдніе годы добычаніе ея приняло колоссальныя размѣры, благодаря чрезвычайно оживленному спросу на нее и на продукты ея обработки. Дѣйствительно, въ настоящее время нефть является почти столь же необходимой въ общежитіи, какъ и каменный уголь. Неудивительно поэтому, что она давно уже подвергается самому тщательному и всестороннему изученію какъ за границей, такъ и у насъ въ Россіи. Правда, наша литература по нефти не столь обширна, какъ иностранная, тѣмъ не менѣе, она уже настолько разрослась теперь не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи, что представляетъ собою довольно богатый и разнообразный матеріалъ, разобратся въ которомъ человѣку непосвященному является дѣломъ труднымъ и кропотливымъ. Все это и побудило г. Тумскаго заняться обработкой и систематизаціей обширнаго литературнаго матеріала по нефти какъ по иностраннымъ, такъ и по русскимъ источникамъ. По мысли автора, весь трудъ его долженъ представить собою полную и систематически обработанную технологію нефти. Въ настоящее время появился отдѣльнымъ изданіемъ только первый выпускъ этого труда, раньше печатавшійся въ видѣ особаго приложенія при *Техническомъ Сборникѣ* и *Вѣстникѣ Промышленности*. Выпускъ этотъ представляетъ собою самостоятельное цѣлое и разсматриваетъ нефть, главнымъ образомъ, въ естественно-историческомъ отношеніи, со стороны ея географическаго распространенія, геологическаго возраста и характера нефтяныхъ мѣсторожденій, ея свойствъ, химическаго состава и происхожденія, чему и посвящены первая и третья главы. Особенною полнотою въ этомъ выпускѣ отличаются всѣ свѣдѣнія о географическомъ распространеніи нефти, тщательно собранныя авторомъ изъ различныхъ источниковъ. По общію этихъ свѣдѣній, трудъ г. Тумскаго значительно превосходить не только русскія, но даже и иностранныя сочиненія по этому предмету. Что же касается свѣдѣній о химическомъ составѣ и свойствахъ нефти, то они отличаются не столько полнотою, сколько своею повѣзною, такъ какъ многія изъ нихъ почерпнуты изъ самыхъ новѣйшихъ источниковъ. Глава вторая заключаетъ въ себѣ сжатое описаніе тѣхъ веществъ, которыя обыкновенно сопровождаютъ нефть въ

природѣ или ея спутниковѣ, причемъ въ ней описываются также твердые битумы: асфальтъ, озокеритъ и др.; наконецъ, четвертая и пятая главы касаются технической и отчасти экономической стороны нефтедобыванія. Въ концѣ книги приложенъ рядъ дополненій къ различнымъ частямъ ея. Слѣдующіе выпуски, второй и третій, *Технологии нефти*, вѣроятно, будутъ напечатаны вмѣстѣ и въ составъ ихъ войдутъ заводская обработка нефти, а также подробное описаніе ея продуктовъ, съ указаніемъ всѣхъ примѣненій, какія они до сихъ поръ нашли въ практикѣ. Судя по первому выпуску, можно надѣяться, что, по своей полнотѣ и обстоятельности, трудъ г. Тумскаго составитъ весьма серьезный вкладъ въ литературу по нефти и тѣмъ значительно пополнить недостатокъ въ общихъ и руководящихъ сочиненіяхъ по этому предмету, давно уже ощущаемый не только у насъ, но и за границей. Изложеніе и внѣшность изданія вполне удовлетворительны, а многочисленныя и тщательно исполненныя рисунки и чертежи существенно облегчаютъ пользованіе текстомъ.

М Е Д И Ц И Н А .

„Земско-медицинскій сборникъ“. Д. Н. Жбанкова.—*Traité de l'hygiène publique d'après les applications dans différents pays d'Europe*, par *Albert Palmberg*.—„Климатическое леченіе вообще и наши климато-лечебныя мѣста“. Проф. Ир. Скворцова.

Земско-медицинскій сборникъ. Д. Н. Жбанкова. Вып. I. 1890 г. (губерніи Херсонская, С.-Петербургская и область Войска Донскаго). Вып. II и III. 1891 г. (Вологодская, Костромская, Уфимская и Московская губерніи). Библиографическій указатель по земско-медицинской литературѣ (приложеніе къ „Земско-медицинскому сборнику“). М., 1890 г. Цѣль и значеніе общаго труда, предпринятаго обществомъ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, въ свое время были подробно разъяснены въ цѣломъ рядѣ печатныхъ циркуляровъ, разосланныхъ во всѣ земскія управы и другія учрежденія, причемъ открыта была предварительная подписка на изданіе и на пріемъ добровольныхъ пожертвованій. Истекшее 25-тилѣтіе земскаго самоуправленія вполне естественно возбудило повсюду мысль о необходимости припомнить прошлое, критически разобратъ въ немъ и подвести правдивые итоги всему, сдѣланному земствомъ по различнымъ отраслямъ народной жизни. Опытъ, пережитый въ разныхъ мѣстахъ земской Россіи, по всѣмъ 34 губерніямъ ея, долженъ послужить хорошимъ руководителемъ въ практикѣ ближайшаго будущаго. Опытъ этотъ, несомнѣнно, дастъ возможность избѣгнуть впоследствии раньше сдѣланныхъ ошибокъ и на будущее время расходовать общественныя средства на народныя нужды возможно рациональнѣе и экономичнѣе. Какъ справедливо доказывалось на сѣздахъ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, въ циркулярахъ правленія и въ періодической печати, наша земская медицина создалась вполне самостоятельно, при полномъ отсутствіи западно-европейскихъ образцовъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи она можетъ почерпнуть многія весьма важныя практическія указанія исключительно лишь изъ своего собственнаго прошлаго. Очевидно было, однако, въ самомъ началѣ, что отдѣльныя земства единичными силами ни въ какомъ случаѣ не будутъ въ состояніи удовлетворить столь настоятельную потребность въ надлежащей степени.

Еще на второмъ сѣздѣ русскихъ врачей въ Москвѣ въ концѣ 1886

и 1887 годовъ возбужденъ былъ вопросъ о составленіи сборника о состояніи и развитіи земской медицины въ Россіи, а на слѣдующемъ сѣздѣ въ Петербургѣ постановлено было уполномочить правленіе четвертаго сѣзда изыскать средства для успѣшнаго выполненія чрезвычайно обширнаго, въ высшей степени сложнаго и труднаго предпріятія. По первоначальному проекту, сборникъ долженъ былъ составить до 150 печатныхъ листовъ большаго формата, заключающихъ въ себѣ, въ формѣ отдѣльныхъ выпусковъ, фактическія свѣдѣнія о возникновеніи, ростѣ и современномъ состояніи земской медицины, а также сводку разныхъ литературныхъ трудовъ, мнѣній и соображеній по земской медицинѣ. Стоимость изданія для предварительной подписки установлена была въ десять рублей, т. е. менѣе 7 коп. за печатный листъ, не считая приложений. Время выхода сборника и его полнота, понятно, поставлены были въ зависимость отъ полноты и качества тѣхъ свѣдѣній, какія будутъ доставлены отдѣльными земскими учреждениями, а равно отъ размѣровъ тѣхъ средствъ, которыми возможно будетъ располагать въ этомъ колоссальномъ дѣлѣ.

Въ настоящее время вышло уже три выпуска сборника, заключающихъ подробное описаніе земско-медицинскаго дѣла въ семи губерніяхъ, причѣмъ всѣ доставленныя свѣдѣнія обработаны по общей программѣ съ нѣкоторыми лишь сокращеніями доставленнаго матеріала. Каждая губернія имѣетъ свою отдѣльную нумерацію страницъ, съ тою цѣлью, чтобы по выходѣ всѣхъ остальныхъ выпусковъ можно было распределить губерніи въ алфавитномъ порядкѣ. Сначала излагается очеркъ попеченія о народномъ здоровіи при введеніи земскихъ учреждений и въ предшествовавшую эпоху (принятія земствомъ богоугодныхъ заведеній и медицинскія учрежденія, а равно медицинская помощь населенію до земства), а затѣмъ слѣдуетъ очеркъ организаціи земской врачебной и санитарной части по губерніи и по отдѣльнымъ уѣздамъ въ настоящее время и послѣдовательнаго ихъ развитія по отдѣльнымъ годамъ, системѣ медицинской отчетности и т. д.

Въ приложеніи помѣщены образцы разнаго рода бланковъ, карточекъ и вѣдомостей, программы изслѣдованія, сводъ важнѣйшихъ постановленій земско-медицинскихъ сѣздовъ и проч. По общей же программѣ обработаны свѣдѣнія по каждому отдѣльному уѣзду данной губерніи, причѣмъ сохраняются всѣ выдающіяся мѣстныя особенности врачебно-санитарной организаціи. Всѣ цифровыя данныя сгруппированы въ сводныхъ таблицахъ по губернскому и уѣзднымъ земствамъ. Кроме того, для Московской губерніи въ приложеніи помѣщены картограмма распределенія лечебныхъ учреждений, планы земскихъ больницъ, а равно примѣрныя смѣты стоимости ихъ постройки.

Что касается библиографическаго указателя по земско-медицинской литературѣ, то необходимость его составленія давно уже ощущалась въ сильнѣйшей степени. Всѣмъ извѣстно, что земско-медицинская литература достигла въ настоящее время чрезвычайныхъ размѣровъ и, притомъ, она разбросана по различнымъ журналамъ и изданіямъ, общимъ и медицинскимъ, столичнымъ и провинціальнымъ. Пользованіе всѣмъ этимъ обширнымъ матеріаломъ, который представляетъ часть историческое, частью современное значеніе, тѣмъ болѣе затруднительно, что многія медицинскія изданія уже прекратились, отдѣльныя же сочиненія стали библиографическою рѣдкостью. Притомъ, лишь очень немногія провинціальныя изданія можно добыть даже въ Москвѣ, а врачамъ, живущимъ въ провинціи, и вовсе невозможно добыть гдѣ бы то ни было

необходимыя литературныя справки. Въ виду этого, заслуживаетъ обидей поддержки и сочувствія мысль основать при пироговскихъ сѣздахъ специальную земско-медицинскую библиотеку, которой могли бы, въ случаѣ надобности, пользоваться всѣ врачи при своихъ историко-литературныхъ работахъ. Даже въ столичныхъ книгохранилищахъ нѣтъ очень многихъ земскихъ изданій, а въ самыхъ упряхихъ они случайно сохраняются лишь въ нѣсколькихъ экземплярахъ, такъ что еще чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ изгладится, пожалуй, самый слѣдъ предшествовавшихъ трудовъ. Въ изданномъ въ настоящее время библиографическомъ указателѣ всѣ книги, брошюры, газетныя и журнальныя статьи распределены по четыремъ главнымъ отдѣламъ: организація врачебной части и другіе виды врачебной помощи народу, въ связи ихъ съ земскою медициною, организація земской санитарной части и, наконецъ, статьи по изданію земско-медицинскаго сборника и по учрежденію земско-медицинской библиотеки. Затѣмъ всѣ эти отдѣлы распределены на 33 группы: врачебная помощь народу до земства, законоположенія по земской медицинѣ, отношеніе къ ней администраціи, земско-аптечный вопросъ, общественное призрѣніе хрониковъ, увѣчныхъ и сиротъ и т. д. Къ сожалѣнію, какъ видно изъ предисловія къ указателю, въ него не вошли нѣкоторыя статьи изъ общей прессы и часть провинціальныхъ земско-медицинскихъ изданій, которыхъ не оказалось ни въ одномъ изъ московскихъ книгохранилищъ, хотя и предполагается издать въ концѣ 1891 года *дополнительный* указатель. Замѣтимъ, что крайне важно было бы включить въ него *всѣ статьи* изъ общей газетной и журнальной прессы съ краткимъ указаніемъ содержанія, а равно мѣстные протоколы, журналы и доклады земскихъ собраній. Впрочемъ, составленіе такого *возможно-полнаго* указателя осуществимо лишь въ томъ случаѣ, когда всѣ отдѣльные авторы отнесутся съ большимъ сочувствіемъ къ пожеланіямъ составителя, а именно: указать всѣ замѣченные пропуски и ошибки, сообщить списокъ работъ съ точнымъ указаніемъ, гдѣ и когда онѣ были напечатаны, а равно прислать въ правленіе сѣзда (Москва, Штатный пер., д. № 24) всѣ изданія, работы, брошюры и отдѣльные оттиски по земской общественной медицинѣ и гигиенѣ. Въ настоящее время изданный указатель содержитъ въ себѣ около 4½ тысячъ отдѣльныхъ названій, съ распределеніемъ ихъ по губерніямъ, медицинскимъ журналамъ, отдѣльнымъ изданіямъ и, наконецъ, по авторамъ.

Отъ души привѣтствуя удачное выполненіе идеи, которую многіе вначалѣ считали не безъ основанія утопичною и при данныхъ условіяхъ неосуществимою, нельзя не выразить пожеланія, чтобы окончаніе весьма полезнаго предпріятія не слишкомъ замедлилось задержкою въ доставленіи мѣстныхъ свѣдѣній или по недостатку денежныхъ средствъ.

Traité de l'hygiène publique d'après les applications dans différents pays d'Europe, par Albert Palmberg. Trad. du suédois sous la direction de M. A. Hamon avec préface de M. le professeur Brouardel (210 figures dans le texte). Paris, 1891. По справедливому замѣчанію проф. Бруарделя, научная скандинавская литература мало извѣстна какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ, а мы, русскіе, даже относительно Финляндіи вынуждены пользоваться иностранными источниками, наприм., по санитарному и фабричному законодательствамъ и др. соціальнымъ вопросамъ. Авторъ названнаго выше обширнаго трактата, появившагося недавно во французскомъ переводѣ, врачъ-гигиенистъ, президентъ общества финляндскихъ врачей, вице-пре-

зидентъ гигиеническаго общества въ Гельсингфорсъ и пр., составилъ обстоятельный обзоръ организаціи санитарной службы въ Англии, Бельгии, Франціи, Германіи, Австріи, Швеціи и Финляндіи. Прежде всего, обращаютъ на себя вниманіе среднія статистическія данныя, характеризующія санитарное состояніе различныхъ государствъ и главнѣйшихъ городовъ Европы, а равно оказывающія вполне наглядно неосцѣнимую пользу, государственное, національное и экономическое значеніе санитарной организаціи по различнымъ отраслямъ народной жизни. Интересно замѣчаніе проф. Бруарделя по поводу основательнаго упрека автора по адресу Франціи за ея отсталость въ санитарномъ законодательствѣ, что законы должны ожидать своего часа, ибо они бываютъ дѣйствительны только тогда, когда ихъ предписанія существуютъ уже въ общественномъ мнѣніи, хотя бы даже въ зачаточномъ состояніи. Въ предисловіи самого автора указывается на то, что общественная гигиена—наука, быть можетъ, болѣе эмпирическая, нежели другія отрасли знанія, а примѣненіе на практикѣ теоретическихъ взглядовъ часто давало результаты совершенно иные, нежели тѣ, на которые рассчитывали.

Содержаніе книги (около 39 печатныхъ листовъ) для отдѣльныхъ государствъ обнимаетъ собою организацію санитарной службы и санитарное законодательство, смотря по степени развитія этихъ двухъ основъ практическаго примѣненія современныхъ требованій общественной гигиены. Такъ, Англія занимаетъ выдающееся мѣсто и ей посвящено пять отдѣльныхъ главъ, изъ коихъ въ первой главѣ описывается организація санитарнаго управленія (Local Government Board и мѣстные санитарные органы), въ двухъ главахъ излагается сущность санитарнаго законодательства (кодексъ общественной гигиены 1875 г. и другія санитарныя узаконенія и частныя предписанія), а остальные двѣ главы заключаютъ въ себѣ описаніе санитарнаго состоянія Лондона. Приблизительно той же программы, весьма обширной и обнимающей всѣ безъ исключенія отрасли общественной гигиены, придерживается авторъ и относительно другихъ странъ, а именно: Шотландія и Эдинбургъ (2 главы), Бельгія и Брюссель (2 главы), Франція и Парижъ (3 главы), Германія, Берлинъ и Лейпцигъ (3 главы), Австрія и Вѣна (2 главы), Швеція и Стокгольмъ (2 главы), Финляндія и Гельсингфорсъ (2 главы). Заключительная глава содержитъ обзоръ статистическихъ свѣдѣній о смертности вообще и вслѣдствіе заразныхъ болѣзней, а равно чрезвычайно интересные факты, доказывающіе практическое значеніе общественной гигиены и національныя потери при несоблюденіи ея требованій. Помимо частныхъ указаній и техническихъ подробностей, названное сочиненіе представляетъ крупный вкладъ въ современную научную литературу и можетъ оказать неосцѣнимыя услуги не только врачамъ-гигиенистамъ, но и всѣмъ другимъ лицамъ, интересующимся санитарными вопросами въ современномъ примѣненіи ихъ къ жизни.

Климатическое леченіе вообще и наши климато-лечебныя мѣста. Проф. Ир. Скворцова. I. Южный берегъ Крыма и Кавказское Черноморское побережье. (Сравнительное изслѣдованіе). Спб., 1891 г. Объ южномъ берегѣ Крыма существуетъ довольно обширная литература, но сравнительное изслѣдованіе харьковскаго проф. гигиены Ир. Скворцова займетъ въ ней видное мѣсто. Авторъ, прежде всего, знакомитъ читателей съ гигиеническимъ и цѣлебнымъ значеніемъ климатическаго леченія вообще, также какъ и съ условіями пользования имъ, а въ остальныхъ трехъ главахъ сообщаетъ свѣдѣнія о топографическихъ и быто-

выхъ условіяхъ южнаго берега Крыма и кавказскаго побережья, о температурѣ воздуха, вѣтрахъ, состояніи неба, дождливости и влажности въ главнѣйшихъ пунктахъ климатическаго леченія. Южный берегъ Крыма занимаетъ около 80 верстъ въ длину отъ мыса Ласпи до Алушты, а кавказское побережье около 300 верстъ отъ Сочи до Батума, нѣсколько южнѣе и восточнѣе, чѣмъ южный берегъ, но по географическому положенію оба находятся въ тепломъ умѣренномъ поясѣ. Основываясь на метеорологическихъ данныхъ, проф. Скворцовъ отдаетъ предпочтеніе южному берегу Крыма передъ кавказскимъ побережьемъ по топографическимъ условіямъ (самымъ по себѣ и въ связи съ эпидемическими болѣзнями) и въ бытовомъ (культурномъ) отношеніи, въ особенности при сравненіи Сочи и Сухума съ Ялтой, Алушкой, Гурзуфомъ и даже Алуштой. Однако, южный берегъ Крыма уступаетъ кавказскому побережью относительно мягкости зимы, силы вѣтровъ, ясности неба. Изъ отдѣльныхъ пунктовъ кавказскаго побережья, повидимому, въ лучшихъ топографическихъ условіяхъ находятся Сочи и Новый Афонъ, мѣстности же, занимаемыя городами Сухумомъ и Батумомъ, должны быть признаны неудовлетворительными въ санитарномъ отношеніи. Эти выводы едва ли могутъ претендовать на абсолютное и непогрѣшимое значеніе, ибо, по словамъ самого автора, они „не предрѣшаютъ того, что можетъ быть въ будущемъ, при увеличеніи заселенія и большаго распространенія земельной культуры по кавказскому побережью, которое въ этомъ отношеніи (что и какъ можно сдѣлать) заслуживаетъ тщательнаго и подробнаго изученія“. Къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи слишкомъ мало разумной предпринимчивости и пытливости въ эксплуатаціи цѣлебныхъ силъ природы, чѣмъ и объясняется общее, непростительное пренебреженіе къ тѣмъ неодоленнымъ климатологическимъ и бальнеологическимъ богатствамъ, которыя или вовсе не пользуются популярностью, или же эксплуатируются самымъ рутиннымъ и безжалостнымъ образомъ.

УЧЕБНИКИ И ПОСОБІЯ.

„Полный конспектъ по исторіи русской литературы съ самаго начала до нашихъ дней“. Н. Сивичина. — „Къ вопросу о „единообразіи“ въ орфографіи по поводу академическаго руководства „Русское правописаніе“. Вл. Шереметевскаго. — „Русская просодія“. Г. Шарловскаго. — „Примѣры и задачи по начальной алгебрѣ“. Е. Н. Тихомирова.

Полный конспектъ по исторіи русской литературы съ самаго начала и до нашихъ дней. Составилъ Николай Сивичинъ. Пермь, 1891 г. Цѣна 65 к. Составитель имѣлъ въ виду оказать посильную помощь учащимся въ среднѣеучебныхъ заведеніяхъ во время подготовки къ экзаменамъ. Г. Сивичинъ — преподаватель женской гимназіи; этимъ объясняется помѣщеніе въ его *Конспектѣ краткихъ свѣдѣній о жизни и произведеніяхъ* Гончарова, Тургенева, Осгровскаго: нашимъ гимназистамъ классикамъ, погруженнымъ въ премудрости латинской и греческой грамматики, нѣтъ времени заниматься такими пустяками. Книжка не лишена недостатковъ. Нѣкоторые, увѣряетъ г. Сивичинъ, „подъ литературой разумѣютъ все то, что совершаетъ челоѣчество, находясь подъ вліяніемъ воли, разсудка и чувства“. Неужели бываютъ такіе глупые люди? Если кто-нибудь, *находясь подъ вліяніемъ воли, разсудка и чувства*, броситъ *Конспектъ* г. Сивичина въ печь, — будетъ ли

актъ подобнаго рода *литературнымъ произведеніемъ*? Одною изъ отличительныхъ чертъ поэзіи Лермонтова г. Синицынъ считаетъ *свѣжестъ благоуханія*. Изъ произведеній Гончарова составитель *Конспекта* говоритъ объ *Обыкновенной исторіи* и *Обломовѣ*, — *Обрывъ* не разбирается въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и для этого существуютъ, дѣйствительно, педагогическія основанія.

Странно читать такія фразы въ *Конспектѣ* пермскаго преподавателя словесности: „Александръ Николаевичъ (Островскій) произвелъ *всемирное явленіе*, онъ довелъ реальную сцену до идеальнаго совершенства“, и т. д. Мы не отрицаемъ того, что *Конспектъ* г. Синицына можетъ принести пользу „во время подготовки къ экзамену по исторіи русской словесности“, но сожалѣемъ о допущенныхъ составителемъ неточностяхъ и неосторожныхъ выраженіяхъ. Издана книжка хорошо и стоитъ дешево (127 страницъ большаго формата).

Къ вопросу о „единообразіи“ въ орфографіи по поводу академическаго руководства „Русское правописаніе“. Педагогическій этюдъ Владиміра Шереметевскаго. Москва, 1890. Цѣна 65 к. Трудно сказать, чего больше въ книжкѣ, заглавіе которой только что написано, — живости и одушевленія или доказательности, остроумія и убѣдительности. Во всякомъ случаѣ, книжка эта, вся отъ первой до послѣдней страницы, читается съ такимъ интересомъ, что читатель, не совсѣмъ равнодушный къ судьбамъ орфографіи, вынесетъ, несомнѣнно, большое удовольствіе изъ своего чтенія, такъ какъ почти постоянно будетъ встрѣчаться не только съ яркимъ освѣщеніемъ, но и блестящею характеристикой положенія орфографіи въ нашей школѣ. Но дѣло не исчерпывается однимъ удовольствіемъ: благодаря своему долготѣльному опыту и отсутствію всякой рутинѣ, г. Шереметевскій ставитъ вопросъ объ орфографіи на такую рациональную точку зрѣнія, что его этюдъ является глубоко поучительнымъ. Такимъ образомъ, нельзя не считать упрощеній, предложенныхъ авторомъ, весьма желательными, какъ, съ другой стороны, нельзя не заподозрить того „единообразія“, о которомъ такъ хлопочетъ академическое руководство. Вотъ почему мы вполне убѣждены въ самомъ широкомъ распространеніи разбираемаго этюда и не хотимъ вѣрить, чтобы осуществились слѣдующія грустныя слова г. Шереметевскаго: „одинъ въ полѣ не воинъ, такомъ широкомъ и такъ загроможденномъ, какъ орфографія, и нашъ скромный проектъ, ограниченный только семью случаями, по всей вѣроятности, окажется гласомъ вопіющаго, подобно тому, какъ семь лѣтъ назадъ, предлагая собратьямъ по профессіи коллективную работу на пользу учащихся и не во вредъ самому правописанію, мы остались въ обидномъ одиночествѣ“ (стр. 87). Какъ бы то ни было, а вопросъ объ орфографіи — вопросъ для школы настолько важный, что рано или поздно найдутся такіе „собратья по профессіи“, которые не оставятъ безъ ошутительныхъ послѣдствій не только „скромнаго“, но и весьма цѣннаго проекта.

Въ заключеніе находимъ нужнымъ прибавить, что тѣ отступленія отъ распространеннаго современнаго правописанія, которыя г. Шереметевскій дозволилъ себѣ въ своемъ этюдѣ, какъ онъ и предположилъ (стр. 78 и 79), нисколько не затрудняли нашего чтенія. Изъ этого слѣдуетъ вывести, что правильность его взглядовъ показана имъ воочію и на практикѣ.

Русская просодія. Исслѣдованіе объ акцентѣ вообще и значеніе, а равно законы русскаго ударенія въ особенности. І. Шарловскаго. о. Одесса. 1890. Цѣна 1 руб. Въ свое время въ *Русской*

Мысли былъ данъ отзывъ о 3-хъ выпускахъ *Русскаго слоюударенія* г. Шарловскаго вмѣстѣ съ его же брошюрой *О благозвучи русскаго языка*. Вышедшая послѣ этого *Русская просодія*, являясь по содержанию отчасти дополненіемъ *Слоюударенія*, а отчасти, пожалуй, исправленіемъ кое-чего въ немъ, по достоинствамъ очень тѣсно прѣвѣщаетъ его. Г. Шарловскій по-старому даетъ очень много своему читателю: здѣсь можно найти и обиліе любопытныхъ наблюденій, и весьма цѣнныя обобщенія, и подчасъ довольно тонкія истолкованія самыхъ разнообразныхъ явленій въ области русской просодіи; наконецъ, авторъ потрудился, очевидно, довольно долго надъ самою системой расположенія матеріала своихъ изслѣдованій, и книга его, въ концѣ-концѣ, ляжетъ въ основаніе многихъ будущихъ работъ по тому же вопросу.

При всемъ этомъ считаемъ должнымъ сдѣлать маленькое замѣчаніе. Все предисловіе г. Шарловскаго написано въ таково духѣ, какъ будто онъ желаетъ введенія въ школу ученія о просодіи чуть ли не въ видъ отдѣльнаго предмета. Если подобное желаніе дѣйствительно существуетъ у составителя *Русской просодіи*, то, какъ намъ кажется, его раздѣлять нельзя. Нѣтъ сомнѣній, разумѣется, что весьма важно, какъ говорить г. Шарловскій, „научиться ударять правильно“, но пока нельзя требовать чего-нибудь большаго. Русская просодія—предметъ пока настолько мало разработанный, что вводить его въ школу въ настоящее время окончательно невозможно. Г. Шарловскій въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги самъ указываетъ на нѣкоторую, такъ сказать, условность найденныхъ законовъ просодіи; этого одного достаточно, чтобы заявить, что для школы пока всякое ученіе о просодіи въ широкихъ размѣрахъ преждевременно.

Примѣры и задачи по начальной алгебрѣ. Систематическое пособие для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Е. Н. Тихомировъ, преподаватель орловской гимназіи. Москва, 1890 г. Цѣна 1 руб. 25 коп. Трудъ г. Тихомирова представляетъ собою солидный томъ почти въ пятьсотъ страницъ и содержитъ около восьми тысячъ примѣровъ и задачъ. Книга эта составляетъ какъ бы добавленіе къ *Начальной алгебрѣ* того же автора, изданной въ 1887 г. и одобренной учебнымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія какъ руководство для гимназій и реальныхъ училищъ (за исключеніемъ дополнительнаго класса). Задачникъ г. Тихомирова можетъ служить прекраснымъ пособиемъ при прохожденіи алгебры по какому угодно руководству. Расположеніе учебнаго матеріала въ обѣихъ книгахъ г. Тихомирова одинаково и согласно съ программой министерства, съ тѣми лишь отступленіями отъ нея, которыя требовалось сдѣлать ради систематичности и однородности матеріала въ каждомъ изъ отдѣловъ книги: такъ, дѣйствія надъ радикалами, какъ это принято въ другихъ учебникахъ алгебры, предшествуютъ рѣшенію уравненій второй степени; все, касающееся рѣшенія и изслѣдованія уравненій первой степени, собрано вмѣстѣ; то же нужно сказать и объ уравненіяхъ высшихъ степеней. Сверхъ программы, прибавлена статья объ отношеніяхъ и пропорціяхъ, объ извлеченіи корня кубическаго изъ многочленовъ, о неравенствахъ второй степени и нѣкоторыя другія. Къ числу особенностей, выгодно отличающихъ учебникъ г. Тихомирова отъ другихъ сходныхъ съ нимъ учебниковъ, нужно отнести задачи и примѣры въ отдѣлѣ объ уравненіяхъ, какъ-то: условныя уравненія, системы уравненій невозможныя и неопредѣленныя, задачи на изслѣдованіе уравненій. Задачи на составленіе уравненій также обращаютъ на себя вниманіе читателя инте-

реснымъ содержаніемъ текста, заимствованнымъ часто изъ практической жизни, и весьма цѣлесообразнымъ размѣщеніемъ ихъ по группамъ. Рационально также и то, что числа, входящія въ составъ задачъ и примѣровъ, не загромождаютъ рѣшеній своею грандіозностью. Нѣкоторыя условія задачъ и примѣровъ заимствованы авторомъ изъ алгебраической геометріи; другія, очень подкупающія своимъ содержаніемъ, взяты изъ арифметики индусскаго математика Боскары; попадаются также задачи съ славянскимъ текстомъ, заимствованныя авторомъ изъ задачника Магницкаго, изданнаго въ 1703 году, и изъ рукописныхъ сочиненій по арифметикѣ XVII в.; среди этихъ послѣднихъ встрѣчаются задачи съ нѣсколько наивнымъ содержаніемъ, какъ, на примѣръ, задача подъ № 74. Въ главѣ о прогрессіяхъ помѣщены авторомъ тоже весьма интересные по содержанію задачи, какъ, на прим., задача о награжденіи индійскимъ царемъ Шераномъ изобрѣтателя шахматной игры Сессы жемчужными зернами, расположенными на поляхъ шахматной доски въ возрастающей геометрической прогрессіи, или задача объ Ахиллѣ и черепахѣ, извѣстная подъ именемъ софизма Зенова и др.

Указанныя особенности книги г. Тихомирова, можетъ быть, не особенно важны въ научномъ отношеніи, но онѣ способствуютъ возбужденію интереса въ учащихся къ рѣшенію математическихъ вопросовъ, что, конечно, имѣетъ весьма важное значеніе. Примѣры, которые играютъ такую важную роль при изученіи алгебры, составлены тоже весьма удачно: они довольно разнообразны, просты по выкладкамъ и расположены систематично и стройно. Единственно, гдѣ желательны нѣкоторыя измѣненія и добавленія,—это въ статьѣ о разложеніи многочленовъ на множители: число примѣровъ въ этой главѣ не пропорционально мало сравнительно съ другими статьями книги, въ особенности если принять во вниманіе чрезвычайную важность этой статьи въ курсѣ начальной алгебры. Дѣлая это замѣчаніе, мы сопоставляемъ книгу г. Тихомирова съ задачникомъ гг. Шапошникова и Вальцова, гдѣ отдѣлъ о разложеніи на множители разработанъ чрезвычайно основательно и подробно. Не лишнимъ было бы, думается намъ, удѣлить также нѣсколько номеровъ упражненіямъ на расположеніе многочленовъ по степенямъ; въ задачникѣ имѣется, правда, заглавіе этой группы задачъ, но самыя задачи не помѣщены.

На всѣ почти задачи и примѣры въ концѣ книги приложены отвѣты, что, конечно, весьма цѣлесообразно.

Въ заключеніе мы можемъ сказать, что книга г. Тихомирова, вслѣдствіе богатства и разнообразія учебнаго матеріала, доступности ея для учениковъ среднихъ способностей, прекрасной виѣшности и умѣренной цѣны, имѣетъ, повидимому, всѣ шансы на широкое распространеніе. Во всякомъ случаѣ, трудъ этотъ заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ результатъ добросовѣстной, нелегкой и продолжительной работы.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, августъ.—„Вѣстникъ Воспитанія“, кн. I—V.

Вѣстникъ Европы, августъ. По случаю недавнихъ поминокъ Лермонтова читатель ожидалъ встрѣтить въ августовской книгѣ *Вѣстника Европы* что-либо, посвященное личности и историческому значенію нашего великаго и несчастнаго поэта, тѣмъ болѣе, что номинальная лите-

ратура послѣдняго времени занимаетъ весьма видное мѣсто въ журналѣ, который вообще и прежде отличался обиліемъ серьезныхъ историко-литературныхъ изученій. Однако, пока на долю поэзіи Лермонтова не выпало здѣсь такого же сравнительно-историческаго освѣщенія, въ которомъ разсматривались въ *Вѣстникѣ Европы* еще недавно многія другія литературныя явленія. Въ особенности для сравнительно-историческаго метода изученія литературныхъ явленій, который всеумощественно культивируется въ *Вѣстникѣ Европы*, и личность, эпоха Лермонтова представляютъ очень заманчивую задачу. Въ общественной атмосферѣ, въ настроеніи лучшихъ людей между тридцатыми годами и настоящимъ временемъ найдется не мало аналогій, могущихъ бросить свѣтъ на то, почему у насъ хирѣютъ и погибаютъ богатѣйшіе задѣи ума и таланта *).

Возвращаясь къ обозрѣваемой книгѣ, нужно сказать, что она вообще лишена обще-литературнаго матеріала и состоитъ исключительно изъ такъ называемыхъ серьезныхъ статей. Даже продолжительный „лѣтній романъ *Артистка*, не изобилующій особыми художественными красотами и оригинальностью и мѣстами порядкомъ-таки скучный, обернулся на этотъ разъ къ читателю сугубо-важными и банальными своими страницами, для поглощенія которыхъ требуется не малое усиліе. Такимъ образомъ, присутствіе этого единственнаго беллетристическаго произведенія не нарушаетъ общаго характера книги. Нѣкоторыя изъ статей носятъ очень спеціальныя колориты. Таковы очеркъ сибирской этнографіи г. Пыпина; вѣдкій критическій разборъ современнаго состоянія юридическихъ наукъ на нашихъ кафедрахъ, подъ заглавіемъ *Схоластика подъ фирмою науки*, г. Слонимскаго; сухой отчетъ о научной поѣздкѣ къ Бѣлому морю г. Фаусека.

Капитальной статьей является въ августовской книгѣ историческій очеркъ г-жи Александры Ефименко: *Малорусское дворянство и его судьба*. Научныя работы почтеннаго автора всегда останавливали на себѣ вниманіе и, несмотря на свою малочисленность, сдѣлали имя его однимъ изъ тѣхъ немногихъ литературныхъ женскихъ именъ, которыми особенно гордятся русскія женщины. Читатель и на этотъ разъ не разочаруется ни въ содержательности, ни въ талантливомъ изложеніи очерка г-жи Ефименко, ни въ чрезвычайно жизненномъ принципіальномъ интересѣ статьи *Малорусское дворянство*. Съ замѣчательною ясностью и силой анализа авторъ шагъ за шагомъ прослѣживаетъ зарожденіе, ростъ и окончательное сформированіе дворянскаго сословія въ Малороссіи, послѣ присоединенія послѣдней къ Россіи въ половинѣ XVII в.

Малорусское дворянство—весьма недавняго, можно сказать, вчерашняго происхожденія, и всѣ фазы его развитія умѣщаются цѣликомъ на пространствѣ всего какого-нибудь одного съ небольшимъ столѣтія. Картина этихъ фазъ, старательно обрисованная г-жею Ефименко, представляется чрезвычайно мрачною, отталкивающей: насиліе, полнѣйшее попраніе всѣхъ человѣческихъ правъ, обманъ, всевозможныя ухищренія и окольные пути для достиженія своекорыстныхъ классовыхъ интересовъ—вотъ что представляетъ собою исторія описываемаго историческаго процесса. Образование малорусскаго дворянства было въ полномъ смыслѣ слова завоеваніе одной части населенія другою, — завоеваніе

*) Въ сентябрьской книгѣ *Вѣстника Европы* появилась статья А. В.—ина объ изданіяхъ Лермонтова.

мирное, бѣзкровное, тѣмъ не менѣе, крайне насильственное и жестокое. Непосредственно послѣ переворота, произведеннаго Хмѣльницкимъ, вѣжнорусская народность представляла собою однородную демократическую массу, въ которой не было никакихъ сословныхъ разграниченій, не существовало рабовъ и вѣрнопостнаго права, не было и крупнаго землевладѣнія. Вадтвомъ дифференцированія этой однородной массы было лишь дѣленіе на земледѣльцевъ-козаковъ, несшихъ военную службу, и посполитыхъ, исключительно занятыхъ земледѣльческимъ трудомъ. Власть была выборная и представляла собою, какъ извѣстно, войсковой урядъ—числ. военную организацію, состоявшую изъ послѣдовательной выборной иерархіи сотниковъ, полковниковъ и гетмана. Власть эта пользовалась огромнымъ значеніемъ, соединяя въ своемъ лицѣ, кромѣ военной, и административную и судебную функціи, и мало-по-малу стала избѣгаться изъ извѣстнаго, ближе къ ней стоявшаго слоя козачества, вылившаго поверхъ массы. Этотъ войсковой урядъ, вмѣстѣ съ поползившимъ его и тѣснившимся вокругъ него „моживѣйшимъ“ козачествомъ, оставилъ ядро, изъ котораго вылупилса привилегированный слой, обратившійся впоследствии въ дворянское сословіе.

Обращеніе это совершилось, прежде всего, путемъ экономическаго обезпеченія земель, на обладаніе которой устремились помыслы представителей привилегированнаго слоя. „Цѣлое столѣтіе,—говоритъ г-жа Ефименко,—налогно страстно, хищнически-беззащитничивою погоней за наживой и землей, землей, землей. Трудно заподозрить въ этихъ рыцаряхъ кармана я кулака дѣдовъ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ или безсмертнаго Аванасія Ивановича съ своею Пульхеріей Ивановной, или прадѣдовъ теперешняго малорусскаго пана и полупана, у которыхъ предприимчивость, во всякомъ случаѣ, не составляетъ слишкомъ замѣтной черты. Вся общественная энергія, вызванная возстаніемъ Хмѣльницкаго и сопровождавшими это возстаніе обстоятельствами, въ слѣдующемъ поколѣніи разошлась на приобрущеніе и захватъ“. Обращеніе пановъ изъ обыкновенныхъ козаковъ въ крупныхъ землевладѣльцевъ совершилось путемъ усиленной скупки земель, вопреки запрещеніямъ скужки со стороны русскаго правительства, путемъ насильственной покупки участковъ у бѣднаго козачества, и даже прямого ихъ захвата, и, наконецъ, полнаго расхищенія общественныхъ земель, „ранговыхъ маестностей“. Совершился этотъ экономическій процессъ на почвѣ произвола и насиія, независимо отъ какихъ-либо юридическихъ опредѣленій. Другимъ средствомъ образованія малорусскаго дворянства было закрѣпощеніе панамъ населенія захваченныхъ земель, сначала болѣе слабой его части—посполитыхъ, а затѣмъ и козаковъ. Съ одной стороны, панство лишало свободныхъ земледѣльцевъ ихъ земли и свободы; съ другой—садило свободныхъ, но безземельныхъ людей, по договору, на свои пустыя земли, а затѣмъ прикрѣпляло ихъ къ этой землѣ. Посполитые крестьяне были закрѣпощены безъ всякаго протеста. Труднѣе было лишить свободы и независимости козаковъ, чему энергично противилось и русское правительство. Но и здѣсь, какъ въ земельномъ хищеніи, паны въ качествѣ безконтрольных хозяевъ положенія не останавливались ни передъ какими несправедливыми дѣйствіями и обходами запрещеній, такъ что въ теченіе того же столѣтія совершилось фактическое закрѣпощеніе панамъ зависимаго отъ нихъ люда въ ихъ помѣстьяхъ. „Указъ Екатерины 1783 г., съ котораго считаютъ вѣрнопостное право въ Малороссіи, лишь далъ санкцію, а вмѣстѣ

съ нею, конечно, и устойчивость существующему положенію, не больше“,—говоритъ авторъ очерка.

Такимъ образомъ, и завладѣніе землей, и закрѣпленіе свободнаго земледѣльца совершились въ Малороссіи совершенно самовольно, безъ всякихъ юридическихъ нормъ, безъ всякаго давленія со стороны верховной власти, наконецъ, безъ малѣйшей санкции какихъ-либо историческихъ преданій. И уже послѣ совершившагося факта, обезпечивъ себя землей и обязательнымъ трудомъ, малорусское панство начинаетъ усиленно хлопотать о приобрѣтеніи правъ и атрибутовъ дворянскаго сословія, о признаніи себя дворянствомъ со стороны русскаго правительства. Начинается энергичное отыскиваніе „знатныхъ предковъ“,—попросту фальсификація дипломовъ или переименованіе своихъ фамилій въ польско-шляхетскія. „И что за фантастическія генеалогіи появились на свѣтъ Божій!—воскликаетъ г-жа Ефименко.—Еще хорошо, когда генеалогія примывала къ простому шляхетскому роду или придумывала какого-нибудь никогда не существовавшаго предка „референдарія надъ тобобачною Украиной“, какъ у Скоропадскихъ. А то случалось, что фантазія самозванныхъ генеалоговъ залетала поистинѣ въ высокія хоромы. Одинъ пановъ, единственно на томъ основаніи, что его предки были родомъ изъ Острога, изъяслялъ претензію на происхожденіе отъ князей Острожскихъ, для которыхъ не слышомъ высокъ былъ и польскій престоль. За шляхетство панъ готовъ былъ объявить себя не только полякомъ, но венгромъ, сербомъ, грекомъ, кѣмъ угодно, такъ какъ лишь домашнее свое малорусское происхожденіе клало безповоротнo клеймо простонародности. Карновичи производили себя отъ венгерскаго дворянскаго рода, Кочубен—отъ татарскаго мурзы, Капнисты—отъ мнѣческаго венеціанскаго графа Капнисси съ острова Занте, Иваненки—отъ не менѣ мнѣческаго волоха Іоненка“ и т. п. Между тѣмъ, нѣкоторые извѣстные малороссійскіе роды, какъ Маркевичи, Даровскіе, Герцики, Крыжановскіе имѣли своими предками выкрещенныхъ евреевъ, а очень многіе произошли отъ „славянскихъ“ (мѣщанскихъ) предковъ, содержащихъ на откупѣ шинки, или грековъ и сербовъ, занимавшихся торговлей. Таковы, напримѣръ, Кулабки, Вишневыскіе, Томары, Милорадовичи, Галаганы и др.

Рядомъ со всѣми этими фактами въ малорусскомъ панствѣ развивалось стремленіе всячески отдѣлать себя и духовно отъ остальной массы, чтобы заставить забыть свое простонародное происхожденіе. Главное средство для этой цѣли паны узрѣли въ отчужденіи отъ народнаго малорусскаго языка, составлявшаго принадлежность массы, и въ усвоеніи для себя лично сначала польскаго, а затѣмъ русскаго языка, какъ языка культурнаго, чуждаго простонародью. Это вызываетъ у нашего автора горькія размышленія: „Къ счастью или несчастью,—говоритъ онъ,—малорусское панство не видѣло и не могло въ то время видѣть, какое преступленіе сдѣлало оно всѣмъ этимъ противъ своего народа. Оно его ограбило въ конецъ духовно, ограбило тотъ самый народъ, на плечахъ котораго воздвигло свое матеріальное благосостояніе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только языкъ народной массы превращался изъ національнаго языка въ простонародный, мужицкій, онъ переставалъ проводить въ массу культурность извнѣ, и народъ оскудѣвалъ духовно. Такъ это и было съ малорусскимъ народомъ. Этимъ обстоятельствомъ на первомъ планѣ, а затѣмъ уже крѣпостнымъ правомъ, надо объяснить то рѣзкое паденіе уровня культурности малорусскаго народа, какое бьетъ въ глаза чело-

вѣку, изучающему съ бытовой точки зрѣнія два послѣднія столѣтія Не вѣдало панство, что творить“.

Таковы были главные этапы того процесса, который разомъ въ одно столѣтіе выдвинулъ изъ небытія на свѣтъ Божій малорусское дворянское сословіе. Таковы были средства, путемъ которыхъ оно возвысилось и окончательно обособилось отъ остальной массы своего народа ко второй половинѣ XVIII в. Но каковы были непосредственныя причины возникновенія дворянства въ демократической Украйнѣ и тѣ благоприятныя условія, которыя выростили и пригрѣли это чужезадное растеніе на ровной поверхности южно-русскаго соціального строя?

Г-жа Ефименко приписываетъ его возникновеніе отчасти культурному вліянію Польши съ ея идеаломъ пана и хлопа, но рѣшительнѣе всего относитъ появленіе дворянства и крѣпостничества въ Малоросіи ея союзу съ Россіей, вліянію порядковъ и взглядовъ, исторически сложившихся и окрѣпшихъ къ этому времени въ Московскомъ государствѣ. Но авторъ не развиваетъ указанного положенія въ своемъ изслѣдованіи. Врядъ ли оно можетъ быть допущено въ столь категорической формѣ. Культурныя вліянія, даже при болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ, нежели какія существовали въ тѣ времена, дѣйствуютъ слишкомъ медленно, чтобы они были въ состояніи, въ теченіе двухъ-трехъ поколѣній, привить чужому народу совершенно новыя несвойственныя еще стремленія и бытовыя формы.

Возникновеніе панства и необычайный ростъ его являются несомнѣнно результатами чисто-домашнихъ, внутреннихъ условій, доморожденнымъ продуктомъ самого малорусскаго народа. Вліятельныя условія эти были экономическаго и политическаго характера. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, было малорусское дворянство по своему происхожденію и историческому смыслу? Это не феодальная аристократія, не потомки воинственныхъ завоевателей, это даже не служилое сословіе, не органы центральной власти, какъ въ Московскомъ государствѣ; оно не обладало ни особливими историческими заслугами, ни тѣмъ нравственнымъ вліаніемъ, которое даются стародавними преданіями, обаятельными въ глазахъ массы. Это была просто зажиточная буржуазія, выдѣлившаяся изъ демократической массы благодаря своей промышленной и торговой дѣятельности, которыя, наконецъ, стали важны послѣ умиротворенія края, когда козаку можно было отложитъ въ сторону воинскіе деспѣхи.

Г-жа Ефименко ясно указываетъ источники первоначальнаго обогащенія будущаго малорусскаго дворянства. Они заключались въ разработкѣ рудниковъ, торговлѣ съ иностранцами, преимущественно же— благодаря важной привилегіи свободнаго винокуренія, предоставленной Москвой украинскому народу, въ торговлѣ водкой, особенно выгодною и удобною статьей обогащенія малорусской буржуазіи, не стѣснявшейся въ этомъ случаѣ никакими шляхетскими представленіями. Но въ этихъ завязкахъ, создавшихъ быстро господство капитала, авторъ почему-то видитъ не первоначальную императивную причину дифференцированія массы, а лишь средство, къ которому прибѣгли паны для покупки земель, чтобы сдѣлаться земельною аристократіей, т.-е. дворянскимъ сословіемъ. Врядъ ли можно приписывать формирующемуся слою такую классовую дальновидность. Но, какъ бы тамъ ни было, кромѣ экономическихъ причинъ, въ развитіи привилегированнаго сословія участвовали и другія соціально-политическія; и чуть ли не имъ принадлежитъ первенствующая роль въ обращеніи богатыхъ мѣщанъ и торговцевъ Мало-

россии въ столь короткое время въ аристократическій классъ съ обширными социальными прерогативами. Очевидно, этотъ классъ создали, прежде и главнѣе всего, полнѣйшій произволъ и путаница общественныхъ отношеній послѣ переворота, отсутствіе мало-мальски выработаннаго гражданскаго самосознанія въ массѣ, политическая неразвитость народа. Военная организація власти, годная въ періодъ кровавой національной и вѣроисповѣдной борьбы, оказалась вполне несостоятельной для умиротвореннаго края, для мирнаго гражданскаго развитія; и въ это-то время, несмотря на свой выборный демократическій характеръ, эта организація нанесла страшный вредъ свободѣ и достоинству всей южно-русской народности. Вредъ заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что она совмѣщала въ себѣ всѣ функціи—и административную, и судебную, что лица, благодаря капиталу и родству выдѣлвившіяся изъ массы въ войсковой урядъ, были полновластными правителями ея, не ограниченными никакими правовыми нормами, притомъ, правителями, лишенными всякой общегосударственной идеи, тянувшими лишь руку подобныхъ себѣ своекорыстныхъ пановъ и эксплуататоровъ народа. На протяженіи всего описываемаго авторомъ періода поражаетъ именно полное отсутствіе понятій о правѣ и законѣ, игнорированіе необходимости выработать какія-либо юридическія отношенія, или хотя бы укрѣпить правовые обычаи, существовавшіе прежде на практикѣ. Отсюда столь легкое и быстрое расхищеніе ранговыхъ маетностей, т.-е. общественныхъ земель, противозаконная скупка козачей и посполитой земли и даже прямой захватъ ея, отсюда безнаказанное закрѣпощеніе простого земледѣльца, свобода котораго въ Малороссіи не была гарантирована никакимъ закономъ, и даже прикрѣпленіе панамъ къ землѣ свободнаго козака, отсюда, словомъ, такое ничѣмъ не сдержанное побѣдное шествіе малорусской буржуазіи, возведшей себя въ дворянство безъ всякихъ историческихъ и юридическихъ доказательствъ и оправданій. Вообще исторія созиданія малорусскаго дворянства представляетъ чрезвычайно поучительный примѣръ того, къ какимъ результатамъ приводитъ политическая неразвитость народа: самое, повидимому, демократическое общество въ мірѣ, которое при вступленіи своемъ въ періодъ мирнаго гражданскаго развитія исходило изъ факта существованія у себя свободнаго земледѣльца на свободной землѣ, это общество на протяженіи одного лишь столѣтія безповоротно распадается на два рѣзко обособленные слоя: господъ и рабовъ, неправедныхъ владѣльцевъ земли и ограбленный ими матеріально и духовно народъ. Быстрота и рѣзкость процесса указываетъ, насколько шатки въ массѣ самыя демократическія бытовыя формы и инстинкты, разъ они не прошли и не закалялись въ горнилѣ общественнаго самосознанія.

Классовое своекорыстіе, отсутствіе государственной мысли и общенародной заботы сказывается все болѣе и болѣе въ дальнѣйшихъ поступкахъ малорусскаго дворянства, санкціонированнаго, наконецъ, въ своемъ достоинствѣ и правахъ указомъ Екатерины II. Въ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ оно начинаетъ выставять только домогательства и домогательства въ пользу своихъ экономическихъ интересовъ, выдвигаетъ спеціально дворянскіе вопросы и все только говорить о своихъ нуждахъ. Кругъ его общественнаго пониманія все болѣе суживается, и въ прошеніи Александру I „малорусское панство, являясь уже настоящимъ дворянствомъ, какъ будто утрачиваетъ и представленіе о томъ, что оно есть, по выраженію императора Александра I, „умъ и душа народа“; мало того, какъ будто даже и сословные свои интересы

оно начинает понимать очень узко. На ряду съ просьбами объ удержаніи литовскаго статута (для него выгоднаго), оно проситъ лишь, пространно и краснорѣчиво, о сохраненіи своихъ старыхъ правъ свободнаго винокурения и продажи вина, затѣмъ о нѣкоторомъ участіи въ выгодахъ городскаго хозяйства, наконецъ, о льготахъ по участію рекрутъ". На этомъ пунктѣ исторіи малорусскаго дворянства заканчивается очеркъ г-жи Ефименко въ августовской книгѣ. Неизвѣстно, намѣренъ ли авторъ прослѣдить дальнѣйшую дѣятельность малорусскаго дворянства, играющаго весьма видную роль въ дворянскомъ движеніи послѣднихъ лѣтъ, въ постановкѣ специально сословныхъ вопросовъ и дворянскихъ идеаловъ. Но и представленный уже г-жею Ефименко генезисъ малорусскаго дворянства въ связи съ исторіей социальныхъ отношеній внутри малорусскаго общества XVII—XVIII вв. является дѣльнымъ, содержательнымъ трудомъ, на которомъ мы не могли не остановить вниманія читателя.

Еще одна не безынтересная статья въ *Вѣстникѣ Европы* принадлежитъ женскому перу, извѣстному неутомимому хроникеру американской жизни, г-жѣ Макъ-Гаханъ. Кстати при этомъ будетъ указывать на развитіе въ послѣднее время у насъ женской литературной дѣятельности. Такъ, напримѣръ, изъ девяти именъ авторовъ подписанныхъ статей въ настоящей книгѣ *Вѣстника Европы* четыре имени женскихъ.

Въ послѣдней своей хроникѣ, трагующей о *Пауперизмѣ въ Соединенныхъ Штатахъ*, г-жа Макъ-Гаханъ описываетъ мѣры помощи неимущимъ, выработанныя и вырабатываемыя въ Америкѣ. Кое-что по этому вопросу уже сообщалось ранѣе въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ какъ самимъ авторомъ, такъ и другими, слѣдившими за литературой предмета. Новыми являются свѣдѣнія о способахъ упорядоченія праектируемой въ широкихъ размѣрахъ благотворительности въ Нью-Йоркѣ и другихъ городахъ. Эту задачу приняло на себя особое общество организаціи благотворительности. Изъ принятыхъ имъ съ указанною цѣлью мѣръ самыми замѣчательными является подробная статистика бѣдныхъ и нуждающихся, которую общество ведетъ для урегулированія помощи имъ, а также институтъ „дружественныхъ посѣтителей“, которые проникаютъ въ бѣдныя семьи и мастерскія съ цѣлью помочь имъ какимъ-либо дѣломъ или праектическимъ совѣтомъ, найти работу, поддержать энергію и т. под. На этой почвѣ преслѣдуется реальное сближеніе обезпеченныхъ людей съ неимущими, образованныхъ съ необразованными или, по крайней мѣрѣ, кладется ему начало. Ту же цѣль имѣютъ въ виду нѣсколько женщинъ, намѣреющихся устроить въ Нью-Йоркѣ нѣчто вродѣ университетскаго поселенія или убѣжища Тойнонъ въ Лондонѣ.

Нѣсколько спутываетъ представленіе о предметѣ статьи то обстоятельство, что, говоря о борьбѣ съ пауперизмомъ въ Америкѣ, авторъ не разграничиваетъ благотворительности, внушаемой состраданіемъ или религиозными побужденіями, отъ чисто-соціалистическихъ предпріятій или государственныхъ мѣръ. Послѣднія иногда называются имъ новымъ именемъ, какою-то *научною* благотворительностью, т.-е. все же филантропіей, хотя тутъ же о нихъ говорится, что въ большихъ центрахъ населенія мѣры эти принимаютъ специальныя вѣдомства и расходы ихъ покрываются налогами на гражданъ. Сюда относятся устройство школъ, бібліотекъ, банъ и купаленъ, поддержака улицъ въ чистотѣ, заботы объ огражденіи общественной правственности и о примѣненіи законовъ, регулирующихъ продажу спиртныхъ напитковъ. Въ другомъ

мѣстѣ борьба съ пауперизмомъ приводится въ связь съ распространениемъ социалистическихъ воззрѣній и съ развитіемъ социалистической прессы. „Здѣсь—свидѣтельствуетъ авторъ,—возникаютъ такія ассоціаціи, какъ „Востонскій клубъ націоналистовъ“, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго писателя Беллами, множатся вѣмецкія социалистическія газеты, издаются и имѣютъ успѣхъ такія газеты, какъ *Standard* Генри Джоржа, *The Arbiter*, *The Twentieth Century* и др. Эта послѣдняя газета, издаваемая проводниками Генри Джоржевскихъ ученій, уже въ самой программѣ своей заявляетъ, что будетъ добиваться уничтоженія частной земельной собственности, упраздненія частныхъ банковъ, скупки правительствомъ всѣхъ желѣзно-дорожныхъ и телеграфныхъ линій и передачи въ вѣдѣніе муниципалитета всѣхъ городскихъ коноей, водопроводовъ, а также изготовленія газа и электричества для городского освѣщенія“. Эта программа показываетъ, какую практическую почву избираютъ въ Америкѣ идеи европейскаго социализма.

Въ повѣствованіи автора объ американскомъ неимущемъ классѣ часто упоминается объ одной чертѣ характера гражданина великой республики,—чертѣ, которая звучитъ для насъ непривычно, которую не встрѣчали или не трудились отыскивать наши наблюдатели народа. Это—гордость бѣдняка, чувство чести и независимости, присущее всякому трудящемуся американцу, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ. Интересно поэтому своеобразное опредѣленіе пауперизма, которое мимоходомъ дѣлаетъ авторъ, очевидно, совершенно свывѣщенный съ тамошними понятіями. „Пауперизмъ“ по этому понятію есть та самая ужасная, самая болѣзненная форма бѣдности, которая сопряжена съ утратой чувства чести, инстинктовъ независимости и самоуваженія. Отличительныя черты пауперизма, по американскому понятію, это—заглушеніе всякой гордости и всякой надежды на достиженіе собственными силами лучшихъ обстоятельствъ. Если бы пришлось у насъ принимать во вниманіе такія „отличительныя черты“, то сколько даже въ обществѣ, не говоря уже о народѣ, нашлось бы пауперовъ, которыхъ никто, однако, не считаетъ таковыми. Но отсюда же, однако, видно, насколько, все-таки, обезпеченъ трудящійся американецъ, насколько менѣе подвергается онъ губительному дѣйствию голода или безработицы, если можетъ, все-таки, въ такой мѣрѣ практиковать свое національное чувство гордости и самоуваженія, что только въ крайнихъ, исключительныхъ случаяхъ примиряется съ занесеніемъ себя въ „списки вспомоствованія неимущимъ“. По свидѣтельству г-жи Макъ-Гаханъ, пауперизмъ съ его „отличительными чертами“ почти не существуетъ среди природныхъ американцевъ и распространенъ лишь среди эмигрантовъ послѣднихъ лѣтъ.

Теперь, когда нашу страну постигло страшное бѣдствіе неурожая, требующее развитія самой широкой благотворительности, самой быстрой, энергичной и хорошо организованной помощи отъ всего общества, — теперь особенно напрашиваются на мысль горькія сравненія и сопоставленія. Врядъ ли американское общество допустило бы, чтобы уже въ самомъ началѣ общественнаго бѣдствія цѣльи сотни, а, можетъ, и тысячи людей питались такимъ хлѣбомъ, какой былъ недавно присланъ въ столицы изъ голодающихъ мѣстностей, какъ ужасающій образецъ „голоднаго хлѣба“. Тамъ въ самое обыкновенное время, т.-е. постоянно, собираются огромныя суммы частныхъ пожертвованій на прямое вспомоствованіе бѣдныхъ деньгами, топливомъ и вещами. Въ одномъ Нью-Йоркѣ на этотъ предметъ тратится ежегодно

около семи съ половиною миллионъ долларовъ или свыше десяти миллионъ рублей, изъ которыхъ полтора миллиона долларовъ выдается муниципалитетомъ. Велики также суммы, собираемыя для немущихъ духовенствомъ и церквами. Въ этой свободной странѣ чрезвычайно живо и дѣятельно религиозное чувство, и вотъ почему есть церкви, которыя, помимо пожертвованій отдѣльныхъ прихожанъ на спеціальныя цѣли, каждое воскресенье собираютъ не менѣе *двухъ тысячъ* долларовъ въ пользу бѣдныхъ съ тарелокъ, обносимыхъ среди прихожанъ. Можно себѣ представить, каковы были бы сборы пожертвованій и какую колоссальную силу развила бы организованная помощь церковныхъ, общественныхъ и всякихъ иныхъ учреждений въ Америкѣ въ экстренномъ случаѣ болѣе или менѣе распространеннаго общественнаго бѣдствія.

У насъ же, кромѣ экстренныхъ, есть еще хроническія крупныя бѣдствія, которыя ежегодно вопіютъ къ небесамъ, продолжая постоянно нуждаться въ широкомъ врачеваніи и не находя его. Къ такимъ бѣдствіямъ всѣ привыкли относить обстановку переселеній крестьянъ, болыныя стороны которой вотъ уже сколько времени изъ года въ годъ не только не смягчаются, но даже усиливаются, вслѣдствіе возрастанія числа переселенцевъ. Та часть печати, для которой народъ есть только „рабочія руки“, нужныя для тѣхъ, въ интересахъ кого эта печать распинается, до сихъ поръ мечтаетъ объ обузданіи переселеній, угрожающемъ населенію и, слѣдовательно, вздорожаніемъ „рабочихъ рукъ“. Но и эта благодарная почва колеблется подъ ихъ ногами, въ виду свѣдѣній, собираемыхъ серьезными, компетентными знатоками вопроса. Къ такимъ относится, разумѣется, г. Ядрищевъ, представившій въ обзорѣваемой книгѣ *Вѣстника Европы* сводъ наблюденій, мнѣній и фактовъ по переселенческому движенію за послѣднее десятилѣтіе, въ которое собственно переселеніе развилось. Одна изъ цѣлей г. Ядрищева — поколебать вышеприведенное утвержденіе противниковъ переселеній. Оказывается, что всего выселяется въ Сибирь ежегодно до 40 тысячъ переселенцевъ. Вдумываясь спокойно, это вовсе не будетъ громадный процентъ на 90 миллионъ населенія, — говоритъ г. Ядрищевъ. — Поэтому опасенія, что выселеніе повліяетъ на экономическую жизнь цѣлыхъ губерній Россіи, едва ли основательны. И вотъ 25% этого числа ежегодныхъ переселенцевъ, т. е. десять тысячъ человекъ, представляютъ группу крайне бѣдствующую, положеніе которой въ пути самое *безвыходное*, ибо они уже не имѣютъ *никакихъ* ресурсовъ. Помощь же изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи чиновниковъ по переселенческой части, при наплывѣ переселенцевъ, доходитъ нынѣ только до 3 и 5 р. на семью.

Въ перечнѣ главнѣйшихъ неурядицъ переселенческаго дѣла и нуждъ переселенцевъ, обстоятельно изображенныхъ въ хроникѣ г. Ядрищева, за недостаткомъ мѣста, упомянемъ лишь одну, удовлетвореніе которой не представляетъ, кажется, ничего невозможнаго. Это — распространеніе въ народѣ болѣе точныхъ свѣдѣній о Сибири. Констатируется, что переселенцы сплошь и рядомъ не имѣютъ самыхъ элементарныхъ географическихъ и топографическихъ свѣдѣній о странѣ, въ которую переселяются. Они выбираютъ мѣстность по слухамъ, имѣя о ней ложное или преувеличенное понятіе и не имѣя ни малѣйшаго представленія о сибирскихъ разстояніяхъ.

Странно, что до сихъ поръ люди, выдающіе народную литературу, не позаботились составить нѣсколько книжекъ о Сибири, гдѣ сообща-

лись бы хотя элементарныя свѣдѣнія географическаго и экономическаго характера о странѣ, куда у всѣхъ на глазахъ бредутъ ежегодно десятки тысячъ темнаго народа, пробавляющагося самыми смутными о ней представленіями. Въ то время, какъ на глаза мечутся постоянно десятки всевозможныхъ „путеводителей“ по Кавказу, по Крыму, на Иматру и т. п., мы нигдѣ не встрѣчали популярной географіи Сибири или какой-нибудь справочной книжки, которая мало-мальски отвѣчала бы нуждамъ народа въ ознакомленіи со странами, куда направляется переселеніе. Между тѣмъ, съ распространеніемъ грамотности, всѣ доступныя свѣдѣнія популярно-научнаго и экономическаго характера о Сибири, Уссурийскомъ краѣ, Туркестанѣ, навѣрное, дошли бы и распространялись въ массѣ. За изданіе ихъ, наконецъ, могло бы взяться сибирское отдѣленіе Императорскаго географическаго общества. Быть можетъ, противники переселеній опять забьютъ тревогу по поводу распространенія въ народѣ знаній о Сибири, и подобно тому, какъ они это дѣлаютъ относительно матеріальной помощи и упорядоченія переселенческаго движенія, будутъ обвинять народную литературу о Сибири въ томъ, что она искусственно вызываетъ движеніе. Но такое утвержденіе было бы столь же, если не болѣе, нелѣпо, нежели остальные іереміады реакціонной печати по поводу переселеній. Наоборотъ, ознакомленіе народа въ школахъ и путемъ народныхъ изданій съ Сибирью, съ ея ужасающими разстояніями, съ условиями жизни въ степныхъ кочевыхъ мѣстностяхъ среди инородцевъ, съ трудностями пути и т. п., вѣроятно, отбило бы охоту переселяться у многихъ, по крайней мѣрѣ, у тѣхъ, кто, по незнанію, относится слишкомъ легкомысленно къ своему переселенію и не расчитывается своихъ силъ для далекаго пути. Въ этомъ отношеніи можно, опять-таки, сослаться на мнѣніе нашего компетентнаго автора. „Вѣроятно, только совершенное отсутствіе представленія объ отдаленности края и о предстоящихъ лишеніяхъ на дорогѣ,—замѣчаетъ г. Ядринцевъ,—придаетъ переселенцамъ рѣшимость въ столь дальнихъ странствіяхъ“.

Вѣстникъ Воспитанія, кн. I—V. Собираясь дать отчетъ о вышедшихъ пяти книжкахъ журнала *Вѣстникъ Воспитанія*, мы остановились, прежде всего, на заявленіи редакціи: „Годъ тому назадъ, приступая къ изданію своего журнала, признаемъ, мы не безъ страха и трепета брались за это дѣло“, — такъ начинается редакція свое обращеніе къ читателямъ. Такое опасеніе за будущность журнала вытекало, по словамъ редакціи, изъ неизвѣстности и неувѣренности относительно того, какъ отнесется общество къ журналу, взявшему на себя задачу выясненія и развитія медико-педагогическихъ началъ воспитанія: многія аналогичныя изданія изъ прежняго времени быстро прогорали, благодаря холодности нашей публики къ вопросамъ воспитанія. Но сознание важности и необходимости существованія такого журнала, который бы знакомилъ публику, а, главнымъ образомъ, родителей и воспитателей съ физиолого-гигиеническими и педагогическими принципами воспитанія, заставило редакцію приступить къ изданію задуманнаго журнала. По прошествіи года редакція съ удовольствіемъ могла констатировать фактъ значительнаго интереса со стороны общества къ вопросамъ, разработку которыхъ взялъ на себя юный журналъ, и, такимъ образомъ, тревожныя опасенія за будущность журнала рѣшительно ничѣмъ не оправдались. Число подписчиковъ превзошло ожиданія редакціи, причѣмъ оказалось, что провинція въ дѣлѣ интереса къ вопросамъ воспитанія нисколько не отстаётъ отъ столицъ; нашлись

и научныя, и литературныя силы, необходимы для веденія серьезнаго журнала.

Отмѣчая затѣмъ фактъ небывалаго у насъ и за границей оживленія и интереса со стороны общества къ вопросамъ воспитанія и принимая въ соображеніе, что наша пресса вообще очень мало времени удѣляетъ педагогическимъ вопросамъ, касаясь ихъ только въ исключительныхъ случаяхъ, наприм., по поводу дѣла Скублинской и т. п., редакция еще болѣе убѣждается въ необходимости существованія такого журнала, въ которомъ бы общество находило отвѣты на свои многочисленные запросы въ сферѣ воспитанія и который знакомилъ бы русскую публику съ выдающимися моментами современнаго научнаго развитія вопросовъ педагогики и помогалъ бы родителямъ и воспитателямъ разобраться въ массѣ возникающихъ новыхъ теорій и гипотезъ. Указывая затѣмъ на нѣкоторыя мелкія измѣненія въ составѣ программы журнала, какъ, наприм., соединеніе двухъ отдѣловъ — критики и библиографіи въ одинъ, редакция заканчиваетъ свое обращеніе къ обществу заявленіемъ, что она не придерживается никакой исключительной политической программы, считая неумѣстнымъ вносить какой-либо особый оттѣнокъ въ такое серьезное и важное дѣло, какъ воспитаніе дѣтей, причемъ она тутъ же прибавляетъ, что никогда не откажется отъ своего сочувствія ко всему разумному, откуда бы оно ни исходило, а таковымъ по преимуществу она считаетъ естественно - историческое направленіе, которое и старается послѣдовательно проводить въ своемъ журналѣ.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ январской книжкѣ журнала, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе интересная статья г. Коропчевскаго *Цѣль образованія*. Авторъ говоритъ, что усиленное вниманіе общества къ педагогическимъ вопросамъ составляетъ одно изъ характерныхъ явленій нашего времени и вызывается оно, главнымъ образомъ, тревогой за будущность молодаго поколѣнія. Такое отношеніе общества къ вопросамъ воспитанія имѣетъ слѣдствіемъ то, что всякое недовольство настоящимъ и всякія стремленія устранить замѣченные недостатки въ будущемъ заставляютъ обращать глаза на педагоговъ. Послѣднимъ часто приходится слышать упреки въ томъ, что они не исполняютъ своихъ обязанностей, и требованія, чтобъ они въ будущемъ пополнили ихъ надлежащимъ образомъ. И требованія, предъявляемыя педагогамъ, съ теченіемъ времени становятся все разнообразнѣе и сложнѣе.

Затѣмъ педагоги, по общему мнѣнію, обыкновенно оказываются людьми, не умѣющими преподавать и воспитывать юношество, благодаря чему школы выпускаютъ массу людей, не пригодныхъ ни къ какой общественной дѣятельности и, въ концѣ - концовъ, погибающихъ самымъ жалкимъ образомъ. На всѣхъ этихъ неудачниковъ педагогамъ указываютъ какъ на плоды ихъ неумѣлаго воспитанія. Всѣхъ, критикующихъ такимъ образомъ систему современнаго образованія, можно подраздѣлять на три категоріи: одни совершенно отрицаютъ современную культуру и необходимость существованія самихъ школъ, другіе возстаютъ противъ направленія современнаго образованія, третьи высказываются противъ его содержанія, противъ ненужности и непримѣнности его къ практической жизни.

Существующее различіе нападокъ на современную школу между двумя послѣдними категоріями обуславливается прямо различіемъ въ общественномъ положеніи нападающихъ. Помѣщики, чиновникъ, худож-

никъ, купецъ, крестьянинъ—каждый предъявляетъ къ школѣ свое, отличное отъ другихъ, требованіе, ибо задачи образованія каждымъ изъ нихъ понимаются различно. Деревенскій житель, сельскій хозяинъ обыкновенно возмущается противъ массы книжныхъ теоретическихъ, съ его точки зрѣнія, ни къ чему ненужныхъ знаній, сообщаемыхъ школой, и отсутствіемъ въ дѣтахъ физической силы и выносливости; человѣкъ свободной профессіи требуетъ отъ школы, чтобъ она развивала въ своихъ питомцахъ жизненную сноровку и искусство приспособляемости и т. д. Однако, большинство родителей, несмотря на различіе во взглядахъ на задачи и цѣль образованія, обыкновенно сходятся въ одномъ требованіи—требованіи, чтобы школа, главнымъ образомъ, развивала тѣ свойства и способности, которыя обеспечиваютъ успѣхъ на жизненномъ пиру. Нельзя не согласиться, вмѣстѣ съ авторомъ, что это — очень печальное явленіе и указываетъ на то, что прежній идеалъ образованнаго человѣка, какъ гуманнаго по преимуществу, какъ источника свѣта для всѣхъ, кто въ немъ нуждается, замѣненъ совсѣмъ другимъ идеаломъ, — идеаломъ человѣка, получившаго жизненную сноровку, искусство приспособляемости и чисто-практическія знанія, дающія возможность хорошо устроиться въ матеріальномъ отношеніи. Переходя затѣмъ къ вопросу, чѣмъ должна быть школа и какія требованія къ ней можно и должно предъявлять, авторъ говоритъ, что всѣ сужденія въ этомъ направленіи до тѣхъ поръ будутъ голословными, пока они не будутъ основываться на точныхъ данныхъ относительно физической, а затѣмъ и умственной организаціи учащихся. А такія данныя можетъ дать только антропологическая статистика. Однако, и безъ данныхъ антропологии едва ли ошибочно будетъ утверждать, что дѣти, вступающія въ школу, несутъ въ себѣ далеко не полный запасъ физическихъ и умственныхъ силъ; вѣдь, признаки вырожденія, разстройства нервной системы, нервность, переутомленіе и проч., — все это типическія черты взрослыхъ членовъ нашего общества. А можетъ ли быть у такихъ субъектовъ вполнѣ здоровое потомство? И явленіе переутомленія, столь обычное въ средѣ учащихся, не есть ли, въ нѣкоторой степени, слѣдствіе менѣе устойчивой физической организаціи современной школьной молодежи? Кромѣ данныхъ антропологии, для рѣшенія поставленнаго вопроса нужно принять въ соображеніе и данныя экономической науки. „Статистика показываетъ намъ, что населеніе каждой страны находится въ постоянномъ движеніи, причѣмъ происходитъ болѣе или менѣе значительный приливъ изъ деревень въ городъ, что именно и способствуетъ освѣженію и поддержанію жизненности городского населенія“. А потому государство должно предоставлять одинаково свободный доступъ въ среднюю школу всѣмъ способнымъ дѣтямъ, къ какимъ бы сословіямъ они ни принадлежали. Свободно допуская въ среднія учебныя заведенія дѣтей, наприм., крестьянскаго сословія, правительство тѣмъ самымъ привлекло бы въ школу тѣ наиболѣе сильные физически, энергичные и мужественные элементы, которые всего лучше могутъ служить къ освѣженію и улучшенію состава школы.

И такъ, затрудненія въ школьномъ дѣлѣ происходятъ не отъ однихъ только педагогическихъ недочетовъ, но и отъ недостаточной физической организаціи учащихся. Общее усиленіе и улучшеніе состава школы достигается допущеніемъ въ нее свѣжихъ элементовъ. Заканчивая свою статью, авторъ говоритъ, что задачей школы должно быть распространеніе въ обществѣ культурности и гуманности, какъ истинной цѣли общаго образованія.

Статья Н. Соколова *Къ вопросу о нравственномъ воспитаніи* сѣтуетъ на то, что наша школа не только игнорируетъ задачи нравственнаго воспитанія, но и утверждаетъ, въ лицѣ многихъ своихъ представителей, что обязанность нравственно воспитывать дѣтей должна всецѣло лежать на родителяхъ. Конечно, это прамая ихъ обязанность. Но если, возражаетъ Н. Соколовъ, принять въ соображеніе, что большинство нашихъ семей сами коснѣютъ въ невѣжествѣ относительно своихъ нравственныхъ обязанностей, то придется придти къ заключенію, что врядъ ли можно взваливать на ихъ плечи столь важную, отвѣтственную и для нихъ недоступную задачу нравственнаго воспитанія. Въ рукахъ же школы всѣ данныя для нравственнаго воздѣйствія на своихъ питомцевъ. Задача школьнаго нравственнаго воспитанія, по мнѣнію автора, рѣшается при помощи неуклоннаго и систематическаго выясненія нравственныхъ идеаловъ и развитія въ юношахъ мышленія, т.-е. сознательно-критическаго отношенія къ себѣ и окружающимъ. Очень интересна статья В. Острогорскаго *Педагогъ-идеалистъ*, посвященная памяти умершаго К. Д. Ушинскаго и знакомящая насъ съ образомъ мыслей и характеромъ дѣятельности одного изъ лучшихъ русскихъ педагоговъ. „Ушинскій былъ, прежде всего, идеалистъ“, — такъ опредѣляетъ нравственную фязіономію Ушинскаго г. Острогорскій, идеалистъ въ томъ смыслѣ, что, разъ убѣдившись въ существенной необходимости выясненія, развитія и примѣненія къ жизни педагогическихъ началъ, онъ всю жизнь свою отдалъ на служеніе просвѣщенію своей родины. Прекрасно сознавая, какъ важно образованіе для многомилліонной массы русскаго народа, только что освободившагося изъ-подъ гнета вѣковаго мрака, безправія и невѣжества, онъ особенно ратовалъ за широкое распространеніе народныхъ школъ. Придавая огромное значеніе личности учителя, Ушинскій особенно настоятельно указывалъ на необходимость для него, кромѣ общаго, еще особаго педагогическаго образованія.

Ушинскій былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ поборниковъ серьезнаго женскаго образованія, полагая, что женщина для успѣшнаго выполненія одной изъ своихъ главныхъ обязанностей — воспитывать дѣтей—должна обладать солидными научными снѣдѣніями. Особенно много сдѣлано покойнымъ К. Д. для женскаго образованія въ бытность его инспекторомъ Смольнаго института: онъ дѣятельно занимался разработкой учебныхъ программъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ; имъ положено основаніе особаго педагогическаго восьмаго класса, введено наглядное обученіе, въ основаніе всего образованія положенъ русскій языкъ и т. д.

Изъ педагогическихъ произведеній Ушинскаго наиболѣе важны и интересны два: *Родное Слово* и *Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи*. О первомъ распространяться нечего: значеніе его, какъ лучшей книги для семейнаго чтенія, извѣстно всей читающей Россіи; второе посвящено горячей идеализаціи труда, который есть основа всякой разумной жизни и залогъ душевнаго мира и прогрессивнаго развитія. Однако, несмотря на благородную, гуманную и просвѣщенную дѣятельность К. Д. Ушинскаго и его извѣстность какъ автора *Роднаго Слова* всей читающей русской публикѣ, до сихъ поръ имѣется только единственное собраніе его сочиненій, вышедшее лѣтъ пятнадцать тому назадъ, мало кому извѣстное и, быть можетъ, уже давно разошедшееся. Г. Острогорскій заканчиваетъ свою статью пожеланіемъ, чтобы поскорѣе вышло дешевое изданіе сочиненій Ушинскаго или, по

крайней мѣрѣ, путемъ объявленій была бы дана возможность приобрести старое. Нельзя не присоединиться къ пожеланію автора.

Статья X. Цинка *О значеніи отмытокъ въ школьномъ воспитаніи* довольно убѣдительно доказываетъ бесполезность и даже вредъ существованія системы балловъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Статья написана не безъ остроумія и подкреплена довольно вѣскими данными изъ личного опыта автора.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ февральской книжкѣ, скажемъ нѣсколько словъ о двухъ: *Дистерверъ С. К.* и *Табакъ — гибель молодежи* В. Португалова. Первая знакомитъ насъ съ жизнью и дѣятельностью одного изъ самыхъ замѣчательныхъ педагоговъ Германіи, со дня рожденія котораго исполнилось въ прошломъ году сто лѣтъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ гуманныхъ, образованныхъ и высочайше талантливыхъ педагоговъ того времени. Педагогическія идеи, которыя онъ развивалъ и пытался провести въ жизнь тѣхъ учебныхъ заведеній, во главѣ которыхъ онъ стоялъ, и до сихъ поръ еще не утратили своего значенія. Статья г. Португалова содержитъ возраженіе на брошюру: *Курите, сколько хотите*. Въ этой брошюрѣ неизвѣстный авторъ утверждаетъ, что табакокурение нисколько не вредно, а при той скупѣ, которая составляетъ характеристическую черту современной жизни, такъ даже прямо необходимо. Опровергая положенія автора брошюры, г. Португаловъ приводитъ цѣлый рядъ довольно интересныхъ солидныхъ научныхъ данныхъ, основанныхъ на точныхъ экспериментахъ надъ дѣйствіемъ никотина, и наблюденія изъ своей собственной многолѣтней врачебной практики. Статья вполне основательно и убѣдительно доказываетъ весь вредъ куренія табаку.

Въ мартовской книжкѣ заслуживаетъ вниманія статья М. Перфильева: *Что такое дѣти, трудная въ воспитательномъ отношеніи*, затрогивающая важный вопросъ о нервныхъ дѣтяхъ. „Такія дѣти, — замѣчаетъ авторъ, — въ наши дни сдѣлались, можно сказать, обыденнымъ явленіемъ, поминутно встрѣчающимся, и съ нимъ надо считаться какъ можно скорѣе и энергичнѣе, ибо оно стало крупнымъ общественнымъ зломъ“. Характеристическія черты такихъ дѣтей: они капризны, нервы, упрямы, своенравны; легко поддаются на хорошее и дурное, обладаютъ быстрою возбудимостью и такою же быстрою утомляемостью. Врачи нерѣдко констатируютъ у нихъ сердечные неврозы, клоническія судороги въ мышцахъ лица, невралгіи разныхъ органовъ и т. п. Анализируя причины возникновенія такого печальнаго явленія, авторъ находитъ, что причины его частью историческія, но, главнымъ образомъ, онѣ коренятся въ условіяхъ семейнаго и школьнаго воспитанія. Историческія причины сводятся къ вопросу о наследственности: нерѣдко тотъ или другой родитель еще до брака носитъ въ себѣ то или другое конституціональное расстройство и передаетъ его по наследству своимъ дѣтямъ, что и выражается у послѣднихъ въ тѣхъ аномаліяхъ нервной системы, которыя и характеристичны для дѣтей, такъ называемыхъ трудныхъ въ воспитательномъ отношеніи. Семейная жизнь въ нашемъ обществѣ складывается обыкновенно очень неблагоприятно для дѣтей: недостатокъ общаго и педагогическаго образованія родителей, отсутствіе мужскаго вліянія (такъ какъ глава семейства дни свои проводитъ обыкновенно внѣ дома), отсутствіе внутреннего порядка и дисциплины, небрежный уходъ за дѣтьми — вотъ большинство нашихъ семей. И неудивительно, если при такихъ воздѣйствіяхъ получаютъ такія дѣти. Что же касается школы, то она, въ силу своихъ чисто-спеціальныхъ

школьныхъ условій, еще болѣе развиваетъ и укрѣпляетъ несимпатичныя и ненормальныя особенности такихъ дѣтей, которыя становятся тогда уже не только трудными въ воспитательномъ отношеніи, но и трудно-образовательными. Въ концѣ - концовъ, изъ такихъ дѣтей получаютъ субъекты съ недостаточною самодѣятельностью ума, слабостью и раздражительностью чувствованій, однимъ словомъ, безхарактерные и распущенные. Статья читается съ большимъ интересомъ, какъ потому, что выдвигаетъ одинъ изъ важныхъ вопросовъ современной педагогики, такъ и потому, что она представляетъ яркую и въ общемъ довольно вѣрную картину нашего семейнаго воспитанія.

Довольно интересныя и полезныя указанія даетъ статья И. Гориневскаго *О физическомъ закалываніи, какъ средствѣ воспитанія*, помѣщенная въ апрѣльской книжкѣ. Какъ воспитательное средство, физическое закалываніе практиковалось еще въ глухой древности, да и теперь довольно широко практикуется во многихъ нашихъ семьяхъ. Но, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, ведется оно хотя и систематически, но совсѣмъ не рачіонально, благодаря незнанію физиологіи человѣческаго организма и самыхъ элементарныхъ требованій гигиены, и потому неудивительно, что оно наноситъ нерѣдко страшный и непоправимый вредъ организму. Такое систематическое и чрезмѣрное закалываніе имѣетъ слѣдствіемъ обыкновенно полное истощеніе организма. Защитники чрезмѣрнаго закалыванія любятъ ссылаться на крестьянское сословіе, прошедшее школу суроваго закалыванія, а потому и наиболѣе выносливое, и наиболѣе физически развитое. Но если взглянуть на вопросъ пошире и повнимательнѣе, то придется придти къ заключенію, что хотя въ общемъ крестьянское сословіе дѣйствительно выносливѣе, но нельзя сказать, чтобы оно было здоровѣе... Одностороннее развитіе какихъ-нибудь органовъ—явленіе столь обычное у нашихъ крестьянъ. Еще не доказываютъ здоровья сильныя руки, способныя поднимать большія тяжести; еще не говоритъ въ пользу того, что у обладателя ихъ такія же здоровыя легкія, сильное сердце, здоровый желудокъ. Вѣдь, здоровье, съ научной точки зрѣнія, заключается въ гармоническомъ развитіи органовъ и въ совершенно правильной ихъ дѣятельности. Если же этой гармоніи нѣтъ, нѣтъ и здоровья. Съ другой стороны, невольное закалываніе организма, порождаемое у нашего крестьянскаго населенія исключительно тяжелыми условіями его существованія, обходится очень дорого: организму для выработки физической приспособляемости къ этимъ тяжелымъ условіямъ приходится тратить массу жизненной энергіи, и неудивительно, если статистика заболѣваемости и смертности среди крестьянскаго населенія (особенно среди дѣтей) даетъ большія цифры, чѣмъ та же статистика городского населенія. Заканчиваетъ свою статью авторъ указаніемъ на тѣ разумныя гигиеническія правила, при соблюденіи которыхъ только закалываніе можетъ сдѣлаться могучимъ средствомъ физическаго воспитанія. Мы рекомендуемъ эту статью всѣмъ интересующимся вопросами чисто-физическаго воспитанія. Кромѣ этой, въ апрѣльской книжкѣ мы находимъ еще цѣлый рядъ очень интересныхъ статей: Н. Василькова *Оцѣнка Контя о воспитаніи*, Н. Зографа *Что можетъ дать школа антропологии и антропологія школь*, Н. Воронова *Внушеніе и наследственность у нашихъ дѣтей*. Въ пятой (сентябрьской) книжкѣ *Вѣстника Воспитанія* помѣщенъ переводъ статьи Прейера *Развитіе души ребенка*. Въ этой статьѣ, въ доступной формѣ, сообщаются важныя для родителей и воспитателей наблюденія и соображенія нѣмецкаго ученаго. Въ нѣсколькихъ ориги-

нальныхъ статьяхъ книжки горячо проповѣдывается гуманное воспитаніе въ семьѣ и школѣ и необходимость заботливаго отношенія къ нравственнымъ и умственнымъ запросамъ учащейся молодежи со стороны классическихъ педагоговъ, одереветѣвшихъ на аористахъ и герундіяхъ. Заканчивая свой отзывъ, мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что по солидности и научности своего направленія, по важности и умѣлой обработкѣ затрогиваемыхъ имъ вопросовъ, *Вѣстникъ Воспитанія* занимаетъ видное мѣсто въ ряду нашихъ педагогическихъ журналовъ и вполне оправдываетъ свое назначеніе—знакомить родителей и воспитателей съ педагогическими принципами и тѣмъ облегчать имъ трудную задачу воспитанія дѣтей.

Поставивъ себѣ цѣлью знакомить русскую публику, главнымъ образомъ, съ физиолого-гигіеническими или чисто-медицинскими принципами воспитанія, редакція помѣщаетъ на страницахъ своего журнала также и статьи, имѣющія чисто-педагогическій характеръ, и старается такимъ образомъ возможно полнѣе и разностороннѣе освѣтить и разработать вопросы воспитанія.

Отъ души желаемъ *Вѣстнику Воспитанія* развиваться и крѣпнуть въ томъ серьезномъ и вдумчивомъ отношеніи къ вопросамъ воспитанія, которое ознаменовало содержаніе этого журнала съ первыхъ же шаговъ его существованія.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛЮГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книгя.

Стж.

- Беллетристика: „Осенью“. *А. Н. Баранова.*—„Море и моряки“. *А. П. Чермано.*—„Умныя рѣчи, красныя слова великихъ и невеликихъ людей“. *Изд. П. К. Мортянова.*—„Цвѣтъ нашей интеллигенціи“. *Его же.*—„Пѣсни сердца“. *Его же.*—„Пѣсни жизни, слезъ и смѣха“. *Его же.*—„Характеры или нравы этого вѣка“. *Жана де-Лабрюйера.* 381
- Исторія литературы и биографіи: „Die Litteratur des neunzehnten Jahrhunderts in ihren Hauptströmungen“, *von Georg Brandes.*—„Филологъ Васильевичъ Рудаковъ, педагогъ-дѣятель въ Восточной и Западной Сибири“ 388
- Антропология и этнографія: „Дневникъ антропологическаго отдѣла“.—„Опытъ изученія малорусскихъ думъ“. *Лисовскаго.* 392
- Политическая экономія и статистика: „Между Востокомъ и Западомъ“.—„Исторія политической экономіи“. *Дж. Инграмъ.*—„Памятная книжка Воронежской губ. на 1891 г.“.—„Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ.“.—„Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Тверской губ.“.—„Историческій очеркъ развитія херсонской земской сельско-хозяйственной статистики“.—„Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской губ.“.—„Хозяйственно-статистическій обзоръ Херсонской губ. за 1889 г.“. 393
- Юридическія книги: „Законъ и бытъ“. *Н. П. Обвинскаго.*—„Теорія и практика желѣзно-дорожнаго права по перевозкѣ грузовъ, багажа и пассажировъ“. *И. М. Рабиновича.* 401
- Техническія книги: „Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ“. *А. А. Прессъ.*—„Руководство къ химическому изслѣдованію питательныхъ и вкусовыхъ веществъ“. *И. И. Канонникова.*—„Технологія нефти“. *К. И. Тумскаго.* 404
- Медицина: „Земско-медицинскій сборникъ“. *Д. Н. Жбанкова.*—„Traité de l'hygiène publique d'après les applications dans differents pays d'Europe“, *par Albert Palmberg.*—„Климатическое леченіе вообще и наши климато-лечебныя мѣста“. *Проф. Ир. Скворцова.* 407
- Учебники и пособия: „Полный конспектъ по исторіи русской литературы съ самаго начала до нашихъ дней“. *Н. Симицына.*—„Къ вопросу о „одинообразіи“ въ орфографіи по поводу академическаго руководства „Русское правописаніе“. *Вл. Шереметевскаго.*—„Русская просодія“. *Г. Шарловскаго.*—„Примѣры и задачи по начальной алгебрѣ“. *Е. Н. Тихомирова.* 411

II. Периодическія изданія.

- „Вѣстникъ Европы“, августъ.—„Вѣстникъ Воспитанія“, кн. I—V. 414

пускъ 25 милл. р. кредитныхъ билетовъ.—Экзамены въ высшихъ специальныхъ училищахъ.—Электро-технической институтъ.—Наша система технического образования.—Нижегородская ярмарка.—Уссурийская желѣзная дорога. 135

XIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г. 162

XV. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Современныя задачи биологик.—М. А. Мензбира 170

XVI. ФРАНЦУЗСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ МОСКВѢ 192

XVII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Исторія литературы и биографіи. — Антропология и этнографія. — Политическая экономія и статистика. — Юридическія книги.—Техническія книги.—Медицина.—Учебники и пособія. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», августъ. — «Вѣстникъ Воспитанія», кн. I—V. 381

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Условія подписки на 1892 годъ

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во вѣхъ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ или подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Леонтьевскій пер., 21.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

29 Jan '64 WR

REC'D LD

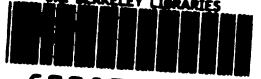
JAN 20 '64 - 1 PM

LIBRARY USE MAR 20 '86

LD 21A-40m-4, '63
(D6471s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C008907810

928923

